

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ

**РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И МЕРАХ
ПО ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЮ В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

*Сборник научных статей по материалам
международной научно-практической конференции
«62-е криминалистические чтения»
(Москва, 21 мая 2021 г.)*

Москва • 2021

Об издании – 1, 2, 3

УДК 343.98
ББК 67
Р17

*Одобрено редакционно-издательским советом
Академии управления МВД России*

Рецензенты: *А. И. Бахметьев*, кандидат юридических наук, начальник отдела МВД России по Молжаниновскому району г. Москвы; *С. В. Артемов*, начальник отдела МВД России по району Хамовники г. Москвы.

Р17

Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции «62-е криминалистические чтения» (Москва, 21 мая 2021 г.) / под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю. В. Шпагиной. – Электронные текстовые данные (14,7 Мб). – Москва : Академия управления МВД России, 2021. – 1 электр. опт. диск (DVD-R): 12 см. – Систем. требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц; ОЗУ 512 Мб; операц. система семейства Windows; Adobe Reader v. 4.0. и выше; дисковод; мышь. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978–5–907530–00–3

Сборник научных статей сформирован на основе материалов международной научно-практической конференции, проведенной на базе Академии управления МВД России 21 мая 2021 г. кафедрами управления органами расследования преступлений и уголовной политики.

В сборнике представлены результаты научных исследований по криминалистическим, уголовно-процессуальным, уголовно-правовым и криминологическим проблемам деятельности различных государственных органов.

Сборник представляет интерес для профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, научных и практических работников, адъюнктов, слушателей, студентов.

Системные требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц; ОЗУ 512 Мб; операц. система семейства Windows; Adobe Reader v. 4.0 и выше; дисковод; мышь.

Текстовое электронное издание.

ISBN 978–5–907530–00–3

© Академия управления МВД России, 2021

Электронное издание создано при использовании программного обеспечения: Adobe InDesign, Adobe Acrobat Reader.

Объем издания 14,7 Мб.

Дата подписания к использованию: 13.12.2021

Тираж: 8 эл. опт. дисков.

Редактор *Я. В. Артемьева*
Верстка *А. А. Мельниковой*

**Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Академия управления МВД России»
125993, Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, д. 8
Тел. 8 (499) 745-81-43**

E-mail: mvd.akademy@yandex.ru; press_akadem@mvd.gov.ru; <https://a.mvd.ru>

ISBN 978-5-907530-00-3

Содержание

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	10
Беляева Л. И. Дети в информационном пространстве: триумф и трагедия современной правоохранительной политики	10
Гаврилин Ю. В. Развитие криминалистического учения о противодействии расследованию и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации	16
Майлис Н. П. О противодействии расследованию по уголовным и гражданским делам	26
Победкин А. В. Процессуальные гарантии объективности уголовного судопроизводства в условиях рисков цифровизации	31
Россинская Е. Р. Предмет и содержание учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях компьютерных преступлений	41
Севастьянов П. В. Совершенствование технологий технико-криминалистического обеспечения преодоления противодействий расследованию преступлений. Опыт ЭКЦ МВД России	50
Тишутина И. В. Частная криминалистическая теория преодоления противодействия расследованию: современное состояние и перспективы развития	60
Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц и развитие учения о противодействии расследованию преступлений	70
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ	78
Акчурин А. В. О криминалистической концепции расследования пенитенциарных преступлений	78
Балиткин А. В. Некоторые аспекты противодействия незаконному сбыту наркотиков, совершаемому с использованием компьютерных технологий	85
Белых-Силаев Д. В. Совершенствование психофизиологического метода детекции лжи в условиях цифровизации правоохранительной деятельности	89
Бессонов А. А. Перспективы использования искусственного интеллекта в раскрытии серийных преступлений	97

Бульбачева А. А. К вопросу о раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершенных бесконтактным способом при помощи сети Интернет	106
Величко П. С., Конюшев В. В., Лёвин А. И., Сухов А. В. Применение технологий анализа больших данных и информационного подхода в целях выявления признаков серийности преступлений	110
Виноградов А. А. Использование при расследовании угона автомобиля компьютерной программы, способствующей раскрытию данного вида преступления	121
Владимиров В. Ю., Ермолова Е. И., Данилов И. А. Внутрикадровый монтаж фото- и видеоизображений с применением искусственного интеллекта как способ фальсификации доказательств.....	127
Гармаев Ю. П. Преодоление противодействия расследованию со стороны адвокатов: уточнение парадигмы и принципы.	137
Грибков С. С. Информационное общество: влияние на оперативно-служебную деятельность цифровых технологий и перспективы их развития	145
Иванов П. И. К вопросу о противодействии расследованию преступлений в сфере экономики (оперативно-розыскные средства его преодоления)	152
Изюмов Р. Н., Диянова А. А. Особенности фиксации и исследования документов в делах, связанных с подлогом документов в электронном формате на сайтах по поиску и предоставлению услуг в сети Интернет	158
Корма В. Д. К вопросу об «электронной» криминалистике	165
Кубасов И. А. Информационные технологии в следственной и судебно-экспертной деятельности	171
Курилов С. И., Осипов И. В. Об актуальности организации внутреннего и внешнего взаимодействия органов предварительного следствия, дознания и экспертно-криминалистических подразделений в процессе расследования преступлений с использованием криптовалют	178
Кустов А. М. Цифровизация криминалистики.....	187

Лекарь Л. А., Иванов А. И. Новые технологические возможности нейросетевого искусственного интеллекта при решении задач быстрого поиска по большим базам биометрических данных.	199
Ложис З. З. Знания о способах противодействия расследованию и мерах по их нейтрализации – обязательный элемент частной методики расследования преступлений террористического характера	208
Мелешев Р. С., Радионов В. П. Экспертное обеспечение расследования преступлений, связанных с деятельностью организаций финансового рынка, имеющих признаки финансовых пирамид	214
Мещеряков В. А., Цурлуй О. Ю. Электронно-цифровое отображение как методическая основа цифровой криминалистики.	232
Мироненко С. Ю. Противодействие раскрытию и расследованию преступлений как элемент преступной деятельности	239
Мосина С. В., Дерюгин Р. А. Приемы преодоления противодействия расследованию в форме отказа от предоставления материалов, содержащих признаки преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних в сети Интернет	247
Назырова Н. А. Некоторые вопросы преодоления противодействия расследованию незаконного образования юридического лица	254
Полянская Е. П. Отдельные аспекты использования специальных познаний при расследовании преступлений, совершенных посредством использования компьютерных технологий.	259
Сибилькова А. В. Применение трансактного анализа в целях преодоления противодействия расследованию преступлений.	263
Старцева Е. А. О некоторых тактических особенностях проведения следственного осмотра на первоначальном этапе расследования мошенничества в сфере компьютерной информации	270

Стукалин И. В. К вопросу об использовании искусственного интеллекта при производстве некоторых видов криминалистических экспертиз	278
Тангриева В. Н. Преодоление противодействия расследованию преступлений дознавателем в условиях цифровизации общества. ...	282
Тарабрин Д. О., Лавров В. П. Осмотр места происшествия как способ преодоления противодействия расследованию экологических преступлений в современных условиях цифровизации общества	290
Тебиев Р. Р. Преодоление противодействия расследованию жестокости обращения с животными в условиях цифровой трансформации.	299
Хох А. Н. Применение информационных технологий при решении задач судебной ботанической экспертизы.	305
Шмонин А. В. О некоторых направлениях развития учения о преодолении противодействия расследованию преступлений в условиях цифровой трансформации	312
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СЕКЦИЯ	322
Анучина О. В. Типичные нарушения, допущенные следователями по направленным в суд уголовным делам, возбужденным по заявлениям Банка России и Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов»	322
Афанасьев А. Ю. Методология уголовно-процессуальной деятельности	331
Гаврилов Б. Я. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела как уголовно-процессуальная гарантия преодоления противодействия	335
Глушков М. Р. Судебный контроль за ограничением права на тайну связи: верно ли истолковано решение Конституционного Суда Российской Федерации?	346
Григорьев В. Н. Разные основания для решения вопроса о судьбе стадии возбуждения уголовного дела	354
Доника Д. А. Злоупотребление субъективным правом стороной обвинения в уголовном судопроизводстве.	358
Казнина И. А. Влияние информационных технологий на обеспечение прав участников современного уголовного процесса	364

Кирсанова А. Г. Производство дознания в сокращенной форме: современное состояние, перспективы развития	369
Клещина Е. Н., Крылова Д. С. К вопросу о целесообразности стадии возбуждения уголовного дела	374
Красильников А. В. К вопросу о процессуальных полномочиях начальников территориальных органов МВД России	382
Лугинец Э. Ф. Влияние процесса цифровизации на уголовное судопроизводство России	386
Мальшева О. А. Совершенствование начального этапа досудебного производства в условиях цифровой трансформации ...	392
Манова Н. С. Процессуальный порядок прекращения уголовного дела: проблемы законодательной регламентации и правоприменения	401
Мухин С. В. Запрет определенных действий: история новой меры пресечения	407
Османова Н. В. Начало уголовного преследования и его соответствие потребностям правоприменительной практики ...	411
Ручина А. А. Симуляция психического расстройства как способ противодействия расследованию преступлений	418
Садикова У. В. Об обжаловании следователем указаний, действий (бездействия) и решений руководителя следственного органа	425
Самойлов П. А. Компьютерная метафора: несколько слов о проблемах законодательства, регулирующего уголовно-процессуальную деятельность, и перспективах его совершенствования	431
Скачек Р. В. Новое следственное действие с использованием программного обеспечения	440
Спешилова Т. С. Об отдельных направлениях внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство	448
Трубицына О. Н. К вопросу об уголовном преследовании как многоаспектном компоненте уголовного судопроизводства	456
Тютерева Ю. С. О соответствии дистанционного порядка производства по уголовному делу потребностям современной правоприменительной практики в условиях цифровой трансформации	462

Угольников Н. В., Григорьева Н. В., Саморока В. А. Некоторые проблемы реализации мер государственной защиты участников уголовного судопроизводства.	467
Хаялиев И. Г. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа при организации совместной следственно-оперативной служебной деятельности при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел ...	477
Царева Ю. В. Способы реализации полномочий защитника в процессе доказывания по уголовным делам	482
Шпагина Ю. В. Возможно ли оптимизировать уголовно-процессуальную форму, используя информационно-цифровые технологии?	491
Яценко И. И. Феномен электронного документа в уголовно-процессуальном законодательстве России в условиях цифровой трансформации	497

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

Алейников Д. П., Руденко М. Б. Криминальная среда и современные технологии анонимизации в сети Интернет	506
Бугаевская Н. В. Использование цифровых технологий в противодействии коррупции.	509
Грошиков К. К., Шувалова А. А. Цифровая валюта как предмет легализации (отмывания) преступных доходов	515
Калинкина А. Б., Меграбян Э. А. Сеть Интернет как способ совершения развратных действий	521
Мартыненко Н. Э. Влияние COVID-19 на изменение уголовного закона	528
Махмудов А. Некоторые аспекты правового регулирования и квалификации киберпреступности.	534
Нуждин А. А. Информационно-техническое обеспечение предупреждения пенитенциарных преступлений, совершаемых с помощью средств мобильной связи.	548
Панфилов П. О. Уголовно-правовая охрана оборота криптовалюты как осознанная необходимость в условиях цифровизации экономических отношений	552
Фильченко А. П., Жандров В. Ю. Влияние развития информационно-коммуникационных технологий на изменение структуры криминальных угроз	562

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Дети в информационном пространстве: триумф и трагедия современной правоохранительной политики

А. И. БЕЛЯЕВА,

*профессор кафедры уголовной политики,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
Академия управления МВД России*

ORCID 0000–0002–8245–2435

Глобальное информационное пространство, в котором сегодня живет мир, открывает перед ребенком безграничные возможности для познания мира, формирования собственной личности, поиска и получения информации, установления контактов. Здесь возникает возможность реализовать способности, осуществлять интерактивный социальный обмен, расширять коммуникативное поле. Виртуальная среда несет в себе огромный образовательный и развивающий потенциал. Дети получают возможность разнообразить свой индивидуальный и коллективный круг общения: развлечения, онлайн-игры, просмотр интернет-ТВ, интернет-радио в информационном пространстве. Очевидно, что в настоящее время интернет – пространство является важным, пожалуй, даже основным звеном социализации современных детей. При этом оно изменяет жизнь детей и в оффлайне, и в онлайн.

Современные дети без труда постигают азы компьютерной грамотности, о новых технологиях узнают практически одновременно с их появлением. Информационное пространство таинственно, притягательно и заманчиво, привычно и необходимо для современных детей как среда общения. Оно позволяет использовать различные формы общения и связи, а также интерактивно взаимодействовать между собой, быть детям активными одновременно. Вместе с тем оно просто, доступно, терпеливо и уступчиво. Пространство всякий раз позволяет мгновенно узнавать много нового, ранее неизвестного и неслыханного. Оно не порицает за ошибки и неумение и дает возможность начать все сначала. Погружение в виртуальный мир открывает безграничные возможности как для удовле-

ния любопытства, так и для повышения образовательного уровня. Киберпространство позволяет разнообразить досуговое время: просмотр интернет-ТВ, онлайн-игры, ведение виртуальных дневников и пр. При этом стоит учесть, что абсолютное большинство детей «гуляет» в сети без всякого контроля со стороны взрослых.

Неотъемлемым компонентом развития информационного пространства стало появление у несовершеннолетних комплекса совершенно новых прав и интересов:

- право на информацию (создавать, искать, получать, передавать, распространять);
- право на защиту информации, имеющейся у несовершеннолетнего;
- право на защиту от воздействия негативной информации.

Однако было бы большим заблуждением признание права ребенка на абсолютно безграничный доступ к информации. Абсолютизация такого права открывает возможность доступа к информации, представляющей опасность причинения вреда здоровью и развитию ребенка соответствующего возраста. Необходимо принимать во внимание и то, что незрелость детей не позволяет им критически оценивать полученную информацию и воздействие на них других людей.

Это указывает на то, что право ребенка на доступ к информации не может быть абсолютным и нуждается в определенных ограничениях. Принимая во внимание эти положения, Российская Федерация отразила их в ряде нормативных правовых актов. К их числу относятся федеральные законы: «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»¹, «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»²; «Об информации, информационных технологиях и защите информации»³, «Об образовании в Российской Федерации»⁴; Закон РФ «О сред-

¹ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об информации, информационных технологиях и защите информации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ствах массовой информации»¹; указы Президента РФ: «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации»², «Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы»³; документы Правительства РФ: распоряжения Правительства Российской Федерации «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года»⁴, «Концепция информационной безопасности детей»⁵, приказ Минцифры России «О плане мероприятий, направленных на обеспечение информационной безопасности детей, на 2021–2027 годы»⁶ и др.

Основная идея названных документов заключается в том, что современные информационные ресурсы следует активно использовать в воспитании и развитии детей, которые при этом должны быть защищены от информации, причиняющей вред их здоровью, физическому и психическому развитию.

Несмотря на принимаемые меры, информационное пространство не только остается бесконтрольно доступным для детей, но в ряде случаев дети становятся объектом навязчивого интереса со стороны «новых друзей и знакомых», прививающих детям различного рода асоциальные установки. Очевидно, что глобальная сеть помимо прогрессивного и инновационного начала содержит в себе риски негативного воздействия на детей.

Разнородное интернет-пространство включает в себе ряд негативных свойств, способствующих разрушению как психического, так и физического здоровья детей, которые все больше информации получают из интернет-ресурсов. В них дети могут подвергаться социально разрушающим провокациям, ведущим к дестабилизации личности (алкоголизация, наркотизация, группы смерти, компью-

¹ О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р // Рос. газ. 2015. 8 июня.

⁵ Концепция информационной безопасности детей: распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р // Рос. газ. 2015. 15 декабря.

⁶ О плане мероприятий, направленных на обеспечение информационной безопасности детей, на 2021–2027 годы [Электронный ресурс]: приказ Минцифры России от 1 декабря 2020 г. № 644. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

терные игры и пр.) Обращает на себя внимание такое обстоятельство, как снижение интереса к семейному общению и семейным отношениям, сокращение объема контактов с членами семьи, уход от реальности в виртуальную жизнь.

Известно несколько видов информации, способной причинять вред здоровью и нормальному развитию детей. Это информация:

- стимулирующая поведение детей, представляющее угрозу их здоровью и жизни;

- вызывающая желание у детей употребить, попробовать наркотики, алкоголь, поучаствовать в азартных играх, проституции, попрошайничестве и бродяжничестве;

- пробуждающая интерес к порноматериалам;

- пропагандирующая насилие и жестокое отношение к живому миру (людям, в том числе к сверстникам, животным и пернатым);

- формирующая неуважение к родителям, родственникам и девальвирующая ценности семейных отношений;

- оправдывающая противоправное поведение;

- основанная на нецензурной брани, позиционирующей как речевая ценность.

С развитием Интернета возрастает число тех, кто пользуется его возможностями в неблагоприятных целях. При этом некоторые преступники используют в своих противоправных целях детей: выманивают информацию, позволяющую получить доступ к средствам и ценностям родителей, вовлекают в порнографию и незаконный оборот наркотиков, суицид, экстремизм и пр.

Большую опасность представляет собой посягательство на личность детей, проявляющееся в различных видах. Это груминг, киберпреследования, киберунижения, троллинг, мошенничество, а также незаконные контакты с иными целями и др.

Определенный круг людей проявляет интерес к детям в интернет – пространстве с целью вовлечения в противоправное поведение разного рода: участие в экстремистских актах, деструктивных группах различного толка, употребление и распространение наркотиков, совершение других преступлений. Кроме того, имеется опасность использования персональных данных, связанных как с самим ребенком, так и с членами его семьи.

В ряде случаев информация, которую дети получают из ресурсов глобальной сети, формирует интерес в довольно раннем возрасте к асоциальному поведению и образу жизни.

Вполне реальной является угроза утраты собственной национальной идентичности, что связано с отрицанием национальной

истории и культуры, искажением исторических фактов и событий, что имеет место в глобальной сети.

Виртуальные сети, вследствие неустойчивости детской психики, развивают интернет-зависимость, являющуюся серьезным психологическим расстройством, которое плохо поддается лечению и имеет неблагоприятные перспективы.

Как отмечают исследователи, из 100 часов телевизионных программ в среднем 1 час телетрансляции содержит 4 сцены насилия и эротики. 57 % от всех продемонстрированных актов насилия и агрессии составляют те, которые представлены в художественных фильмах. При этом отмечается натуралистичность показа насилия: детальность и способы осуществления насилия, мучения жертвы, кровавость сцен и пр. Психологи отмечают опасность этого для ребенка, поскольку он отличается особой впечатлительностью и легкой внушаемостью. Кроме того, постоянная демонстрация сцен насилия притупляет эмоциональные чувства детей и вызывает привыкание к жестокости и восприятию агрессивного поведения как стиля общения. А романтизация криминального образа жизни способствует формированию соответствующих личностных установок, правил и образцов поведения.

С развитием информационных технологий видоизменяются и эволюционируют опасности, проистекающие из глобального пространства. Как установлено Г. Солдатовой, в настоящее время это выражается в:

- перерастании кибербуллинга в рекрутинг – в опасные экстремистские сообщества;
- перемещении негативного контента с открытых социальных сетей в закрытые. При этом дети становятся участниками и создателями негативного контента, распространителями фейковых сведений;
- смене платных подписок опасными шопингом и фишингом;
- возникновении у детей младших возрастов чрезмерных увлеченностей негативной информацией разного рода;
- столкновении с вредоносными программами и др. [1, с. 28].

Все это свидетельствует о том, что помимо несомненного позитивного и креативного влияния глобального информационного пространства на развитие и воспитание детей это пространство в то же время чрезвычайно опасно для них. И это приводит к выводу о том, что необходима разработка системы мер, позволяющих обеспечить более устойчивую и надежную защиту детей от негативного влияния виртуальной среды, что предполагает не только совершенствование законодательства, но и укрепление иных социальных норм.

Список литературы:

1. *Солдатова Г.* Цифровое детство: особенности социализации и безопасность. URL: [/https://docviewer.yandex.ru/view/0/page=39&*=Y0pLiC/MCLugA](https://docviewer.yandex.ru/view/0/page=39&*=Y0pLiC/MCLugA) (дата обращения: 15.08.2021).

Развитие криминалистического учения о противодействии расследованию и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации

Ю. В. ГАВРИЛИН,

*начальник кафедры управления органами
расследования преступлений,
доктор юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
E-mail: yuriy902@gmail.com*

Аннотация: статья содержит систему аргументов, обуславливающих сформированность криминалистического учения о противодействии расследованию и мерах по его преодолению. Показано развитие данного учения в условиях цифровой трансформации: появление новых способов противодействия расследованию и новых средств криминалистической техники для его преодоления. Представлена авторская классификация средств преодоления противодействия расследованию.

Ключевые слова: *противодействие расследованию; цифровая трансформация; средства криминалистической техники.*

Основоположниками современного учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению являются В. Н. Карагодин [5] и С. Ю. Журавлев [4]. Оба автора определяют противодействие расследованию как умышленные действия (система действий), направленные на воспрепятствование выполнению задач расследования и установлению объективной истины по уголовному делу. В разные годы проблемам противодействия расследованию преступлений посвятили свои труды Р. С. Белкин, А. Ф. Волынский, В. П. Лавров, а также их многочисленные последователи. В практически неизменном виде данное определение существует и в современных работах различных авторов [1; 7].

Сегодня имеются все основания констатировать, что вопросы преодоления противодействия расследованию в настоящее время сложились в высоко проработанную частную криминалистическую теорию, носящую сквозной характер и затрагивающую все без исключения разделы науки криминалистики, включающую в себя

строго определенную совокупность взаимосвязанных явлений, имеющую свой предмет, объект и методологию. На данное обстоятельство обращают внимание в частности Г. В. Бурганова и Р. Р. Рахматуллин [2; 8].

Предметом учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению (далее – УПРПМП) являются закономерности противоправной деятельности, направленной на воспрепятствование выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, а также закономерности деятельности правоохранительных органов по выявлению и преодолению этой деятельности.

Объектами УПРПМП являются:

- умышленные противоправные поведенческие акты (действия, бездействие) заинтересованных лиц, осуществляемые с целью воспрепятствования достижению задач уголовного судопроизводства;

- информация о преступлении и ее носители (включая свидетелей и потерпевших, а также иных участников расследования – следователь, эксперт, прокурор и др.), на искажение, фальсификацию и уничтожение которой направлено противоправное воздействие субъектов противодействия расследованию;

- процесс раскрытия и расследования преступлений как регламентированная деятельность уполномоченных лиц, направленная на достижение задач уголовного судопроизводства.

Методология УПРПМП как система познавательных приемов, используемых как для построения учения, так и для применения его положений в практике познания его предметной области, включает в себя все методы, известные общей теории криминалистики, основываясь при этом на диалектическом методе, как всеобщем универсальном методе познания, и общенаучных методах.

Сегодня на наших глазах происходит цифровая трансформация преступности, проявляющаяся в принципиальных изменениях как в механизме совершения традиционных преступлений, возникших в доцифровую эпоху, так и в возникновении новых видов преступлений, непосредственно связанных с развитием информационно-телекоммуникационных технологий и использованием технических средств сбора, обработки, хранения компьютерной информации и ее передачи по линиям связи [3; 6]. Сказанное в полной мере относится и к появлению новых способов противодействия расследованию, а именно:

- использование средств анонимизации личности; программ – ремейлеров, обеспечивающих переадресацию отправок электронной почты и подмену информации об электронном адресе

отправителя электронным адресом ремейлера или иным подменным адресом;

- анонимайзеров, обеспечивающих подмену используемого абонентом сети Интернет уникального IP-адреса, предоставленного ему провайдером при подключении к сети;

- VPN-сервисов (от англ. *virtual private network* – виртуальная частная сеть), обеспечивающих создание защищенного информационного канала (туннеля) между устройством, с которого осуществляется вход в сеть Интернет, и сервером, обеспечивающим работу VPN-сервиса, расположенным, как правило, за рубежом, осуществляя переадресацию сообщений и шифрование данных, отправляемых с их использованием;

- TOR-браузеров – программ, обеспечивающих возможность выхода в анонимную сеть TOR (от англ. *the onion router* – луковичная маршрутизация), в которой каждый сетевой запрос разбивается на множество небольших фрагментов и осуществляется их пересылка от отправителя к получателю через разные маршрутизаторы;

- IP-телефонии с функцией подмены абонентских номеров;

- использование криптовалют, оборот которых неподконтролен для уполномоченных государственных органов, в криминальных взаиморасчетах. Криптовалюта представляет собой имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств, и учитываемое в распределенном реестре цифровых транзакций в соответствии с установленными правилами его ведения. Экономические преимущества ее оборота неочевидны, зато криминальные достоинства налицо: возможность анонимизации платежей в криптовалюте позволила ей стать основным средством финансовых расчетов в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, а также иных объектов, изъятых из гражданского оборота;

- информационные вбросы негативного содержания, дискредитирующие сотрудников и руководителей органов предварительного следствия и дознания в социальных сетях или популярных каналах интернет-мессенджеров (Telegram, WhatsApp и др.);

- организация «правозащитной кампании» в СМИ и интернет-ресурсах, усиление протестной активности, организация пикетирования зданий судов и правоохранительных органов;

- использование интеллектуальных технологий синтеза речи и видеоизображений с целью создания аудио – и видеозаписи для манипуляции людьми, распространения фальшивых новостей и видеосюжетов.

Обозначенные процессы требуют самого пристального внимания и глубокого научного анализа.

Все средства преодоления противодействия расследованию можно подразделить на уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, организационные, административно-правовые, оперативно-розыскные и криминалистические. Рассмотрим названные группы способов более подробно.

Уголовно-правовые средства преодоления противодействия расследованию включают в себя нормы, устанавливающие уголовную ответственность за воспрепятствование осуществлению предварительного расследования (ст. 294 УК РФ), посягательство на жизнь лица, осуществляющего предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), угрозу или насильственные действия в связи с производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ), клевету в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание (ст. 298.1 УК РФ), привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела (ст. 299 УК РФ), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ), незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст. 301 УК РФ), принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ), фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 303 УК РФ), заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ), заведомо ложное показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307 УК РФ), отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 308 УК РФ), подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ст. 309 УК РФ), разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ), незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст. 312 УК РФ), побег из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ), укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ).

Уголовно-процессуальные средства преодоления противодействия расследованию включают в себя обширный инструментарий, обеспечивающий:

1. Задержание подозреваемого (ст. 91 УПК РФ).
2. Меры пресечения, направленные на недопущение возможности обвиняемому, подозреваемому скрыться, продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать участникам уголовного судопроизводства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Согласно ст. 98 УПК РФ, мерами

пресечения являются: подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу.

3. Иные меры процессуального принуждения, применяемые в целях обеспечения соблюдения подозреваемым или обвиняемым установленного порядка уголовного судопроизводства, а именно: обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество. Кроме того, с указанной целью к потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому могут быть применены обязательство о явке, привод, денежное взыскание (ст. 111 УПК РФ).

4. Меры, направленные на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: использование псевдонима и образца подписи защищаемого лица при составлении процессуальных документов в процессе проведения следственных действий (ч. 3 ст. 11, п. 9 ст. 166 УПК РФ); предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 3 ст. 11, ч. 8 ст. 193 УПК РФ); производство контроля и запись переговоров по заявлению свидетеля, потерпевшего (ч. 3 ст. 11, ч. 2 ст. 186 УПК РФ).

5. Меры безопасности, применяемые в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; переселение на другое место жительства; замена документов; изменение внешности; изменение места работы (службы) или учебы; временное помещение в безопасное место; применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое (ст. 6 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»). В дополнение к сказанному в отношении судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов предусматривается в качестве меры обеспечения безопасности выдача оружия (ст. 5 Федерального закона от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»);

6. Меры, направленные на устранение имеющихся в материалах дела противоречий: допрос эксперта (ст. 205 УПК РФ); заключение специалиста (ст. 80 УПК РФ); назначение повторной экспертизы (ст. 207 УПК РФ); очная ставка (ст. 80 УПК РФ);

7. Меры, направленные на стимулирование добровольного содействия со стороны подозреваемого, обвиняемого: заключение досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317.1 УПК РФ), право на рассмотрение уголовного дела в особом порядке (гл. 40 УПК РФ).

Организационные средства преодоления противодействия расследованию включают в себя:

1. Распределение функциональных обязанностей сотрудников органов расследования по линейному, зональному или линейно-зональному принципам.

2. Специализация отдельных сотрудников, образование в структуре органов предварительного следствия или подразделений дознания самостоятельных подразделений (направлений, групп, отделений, отделов), специализирующихся на расследовании отдельных видов (категорий) преступлений.

3. Создание временных или постоянных организационных образований:

– состоящих исключительно из следователей (дознавателей) для расследования уголовного дела в случае его сложности или большого объема (ст. 163, 223.2 УПК РФ) в виде следственных групп (групп дознавателей):

а) в составе сотрудников одного ведомства;

б) сотрудников различных ведомств (бригад);

– в составе следователей (дознавателей) и сотрудников иных подразделений ОВД в виде специализированных следственно-оперативных групп для расследования отдельных уголовных дел или расследования уголовных дел определенной категории.

Административно-правовые средства преодоления противодействия расследованию включают в себя: нормы, устанавливающие административную ответственность за невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя (ст. 17.7 КоАП РФ), а также комплекс прав, предоставленных в соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», включая право требовать прекращения противоправных действий, проверять документы, вызывать граждан, запрашивать и получать информацию, беспрепятственно посещать государственные и муниципальные органы, требовать от граждан (групп граждан) покинуть место совершения преступления, доставлять граждан, т. е. осуществ-

влять их принудительное препровождение в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, производить регистрацию, фотографирование, аудио-, кино- и видеосъемку, дактилоскопирование лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, заключенных под стражу, обвиняемых в совершении преступления, останавливать транспортные средства, получать, учитывать, хранить, классифицировать, использовать, выдавать и уничтожать в соответствии с законодательством Российской Федерации дактилоскопическую информацию и геномную информацию, использовать в деятельности информационные системы, видео- и аудиотехнику, кино- и фотоаппаратуру, а также другие технические и специальные средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью граждан, а также окружающей среде; вести видеобанки и видеотеки лиц, проходивших (проходящих) по делам и материалам проверок полиции; формировать, вести и использовать банки данных оперативно-справочной, криминалистической, экспертно-криминалистической, розыскной и иной информации о лицах, предметах и фактах; использовать банки данных других государственных органов и организаций, в том числе персональные данные граждан, если федеральным законом не установлено иное; использовать на безвозмездной основе возможности средств массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети Интернет для размещения информации в целях установления обстоятельств совершения преступлений, лиц, их совершивших, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, предварительного следствия или суда, и др.

Оперативно-розыскные средства преодоления противодействия расследованию включают:

- производство оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и преодолению противодействия расследованию;
- документирование противоправной деятельности в рамках дел оперативного учета;
- использование конфиденциального негласного сотрудничества граждан;
- выполнение поручений следователя, должностного лица, производящего дознание, по уголовным делам, находящимся в производстве.

Криминалистические методы и средства преодоления противодействия расследованию подразделяются на технико-криминалистические и тактико-криминалистические.

Первые включают в себя средства обнаружения, фиксации и изъятия вещественных доказательств, средства исследования сле-

дов преступления, исследования вещественных доказательств, средства криминалистической регистрации.

Технико-криминалистические средства обнаружения следов преступления включают средства освещения, средства увеличения, средства изменения, средства обнаружения невидимых и слабо-видимых следов, а также поисковую технику. Средства фиксации доказательственной информации включают в себя средства фотовидеофиксации, средства изготовления объемных копий следов.

Следует отметить, что цифровые технологии способны кардинально усовершенствовать арсенал средств криминалистической техники. Так, перспективным видится применение средств 3D-моделирования, которые предназначены для проведения осмотра и фиксации обстановки места происшествия, сбора необходимых материалов и информации для дальнейшего исследования. Они позволяют производить осмотр места происшествия в кратчайшие сроки с получением изображений и видеоряда обстановки места происшествия с различных ракурсов и высокой детализацией объектов. На основе отснятого материала и при помощи специализированного программного обеспечения выстраивается точная 3D-модель объекта осмотра с последующим применением для метрологически корректных измерений, проверок, составления проекций и моделирования различных ситуаций. В комплект входит квадрокоптер, фотокамера, специализированное программное обеспечение для проведения измерений и обработки получаемых изображений, а также рабочая станция для построения 3D-моделей.

Наряду с традиционными технико-криминалистическими средствами исследования следов, документов, иных материальных объектов, в настоящее время активно применяются криминалистические технологии идентификации по ДНК, запаху, голосу, биометрическим данным (фото- и видеоизображения), а также цифровым следам.

Тактико-криминалистические средства преодоления противодействия расследованию в своей основе содержат разработанный криминалистикой комплекс тактических приемов производства отдельных следственных действий: различных видов осмотра, допросов, обыска, предъявления для опознания, следственного эксперимента, проверки показаний на месте, контроля и записи переговоров, получения информации о соединениях абонентов и абонентских устройств, назначения экспертизы и др.

Перспективными направлениями совершенствования тактико-криминалистического обеспечения преодоления противодействия расследованию являются:

– развитие технологий поддержки принятия решений на основе использования открытых данных государственных и муниципальных информационных систем при выдвижении и проверке следственных версий;

– получение криминалистически значимой информации (ориентирующей и доказательственной) из информационных ресурсов сети Интернет: социальных сетей, чатов, блогов, новостных агрегаторов, сервисов объявлений, иных негосударственных информационных систем;

– визуализация результатов обработки криминалистически значимой информации на основе построения графов связей;

– совершенствование технологий выявления цифровых следов преступления в результате анализа информации, создаваемой в процессе работы технических устройств, созданных для удовлетворения потребностей человека и обеспечения его безопасности (интернет вещей);

– развитие технологий криминалистического прогнозирования совершения конкретного противоправного деяния на основе закономерностей механизма предкриминального поведения в цифровом пространстве.

С учетом столь широкого спектра мер по продлению противодействия расследованию невольно возникает предположение о том, что данное учение, изначально зародившись в рамках предмета криминалистики, фактически оформилось в виде междисциплинарной научной теории, объединяющей знания из предметной области уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, криминологии, ОРД, административной юрисдикции и ряда других смежных областей научного знания. Однако данный подход представляется контрпродуктивным и не может быть поддержан по следующим основаниям:

1. Криминалистика как наука синтетической природы изначально использовала положения смежных наук, имеющих общую предметную область – противоправную деятельность. УПРПМП не является исключением, что объясняет широкое применение уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, оперативно-розыскных, административно-правовых и иных средств для решения задачи эффективного преодоления противодействия расследованию.

2. Центробежные течения и научный сепаратизм в криминалистике фактически отделили научные области, изначально относившиеся к предмету криминалистики: судебная медицина, оперативно-розыскная деятельность, судебная экспертиология. Вопрос о том,

насколько удачной оказалась подобная дифференциация научных знаний, остается открытым.

Изложенное позволяет сделать вывод, что цифровая трансформация как криминальной, так и криминалистической деятельности придала мощный импульс развитию частных криминалистических теорий. Не стало исключением и криминалистическое учение о противодействии расследованию и мерах по его преодолению, существенно обогатившее свой инструментарий за счет применения цифровых технологий обнаружения, фиксации и изъятия доказательственной информации.

Список литературы:

1. *Бабаева Э.У.* Некоторые теоретические и практические аспекты учения о преодолении противодействия уголовному преследованию. Москва, 2004.

2. *Бурганова Г. В., Рахматуллин Р.Р.* Преодоление противодействия раскрытию и расследованию преступлений: некоторые концептуальные аспекты // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 1.

3. *Гаврилин Ю.В.* Тенденции цифровой трансформации преступности и факторы, ее обуславливающие // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: сборник статей международной научно-практической конференции (Москва, 23 октября 2020 г.) / под общ. ред. И. Г. Чистобородова, А. Л. Ситковского, В. О. Лапина. Москва: Академия управления МВД России, 2020.

4. *Журавлев С.Ю.* Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1992.

5. *Карагодин В.Н.* Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск, 1992.

6. *Косынкин А.А.* Преодоление противодействия расследованию преступлений в сфере компьютерной информации: монография / под ред. Н. А. Подольного. Москва: Юрлитинформ, 2013.

7. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебное пособие / под общ. ред. Б.Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. Москва: Академия управления МВД России, 2014.

8. *Рахматуллин Р.Р.* Противодействие раскрытию и расследованию преступлений: теория и практика упреждения, выявления и преодоления: монография. Москва: Юрлитинформ, 2018.

О противодействии расследованию по уголовным и гражданским делам

Н. П. МАЙЛИС,

*профессор кафедры оружиеведения и трасологии,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России,
заслуженный деятель науки России
Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя
E-mail: jlmaylis@yandex.ru*

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с противодействием расследованию различными процессуальными субъектами при раскрытии уголовных и гражданских дел. Показаны формы и способы противодействия, в т. ч. умышленные и неумышленные, квалифицированные и неквалифицированные и др. Особое внимание уделено малоизученным проблемам противодействия расследованию по гражданским делам и со стороны эксперта.

Ключевые слова: *формы и способы противодействия; сокрытие преступления; следователь; судья; эксперт; свидетель; стороны и их представители.*

К проблемам противодействия расследованию в разные годы развития теории и практики криминалистики обращались многие ученые, и мнения о понятии этого действия были самые различные и порой весьма дискуссионные. На наш взгляд, краткая и емкая характеристика была предложена Р. С. Белкиным, отмечавшим, что противодействие расследованию – «это противоправная деятельность лиц, заинтересованных в исходе дела» [1, с. 177].

Наряду с проблемами противодействия расследованию в литературе освещались и вопросы преодоления такого противодействия, используемые при этом методы и средства при выполнении различных следственных и розыскных действий. Важная роль отведена, в первую очередь, следственному осмотру, в частности осмотру места происшествия, следственному эксперименту, проверке показаний на месте, допросу и его различным особенностям, правильное проведение которых будет способствовать целям преодоления противодействия расследованию.

В целом же, как свидетельствует анализ специальной литературы, в большей мере учеными рассматривались вопросы противодействия расследованию по уголовным делам. Субъектами такой деятельности являются лица, совершившие преступления, их соучастники, свидетели и др. При этом следует отметить достаточно широкий круг противоправных действий. Они могут быть направлены на сокрытие преступления, уничтожение предметов и следов, связанных с преступлением, инсценировкой преступления, сокрытием трупа и другими. К противодействию относятся и такие, как неявка на допрос, выезд в другой город, за границу или в сельскую местность, или обратная ситуация – из сельской местности переехать в город, где легче затеряться. Противодействие может выражаться и в оказании давления на потерпевшего или свидетеля, в том числе с применением насильственных действий, угроз и т. п. Заинтересованные лица совершают попытки дачи взяток следователю, дознавателю, эксперту, дают ложные показания. Как известно, закон предусматривает уголовную ответственность за дачу ложных показаний (ст. 307 и 308 УК РФ), но несмотря на это, как правило, все эти действия совершаются умышленно.

Но могут быть и неумышленные, непреднамеренные действия, когда те или иные субъекты сочувствуют обвиняемому или подозреваемому, считая их положительными личностями, либо могут оговорить другого человека в содеянном, из лучших побуждений спасая своего друга, родственника или партнера по совместной работе, добросовестно заблуждаясь в том, что их деятельность не была противоправной, тем самым противодействуя расследованию.

Более сложная ситуация складывается в гражданском процессе. Так, например, стороны могут давать ложные показания, не предоставлять какие-то доказательства или предоставлять их не в полном объеме или фальсифицированные, например, образцы почерка, подложные документы и др. Такая же ситуация относится и к их представлениям.

Свидетели также могут давать ложные показания по разным причинам, в частности, если они имеют заинтересованность от одной из сторон или их представителей (дача взятки) или к ним поступают угрозы.

В гражданском процессе, в отличие от уголовного, не выработаны меры по преодолению противодействия расследованию, правовая регламентация за дачу ложных показаний осуществляется в соответствии со статьей 307 и статьей 308 УК РФ.

Все это вызывает ряд сложностей в суде при установлении истины по делу и требует дальнейшего изучения проблем и разработки мер по противодействию расследованию по гражданским делам.

Самостоятельного рассмотрения заслуживает и противодействие расследованию со стороны эксперта (специалиста). К сожалению, это направление недостаточно освещалось в литературе, а проблемы имеют место на практике. Противодействие расследованию со стороны эксперта (специалиста) может выражаться в нескольких формах – умышленные и неумышленные. Умышленные связаны с дачей экспертами заведомо ложных заключений. В большинстве случаев такие заключения даются негосударственными экспертами как по криминалистическим экспертизам, назначаемым по гражданским делам, например, по почерковедческим исследованиям, при проведении повторных экспертиз и по судебно-медицинским экспертизам. Такие факты свидетельствуют о явном противодействии расследованию. К сожалению, по криминалистическим экспертизам специального анализа и предметного обобщения не проводилось, что же касается судебно-медицинских экспертиз, то такой обстоятельный анализ был проведен С.С. Самищенко не только на основе изучения материалов уголовных дел и анализа судебно-медицинских экспертиз, по которым они проводились, но и исходя из практики лично проведенных повторных экспертиз. При этом было выявлено большое количество заведомо ложных судебно-медицинских заключений [2, с. 66–67]. Объясняется такое положение прежде всего тем, что, по сути, заведомо ложные заключения даются частными экспертами по просьбе адвокатов, подозреваемых и обвиняемых с целью сформулировать выводы в редакции, исключаяющей их причастность к совершению преступления или в вероятной форме. Как известно, вероятные выводы являются косвенными доказательствами и имеют значение лишь в совокупности с другими материалами дела.

Известны случаи недобросовестного выполнения своих прямых обязанностей и государственными экспертами, т. е. за определенное денежное вознаграждение, как и частные эксперты, они формулируют выводы, не соответствующие действительности. При этом умышленно используются либо неправильный выбор методики исследования, либо искажаются полученные фактические данные, неправильно производятся расчеты, что и приводит к противодействию расследования.

Анализ изучения экспертной практики показывает, что в силу различных причин могут формулироваться ложные выводы, т. е. заключение является ложным, но оно не всегда является противо-

действием расследованию, а обусловлено различными ошибками, в том числе как следственными, так и экспертными. Общим для обоих случаев может являться низкая квалификация следователя или эксперта, недобросовестность, халатное отношение к объектам – вещественным доказательствам, выражающееся, например, в неправильном хранении, подмене объектов со стороны следователя и др. На примере из экспертной практики покажем, как была предотвращена экспертная ошибка, связанная с недобросовестностью следователя. На экспертизу был представлен след пальца, перекопированный на дактилоскопическую пленку. Эксперт обратил внимание на то, что дактилоскопическая пленка по толщине немного превышает обычную. Это заинтересовало его, и след был осмотрен с помощью микроскопа. По краям следа был небольшой ореол темного цвета. Позже было установлено, что след был сфальсифицирован следователем путем увлажнения и затем опыления экспериментального отпечатка папиллярного узора указательного пальца подозреваемого на дактилоскопической карте и перенесения его на дактилоскопическую пленку. При этом часть типографской краски отслоилась и перенеслась на пленку. На момент назначения экспертизы у следователя была одна версия, что убийство было совершено подозреваемым. В целях быстрого раскрытия одного преступления следователь пошел на другое, совершив подлог (фальсификацию) вещественного доказательства. Не заметив этого, эксперт мог бы сформулировать категорический вывод о том, что след оставлен этим подозреваемым. Это привело бы в последующем и к судебной ошибке. Но в данном случае фальсификация была совершена следователем и не в целях противодействия преступлению, и не в связи с допущенной им ошибкой, а умышленно, чтобы быстро раскрыть преступление. Таким образом, это другая форма, которую можно охарактеризовать как противодействие правильному раскрытию преступления [3].

Нельзя не упомянуть и о такой важной составляющей, как оценка заключения эксперта следователем, т. к. к противодействию раскрытия преступлений может привести неправильная интерпретация выводов.

Противодействие расследованию в настоящее время принимает новые формы, характеризующиеся многими составляющими, в том числе и коррумпированностью властных структур, новыми способами совершения преступлений и их сокрытия, в частности с использованием компьютерных технологий, что, несомненно, ведет к воспрепятствованию расследования преступлений.

Список литературы:

1. *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. Москва: БЕК, 1997.
2. *Самищенко С. С., Самищенко А.С.* Некоторые аспекты проблемы противодействия расследованию со стороны эксперта и специалиста: научно-практическое пособие. Москва: Российская правовая академия, 2013. Вып. 2.
3. Судебная экспертиза: типичные ошибки. Москва: Проспект, 2012.

Процессуальные гарантии объективности уголовного судопроизводства в условиях рисков цифровизации

А. В. ПОБЕДКИН,

начальник кафедры уголовной политики,

доктор юридических наук, профессор

Академия управления МВД России

E-mail: apobedkin71@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о внедрении современных информационно-телекоммуникационных технологий в уголовное судопроизводство. Актуальность вопроса резко обострилась в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Обосновывается позиция, согласно которой внедрение указанных технологий в уголовно-процессуальную форму в целом не позволит повысить эффективность уголовного судопроизводства в период эпидемий и пандемий. При этом объективно необходимая нормативная регламентация использования современных информационных технологий в уголовный процесс чревата ослаблением процессуальных гарантий объективности производства по уголовному делу, и по этой причине должна осуществляться дозированно с учетом наличия в уголовном судопроизводстве и других проблем, прежде всего, нравственного характера.

Ключевые слова: *цифровые технологии; информационные технологии в уголовном судопроизводстве; нравственные начала уголовного процесса; уголовно-процессуальные гарантии; следственные действия.*

«Формализма оказывается слишком много для стороны, действующей недобросовестно, потому что он ее стесняет, и, наоборот, его слишком мало для честного человека, которого он защищает; его сложность, а также порожденная им медленность и издержки представляется ценой, которой каждый покупает свою свободу и обеспечивает свое добро»¹.

Ш. Монтескье

¹ Цит. по: [10, с. 31].

Не стоило бы приводить в качестве эпиграфа широко известное высказывание Ш. Монтескье, если бы оно, во-первых, не обозначало сущность уголовного процесса, состоящую в том, что судопроизводство является не чем иным, как системой гарантий, и, во-вторых, не ставило бы «вечную» проблему уголовного процесса, которая решается с незавидной регулярностью диаметрально противоположными способами – оптимального соотношения двух видов процессуальных гарантий: гарантий правильного установления обстоятельств по уголовному делу и гарантий защиты прав и законных интересов человека.

Собственно, подавляющая доля гарантий прав и законных интересов личности встраивается в гарантии объективности производства, ибо только при полноценной реализации участниками процесса своих возможностей снижается риск субъективизма и игнорирование обязанности исследовать обстоятельства, имеющие значение для уголовного судопроизводства, полно и всесторонне. Парадоксально, но факт: законное противодействие уголовному судопроизводству в рамках реализации предоставленных прав усиливает гарантии достоверности выводов, необходимых для принятия процессуальных решений.

Таким образом, не будет ошибкой обобщение: уголовное судопроизводство практически полностью сводится к обеспечению объективности результата, что и обуславливает существование системы предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством средств, в том числе и принудительных, такую объективность гарантирующих, и в случаях противодействия участников процесса решению задач, стоящих перед ним.

Любые решения проблем уголовно-процессуальной практики, предполагающие изменения уголовно-процессуального законодательства, должны приниматься с учетом аксиомы о значимости процессуальных гарантий, созданных в интересах личности, именно для достижения правильного, объективного результата судопроизводства.

Вопрос о важности и формах нормативной регламентации использования в уголовном судопроизводстве новейших технических средств и технологий не нов. Между тем он резко обострился именно сегодня, по причине как в целом фетишизации цифровых технологий, так и пандемии, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Проблемы уголовного судопроизводства в условиях пандемии не всегда имели оптимальное нормативное решение и, как следствие, вызвали всплеск предложений о насыщении уголовно-процессуального законодательства положениями, расширяющими возможности «цифрового дистанта».

Собственно, Верховный Суд Российской Федерации (далее – Верховный Суд) не стал ждать разрешения законодателя, и решением своего Президиума позволил слушать уголовные дела с дистанционным участием подсудимого, подозреваемого, обвиняемого при условии наличия у них возможности следить за ходом судебного процесса, видеть и слышать его участников, а также быть заслушанным сторонами и судьей беспрепятственно¹. Известно, что действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) допускает использование дистанционных технологий весьма дозировано и только в ходе производства в суде (ч. 5 ст. 35, ч. 6.1 ст. 241, ч. 2 ст. 389.2, ч. 2 ст. 401.13, ч. 2 ст. 399, ч. 2.1 ст. 399, ч. 4 ст. 240, ч. 3 ст. 473.4, ч. 8 ст. 389.13 УПК РФ), учитывая, что личное участие в судебном разбирательстве (полноценное, реальное участие) – одно из основных прав подсудимого. Ссылка Президиума Верховного Суда на позицию Европейского суда по правам человека, допускающего практику дистанционного участия подсудимого в судебном разбирательстве, не снимает основную порочность разъяснения: уголовно-процессуальная форма может быть скорректирована только решением законодателя. Кроме того, очевидно, что реальное положение подсудимого, участвующего в уголовном процессе посредством видеоконференцсвязи, и присутствующего на нем лично – принципиально различно². Судебные решения, принятые с дистанционным участием подсудимого в судебном заседании в случаях, не предусмотренных в УПК РФ, никак нельзя признать юридически безупречными. Трудно представить, во что могла бы превратиться процессуальная форма, если подобного рода допущения в форме разъяснений были бы сделаны руководителями органов и ведомств, осуществляющих досудебное производство, на котором дистанционные технологии пока не допускаются в принципе, в том числе и потому, что процессуальные гарантии объективности на досудебных стадиях уголовного процесса кардинально отличаются от гарантий в стадиях судебных. Фактическое отсутствие гласности, состязательности в досудебном производстве не позволяет механистически переносить в предварительное расследование процедуры, допустимые при производстве в суде.

¹ Обзор судебной практики, связанной с применением законодательства и мер по противодействию распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2, утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 30 апреля 2020 г.

² Для педагогов качественная разница дистанционного образования и образования, полученного классическим порядком, в доказательстве не нуждается.

Равно как технологии, доказавшие свою приемлемость в судопроизводстве иных видов (прежде всего, в арбитражном процессе), не всегда могут быть безболезненно восприняты в уголовном процессе, носящем публичный характер, что налагает на государство абсолютную ответственность за каждое процессуальное решение.

Видимо, по причине особенностей уголовно-процессуальной деятельности подготовленный Минюстом России законопроект «О цифровизации правосудия», который допускает широкое участие в судебных заседаниях участников уголовного судопроизводства в дистанционном режиме, не распространяется на уголовное судопроизводство.

Конечно, отрицать необходимость использования современных информационных технологий в ходе проверки сообщения о преступлении, предварительного следствия, дознания, было бы неприкрытым обскурантизмом.

Важность использования информационных технологий осознается и высшим политическим руководством страны. Президент Российской Федерации В.В. Путин поручил проработать вопрос об использовании в уголовном процессе новых способов собирания доказательств, включая ситуации, когда участники следственных действий не могут явиться к месту их проведения по объективным причинам¹.

Разумное использование современных информационных технологий в уголовном судопроизводстве, включая видеоконференцсвязь, необходимо. Однако такие технологии – средство, которое не способно снять основные проблемы уголовного судопроизводства, в том числе при осуществлении судопроизводства в условиях эпидемий, пандемий и при чрезвычайных обстоятельствах. Напротив, отношение к данному средству без учета его места в системе процессуальных гарантий чревато цепью новых проблем производства по уголовным делам, усугубляющих застарелые, а именно: реальное обеспечение прав участников уголовного судопроизводства, должные стандарты доказывания, а самое главное – доверие населения к органам, должностным лицам, осуществляющим уголовное судопроизводство, и к его результатам.

Судопроизводство любого качества ничего не стоит, если в справедливость процессуальных решений не верят жители страны. «Как могла быть неверность в том, что решилось людьми, или

¹ Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 3 марта 2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090> (дата обращения: 19.05.2021).

в чем тягались перед людьми...», – утверждал Ш. Монтескье [11, с. 584–585]. Наоборот же, почти всегда: действия и решения, непрозрачные и непонятные людям, – априори сомнительны.

При этом, безусловно, прав Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова, подчеркивающая, что именно уголовно-процессуальная деятельность является главным мерилем равенства и справедливости в обществе и имеет не только правовой, но и глубоко философский смысл, поскольку выстраивает отношения уровня «человек – общество», «гражданин – государство» в одной из самых чувствительных областей жизни¹.

Итак, человек, не верящий в справедливость уголовного судопроизводства, не верит своему государству.

Участие общественности в уголовном судопроизводстве, в том числе и при осуществлении процессуальных действий, принятии процессуальных решений – важнейшая процессуальная гарантия, которая в последние годы фактически утрачена (предельно сокращены случаи обязательного участия понятых, объемы участия присяжных заседателей в уголовном процессе явно незначительны, что ставит под сомнение реальную реализацию конституционного права на участие в отправлении правосудия; народные заседатели, общественные обвинители, общественные защитники давно канули в Лету).

Вот и цифровым технологиям люди пока доверяют, если сказать мягко, не вполне и по понятным причинам. «...Особая опасность исходит сейчас от цифровых технологий, которыми очень легко злоупотреблять и развитие которых без должного контроля со стороны общества чревато так называемой цифровой диктатурой. Наглядной (хотя и далеко не полной) демонстрацией этой опасности являются многочисленные скандалы, связанные с фейк-ньюс, утечками персональных данных, незаконными действиями спецслужб, и т. д.», – предупреждает В.Д. Зорькин [3].

В условиях скачкообразного роста преступлений, совершенных с использованием таких технологий, ожидать от людей доверия к ним не приходится. Информационные технологии надежны, если сопряжены с гарантиями, эту надежность обеспечивающими. При любых чрезвычайных обстоятельствах трудно без сомнения воспринимать результаты дистанционного допро-

¹ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 г. URL: <https://ombudsmanrf.org/content/doclad2020> (дата обращения: 16.09.2021).

са лица, отвечающего на вопросы следователя лежа на диване и одновременно поглядывающего за ходом транслируемого по телевизору футбольного матча или отвлекающегося на действия или вопросы совместно с ним проживающих близких. Даже в судебном заседании допрос потерпевшего, свидетеля с использованием видеоконференцсвязи снабжен гарантиями соблюдения их прав и законных интересов и осуществляется в помещении суда по месту нахождения допрашиваемого (ст. 278.1 УПК РФ). Заметим, что и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова полагает, что допросы в ходе досудебного производства с использованием видеоконференцсвязи следует проводить по аналогии именно с судебным производством, т. е., логично предположить, с использованием и аналогичных гарантий.

На стадии предварительного расследования гарантии допустимости и достоверности результатов допроса (собственно, возможности видеоконференцсвязи в ходе досудебного производства и сводятся к производству допроса, трудно предположить эффективное производство таким способом иных следственных действий) по понятным причинам не могут быть менее надежными, чем в судебном производстве. Это значит, участникам дистанционных следственных действий не избежать непосредственного контакта друг с другом, а, следовательно, эффективность судопроизводства при чрезвычайных обстоятельствах за счет дистанционных технологий не поднять¹.

Эффективность не поднять, а процессуальную гарантию утратить вполне реально. Не является большим секретом, что права лицам, принимающим участие в процессуальных действиях, реально разъясняются нечасто, в лучшем случае предлагается их прочесть. Вероятно, дистанционное производство следственных действий можно обусловить обязанностью эти права зачитать. Однако уровень вербального и эмоционального контакта при дистанционном общении не в пример ниже. Не хотелось бы, чтобы слова Ф. Кафки: «Теперешнее правосудие, очевидно, состоит в том, чтобы осудить человека не только невинного, но и не осведомленного», стали реальностью в России.

¹ Что не исключает их полезность при условии снабжения процессуальными гарантиями достоверности результата и защиты прав человека в случае необходимости проведения следственных действий на значительном расстоянии от места производства предварительного расследования.

В обоснование необходимости широкого использования систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе зачастую ссылаются на опыт других государств [8, с. 299–300] (такой аргумент часто приводится и в спорах по другим процессуальным проблемам). Однако почему бы не посмотреть на данный аргумент иначе?

Отечественная наука уголовного процесса одна из самых сильных в мире, что де-факто признается и рядом наших зарубежных партнеров, которые предпочитают готовить ученых по специальности «уголовный процесс» именно в России.

Заметим, что судебная система России Европейской комиссией по эффективности правосудия Совета Европы признана одной из самых эффективных в Европе, наиболее технологически развитой и наименее финансово затратной в сравнении с судами 47 западных государств [4].

Увы, такая оценка даже если и соответствует действительности, мало что значит для России, пока 45 % респондентов считают, что выносимые судами приговоры чаще несправедливые, и только 35 % полагают, что дело обстоит иначе¹.

Россия должна не копировать зарубежный опыт, а оценивать его применимость, формы возможного использования с учетом отечественных традиций и реалий.

Не следует забывать, что уголовное судопроизводство – особая сфера. В ней решаются поистине человеческие судьбы и не только ряда участников судопроизводства, но иногда и их близких родственников. В связи с этим сводить уголовный процесс исключительно к чиновничьей деятельности, осуществляемой посредством «личных кабинетов», «порталов услуг» и дистанционных форм, никак нельзя. Огромное значение может иметь сам факт непосредственного взаимодействия в рамках процессуальных правоотношений должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, с иными участниками процесса. Важным это может быть не только в целях создания психологических условий для получения достоверной информации, но и как значимый фактор формирования убежденности человека, вовлеченного в орбиту уголовного судопроизводства, в объективности следователя (дознавателя), судьи, в их справедливости и человечности. Вряд ли стоит доказывать, что молиться в реальном храме совсем не то, что в виртуальном.

¹ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 г. URL: <https://ombudsmanrf.org/content/doclad2020> (дата обращения: 23.09.2021).

Серьезность, строгость, иногда и торжественность обстановки при непосредственном участии лица в процессуальном действии порождают в нем соответствующие чувства и ощущения, прямо положительно влияют на эффективность действия при решении как познавательных и правообеспечительных, так и воспитательных задач.

Итак, механическое внедрение дистанционных информационно-телекоммуникационных технологий в уголовное судопроизводство чревато порождением в народе недоверия к системе уголовной юстиции и приведением в зыбкое состояние гарантий прав человека, участвующего в следственных действиях.

Само по себе поистине безграничное увлечение вопросами цифровизации уголовного процесса несет серьезный риск – забвение иных ключевых проблем уголовного судопроизводства в России. Цифровизация производства по уголовным делам попросту стала в науке модным трендом, под знаком которого в последние годы течет основная научная жизнь в сфере уголовного процесса. «Цифровизация становится идеологией, навязчивой идеей. Пока не произошло ничего страшного: видеоконференцсвязь, распознавание речи по голосу, аудиозапись судебного заседания, оцифровка внутренней судебной работы. Однако может наступить время, когда «роботы поведут осчастливливать людей» [6, с. 245–249], – здраво предупреждают специалисты, взвешенно подошедшие к цифровым идеям в уголовном процессе и призывающие не допустить формирование для него цифровой идеологии.

Объективная необходимость более широко использовать «цифру» в уголовном процессе не может считаться достаточным основанием для революционных предложений поставить под сомнение и реформировать фундаментальные процессуальные понятия: пересмотреть понятие доказательства [5, с. 6–10], ввести новый вид доказательства – электронное [1, с. 129–133], отказаться от следователя и дознавателя и осуществлять расследование силами граждан, черпающих информацию в Интернете [7, с. 26–27] и т. д.

Цифровая трансформация – не первый технологический прорыв в истории человечества. Однако, как справедливо и образно заметил Л. В. Головкин, «никто не рассуждал о «космическом уголовном процессе» или «лунной последственности», «ни один специалист всерьез не утверждал о том, что на смену уголовному процессу якобы приходит «генетический» или «кибернетический» уголовный процесс» [2, с. 15–16]. Фетишизация цифровых технологий в уголовном процессе – путь к разрушению процессуальной формы, основанной на научно обоснованных закономерностях познания,

осуществляемого в жесткой системе гарантий, обеспечивающих достоверность полученного знания и уважение чести и достоинства человека.

Современные информационные технологии – одно из средств, которое может быть использовано в уголовном судопроизводстве и которое может служить добру или стать оружием зла.

Основная проблема уголовного процесса современной России – не скудность цифровой составляющей, а утрата нравственных его начал. Они не подчеркиваются как ключевые в тексте закона (не найти в нем таких понятий как справедливость, гуманность, истина, честность и др.) и сильно размыты в правоприменителе. Никакой цифровизацией их не заменить. Напротив, такое оружие как «цифра», не снабженное дополнительными процессуальными гарантиями, сковывающими правоприменителя в реализации безнравственных помыслов – чрезвычайная опасность.

«Пропала совесть... Многие начали даже чувствовать себя бодрее и свободнее. Легче сделался ход человека: ловчее стало подставлять ближнему ногу, удобнее лстить, пресмыкаться, обманывать, наушничать и клеветать. Всякую болезнь вдруг как рукой сняло; люди не шли, а как будто неслись; ничто не огорчало их, ничто не заставляло задуматься; и настоящее, и будущее – все, казалось, так и отдавалось им в руки, – им, счастливым, не заметившим о пропаже совести... Люди остервенились; пошли грабежи и разбои, началось вообще разорение», – писал М.Е. Салтыков-Щедрин [9, с. 333].

Восстановление совести как главного регулятора поведения в уголовном судопроизводстве – вот основная задача. Только управляемая совестью как законодателя, сковавшего «цифру» мощными дополнительными гарантиями, так и правоприменителя, использующего ее во благо, а не во зло, ограниченная цифровизация имеет право на существование в уголовном процессе.

Список литературы:

1. *Воронин М.И.* Электронные доказательства – самостоятельный вид доказательств // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: материалы XVI Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения): в 3 ч. Москва: РГ-Пресс, 2019.

2. *Головкин Л.В.* Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1.

3. *Зорькин В.Д.* Возвращение государства (дееспособность власти проверяется в общенациональной беде) // Рос. газ. 2021. 17 мая.
4. *Куликов В.* Судим правильно (Судебная система России признана наиболее эффективной в Европе) // Рос. газ. 2021. 6 ноября.
5. *Медведева М.О.* Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018.
6. *Монтескье Ш.* О духе законов // Избранные произведения. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955.
7. *Поляков М. П., Смолин А.Ю.* Цифровые технологии на службе правосудия: идеологические предпосылки и технические перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2.
8. *Потапов Д.В.* Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019.
9. *Савченко А.Н.* Электронная форма предварительного расследования как необходимость в условиях пандемии коронавирусной инфекции // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции (Рязань, 16 декабря 2020 г.). Рязань: ИП А.В. Коняхин (Book Jet), 2021.
10. *Старилов Ю.Н.* Нравственность – базис и высшая ценность для правового регулирования и формирования механизма правоотношений. (рец. на кн.: 9. 10); Серков П.П. Правоотношение (нравственность современного правового регулирования): монография. Москва: Норма, 2020.
11. *Трунов И.Л.* Защита прав личности в уголовном процессе. Москва: Юриспруденция, 2005.

Предмет и содержание учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях компьютерных преступлений¹

Е. Р. РОССИНСКАЯ,

*директор Института судебных экспертиз,
заведующий кафедрой судебных экспертиз,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
почетный работник высшего
профессионального образования Российской Федерации,
академик Российской академии естественных наук
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина
E-mail: elena.rossinskaya@gmail.com*

Аннотация: статья является продолжением серии публикаций по учениям, составляющим теорию информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности – научной основы раскрытия и расследования компьютерных преступлений. В эпоху цифровизации открываются новые возможности изучения и обобщения больших массивов криминалистически значимой информации с использованием технологии Big Data, что позволяет реализовать концепцию информационно-компьютерных криминалистических моделей компьютерных преступлений, основным принципом формирования которых является ранжирование их по сложности способов реализации противоправных действий, включая используемые IT-технологии и корреляции с этими способами уровня компетенции преступников и потерпевших, состава преступной группы (сообщества).

Ключевые слова: цифровизация; компьютерные преступления; способы компьютерных преступлений; теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности; учение об информационно-компьютерных криминалистических моделях.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16003.

Одним из негативных следствий глобального процесса цифровизации явилось не только возникновение новых видов преступлений в сфере компьютерной информации, но и широкое применение IT-технологий для совершения практически любых «традиционных» преступлений (краж, мошенничеств, преступлений в сфере экономической деятельности, в сфере общественной безопасности и многих других).

Все эти преступления нами ранее было предложено именовать «компьютерными преступлениями», причем мы неоднократно подчеркивали, что дефиниция «компьютерное преступление» должна употребляться не в уголовно-правовом аспекте, где это только затрудняет квалификацию деяния, а в криминалистическом, поскольку связана не с квалификацией, а именно со способом преступления и, соответственно, с методикой его раскрытия и расследования.

Научной основой раскрытия и расследования компьютерных преступлений служит разрабатываемая нами теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, **предметом** которой являются закономерности возникновения, движения, собирания и исследования компьютерной информации при расследовании преступлений и судебном рассмотрении уголовных дел. **Объектами** теории являются, с одной стороны, сами компьютерные средства и системы как носители розыскной и доказательственной криминалистически значимой информации, а с другой – система действий и отношений в механизмах преступлений с использованием компьютерных средств и систем, а также криминалистических компьютерных технологий выявления, фиксации, изъятия, сохранения, исследования и использования криминалистически значимой доказательственной и ориентирующей информации [7, с. 168–176]. В систему теории входит ряд разработанных нами учений: учение о способах компьютерных преступлений/правонарушений [10, с. 87–99]; учение о цифровых следах как источниках криминалистически значимой компьютерной информации [9, 193–202]; учение о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем [11, с. 745–759]. Их создание дает возможность решить ряд проблем раскрытия и расследования преступлений в основном технико-криминалистического характера.

Очередным этапом нашего исследования является изучение проблемы создания криминалистических методик расследования компьютерных преступлений. Этому вопросу посвящена обширная научная и методическая литература.

Одной из главных составляющих любой методики является криминалистическая характеристика вида преступления. С этой дефиницией в криминалистике связаны неутраченные дискуссии. Так, профессор Р.С. Белкин указывал, что «криминалистическая характеристика приобретает практическое значение лишь в тех случаях, когда между ее составляющими установлены корреляционные связи и зависимости, носящие закономерный характер». А в том виде, как она излагается в учебниках криминалистики, она носит ходульный характер, «легче описывать элементы характеристики, да еще по собственной схеме, чем заниматься весьма трудоемким процессом выявления корреляционных зависимостей между ними» [1, 220–224].

Профессора В.Я. Колдин и Е.П. Ищенко указывали, что подавляющее большинство определений криминалистической характеристики представляют ее как функциональную систему, в общем виде – систему данных, способствующих раскрытию и расследованию преступлений. Однако научная разработка при этом свелась к определению понятия и обсуждению набора составляющих его признаков, тогда как собственно системные характеристики, за редкими исключениями, не рассматривались, а системно-структурный анализ вообще никем не был осуществлен. Качественно новым этапом, по мнению этих авторов, является формирование типовой информационной модели преступления, которая позволяет на основе выявленных статистических зависимостей между ее элементами получать новый источник актуальной криминалистически значимой информации [6, с. 128–144]. «Под типовой информационной моделью понимается информационная система, построенная на основе статистической обработки репрезентативной выборки уголовных дел определенной категории, отражающая закономерные связи между элементами события преступления, используемая для построения типовых версий и формирования методики расследования данной категории преступлений» [5, с. 8–14].

Не вдаваясь более глубоко в дискуссию, заметим, что в основе дефиниции криминалистической характеристики преступлений, отстаиваемой множеством авторов, или часто противопоставляемой ей категории типовых информационных моделей лежит, по нашему мнению, необходимость моделирования данного вида преступления путем обобщения на основе больших массивов данных из уголовных дел, заключающихся в сведениях о криминалистически значимых признаках вида преступления и их закономерных связях между собой.

Следует полностью согласиться с точкой зрения А. А. Бессонова, который обобщил две категории и заключил, что «Криминалистическая характеристика преступлений... информационная модель, которая отражает криминалистическую сущность преступлений определенного вида (подвида, криминалистически схожих групп), заключающуюся в сведениях о его криминалистически значимых признаках и их закономерных связях между собой, построенная на основе анализа и обобщения практики их расследования и судебного рассмотрения, и имеющая значение для формирования частных методик расследования и решения задач деятельности по расследованию и предупреждению преступлений» [3, с. 11].

За последние 20 лет IT-технологии сильно продвинулись, активно идет процесс цифровизации уголовного судопроизводства [4, с. 728–751], что обусловило реальную возможность обобщения больших массивов информации. А. А. Бессонов выступил с весьма интересным предложением о формировании цифровых криминалистических моделей преступлений. Он предлагает, с учетом подхода к криминалистической характеристике вида преступления как к информационной модели, «создавать цифровые модели, максимально адаптированные к использованию в цифровой среде... по сути речь идет о цифровизации типовых криминалистических характеристик преступлений, т. е. о представлении их в форме соответствующих цифровых моделей» [2, с. 58–61].

Но для компьютерных преступлений следует учитывать, что, как мы отмечали ранее, одним и тем же способом могут совершаться различные виды преступлений. Например, способы анонимизации своих действий в сети Интернет путем построения цепочки прокси-серверов. Так, технологии VPN обеспечивают шифрование сетевого трафика между компьютером пользователя и VPN-прокси-сервером, который является шлюзом выхода в сеть Интернет, и, соответственно, скрывает реальный IP-адрес пользователя. Если им требуется высокий уровень конспирации, преступники арендуют у провайдеров хостинговых услуг вычислительные мощности практически в любой точке мира, на которых настраивают собственные VPN-серверы либо виртуальные машины.

Способы компьютерных преступлений являются полноструктурными, поэтому могут быть выбраны различные способы подготовки, совершения и сокрытия, слабо коррелирующие с видом преступления. Например, большинство современных троянских программ сочетают целый набор функций, предоставляющий преступникам самые широкие возможности для манипулирования пользовательской информацией. Так, Trojan-Banker.Win32.RTM,

помимо присущей только этому виду троянских программ функциональности поиска и копирования пользовательской информации, относящейся к банковским счетам, системам электронных денег и пластиковым картам, обладает возможностями – поиска файлов по именам, записи истории нажатий клавиш клавиатуры, записи видео и создании снимков экрана, копирования буфера обмена, блокирования и нарушения работы операционной системы, получения от сервера управления команд на запуск дополнительных программных модулей, отправки собранной информации на сервер управления и т. д. [10, с. 87–99].

В связи с этим группировка информационных моделей по видам преступлений не дает необходимых результатов. Мы еще в конце прошлого века, когда IT-технологии только начинали использоваться в преступной деятельности, предлагали для компьютерных преступлений понятие родовой криминалистической характеристики ввиду общности способов совершения и сокрытия этих преступлений [8, с. 256–271].

Типовые информационные модели в этих условиях имеют уже совершенно новое звучание. Родовая криминалистическая характеристика преступлений предполагает общность способов преступлений в пределах данного криминалистического рода. В этом заключается отличие компьютерных преступлений от совершаемых традиционными способами, где наблюдались различия во всех элементах криминалистической характеристики преступления. Общность способов для различных видов преступлений, совершаемых с использованием IT-технологий, обуславливает формирование неких информационно-компьютерных моделей преступлений, которые будут отличаться предметами посягательства, в какой-то степени потерпевшей стороной, но характеристика лиц, совершающих преступления, связана в первую очередь с их уровнем владения компьютерными технологиями.

Полагаем, что в настоящее время актуальным является в рамках теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности с опорой на учения о способах компьютерных преступлений, о цифровых следах как источниках криминалистически значимой компьютерной информации, о криминалистическом исследовании компьютерных средств, сформулировать основы учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях компьютерных преступлений.

Предмет этого учения составляют общие закономерности построения информационно-компьютерных моделей компьютерных преступлений на основе **корреляционных связей** комбинаций

ИТ-технологий и компьютерных систем для осуществления различных способов компьютерных преступлений, независимо от их вида, со следовой картиной в виде цифровых следов и с компетенциями в информационных компьютерных технологиях преступника и потерпевшей стороны.

Объектом учения является криминалистически значимая компьютерная информация об использованных комбинациях ИТ-технологий и компьютерных средств и систем для осуществления различных способов компьютерных преступлений; цифровых следах, в том числе следах воздействия вредоносных программ; контрафактных информационно-компьютерных продуктах; характеристика лиц, совершающих данные преступления с точки зрения степени владения ими информационными компьютерными технологиями.

На основе учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях компьютерных преступлений, используя технологии больших данных (Big Data), можно будет начать разработку упомянутых А.А. Бессоновым цифровых криминалистических моделей [2, с. 58–61] видов компьютерных преступлений, включающих:

- типичные модели исходной информации о виде компьютерного преступления;
- модели типичных способов видов компьютерных преступлений;
- модели типичных последствий применения данных способов;
- модели личности вероятного преступника;
- модели личности вероятной жертвы преступления;
- модели обстоятельств совершения преступления.

Основным принципом формирования информационно-компьютерных моделей является ранжирование их по сложности способов реализации противоправных действий, включая используемые ИТ-технологии и корреляции с этими способами уровня компетенции преступников, состава преступной группы или сообщества.

Корреляционные связи существуют также между способом компьютерного преступления и компьютерной грамотностью потерпевшего, которая также может иметь разные уровни по компетентности: пользователь; специалист в области ИТ-технологий.

Приведем несколько примеров. Для несанкционированного доступа к компьютерным средствам и системам одним из основных способов является внедрение троянских программ при массовых рассылках сообщений электронной почты, содержащих вложения, маскирующиеся под полезный для пользователя документ,

так называемых фишинговых писем (от англ. fish – ловить рыбу). При попытке открытия такого вложения в систему загружается и устанавливается троянская программа [12]. Иначе этот способ реализуется не через вложение, а через интернет-ссылку, при переходе по которой неопытный пользователь направляется на сайт, содержащий наборы программ, которые находят слабые места в безопасности компьютерной системы и через них загружают вредоносную программу [13, р. 728–745]. Данный способ распространения вредоносного программного обеспечения настолько востребован, что пользователям постоянно советуют не открывать неизвестные вложения и не переходить по неизвестным ссылкам, прикрепленным к электронным письмам [14]. Использование этого способа дает представление об уровне компетенции как преступника, так и потерпевшего.

Значительно более сложными являются способы, которые построены на модульной архитектуре, когда дополнительный модуль отвечает за конкретный вид действия, но на зараженном компьютере может работать только во взаимодействии с главным модулем. Информацию о компьютерной системе, собранную основным модулем пользователя, программа направляет на управляющий сервер, который отдает команду по загрузке на компьютер дополнительных модулей, необходимых для реализации преступного умысла. Это позволяет атаковать не только компьютеры физических лиц, но крупные корпоративные сети, например, для хищения денежных средств либо кражу конфиденциальной информации.

Очевидно, что для подготовки, совершения и сокрытия подобных преступлений необходимо участие группы или сообщества, обладающих высоким уровнем компетенции в области IT-технологий. Потерпевшая сторона здесь будет представлена значительно более квалифицированными пользователями или системными администраторами.

Другим примером являются компьютерные атаки на локальные корпоративные сети. Эти атаки могут быть как внешними, так и производиться изнутри организации с участием ее сотрудников. Заметим, что преступник-инсайдер может использовать вредоносные программы, как и преступник-аутсайдер. Причем его участие может быть опосредованным путем предоставления соучастникам сведений, необходимых для несанкционированного доступа к корпоративной компьютерной сети, в том числе об уязвимых местах в программном обеспечении либо ошибках в настройках сетевого оборудования.

В ряде случаев необходимым условием является вовлечение потерпевшего в преступление путем прямого общения с применением психологических приемов, склоняющих, например, к разглашению уникального кода в СМС-сообщении для авторизации на сетевом ресурсе, или к самостоятельной загрузке программы удаленного администрирования на свой компьютер и предоставлении реквизитов доступа к нему преступникам.

Важно иметь в виду, что недостаточная компетенция пользователей и связанный с этим низкий уровень обеспечения информационной безопасности, в том числе использование ненадежных паролей, заводских настроек и конфигураций программного обеспечения и оборудования, предоставляет широкий спектр возможностей для получения несанкционированного доступа к конфиденциальной информации.

Список литературы:

1. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня // Злободневные вопросы российской криминалистики. Москва: НОРМА-ИНФРА-М, 2001.

2. *Бессонов А.А.* Цифровая криминалистическая модель преступления как основа противодействия киберпреступности // Академическая мысль. 2020. № 4 (13).

3. *Бессонов А.А.* Частная теория криминалистической характеристики преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2017.

4. *Вилкова Т. Ю., Масленникова Л.Н.* Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов – к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 46.

5. *Ищенко Е.П.* Как наполнить фантом криминалистической характеристики преступлений реальным содержанием // Информационный бюллетень № 17 по материалам Криминалистических чтений «Научная состоятельность криминалистической характеристики преступлений». Москва, 2002.

6. *Колдин В. Я., Ищенко Е.П.* Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 6 (269).

7. *Россинская Е.Р.* Информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности как частная криминалисти-

ческая теория // Воронежские криминалистические чтения. 2017. № 2 (19).

8. *Россинская Е.Р.* Методика расследования преступлений в сфере движения компьютерной информации // Криминалистика. Методика расследования преступлений новых видов, совершаемых организованными преступными сообществами. Москва: Московский институт МВД России, 1999.

9. *Россинская Е.Р.* Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (99).

10. *Россинская Е. Р., Рядовский И.А.* Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации // Lex Russica. 2019. № 3 (148).

11. *Россинская Е. Р., Семикаленова А.И.* Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. 2020. Т. 11. Вып. 3.

12. *Bert Rankin.* How Malware Works – Malicious Strategies and Tactics. URL: <https://www.lastline.com/blog/how-malware-works-malicious-strategies-and-tactics> (дата обращения: 02.02.2021).

13. *Custers B. H. M., Pool R. L. D., Cornelisse R.* Banking malware and the laundering of its profits // European Journal of Criminology, 2019. 16 (6).

14. *Roldán J., Boubeta-Puig J., Luis Martínez J., Ortiz G.* Integrating complex event processing and machine learning: An intelligent architecture for detecting IoT security attacks // Expert Systems with Applications, 2020, Volume 149, 1 July 2020, 113251.

Совершенствование технологий технико-криминалистического обеспечения преодоления противодействий расследованию преступлений.

Опыт ЭКЦ МВД России

П. В. СЕВАСТЬЯНОВ,

заместитель начальника

ЭКЦ МВД России

E-mail: psevastianov@mvd.ru

Аннотация: в статье рассмотрены основные направления совершенствования технологий технико-криминалистического обеспечения преодоления противодействий расследованию преступлений. Представлены обзор современной цифровой техники, пришедшей на смену традиционным средствам фиксации обстановки места происшествия, результаты научно-исследовательских работ, проведенных в ЭКЦ МВД России, способствующие повышению результативности обнаружения, выявления, фиксации и изъятия следов рук и другой криминалистически значимой следовой информации, развитию судебных дактилоскопических, взрыво- и пожарно-технических, автороведческих и других видов экспертиз.

Ключевые слова: *осмотр места происшествия; следы преступления; беспилотные летательные аппараты; 3D-сканирование; панорамные и сферические цифровые фотоаппараты; средства и методы обнаружения и выявления следов рук; технологии искусственного интеллекта.*

Научно-технический прогресс, цифровизация, внедрение компьютерных технологий во все сферы деятельности существенно повлияли на жизнь современного общества. Безусловно, происходящие изменения не могли не отразиться на структуре и уровне преступности. К сожалению, злоумышленники идут в ногу со временем, придумывая все более изощренные способы совершения преступлений и их сокрытия.

Динамически развивающаяся современная преступность сегодня ставит перед правоохранительными органами новые задачи и заставляет постоянно задумываться о разработке и использовании новых современных технологий.

На начальном этапе расследования важнейшую роль отводят осмотру места происшествия, который позволяет получить всю

необходимую криминалистически значимую информацию, а также изъять все вещественные доказательства, которые в последующем будут способствовать правильной квалификации преступного деяния и установлению причастных к нему лиц.

Точная фиксация обстановки и объектов является одной из важнейших задач, во многом определяющей результативность и объективность расследования. Сегодня на смену традиционным средствам фиксации приходит современная цифровая техника.

Все большее развитие получают фотограмметрические системы, которые позволяют специалисту не только произвести фотосъемку, но и измерить линейные размеры по парам фотоснимков участков местности или объектов с последующим построением схем и планов (рис. 1).

Рис. 1. Эксперты ЭКЦ МВД России проводят видеофиксацию места происшествия с использованием радиоуправляемого беспилотного летательного аппарата

Также в повседневную экспертную практику внедряются 3D-сканеры, принтеры, панорамные и сферические фотоаппараты, беспилотные летательные аппараты, оснащенные цифровой фото – и видеотехникой. Данные технологии позволяют повысить эффективность осмотров мест происшествий, сократить время фотофиксации, ускорить поиск конкретных предметов и исключают вероятность упустить важные объекты (рис. 2).

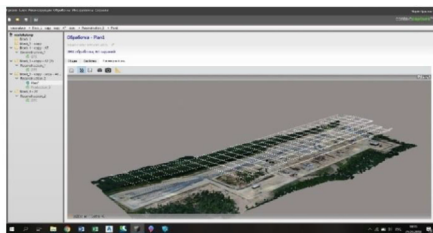

Рис. 2. Квадрокоптер и специализированное программное обеспечение для проведения измерений и обработки получаемых изображений исследуемого строительного объекта

Применение технологии оптического и лазерного 3D-сканирования позволяет предотвратить порчу или потерю вещественных доказательств, создав высокоточную трехмерную цветную цифровую модель, произвести необходимые измерения и поместить все в цифровой архив. Указанные технологии преимущественно используются для фиксации и изъятия следов обуви, зубов, взлома, транспортных средств и др. при осмотре места происшествия, на котором в дальнейшем могут быть назначены трасологические экспертизы.

С помощью 3D-печати появилась возможность изготавливать трехмерные копии объектов и следов. Внедрение данной технологии ускоряет и делает точнее процесс изъятия следа, а также позволяет получить сравнительные образцы и детализированные реплики, которые помогают лучше понять механизм совершения противоправного деяния [7] (рис. 3).

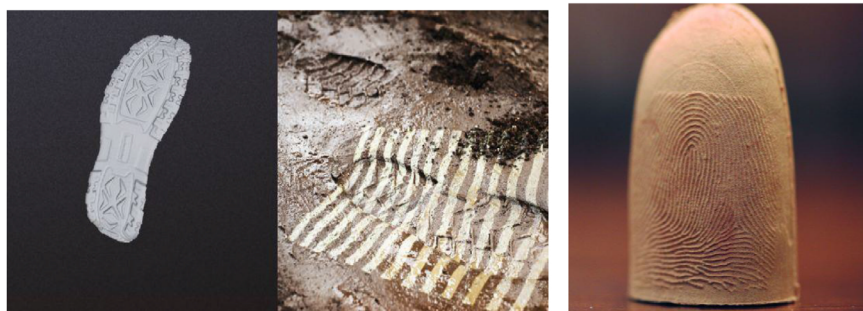

Рис. 3. След подошвы обуви (а) и след папиллярного узора руки (б), выполненные с помощью 3D-печати

В тех случаях, когда обстановку места происшествия невозможно охватить одним кадром, применяются панорамные и сферические цифровые фотоаппараты, имеющие сверхвысокое разрешение [8] (рис. 4). Достоинством методов панорамной и сферической панорамной съемки является высокая информативность полученного изображения, способность покрывать угол пространства в 360x180 градусов, возможность управления просмотром (приближать и отдалять изображения). К недостаткам можно отнести трудности демонстрации в печатном виде, необходимость специального оборудования для просмотра таких панорам, искажение изображения в верхних и нижних его частях.

Рис. 4. Панорамный и сферический цифровые фотоаппараты

С появлением беспилотных летательных аппаратов, оснащенных цифровой фото – и видеотехникой, появилась возможность проводить осмотр в труднодоступных, опасных и больших по площади территориях, а также произвести их трехмерное сканирование, сохранить всю информацию в электронном виде с возможностью печати необходимых частей (фрагментов) непосредственно на месте.

Использование современных дронов помогает исключить ошибки, связанные с человеческим фактором при проведении замеров, позволяет значительно снизить временные затраты на весь процесс фиксации [1].

В качестве примера можно привести осмотр корпуса больницы, при пожаре в которой погибли более 20 человек. Площадь осмотра места пожара была достаточно большой, а объект представлял собой строение со сложной планировкой. Вследствие длительного горения (более трех часов) и разбора завалов в процессе тушения пожара следовая картина характера термического разрушения строительных конструкций здания была частично изменена, что не позволяло с земли определить признаки очага и направление распространения горения. Применение мультикоптера помогло получить и зафиксировать наглядную картину относительного расположения объектов вещной обстановки, произвести измерение расстояний между объектами, выявить пути распространения пожара с учетом направления ветра, очаг пожара и в дальнейшем установить причину возникновения горения [4] (рис. 5).

*Рис 5. Общий вид сгоревшего строения
и пути распространения горения*

В целях совершенствования методических основ ЭКЦ МВД России проводит научно-исследовательскую работу на тему «Использование цифровых технологий в технико-криминалистическом обеспечении осмотров мест происшествий», по результатам которой будет выработан единый алгоритм фиксации следов на месте происшествия, что позволит повысить качество их изъятия.

Среди способов противодействия раскрытию и расследованию преступлений распространены попытки уничтожения следов их совершения, сокрытия информации о личности преступника, инсценировки событий некриминального характера (несчастные случаи, чрезвычайные происшествия и др.).

В результате действий лиц, причастных к противоправным деяниям, объекты – носители дактилоскопической следовой информации, могут оказаться в неблагоприятной среде (вода, пожар, отрицательная температура и т. п.), что существенно затрудняет обнаружение и выявление следов рук.

В последние годы ЭКЦ МВД России активно занимается совершенствованием средств и методов обнаружения, выявления и изъятия следов рук на объектах, обладающих нетипичными свойствами, в том числе приобретенными в результате влияния факторов внешней среды.

Специалистами ЭКЦ МВД России создан ряд специальных средств и методов обнаружения и выявления следов рук на различных поверхностях: липком слое клейких лент [5] (рис. 6), огнестрельном оружии [6], подвергшемся влиянию влаги, отрицательной температуры и другим внешним воздействиям – наслоение оружейной смазки, интенсивное воздействие света на след (рис. 7).

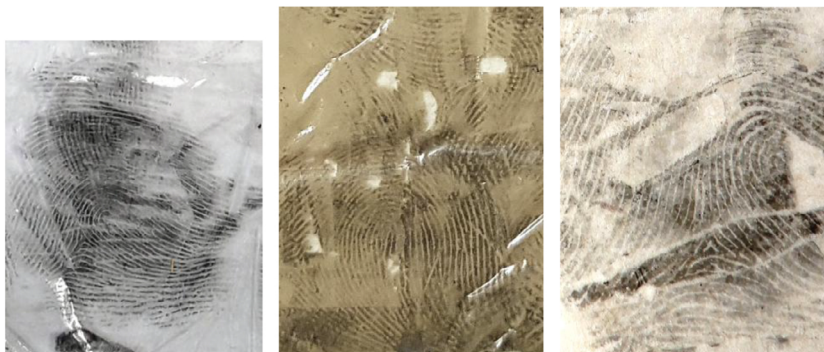

Рис. 6. Следы рук на поверхности липкого слоя клейких лент, выявленные суспензией дактилоскопического порошка «Сажа» («Helling») в жидком моющем средстве «Fairg» после расклеивания уайт-спиритом («Ясхим») давностью (слева направо): 7 суток, 8 мес., 15 мес.

Рис. 7. Следы рук, выявленные на поверхности пистолетного затвора суспензией дактилоскопического порошка «ПД-Ч», покрытого оружейной смазкой и находившегося в снегу при $t - 18^{\circ}\text{C}$ в течение 24 часов

В прошедшем году завершена научная работа, посвященная обнаружению, выявлению, фиксации и изъятию следов рук на местах пожаров. Данная тема особенно актуальна, поскольку нередки случаи, когда пожар носит криминальный характер и спровоцирован для маскировки совершенного преступного деяния и уничтожения следовой информации [2; 3].

Авторским коллективом в процессе научной работы проведены масштабные экспериментальные изыскания, которые позволили установить пределы сохранности потожирового вещества и порог, после которого оно преобразуется под воздействием опасных факторов пожара, таких, как высокая температура (от 100 до 950 гра-

дусов), наслоение продуктов термического распада (копоти). Кроме того, разработан специальный реактив на основе нитрата серебра, выявляющий следы рук на керамике, стекле и других поверхностях. Средство показало эффективность при использовании на объектах, пребывавших при температуре свыше 900°С, что является инновацией для экспертной практики (рис. 8).

Рис. 8. Следы рук, выявленные раствором нитрата серебра на глазурованной керамической плитке после воздействия температуры до 920°С

В ЭКЦ МВД России активно развивается направление взрыво- и пожарно-технических экспертиз. В настоящее время особое внимание уделяется взрывам топливно-воздушных смесей (далее – ТВС), в том числе криминального характера.

В целях сокрытия следов при совершении преступлений злоумышленники используют поражающие факторы пожара и взрыва.

Тем не менее своевременные и профессиональные действия специалистов при проведении следственных действий позволяют обнаружить и зафиксировать следовую обстановку, а также информационно значимые признаки, используемые в дальнейшем при производстве экспертных исследований, в том числе степень и характер взрывных воздействий и термических повреждений на окружающей обстановке, признаки аварийных режимов на электрооборудовании и электросетях, следы рук, ДНК и пр.

ЭКЦ МВД России проведена научно-исследовательская работа по созданию методического обеспечения взрывотехнической экспертизы по фактам взрывов банкоматов.

Исключением из общей тенденции способов хищения денежных средств банкоматов явилась серия преступлений, совершенных с использованием самодельных взрывных устройств, снаряженных

конденсированным взрывчатым веществом. В ходе производства взрывотехнических экспертиз была установлена их конструкция, состав вещества снаряжения, обстоятельства их применения и создан натурный макет (рис. 9).

Рис. 9. Серия преступлений, совершенных с использованием самодельных взрывных устройств, снаряженных конденсированным взрывчатым веществом

В настоящее время проводится научно-исследовательская работа по взрывам ТВС в зданиях и сооружениях.

На завершающем этапе запланирована НИР по исследованию газового оборудования широкой номенклатуры на предмет причастности к взрыву ТВС.

В условиях увеличения числа преступлений, совершенных дистанционно, востребованным способом установления личности преступника становится проведение автороведческих экспертиз по материалам переписок в мессенджерах [7].

В частности, бесконтактным способом совершаются преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств. Обмен информацией не только между продавцом и покупателем, но и между участниками преступных групп осуществляется с использованием текстовых сообщений. Это позволяет сохранять анонимность, исключать личные встречи, т. е. осуществлять координацию действий, маскируя свою личность.

Для установления лиц, участвующих в переписке, по таким материалам в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России проводятся автороведческие экспертизы. Объекты в виде диалогической печатной речи являются новыми для данного вида исследований. В связи с этим последние несколько лет ЭКЦ МВД России уделяется особое внимание

совершенствованию научно-методических основ автороведческой экспертизы.

ЭКЦ совместно со Следственным департаментом МВД России осуществлялись мероприятия по проведению НИР, в ходе которой изучены возможности исследования переписки в социальных сетях и посредством компьютерных программ с целью решения задач диагностики и идентификации автора текста. На основе анализа практики производства автороведческих экспертиз и исследования эмпирического корпуса текстов переписок, предоставленных Следственным департаментом МВД России, подтверждено, что при корректном изъятии и фиксации материалов переписок, достаточном объеме и представительности речевого материала, возможно, отождествить речь авторов по текстам.

Во всем мире активно развиваются технологии, связанные с синтезированием речевых сигналов. Опасность применения современных технологий злоумышленниками для сокрытия личности, моделирования характеристик голоса конкретных лиц в целях фальсификации каких-либо событий очевидна.

Достижения в области синтезирования речи на сегодняшний день таковы, что отличить речь, созданную искусственно, от речи естественной все сложнее. Лучшие результаты в решении таких задач получают при использовании технологий искусственного интеллекта.

В 2020 г. ЭКЦ МВД России подготовлено информационное письмо, содержащее методические рекомендации для экспертов по выявлению признаков синтезированной речи при криминалистическом исследовании фонограмм. С учетом темпов развития речевых технологий, научные исследования в данной области продолжаются.

В 2020 г. ЭКЦ МВД России совместно со Следственным департаментом и ГУНК МВД России разработаны рекомендации по взаимодействию органов предварительного следствия, оперативных и экспертно-криминалистических подразделений при необходимости экспертного исследования материалов, включающих интернет-переписку участников организованных групп, по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Подводя итог, следует отметить, что раскрытие и расследование значительного количества преступлений осуществляется в условиях противодействия, которые существенно затрудняют достижение задач уголовного процесса по конкретным делам, приводят к тому, что многие совершенные преступления остаются нераскрытыми.

Судебно-следственная практика и наш опыт свидетельствуют, что в настоящее время при надлежаще организованной и эффективно функционирующей системе технико-криминалистического сопровождения деятельности с внедрением современных технологий повышается возможность всесторонне и полноценно получать доказательственную базу, которая является залогом дальнейшего эффективного раскрытия и успешного расследования преступлений.

Список литературы:

1. *Арсентьева С. С., Морозов С.А.* Использование метода физической фиксации места происшествия // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 4. Вып. 2.
2. *Дашко Л. В., Донцова Ю. А., Ивашкова А. В.* К вопросу о сохранности следов рук на месте пожара // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сборник статей по итогам международной научно-практической конференции (Москва, 24–25 октября 2018 г.). Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019.
3. *Дашко Л. В., Синюк В. Д., Пеньков В.В.* Возможности использования беспилотных летательных аппаратов для фиксации обстановки на месте пожара // Научный портал МВД России. 2017. № 4 (40).
4. *Довбня А. В., Синюк В.Д.* Взгляд с высоты беспилотника // Полиция России. 2019. № 8.
5. *Донцова Ю. А., Ивашкова А.В.* Выявление следов рук при проведении комплексного исследования огнестрельного оружия и боеприпасов // Экспертная практика. 2018. № 84.
6. *Ивашкова А. В., Донцова Ю.А.* Выявление следов рук на каучуковом липком слое клейких лент // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сборник статей по итогам международной научно-практической конференции (Москва, 24–25 октября 2018 г.). Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019.
7. *Литвинова Т. А., Громова А.В.* Компьютерные технологии в судебной автороведческой экспертизе: проблемы и перспективы использования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: 2, Языкознание. 2020. Т. 19. № 1.
8. *Несмиянова И. О.* 3D сканирование в экспертной деятельности: понятие, сущность и возможности применения // Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 2020. Т. 2. № 2.

Частная криминалистическая теория преодоления противодействия расследованию: современное состояние и перспективы развития

И. В. ТИШУТИНА,

*профессор кафедры криминалистики,
доктор юридических наук, доцент
Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя*

Аннотация: в статье в контексте всеобщей цифровой трансформации, повлекшей закономерное видоизменение форм и методов преступной деятельности и актуализировавшей проблему повышения эффективности деятельности правоохранительных органов, затрагиваются вопросы развития и корректировки положений частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию, показано, как происходит переосмысление ее положений в современных условиях и определение перспектив развития. Акцентируется внимание на обновлении содержания элементов структуры частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию.

Ключевые слова: *частная криминалистическая теория; противодействие расследованию; выявление; преодоление; криминалистическая деятельность; трансформация; методы; средства; цифровизация.*

Непрерывное увеличение возможностей использования информационно-телекоммуникационных технологий и продолжающийся экспоненциальный рост их числа привели к тому, что контакты между людьми сместились в сферу дистанционного онлайн-общения. Всеобщая цифровизация, качественно улучшая и упрощая жизнедеятельность, в то же время оказывает и глобальное воздействие на личность, ее цели и задачи, способы ее действий, оставляемые ею следы и т. д. Это одновременно влечет видоизменение форм и способов преступной деятельности, а соответственно, обуславливает необходимость совершенствования методов и средств предупреждения, выявления, раскрытия и расследования преступлений. Не случайно еще в 60-х годах XX в. С. Лем (известный польский футуролог, писатель-фантаст, философ – в своем труде предвосхитил создание виртуальной реальности и искусственного интеллекта).

та) предрекал, что одним из последствий промышленной революции станет формирование условий, в которых не только криминальные группы, но отдельные преступники смогут ставить под угрозу нормальное функционирование мегаполисов и даже государств [5].

Актуальная тема сегодняшних научных дискуссий – цифровая трансформация сферы криминалистической деятельности, воздействие цифровых технологий, как одного из наиболее ярких проявлений НТП, на развитие традиционных частных криминалистических теорий и учений. Уже не первый год идут научные споры о необходимости и возможности изменения в связи с этим терминологического и сущностного подхода в криминалистике. Информационно-телекоммуникационные и компьютерные технологии, все больше захватывая нашу реальность, оказывают влияние на предмет криминалистики, ее задачи, содержание и структуру ее общей и частных теорий.

В связи с этим обратим внимание на частную криминалистическую теорию преодоления противодействия расследованию преступлений, представляющую собой систему знаний о закономерностях, с одной стороны, формирования криминализированных связей лиц – субъектов противодействия и их участия в воспрепятствовании расследованию уголовных дел, с другой – организации деятельности правоохранительных органов по предупреждению, выявлению и преодолению таких действий.

Системный анализ социально-правовых факторов и обуславливаемых ими процессов, повлекших коренные принципиальные изменения в сущности противодействия расследованию, позволил нам представить поэтапное развитие данной теории следующим образом:

- 1 этап – с 60-х до конца 80-х годов XX века;
- 2 этап – конец 80-х годов XX века до 2001 г.;
- 3 этап – с 2002 г. до 2011 г.;
- 4 этап – с 2011 г. до настоящего времени.

При этом важно помнить, что значение изучения противодействия расследованию преступлений для криминалистической практики состоит не только в сведениях о видах, способах и приемах противодействия, его субъектах, *но прежде всего в возможности прогнозировать противодействие и осуществлять меры по его нейтрализации* как социального явления и преодолению в каждом случае расследования уголовных дел.

Поскольку первые три этапа были достаточно подробно рассмотрены нами в предыдущих работах [7], считаем целесообразным подробно остановиться на рассмотрении текущего четвертого эта-

па, который как раз и отражает влияние цифровизации на развитие теории. Полагаем возможным обозначить его с 2011 г., т. к. 2010-е гг. были десятилетием «феноменальных прорывов», во многом обусловленных переходом на мобильные устройства и ростом объемов данных, которые ускорили рост искусственного интеллекта, электронной коммерции и социальных сетей, что закономерно отразилось на преступности в целом и противодействии расследованию в частности.

В уголовно-процессуальное законодательство РФ были внесены изменения, направленные на получение в процессе следственного действия информации из телекоммуникационных систем (ст. 186.1 УПК РФ – Получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами), расширение возможностей использования в расследовании цифровых методов и средств (ст. 164.1 УПК РФ – Особенности изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий); были введены в эксплуатацию и регламентировано функционирование Аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», системы видеонаблюдения и распознавания лиц в метро (ИСВН московского метрополитена), мониторинга социальных сетей и медиа (ст. 10.6. Особенности распространения информации в социальных сетях ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»)¹.

Именно на этом этапе появляется диктуемая глобальной трансформацией жизнедеятельности общества и государства, проблемами практики и потребностями правоохранительных органов, обоснованная возможность вести речь о совершенствовании науки в целом и рассматриваемого учения в частности. Нами ранее уже отмечалось, что частная криминалистическая теория преодоления противодействия расследованию, наряду с другими частными теориями и учениями, находится в постоянном развитии и совершенствовании, в процессе чего, под влиянием новейших достижений НТП-!, теории и практики криминалистической деятельности, развития иных наук, происходит уточнение и корректировка ее теоретических положений и базирующихся на них практических рекомендаций.

Поскольку изучение противодействия и разработка мер по его преодолению тесно связаны с предметом криминалистики, цифро-

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 530-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вая трансформация, оказывающая влияние на предмет криминалистики в целом, не может не затрагивать и предмет и содержание теорий и учений, в нее входящих, в этом отношении теория преодоления противодействия расследованию не просто не исключение, а, пожалуй, наряду с такими теориями и учениями, как теория криминалистического обеспечения, теория криминалистической идентификации, учение о личности, учение о следах, и ряд иных, подвергается наибольшему видоизменению. В связи с этим абсолютно обоснованным представляется предложение Ю.Л. Дябловой рассматривать с позиции цифровизации весь предмет криминалистики, все криминалистические учения, все разделы и подразделы науки [2].

Таким образом, обратим внимание на наиболее явные изменения, которые характеризуют на данном этапе частную криминалистическую теорию преодоления противодействия расследованию.

Объекты теории преодоления противодействия расследованию – противодействие и деятельность по его преодолению – не претерпели изменений по форме, однако существенно трансформируются по содержанию, поскольку влияние НТП и его результатов на преступную деятельность и криминалистическую деятельность очевидно и весьма существенно. Говоря об объекте частной теории, мы имеем в виду ее содержательную сторону, знание об объекте, формирующееся на базе отражаемых теорией объективных закономерностей действительности, которые в настоящее время за счет восприятия (аккумулирования) возможностей цифровизации видоизменяются и совершенствуются, соответственно, очевидна и трансформация объекта.

А значит, это затрагивает и совокупность закономерностей, характеризующих рассматриваемые виды деятельности как предметную область науки. Теория преодоления противодействия расследованию представляет собой систему криминалистических знаний о том, как предупреждать, выявлять и преодолевать противодействие в процессе расследования.

Метод частной теории преодоления противодействия расследованию глобально сохраняется, однако закономерно, что в современных условиях перехода на цифру меняется содержание познавательных приемов, используемых как для построения самой теории, так и для применения теории в практике познания ее предметной области, т. е. он трансформируется ввиду изменения технологий. Получение информации и ее обработка, аккумулирование осуществляются новыми методами и средствами.

Касаясь вопроса о *систематизации научных знаний*, составляющих содержание частной криминалистической теории противодействия расследованию, можно отметить, что если система теории, характеристика закономерностей, обусловивших ее возникновение и формирование, и понятийно-терминологический аппарат представляются относительно устойчивыми, то такие составляющие, как система знаний о механизме противодействия расследованию и система криминалистических рекомендаций по его выявлению, преодолению и предупреждению, подвергаются существенному изменению.

Сегодня постоянно происходит изменение структуры информационной среды, практически ежегодно появляются новые способы распространения и передачи информации, меняется потребляемое социумом ее количество и качество. Информационные технологии стали повседневностью, множество нейросетей помогают решать огромное количество разноплановых задач: осуществлять поиск и фильтрацию информации в Интернете, выстраивать наиболее рациональный маршрут передвижения, переводить тексты, обрабатывать фото и видео, управлять машинами на производстве и в транспортных потоках, проводить сложнейшие медицинские манипуляции и т. д. Скорость развития всех информационных процессов в обществе и на разных направлениях внедрения современных, и особенно цифровых технологий, что очевидно, – колоссальна, она не просто в разы, а в десятки и сотни раз быстрее предыдущих этапов развития НТР. Вся деятельность человека, его социальная активность и различные аспекты взаимодействия оказываются в «открытом доступе».

Эти возможности мгновенно берет на вооружение преступная среда. Следует констатировать не только появление новых видов преступной деятельности, но и принципиальное изменение способов давно известных преступных посягательств и в целом механизма, источников информации о них, обстановки, в которой реализуются действия. Преступность активно и наступательно использует новейшие достижения научно-технического прогресса: информационно-телекоммуникационные технологии, искусственный интеллект, технологии больших данных и т. д.

Закономерно, что под воздействием цифровизации меняются способы и приемы противодействия расследованию, его механизм, свойства личности субъектов противодействия (в частности, мышление, речь, память и др.), характер поведения как в процессе противодействия расследованию, так и в рамках его расследования, источники информации о фактах противодействия, его признаки.

Так, в настоящее время к числу **форм** противодействия расследованию, наряду с уже давно известными, относятся:

- воздействие на вербальную доказательственную информацию, на ее источники и носители;
- воздействие на материально-отображаемую доказательственную информацию, ее источники и носители;
- противодействие без воздействия на доказательственную информацию; следует выделять четвертую форму;
- воздействие на цифровую доказательственную информацию, ее источники и носители.

Соответственно, поскольку реализация форм противодействия осуществляется посредством применения конкретных **способов**, требует коррекции в связи с этим и система способов с учетом обозначенной четвертой формы противодействия, необходимо и более глубокое их изучение с целью встраивания в многоуровневую классификацию. В этом отношении как раз очевидна тесная связь теории преодоления противодействия расследованию с разрабатываемой Е. Р. Россинской теорией информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, предметом которой являются закономерности возникновения, движения, собирания и исследования компьютерной информации при расследовании преступлений и судебном рассмотрении уголовных дел [6]; а также с теорией криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, поскольку потребности общества в обеспечении своей безопасности формируются через общественный прогресс, общественное сознание, а удовлетворяются они как раз с использованием достижений научно-технического прогресса (НТП), внедряемых в практику борьбы с преступностью, в том числе через криминалистику, и в частности в порядке криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений [1].

В свете трансформации теории преодоления противодействия расследованию в условиях цифровизации все более очевидным становится тот факт, что **нецелесообразно дифференцировать противодействие на внутреннее и внешнее**, поскольку, как отмечалось нами ранее [8], оно едино, имеет общую цель и реализуется общими способами и приемами, зачастую одинаково доступными с учетом современных возможностей технических средств различным субъектам – как внутренним, так и внешним по отношению к процессу расследования. Тем более, что это неэффективно с позиции разработки рекомендаций по его преодолению. Кроме того, определенные вопросы ставит сегодня трансформация научных знаний и в отношении дифференциации субъектов, поскольку воз-

возможности доступа к доказательственной и иной информации существенным образом расширились именно ввиду специфики функционирования информационно-телекоммуникационных систем и обслуживания информационных баз накопления и хранения больших массивов информации.

Возможности субъектов противодействия пользоваться преимуществами онлайн-пространства и беспрепятственно коммуницировать независимо от расстояний и территориальных границ требуют разработки и внедрения новых подходов, методов, средств выявления и преодоления противодействия расследованию и правового инструментария их применения. И криминалистика в целом, и ее рекомендации в этом отношении оказываются «на передовой» всеобщей цифровой трансформации. О понимании этой проблемы учеными и практиками говорит количество конференций и форумов по данной тематике, научных исследований, в рамках которых затрагиваются соответствующие вопросы.

Эффективность предупреждения, выявления и преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений во многом зависит от того, насколько адекватными вызовам преступности цифровыми технологиями и методиками их применения вооружены правоохранительные органы. Так, организовав работу на данном направлении, Интерпол совместно с Межрегиональным научно-исследовательским институтом ООН по вопросам преступности и правосудия провели в 2018 г. в Сингапуре Форум по вопросам искусственного интеллекта и робототехники, в июле 2019 г. Глобальное совещание в целях расширения использования данных направлений в правоохранительной деятельности. В России 10 октября 2019 г. была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г.¹

Методы и средства выявления и преодоления противодействия расследованию претерпевают существенные изменения, и уже сегодня можно обозначить основные направления, на которых такие изменения наиболее активны:

- использование возможностей компьютерного зрения (Computer Vision-CV) для распознавания и сравнения визуальных образов на фото – и видеоматериалах;
- отслеживание перемещений в режиме онлайн;
- создание фотороботов разыскиваемых лиц;

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. URL: publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 26.09.2021).

- диагностика противоречий в показаниях допрашиваемых лиц;
- мониторинг интернет-трафика и выявление подозреваемых и их связей по заданным параметрам в сети Интернет;
- перспективная аналитика – прогнозирование возможных сценариев развития преступной цепочки;
- анализ и обработка больших массивов информации с целью выборки по заданным параметрам;
- распознавание текста и автоматизация процесса документооборота [9].

Представляется перспективным использование возможностей искусственного интеллекта при выявлении и расследовании преступлений, связанных с использованием телекоммуникационных сетей, для их мониторинга и диагностики на предмет выявления как скрытых, зашифрованных, так и открыто размещаемых данных, содержащих, например, признаки или призывы к осуществлению экстремистских действий либо обосновывающие или оправдывающие необходимость их совершения.

Расширение возможностей субъектов противодействия ставит серьезные вопросы перед криминалистической наукой. Появление и все более широкое распространение 3D-принтеров, позволяющих работать практически с любыми материалами, создавать абсолютно различные объекты, актуализирует проблему выявления способов и приемов противодействия расследованию, подразумевающих использование подобных продуктов, соответственно, идентификации таких принтеров и материалов. Всеобъемлющие социальные сети и мессенджеры стимулируют разработку направления детальной персонализации человека по его поведению в сети.

Еще один важный в рассматриваемом аспекте вопрос – ***о границах данной частной криминалистической теории***, решение которого во многом зависит от определения границ самого явления противодействия. Сегодня все больше научных обоснований появляется в пользу того факта, что сокрытие следует рассматривать как элемент противодействия не только в случае, когда субъекту становится известно о выявлении события преступления правоохранительными органами [4]. Это влечет и корректировку границ теории. Кроме того, очевидно, что рассмотрение вопросов выявления и преодоления противодействия, строго говоря, выходит за рамки предмета криминалистики и требует обращения к возможностям оперативно-розыскной деятельности, т. е. вызывает необходимость рассматривать такие проблемы именно на стыке криминалистики, уголовного процесса, теории ОРД, криминологии, поскольку

противодействие раскрытию и расследованию преступлений представляет собой негативное социальное явление. Возможно, именно это имел в виду В.Н. Карагодин, прогнозируя перерастание теории преодоления противодействия расследованию в междисциплинарную метатеорию [3]. И именно в данном контексте представляются вполне закономерными и обоснованными изменения научных специальностей, предполагающие в перспективе более тесное взаимодействие наук уголовно-правового блока.

Таким образом, трансформация преступной среды, ставшая закономерным следствием глобальной информатизации и цифровизации общества и выразившаяся в том, что значительное число преступных посягательств, так или иначе, оказались связаны с использованием возможностей современных компьютерных и телекоммуникационных технологий, привела и к кардинальному изменению форм, способов, приемов и в целом механизма противодействия расследованию, а следовательно, и системы криминалистических рекомендаций по его выявлению, преодолению и предупреждению. Все это и легло в основу направлений совершенствования рассматриваемой частной теории. И, как представляется, данная тенденция будет только усиливаться.

Список литературы:

1. *Волынский А.Ф.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016.
2. *Дяблова Ю.Л.* Цифровая криминалистика – будущее науки или тренд современности? // Известия Тульского государственного университета. Серия: Юридические науки. Тула: Тульский государственный университет, 2021. Вып. 1.
3. *Карагодин В.Н.* Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992.
4. *Кудрявцев Д.С.* Противодействие раскрытию и расследованию преступлений: теория и практика выявления и преодоления: монография. Москва: Юрдитинформ, 2020; *Головина Е.В.* Преодоление противодействия расследованию должностных преступлений: монография. Москва: Юрдитинформ, 2021.
5. *Лем С.* Сумма технологий. Москва, 2012.
6. *Россинская Е.Р.* Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система,

основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. № 2 (99).

7. *Тишутина И.В.* Преодоление противодействия расследованию организованной преступной деятельности: организационные, правовые и тактические основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2013.

8. *Тишутина И.В.* Использование возможностей искусственного интеллекта в деятельности следователя // Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 24 сентября 2020 г.) / под общ. ред. Д. Н. Кожухарика. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2020.

9. *Тишутина И.В.* Противодействие в аспекте раскрытия и расследования бандитизма // Известия Тульского государственного университета. Серия: Актуальные проблемы юридических наук. Тула: Тульский государственный университет, 2006. Вып. 16.

Уголовная ответственность юридических лиц и развитие учения о противодействии расследованию преступлений

А. В. ФЕДОРОВ,

*ведущий научный сотрудник
Центра уголовного, уголовно-процессуального
законодательства и судебной практики,
кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
Институт законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: 1956af@mail.ru*

Аннотация: в статье приводятся доводы о необходимости установления уголовной ответственности юридических лиц.

Ключевые слова: *уголовная ответственность; юридическое лицо; групповая методика; раскрытие и расследование преступлений.*

В российской науке рассмотрение вопросов развития учения о противодействии расследованию преступлений традиционно строится на постулате, что преступления могут совершать только физические лица.

Однако происходящие в мире изменения показывают, что это уже не аксиома, а скорее рудимент эпохи теории советского уголовного права.

Национальное право, являясь инструментом реализации государственной политики на соответствующем пространстве в определенный период времени, отражает развитие общества и экономики. При этом происходит трансформация права в конкретных отраслях, в том числе в уголовном праве.

Так, при наступлении социально-экономических перемен часто меняются объект уголовно-правовой охраны и подходы к криминализации и декриминализации деяний, связанные с изменившимися экономическими и социальными отношениями.

Например, переход от ранее сложившихся в СССР экономических отношений к рыночным обусловил отказ от признания уголовно наказуемыми деяниями спекуляции, а также от деления преступлений на совершенные в отношении социалистической и в отно-

шении личной собственности, ибо эти институты уголовного права не соответствовали характеру новых экономических отношений. Таким образом, было устранено имевшееся в данной части несоответствие советско-российского уголовного права праву капиталистических стран – ведущих рыночных экономик.

К числу подобных несоответствий, подлежащих устранению, относится и вопрос о признании преступности юридических лиц.

Уже более чем в 80 государствах (а это почти половина стран мира) имеет место уголовная ответственность юридических лиц. Она установлена не только в развитых капиталистических странах (таких как Австралия, Великобритания, Канада, Испания, Нидерланды, США, Франция и ряде других), но и в большинстве стран бывшего социалистического лагеря (в Албании, Венгрии, Вьетнаме, Китае, Монголии, Польше, Румынии, Словакии, Чехии, во всех государствах, образовавшихся на постюгославском пространстве), а также в большинстве в прошлом союзных республик СССР, а ныне самостоятельных государств: в Азербайджане, Грузии, Киргизии, Латвии, Литве, Молдове, Украине, Эстонии.

Причиной введения уголовной ответственности юридических лиц является рост числа и масштабов преступлений, совершаемых от имени юридических лиц или за их счет либо для их выгоды физическими лицами. При этом, как справедливо отмечается в имеющихся исследованиях, «роль отдельного человека как преступника отходит на второй план, юридическое же лицо выдвигается на передний план в качестве реального преступника, незаконно получающего денежные или иные выгоды от преступной деятельности» [2]. Таким образом, введение института уголовной ответственности юридических лиц обусловлено объективными причинами.

К числу преступлений, совершаемых юридическими лицами, обычно относят преступления в сферах экономической деятельности, налогообложения и финансовых рынков, в антимонопольной сфере, коррупционные преступления, преступления в сферах экологии и охраны труда, киберпреступления.

Изучение зарубежного опыта установления уголовной ответственности юридических лиц, соотношения их административной и уголовной ответственности значимо для практики отечественного законоотворчества, подготовки соответствующих законодательных решений.

В период истории России, именуемый социалистическим, когда экономика развивалась в условиях государственной собственности на орудия и средства производства, уголовная ответственность юридических лиц исключалась, т. к. не соответствовала харак-

теру господствующих экономических отношений. При переходе к рыночной экономике ситуация изменилась.

Уголовное право постсоветского – рыночного – периода развития экономики и общества направлено на защиту новых экономических отношений и, как показывает зарубежный опыт, уголовная ответственность юридических лиц является весьма эффективным уголовно-правовым инструментом противодействия преступности в этих условиях, регулятором рыночных отношений, условием функционирования здоровой конкуренции.

Особую роль в процессе принятия законов об установлении уголовной ответственности юридических лиц имеют международные договоры.

Сформировалась ситуация, когда, реализуя свою политику, государство становится участником определенных международных договоров и организаций, а затем участие в международных договорах и членство в международных организациях начинает оказывать влияние на проведение соответствующей национальной правоустановительной и правоприменительной политики, что находит отражение в том числе в изменении национального законодательства.

В то же время выполнение международных обязательств – это лишь один из поводов для принятия решения о введении уголовной ответственности юридических лиц. Причины же принятия такого решения больше внутренние, имеющие социально-экономический характер.

То, что признается преступностью юридических лиц за рубежом, в российских реалиях считается деликтами юридических лиц, т. е. противоправными действиями юридических лиц, не являющимися преступлениями, но за которые в ряде случаев предусмотрена административная ответственность.

Тем не менее российскими специалистами подготовлено и опубликовано свыше тысячи работ, посвященных уголовной ответственности юридических лиц. Как правило, они основаны на изучении зарубежного законодательства и практики его применения.

Первым из российских ученых позитивную позицию по отношению к введению в Российской Федерации уголовной ответственности юридических лиц сформулировал в 1991 г. профессор А. В. Наумов, сделавший следующий прогноз: «По всей вероятности, произойдет сближение нашего законодательства и с некоторыми положениями Общей части уголовного права государств с традиционно развитой рыночной экономикой... Рыночные отношения и у нас способны превратить в субъекта ряда экономических пре-

ступлений юридических лиц с возможным применением к ним штрафных уголовно-правовых санкций» [5].

Всему свое время, и, на наш взгляд, время для введения в Российской Федерации уголовной ответственности юридических лиц наступило. Для этого сформировались необходимые объективные предпосылки, связанные с развитием рыночной экономики.

Представляется целесообразным озвучить только некоторые доводы, убеждающие в необходимости и возможности установления такой ответственности.

1. В условиях глубоких социально-экономических преобразований в Российской Федерации институт уголовной ответственности юридических лиц необходим для должного регулирования отношений государства и бизнеса, защиты прав и интересов граждан.

Нельзя представить развитие предпринимательства и формирование нормальных рыночных отношений в условиях нездоровой конкуренции. Сегодня нужны эффективные правовые инструменты для создания конкурентной среды, чтобы недобросовестные бизнесмены не могли использовать коррупционные схемы для лоббирования своих интересов. И одним из таких инструментов является введение института уголовной ответственности юридических лиц.

2. Интересы бизнеса и государства требуют активного участия Российской Федерации в различных международных организациях, обеспечивающих развитие экономического и политического сотрудничества на основе соответствующих международных договоров.

В ряде таких договоров, ратифицированных Российской Федерацией и ставших частью ее правовой системы, получила закрепление необходимость установления в национальных законодательствах уголовной ответственности юридических лиц.

Перед Российской Федерацией стоит задача найти варианты установления такой ответственности.

3. Представляется нелогичной и нарушающей интересы российской стороны ситуация, когда органы иностранных государств имеют возможность привлекать российских юридических лиц к уголовной ответственности, а российская сторона – нет, т. к. в соответствии с действующим законодательством может ставить вопрос о привлечении иностранных юридических лиц исключительно к административной ответственности, менее эффективной по сравнению с уголовной.

4. Если существует гражданская и административная ответственность юридических лиц, то почему не может быть уголовной ответственности таких лиц?

На наш взгляд, то, что к различным видам ответственности могут привлекаться как физические, так и юридические лица, является общим принципом юридической ответственности, имеющим универсальный характер, и отсутствие уголовной ответственности юридических лиц следует рассматривать как пробел в позитивном праве, который требуется устранить в процессе трансформации права в эпоху социально-экономических преобразований, происходящих в нашей стране.

Как представляется, введение уголовной ответственности юридических лиц – прогнозная тенденция развития российской уголовной политики [6]. Этой теме уже посвящено достаточно много исследований, причем не только в области уголовного права.

Так, появились интересные криминологические исследования преступности юридических лиц. Например, хорошо известный И. М. Мацкевич в своей работе «Причины экономической преступности» отмечает «наличие с криминологической точки зрения трех субъектов преступления: юридического лица (преступность предприятий и корпораций); физических лиц, действующих от имени и в интересах предприятия (преступность по роду занятости); физических лиц, действующих от собственного имени и в собственных интересах (преступность по роду деятельности) [4].

Следует поддержать обозначение в криминологических исследованиях признания наличия преступности юридических лиц, ведь преступность в наднациональном ее понимании как совокупности преступлений, предусмотренных законодательствами разных стран, является социальной реальностью, требующей всестороннего изучения.

В то же время явно в российских исследованиях недостаточное внимание уделяется уголовно-процессуальным и криминалистическим вопросам привлечения к уголовной ответственности юридических лиц.

Изучение зарубежного опыта показывает, что в странах Европы и на постсоветском пространстве вопросы уголовной ответственности юридических лиц обычно рассматриваются с применением тех же процедур, что используются при привлечении к уголовной ответственности физических лиц в рамках одного (общего для физических и юридических лиц) уголовного дела, по которому выносится один (общий для них) приговор. При этом содеянное физическими лицами и юридическими лицами рассматривается отдельно, и им дается самостоятельная оценка. Предусматривается в ряде стран и возможность отдельного судебного рассмотре-

ния дел в отношении взаимосвязанных деяний физического лица и юридического лица [8, 9].

Таким образом, с учетом зарубежного опыта определенная ясность в уголовно-процессуальных вопросах, связанных с введением уголовной ответственности юридических лиц, имеется.

Настала очередь и для рассмотрения вопросов методики расследования преступлений юридических лиц.

В действующем УК РФ отсутствует указание на возможность совершения преступлений юридическими лицами. Тем не менее фактически такие преступления имеют место в реальной жизни. С учетом особенностей современной российской правовой системы они в настоящее время признаются административными правонарушениями.

Диспозиции соответствующих статей КоАП РФ вполне могут рассматриваться как прообразы будущих статей УК РФ, а практика работы по таким административным правонарушениям – как эмпирический материал для разработки методик расследования преступлений юридических лиц.

Исходя из данного И. А. Возгриным классического определения криминалистических методик расследования преступлений как комплексов научно обоснованных сведений и рекомендаций для организации раскрытия, расследования и предупреждения различных видов преступлений [1], на наш взгляд, можно выделить следующие положения новой для криминалистики методики – методики расследования отдельных видов преступлений юридических лиц.

В системе криминалистики методика расследования преступлений юридических лиц может быть одной из групповых методик расследования преступлений, выделенных в отношении так называемых корпоративных преступлений, т. е. преступлений, совершаемых юридическими лицами.

Методика расследования преступлений юридических как групповая методика будет включать в себя частные методики, содержащие криминалистические рекомендации по организации и осуществлению расследования отдельных видов преступлений, совершаемых юридическими лицами.

Возможно и другое определение места методики расследования преступлений юридических лиц в системе криминалистических методик, а именно – отнесение их к особым частным методикам, под которыми понимаются методики, разработанные не по видам преступлений, а по другим основаниям. В качестве критерия для выделения такого рода преступлений может быть выбран специальный субъект их совершения – юридическое лицо [7].

Какой из указанных вариантов окажется наиболее обоснованным и рациональным – покажет время.

В любом случае методика расследования преступлений юридических лиц в силу специфики и ограниченности имеющегося на данный момент эмпирического материала не может быть разработанной исключительно на основе криминалистических знаний, а должна носить комплексный характер, учитывая положения уголовного, уголовно-процессуального, административного и корпоративного права, других отраслей научного знания, имеющих отношение к деятельности юридических лиц.

Базисным положением методики расследования преступлений юридических лиц является криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых юридическими лицами. При этом необходимо учитывать, что юридическое лицо и физическое лицо выступают в качестве самостоятельных субъектов ответственности. В то же время деяния, совершенные ими, являются взаимосвязанными. Эта взаимосвязь может устанавливаться как в рамках одного, общего для юридического лица и физического лица уголовного дела, так и по раздельно ведущимся делам в отношении физического лица и юридического лица.

Вопросы уголовной ответственности юридических лиц должны найти отражение и при развитии криминалистического учения о противодействии расследованию преступлений [3].

Необходимы разработка и внедрение наиболее эффективных приемов и рекомендаций для противодействия расследованию преступлений юридических лиц с учетом того, что такое противодействие может осуществляться как физическими, так и юридическими лицами.

Список литературы:

1. *Возгрин И.А.* Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003.

2. *Голованова Н.А.* Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся / отв. ред. Н. Г. Доронина. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2013.

3. *Карагодин В.Н.* Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию

дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1992.

4. *Мацкевич И.М.* Причины экономической преступности: учебное пособие. Москва: Проспект, 2017.

5. *Наумов А.В.* Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. 1991. № 2.

6. *Федоров А.В.* Введение уголовной ответственности юридических лиц – прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 3.

7. *Федоров А. В.* О разработке методики расследования коррупционных преступлений юридических лиц // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 г.). Москва: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014.

8. *Федоров А.В.* Ответственность юридических лиц: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты // Союз криминалистов и криминологов, 2017. № 1-4.

9. *Федоров А.В.* Уголовно-процессуальное производство по делам о преступлениях юридических лиц в Республике Сербия // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 4.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

О криминалистической концепции расследования пенитенциарных преступлений

А. В. АКЧУРИН,

*начальник кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
Академия ФСИН России
E-mail: 79206310258@yandex.ru*

Аннотация: в статье излагается обоснование необходимости формирования концепции расследования пенитенциарных преступлений. На основе проведенного автором анализа современного состояния расследования преступлений, совершаемых осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми в исправительных учреждениях, следственных изоляторах, приводятся доводы о необходимости обобщения, осмысления и совершенствования общей и частных методик расследования подобных преступлений с учетом изменений уголовного, уголовно-процессуального законодательства, реформирования правоохранительной системы, органов предварительного расследования и развития уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: *криминалистическая концепция; пенитенциарные преступления; исправительные учреждения; следственные изоляторы; осужденные; подозреваемые; обвиняемые; расследование преступлений.*

Состояние пенитенциарной преступности является показателем эффективности деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов. В последние годы наблюдается устойчивая тенденция увеличения числа преступлений в учреждениях данной категории. Так, если в 2011 г. в исправительных колониях зарегистрировано 800 преступлений (в СИЗО и тюрьмах – 81), то в 2020 г. – 1011 (в СИЗО и тюрьмах – 173)¹. Реальное количество

¹ Характеристика лиц, содержащихся в следственных изоляторах и тюрьмах. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20v%20CIZOiT/> (дата обращения: 21.04.2021).

таких преступлений значительно больше. Существует мнение о том, что их количество больше официальной статистики как минимум раз в сто [1]. В пользу подобного мнения приведем собственные доводы.

С одной стороны, гуманизация отечественной уголовной политики привела к тому, что изменилась судебная практика. Назначение уголовных наказаний, связанных с лишением свободы, стало применяться, как правило, к лицам, представляющим повышенную общественную опасность, многократно судимым, запущенным как в нравственном, так и правовом плане. Это привело к закономерному сокращению числа осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, а также лиц, содержащихся под стражей. Так, за последнее десятилетие этот показатель снизился с 819,2 тыс. человек на 1 января 2011 г. до 523,9 тыс. человек¹.

С другой стороны, качественный состав лиц, содержащихся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, изменился не в лучшую сторону. Возросло количество лиц, имеющих две и более судимости. Около половины осужденных отбывает наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений (убийство, причинение вреда здоровью, изнасилование, разбой). Многие из них имеют психические отклонения, хронические заболевания. Сопоставляя указанные данные с официальной статистикой по пенитенциарной преступности, возникает сомнение в том, что полумиллионный спецконтингент лиц, содержащихся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, значительная часть которых имеет сформировавшуюся криминальную направленность, попадая в условия изоляции, сразу отказывается от своего преступного образа жизни. Подтверждаются подобные умозаключения данными статистики ФСИН России, которая зарегистрировала в 2020 г. 702 614 нарушений режимных требований лицами из числа спецконтингента, содержащегося в местах лишения свободы, изъятия у них 42,6 кг наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, 6 061 единицу холодного оружия и колюще-режущих предметов, конструктивно с ним схожих, 66 356 единиц средств мобильной связи, перевод в безопасное место в связи с угрозой жизни и здоровью 3 706 человек из числа осужденных, подозреваемых, обвиняемых, пребывающих в исправительных учреждениях и следственных изоляторах².

¹ Характеристика лиц, содержащихся в следственных изоляторах и тюрьмах. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20v%20CIZOiT/> (дата обращения: 21.04.2021).

² Отчет по форме № ФСИН-1, установленный приказом ФСИН России от 1 августа 2014 г. № 398 «Об утверждении формы статистической отчетности ФСИН-1», «Ито-

Анализ статистических данных ФСИН России о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы за 2011–2020 гг., дает основание выделить следующие, наиболее характерные группы преступлений:

- насильственные преступления (убийство, умышленное причинение вреда здоровью и др.) – 12 %;
- преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, – 26 %;
- побег из мест лишения свободы – 13 %;
- дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, – 21 %;
- иные преступления – 28 %.

В течение последних двадцати лет идет активное изучение пенитенциарных преступлений, о чем свидетельствует существенное количество диссертационных исследований, монографических и иных работ. Ознакомление с данными, размещенными в системе LIBRARY.RU, показало активное использование в юридических публикациях понятия «пенитенциарные преступления». Однако их анализ позволяет утверждать об отсутствии однозначного и обоснованного содержания, которое следует вкладывать в криминалистическое понимание термина «пенитенциарные преступления». На уровне нормативных актов данное понятие также не регламентировано. Указанное понятие существенным образом затрудняет развитие категорий криминалистической науки и их адекватного отражения в профессиональном языке правоприменителя.

Многообразие видов преступлений, совершаемых разными по правовому, но весьма схожими по фактическому статусу лицами (осужденные, подозреваемые, обвиняемые), детерминированными обстановкой принудительной изоляции и процессами, обусловленными спецификой социальной среды осужденных и тюремной субкультуры, позволяют объединить их общим понятием – «пенитенциарные преступления». Указанные обстоятельства обуславливают необходимость использования данного понятия в юридическом научном обороте, а отсутствие законодательного закрепления вынуждают исследователей каждый раз обращаться к размышлению над его содержательным наполнением.

Пенитенциарные преступления отличаются от преступлений, совершаемых вне мест лишения свободы. Наиболее характерные отличия прослеживаются в обстановке совершения преступления,

ги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы и инструкции по ее заполнению и представлению» // НИИИТ ФСИН России. 2020.

избрании мест, времени, способе его совершения, сокрытий следов противоправной деятельности, приемах противодействия процессу расследования таких деяний.

Пенитенциарные преступления представляют особую опасность ввиду более профессионального подхода лиц, замышляющих и реализующих свои противоправные намерения. Обладая изрядным опытом участия в уголовном судопроизводстве по прежним уголовным делам и пройдя «курс повышения преступной квалификации» в исправительных учреждениях, такие лица формируют стойкие убеждения в необходимости противопоставления себя общепринятым в обществе нормам и ценностям, желание получения всяческой выгоды именно преступным путем, избегая при этом уголовного преследования. Цинично нарушая правовые предписания, относясь к жизни и здоровью других членов общества безразлично, используя обман и доверие обычных граждан, подобные преступники создают угрозу общественной безопасности.

Характерной особенностью пенитенциарных преступников является активное приспособление и использование окружающей обстановки, а также любых подручных средств в реализации своих преступных замыслов. С целью предотвращения возможного уголовного преследования такие преступники постоянно совершенствуют и изобретают новые, более изощренные способы совершения противоправных деяний. В этих целях используются современные информационные технологии, современные технические средства, возможности мобильной связи, безналичного оборота денежных средств и т. д. Для ухода от уголовной ответственности пенитенциарные преступники охотно пользуются юридическими консультациями, помощью правозащитников, злоупотребляют возможностями правового и общественного реагирования надзорных и контролирующих органов, а также средств массовой информации и интернет-сообществ.

Анализ уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики показал, что, несмотря на очевидную специфику пенитенциарных преступлений, система их расследования не предусматривает особенностей по сравнению с расследованием иных преступлений. В настоящее время ни органов, ни должностных лиц, специализирующихся на расследовании пенитенциарных преступлений, действующее законодательство не предусматривает. Ранее подобные специализированные субъекты расследования существовали в органах внутренних дел и прокуратуре.

Учреждения, органы и должностные лица ФСИН России не обладают объемом полномочий для производства расследования

в полном объеме. Действующий УПК РФ в недостаточной форме и весьма противоречиво регламентирует процессуальные полномочия таких учреждений, органов и должностных лиц. Внесение многочисленных изменений в уголовно-процессуальный закон не повлияло на прояснение статуса и роли сотрудников исправительных учреждений в процессе расследования. Вместе с тем анализ уголовно-процессуальных полномочий и правоприменительной практики позволяет судить об активной роли сотрудников исправительных учреждений и следственных изоляторов при приеме и проверке заявлений и сообщений о совершенных преступлениях на территории указанных учреждений. Максимальная близость указанных сотрудников к месту совершения преступления, а также осведомленность о специфике их обстановки, особенностях распространенных неофициальных норм в среде осужденных, личностных качествах предполагаемых преступников из числа спецконтингента позволяют наиболее оперативно отреагировать на совершенные пенитенциарные преступления. От своевременности и качества документирования противоправной деятельности осужденных зависит перспектива расследования таких преступлений.

Сотрудники исправительных учреждений и следственных изоляторов в условиях отсутствия специализированного образования и повседневного опыта расследования преступлений не обладают сформированными навыками подобной деятельности. В связи с этим опрос подобных сотрудников позволяет говорить о необходимости и востребованности разработок наглядных алгоритмов и образцов соответствующих документов, позволяющих оперативно документировать результаты противоправной деятельности осужденных.

Отсутствие специализации следователей и дознавателей на расследовании пенитенциарных преступлений привело к тому, что длительное время целенаправленно и системно не собирается, не обобщается и не анализируется опыт расследования таких преступлений. Ни одно из министерств (ведомств) в течение более десяти лет не выступает инициатором разработки или совершенствования рекомендаций, составляющих содержание частных методик расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях, подозреваемыми, обвиняемыми в следственных изоляторах.

Разработанная в начале 90-х годов прошлого столетия общая методика расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях, [2] до сих пор не подвергалась совершенствованию с учетом изменений, произошедших

в социальной, политической и экономической сферах деятельности государства, ее уголовной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политике.

В сложившейся ситуации представляется необходимым обобщение имеющихся в криминалистике общей и частных методик расследования преступлений, совершаемых осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми в исправительных учреждениях, следственных изоляторах, с целью формирования криминалистической концепции расследования пенитенциарных преступлений. Под ней понимается система теоретических идей и положений, методологических основ, организационных и методических рекомендаций по расследованию преступных деяний, совершаемых осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми, содержащимися в исправительных учреждениях, следственных изоляторах, нейтрализации противодействия, оказываемого заинтересованными лицами, являющаяся отправной основой для методик расследования пенитенциарных преступлений разных уровней.

В качестве объекта концепции расследования пенитенциарных преступлений рассматривается преступная деятельность осужденных, подозреваемых, обвиняемых, пребывающих в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, деятельность субъектов расследования таких преступлений, в том числе по нейтрализации противодействия. Предметом концепции выступают закономерности расследования пенитенциарных преступлений.

Предложенная авторская концепция позволила решить следующие задачи:

- уточнить и систематизировать терминологический аппарат, обосновать содержательное наполнение категорий и понятий, имеющих основополагающее значение для разработки криминалистических рекомендаций по расследованию преступлений определенного рода, – пенитенциарных преступлений;

- сформировать общую информационную модель, позволяющую за счет обобщения выявлять закономерности совершения преступлений рассматриваемого рода, что будет способствовать в последующем разработке криминалистических характеристик, соответствующих групп и видов пенитенциарных преступлений;

- выявить особенности и обосновать систему расследования пенитенциарных преступлений;

- выделить родовые криминалистические ситуации, отражающие особенности, характерные в целом для расследования пенитенциарных преступлений различных групп и видов, объединенных родовым признаком;

- сформировать комплексное представление о приемах и способах противодействия расследованию пенитенциарных преступлений и разработать предложения по основным направлениям его преодоления;
- представить обобщенную тактику производства процессуальных действий.

Список литературы:

1. *Ваганов А.Б.* Криминологическая характеристика пенитенциарной преступности и ее профилактика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.
2. *Шурухнов Н.Г.* Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1991.

Некоторые аспекты противодействия незаконному сбыту наркотиков, совершаемому с использованием компьютерных технологий

А. В. БАЛИТКИН,

*адъюнкт научно-педагогического факультета
Академия МВД Республики Беларусь*

Аннотация: обосновывается необходимость комплексного исследования проблемы противодействия незаконному сбыту наркотиков с использованием компьютерных технологий, определяются подлежащие разрешению научно-практические задачи, проводится анализ тенденции распространения наркопреступности на основе статистических данных Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Ключевые слова: *наркотики; сбыт; наркопреступления; информационные технологии; компьютерные технологии; сеть Интернет.*

На современном этапе развития общество сталкивается с рядом негативных тенденций, от устранения которых зависит, в конечном счете, его дальнейшее существование. Не последнее место среди них занимает проблема распространения наркотических средств и психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (далее – наркотики) и, как следствие, увеличение числа наркозависимых. По своей сути это угроза как для здоровья отдельных лиц, допускающих немедицинское потребление наркотиков, так и в целом для здоровья населения государства.

Широкое внедрение технологий позволило облегчить большинство процессов жизнедеятельности человека, при этом способствовало не только развитию социально-экономической сферы, но и привело к их использованию в преступных целях. С развитием информационных технологий констатируется изменение форм и методов совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Для наркопреступлений, совершаемых с использованием глобальной сети Интернет, характерна тенденция увеличения криминогенности информационного пространства, следствием чего является увеличение числа наркозависимых лиц и лиц, вовлеченных организованными преступными группами, в процесс незаконного оборота наркотиков. Предпосылками этому

выступают общедоступность сети Интернет, число пользователей которой превышает 4,66 млрд человек во всем мире, ее открытость, а также отсутствие правовой регламентации ряда направлений ее использования.

Преступные группы получили возможность удаленного сбыта наркотиков, бесконтактного и анонимного руководства членами группы, их вербовки в новых регионах. Данные факты в совокупности затрудняют выявление каналов поставки наркотиков на территорию Республики Беларусь, функционирующих лабораторий, а также преступлений, непосредственно связанных со сбытом наркотиков, обуславливая высокий уровень их латентности. Для достижения большей выгоды и разработки методов маскировки, сокрытия фактов преступной деятельности, противодействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и органам уголовного преследования криминальные субъекты объединяются в устойчивые преступные группы, носящие транснациональный характер, используют современные технические достижения и программное обеспечение, затрудняющие их идентификацию, все возможные средства анонимизации в сети Интернет (VPN и т. д.).

Актуальность исследования проблемы противодействия преступлениям, средством совершения которых выступают компьютерные технологии, подтверждается принятием Концепции информационной безопасности Республики Беларусь¹. Однако для эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием сети Интернет, необходимо постоянное развитие нормативно-правового регулирования, совершенствование теоретических и прикладных аспектов оперативно-розыскного обеспечения их выявления.

Проблемы противодействия наркопреступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий, привлекали ученых с начала XXI в. (период их появления) и остаются предметом дискуссий в современной правовой науке, приобретая особую актуальность. Различные аспекты проблемы противодействия сбыту наркотиков с использованием компьютерных технологий исследовали такие ученые, как О. С. Гузеева, А. Н. Дрозд, А. С. Щурова, Д. Л. Харевич и др. Проблемы обеспечения аналитической разведки криминальных процессов и уголовно-правовой охраны информационной безопасности рассматривали Е. Г. Белоглазов, М. А. Ефремова, М. А. Зубова, Е. В. Красненкова, Д. Г. Полещук и др. Проблемы

¹ Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, утверждена Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1.

выявления (раскрытия) наркопреступлений и противодействия наркобизнесу исследовали И. И. Басецкий, А. Н. Дрозд, А. А. Жоха, С. К. Купрейчик, А. И. Лукашев, А. В. Наумов, В. В. Петров, С. В. Полубинская, Э. Ф. Побегайло, В. П. Ревин и др.

Обращая внимание на актуальность и научную ценность данных исследований, необходимо тем не менее отметить, что опубликованные работы не исчерпывают всех аспектов проблемы выявления незаконного сбыта наркотиков на современном этапе развития общества. Комплексным научным исследованиям не подвергались вопросы выявления фактов незаконного оборота наркотиков с использованием компьютерных технологий, в частности путем использования аналитической разведки криминальных процессов как эффективного средства противодействия наркопреступности, об актуальности чего свидетельствует уголовная статистика.

Так, за последние пять лет имеется тенденция ежегодного снижения количества зарегистрированных преступлений по линии наркоконтроля (с 7 032 в 2015 г. до 3 358 в 2020 г.), однако следует отметить, что их число остается значительным, что наносит существенный вред обществу и государству. В структуре наркопреступлений значительную часть занимает сбыт наркотиков (1 780, или 53 %, в 2020 г.), который преимущественно совершается с использованием сети Интернет. Процесс установления лиц, их совершивших, требует постоянного совершенствования, чему есть ряд как объективных, так и субъективных причин. Так, в 2020 г. окончено производство лишь по 748 уголовным делам по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2–5 ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (сбыт), в то время как производство по 929 делам данной категории приостановлено, в том числе по 921 (99,1 %) по п. 1 ч. 1 ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого).

Принимая во внимание высокую латентность рассматриваемого вида преступлений, специфические личностные характеристики преступников и потребителей, активное использование криминальным элементом инновационных компьютерных технологий для совершения преступлений и противодействия привлечению их к уголовной ответственности, недостаточно высокий уровень раскрываемости сбытов наркотиков, а также значительный ущерб от их совершения, следует констатировать, что принимаемые государственными органами меры по их выявлению (раскрытию) требуют совершенствования.

Изучение практики противодействия наркопреступности в сети Интернет показало, что данная деятельность осуществляется оперативными подразделениями на физическом и интеллектуальном уровнях. Однако процесс выявления (раскрытия) сбыта наркотиков с использованием компьютерных технологий в различных регионах страны имеет как общие закономерности, так и отличия, при этом недостаточно распространена на уровне базовых территориальных подразделений. Более того, отсутствует нормативный акт (инструкция), устанавливающий порядок действий, направленных на документирование и выявление (раскрытие) данного вида преступлений.

Таким образом, актуальность исследования обуславливается существующими проблемами теоретического и прикладного характера. В настоящее время необходимо решить ряд научно-практических задач по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь в данной части: изучить современное состояние практики выявления (раскрытия) данного вида преступлений; разработать информационную модель незаконного сбыта наркотиков с использованием компьютерных технологий; классифицировать способы совершения преступления данного вида; определить особенности взаимодействия оперативных подразделений при противодействии данному виду преступлений; выработать научно-практические рекомендации по выявлению (раскрытию) фактов незаконного сбыта наркотиков с использованием компьютерных технологий. Вышеизложенное свидетельствует о необходимости комплексного исследования проблемы противодействия незаконному сбыту наркотиков с использованием компьютерных технологий.

Совершенствование психофизиологического метода детекции лжи в условиях цифровизации правоохранительной деятельности

Д. В. БЕЛЫХ-СИЛАЕВ,
старший научный сотрудник
ВНИИ МВД России
E-mail: 014130@mail.ru

Аннотация: статья посвящена проблеме совершенствования психофизиологического метода детекции лжи в условиях цифровой трансформации. Автором предлагается авторское определение искусственного интеллекта, исследуется зарубежный опыт применения инновационных бесконтактных полиграфных устройств, их структура, принцип работы. Рассматриваются сферы применения бесконтактных полиграфных устройств, формулируются условия, при которых внедрение инновационных полиграфных устройств в отечественную правоохранительную практику будет эффективным. Автор приходит к выводу о том, что применение систем искусственного интеллекта в системах психофизиологической детекции лжи повысит эффективность правоохранительной деятельности, в том числе оперативно-розыскной.

Ключевые слова: полиграф; психофизиологический метод детекции лжи; цифровизация; искусственный интеллект; правоохранительная деятельность.

Ключевой особенностью развития современного общества является цифровизация. Именно цифровизация, под которой понимается повсеместное внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни, существенным образом модифицировала правоохранительную деятельность. Президент Российской Федерации В.В. Путин, обращаясь к Федеральному Собранию, отметил, что скорость технологических изменений в мире многократно возрастает, в связи с чем необходимо создать собственные технологии и стандарты по тем направлениям, которые определяют будущее. Речь идет прежде всего об искусственном интеллекте¹.

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Искусственный интеллект (англ. «artificial intelligence») – это комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека.

По степени соответствия результатам интеллектуальной деятельности человека принято выделять «сильный» («strong») и «слабый» («weak») искусственный интеллект («artificial intelligence»).

Сильный искусственный интеллект («strong artificial intelligence») призван наиболее полно воспроизводить когнитивные функции человека, т. е. его психические познавательные процессы (в том числе память, мышление, речь). В перспективе искусственный интеллект может стать цифровым эквивалентом всех элементов структуры психики человека – психических процессов, свойств, состояний и образований.

Слабый искусственный интеллект («weak artificial intelligence»), наиболее распространенный в наши дни, *не стремится воспроизвести человека во всем спектре присущих ему возможностей*, но решает частные прикладные задачи.

Решая частные прикладные задачи, искусственный интеллект способен выполнять их значительно лучше естественного интеллекта человека, превосходя его в таких когнитивных процессах, как, например, память и мышление.

Могут быть обозначены следующие *основные направления применения* искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности:

- сбор, хранение и обработка информации;
- аналитическое и прогнозное моделирование;
- проведение цифровых расследований;
- обеспечение коммуникаций и взаимодействия.

В условиях цифровой трансформации правоохранительной деятельности совершенствуется и психофизиологический метод детекции лжи. Основной зарубежный тренд – постепенный переход от контактного метода детекции лжи к бесконтактному [9]. Это требует своевременного изучения зарубежного опыта применения инновационных полиграфных устройств. Кроме того, в связи с появлением бесконтактных полиграфных устройств возникает возможность их использовать не только для опроса, но и для наблюдения, отождествления личности, при обследовании помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств [2; 5].

Полиграф (дословно в переводе с греч. «poly» означает «много», «graphein» – «пишу») – это медико-биологический прибор, предназначенный для одновременной регистрации нескольких физиологических показателей, которая систематизирует запись, а физиологический показатель фиксирует проявление вне работы одного из органов или систем живого организма [1].

В США в настоящее время под полиграфом понимаются приборы, которые могут иметь название: «детектор лжи», «анализатор стресса голоса», «психологический стресс-оценщик или аналогичное устройство» (будь то механическое или электрическое), используемое для предоставления диагностического заключения относительно честности или нечестности личности. Полиграф означает инструмент, который записывает непрерывно, визуально, постоянно и одновременно изменения сердечно-сосудистых, дыхательных систем и электрической активности кожи в качестве минимальных параметров и используется для предоставления диагностического заключения о честности или нечестности личности, а также о получении данных об актуальном психоэмоциональном состоянии человека.

К основным регистрируемым в ходе проверки с применением полиграфа физиологическим показателям относятся:

- дыхание;
- частота сердечных сокращений;
- артериальное давление;
- наполняемость кровью сосудов пальцев рук человека;
- кожно-гальваническая реакция, тремор [4].

Существующая модель контактной психофизиологической детекции лжи предполагает крепление датчиков к телу опрашиваемого лица. Недостатки контактного метода:

- необходимость закрепления датчиков на испытуемом;
- отсутствие возможности негласного применения;
- возможность противодействия (подмены и имитации реакций);
- необходимость привлечения высококвалифицированного интерпретатора (полиграфолога);
- возможность ошибки в интерпретации результатов, связанных с человеческим фактором [3].

Инновационная модель бесконтактной психофизиологической детекции лжи предполагает регистрацию основных физиологических показателей дистанционно, например, через видеокамеры, микрофон и биорадары [9].

Преимущества бесконтактного метода оценки ПЭС:

- отсутствие необходимости закрепления датчиков на испытуемом;
- возможность негласного применения;
- снижение требований к квалификации полиграфолога;
- снижение субъективизма в оценке результатов тестирования.

Приведем примеры существующих систем бесконтактной детекции лжи: «VibraImage» (Россия) – бесконтактное полиграфное устройство, анализирующее перемещения точек тела в пространстве, «HireVue» (США) – бесконтактное полиграфное устройство, основанное на регистрации и анализе движений рук и тела; «Affectiva» (США) – бесконтактный полиграф, регистрирующий лицевые экспрессии; «Beyond Verbal» (Израиль) – бесконтактный полиграф, анализирующий тональность речи; «AutoEmotive» (США) – бесконтактный полиграф, регистрирующий с применением видеокамер лицевые экспрессии, а с применением биорадара – частоту сердечных сокращений.

Общим недостатком существующих систем бесконтактной детекции лжи является ограниченное количество регистрируемых показателей. В 2020 г. в НИИ МВС им. академика А.В. Каляева в Таганроге в комплексной научной группе под руководством академика РАН И.А. Каляева был разработан и продемонстрирован профессиональному сообществу полиграфологов бесконтактный полиграф, в котором учтены недостатки существующих зарубежных аналогов и предложено объединить существующие способы бесконтактной регистрации физиологических показателей опрашиваемого в одно полиграфное устройство. Структура инновационного бесконтактного полиграфа включает в себя три блока:

- 1) блок бесконтактной регистрации физиологических показателей испытуемого;
- 2) блок выявления биометрических и психофизиологических параметров состояния испытуемого;
- 3) психоанализатор, т. е. блок, оценивающий психоэмоциональное состояние испытуемого.

В структуру психоанализатора в свою очередь входят:

- обучающая выборка;
- блок контроля достоверности обучающей выборки;
- блок внутренней структуризации обучающей выборки;
- блок коррекции обучающей выборки;
- блок определения параметров шкалы классификации;
- множество центров классов и весовых коэффициентов разделяющей поверхности;
- образы текущей информации о психофизиологическом состоянии человека;

- нечеткий анализатор, когнитивные карты;
- вектор нечетких оценок принадлежности к классам.

При этом в бесконтактном полиграфном устройстве используются такие технологии искусственного интеллекта, как сверточные сети, методы нечеткой логики и когнитивные карты [6–8].

В бесконтактном полиграфе с помощью видеокамер выявляются и анализируются следующие физиологические показатели: направление взгляда, размер зрачка, тип позы, мимические параметры лица. Требования к видеокамере, предъявляемые в зарубежных бесконтактных полиграфных устройствах: максимальное разрешение видеопоток 5 МП (2560x1920); максимальная частота кадров не менее 60 в секунду; максимальное расстояние, как правило, до двух метров от опрашиваемого [9].

С помощью микрофонов могут детектироваться (выявляться) такие параметры речи испытуемого как темп, ритмичность, интенсивные элементы интонации, мелодика, диапазонная высота, типы интонационных конструкций. Системы искусственного интеллекта, применяемые в бесконтактных полиграфных устройствах, позволяют оценивать степень эмоциональной вовлеченности испытуемого, а также распознавать типы эмоций, выявляя по речи слабые положительные эмоции, нейтральные положительные эмоции, сильные положительные эмоции, слабые отрицательные эмоции, нейтральные отрицательные эмоции и сильные отрицательные эмоции. Как правило, для бесконтактных полиграфных устройств предъявляются следующие требования, которые являются существенными для эффективной работы бесконтактного полиграфа: во-первых, полоса частот от 30 Гц до 10 кГц, во-вторых, необходим стереомикрофон с разнесенными каналами [9].

С помощью биорадара обычно регистрируются частота пульса и частота дыхания. Принцип работы биорадара основан на модуляции отраженного от человека радиолокационного сигнала перемещениями органов человека при дыхании, сердцебиении и т. д. Биорадар позволяет дистанционно и при необходимости скрытно регистрировать физиологические реакции (пульс и дыхание) человека на предъявляемые стимулы, в качестве которых, как правило, выступают задаваемые опрашиваемому вопросы. По анализу вариабельности регистрируемых физиологических параметров можно судить о возникающем психоэмоциональном напряжении на те или иные стимулы (вопросы), а также о типе возникающей психоэмоциональной реакции.

Сферы применения дистанционного (бесконтактного) метода оценки ПЭС испытуемого:

- получение ориентирующей информации при проведении ОРМ и следственных действий;
- профессионально-психологический отбор;
- мониторинг психоэмоционального состояния операторов, работающих на удаленных объектах с критической инфраструктурой.

В заключение могут быть сделаны выводы и даны определенные рекомендации.

Во-первых, цифровизация как признак современного общества, приводя к цифровой трансформации правоохранительной деятельности в целом, актуализирует и проблемы применения полиграфа в правоохранительной деятельности, в том числе оперативно-розыскной.

Во-вторых, внедрение в работу полиграфных устройств систем искусственного интеллекта позволяет констатировать, что мы находимся на пороге технологической революции в области применения полиграфа, которая может быть сравнима с той, которая произошла в конце XX в., когда с распространением компьютеров состоялся переход от механического полиграфа к компьютерному.

В-третьих, уже сейчас за рубежом разработаны научно-технические основы и интеллектуальные технологии дистанционного (бесконтактного) оценивания психоэмоционального состояния на базе данных, получаемых от бесконтактных источников информации (видеокамер, микрофонов, биорадаров и т. д.).

В-четвертых, учет в отечественной правоохранительной практике зарубежного опыта применения инновационных бесконтактных полиграфных устройств может способствовать повышению эффективности борьбы с преступностью, а также качеству профессионально-психологического отбора кандидатов на службу в правоохранительные органы.

В-пятых, появление и внедрение в правоохранительную практику бесконтактных полиграфных устройств требует модификации тактики их применения и нового правового регулирования применения психофизиологического метода детекции лжи в правоохранительной деятельности.

В-шестых, необходимой предпосылкой к внедрению в практику инновационных полиграфных устройств является формирование у сотрудников органов внутренних дел установки, отношения («attitude») к искусственному интеллекту как к технологии, способной повысить эффективность их оперативно-служебной деятельности, поскольку отношение определяет поведение.

В-седьмых, важным условием успешного внедрения в правоохранительную деятельность инновационных бесконтактных устройств, основанных на системах искусственного интеллекта, является повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел до уровня, достаточного для применения технологий искусственного интеллекта в повседневной оперативно-служебной деятельности.

Список литературы:

1. *Айдинов В. С., Белых-Силаев Д. В.* Тактика проведения психофизиологической экспертизы с применением полиграфа в отношении лиц с акцентуациями характера // Юридическая психология. 2018. № 1.
2. *Белых-Силаев Д. В.* Психологические аспекты взаимодействия следователя с оперативными кадрами // Процессуальные и организационно-правовые особенности взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими ОРД: проблемы и пути их решения: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 13 декабря 2018 г.). Москва: МАСК, 2018.
3. *Белых-Силаев Д. В., Комиссарова Я. В.* О проведении исследований с применением полиграфа в России (результаты анкетирования полиграфологов в 2003–2016 гг.) // Юридическая психология. 2017. № 1.
4. *Гончарова Н. В., Белых-Силаев Д. В.* Психофизиологические и личностные особенности восприятия стимулов подозреваемыми и обвиняемыми лицами в ходе расследования и раскрытия преступлений // Юридическая психология. 2016. № 4.
5. *Свободный Ф. К., Белых-Силаев Д. В.* Эффективность полиграфа в расследовании преступлений: мнение следователей // Юридическая психология. 2019. № 3.
6. *Kalyaev I., Melnik E., Klimenko A.* Distributed Methods for Autonomous Robot Groups Fault-Tolerant Management // International Conference on Interactive Collaborative Robotics. Springer, Cham, 2020.
7. *Kalyaev I., Melnik E., Korovin I., Klimenko A., Schaefer G. A.* Fog Computing-based Method to Information and Control System Reliability Enhancement // 2018 Joint 7th International Conference on Informatics, Electronics and Vision (ICIEV) and 2018 2nd

International Conference of Imaging, Vision and Pattern Recognition (iclVPR). IEEE. 2018.

8. *Korovin I. S., Klimenko A. B., Kalyaev I. A., Safronenkova I. B.* An experience of the cognitive map-based classifier usage in astronaut's emotional state monitoring // *Acta Astronautica*, 2021. T. 181.

9. *Klimenko A. B., Korovin I. S.* A technique of deviant behaviour detection in video surveillance systems based on complex behaviour analysis // *Journal of Physics: Conference Series*. IOP Publishing. 2020. T. 1661. № 1.

Перспективы использования искусственного интеллекта в раскрытии серийных преступлений

А. А. БЕССОНОВ,

*руководитель управления научно-исследовательской
деятельности (научно-исследовательский
институт криминалистики) Главного управления
криминалистики (Криминалистический центр),
доктор юридических наук, доцент
Следственный комитет Российской Федерации;
профессор кафедры криминалистики
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации*

Аннотация: в настоящее время одной из самых обсуждаемых является тема использования искусственного интеллекта в различных сферах жизнедеятельности, в том числе в расследовании преступлений. В связи с этим в настоящей статье продемонстрированы возможности математической статистики и алгоритмов искусственного интеллекта в выявлении в массиве нераскрытых преступлений тех, которые имеют признаки серийности, прогнозировании портрета серийного преступника и установлении конкретного причастного к ним лица.

Ключевые слова: *искусственный интеллект; машинное обучение; серийные преступления; цифровая модель преступления.*

Одна из базовых аксиом национальной безопасности государства заключается в необходимости обеспечения неотвратимости наказания за каждое совершенное преступное деяние, ибо «нет более благоприятного условия для повторного преступления, как неразоблаченность первого и его безнаказанность» [1, с. 8]. Не менее важно установить каждое лицо, совершившее криминальное деяние, и с точки зрения защиты прав пострадавшего, иначе он «дважды становится потерпевшим ввиду того, что наличествует факт совершения уголовно наказуемого деяния в отношении него и, кроме того, его нарушенные права и интересы не восстановлены» [2, с. 19].

Сказанное прежде всего справедливо относится к преступлениям, носящим серийный характер, многие из которых одновременно являются преступлениями прошлых лет. В свою очередь, согласно

общепринятому подходу под серийными понимают два или более однородных умышленных преступлений, совершенных по аналогичному мотиву одним и тем же лицом (лицами), не охваченных единым умыслом¹. В качестве подтверждения актуальности проблемы раскрытия и расследования серийных преступлений приведем статистические сведения Следственного комитета Российской Федерации, согласно которым по состоянию на 1 января 2021 г. остаются нераскрытыми 209 убийств, составляющих 51 серию, и 289 преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности (81 серия) [3, с. 7].

Вместе с тем следует отметить, что органами, осуществляющими расследование и оперативно-розыскную деятельность, на системной основе проводится работа по раскрытию таких криминальных деяний. Например, за 2020 г. раскрыто 88 убийств (21 серия) и 1 488 преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности (180 серий) [3, с. 6]. Причем важно понимать, что сквозь призму статистики в этом случае речь можно вести лишь о тех деяниях, серийная природа которых как таковая выявлена. Из этого вытекает важнейшая, стоящая перед указанными органами задача, заключающаяся, во-первых, в выявлении серийного характера совершенных преступлений, особенно нераскрытых, во-вторых, в установлении причастного к ним серийного преступника (преступной группы).

Фундаментальной основой решения обозначенной задачи выступает криминалистическое обеспечение расследования серийных преступлений, базирующееся в числе прочего на актуальных результатах научных исследований криминалистической природы различных их видов и практики расследования. В связи с этим в управлении научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательском институте криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации изучены материалы уголовных дел о 1 068 серийных преступлениях, совершенных из сексуальных побуждений 184 преступниками, из числа которых возможно выделить Попкова (80 преступных эпизодов) и Чикатило (58 эпизодов). Эти деяния совершены в СССР и в современной России с 1973 по 2018 гг. и включают в себя 278 серийных убийств, что составляет

¹ Инструкция о порядке заполнения и представления учетных документов [Электронный ресурс]: приказ от 29 декабря 2005 г. Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 (в ред. от 15 октября 2019 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

26 %. При этом на настоящий момент акцент сделан на криминалистической характеристике этих преступлений и способах установления совершивших их серийных преступников.

В результате исследования способов раскрытия этого вида серийных преступлений установлено, что отправной точкой в большинстве случаев послужил поисковый словесный портрет преступника, позволивший идентифицировать его личность, а затем осуществить установление его местонахождения и задержать. Еще одним распространенным источником информации, позволившим выявить подозреваемого, являются результаты исследования ДНК в следах и их проверка по базе данных геномной информации. Не менее часто личность серийного преступника устанавливалась в ходе следственных действий либо оперативно-розыскных мероприятий. Более подробно сведения об источниках информации, послуживших основанием раскрытия серийных преступлений, совершенных по сексуальному мотиву, приведены на диаграмме (рис. 1).

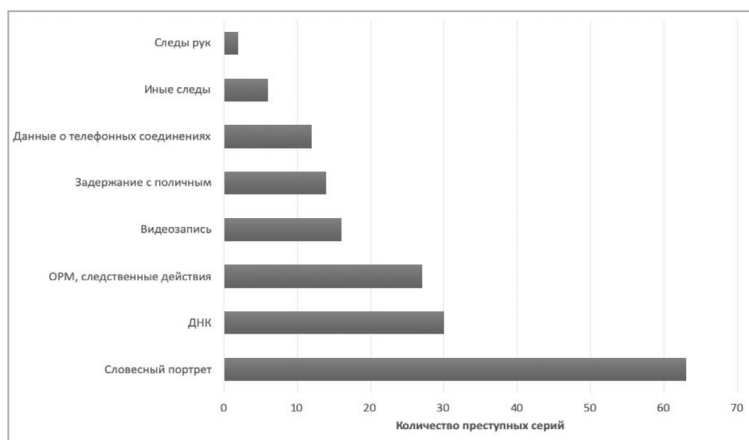

Рис. 1. Источники информации, послужившие основанием раскрытия серийных преступлений, совершенных по сексуальному мотиву

Анализ оснований раскрытия рассматриваемых серийных преступлений позволил определить перспективные направления дальнейших исследований в плане совершенствования научно-технической составляющей криминалистического обеспечения их расследования. На наш взгляд, к таковым в первую очередь относится разработка эффективных и точных технологий, базирующихся на алгоритмах искусственного интеллекта, для:

- а) построения поискового портрета серийного преступника;
- б) выявления в массиве нераскрытых деяний тех, которые носят серийный характер и совершены одним и тем же субъектом;
- в) установления наиболее вероятного подозреваемого из числа лиц, учтенных в базе данных о преступниках.

С целью проверки гипотезы о достижимости результатов, определяемых перечисленными задачами совершенствования научно-технического обеспечения расследования, нами проведена соответствующая научно-исследовательская работа. В качестве основных методов исследования и построения искомых систем поддержки принятия решений выступили:

- разведочный анализ;
- регрессионный, дисперсионный и факторный анализы;
- машинное и глубокое обучение.

Для обработки данных и написания необходимых для этого собственных функций использовался язык программирования Python, а также программная среда R.

Применение в исследовании методов математической статистики и искусственного интеллекта позволило построить цифровую криминалистическую модель серийных преступлений, содержащую 27 признаков с различным числом градаций, а также выявить закономерные связи между признаками их системы. Закономерности изученных преступлений детерминировали выбор признаков, на основе которых возможно устанавливать серийный характер неочевидных преступлений и причастных к ним лиц. В качестве таких признаков выступили географические координаты места преступления, время совершения деяния (начальное и конечное), вид места преступления, способ и орудия, возраст потерпевшего. Эти признаки преобразованы в доказательственные переменные по методу, предложенному М. Д. Портером [4] и модифицированному нами. Далее модель с доказательственными переменными протестирована на точность выявления серийных преступлений с помощью наивного байесовского классификатора, логистической регрессии и градиентного бустинга. В итоге окончательный выбор сделан в пользу алгоритма на основе наивного байесовского классификатора (точность 92,5–93,1 %, $AUC = 0,969–0,971$) и градиентного бустинга (точность 97,7–98,2 %, $AUC = 0,980–0,981$), эффективность которых приведена на графиках ROC-кривых на рисунке 2.

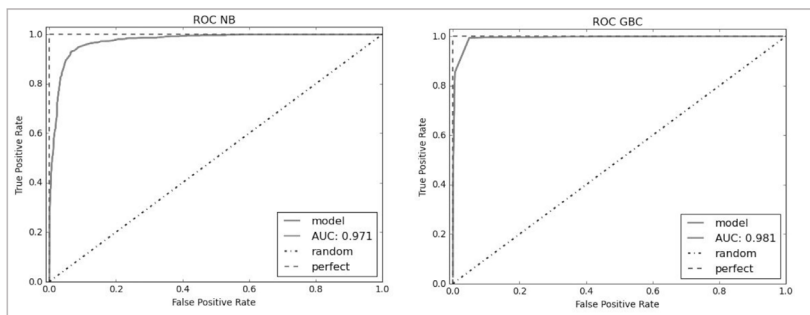

Рис. 2. Эффективность алгоритмов наивного байесовского классификатора (слева) и градиентного бустинга (справа) в выявлении серийных преступлений

На следующем этапе исследования нами создана система поддержки принятия решений, позволяющая устанавливать из числа нераскрытых преступных деяний те, которые с наибольшей вероятностью составляют серию. При этом в признаках проверяемых нераскрытых преступлений допускаются пропущенные значения, если орган расследования ими не располагает, однако точность прогноза в таком случае может незначительно снижаться. Удобство восприятия результатов обеспечено их представлением как в форме аналитической таблицы, так и в виде дендрограммы. Последнюю продемонстрируем на примере данных о 20 нераскрытых убийствах, совершенных в ряде субъектов Дальневосточного федерального округа (рис. 3).

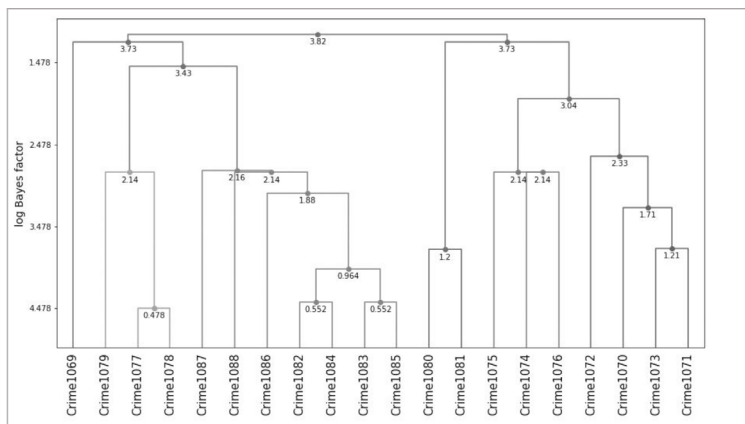

Рис. 3. Дендрограмма связи нераскрытых преступлений по признаку их совершения одним и тем же лицом (группой лиц)

Суть интерпретации приведенной дендрограммы заключается в том, что преступления, составляющие серию, имеют наименьшую дистанцию между собой. Так, дистанция между преступлениями, обозначенными как Crime1077 и Crime1078, равна 0,478, что указывает на высокую вероятность их совершения одним и тем же преступником (байесовский фактор 4,478). С высокой степенью вероятности можно судить о том, что преступления Crime1082, Crime1083, Crime1084 и Crime1085 также составляют единую серию.

Работоспособность этой системы применительно к серийным преступлениям разных видов проверена нами на сведениях о 490 кражах из жилища и достигнута точность 83,6 % ($AUC = 0,881$). В дальнейшем планируется осуществить ее апробацию также на преступлениях других видов.

Кроме того, эта система поддержки принятия решений позволяет устанавливать конкретных подозреваемых, сведения о совершенных деяниях которых включены в соответствующую информационную базу, наиболее вероятно совершивших проверяемые нераскрытые преступления с признаками серийности. Суть этого алгоритма заключается в построении рейтинга лиц, преступления которых по своим характеристикам наиболее похожи на изучаемые неочевидные преступления, в связи с чем их целесообразно проверить на причастность к последним. Поскольку преступления, обозначенные как Crime1077 и Crime1078, с высокой степенью вероятности составляют серию, на рисунке 4 показан результат приоритизации подозреваемых из числа лиц, ранее совершивших аналогичные деяния: к обоим преступлениям может быть причастен либо преступник с идентификатором «СНигис» (байесовский фактор 2,24 и 1,88 соответственно) либо «Basov» (байесовский фактор 1,99 и 1,61). Выбор системой одних и тех же лиц в качестве подозреваемых по каждому из преступлений выступает еще одним подтверждением эффективности и точности ее работы.

```
In [1103]: seriesID(['Crime1077'],DF0,Crimes,seriesData,varlist,estimateBF)
Out[1103]:
```

	group	BF-link	offenderID
0	23	2.239835	CHurik
1	27	1.987361	Basov

```
In [1104]: seriesID(['Crime1078'],DF0,Crimes,seriesData,varlist,estimateBF)
Out[1104]:
```

	group	BF-link	offenderID
0	23	1.879252	CHurik
1	27	1.610109	Basov

Рис. 4. Приоритизация подозреваемых по нераскрытым преступлениям, имеющим признаки серийности

Обратим внимание на то, что ключевая задача для обеспечения дальнейшей работоспособности системы заключается в необходимости формирования как можно более полной базы данных о преступных деяниях того или иного вида и причастных к ним лицах.

Помимо этого нами создан алгоритм построения портрета серийного преступника, совершающего свои криминальные деяния по сексуальному мотиву на основании ряда признаков, которые устанавливаются следователем, как правило, уже на первоначальном этапе расследования. Эта система базируется на алгоритмах искусственного интеллекта, а именно нейронных сетях и градиентном бустинге, и позволяет прогнозировать расстояние от места преступления до места жительства такого преступника с точностью 88,3–93,5 % (в зависимости от количества используемых интервалов расстояний), его возраст (точность 80,3 %, доверительный интервал ± 6 лет), наличие у него психического заболевания (точность 81,5 %) и судимости (точность 82 %), факт совершения преступления с использованием автотранспортного средства и без него (90 %), наличие связи между преступником и потерпевшим до совершения деяния (96 %), семейный статус – имеется собственная семья или нет (73,8 %).

Проверка точности прогнозирования с помощью этого алгоритма осуществлена путем градации исходных данных ($n = 1011$ на этапе обучения нейронных сетей) на обучающий ($n = 808$) и тестовый наборы ($n = 203$). Дополнительную проверку алгоритм прошел на данных о раскрытых серийных и не являющихся таковыми преступлениях, вовсе не фигурировавших в исследовательской работе. Результаты этой проверки приведены в таблице.

Таблица

**Результаты проверки точности прогнозирования
портрета серийного преступника (серым цветом выделены ячейки
с совпавшими признаками)**

	№ п/п	Возраст	Психическое заболевание	Автомашина	Судимость	Связь с потерпевшим
Серия 1	1	17-28	имеется	без автомашины	имеется	отсутствует
	5	32-43	имеется	без автомашины	имеется	отсутствует
	18	32-43	имеется	без автомашины	имеется	отсутствует
Серия 2	2	17-28	имеется	с автомашиной	имеется	отсутствует
	3	22-33	имеется	без автомашины	отсутствует	отсутствует
	10	22-33	имеется	без автомашины	имеется	отсутствует
	12	22-33	имеется	без автомашины	отсутствует	отсутствует
Серия 3	6	27-38	имеется	без автомашины	имеется	отсутствует
	17	27-38	имеется	с автомашиной	имеется	отсутствует
	14	22-33	имеется	с автомашиной	имеется	имеется
Серия 4	7	27-38	имеется	без автомашины	имеется	отсутствует
	13	17-28	имеется	без автомашины	имеется	отсутствует
	16	27-38	имеется	без автомашины	имеется	отсутствует
Совпадение		85%	100%	77%	85%	85%

После этого с помощью описанной системы поддержки принятия решений на основе алгоритмов искусственного интеллекта сформированы портреты преступников, совершивших уже упоминавшиеся 20 нераскрытых убийств в некоторых субъектах Дальневосточного федерального округа. Причем интересен тот факт, что сформированные с помощью этой системы поисковые портреты преступников, совершивших, к примеру, преступления под идентификационными номерами Crime1077 и Crime1078, во-первых, совпадают по признакам между собой на 85,7 %, что в очередной раз подтверждает серийный характер этих деяний, во-вторых, по первому преступлению портрет на 85,7 % схож с характеристикой преступника с идентификатором «СНuric», а по второму деянию – на 71,4 % с ним же.

В настоящее время эта комплексная система на основе алгоритмов искусственного интеллекта проходит апробацию в Главном управлении криминалистики (Криминалистическом центре) Следственного комитета Российской Федерации.

Приведенные результаты исследования дают основания для следующих основных выводов.

Во-первых, возможно и необходимо использовать методы математической статистики и алгоритмы искусственного интеллекта в научном изучении преступлений в криминалистике как инструменты получения новых и необходимых знаний, а в практической деятельности – в качестве эффективного инструмента их раскрытия и расследования.

Во-вторых, описанные технологии построения поискового портрета серийного преступника, выявления в массиве нераскрытых деяний тех, которые носят серийный характер и совершены одним и тем же субъектом, и установления наиболее вероятного подозреваемого из числа лиц, учтенных в базе данных о преступниках, наибольшую точность и эффективность показывают при использовании в комплексе.

В-третьих, неотъемлемой частью процесса использования систем поддержки принятия решений, основу которых составляют алгоритмы искусственного интеллекта, в деятельности по расследованию преступлений должно быть понимание их возможностей и ограничений во избежание некорректного использования и разочарования в этих современных и перспективных технологиях.

Список литературы:

1. *Гаврилов А.К.* Раскрытие преступлений на предварительном следствии. Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1976.

2. *Мальшева О. А.* О некоторых концептуальных положениях современной уголовно-процессуальной политики (досудебное производство) // Российский следователь. 2008. № 6.

3. Обзор практики выявления и расследования следственными органами Следственного комитета Российской Федерации в 2020 г. серийных преступлений // Вестник Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 3 (6).

4. *Porter M. D.* A Statistical Approach to Crime Linkage. The American Statistician, 2016.

К вопросу о раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершенных бесконтактным способом при помощи сети Интернет

А. А. БУЛЬБАЧЕВА,

*старший научный сотрудник отдела планирования
и контроля научных исследований
научно-исследовательского центра,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России
E-mail: anit-b@mail.ru*

Аннотация: в статье обобщены данные о способах и методах совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков бесконтактным способом при помощи сети Интернет; аргументирована необходимость реализации мер противодействия преступлений в данной сфере.

Ключевые слова: выявление и раскрытие преступлений; Интернет; интернет-преступность; незаконный оборот наркотиков; оперативно-розыскная деятельность; повышение эффективности; теневой Интернет.

В соответствии со Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации в период 2010–2020 гг. реализован комплекс организационных мер, обеспечивших совершенствование и оптимизацию государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотиков, а также в области противодействия их незаконному обороту¹.

По данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», в 2020 г. зарегистрировано 510 396 (+73,4 %) преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий (киберпреступлений). В общей структуре преступности доля таких преступлений составила 25 %, что существенно превышает уровень

¹ Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2019 г. (14,5 %). Вместе с тем раскрываемость таких преступлений пока недостаточна и в 2020 г. составила 18,6 % (в 2019 – 22,2 %). Наиболее широкое распространение получили преступления, связанные с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (300 337; 58,8 %), средств мобильной связи (218 739; 49,9 %), расчетных (пластиковых) карт (190 167; 37,3 %). Отмечается увеличение доли IT-преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228.1 УК РФ) с 8,3 % в 2019 г. до 9,2 % в 2020 г. среди всех преступлений, совершенных в сфере информационно-телекоммуникационных технологий¹.

Для большинства людей Интернет стал повседневной реальностью, позволяющей получать широкий спектр информации и услуг. С помощью Интернета доступен не только мгновенный обмен данными, но и успешное развитие бизнеса, самообразование, финансовые операции, досуг и многое другое. Помимо положительных свойств Интернет является фактором внедрения функций IT в противоправную деятельность организованных преступных групп. Одна из них – это возможность проводить финансовые транзакции по продаже и покупке наркотиков, сохраняя анонимность и абсолютную секретность при участии в преступной деятельности, исключая государственный контроль над финансовыми операциями с криптовалютой.

Незаконный оборот наркотиков – одна из глобальных проблем, стоящих перед человечеством, представляющих собой угрозу для каждого, а также для государств в целом. В настоящее время очень большое количество операций, связанных с незаконным оборотом наркотиков, осуществляется в Интернете анонимным и бесконтактным способом. Оплата приобретенных товаров производится через электронные платежные системы, которые ускоряют покупку и продажу этих средств и их последующую доставку потребителю.

Продажа наркотиков в недрах Интернета осуществляется через распространение информации в скрытой сети (DarkNet).

DarkNet – это сеть соединений, которые устанавливаются только между доверенными участниками файлообмена, с использованием нестандартных протоколов и портов, используемая членами различных преступных группировок для транзакций, купли-продажи предметов и веществ, запрещенных в гражданском обороте (нарко-

¹ Официальный сайт ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: <http://10.5.0.17/csi/modules/> (дата обращения: 10.05.2021).

тики, психотропные вещества, оружие, базы данных, государственная информация и другие охраняемые секреты и т. д.) [2, с. 201].

Принимая во внимание, что эта сеть использует протоколы, не проиндексированные в поисковых системах, она приобрела статус надежной платформы для практики незаконных действий в условиях анонимности пользователя. Этому способствует использование обезличенных платежных систем и расчетов, таких как Bitcoin, Ethereum и др.

На территории DarkNet есть ресурсы, торгующие запрещенными для гражданского оборота оружием, наркотиками и фальшивыми документами. Этот невидимый Интернет содержит более 8 000 терабайт информации (600 млрд отдельных документов) – огромный объем по сравнению с 20 млрд индексируемого Интернета [3, с.11].

Одним из основных способов совершения наркопреступлений в настоящее время является бесконтактный сбыт наркотиков посредством использования интернет-сервисов. С этой целью используются возможности интернет-телефонии (Telegram Messenger, WhatsApp Messenger и др.). Использование электронных платежных систем посредством передачи логина и пароля от электронного кошелька, зарегистрированного на покупателя, сбытчику наркотика обеспечивают анонимность факта оплаты. С использованием интернет-ресурсов реализуются различные платежные схемы для проведения взаиморасчетов между наркодилерами (банковские и почтовые переводы, переводы посредством электронных платежных систем, онлайн-покупки, оформленные на подставных лиц, выигрыши на электронных торгах и др.).

Современные интернет-сервисы предоставляют возможность скрытной переписки с другими пользователями (например, в чатах онлайн-игр), а также заведения странички с вымышленными анкетными данными. Современные форумы, видео – и фотохостинги, почтовые сервисы, сообщества для ведения блогов обладают практически всеми свойствами социальных сетей, при этом сохраняя собственные возможности контента. В качестве примеров можно привести крупнейший видеохостинг Youtube, любую почтовую и поисковую систему, платформы для ведения блогов LiveJournal и Twitter, любой популярный форум, такой как Guns.ru [1].

Развитие анонимных децентрализованных сетей, а также виртуальных валют в условиях отсутствия механизмов их государственного контроля приведет к резкому скачку числа преступлений, связанных с дистанционным сбытом наркотических средств и психотропных веществ.

Для повышения эффективности противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, совершаемому бесконтактным способом при помощи сети Интернет, представляется необходимым следующее:

- разработка научно обоснованных рекомендаций по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершаемых бесконтактным способом при помощи сети Интернет;
- повышение квалификации сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотиков, дознания и следствия, уголовного розыска и экспертно-криминалистической службы, участвующих в производстве по делам по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершаемых с использованием информационных и телекоммуникационных технологий.
- обеспечение вышеуказанных служб специальными техническими средствами в целях недопущения технологического отставания от современного уровня развития информационных и телекоммуникационных технологий и искусственного интеллекта.

Список литературы:

1. *Бульбачева А. А., Котязов А. В.* Коллизии и противоречия правового регулирования в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: пути совершенствования антинаркотического законодательства // *Полицейская деятельность.* 2020. № 3.
2. *Сухарев А. А.* Виртуальная среда как фактор имплицитной социализации несовершеннолетних (психолого-криминологический аспект) // *Право. Экономика. Психология.* 2019. № 2.
3. *Тимофеев С. В.* О некоторых аспектах нормативного регулирования противодействия бесконтактному сбыту наркотиков с использованием информационной телекоммуникации // *Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России.* 2019. № 2.

Применение технологий анализа больших данных и информационного подхода в целях выявления признаков серийности преступлений

П. С. ВЕЛИЧКО,

*старший научный сотрудник
ФКУ НПО «СТuС» МВД России*

В. В. КОНЮШЕВ,

*старший научный сотрудник
ФКУ НПО «СТuС» МВД России*

А. И. ЛЁВИН,

*старший научный сотрудник,
кандидат технических наук
ФКУ НПО «СТuС» МВД России*

А. В. СУХОВ,

*старший научный сотрудник,
доктор технических наук, профессор
ФКУ НПО «СТuС» МВД России*

Аннотация: рассматриваются возможности и механизмы применения технологий анализа больших данных и информационный подход, основанный на энтропии покрытия, в целях выявления признаков серийности преступлений, математическая модель идентификации серийного преступления. Анализируются требования к формированию датасетов для выявления признаков серийности преступлений. Рассмотрены информационно-аналитические системы, вошедшие в правоохранительную и правоприменительную практику.

Ключевые слова: *большие данные; энтропия покрытия; датасет; информационно-аналитическая система; информационно-коммуникационная технология; серийное преступление.*

Понятие серийного преступления не имеет законодательного закрепления. Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит норм, относящихся к серийным преступлениям. Вместе с тем

понятия рецидива преступлений и совокупности преступлений, закрепленные в общей части уголовного закона и характеризующие множественность преступлений, при определенных обстоятельствах могут иметь отношение к серийным преступлениям. Серийное преступление можно определить как многоэпизодные преступные деяния (количество эпизодов, как правило, не меньше трех), совершаемые одним субъектом по неочевидным мотивам, в ходе которых объектом посягательств оказывается объект (человек, имущество), ранее не знакомый субъекту, а время между эпизодами преступлений превышает интервал, необходимый для эмоционального охлаждения субъекта после совершения деяния¹.

Наиболее часто среди серийных преступлений встречаются убийства, сексуальные преступления, имущественные преступления.

Выявление признаков серийного преступления осуществляется с использованием полноструктурной модели механизма преступной деятельности (модель объекта исследования), основанной на деятельностном подходе. Структуру деятельностного подхода формируют четыре группы признаков, характеризующих элементы механизма: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона преступления.

Значимость признака определяется в зависимости от того, может ли тот или иной элемент служить частной версией в деятельности по расследованию соответствующего вида преступлений.

Исследование возможностей и механизмов применения технологий анализа больших данных, искусственного интеллекта в целях выявления признаков серийности определенных категорий преступлений выполнено ФКУ НПО «СТиС» в рамках НИР «Семантика»². В работе представлена математическая модель идентификации серийного преступления, разработанная профессором А. В. Суховым. Она основана на рассмотрении процесса исследования признаков серийного преступления, предполагающего наблюдение некоторой предметной области (окружающей среды). Результаты наблюдений $z(t)$ включают вектор признаков преступления $x(t)$ (мотив, целевая установка, операциональная установка, коммуникации, ролевые функции и т. д.).

Необходимо отметить, что в большей части рассматриваемые признаки имеют вербальный (словесно-описательный), а не чис-

¹ Оперативно-розыскная и следственная деятельность по уголовным делам о серийных преступлениях. URL: <https://crimlib.info/оперативно-розыскная-и-следственная-деятельность-по-уголовным-делам-о-серийных-преступлениях> (дата обращения: 13.05.2021).

² Отчет о НИР «Семантика»: ФКУ «НПО «СТиС» МВД России, 2021.

ловой характер. Но для представления математической модели требуется количественное представление указанных параметров. Количественное представление можно получить, используя таблицу сопоставления вербальных признаков численным значениям в соответствии с их влиянием на целевую функцию рассматриваемой задачи – сопоставления преступления как серийного. Такая таблица сопоставления вербальных признаков числовым значениям по рассматриваемой задаче идентификации преступления как серийного приведена в таблице [1].

Таблица

Сопоставление вербальных признаков числовым значениям по идентификации серийного преступления

Полное соответствие	$x = 100$	Безусловное соответствие всем требованиям к признаку
Сильное соответствие	$x = 65$	Соответствие всем существенным требованиям и ряду несущественных
Соответствие	$x = 30$	Соответствие существенным требованиям, некоторое соответствие по несущественным требованиям
Некоторое соответствие	$x = 15$	Соответствие только по существенным требованиям
Слабое соответствие	$x = 10$	Соответствие по отдельным существенным требованиям
Невыраженное соответствие (несоответствие)	$x = 1$	Не соответствует требованиям

Предполагая независимость признаков x_i и учитывая их значимость весовыми коэффициентами a_i , уравнение наблюдения признаков можно представить линейной формой с независимыми попарно ортогональными весовыми коэффициентами:

$$z(t) = \sum_{i=1}^m a_i(t)x_i + n(t), \quad (1)$$

где m – количество рассматриваемых признаков,
 $n(t)$ – шумовой фактор, характеризующий влияние внешней среды и субъективность экспертов на результат наблюдения;
 a_i – весовой коэффициент i -го признака, который следует выбирать с учетом выполнения требования ортогональности. Однако при

предположении о равной значимости признаков лучше использовать систему ортонормированных функций (когда интеграл от квадрата функции равен единице):

$$\begin{cases} \forall i, j \in 1 \dots L, i \neq j: \int_0^T a_i(t) a_j(t) dt = 0, \\ \text{при } i = j: \int_0^T a_i(t) a_i(t) dt = 1. \end{cases} \quad (2)$$

В качестве системы функций, удовлетворяющей (2), удобно использовать тригонометрический ряд или экспоненциальный ряд. Но в то же время допустимо применение и дискретных систем, например, функций Уолша. В качестве условия нормировки может также задаваться символа Кронекера

$$\begin{cases} \forall i, j \in 1 \dots L, i \neq j: a_i a_j = D_{ij} \\ \text{при } i = j: a_i = D_{ii}. \end{cases} \quad (3)$$

Тригонометрический ряд имеет вид:

$$1, \cos \omega t, \sin \omega t, \cos 2\omega t, \sin 2\omega t, \dots, \cos m\omega t, \sin m\omega t. \quad (4)$$

Экспоненциальная форма ряда имеет вид:

$$\dots, e^{-2i\omega t}, e^{-i\omega t}, 1, e^{i\omega t}, e^{2i\omega t}, \dots \quad (5)$$

Параметр $\omega = 2\pi/T$.

Для отсутствующих признаков значение $a_i = 0$.

Таким образом, набор признаков в (1) является синдромом серийного преступления:

$$S(t) = \sum_{i=1}^m a_i(t) x_i. \quad (6)$$

В свою очередь, сам ряд признаков серийного преступления $\{a_i(t) x_i\}$ образует спектр преступления по набору признаков.

В соответствии с центральной предельной теоремой теории вероятностей совокупность многочисленных случайных факторов, оказывающих совместное влияние на какой-либо процесс, в пределе стремится к нормальному закону распределения [4]. С учетом гипотезы о независимости признаков и выполнения условия ортонормированности весовых коэффициентов (2) и (3) допустимо предположение о нормальном распределении шумового фактора $n(t)$ со следующими характеристиками:

математическое ожидание

$$M(n(t)) = 0; \quad (7)$$

плотность распределения:

$$p(n) = \frac{1}{\sqrt{2\pi y_n}} e^{-\frac{n^2}{2y_n}}; \quad (8)$$

дисперсия (квадрат среднеквадратического отклонения):

$$M(n(t_1) n(t_2)) = y_n^2 = N d(t_2 - t_1), \quad (9)$$

где N – спектральная плотность разброса признаков, которая определяется как второй центральный момент по множеству наблюдений, реализаций наблюдений с учетом значений признаков, взятых по шкале из таблицы 1. С учетом независимости признаков суммарная дисперсия равна сумме дисперсий отдельных признаков [2]. Максимальное значение дисперсии для одного признака не может превысить дисперсию равномерного распределения для усредненного полуинтервала задания, которая имеет значение:

$$y_{ni}^2 = 5,8;$$

$d(\cdot)$ – дельта-функция.

Отнесение преступления к разряду серийного не может осуществляться по одному наблюдению, для этого требуется серия наблюдений и вынесение результата о принадлежности преступления к серийному по результатам накопленного опыта. Результаты наблюдений на отрезке времени $[0; T]$ должны накапливаться с целью формирования апостериорной плотности вероятности наблюдений с применением детализатора признаков и классификатора признаков и затем использоваться в формирователе отношения правдоподобия [5].

Отношение правдоподобия представляет собой отношение апостериорных плотностей вероятностей для двух гипотез – наличия и отсутствия принадлежности преступления к серийному.

Апостериорная плотность $p(x(t)/z(t))$ в соответствии с теоремой умножения вероятностей имеет вид [5]:

$$p(x(t)/z(t)) = k p_{apr} H(x(t)), \quad (10)$$

где k – нормирующая константа;

$H(z(t), x(t))$ – функция правдоподобия, которая с учетом нормального распределения случайных параметров в (1) имеет вид:

$$H(z(t), x(t)) = \frac{1}{\sqrt{2\pi N}} \exp \left\{ -\frac{1}{2N} \int_0^T (z(t) - \sum_{i=1}^m a_i(t) x_i)^2 dt \right\}. \quad (11)$$

С учетом (10) отношение правдоподобия представляет собой отношение функции правдоподобия $H(z(t), x(t))$ – при условии выполнения гипотезы принадлежности преступления к серийному – к функции правдоподобия $H(z(t), 0)$ – при условии невыполнения гипотезы принадлежности преступления к серийному, что позволяет сформировать решающее правило:

$$\Lambda(z(t), x(t)) = \frac{H(z(t), x(t))}{H(z(t), 0)} \lesseqgtr \Lambda_{пор}. \quad (12)$$

Прологарифмируем левую и правую части выражения (12). С учетом определения энтропии покрытия [4] этот логарифм будет представлять собой энтропию покрытия апостериорного распределения признаков $x(t)$.

На этом основании можно сделать вывод, что для принятия оптимального решения о принадлежности преступления к серийному требуется вычислить энтропию покрытия по набору признаков преступления.

Таким образом, информационный критерий, представляющий вычисление энтропии покрытия по апостериорному распределению и сравнение этого значения с пороговым уровнем, определяет решение о принадлежности преступления к серийному.

Поскольку серийное преступление представляет собой ряд преступлений, каждое из которых рассматривается на интервале Δt , то переходим к дискретной форме, и интеграл по времени в представлении функции правдоподобия (10) переходит в сумму. Учтем постоянность дискретного значения x_{ki} на интервале времени Δt_k , раскроем круглые скобки в (10) и с учетом ортонормированности весовых коэффициентов получим значение для отношения правдоподобия:

$$\Lambda(z(t), x(t)) = \sum_k \sum_{i=1}^m z_k a_i(t) x_{ki} \leq N \ln \frac{p_{apr}(x_k=0)}{p_{apr}(x_k)} + \frac{1}{2} \sum_k \sum_{i=1}^m x_{ki}^2 = \Lambda_{\text{пор}} \quad (13)$$

где h_0 – значение порога, зависящее от выбранного критерия.

Отношение правдоподобия должно поступать на пороговое устройство, на котором на основании критерия принадлежности набора признаков к серийному преступлению принимается решение о выборе гипотезы:

$$\Lambda(z(t), x(t)) > \Lambda_{\text{пор}}. \quad (14)$$

Далее проводится кластеризация признаков и формируются групповые признаки (кластеры). Затем формируются предикторные признаки и целевые признаки. На основании этого формируется версия – достигается цель расследования. Схема процесса формирования версии показана на рисунке.

Рис. Схема процесса формирования версии о серийном преступлении

где: $z(t)$ – линейная комбинация наблюдаемых признаков;
 $x(t)$ – вектор признаков;
 $y(t)$ – вектор кластеризируемых признаков;
 $H(z(t), x(t))$ – функция правдоподобия;
 $S(x(t))$ – синдром, линейная комбинация признаков с весовыми коэффициентами.

Главной задачей при формировании отношения правдоподобия является вычисление энтропии покрытия для апостериорного распределения. В этих целях может использоваться аппарат оптимального оценивания и в качестве критерия оптимальности следует воспользоваться одним из следующих критериев [5]:

- критерий Неймана-Пирсона,
- критерий идеального наблюдателя,
- критерий последовательного наблюдателя.

В случае превышения порогового значения $\Lambda_{\text{пор}}$ делается вывод о серийности преступления и вырабатывается соответствующая версия преступления. А в случае непревышения порога гипотеза о серийности преступления полагается ложной.

Также в данной работе разработаны требования к формированию датасетов для выявления признаков серийности преступлений, необходимых в целях сбора, систематизации, обработки и анализа сведений, собираемых в рамках расследования уголовных дел, характеризующих данные преступления как серийные.

На основе анализа современных подходов к формированию датасета выделены основные этапы этого процесса:

- постановка задачи машинного обучения;
- определение источников данных;
- сбор и хранение данных.

При формулировании задачи машинного обучения по выявлению признаков серийных преступлений целесообразно использовать методы классификации или кластеризации данных. Наиболее предпочтительными источниками данных являются тексты обвинительных заключений, постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, обвинительные акты и обвинительные приговоры, материалы проверок сообщений о преступлениях и другая подобная унифицированная информация.

Наиболее проблемным является вопрос сбора и хранения данных, механизм которых требует отдельной проработки. Подобный механизм может быть реализован в рамках создания информационной системы электронных образов уголовных дел либо требует проектирования единого архивного хранилища вида «записал один раз,

прочитал много раз» (Write Once Read Many, WORM) в качестве промежуточного уровня управления данными между механизмами сбора и предварительной обработки данных.

Интеграция разрозненных данных в единое хранилище является одной из основных технических проблем при построении ведомственных информационно-аналитических систем. Это связано с необходимостью грамотно организовать разрозненные источники в единое информационное пространство. Процесс подготовки данных требует аналитического подхода к выборке. Нет смысла просто перемещать все данные из имеющихся систем в одно хранилище, необходимо выполнять подготовку информации для последующего анализа. При этом нужно учитывать тот факт, что хранилище будет постоянно пополняться по мере роста данных в первичных источниках.

Кроме трудностей, связанных с разнообразием систем, используемых в разных подразделениях, могут возникнуть проблемы с единой системой нормативно-справочной информации. Это также значительно повышает сложность интеграции хранилища данных с учетными системами, а в дальнейшем – затрудняет процессы структуризации и извлечения информации для анализа.

Датасеты для выявления признаков серийности определенных категорий преступлений должны содержать максимально возможный перечень значимых признаков, объединенных в группы по определенным характеристикам, источники, из которых может быть получена та или иная группа признаков, значение каждого признака.

Важно отметить что хранилище данных – это не продукт, который пользователь может приобрести. Хранилище должно быть разработано в соответствии с требованиями заказчика¹.

Общемировая практика подтверждает данный тезис. Большинство экспертов в этой области считают наиболее эффективным подходом для реализации подобных проектов привлечение стороннего поставщика, имеющего необходимый опыт и располагающего квалифицированным персоналом.

Вместе с тем для управления текстовыми данными лучше всего использовать документно-ориентированные базы данных NoSQL, поддерживающие потоковое чтение документов с минимальными расходами.

¹ Разница между базой данных и хранилищем данных. URL: <https://ru.strephonsays.com/difference-between-database-and-data-warehouse> (дата обращения: 13.05.2021).

В настоящее время в системе МВД России не существует готовых технических решений в области искусственного интеллекта для выявления признаков серийных преступлений. Вместе с тем в ряде структурных подразделений МВД, а также взаимодействующих ФОИВ используются СУБД, информационно-аналитические системы, отдельные алгоритмы, которые можно считать прообразами технологий искусственного интеллекта.

Среди технологий, которые уже вошли в правоохранительную и правоприменительную практику, можно выделить следующие [3]:

- алгоритмы искусственного интеллекта, нацеленные на распознавание подозрительных или украденных транспортных средств;
- программы машинного распознавания образов, способные в том числе выделять и распознавать в толпе лиц, находящихся в розыске либо подозреваемых в совершении преступлений;
- программы распознавания голосов на основе сравнительного анализа с образцами, действующие в режиме реального времени;
- программы контент – и латентно-семантического анализа, позволяющие на основе содержательного анализа письменных или аудиотекстов определять психологическое состояние их автора, а также скрытые смыслы, заложенные в сообщения;
- платформенное решение на основе искусственного интеллекта, позволяющее собирать, хранить и проводить интеллектуальный анализ информации с целью превентивного выявления слабых сигналов, указывающих на всплеск уличной преступности, неконтролируемые волнения, беспорядки, выступления и акты вандализма;
- биометрические методы, позволяющие проводить идентификацию граждан, распознавать преступников и обнаруживать подозрительное поведение по микромоторике мускулов лица и движения тела и т. д.;
- специализированные программы распознавания необычных колебаний цен на активы, указывающие на инсайдерскую торговлю или криминальное поведение на финансовых рынках;
- боты, используемые правоохранительными органами для первичных информационных контактов с гражданами и организациями.

Однако указанные технологии и автоматизированные информационно-поисковые системы ориентированы на решение либо одной конкретной задачи, либо группы однородных задач. К примеру, программы по выдвижению следственных версий могут

вполне справляться с типичными версиями, но при необходимости выдвижения нетипичных версий их потенциал значительно уменьшается.

Деятельность следователя, в свою очередь, может быть представлена в качестве нелинейного комплекса операций по решению задач раскрытия и расследования преступлений, характеризующегося динамичностью и претерпевающего воздействие случайных и псевдослучайных факторов, которые затрудняют быстрое и эффективное познание обстоятельств, составляющих предмет доказывания. Соответственно, актуален вопрос создания программных комплексов, чьи возможности сложной эвристической обработки информации максимально приближены к возможностям криминалистического мышления следователя.

Особенно существенное значение должно придаваться расследованию и раскрытию тех категорий преступлений, которые требуют анализа большого количества информации для выявления закономерностей и признаков конкретного преступления, необходимого для установления всех обстоятельств совершенного деяния и по возможности личности преступника. Большое поле деятельности в этом отношении видится прежде всего в использовании возможностей искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании серийных преступлений.

Следует отметить, что правоохранительными органами Российской Федерации сделаны и делаются определенные шаги по предотвращению преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. В частности, до конца текущего года в действующее мобильное приложение МВД России планируется внедрить модуль «Антимошенник», который будет оповещать пользователя о том, что ему звонят или пишут СМС с номера, с использованием которого ранее совершались противоправные действия¹.

Решение насущных проблем использования информационно-коммуникационных технологий в деятельности органов внутренних дел, в том числе для предотвращения преступлений с использованием IT-технологий, является одной из основных целей научной деятельности ФКУ НПО «СТиС» МВД России.

¹ МВД получит мобильный сервис для борьбы с телефонным мошенничеством. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11295581> (дата обращения: 13.05.2021).

Список литературы:

1. *Конуров А. Г., Конюшев В. В., Кутепов А. В., Сухов А. В.* Методика информационной оценки эффективности выполнения государственного заказа // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2020. № 6.
2. *Королюк В. С., Портенко Н. И., Скороход А. В., Турбин А. Ф.* Справочник по теории вероятностей и математической статистике. Москва: Наука, 1985.
3. *Овчинский В. С.* Искусственный интеллект для полиции. URL: https://zavtra.ru/blogs/iskusstvennij_intellekt_dlya_politcii (дата обращения: 13.05.2021).
4. *Сухов А. В.* Динамика информационных потоков в системе управления сложным техническим комплексом // Теория и системы управления. 2000. № 4.
5. *Тихонов В. И.* Оптимальный прием сигналов. // Радио и связь. 1983.

Использование при расследовании угона автомобиля компьютерной программы, способствующей раскрытию данного вида преступления

А. А. ВИНОГРАДОВ,

*доцент кафедры организации огневой
и физической подготовки,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России*

Аннотация: в статье предлагается использовать при расследовании преступных посягательств на автомобили разработанную автором статьи компьютерную программу, оказывающую существенную помощь следователю (дознавателю) в верной квалификации деяния виновного лица, применяя криминалистические средства, методы и приемы. Основой рассматриваемого программного обеспечения является типичная криминалистическая модель механизма угона автомобиля и составляющие ее знания о признаках ее элементов.

Ключевые слова: *преступное посягательство на автомобиль; неправомерное завладение автомобилем; механизм преступления; типичная криминалистическая модель механизма преступления.*

Существенное влияние на стабильность удельного веса различных преступных посягательств на транспортные средства оказывает ежегодно возрастающая автомобилизация всех регионов России. Тенденция увеличения в собственности у граждан страны общего количества автомобилей (с 8 млн автомобилей в 1991 г. до свыше 53 млн – в 2019 г.) сохраняется и на сегодняшний день. 84 % автопарка приобретенных населением России транспортных средств – легковые автомобили¹. По прогнозам проведенного еще в 2017 г. компанией Ernst & Young Global Limited исследования «Автомобильный рынок России и СНГ» ежегодные продажи легковых автомобилей постоянно растут на 0,1 млн единиц, и в 2021 г. эта цифра поднимется и составит свыше 2 млн.² Результаты данно-

¹ Аналитическое агентство «Автостат». URL: <https://www.autostat.ru/> (дата обращения: 28.04.2021).

² Автомобильный рынок России: состояние отрасли и прогноз на среднесрочную перспективу. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2017/02/07/avtomobilnii-rinok-rossii-sostoyanie-otrasli-i-prognoz-na-srednesrochnuyu-perspektivu (дата обращения: 27.04.2021).

го исследования подтверждаются в современной действительности, что позволяет также сравнить спрогнозированную ранее тенденцию ежегодного увеличения автомобилизации страны с удельным весом преступных посягательств на транспортные средства, который по статистическим данным ГИАЦ МВД России остается ежегодно стабильным (3–4 %), несмотря на общее снижение количества официально зарегистрированных преступлений данного вида¹.

Стоит отметить, что неправомерные завладения легковыми автомобилями и их кражи в ежегодной статистике деяний, предметом преступного посягательства которых является легковой автомобиль, занимают лидирующие позиции. Сравнивая количественное соотношение указанных двух видов преступлений, становится очевидным, что они практически пропорционально равны. Однако практика показывает, что фактически совершенных угонов легковых автомобилей гораздо меньше, чем зафиксировано в сведениях официальной статистики.

Не секрет, что неправомерные завладения транспортными средствами (далее – НЗТС) занимают первую позицию в рейтинге преступных посягательств на частную собственность граждан, имеют высокий общественный резонанс, поскольку помимо материального причиняется и моральный вред их владельцам.

Анализ следственной практики показывает, что при расследовании и раскрытии и НЗТС, и краж автомобилей соответствующие должностные лица сталкиваются с определенными трудностями по верному установлению правовых признаков указанных составов преступлений [2; 3]. Для этого необходимо точно установить абсолютно все обстоятельства совершенного преступного деяния, что в реальных условиях сбора доказательств по материалам проверки невозможно не только без уголовно-процессуальных средств доказывания, но и криминалистических методов и приемов сбора и использования доказательств [1]. В настоящее время только благодаря научным знаниям криминалистики возможно точно установить правовые признаки как НЗТС, так и кражи легкового автомобиля.

Следует отметить, что принципиальным различием уголовно-правовых признаков указанных составов преступления является направленность умысла виновного лица. Личный практический опыт автора по расследованию преступлений рассматриваемых видов, подкрепленный изучением материалов уголовных дел о кражах и угонах автомобилей, показывает, что, совершая кражу легкового автомоби-

¹ Состояние преступности в России за 2018 г. // Информация ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/> (дата обращения: 29.04.2021).

ля, преступник при задержании на месте совершения данного преступления или спустя некоторое непродолжительное время после его совершения практически в 100 % случаев маскирует свои преступные действия под НЗТС, оказывая фактически серьезное противодействие расследованию и раскрытию рассматриваемого преступного деяния. Таким образом, поддаваясь данному противодействию, не применяя определенные криминалистические приемы и способы при сборе доказательственной базы, следователь (дознатель) выдвигает версию об уgone, а фактически совершенная кража автотранспортного средства, как правило, остается не доказанной, что обуславливает возможность избежать более строгого наказания виновному лицу за совершение квалифицированной кражи легкового автомобиля, особенно совершаемой в организованных ее формах. Это связано, в большинстве случаев, с отсутствием опыта расследования и раскрытия данных видов преступлений у лиц, их осуществляющих, а также с недостаточным уровнем необходимых криминалистических знаний, умений и навыков. Данными лицами абсолютно не берутся в учет системные знания о механизме угона и кражи легкового автомобиля, опыт применения комплекса криминалистических средств, методов и приемов, при использовании которых можно абсолютно точно и верно установить, и доказать истинный прямой умысел виновного на совершение конкретного вида преступления. Именно поэтому указанным должностным лицам достаточно сложно, принимая решение о возбуждении уголовного дела, отграничить угон легкового автомобиля от схожих с ним деяний. Учитывая данный факт, видится очевидной потребность следственной практики в более совершенных, ориентированных на современные достижения криминалистической науки научно-методических рекомендациях по расследованию и раскрытию преступных посягательств на легковые автомобили в целом и НЗТС в частности.

Здесь следует подчеркнуть, что субъекту расследования и раскрытия преступного посягательства на легковой автомобиль необходимо точно определиться, в чем заключаются отличия НЗТС и кражи легкового автомобиля с позиций науки криминалистики.

Как правило, при получении сообщения о преступном посягательстве на легковой автомобиль изначально не ясно, как следует квалифицировать содеянное: как НЗТС или хищение. Практика принятия решений в порядке ст. 144–145 УПК РФ на этот счет весьма разнообразна в регионах страны, но в целом она ориентирована на возбуждение уголовного дела по ст. 158 УК РФ в том случае, если автомобиль не обнаружен и преступник не задержан, т. е. на данную, достаточно ошибочную квалификацию в практической деятельности влияют два основных обстоятельства:

– факт обнаружения автомобиля в ходе проверки сообщения о посягательстве;

– нераскрытие посягательства по горячим следам.

Следственная практика подтверждает, что если автомобиль удаётся обнаружить в период проверки сообщения о преступлении либо преступник задержан за рулем спустя некоторое непродолжительное время после указанного преступного посягательства, то уголовное дело возбуждается по ст. 166 УК РФ, если нет – по ст. 158 УК РФ, что не является ни с правовой, ни с криминалистической точки зрения верным.

Используя данный, ошибочный, по мнению автора, алгоритм рассмотрения материала проверки о сообщении о преступном посягательстве на автомобиль, должностные лица не берут в учет тот факт, что правовая оценка данного события тесно связана с механизмом совершения конкретного преступления. Действия угонщика и лица, совершающего кражу легкового автомобиля, совершенно разные. Также отличаются и другие элементы (и их криминалистические признаки) механизмов данных преступлений.

Следственная практика показывает, что в материалах уголовных дел, возбужденных по фактам краж автомобилей, чаще всего прямых доказательств, указывающих на умысел виновного на совершение именно данного вида преступления, практически не существует. Следователи и дознаватели руководствуются только показаниями подозреваемого (обвиняемого), отражающими отношение последнего к совершенному преступному посягательству на легковой автомобиль.

Также при изучении следственной практики установлено, что при задержании лица за рулем похищенного либо угнанного легкового автомобиля довольно трудно следственным путем опровергнуть выдвигаемую преступником версию о том, что он хотел только покататься на автомобиле. Как правило, при расследовании НЗТС практически в 100 % случаях лицо, привлекаемое к уголовной ответственности за совершение угона легкового автомобиля, полностью признает свою вину в совершении данного преступления. Таким образом, при правовой оценке факта посягательства на легковой автомобиль во внимание принимается только одно обстоятельство – отсутствие цели кражи, т. е. тайного хищения транспортного средства. Однако недоказанность умысла не исключает его отсутствие. Как минимум в трети уголовных дел, возбуждаемых по факту НЗТС, умысел виновного именно на хищение автомобиля оказывается недоказанным. Скорее всего этим же обстоятельством объясняется существенная разница в показателях раскрываемости кражи автомобиля (24 %) и его угона (74 %). Подобное положение вызывает определенные опасения:

1) создается легитимная возможность противодействия расследованию и раскрытию краж легковых автомобилей, особенно совершаемых в организованных формах;

2) на вполне законных основаниях виновный может избежать более строгого наказания.

Таким образом, значимым обстоятельством, влияющим на состояние преступности, связанной с преступными посягательствами на легковые автомобили, а также раскрытием и расследованием данных видов преступлений, с точки зрения науки криминалистики является механизм преступления. Его тщательное изучение позволяет выявить составляющие его элементы и их признаки, которые в совокупности могут подтвердить истинный умысел виновного. Как представляется, разграничению указанных выше составов преступлений криминалистическим путем может способствовать комплекс криминалистических средств, методов и приемов, основанный на знаниях о криминалистических аспектах их уголовно-правовой характеристики, разработке криминалистических моделей механизма НЗТС и кражи легкового автомобиля.

В связи с этим на основе собранного автором эмпирического материала разработана компьютерная программа, которая позволит точно и оперативно принимать решения по квалификации преступного посягательства на легковой автомобиль еще на этапе процессуальной проверки¹.

Данную программу можно использовать при принятии процессуальных решений по отнесению конкретного факта посягательства на легковой автомобиль к НЗТС либо к хищению на основании имеющихся криминалистически значимых признаков.

Сопоставление конкретного факта посягательства на легковой автомобиль с типичной криминалистической моделью механизма угона автомобиля осуществляется на основе критерия сходства объектов, обладающих кортежами бинарных признаков. Его результатом будет вывод об отнесении исследуемого посягательства на легковой автомобиль со степенью принадлежности a – к угону и со степенью принадлежности b – к краже.

Программа обладает простым и понятным интерфейсом, рекомендуемым к использованию сотрудниками органов внутренних дел, расследующими и раскрывающими преступные посягательства на легковые автомобили. После заполнения сотрудником предлагае-

¹ *Виноградов А. А., Торопов Б. А.* Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ от 26 июня 2018 г. № 2018617540 «Система поддержки принятия решений при расследовании преступных посягательств на автомобили».

мой электронной анкеты в заранее загруженной компьютерной программе на основе имеющихся исходных данных о совершенном посягательстве на легковой автомобиль программа в графическом виде отображает степень принадлежности этого посягательства к двум указанным видам преступлений. Кроме того, реализация результатов использования данной компьютерной программы в практической деятельности следователя (дознателя) позволяет представить последнему типичный криминалистический портрет преступника, совершившего НЗТС или кражу легкового автомобиля.

Разработанная компьютерная программа решает следующие основные задачи:

- 1) помогает следователю (дознателю) точно квалифицировать посягательство на легковой автомобиль;
- 2) максимально ориентирует лицо, расследующее уголовное дело или оказывающее его оперативное сопровождение, в механизме совершенного преступления, включая знания о типичных его обстоятельствах и всех известных практике способах совершения НЗТС или кражи легкового автомобиля;
- 3) определяет круг лиц, возможно причастных к совершению НЗТС или кражи легкового автомобиля;
- 4) способна выявить серийный характер указанных видов преступлений;
- 5) устанавливает сведений о «modus operandi» и поведенческих стереотипах, проявляющихся в типовых следственных ситуациях лиц, причастных к совершению НЗТС или кражи легкового автомобиля, что способствует доказыванию умысла виновного криминалистическими средствами и методами.

Список литературы:

1. Колесников Р.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с угонами и хищениями транспортных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011.
2. Лесников Р. Г. К вопросу о характеристике краж и угонов автотранспорта // Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии: сборник научных трудов. Ставрополь: ООО «Борцов», 2011.
3. Нагаев Е.А. Угон и кража автотранспорта: вопросы разграничения составов преступлений // Российская юстиция. 2000. № 8.
4. Плохова В.И. Угон транспортных средств квалифицировать как хищение имущества // Российская юстиция. 2003. № 11.

Внутрикадровый монтаж фото- и видеоизображений с применением искусственного интеллекта как способ фальсификации доказательств

В. Ю. ВЛАДИМИРОВ,

*старший научный сотрудник,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
академик РАЕН, академик МАНЭБ
ФГКУ «ЭКЦ МВД России»*

Е. И. ЕРМОЛОВА,

*заместитель начальника
отдела научных исследований
по криминалистическим видам экспертиз
управления научных исследований
ФГКУ «ЭКЦ МВД России»*

И. А. ДАНИЛОВ,

*руководитель направления,
советник РАЕН
АО «РАМЭК-ВС»*

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые аспекты исследования способов анализа фото- и видеоизображений на предмет выполнения внутрикадрового монтажа с использованием искусственного интеллекта, а также пути решения, актуальные в данном вопросе. Представлен краткий обзор технологий и технических средств, методов и алгоритмов, обеспечивающих широкие возможности в части осуществления машинного сознания, в том числе синтеза, обработки и монтажа фото- и видеозаписей.

Ключевые слова: *внутрикадровый монтаж; фото – и видеоизображения; искусственный интеллект; фальсификации доказательств; синтезирование изображений и видеозаписей; deepfake; нейронные сети.*

Тема фальсификации доказательств в целях организации противодействия расследованию преступлений всегда представляла

большой интерес не только для криминалистов, но и для ученых-юристов других специализаций. В связи с этим, на наш взгляд, определенный интерес представляет позиция специалистов в области уголовного права, принимавших участие в формулировании диспозиции статьи 307 Уголовного кодекса Российской Федерации. Проявленный здесь гуманизм просто зашкаливает. Свидетелю, дававшему заведомо ложные показания, судебному эксперту, сформировавшему исследовательскую часть экспертизы таким образом, чтобы иметь возможность синтезировать в выводах заведомо ложное заключение, достаточно признать факт дачи заведомо ложных показаний или заключения до вынесения судом приговора для того, чтобы быть освобожденными от возможности привлечения их к уголовной ответственности по этой статье. Конечно, тут проявлен не столько гуманизм по отношению к явно преступным действиям вышеупомянутых лиц, а скорее желание создать максимально комфортные условия для установления истины по делу. Однако предположим, что в период нахождения под следствием и, как правило, под арестом псевдоподозреваемого наступили какие-либо тяжкие последствия, в том числе носящие необратимый характер. Посмертная реабилитация – слабое утешение для погибшего в результате ушербоного расследования.

В марте 2005 г. в поселке Щ. Тульской области при проведении планового оперативно-розыскного мероприятия оперуполномоченным УФСКН по Тульской области, гражданином К., был убит подозреваемый в незаконном обороте наркотических средств, осуществивший нападение на сотрудников наркоконтроля с применением травматического пистолета, который в темное время суток был ими воспринят как огнестрельное оружие. Первоначально применение табельного оружия было расценено как правомерное, т. к. на изъятом видеоматериале было отчетливо видно, что применению оружия оперативным работником предшествует попытка выстрела из пистолета подозреваемым.

В дальнейшем же работниками прокурорского следствия были предприняты попытки изъятия из видеоряда двух покадровых изображений, где преступник направил оружие на гражданина К. Также следователи пытались склонить очевидцев к даче ложных показаний и, как следствие, правомерное применение оружия оперативным работником стало вполне убедительно выглядеть как убийство. В отношении гражданина К. была избрана мера пресечения – содержание под стражей, и в следственном изоляторе он погиб. На завершающей стадии расследования первичный видеоматериал, не подвергшийся фальсификации, был доложен Председателю Следственного Комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкину, который изъясил уголовное дело по обвинению гражданина К. из следственного подразделения Тульской областной прокуратуры и направил для дальнейшего расследования в следственную часть Рязанской областной прокуратуры. В течение месяца расследование было завершено, факт применения оружия в состоянии необходимой самообороны и невиновность гражданина К. доказаны, и в ноябре 2007 г. вынесено постановление о прекращении в отношении него уголовного дела за отсутствием в деянии состава преступления, но жизнь уже не вернешь... К сожалению, таких примеров немало.

Актуализация затронутой нами темы обусловлена современным состоянием работ по развитию искусственного интеллекта, при котором реализация некоторой совокупности его методов и алгоритмов («экспертные системы», «машинное многозадачное обучение», «распределительный интеллект» и т. д.) обеспечивает широкие возможности в части осуществления машинного сознания, в том числе синтезирования, обработки и монтажа видеозаписей. Инструменты видеомонтажа и видеоинжиниринга, доступные ранее исключительно специалистам по спецэффектам в киноиндустрии, с использованием искусственного интеллекта не только получили значительное усовершенствование и автоматизацию, но и стали доступны широкому кругу заинтересованных пользователей. При этом функционал такого монтажа или наложения изображения лица одного человека на другое, подмена или вставка виртуального объекта на видеозаписи приобрели возможности, ранее вообще недоступные, например, создание и управление звуком, манипуляции ландшафта, воссоздание животных, моделирование и внедрение (замены) обстановки сцены, окружающей среды, создание дополнительной синтезированной реальности и многое другое.

Наряду с созидательной целью применения функционала искусственного интеллекта открывшиеся и быстро прогрессирующие возможности по синтезированию изображений и видеозаписей

при их недобросовестном использовании являются серьезной угрозой обеспечения правопорядка и безопасности как личности, так и государства.

Оперативность в создании синтетических изображений и манипулировании ими приводит к потере доверия к цифровому контенту, а в некоторых случаях наносит вред путем распространения заведомо ложной информации, создания и легализации дезинформирующих новостей. Созданные с помощью таких приложений ролики получаются настолько реалистичными, что доказать их искусственное происхождение весьма сложно, а иногда поздно – ролик молниеносно распространяется по социальным сетям, инициируя социально-негативные процессы, а даваемое вслед за этим опровержение уже не достигает своей цели. Это явление в сети Интернет получило наименование *Deepfake* (далее – *Deepfake*, или Дипфейк).

Понятие «*Deepfake*» – это синтезированные медиа, которые представляют собой фотографии, видео – или аудиофайлы, манипулируемые искусственным интеллектом (*artificial intellidgence*, AI) так, что подделку трудно обнаружить.

На настоящий момент общее понятие «*Deepfake*» возможно разделить на две группы в зависимости от способа воздействия на подлинный контент:

1. Смена (подмена) лица (*Deepfake*) (от англ. *Deep learning* (глубокое обучение) и *fake* (фальшивый) – реалистичная манипуляция аудио – и видеоматериалами с помощью искусственного интеллекта. Эта технология, внося искусственные изменения в видеозапись, фактически заставляет человека, запечатленного на данной записи, говорить то, чего он не произносил, и делать то, чего он никогда не совершал.

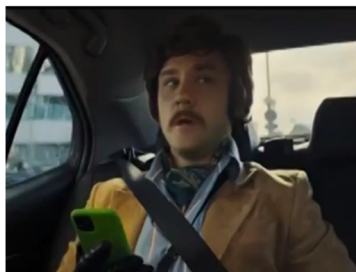
2. Манипуляции с выражением лица (изменение мимики) (*Face2Fact* – Стенфордский университет США). Данный способ позволяет передавать выражения лица одного человека другому в режиме реального времени, используя только стандартное оборудование. Технология основывается на создании виртуальной «маски», которая формируется на базе информации с веб-камеры. *Face2Face* накладывает мимику управляющего «актера» на оцифрованное изображение (видеопоток) любого необходимого для компретации лица.

В подавляющем большинстве случаев для создания таких видео используют генеративно-сопоставительные нейросети (*Generative Adversarial Network* – GAN). Это система машинного обучения, в которой задействовано две нейросети, которые состязаются друг с другом, изучая характеристики учебных наборов данных (напри-

мер, фотографий лиц) и создавая новые данные на базе изученных характеристик, т. е. новые «фотографии».

Поскольку такая сеть беспрерывно сверяет создаваемые образцы с исходным учебным набором, поддельные изображения выглядят все более и более правдоподобно. Искусственный интеллект самосовершенствуется, в производстве максимально неотличимого от реального контента. Именно поэтому угроза, которую представляют Дипфейки, постоянно растет.

Одним из наиболее ярких примеров использования технологии Deepfake является видео (2019 г.) с руководителем Facebook Марком Цукербергом, на котором тот якобы говорит о том, как Facebook «управляет будущим» с помощью украденных данных пользователей. Для создания фейка оказалось достаточно фрагмента длиной всего в 21 секунду.

В конце 2020 г. ПАО «Сбербанк России» именно при помощи Deepfake использовал крайне популярный образ Жоржа Милославского из фильма «Иван Васильевич меняет профессию» в новой рекламной компании.

В преддверии наступления нового 2021 г. данная рекламная компания транслировалась практически по всем каналам Российского телевидения. Реалистичность синтезированного виртуального двойника в отдельных комментариях не нуждается. Вместе с тем остается вопрос этичности использования популярного киногероя. Что, если бы Жорж рекламировал казино или микрозаймы?

Не меньшего интереса заслуживают и синтезированные видеоролики, получившие широкую популярность в социальных сетях в моменты проведения акций в поддержку А. Навального в начале

2021 г. – «Звездные войны» в г. Санкт-Петербурге. В указанном контенте уже использовались смонтированные кадры, содержащие символику и наименования органов правопорядка Российской Федерации – МВД России и ФСВНГ России. Конечно,

эпизодов, напрямую порочащих честь сотрудников перечисленных служб и подрывающих доверие к ним, в описываемых ролях не содержалось, но реалистичность их выполнения и использование общераспространенной символики, в широких массах вызывающей устоявшиеся ассоциации, не может не вызывать озабоченности.

Наряду с этим невозможно не отметить и отождествление в синтезированном контенте действующей власти Российской Федерации с «империей зла» из знаменитого голливудского фильма, а ФСВНГ и МВД России – с имперскими штурмовиками, отрицательными героями, олицетворяющими колонизацию и порабощение народов и галактик.

В представленной же направленности следует привести и синтезированные с помощью искусственного интеллекта вошедших в описательные образы колоссов, обвиняемых во всех мировых катаклизмах, – небезызвестных А. Петрова и Р. Боширова, в ироничной форме уже причисляемых посредством синтезированного видеоконтента к покушению и организации убийства Президента США Джона Кеннеди.

Даже поверхностное ознакомление с возможностями использования систем искусственного интеллекта для выполнения внутрикадрового монтажа видеоизображений с помощью нейронных сетей позволяет говорить о рождении нового высокоэффективного средства противодействия расследованию преступлений путем фальсификации доказательств, полученных при помощи цифровых средств видеофиксации. Не просто средства противодействия, но и средства поражения, направленного на манипуляцию общественного сознания, провоцирования общественных волнений путем создания и последующей широкой трансляции подложных видеоматериалов, не отличимых от подлинных.

Таким образом, речь идет о новом специальном средстве нападения в условиях гибридной войны, проверенных и надежных инструментов противодействия которому пока нет.

В настоящее время в российской практике представлено несколько разработок:

- ЭСКИЗ-В;
- Amped FIVE (Италия);
- ВОКОРД Видеоэксперт.

Анализ существующих перечисленных программных продуктов, предназначенных для выявления признаков монтажа видео-контента, позволяет констатировать, что в российской судебной экспертной практике производства видеотехнических экспертиз используются вполне конкурентоспособные отечественные программные продукты, способные выявлять признаки внесения критичных изменений в видеоизображения, осуществленные традиционным способом.

Однако существующие отечественные программные продукты для производства видеотехнических экспертиз, как и их иностранные аналоги, не обеспечивают достаточные возможности в выявлении и препарировании синтезированного видеоконтента с использованием искусственного интеллекта.

Вместе с тем зарубежная практика развития, разработки и внедрения средств, направленных на идентификацию и борьбу с незаконными технологиями Deepfake, демонстрирует значительную научную и отраслевую активность. Более того, в данной части разработаны возможные перспективные алгоритмы.

В августе 2018 г. участники программы «Медиа-криминалистика» Агентства перспективных исследований в области обороны США (DARPA¹) протестировали системы, способные обнаруживать видео, сгенерированное искусственным интеллектом, по таким признакам, как неестественное моргание, неестественная моторика, мимика, движения головой, неестественный цвет глаз.

Первого сентября 2020 г. компания Microsoft анонсировала свою новую разработку – Microsoft Video Authenticator, которая позволяет на основе анализа фотографии или видео с большой вероятностью определить, были ли эти фото и видео изменены при помощи DeepFake.

В начале ноября 2020 г. компания McAfee рассказала о McAfee Deepfakes Lab – решении, которое призвано сосредоточить высо-

¹ Управление Министерства обороны США, отвечающее за разработку новых технологий для использования в интересах вооруженных сил. Задачей DARPA является сохранение технологического превосходства вооруженных сил США, предотвращение внезапного для США появления новых технических средств вооруженной борьбы, поддержка прорывных исследований, преодоление разрыва между фундаментальными исследованиями и их применением в военной сфере.

кокласные инструменты и экспертные знания в области анализа и обработки данных на противодействии угрозе Дипфейков для отдельных людей, организаций, в целом для достоверности информации в нашем обществе. Deepfakes Lab сочетает в себе компьютерное зрение и методы глубокого обучения для анализа и расшифровывания скрытых закономерностей и распознавания элементов, фальсифицированных видео, которые играют ключевую роль в аутентификации подлинных медиафайлов.

В конце сентября 2020 г. исследователи из Бингемтонского университета совместно с сотрудником компании Intel разработали методику, которая позволяет определять Дипфейки с заменой лиц. Метод работает на основе невидимых для глаза изменений цвета кожи, обусловленных кровообращением. Свой метод Умур Айбарс Чифтчи, Лиджун Инь и Илке Демир описали в статье под названием «FakeCatcher: обнаружение искусственно созданных видео при помощи биологических сигналов». Они объясняют, что на настоящей видеосъемке лица человека есть слабые изменения цвета, вызванные особенностями кровообращения. Такие изменения можно обнаружить на 32 точках при помощи фотоплетизмограммы.

Необходимо отметить, что перечисленные успехи зарубежных производителей – указанные разработки – пока так и не нашли широкого практического применения, а вспомогательный дополнительный модуль, предназначенный для выявления синтезированного искусственного контента, официально анонсирован лишь единственным производителем экспертного программного обеспечения – Foclar/Mamdet (Foclar, Нидерланды). При этом сведения об эффективности данного экспертного инструмента отсутствуют.

Так или иначе, в настоящее время в международном масштабе возможности нападения – синтеза и изготовления подложного видеоконтента – значительно опережают возможности средств защиты – программных средств выявления признаков наличия подобного высокоточного монтажа и манипуляций. В аналогии паритетом взаимодействия броня-снаряд – сейчас снаряд гораздо могущественнее. Броня требует незамедлительного значительного усовершенствования – программно-технические средства защиты, молниеносное развитие, учитывая существующие угрожающие тенденции.

При этом, учитывая возможности воздействия синтезированного подложного контента, способного фактически мгновенно дискредитировать личность, спровоцировать те или иные пагубные события, требуется создание не только экспертно-криминалистических инструментов выявления произведенного интеллектуального монтажа (как уже констатации произошедшего инцидента),

а развитие комплексных средств предупреждения возможности размещения контента с данными признаками в средствах массовой информации и на ресурсах информационно-коммуникационной сети Интернет. Создание и повсеместное внедрение данных средств в деятельность органов обеспечения правопорядка послужит незаменимым инструментом как защиты неприкосновенности личности наших соотечественников, так и щитом от возможных посягательств на конституционный строй нашей страны. Не вызывает ни малейших сомнений актуальность подобных технических средств в рамках создаваемой кибернетической¹ полиции Российской Федерации.

В свою очередь не вызывает сомнений техническая возможность отечественной разработки и реализации программно-технических продуктов, предназначенных для выявления, идентификации и комплексного предупреждения использования злонамеренного искусственно созданного контента. Неоднократно оправдавшая себя в прошлом практика совместной работы неотъемлемого использования компетенций специалистов профильных научно-технических предприятий и ведущих специалистов и экспертов МВД России, обеспечившая не только равный уровень развития техники и средств борьбы и предупреждения преступлений, но и значительное превосходство над зарубежными аналогами, по достоинству проявит себя и в данном направлении.

Уровень квалификации профильных предприятий государственной компании «Российские технологии» и флагманов Санкт-Петербургского кластера производителей электронно-вычислительной техники, канонической научной Ленинградской школы в слаженном взаимодействии с профильными соответствующими подразделениями МВД России в полной мере смогут проявить себя при выполнении указанной, крайне необходимой государству задачи.

Список литературы:

1. *Аскерова Л. Ф.* Возможности применения программного обеспечения «MATLAB» для судебно-экспертного исследования

¹ В структуре органов МВД России появится киберполиция. О принятии соответствующего решения Министром внутренних дел России Владимиром Колокольцевым сообщил статс-секретарь – заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса. И. Н. Зубов // Рос. газ. 2020. 18 декабря.

видеоизображений // Современные научные исследования и инновации. 2018.

2. Материалы конференции по компьютерной графике SIGGRAPH, «Создание цифровых двойников». Вашингтонский университет, 2017.

3. «In Ictu Oculi: Exposing AI Generated Fake Face Videos by Detecting Eye Blinking», Yuezun Li, Ming-Ching Chang and Siwei Lyu Computer Science Department, University at Albany, SUNY, 2018.

4. *Simone Milani; Marco Fontani; Paolo Bestagini; Mauro Barni; Alessandro Piva; Marco Tagliasacchi; Stefano Tubaro*. Review of video criminalistics, 2019.

5. APSIPA Transactions on Signal and Information Processing, 1, e2 doi: 10.1017 / ATSIP. 2019. 2 – [1] – Ratnarajah, Anton & Goonetilleke, Sahani & Tissera, Dumindu & Kapilan, Balagopalan & Rodrigo, Ranga. 2018. FORENSIC VIDEO ANALYTIC SOFTWARE. 10.13140/RG.2.2.26654.79683.

Преодоление противодействия расследованию со стороны адвокатов: уточнение парадигмы и принципы

Ю. П. ГАРМАЕВ,

*профессор кафедры криминалистики,
доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный аграрный университет;
профессор кафедры уголовного
процесса и криминалистики
Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова
E-mail: garmaeff1@mail.ru*

Аннотация: на основе анализа действующей парадигмы частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию предлагается концептуально обновленный подход по отношению к одному из субъектов противодействия – адвокату-защитнику и адвокату-представителю. Суть подхода – признание того, что противодействие, не запрещенное законом и профессиональной этикой со стороны адвоката, – это его обязанность по отношению к доверителю. А один из принципов преодоления такого противодействия – приоритет компромиссных тактических приемов и процедур, профилактических мер.

Ключевые слова: *преодоление противодействия расследованию; противодействие уголовному преследованию; адвокат-защитник; адвокат-представитель; защита прав доверителя; принципы расследования; принципы преодоления противодействия; законное противодействие; незаконное противодействие; преступления адвокатов.*

На основе анализа традиционных подходов частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию предлагается концептуально обновленный подход по отношению к одному из субъектов противодействия – адвокату-защитнику и адвокату-представителю. Суть подхода – понимание того, что противодействие, не запрещенное законом и профессиональной этикой со стороны адвоката, – это его обязанность по отношению к доверителю.

С учетом предоставленных законом прав и полномочий адвокат-защитник (равно как и адвокат-представитель) – это достойный, уважаемый и сильный участник уголовного судопроизводства, с позицией которого стороне обвинения необходимо считаться, а потому тщательно готовиться к каждому процессуальному действию и иному мероприятию с его участием.

Вместе с тем законодательством повышены и требования к профессиональным, нравственным качествам адвоката. Сами представители корпорации осознают всю меру возложенной на них ответственности. Как и к представителям иных юридических профессий, представителям стороны обвинения следует относиться к адвокатам как к профессионалам, отдающим свои силы высоким целям защиты прав, свобод, законных интересов доверителей, а также обеспечения доступа к правосудию. В то же время адвокаты вправе и даже обязаны применять не запрещенные законом и нормами профессиональной адвокатской этики методы противодействия расследованию, особенно когда сторона обвинения действует с заведомо обвинительным уклоном.

Перед тем как излагать нашу позицию, следует сделать уточнение методологического характера. Б.Я. Гаврилов и В.П. Лавров определяют противодействие расследованию преступлений как совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников, а также связанных с ними лиц, направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний. Основная цель противодействия, по мнению авторов, заключается в уклонении от ответственности за совершенное преступление или, по меньшей мере, добиться *незаслуженного* (курсив мой – Ю. Г.) смягчения наказания [12, с. 9]. Подобной позиции по поводу понятия и сущности противодействия придерживаются сегодня большинство ученых-криминалистов [2, с. 186–187].

Нет возражений по поводу данного подхода. Исходя из него, всякое противодействие, хоть и определяемое авторами как «противоправное *или иное*», все же рассматривается как некий негативный феномен. Такое допущение, а точнее эта часть парадигмы всей науки криминалистики, транслируемое практически всеми разработчиками данной частной криминалистической теории, безусловно, имеет право на жизнь.

Однако в отношении адвокатов можно использовать и альтернативный подход, который можно назвать попыткой обновления самой парадигмы взаимодействия между следователем и адвокатом-защитником [6, с. 461–470]. Суть его, прежде всего, в том, что про-

тивоедействие уголовному преследованию зачастую действительно бывает противоправным. Однако оно может быть и законным, и в то же время эффективным, и этически допустимым как с позиции адвоката и иных противодействующих лиц, так и с позиции оценки этого противодействия следователями, иными представителями стороны обвинения. Обоснуем этот тезис подробнее.

Во-первых, целью (планируемым результатом) противодействующих лиц, строго говоря, вряд ли может быть собственно воспрепятствование расследованию. Это может быть одна из задач на пути к цели. Цель же – избежать уголовного преследования и уголовной ответственности или, по крайней мере, смягчить ее, избежать иных негативных последствий вовлечения лица в сферу уголовной юстиции (ущерб репутации, потери в бизнесе и т. д.).

Во-вторых, можно было бы шире подходить к оценке задач и мотивов субъектов противодействия по уголовным делам. В реальной практике таковыми не всегда являются лишь воспрепятствование расследованию преступлений. Существуют и иные задачи, а также мотивы противодействия. Задачами могут быть:

- изменение меры пресечения в виде заключения под стражу на иную, более мягкую;
- если лицо арестовано, то добиться тех или иных преимуществ в связи с содержанием его под стражей;
- смягчение обвинения и иное: переквалификация деяния на менее тяжкие составы, предусмотренные УК РФ; исключение из объема обвинения отдельных эпизодов; иные обстоятельства уголовно-правового, уголовно-процессуального и иного характера, правомерно или неправомерно улучшающие положение подозреваемого (обвиняемого).

Кроме того, можно выделить следующие мотивы противодействия расследованию со стороны адвоката:

- субъективная уверенность в полной или частичной невинности подозреваемого (обвиняемого);
- субъективная уверенность в том, что доказательства вины подозреваемого (обвиняемого) получены с нарушениями закона и не могут быть признаны допустимыми;
- незаконная, неэффективная и/или аморальная, по мнению адвоката, деятельность отдельных сотрудников правоохранительных органов и суда по конкретному уголовному делу [4, с. 54–61].

Исходя из изложенного, предлагаем следующее определение противодействия расследованию со стороны адвоката. Это противоправная или законная деятельность адвоката-защитника или представителя, осуществляемая совместно с доверителем, сопровожда-

ющаяся созданием препятствий для реализации представителями стороны обвинения поставленных ими задач на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Определение понятия противодействия расследованию необходимо было бы соотнести с понятием защиты. Однако в уголовно-процессуальном законе нет понятия защиты от обвинения (равно как и понятия противодействия). В широком смысле это понятие определено в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ как одно из назначений уголовного судопроизводства: «...защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» [12]. Отсюда очевидно, что защита, прежде всего профессиональная защита, может и должна осуществляться методами противодействия расследованию.

Далее необходимо уяснить, а каковы же критерии, пределы законного поведения защитника и представителя, их полномочий по действующему законодательству, за пределы которых адвокат, будучи участником уголовного судопроизводства, не вправе выходить. За нарушения каких правовых норм он может быть подвергнут тому или иному виду юридической ответственности. Для этого необходимо сформулировать классификацию способов противодействия расследованию со стороны адвокатов, прежде всего, по нормативно-правовому критерию.

Анализ действующего законодательства показывает [8], что деятельность защитника в уголовном судопроизводстве по-прежнему регулируется только в наиболее общих чертах, во многом без конкретизации полномочий, а в особенности – ответственности, без четкого определения критериев законности, допустимости, этичности действий адвоката.

Нет необходимости описывать весь спектр полномочий, процессуальных и тактических возможностей адвоката. В научной, методической и учебной литературе в последние годы публикуется довольно много исследований такого рода. Ограничимся лишь краткими суждениями.

В ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатской деятельности и адвокатуре) сформулированы полномочия адвоката применительно к любому судопроизводству. В ст. 49 УПК РФ дано понятие защитника и перечислены моменты начала его участия в уголовном деле, а также некоторые иные нормы (запрет на отказ от защиты и др.). А в ст. 53 УПК РФ перечислены полномочия защитника в уголовном судопроизводстве, в том числе полномочие *«использовать*

иные, не запрещенные настоящим Кодексом средства и способы защиты» (п. 11 ч. 1).

Открытость этого перечня, а также многообразие совершаемых адвокатами форм противодействия расследованию, создает серьезные сложности не только в описании конкретных незаконных средств и способов, но даже в их классификации. Тем не менее без распределения известных средств и способов противодействия по определенным группам на основе выделения сходных признаков (оснований классификации), их изучение и использование для применения мер преодоления и нейтрализации было бы затруднительным.

Еще раз подчеркнем, что противодействие со стороны адвоката может быть:

- не только противоправным, но и законным. Например, консультирование адвокатом подзащитного с разъяснением его права отказаться от дачи показаний и даже дать заведомо ложные показания (не во всех ситуациях), затягивание времени ознакомления с материалами дела в порядке ст. 217 УПК РФ и т. д. не являются противоправными. Эти акты противодействия – способы реализации права на защиту. И такого рода правомерных актов противодействия, как показывает практика, со стороны адвокатов значительное количество;

- законные акты противодействия могут быть аморальными, недопустимыми по иным причинам и уже только поэтому повлечь неблагоприятные последствия для адвоката и его подзащитного. Например, совместная попытка обвиняемого и его защитника угрожать потерпевшего с целью дачи им заведомо правдивых (субъективно для первого) показаний в присутствии адвоката-представителя последнего не образует состава какого-либо правонарушения или преступления. Однако такое противодействие может стать одним из мотивов заключения обвиняемого под стражу (ч. 1, 3 ст. 108 УПК РФ).

Теперь перейдем к классификации незаконных способов противодействия расследованию. Все эти способы в уголовном процессе классифицируются по различным основаниям.

1. Прежде всего, по нормативно-правовому критерию их можно разделить на:

- 1) преступления;
- 2) иные правонарушения.

Последние с высокой степенью условности можно разделить на:

- а) нарушения уголовно-процессуального закона;

б) нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре;

в) нарушения иного федерального законодательства (федеральных законов «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», «Об оперативно-розыскной деятельности» и др.);

г) нарушения норм профессиональной этики – Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА)¹.

Эта классификация весьма условна, поскольку, например, все противоправные деяния, совершаемые недобросовестными адвокатами в связи с осуществлением своей профессиональной деятельности, всегда в той или иной мере являются нарушениями законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, иного законодательства и, конечно же, норм адвокатской этики. Например, если адвокат, предупрежденный в установленном законом порядке (ч. 2 ст. 161 УПК РФ), разглашает посторонним заинтересованным лицам данные предварительного расследования, в том числе показания подзащитного без его согласия, то он тем самым совершает преступление, предусмотренное ст. 310 УК РФ. Этими же действиями защитник нарушает названное требование УПК РФ, а также положение п. 5 ч. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре (разглашение сведений, составляющих адвокатскую тайну). Эти же действия запрещает и КПЭА (ст. 6, п. 4 ч. 1 ст. 9 и др.).

Прогнозируя противодействие расследованию со стороны адвоката и его подзащитного, свидетеля-доверителя, следователь должен вновь и вновь напомнить себе те нормы, знание которых от него обычно не требуется, а потому он их редко применяет. То есть следует внимательно изучить законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре и нормы профессиональной этики адвоката.

Как минимум, нужно знать и легко ориентироваться в следующих документах:

– Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»;

– Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.);

– Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.).

¹ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. (с изменениями и дополнениями, утвержденными II Всероссийским съездом адвокатов 8 апреля 2005 г.) // Рос. газ. 2005. 5 октября.

Также весьма полезным будет знать дисциплинарную практику адвокатов, особенно на уровне адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является соответствующий адвокат.

Для предупреждения и преодоления преступных способов противодействия расследованию необходимо знать и уметь применять соответствующую частную криминалистическую методику. С учетом степени распространенности тех или иных видов адвокатских преступлений, наиболее актуальными являются методики расследования:

- коррупционных преступлений, включая реальное и мнимое коррупционное посредничество (мошенничество) [1; 3; 5; 7];
- методика расследования преступлений против правосудия [9, 11].

Говоря о преодолении законного противодействия со стороны адвокатов особенно важно в ходе расследования неукоснительно соблюдать принцип законности, т. е. не допускать каких-либо нарушений закона и следственных ошибок. Дело в том, что это основной хлеб адвоката и инструмент противодействия со стороны защиты. Нет ошибок и нарушений – у адвоката минимум работы, нулевые шансы эффективно противодействовать расследованию законными способами.

К числу специальных принципов преодоления противодействия со стороны адвокатов следует отнести:

1) *принцип презумпции добросовестности адвоката*. Следователь должен презюмировать стремление адвоката отстоять права и законные интересы доверителя всеми допустимыми средствами. Этот принцип позволяет следователю использовать, прежде всего, самые эффективные методы предупреждения и преодоления противодействия – неконфликтные методы;

2) *принцип приоритета компромиссных тактических приемов и процедур*, профилактических мер, особенно в отношении законных способов противодействия;

3) *принцип эффективности выявления, фиксации и правовой оценки нарушений закона и норм профессиональной этики* со стороны адвоката для решения задач преодоления противодействия.

Список литературы:

1. Багмет А. М., Бычков В. В. Квалификация и расследование преступлений, связанных с подкупом: учебное пособие. Москва: Юрлитинформ, 2014.

2. *Веренич И.В.* Криминалистическая теория механизма преступления / И.В. Веренич, А.М. Кустов, В.М. Прошин. Москва: Юрлитинформ, 2014.

3. *Вольнский А. Ф., Латин Е. С.* Расследование провокаций взятки и коммерческого подкупа. Москва: Юрлитинформ, 2010.

4. *Гаврилов Б.Я.* Необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела как противодействие расследованию // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению. Москва. 2010. Ч. 1.

5. *Гармаев Ю.П.* Основы методики расследования и поддержания государственного обвинения по делам о взяточничестве. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2006.

6. *Гармаев Ю. П., Ким Д.В.* Криминологические и криминалистические проблемы преодоления противодействия уголовному преследованию // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3.

7. *Гармаев Ю. П., Степаненко Д. А., Степаненко Р.А.* Расследование коррупционного посредничества: монография. Москва: Юрлитинформ, 2017.

8. *Гармаев Ю. П.* Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве, средства предупреждения и нейтрализации: монография. Москва: ТилКом, 2019.

9. *Карагодин В.Н.* Ситуационные особенности расследования преступлений против правосудия, совершаемых следователями // Преступления против правосудия, совершаемые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: сборник научных статей. Москва: ИД Юриспруденция, 2020.

10. *Мозяков В.В.* Руководство для следователей. Москва: Экзамен, 2005.

11. *Насонова И.А.* Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты: дис. ... док-ра. юрид. наук. Москва, 2011.

12. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебник для вузов / под общ. ред. Б.Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. Москва: Юрайт, 2017.

Информационное общество: влияние на оперативно-служебную деятельность цифровых технологий и перспективы их развития

С. С. ГРИБКОВ,

*старший оперуполномоченный
Главное управление экономической безопасности
и противодействия коррупции МВД России
E-mail: sgribkov@mvd.ru*

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы влияния информационных технологий на социальную и экономическую сферы, а также оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел. Затрагивается проблематика выявления, расследования и учета преступлений, сопряженных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Предлагаются перспективные решения обозначенных вопросов.

Ключевые слова: *информационные технологии; органы внутренних дел; порядок учета преступлений; информационные системы; информационная безопасность; персональные данные; Росфинмониторинг; роботизация; искусственный интеллект.*

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. определяет в качестве приоритетов формирование цифровой экономики, а фактически констатирует принципы сохранения традиционных и привычных для граждан форм получения товаров и услуг наряду с повсеместной интеграцией информационных технологий во все сферы жизнедеятельности¹.

Указанные процессы проводятся в соответствии с паспортом национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»².

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Паспорт национального проекта «Национальная программа» «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждена президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Предполагается создание «интернета вещей» и обеспечение доступа к сети Интернет практически для 100 % домохозяйств.

В свою очередь столь стремительное развитие информационных технологий имеет свои негативные последствия, связанные в том числе с ростом количества совершенных преступлений в указанной сфере.

Данные криминальные деяния составляют все большую долю в общей структуре преступности. В 2020 г. она достигла 25 %. Динамика ежегодного прироста фиксируется последние несколько лет¹. При этом в суд удается направить сравнительно небольшое количество уголовных дел о таких преступлениях (16 % в 2020 г.). Одной из причин этому является отсутствие достаточных оперативных возможностей по документированию фактов преступной деятельности.

Одним из распространенных и тиражируемых в СМИ противоправных деяний являются преступления, сопряженные со звонками «банковских специалистов», так называемые телефонные мошенничества. Указанные деяния осуществляются в том числе в результате цифровой неграмотности.

Как отмечено выше, развитие информационных технологий приходит практически в каждую сферу жизнедеятельности, в том числе финансовую. Это, в свою очередь, ведет к повышению уровня комфорта людей. Например, не выходя из дома можно осуществлять покупки, получение медицинских услуг или финансовые транзакции. Практически все финансовые организации могут оказывать услуги без посещения отделения банков посредством использования сервисов «мобильный банк».

Стоит отметить, что процесс осуществления преступлений постоянно совершенствуется: так, распространение получили случаи телефонных мошенничеств, совершенные от лица сотрудников полиции.

Схема мошенничества заключается в следующем. Гражданину звонит незнакомец, представляясь сотрудником банка, и сообщает, что мошенники хотят оформить на него онлайн-кредит. Чтобы предотвратить эти действия, человека убеждают в необходимости оформить онлайн-кредит на ту же сумму, а затем обналичить деньги с карты и перечислить на указанный злоумышленниками счет.

¹ Данные из формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений».

Через несколько минут жертве звонит соучастник преступной схемы, который представляется сотрудником полиции и рекомендует следовать инструкциям представителей службы безопасности банка, которые звонили ранее. При этом злоумышленники используют современную технологию подмены телефонных номеров, которая позволяет в точности повторить контакты правоохранительных органов, указанные на официальном сайте.

С сентября 2020 г. по настоящее время выявлено более 20 фактов подобных мошенничеств, в результате которых у граждан похищено более 6,7 млн рублей¹.

Вопросы выявления, фиксации и учета цифровых мошенничеств также вызывают определенный резонанс, освещаемый в средствах массовой информации. Имеется проблематика сопоставления статистических учетов киберпреступлений со стороны Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, Банка России и иных ведомств.

В качестве проблемного вопроса при документировании преступлений рассматриваемой категории отмечены случаи использования в противоправной деятельности так называемых удаленных рабочих столов, которые расположены на серверах, в том числе находящихся за пределами Российской Федерации либо в облачном хранилище данных.

В ходе изучения данного вопроса установлено, что в случае изъятия в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий средства коммуникации, информация из облачного хранилища (удаленного сервера), доступ к которой обеспечивается посредством данного устройства, может быть дистанционно уничтожена иными участниками противоправной деятельности, что часто приводит к утрате части доказательной базы и влечет затруднения в доказывании в судебном процессе.

Кроме того, в целях изучения компьютерной информации, обнаруженной в результате проведения оперативно-розыскного мероприятия, получение компьютерной информации, в том числе с привлечением лица, обладающего специальными познаниями, представляется целесообразным проведение ее исследования.

В настоящее время МВД России осуществляется поступательная работа над проектом нормативно-правового акта, предусматри-

¹ МВД России предупреждает: мошенники используют технологию подмены телефонных номеров. URL: <https://мвд.рф/news/item/23115917> (дата обращения: 05.09.2021).

вающего корректировку положений Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, в части дополнения его новым оперативно-розыскным мероприятием по исследованию компьютерной информации, в том числе с привлечением квалифицированных специалистов, в целях документирования (фиксации) электронных следов преступления.

В связи с этим, вероятно, следует заблаговременно предусмотреть возможность обучения и дополнительной подготовки для сотрудников органов внутренних дел по данному направлению.

Затрагивая вопросы выявления и фиксации киберпреступлений, целесообразно обозначить основные способы получения первичной информации о преступлении – непосредственно от заявителей или в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Для получения доказательной базы в виртуальном пространстве сотруднику необходимо построить цепочки оперативно значимых событий на основании сведений из различных ведомств и организаций.

Безусловно, процесс взаимодействия МВД России с федеральными органами исполнительной власти и банковскими организациями имеет четкую и логичную правовую основу. Однако направление запросов в банки и интернет-провайдеры имеет свои негативные стороны, выражающиеся в частности в несвоевременном поступлении оперативно значимой информации на запросы.

Сейчас данная проблематика разрешается путем заключения дополнительных соглашений о взаимодействии, регламентирующих фактор оперативности в ходе предоставления справочной информации.

Совместными усилиями МВД России и Росфинмониторинга в настоящее время проводится апробация информационного ресурса «Личный кабинет правоохранительного органа».

Использование указанного ресурса предполагает направление запросов в Росфинмониторинг в режиме онлайн, что фактически позволит взглянуть на оперативную обстановку с другой стороны, а также оперативно обмениваться информацией с помощью так называемого одного окна².

Отметим явную заинтересованность сотрудников в таком взаимодействии. Подразделения Росфинмониторинга обладают обоб-

¹ Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² О заседании коллегии Росфинмониторинга. URL: <https://www.fedsfm.ru/releases/4768> (дата обращения: 05.09.2021).

щенной и емкой информацией о движении денежных средств. При этом остается открытым вопрос корректной легализации полученной информации.

Имея в распоряжении сведения о перемещении денежных средств, возможно отследить финансовые цепочки вплоть до снятия денег из банкоматов.

Таким образом, можно констатировать, что в ходе выявления и раскрытия киберпреступлений все большие требования предъявляются к аналитическим способностям правоохранителей.

Справедливо и радостно отметить и постоянно развивающиеся способности и навыки аналитиков преступного мира. Первоначально для совершения большинства киберпреступлений злоумышленниками проводится аналитическая разведка на основе сведений, полученных противоправным путем из государственных, банковских и иных информационных ресурсов. Речь идет о персональных данных граждан.

Прошедший год показал, что форсирование цифровизации общества может привести к многочисленным неконтролируемым утечкам персональных данных, в том числе из банковского сектора и цифровых онлайн-сервисов. Попадая к злоумышленникам, эти сведения, массивы больших данных, анализируются и систематизируются.

На текущий момент организациям и подразделениям, обрабатывающим персональные данные, особо внимательно стоит отнестись к периоду плавного возвращения работников в оффлайн. Зачастую при отправлении работников на удаленную работу создавались предпосылки для халатного и небрежного обращения с «чувствительными» данными. Рабочие места организовывались быстро, без соблюдения элементарных процедур по обеспечению информационной безопасности.

Сотрудники, работая удаленно, могут и не догадываться, что их идентификаторы скомпрометированы, а рабочее место может иметь интегрированное вредоносное программное обеспечение.

Эти факторы в будущем могут способствовать росту числа фиксируемых противоправных деяний, связанных со сферой информационных технологий.

Стоит отметить, что в настоящее время проводится комплекс мероприятий по совершенствованию информационной безопасности в государственном секторе. Прорабатываются перспективы развития ситуационных центров, а также совершенствование взаимодействия в рамках комплекса ГосСОПКА.

Особое место в сфере информационных технологий занимают искусственный интеллект и робототехника.

В перспективе обработка большого количества информации о событиях и инцидентах потребует работы значительного штата специалистов в соответствующих областях. Однако описанные процессы уже сегодня возможно автоматизировать посредством использования технологий искусственного интеллекта [1].

В свою очередь, на крупных предприятиях промышленности и производства в России все чаще применяется робототехника. Роботы, как и любые высокотехнологичные устройства, планируется интегрировать в структуру интернета вещей. Данный термин еще мало используется в повседневной деятельности, но мы все чаще наблюдаем создание умных систем, в том числе в своих домах.

В будущем в процессе эксплуатации интернета вещей мы можем столкнуться с результатами деятельности узкопрофильных компьютерных специалистов – хакеров. Взлом, нарушение функционала и вывод из строя робототехники может привести к совершению более тяжких преступных деяний, способных нанести ущерб не только экономике, но и жизни и здоровью людей.

Перспективным видится вопрос организации расследования указанных противоправных деяний, ведь на текущий момент специалистов, способных провести качественный криминалистический компьютерный анализ, можно пересчитать по пальцам.

Учитывая всю изложенную проблематику, целесообразно предложить следующие перспективные варианты решения:

- для позитивного разрешения вопроса учета преступлений в сфере высоких технологий предлагается разработать отдельный перечень преступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационной сфере, а также соответствующих методических рекомендаций;

- с целью систематизации и унификации информационного пространства предлагается форсировать процессы централизации информационных систем, а также организовать проведение комплексных ревизий в информационной среде;

- для дополнительного повышения уровня цифровой грамотности сотрудников органов внутренних дел предлагается разработать систему оценки знаний основ информационной безопасности;

- учитывая перспективы развития и интеграции технологий искусственного интеллекта и робототехники в повседневную жизнь предлагается рассмотреть вопрос создания соответствующих специализированных подразделений, на которые будут возложены функ-

ции по выявлению и расследованию преступлений, сопряженные с использованием указанных технологий.

И последнее, но не менее важное предложение – это улучшение межрегионального и международного взаимодействия по данным вопросам [2]. Ведь по своей сути совершение преступлений в виртуальном пространстве не имеет такого понятия как граница. Только вместе сконцентрировав усилия и организовав непрерывный обмен опытом возможно противостоять современным вызовам в информационном пространстве.

Список литературы:

1. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие: в 2 ч. / А. В. Аносов и др. Москва: Академия управления МВД России, 2019. Ч. 1.
2. *Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С.* Международный опыт противодействия преступной деятельности с использованием криптовалюты. Москва: Академия управления МВД России, 2021.

К вопросу о противодействии расследованию преступлений в сфере экономики (оперативно-розыскные средства его преодоления)

П. И. ИВАНОВ,

*главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
Академия управления МВД России
E-mail: ivanovpi1952@yandex.ru*

Аннотация: в настоящей научной статье рассматриваются особенности противодействия расследованию преступлений в сфере экономики, проявляющиеся в использовании для этого многообразных оперативно-розыскных средств его преодоления.

Ключевые слова: *оперативно-розыскное противодействие; средство преодоления; орган внутренних дел; подразделение экономической безопасности и противодействия коррупции.*

Одной из основных задач, стоящих перед оперативными подразделениями полиции при расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере экономики, продолжает оставаться оперативно-розыскное их сопровождение по преодолению противодействия со стороны подозреваемых (обвиняемых) и иных заинтересованных лиц.

Указанная проблема не нова, ее суть заключается в разрешении противоречия между потребностью повышения эффективности деятельности по своевременному преодолению противодействия расследованию преступлений в сфере экономики и несовершенством организационно-тактических мер, принимаемых оперативными подразделениями полиции в данном направлении.

Мы в своих работах [1; 3] неоднократно возвращались к этой теме и каждый раз, не умаляя роли и значения предпринимаемых для этого гласных мер, подчеркивали, что достижение эффективности преодоления противодействия расследованию невозможно или крайне затруднительно без глубоко продуманного оперативно-розыскного сопровождения и разработанной на его основе системы мер.

Изучение и анализ законодательных и иных нормативных правовых актов, научной литературы, а также правоприменительной практики позволило сформулировать ключевые моменты противодействия расследованию преступлений в целом. Из-за ограниченности объема настоящей научной статьи лишь обозначим их. В частности, сюда мы относим:

– фрагментарное рассмотрение структурно-содержательных элементов системы противодействия. К большому сожалению, проблема оперативно-розыскного противодействия расследованию до сих пор не стала предметом специального исследования, хотя она беспокоит не только практических работников, но и специалистов в области теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) как науки. Справедливости ради отметим, что при исследовании вопросов, связанных с ОРД и ее организацией, лишь попутно затрагивались отдельные аспекты названной проблемы. Складывается впечатление, что в этом плане теория ОРД несколько отстает от криминалистики в части теоретического осмысления проблемы противодействия расследованию. Это обстоятельство, безусловно, не может не беспокоить в условиях цифровой трансформации, которая привнесла в названную теорию множество новелл и усугубила работу традиционного механизма (апробированного на протяжении многих лет) противодействия расследованию преступлений. Нет на сегодняшний день нужды доказывать необходимость углубленного его исследования.

Забегая вперед, на суд научной общественности хотим представить авторский вариант определения понятия «оперативно-розыскное преодоление противодействия расследованию уголовных дел о преступлениях в сфере экономики» как разновидность противодействия, осуществляемого оперативными подразделениями полиции в соответствии с федеральными законами «О полиции» и «Об оперативно-розыскной деятельности» во взаимодействии с другими правоохранительными органами и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, посредством принятия комплекса преимущественно негласных оперативно-розыскных мер, направленных на своевременное пресечение фактов воспрепятствования со стороны подозреваемых (обвиняемых) и их окружения, установлению истины по уголовному делу;

– отсутствие среди специалистов единой точки зрения по понятию, сущности и содержанию противодействия расследованию преступлений. Вот что понимают под противодействием расследованию преступлений, например, профессора А. Ф. Волынский и В. П. Лавров: «это система умышленных, противоправных

действий (бездействий) лиц, направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по собиранию, исследованию и использованию розыскной и доказательственной информации в процессе возбуждения и расследования уголовного дела, а в итоге – на воспрепятствование правосудию» [5, с. 47]. Заметим, что мы не ставили перед собой задачу дать в настоящей научной статье анализ существующих мнений, поскольку это предмет отдельного рассмотрения.

Между тем следует отметить, что криминалисты первыми взялись за эту проблему [4] и предложили научной общественности весьма оригинальные предложения и рекомендации по его преодолению. Смогли научно обосновать наличие самой проблемы, показать ее структурно-содержательную сторону. Иначе говоря, ими определена отправная точка для дальнейших исследований. Мы полагаем, что это большое достижение по тем меркам, но на сегодня ситуация в корне изменилась, а потому нужны новые разработки, новое видение проблемы;

– необходимость объединения усилий специалистов криминалистики и теории ОРД в плане комплексного исследования проблемы противодействия расследованию преступлений в условиях цифровой трансформации. Разрозненные их действия, на наш взгляд, не приводят к повышению, как говорят, коэффициента полезного действия, т. к. не следует пренебрегать тем обстоятельством, что возможности сбора исследовательского материала у них разные, не говоря уже про процедуры их анализа и изучения. Только путем интеграции знаний¹ на основе изучения межатраслевых связей и отношений между криминалистикой и ОРД в рассматриваемом контексте можно будет получить новые знания, соответствующие современным реалиям;

– наличие готовой методологии и методов исследования, адаптированных под решение затронутой нами научной задачи. Как нам представляется, пока мы не имеем этого. Заметим, что добиться такого состояния, безусловно, не только трудоемкая, но и наукоемкая задача. Без указанного нами инструмента заранее мы обрекаем себя на провал. Это еще раз подтверждает объективную востребованность объединения усилий специалистов разных областей знания;

¹ Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем [Электронный ресурс]: приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, ФСБ РФ, ФСКН, ФТС, СК при прокуратуре РФ, Федеральной службы по финансовому мониторингу от 5 августа 2010 г. № 309/566/378/318/1460/43/207. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– включение противодействия расследованию в качестве одного из приоритетов деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) территориальных органов МВД России на региональном уровне по оперативно-розыскному сопровождению предварительного следствия по делам в сфере экономики¹. Уточнение и конкретизация ведомственного сегмента обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции (с соответствующим структурно-функциональным построением подразделений ЭБиПК), на наш взгляд, позволяет сосредоточить основные их усилия в указанном направлении.

Данное положение особенно актуально по делам об экономических преступлениях, совершенных в организованной форме. Лидеры и активные члены преступной группы и преступного сообщества заранее разрабатывают своеобразный алгоритм действий на случай попадания в поле зрения правоохранительных органов (заблаговременно готовят и снабжают своих сообщников инструкцией о том, как вести себя на следствии). Пользуясь информационной технологией (Интернетом, телекоммуникационной системой, компьютером и т. д.), нередко небезуспешно им удается опережать ход следствия, отслеживать его и принимать с их помощью активные меры противодействия расследованию. К сожалению, несмотря на принимаемые контрмеры, уязвимыми со стороны криминальных структур пока что остаются источники доказательственной информации и ее носители, что негативно влияет на тактику производства следственных действий и проведения оперативно-розыскных мероприятий. Под пристальным вниманием оперативных работников должны находиться подозреваемые (обвиняемые) и их окружение. Для этого в их распоряжении находится целый арсенал сил, средств, методов и мероприятий, предусмотренных федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»;

– наконец, недопущение давления на бизнес под видом преодоления противодействия расследованию преступлений в сфере экономики. Чтобы исключить подобного рода действия со стороны подчиненных, руководители территориальных органов МВД России на региональном уровне должны, прежде всего, усилить процессуальный и ведомственный контроль за законностью

¹ Модельная концепция реализации в системе МВД России государственной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции. Москва: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2019.

возбуждения и расследования уголовных дел о преступлениях в сфере предпринимательства [2].

Сотрудники подразделений ЭБиПК, принимая меры по преодолению противодействия расследованию преступлений, в первую очередь должны знать наиболее распространенные формы и способы противодействия. Результаты анализа многолетней практики показывают, что среди форм противодействия чаще всего имеют место:

- «развал» недобросовестным защитником уголовных дел;
- заведомо ложное заключение эксперта;
- выдвижение и обоснование подозреваемым (обвиняемым) ложного алиби;
- оказание физического, психологического и иного воздействия на следователя (потерпевших, свидетелей);
- склонение недобросовестным защитником обвиняемого к отказу от признания вины;
- изменение свидетелем (потерпевшим) первоначальных показаний.

Аналогичные формы указаны во многих работах исследователей [6, с. 183–213]. Что же касается способов противодействия, то их достаточно много. Мы приведем лишь отдельные из них, а именно:

- уничтожение подозреваемым (обвиняемым) следов преступления;
- лжесвидетельство;
- похищение и уничтожение уголовных дел;
- физическое устранение следователя и свидетелей;
- фальсификация документов.

Формы и способы противодействия в условиях цифровой трансформации получают свое дальнейшее развитие, они ни в коей мере не остаются неизменными. Следовательно, сотрудники оперативных подразделений полиции должны разрабатывать все новые приемы преодоления противодействия.

Подводя итог, необходимо отметить следующее.

Во-первых, проблема противодействия расследованию преступлений многогранна, а потому она изучается не только криминалистической наукой, но и оперативно-розыскной.

Во-вторых, среди ученых на сегодня по вопросу сущности и содержания рассматриваемого вида деятельности нет единства во мнении. На этот счет существует несколько точек зрения.

В-третьих, сущность противодействия расследованию преступлений сводится к воспрепятствованию правосудию путем принятия различных форм и способов недопущения сбора, исследования

и использования в процессе возбуждения и расследования уголовного дела доказательственной информации. Тем самым создается серьезное препятствие установлению истины по уголовному делу.

В-четвертых, в преодолении такого рода препятствий большую роль играют средства и методы, наработанные оперативно-розыскной практикой.

Реализуя принцип комплексного подхода, одновременно следует стремиться к достижению единства криминалистических и оперативно-розыскных возможностей в решении общей задачи, связанной с преодолением всякого рода препятствий. Иными словами, криминалистически значимая информация может стать для процесса доказывания (следствия) весьма значимой, если она вводится в этот процесс в сочетании с оперативно-розыскной. Это важное условие, с соблюдением которого мы связываем повышение эффективности противодействия расследованию преступлений.

Список литературы:

1. *Иванов П. И.* О частной криминалистической методике расследования преступлений // Юрист-Правоведь. 2021. № 1 (96).
2. *Иванов П. И.* Об обеспечении защиты прав и законных интересов лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, от преступных посягательств // Безопасность бизнеса. 2021. № 2.
3. *Иванов П. И., Шитов А. С.* О некоторых особенностях расследования уголовных дел о налоговых преступлениях // Теория и практика расследования преступлений: материалы VIII Международной научно-практической конференции (16 апреля 2020 г.) Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020.
4. *Карагодин В. Н.* Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: дис. ... д-ра. юрид. наук. Свердловск, 1992.
5. Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013.
6. *Шегабудинов Р. Ш.* Организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией. Состояние, тенденции и меры борьбы с ней: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.

Особенности фиксации и исследования документов в делах, связанных с подлогом документов в электронном формате на сайтах по поиску и предоставлению услуг в сети Интернет

Р. Н. ИЗЮМОВ,

*эксперт отдела по ЭКО УМВД России по г. о. Домодедово
ЭКЦ ГУ МВД России по Московской области*

А. А. ДИЯНОВА,

*директор АНО ЦЭИ «Элегеон»;
аспирант кафедры судебных экспертиз и криминалистики
Российский государственный университет правосудия*

Аннотация: в статье рассматриваются одни из особенностей назначения судебной экспертизы, фиксации, а также последующего исследования документов в делах, связанных с подлогом документов в электронном формате на площадках (сайтах) по поиску и предоставления услуг в сети Интернет. Анализируются и предлагаются способы решения поставленных задач.

Ключевые слова: судебная экспертиза; технико-криминалистическая экспертиза документов; судебная почерковедческая экспертиза; компьютерно-техническая экспертиза; судебный эксперт; специалист.

Настоящее время характеризуется как век современных информационных технологий, где с помощью искусственного интеллекта решается значительный круг задач в жизнедеятельности современного общества. Информационные технологии активно развиваются и совершенствуются, а использование компьютерных средств и сети Интернет уже является неотъемлемой частью нашей жизни. Как известно, благодаря сети Интернет за последние годы стремительно расширился спектр наших возможностей как личных, так и профессиональных. К примеру, это и электронная оплата различного рода услуг, передача электронных документов, заверенных электронной цифровой подписью, развитие социальных сетей, появление разнообразных электронных площадок для предоставления или получения услуг и т. д. По нашему мнению, все это, несомненно, упрощает,

автоматизирует и усовершенствует определенные сферы жизнедеятельности общества, но вместе с этим способствует появлению новых способов совершения преступлений, которые несут риски и угрозы, затрагивающие как моральное, так и материальное состояние человека или общества в целом.

Согласно данным, представленным в отчете МВД России «Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 г.», за 2020 г. зарегистрировано 510,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, из которых больше половины (58,8 %) – с использованием сети Интернет¹.

Стоит отметить, что выделяются два направления развития данной преступности: через непосредственно формирование новых общественно опасных деяний (формирование новых преступлений) и через приспособление новых технологий для совершения известных преступлений [1]. Примером первого следует считать статью 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации» и другие традиционно цифровые преступления. При приспособлении же цифровые технологии обычно относятся к способу совершения правонарушений. Как следует из материалов доклада профессора Е. Р. Россинской на рамках IV Международной научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы», на данный момент идет формирование и разработка частной теории судебной экспертизы, посвященной как раз цифровой преступности, в которой формируется такое направление как «Общие положения технологии» [2].

В рамках направления «Общие положения технологии» хотелось бы обратить внимание на технологии работы с цифровыми следами, которые возникают в различного рода правонарушениях в среде посреднических сервисов. Так, в условиях ограничительных мер многие процессы перешли в цифровое пространство, в том числе решение задач по поиску и предоставлению услуг, поиску контрагентов, причем как для потребительских запросов, так и в коммерческой сфере. Разумеется, цифровизация подобных процессов началась много раньше, в том числе с законодательного регулирования процесса госзакупок и коммерческих закупок Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 г. URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/reports/item/22678184> (дата обращения: 10.09.2021).

закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». На данный момент имеются регулирование и процедуры непосредственно проведения закупок и сопутствующих сфер. Так, Перечень электронных торговых площадок (далее – ЭТП), которые необходимы для проведения госзакупок, устанавливается Правительством Российской Федерации¹. В перечень входит 8 ЭТП, а также в открытых источниках² приводятся перечни наиболее популярных площадок для коммерческих закупок. При этом для участия в торгах допускаются только участники, прошедшие надежную аутентификацию пользователя – участника закупок: для участия в закупках в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» необходимо использование усиленной квалифицированной электронной подписи (Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»), причем именно специализированной ЭЦП для закупок, аналогичные требования устанавливаются и большинством площадок для коммерческих закупок в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Противоположная ситуация складывается с торговыми площадками, не имеющими таких требований к пользователям при получении услуг сервиса. Существует огромное количество как узкопрофильных сайтов, оказывающих услуги посреднической площадки для поиска контрагентов (<https://kwork.ru>, <https://ati.su/> и т. д.), так и многопрофильных сервисов (Яндекс.Услуги, Авито услуги и т. д.). Доступ исполнителя к подобным сервисам может осуществляться через веб-сайт или мобильное приложение, где для того, чтобы стать исполнителем определенных заданий или стать поставщиком, необходимо зарегистрироваться на этом сайте. Вносимые данные исполнителя при регистрации не включают полную

¹ Об утверждении Перечня операторов электронных площадок, предусмотренного частью 3 статьи 24.1 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», частью 11 статьи 3.4 Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 июля 2018 г. № 1447-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Официальный сайт компании «РусТендер». URL: <https://tender-rus.ru/spisok-dlya-ecp> (дата обращения: 13.09.2021). Сервис «КонтрЗакупки». URL: <https://zakupki.kontur.ru/site/instructions/beginner/etp> (дата обращения: 22.09.2021).

проверку и верификацию его сведений. Нами была проведена проверка данных при регистрации на сайте <https://yopt.org/> (портал оптовых закупок), по результатам которой выявлено, что для регистрации не требуется подтверждения принадлежности вводимых данных конкретной организации, например, путем направления скана доверенности, заверения ЭЦП или иным способом.

Таким образом, отсутствие должной проверки и верификации Исполнителя заданий создает условия для совершения подобного рода преступлений. Пользуясь данными пробелами, злоумышленники могут выполнять регистрацию на подобных сервисах от имени реально существующих юридических лиц, при этом указывая свои контактные данные при регистрации. Следовательно, создают фактически ложный аккаунт исполнителя, подделывая документы организации (ИНН, КПП и т. д.), от лица которой они выступают. Однако все претензии по качеству работ направляются в адрес реально существующей организации, что способно вызвать финансовые и репутационные потери действующей компании.

Например, в экспертную организацию обратился ответчик по делу № А40-259793/2020 (Арбитражный суд города Москвы), к которому пришел иск о взыскании стоимости невыполненной перевозки груза. По состоянию на 12 мая 2021 г. судом предложено проведение судебной почерковедческой и технико-криминалистической экспертизы документов на предмет исследования подписи и оттиска печати транспортного договора-заявки, а также судом одобрено намерение ответчика запросить истребование информации об учетной записи на имя организации в сервисе <https://ati.su/>, через который и был якобы заключен договор¹.

В большинстве описанных сервисов используются механизмы электронного обмена документами. Подлог документов осуществляется в электронном формате, что в дальнейшем усложняет задачу по доказыванию этого факта. Поскольку электронный документ, содержащий значимую для рассмотрения дела информацию, в какой-то степени может являться копией документа, то в данном случае у лиц, осуществляющих оценку данных событий, появляются соображения по обращению к лицам, обладающим специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, т. е. к судебным экспертам. С одной стороны, это эксперты по направлениям исследования «почерковедческая экспертиза» и «технико-криминалистическая экспертиза документов», т. к. усматривается

¹ Определение Арбитражного суда города Москва по делу № А40-259793/2020 от 15 марта 2021.

необходимость в установлении факта фальсификации документов в виде подделки подписи руководителя/управомоченного на подписание лица и оттиска печати юридического лица, с другой стороны, зачастую необходимо привлечение эксперта по направлению «компьютерно-техническая экспертиза», т. к. подлежащий проверке документ (договор, транспортная или товарная накладная, оферта, счет-фактура) может существовать только в электронном виде, т. е. являться документом, созданным путем монтажа с использованием программного обеспечения (монтаж путем вставки в документ с расширением «doc/docx» изображения подписи и оттиска печати с последующим сохранением в файле с расширением «pdf»). Соответственно, исследованию будет подлежать либо скан-копия документа, загруженная в систему агрегатора злоумышленником, либо документ, созданный и существующий только в электронном виде. Также привлечение специалиста необходимо для поиска и обнаружения криминалистически значимой цифровой информации в системе агрегатора как для установления факта отправки электронного документа, так и для возможности получения сведений о злоумышленнике путем анализа метаданных на сайте.

По нашему мнению, при назначении экспертизы в вышеописанном примере необходимо решить вопрос фиксации и предоставления данных электронных документов на дальнейшие судебную почерковедческую экспертизу и технико-криминалистическую экспертизу документов. Так, если предоставленная копия документа выполнена электрографическим способом, можно выдвинуть версию о том, что предоставлен скан распечатанного электронного документа, на котором ранее проставлены рукописным способом подпись и оттиск печати, т. е. данный документ в имеющемся виде не может быть объектом исследования специалиста в области компьютерно-технической экспертизы.

Вопрос о почерковедческом исследовании изображения рукописного текста или подписи по копии документа не потерял свою актуальность и до настоящего времени. В информационных письмах «Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям»¹ и «Современные подходы к исследованию копий документов»² неодинаково рассматривается вопрос

¹ *Ефремова М. В., Орлова В. Ф., Старосельская А. Д.* Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям: информационное письмо. Москва: ГУ РФЦСЭ при Минюсте России.

² Современные подходы к исследованию копий документов: информационное письмо ФГКУ «ЭКЦ МВД России». URL: http://www.proexpertizu.ru/evaluation_guidelines/pocherk/671/ (дата обращения: 15.09.2021).

к исследованию изображений подписи или рукописного текста в копии документа в рамках производства судебной почерковедческой экспертизы. Однако, несмотря на это, в данных работах не исключается возможность проведения исследования в определенных случаях и руководствуясь некоторыми особенностями.

Данные обстоятельства позволяют сделать вывод, что в экспертном сообществе не существует определенного единого категоричного мнения на этот счет, что позволяет нам рассматривать этот вопрос снова в рамках вышеописанного случая. Подобного рода события, связанные с подлогом документов на электронных порталах с поиском и предоставлением услуг, дополнительно стимулируют к рассмотрению особенностей данного направления.

По нашему мнению, можно выделить следующие особенности фиксации и исследования документов в делах, связанных с подлогом документов в электронном формате на сайтах по поиску и предоставлению услуг в сети Интернет:

- при фиксации и изъятии документа необходимо привлечение специалиста в области компьютерно-технической экспертизы, чтобы изъятый файл был сохранен в максимально возможном качестве, что важно при исследовании изображений спорной подписи и оттиска печати;

- имеются практические сложности при разграничении компетенции экспертов еще до назначения экспертизы, что, на наш взгляд, требует привлечения специалиста;

- во время исследования особого внимания требует исследование признаков способа изготовления документа;

- сохраняются все особенности исследования копий документов.

Таким образом, из обозначенной специфики, на наш взгляд, следует ряд практических рекомендаций:

- исследовать спорный документ в рамках традиционных видов экспертиз и по изъятому специалистом файлу из цифровой среды, а не только по изначально предоставленному распечатанному документу из материалов дела, т. к. при скачивании и печати теряется качество изображения;

- проводить компьютерно-техническую экспертизу на предмет монтажа в рамках комплекса экспертиз последовательно перед традиционными видами экспертиз, что позволит эксперту-криминалисту дать пояснение относительно сделанного им положительного вывода, обосновать какие-либо версии относительно способа изготовления документа и т. д.

Список литературы:

1. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие: в 2 ч. / А. В. Аносов и др. Москва: Академия управления МВД России, 2019. Ч. 1.
2. *Россинская Е.Р.* Основные положения частной теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы: материалы IV Международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 марта 2021 г.). Москва: РГУП, 2021.

К вопросу об «электронной» криминалистике

В.Д. КОРМА,

*профессор кафедры криминалистики,
доктор юридических наук, профессор
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Аннотация: статья посвящена дискуссии в криминалистической литературе, связанной с разработкой в последние годы так называемой «электронной» (цифровой) криминалистики. Автором проведен анализ публикаций сторонников электронной и традиционной криминалистики, который привел к выводу о преждевременности изменения парадигмы криминалистики.

Ключевые слова: «электронная» (цифровая) криминастика; познавательная деятельность следователя (следственное познание); расследование преступлений, совершенных в киберпространстве.

В последнее десятилетие активизировались публикации в области разработки так называемой «электронной», или «цифровой», криминалистики [3, с. 45; 5, с. 176–177; 7, с. 18–20]. По сути, речь идет о новой парадигме криминалистики. Причем в одном случае предлагается рассматривать в виде криминалистического учения, охватывающего положения криминалистической техники и тактики, в другом случае – новой отрасли криминалистической техники. В связи с этим в научной литературе были высказаны критические замечания [6, с. 115–119; 9, с. 26–30].

Представляется, что в обстановке острой дискуссии по этому вопросу следует остановиться на анализе современных литературных источников, связанных так или иначе с вышеуказанной тематикой.

Общеизвестно, что криминастика относится к юридическим, но не к правовым наукам, и представляет собой область интегративного научного знания, сложившегося на базе творческой интерпретации в комплексе результатов изучения правоприменительной практики и достижений уголовного права, юридической психологии, судебной медицины, физики, химии, биологии и ряда других наук юридического и неюридического профиля, адаптированных применительно к целям, задачам, методам, средствам и технологиям следственной практики.

В. А. Образцов по этому поводу пишет: «...как в свое время криминалистика отделилась от науки уголовно-процессуального права, так то же самое произошло с самой наукой криминалистики: от нее отделились самостоятельные ныне отрасли науки и учебные дисциплины «Теория судебной экспертизы» («Судебная экспертология») и «Теория оперативно-розыскной деятельности». Этот объективный процесс привел к тому, что криминалистика «вернулась в родную «гавань», открытую Гансом Гроссом, создавшим науку о следователях и для следователей» [8, с. 6].

Исходя из содержания традиционной системы криминалистики, данная наука призвана обеспечивать своей продукцией в первую очередь следственную деятельность, под которой мы понимаем область юридической практики, состоящей в предусмотренной нормами закона работе лиц, наделенных полномочиями производства процессуальных действий, в обязанности которых входит обнаружение признаков преступлений, уголовное преследование подозреваемых, обвиняемых в совершении инкриминируемых им преступлений, возбуждение уголовных дел, производство дознания или предварительного следствия по уголовным делам (следователи, следователи-криминалисты, дознаватели, руководители органа дознания и следственных органов (ст. 38–41; 146 УПК РФ).

Так, по мнению О. Я. Баева, раздел криминалистической техники способствует познанию следователя о возможностях этой техники, которую на практике применяют специалисты, привлекаемые к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ [1, с. 129].

И. А. Возгрин отмечает, что общая цель криминалистической тактики, как и иных разделов науки криминалистики, состоит в оказании эффективной помощи работникам правоохранительных органов и, прежде всего, следователям, в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений [4, с. 14].

Иными словами, основным пользователем науки криминалистики является следователь. Вместе с тем достижения этой науки могут быть использованы и иными заинтересованными субъектами, поскольку нет такой науки, включая криминалистику, «которая создавала бы свой научный «продукт» для монопольного потребления одними, не позволяя другим пользоваться своими плодами» [12, с. 35].

В свете теории отражения познавательная деятельность следователя (следственное познание) может быть представлена в качестве процесса движения знания от результатов отражения (следов, изменений) к отражаемым объектам (субъектам, средствам, способам действий и т. д.).

Формой следственного познания является процесс распознавания образов уголовно-релевантных объектов, в предмет которого входят:

1) ненаблюдаемые следователем уголовно-релевантные объекты (преступления, иные ненаблюдаемые деяния, сходные по своим признакам с преступлениями, но таковыми не являющимися, а также другие ненаблюдаемые уголовно-релевантные события, явления, процессы, действия, виды поведения, предметы и т. д.);

2) чувственно не воспринимаемые сущностные, внутренние, скрытые признаки, свойства, связи и отношения наблюдаемых следователем уголовно-релевантных объектов.

С позиции материального и процессуального уголовного права ненаблюдаемые следователем объекты представляют собой обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовным делам (ст. 73 УПК РФ).

Задачи следственного распознавания нередко решаются посредством использования специальных знаний, специальных технологий, тактических приемов допроса и т. д. В роли посредников, стоящих между следователем и распознаваемой им уголовно-релевантной реальностью, не воспринимаемой им на чувственном уровне, могут выступать:

- вещественные доказательства;
- заключения судебных экспертов;
- оперативно-розыскные данные;
- информация, полученная от свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, иных источников фактической информации [8, с. 20–41].

Как свидетельствует следственная практика, в настоящее время криминалистика «заточена» на работу не только с традиционными, но и с нетрадиционными следами, включая генотип преступника или жертвы преступления, сохранившийся на месте происшествия или ином месте, и электронно-цифровые следы, которые образовались на различных электронных носителях информации.

Особенности расследования преступлений, совершенных в киберпространстве, состоят в собирании, исследовании и использовании электронно-цифровых следов, осуществляемых только с помощью специальных научно-технических средств. При этом криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования направлено в основном на накопление информации на стадиях доследственных и оперативных проверок сообщений о преступлениях с переходом на первоначальный этап расследования уголовного дела [11, с. 226–229].

Например, при производстве осмотра места происшествия следственное познание направлено в основном на место обнаружения электронных носителей и фиксации его результатов. При этом в протоколе этого следственного действия фиксируются:

а) основные характеристики изучаемых электронных носителей информации;

б) распознаваемые визуально частные признаки внешнего вида, конфигурация и комплектация, а также их формальные индивидуализирующие признаки (серии и номера моделей, инвентарные номера) и сведения, содержащиеся на этикетках, наклейках, бирках и ярлыках фирмы-изготовителя.

Содержимое и данные, хранящиеся в памяти электронных носителей, в криминалистической литературе рекомендуется изучать или в ходе осмотра места происшествия, или при производстве отдельного следственного осмотра предмета (компьютера, ноутбука, смартфона и др.) и (или) документов (извлеченных цифровых данных, распечаток переписок, дампов памяти и пр.) с помощью специального программного обеспечения, средств вычислительной техники (переносных компьютеров, ноутбуков, планшетов), вспомогательного коммутационного и периферийного оборудования (соединительных кабелей, адаптеров, копираторов, концентраторов и т. д.) [2, с. 111; 10, с. 23–58].

Понятно, что полное следственное познание при производстве осмотра места происшествия практически невозможно без участия специалистов (по средствам электронно-вычислительной техники, по сетевым технологиям и др.), а отдельный осмотр отдельных электронных носителей информации представляют собой, по сути, специальное исследование компьютерных средств с целью обнаружения информации, скрываемой с помощью технических приемов и методов. Представляется, что в последнем случае процедуру обнаружения цифровой информации следует проводить посредством назначения и производства компьютерно-технической экспертизы.

Никто не отрицает того, что следователь должен обладать основами знаний в области информационных технологий, их видов, основных признаков и характеристик, используемых категорий, правил обращения с компьютерной техникой и другими электронными носителями информации. Кроме того, он должен знать особенности организации и тактики производства следственных действий при расследовании преступлений данной категории, уметь анализировать возможные варианты использования результатов применения технологий в уголовно-процессуальном производстве.

Все это можно изложить в объеме особенностей методики расследования преступлений, совершенных в киберпространстве.

Исходя из вышеизложенного, следует согласиться с мнением В. Н. Карагодина о том, что разработка «электронной» криминалистики в виде криминалистического учения или отдельной отрасли криминалистической техники выходит за рамки объекта и предмета науки криминалистики, поскольку технология возникновения электронно-цифровых следов изучается в области других наук (электроники, кибернетики и математики) [6, с. 115–119].

О. С. Кучин отмечает, что в развитых зарубежных странах под термином «цифровая криминалистика» понимают специальную компьютерную программу или программное обеспечение, направленное на автоматическое обнаружение и фиксацию электронно-цифровых следов преступлений [9, с. 28].

Список литературы:

1. *Баев О. Я.* Криминалистика. Лекционный курс: учебное пособие. Москва: Юстиция, 2017.
2. *Бычков В. В., Вехов В. Б.* Электронное следообразование преступной деятельности в сети Интернет // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 1.
3. *Вехов В. Б.* Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008.
4. *Возгрин И. А.* Криминалистическая тактика: понятие и предмет исследования // Вестник криминалистики, 2001. Вып. 2.
5. *Демин К. Е.* К вопросу о выделении криминалистического исследования электронных носителей информации как новой отрасли криминалистической техники // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 5.
6. *Карагодин В. Н.* Исследования информационных процессов в структуре науки криминалистики // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения): сборник статей международной научно-практической конференции (Москва, 18 мая 2018 г.). Москва: Академия управления МВД России, 2018.
7. *Комаров И. М.* Некоторые проблемные вопросы «цифровизации» в криминалистике // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: теория и практика: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции (Барнаул,

29 июня 2020 г.). Барнаул: Алтайский государственный университет, 2020. Вып. XVI.

8. *Корма В. Д., Миронова Е. А., Образцов В.А.* Процессуальная деятельность следователя как объект межотраслевого исследования: учебно-практическое пособие. Москва: Юрлитинформ, 2019.

9. *Кучин О. С.* О некоторых тенденциях развития мировой криминалистики // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: теория и практика: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции (Барнаул, 29 июня 2020 г.). Барнаул: Алтайский государственный университет, 2020. Вып. XVI.

10. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей: учебное пособие / В. Ф. Васюков, Б. Я. Гаврилов, А. А. Кузнецов и др. / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова. Москва: Проспект, 2017.

11. *Халиков А.Н.* Современные возможности накопления информации при применении цифровых технологий на первоначальном этапе расследования преступлений и необходимость их дальнейшей проверки // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности: материалы научно-практической конференции с международным участием. Москва: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2019.

12. *Эксархопуло А. А., Макаренко И. А., Зайнуллин Р.И.* Криминалистика: история и перспективы развития: монография. Москва: Юрайт, 2019.

Информационные технологии в следственной и судебно-экспертной деятельности

И. А. КУБАСОВ,

*главный научный сотрудник,
доктор технических наук, доцент
ФКУ НПО «СТУС» МВД России;
профессор кафедры информационных технологий
Академия управления МВД России*

Аннотация: в статье рассмотрены перспективы внедрения инновационных технологий искусственного интеллекта и методов биоинформатики в следственной и судебно-экспертной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Разработаны предложения по цифровой трансформации следственной и судебно-экспертной деятельности в части создания новых ведомственных информационных систем, предназначенных обеспечить определение индивидуальных фенотипических признаков человека на основе анализа биологического материала, а также выявление признаков серийности (сходности) определенных категорий преступлений.

Ключевые слова: *информационные технологии; искусственный интеллект; следственная и судебно-экспертная деятельность; признаки серийности преступлений; фенотипические признаки человека.*

Следствие и судебная экспертиза представляют собой весьма многосложные системы разнородных взаимосвязанных подсистем, в том числе нормативного регулирования в данной области практической деятельности, подсистем технических средств, а также научных основ, методов и методик проведения следствия и судебных экспертных исследований. Эти динамически развивающиеся сложные системы не могут функционировать и развиваться без использования сложных процессов, способов и методов. В настоящее время, время четвертой научно-технической революции, в условиях цифровой трансформации деятельности органов внутренних дел (в том числе следственной и судебно-экспертной деятельности) среди сложных процессов, способов и методов информационные технологии занимают особое место и выполняют особую роль [1; 5; 4].

Использование информационных технологий (процессов, методов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способов осуществления таких процессов и методов) в следственной и судебно-экспертной деятельности нацелено на повышение качества информационно-аналитического обеспечения этой деятельности. Под информационно-аналитическим обеспечением следственной и судебно-экспертной деятельности, прежде всего, подразумевается оперативное предоставление следователям и судебным экспертам для решения стоящих перед ними задач всех необходимых данных, в том числе содержащихся в самых различных сферах специальных знаний и источниках информации. А это возможно при использовании специальных информационных систем, обеспечивающих сбор, обработку, хранение и защиту криминалистически важной информации, используемой субъектами деятельности. Причем внедрение информационных технологий обеспечивает реализацию в полном объеме функциональных возможностей применяемых информационных систем по оптимизации информационных процессов и улучшению качества сбора, обработки и представления информации [3].

С учетом основных задач дальнейшего развития ИСОД МВД России, указанных в «Основных направлениях дальнейшего развития единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России на период с 2020 по 2024 годы» [2; 6; 7]¹ и Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на период 2021–2023 годов², весьма актуальным является внедрение инновационных информационных технологий для определения индивидуальных фенотипических признаков человека на основе анализа биологического материала, а также выявления признаков серийности (сходства) определенных категорий преступлений в целях существенного повышения качества информационно-аналитического обеспечения следственной и судебно-экспертной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Поэтому в данной статье исследованы вопросы цифровой трансформации следственной и судебно-экспертной деятельности

¹ Основные направления дальнейшего развития единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России на период с 2020 по 2024 годы, утвержденные исполняющим обязанности Министра внутренних дел Российской Федерации генералом полиции Российской Федерации В. А. Колокольцевым 21 января 2020 г.

² Ведомственная программа цифровой трансформации МВД России на период 2021–2023 гг. [Электронный ресурс]: распоряжение МВД России от 29 декабря 2020 г. № 1/15065. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в части создания новых ведомственных информационных систем (путем внедрения информационных технологий), позволяющих определять индивидуальные фенотипические признаки человека на основе анализа его биологического материала (ДНК, изъятого с мест совершения преступления), а также выявлять признаки серийности (сходности) определенных категорий преступлений.

**Ведомственные пилотные проекты федерального проекта
«Искусственный интеллект» национальной программы
«Цифровая экономика Российской Федерации»**

ФКУ НПО «СТиС» МВД России совместно с образовательными организациями и заинтересованными подразделениями МВД России выполнена НИР «Теоретические исследования по созданию комплекса технологических решений (искусственный интеллект) для обработки больших данных в сфере внутренних дел», шифр «Семантика».

Целью выполнения НИР «Семантика» являлось теоретическое обеспечение реализации федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в части мероприятий:

- пилотный проект по выявлению признаков серийных преступлений;
- пилотный проект по определению индивидуальных анатомических признаков человека по биологическому материалу, изъятому с мест совершения преступлений¹.

В ходе выполнения НИР получены следующие новые научные результаты:

1. Исследованы возможности и механизмы применения технологий анализа больших данных, искусственного интеллекта и методов биоинформатики в целях реализации ведомственных пилотных проектов.
2. Разработаны требования к формированию дата-сетов для выявления признаков серийности (сходства) определенных категорий преступлений.
3. Разработаны требования к формированию дата-сетов для определения индивидуальных фенотипических признаков человека

¹ Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: утвержден протоколом заседания президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 23 октября 2020 г. № 23.

на основе анализа биологического материала, изъятого с мест совершения преступлений.

4. Разработаны и утверждены технические задания на НИР «Исследование применимости методов машинного обучения и анализа данных для выявления признаков серийности (сходства) определенных категорий преступлений», шифр «Серия».

5. Разработаны и утверждены технические задания на НИР «Формирование требований к проведению работ по разработке методов определения индивидуальных фенотипических признаков человека на основе анализа биологического материала, изъятого с мест совершения преступлений», шифр «Анатомия 1».

Полученные результаты НИР «Семантика» выступают основой для создания новых ведомственных информационных систем, позволяющих путем разработки и внедрения новых моделей и методов определять индивидуальные фенотипические признаки человека на основе анализа биологического материала, изъятого с мест совершения преступлений, а также выявлять признаки серийности (сходности) определенных категорий преступлений.

Применение создаваемых ведомственных информационных систем позволит внести существенный синергетический вклад в повышение качества информационно-аналитического обеспечения следственной и судебно-экспертной деятельности органов внутренних дел.

О создании новых ведомственных информационных систем

В системе МВД России пока не существует готовых технических решений в области искусственного интеллекта для выявления признаков серийных преступлений и определения индивидуальных фенотипических признаков человека.

В процессе реализации ведомственных пилотных проектов по выявлению признаков серийных преступлений и определению индивидуальных фенотипических признаков человека необходимо опираться на мировой и отечественный опыт создания аналогичных систем, а также использовать существующие в настоящее время в МВД России информационно-поисковые системы, предназначенные для оперативного поиска, сбора, обработки и представления информации, получаемой из различных источников. В данных системах производится автоматизация повторяющихся операций с помощью специально разработанных программных средств, обеспечивающих оперативный доступ ко всем имеющимся информационным базам, и получение обобщенной, структурированной

информации в объеме, предусмотренном нормативными правовыми актами МВД России, в том числе совместными, регулирующими информационное взаимодействие.

Для создания новых ведомственных информационных систем (далее – ВИС) необходимо обеспечить решение следующих задач:

- разработать научно-техническое и финансовое обоснования основных направлений создания ВИС;

- разработать структуру и определить функциональные возможности ВИС;

- на базе современных технологий хранения данных сформировать базы персональных данных, используемые для решения задач следственной и судебно-экспертной деятельности;

- разработать алгоритмы и специальное программное обеспечение для выявления признаков серийности отдельных категорий преступлений, а также для определения индивидуальных фенотипических признаков человека;

- разработать нормативно правовую базу, регламентирующую вопросы создания и функционирования ВИС;

- осуществить сбор, обработку и хранение посредством ВИС персональных данных;

- подготовить дата-сеты для хранения данных в виде, пригодном для их обработки при помощи процедур машинного обучения;

- разработать механизм предоставления органам государственной власти доступа к данным при решении задач обеспечения национальной безопасности, общественного порядка и противодействия преступности, обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства;

- разработать механизмы интеграции ВИС с национальной системой биометрической идентификации личности и информационными системами органов государственной власти;

- разработать и сертифицировать программные средства для обеспечения системы информационной безопасности ВИС.

Немаловажное значение для создания и использования ВИС имеет и комплекс научных и образовательных мероприятий, к которым необходимо отнести:

- проведение анализа передовых достижений в области информационных технологий;

- формирование научно-технической базы на основе результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, учета передовых достижений в области информационных технологий;

- выработку механизмов реализации внедрения ВИС в деятельность органов внутренних дел Российской Федерации;

– преимущественное применение отечественной элементной базы и программных продуктов с открытыми кодами, с последующим полным переходом на российское и (или) свободно распространяемое с открытым исходным кодом программное обеспечение, а также на использование российской микроэлектроники;

– сертификацию программных изделий, входящих в состав ВИС, в необходимых системах сертификации средств защиты информации (ФСТЭК России и ФСБ России) по требованиям безопасности информации;

– развитие системы подготовки и повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в области информационных технологий на базе ведомственных образовательных организаций.

При этом необходимо обеспечить корректную работу программного обеспечения клиентских автоматизированных рабочих мест ВИС с процессорами архитектуры x86, ARM, а серверного – с процессорами архитектуры x86 и VLIW. Работа данных программ должна осуществляться под управлением операционных систем, входящих в Единый реестр российских программ для электронно-вычислительных машин и баз данных Минцифры России.

Очевидно, что ВИС целесообразно создать в виде новых сервисов ИСОД МВД России, поэтому новые базы данных должны быть созданы в виде составной части хранилища данных ИСОД МВД России.

Заключение

Синергетический эффект в борьбе с преступностью от внедрения разрабатываемых инновационных информационных технологий возможен при создании соответствующих ведомственных информационных систем, интегрированных в ИСОД МВД России.

В результате дальнейших научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ планируется создание программных решений с последующим вводом в промышленную эксплуатацию новых сервисов ИСОД МВД России, востребованных подразделениями МВД России, не позднее 2024 г.

Внедрение инновационных технологий в практику правоохранительных органов не только вооружит современными методами криминалистических исследований, но и будет способствовать повышению эффективности расходования бюджетных средств на розыск преступников и формирование доказательной базы преступлений.

Следует заметить, что информационные технологии способны оказать значительную помощь при выработке обоснованного реше-

ния конкретной задачи, но не могут полностью заменить следователя и судебного эксперта. Окончательное обоснованное решение может принять только специалист-человек. Поэтому необходимость освоения основ применения современных информационных технологий, позволяющих повысить эффективность решения задач следствия и судебной экспертизы, выступает одним из условий повышения качества подготовки специалистов юридического профиля.

Список литературы:

1. *Вакулина Д. О.* Информационные технологии в деятельности следователя // Научные горизонты. 2019. № 5-1 (21).
2. *Кубасов И. А.* Проблемные вопросы и направления развития единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России // Охрана, безопасность, связь. 2020. № 5-3.
3. *Кубасов И. А., Лекарь Л. А., Кондрущенко О. М.* Перспективные направления применения методов анализа больших данных в информационно-аналитическом обеспечении оперативно-розыскной деятельности // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: сборник статей международной научно-практической конференции / под общ. ред. И. Г. Чистобородова, А. Л. Ситковского, В. О. Лапина (Москва, 23 октября 2020 г.). Москва: Академия управления МВД России, 2020.
4. *Накохов М. А., Панченко А. Н.* Информационные технологии в следственной деятельности // Новая наука, история становления, современное состояние, перспективы развития: сборник статей международной научно-практической конференции (Волгоград, 25 января 2021 г.). Уфа, 2021.
5. *Рудых А. А.* О некоторых направлениях цифровизации расследования преступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 3 (25).
6. *Шапкин А. В., Кубасов И. А.* Основные направления дальнейшего развития ИСОД МВД России на период с 2020 по 2024 гг. Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: сборник статей международной научно-практической конференции (Москва, 30 октября 2019). Москва, 2019.
7. *Шапкин А. В., Кубасов И. А., Конюшев В. В.* МВД России: дорога к искусственному интеллекту // Искусственный интеллект (большие данные) на службе полиции: сборник статей международной научно-практической конференции (Москва, 30 октября 2019 г.). Москва, 2019.

**Об актуальности организации внутреннего
и внешнего взаимодействия органов
предварительного следствия, дознания
и экспертно-криминалистических подразделений
в процессе расследования преступлений
с использованием криптовалют**

С. И. КУРИЛОВ,

*доцент кафедры управления
органами расследования преступлений,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России*

И. В. ОСИПОВ,

*старший преподаватель кафедры
организации огневой и физической подготовки,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России*

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные вопросы организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел МВД России в процессе расследования преступлений с использованием криптовалют между собой, а также взаимодействие с органами и организациями в кредитно-финансовой сфере, связи и т. д. Рассматриваются понятия, условия, формы, субъекты как внутреннего, так и внешнего взаимодействия. Приводятся необходимые статистические данные и алгоритм совершения преступлений с использованием криптовалют.

Ключевые слова: *организация взаимодействия; преступления; криптовалюта; подразделения следствия; дознания и экспертно-криминалистические подразделения.*

В последнее время на территории Российской Федерации отмечается устойчивый рост новых видов преступлений¹, в том числе

¹ Согласно данным ведомственной статистики (сборник ФКУ «ГИАЦ МВД России»), в 2017 г. зарегистрировано 90 587 преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, а в 2020 г. зафиксировано

преступлений в сети Интернет (в 2021 г. зарегистрировано больше половины таких преступных деяний (58,8 %), с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (300 337 преступлений), что на 91,3 % больше, чем в 2020 г.), при совершении которых использовалась криптовалюта¹. Указанная виртуальная валюта применяется при таких преступных деяниях, как нелегальный оборот наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров, порнографии и иного запрещенного контента (включая нелегальные услуги); отмыwanie преступных доходов; хищение криптовалюты и др.

Указанные обстоятельства стали предметом научного осмысления и объектом комплексных научных исследований большого круга специалистов. В связи с этим в работах ряда авторов вводится новая научная категория «криптопреступность», под которой предлагается понимать совокупность объединенных на основе единых системных свойств общественно опасных деяний, совершаемых в отношении или с использованием продуктов распределенных реестров (криптовалюты, токенов и др. форм цифровых финансовых активов) [1, с. 90].

Изучение практики расследования уголовных дел рассматриваемой категории [2] показывает, что значительная часть всех преступлений, совершаемых с применением криптовалюты, приходится на преступления в сфере легализации денежных средств, полученных преступным путем в сфере незаконного оборота наркотических средств. Условная схема движения денежных средств от сбыта наркотиков с использованием криптовалюты (биткоин) в Российской Федерации выглядит следующим образом:

- приобретатели наркотических средств используют терминалы оплаты, через которые вносят денежные средства на реквизиты электронных кошельков;
- организаторами и финансистами денежные средства переводятся с принимающих электронных кошельков на серию промежуточных, после чего аккумулируются на нескольких электронных кошельках-аккумуляторах для объединения денежных средств;
- денежные средства, полученные от незаконного сбыта наркотиков, с электронных кошельков-аккумуляторов переводятся на банковские карты и электронные кошельки, которые использу-

510 400 преступлений. Прирост таких преступлений отмечается на территории почти всех федеральных округов и субъектов Российской Федерации.

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 г.: сборник ФКУ «ГИАЦ МВД России». Москва, 2021.

ются интернет-сайтами (биржами, обменниками), предоставляющими услуги по проведению финансовых операций с криптовалютой биткоин;

- интернет-сайты (биржи, обменники), предоставляющие услуги по проведению финансовых операций с криптовалютой биткоин, после получения денег осуществляют их перевод в эквивалентной сумме на счета, использующие криптовалюту биткоин, что позволяет исключить возможное вмешательство внешнего администратора (банков, налоговых органов, правоохранительных, судебных и иных государственных органов) по отмене, блокировке, оспариванию или принудительному совершению любых транзакций с указанными денежными средствами;

- организаторами и финансистами денежные средства, полученные на кошельки в пиринговой платежной системе биткоин, переводятся на серию промежуточных электронных кошельков, после чего аккумулируются на нескольких электронных кошельках для объединения средств в криптовалюте, как правило, с этой целью используются различные интернет-сервисы, предлагающие смешивание биткоинов (так называемые миксеры), которые позволяют распределять денежные средства по различным счетам и через серию промежуточных счетов аккумулируются на счетах, указанных организаторами и финансистами;

- аккумулированные средства в криптовалюте в дальнейшем распределяются для перечисления лицам, работающим в интернет-магазинах (операторам, вербовщикам, химикам, складам, курьерам, оптовым и розничным закладчикам). После чего вышеуказанные участники преступного сообщества обменивают полученную криптовалюту на фиатные денежные средства с использованием обменников и/или бирж криптовалют.

Таким образом, часть денежных средств, полученных от сбыта наркотиков, через сеть онлайн-сервисов выводят в наличный оборот с использованием банкоматов различных банковских учреждений на территории Российской Федерации.

В настоящее время можно констатировать, что криптовалюта начинает все активнее фигурировать в практике расследования уголовных дел, в которых она выступает предметом или средством совершения преступлений. Невзирая на незначительную практику расследования уголовных дел, совершенных с использованием криптовалюты, можно сделать однозначный вывод о том, что интерес к криптовалюте в обществе повышается, и она получает все большее распространение при совершении финансовых операций. Одновременно с этим растет число преступлений, совершаемых

с использованием криптовалюты, и, соответственно, у следственных органов возникают проблемные вопросы в расследовании относительно новой категории преступлений.

В связи с этим следует отметить, что постоянное повышение эффективности деятельности правоохранительных органов, в частности следственных, оперативных и экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России, поиск новых и совершенствование имеющихся форм и методов их согласованной деятельности являются необходимыми условиями успешной борьбы с криптопреступностью.

Поэтому важной и актуальной является организация внутреннего и внешнего взаимодействия органов предварительного следствия, дознания и экспертно-криминалистических подразделений в процессе расследования преступлений с использованием криптовалют.

Рассматривая территориальные органы внутренних дел как специфическую социальную систему, можно выделить следующие существенные признаки процессов взаимодействия при расследовании преступлений с использованием криптовалют, протекающих внутри данной системы и процессов взаимодействия ее элементов с внешней средой:

- организационная самостоятельность субъектов;
- совместная деятельность (единовременная или продолжительная);
- согласованность целей, места и времени деятельности;
- оптимальное объединение сил, средств и методов.

Для эффективного взаимодействия необходимо целенаправленное создание соответствующих условий и разработка механизма его реализации в оптимальных формах.

Одними из объективных предпосылок, обуславливающих взаимодействие, являются:

- общность задач;
- различие полномочий;
- специфичность сил, средств и методов;
- организационная и процессуальная самостоятельность.

В качестве условий эффективного взаимодействия можно определить такие обстоятельства, как:

- единство цели;
- общность интересов;
- взаимное доверие субъектов;
- организация обмена информацией;

– неразглашение данных предварительного следствия, средств и методов, применяемых в оперативно-розыскной деятельности, и др.

Механизм реализации взаимодействия может быть реализован в следующих формах:

- процессуальных;
- организационных.

Процессуальные формы взаимодействия в процессе расследования преступлений с использованием криптовалют включают в себя:

- производство органом дознания по поручению следователя оперативно-розыскных мероприятий;
- производство органом дознания по поручению следователя следственных действий;
- исполнение по поручению следователя постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий;
- оказание содействия органом дознания следователю при производстве отдельных следственных действий и исполнении мер процессуального принуждения;
- привлечение сотрудников органов дознания к участию в работе следственной группы и т. д.

Организационные формы взаимодействия в процессе расследования преступлений с использованием криптовалют заключаются в:

- совместной работе следователей, оперативных сотрудников и экспертно-криминалистических подразделений в составе следственно-оперативной группы;
- совместном анализе данных, собранных оперативно-розыскным путем, для решения вопроса о достаточности их для возбуждения уголовного дела;
- взаимном составлении согласованных планов следственных и оперативно-розыскных действий;
- взаимном обмене информации;
- взаимных консультациях сотрудников взаимодействующих сторон;
- проведении совместных организационных мероприятий и служебных занятий;
- подготовке совместных методических рекомендаций и др.

Представленный перечень процессуальных и организационных форм может быть продолжен и конкретизирован с учетом компетенции взаимодействующих субъектов и преследуемых целей этого взаимодействия.

В настоящее время руководством МВД России особое внимание руководителей территориальных органов обращается на неукоснительное выполнение подчиненными сотрудниками требований приказа МВД России от 25 апреля 2015 г. № 495, а также на необходимость начальникам подразделений по расследованию преступлений выработки комплекса дополнительных мер, направленных на совершенствование внутреннего взаимодействия (совместной работы) с оперативными и экспертными службами во всех его формах, включая создание специализированных групп по раскрытию конкретных видов преступлений, в том числе и криптопреступлений.

К субъектам внутреннего взаимодействия при организации расследования преступлений с использованием криптовалют относятся:

- начальники территориальных органов и их заместители;
- начальники органов предварительного следствия (далее – ОПС), подразделений дознания и их заместители;
- следователи, дознаватели, сотрудники органа дознания, осуществляющие процессуальную деятельность в досудебном производстве;
- сотрудники экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел, к которым необходимо отнести специалистов, экспертов, руководителей ЭКП и их заместителей.

Организация руководителями органов расследования преступлений деятельности по взаимодействию следователя, дознавателя с сотрудниками ЭКП МВД России, несомненно, создает необходимые предпосылки для своевременного выявления, фиксации и сохранения следов и иных вещественных доказательств, проведения по ним необходимых исследований, что позволяет формировать по каждому уголовному делу системы объективной доказательственной информации как о механизме преступления с использованием криптовалют, так и виновности в его совершении конкретных лиц.

Ключевую роль в расследовании уголовных дел, где фигурирует криптовалюта, следует отводить владельцам криптокошельков. Именно они являются основными источниками информации, т. к. обладают данными о пароле (ключе) к криптокошельку, а также могут сообщить данные о технических средствах, с помощью которых они осуществляли финансовые операции с криптовалютой (транзакции, конвертации), поэтому органам расследования преступлений для получения информации о паролях необходимо делать основной акцент на производстве следственных действий с участи-

ем владельцев криптокошельков, таких как обыск, выемка, осмотр компьютерной техники, допрос.

Важность полученной информации от владельцев криптокошельков обусловлена тем, что иные способы получения информации о криптовалюте крайне затруднительны ввиду различных причин.

Примером является то, что одним из звеньев между конвертированием криптовалюты в рубли и иную валюту являются автоматизированные программы, администрирование которых осуществляется, как правило, за пределами территории Российской Федерации. Данные субъекты самостоятельно устанавливают правила и порядок идентификации своих клиентов, а также проведения обменных операций, что затрудняет выявление цепочки незаконных финансовых процедур. Конечно, получить информацию от субъектов администрирования можно, но прежде необходимо знать, где и когда действия по осуществлению конвертации криптовалюты производились. Данной информацией могут обладать в первую очередь владельцы крипто-кошельков, во вторую – сами обвиняемые (подозреваемые) лица, но, говоря об обвиняемых (подозреваемых) лицах, мы берем в расчет только тех, которые сотрудничают со следствием. В этих случаях с участием обвиняемых (подозреваемых) лиц рекомендуется производить осмотр интернет-ресурсов, при помощи которых осуществлялись транзакции, в ходе чего необходимо пошагово фиксировать алгоритм действий по осуществлению конвертации криптовалюты.

Сложность также представляют уголовные дела, где владельцы биткоин-кошельков не идут на контакт со следствием. В этом случае установить, какие финансовые операции с криптовалютой (транзакции, конвертации) и кем были осуществлены, крайне затруднительно, т. к. сведения, которые введены при регистрации электронной почты, необходимой для создания биткоин-кошелька, могли быть изначально вымышленными, а для дальнейшего использования криптовалюты необходимо использование только адреса электронной почты и пароля к счету (к примеру, на сайте www.blockchain.com) без предоставления каких-либо анкетных данных о регистрирующемся лице.

В преодолении вышеуказанных сложностей способствуют знания привлекаемых специалистов не из системы МВД и получение информации из государственных органов и организаций.

В связи с вышеизложенным еще одним направлением повышения эффективной борьбы с криптопреступностью является внеш-

нее взаимодействие участников расследования преступлений, связанных с использованием криптовалюты.

К субъектам внешнего взаимодействия при организации расследования преступлений с использованием криптовалют относятся:

- сотрудники и подразделения Министерства внутренних дел;
- экспертные учреждения органов исполнительной власти (Министерства обороны, Министерства юстиции, Министерства здравоохранения и социального развития, МЧС России, ФСБ России и др.);
- должностные лица, государственные органы, учреждения, общественные объединения, организации (организации связи, кредитно-финансовые организации и т. д.).

В обязанности руководителей ТО МВД России и начальников ОПС ТО МВД России, начальников подразделения дознания входит организация с вышеперечисленными субъектами (далее – иные субъекты) внешнего взаимодействия для расширения имеющихся возможностей применения специальных знаний для расследования преступлений указанной категории.

Таким образом, рассматривая вопросы внешнего взаимодействия в процессе расследования преступлений с использованием криптовалют, следует выделить два вида деятельности, к которым следует отнести:

1) организацию внешнего взаимодействия с иными субъектами по осуществлению досудебного производства по находящимся в производстве уголовным делам и материалам проверки в рамках рассмотрения сообщений о преступлениях с использованием криптовалют;

2) организацию внешнего взаимодействия с иными субъектами при реализации руководителями подразделений ТО МВД России своих полномочий по организации деятельности подразделения и их должностных лиц.

Подводя итог, можно прийти к выводу, что внутреннее взаимодействие в процессе расследования преступлений с использованием криптовалют – это отвечающая требованиям приказов МВД России совместная деятельность субъектов, являющихся не подчиненными друг другу элементами одной определенной организационно-оформленной целостной социальной системы. К данной группе относится совместная деятельность сотрудников и подразделений органов предварительного следствия и дознания МВД России с экспертно-криминалистическими подразделениями МВД России по выполнению задач уголовного судопроизводства, направленная на борьбу с криптопреступностью.

Под внешним взаимодействием расследования преступлений с использованием криптовалют следует понимать совместную деятельность самостоятельных, независимых друг от друга и не находящихся в соподчиненности должностных лиц, государственных органов, учреждений исполнительной власти, общественных объединений, направленную на борьбу с криптопреступностью.

Таким образом, организация внутреннего и внешнего взаимодействия органов предварительного следствия, дознания и оперативно-криминалистических подразделений является актуальным аспектом в процессе расследования преступлений с использованием криптовалют и необходимым условием успешной борьбы с криптопреступностью.

Список литературы:

1. *Иванцов С.В.* Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции / С.В. Иванцов, Э.Л. Сидоренко, Б.А. Спасенников, Ю.М. Берёзкин, Я.А. Суходолов // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 1.
2. Практика расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты: аналитический обзор / А.Ю. Ушаков, А.Г. Саакян, Р.С. Поздышев, О.Н. Мурылева. Нижний Новгород, 2019.

Цифровизация криминалистики

А. М. КУСТОВ,

*главный научный сотрудник НИЦ,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
Академия управления МВД России*

Аннотация: статья посвящена использованию искусственного интеллекта, цифровых информационно-поисковых программ и баз данных в расследовании серийных преступлений, а также при поиске серийных преступников. Дается авторское видение содержания цифровой информации, предложены отдельные направления в использовании высоких технологий при расследовании и моделировании механизма совершенного преступления.

Ключевые слова: *искусственный интеллект; цифровые информационные технологии в криминалистике; компьютерное цифровое моделирование; механизм совершенного преступления; следователь; преступник; информационная модель.*

Анализ судебно-следственной практики показал, что на современном этапе изменения криминальной ситуации в стране и в структуре механизма совершаемых преступлений просматривается влияние отдельных факторов: профессионализация преступного опыта, уровень образования преступника, модернизация орудий и средств совершения преступлений, мобильность способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений и т. д.

Все это существенно влияет на сроки раскрываемости неочевидных преступлений и на эффективность их расследования, что приводит к необходимости разработки новых тактико-криминалистических приемов (операций) и технико-криминалистических средств с использованием имеющихся высоких цифровых технологий. В первую очередь это проявляется в новых интегрированных исследовательских системах и технологиях, предлагающих эффективные с точки зрения скорости сбора, анализа, обработки, систематизации и использования криминалистически значимой информации о самом преступлении и его участниках.

Технико-криминалистические средства, использующие цифровые технологии, позволяют оперативно применять огромные криминалистические и иные базы данных (криминалистические

учеты), что создает условия для тесной интеграции следователей (дознавателей), иных сотрудников правоохранительных органов и экспертов. Будущее автоматизированных цифровых криминалистических инструментов, по мнению большинства ученых, лежит в машинной компьютерной обработке и в формировании искусственного интеллекта.

Под искусственным интеллектом в криминалистике понимается как *производное* комплекса (системы), состоящего из компьютерной системы (сетевые, персональные и иные цифровые компьютеры), компьютерных программ (программное обеспечение), базы данных (криминалистические ученые и криминалистически значимая информация о совершенном преступлении и его участниках) и искусственных нейронных сетей (выполняют математические функции), которые и обеспечивают формирование и функционирование данного интеллекта.

Данный искусственный интеллект способен не просто действовать (работать) по заранее заданному алгоритму (программе), но и реализовывать такие творческие функции человека, как принятие решений, прогнозирование, оценка рисков, работа с неполными данными и данными криминалистических учетов, предсказание последствий, учет и реагирование на дополнительную информацию и т. д.

Криминалистическая наука, если можно так сказать, всегда отличалась высокой восприимчивостью к новым и особенно к высоким цифровым технологиям, которые способствуют обеспечению эффективного и быстрого расследования неочевидных корыстно-насильственных преступлений, так что рассмотрение перспектив использования искусственного интеллекта представляет для нее практический и теоретический интерес.

Цифровые информационные технологии сегодня используются следователями (дознавателями) и экспертами при сборе, фиксации и обработке большого количества данных о совершенном преступлении и его участниках, в получении и обработке оперативной информации, и на этих результатах – для принятия решений по оперативному управлению самим процессом расследования и т. д.

Ученые утверждают, что человеческое мышление и его специализированные типы, к которым относится и криминалистическое мышление, основаны на электромагнитном и химическом перемещении ионов между синапсами, представляющими собой точки контактного взаимодействия нейронов головного и спинного мозга. Закономерно, что при создании искусственного интеллекта про-

граммисты заимствовали архитектуру построения способа обработки и использования информации человеческим мозгом.

В настоящее время наиболее эффективный способ организации искусственного интеллекта – искусственные нейронные сети. Они способны выявлять скрытые, неочевидные связи и закономерности обстоятельств совершения преступления и т. д. Для практики расследования корыстно-насильственных преступлений используются или, правильнее сказать, работают сверхточные нейронные сети (для распознавания образов и классификации объектов) и рекуррентные сети (для работы с текстами, т. е. для получения данных о чем-то или о ком-то).

На первом этапе работы с искусственным интеллектом сотрудники правоохранительных органов применяли его в трех направлениях:

1) выявление серийных и объявленных в розыск преступников, находящихся в общественных местах (в некоторых странах, например в Голландии, полиция использует данный интеллект для расследования сложных преступлений);

2) видеонаблюдение за поведением негативно настроенных граждан, находящихся в общественных местах, в целях обеспечения общественного порядка и безопасности;

3) анализ поведения пользователей компьютеров и Интернета на сайтах (в социальных сетях) и в мессенджерах (так, например, в 2018 г. китайским ученым удалось выявить более 20 тыс. потенциальных самоубийц и оказать им психологическую помощь).

Анализ судебно-следственной практики показал, что искусственный интеллект сегодня позволяет значительно упростить работу следователя (дознателя) в части изучения юридических документов и материалов уголовного дела, анализа имеющихся прямых и косвенных улик, определения вероятного уровня сложности сложившейся следственной ситуации и сути дела, быстрой подготовки необходимой информационной цифровой базы для проверки полученных доказательств, формирования предложений по программе (алгоритму) действий, а по полученным результатам подготовить обвинительное заключение (обвинительный акт) по уголовному делу и т. д.

При этом следователь или эксперт может использовать интернет-ресурсы как дополнительный источник информации – это предложения от пользователей данной социальной системой, данные из сотовых телефонов, компьютеров и автомобилей (видеорегистраторы, GPS, Bluetooth), которые позволяют получить информацию о его использовании, местонахождении, а также данные бытовых приборов, систем охраны объектов, видеонаблюдения на улицах

городов, в общественном транспорте, а также строить дополнительные связи между людьми, событиями и обогащать материалы следствия и т. д.

Так, в настоящее время среди ученых нет единого мнения в вопросе выбора параметров, позволяющих однозначно сформировать систему признаков, отличающих маньяка-убийцу от нормального человека, что затрудняет создание эффективных компьютерных программ, предназначенных для использования в следственной практике. Но при этом ученые-криминалисты, изучая большие массивы уголовных дел, обратили внимание на то, что в поведении серийных убийц, сексуальных маньяков и в том, как они скрывают следы, есть много закономерностей объективной реальности. На этой основе учеными разрабатываются методические рекомендации и компьютерные программы по реализации этих закономерностей, позволяющие вычислять серийных убийц и маньяков, серийных воров и насильников.

У серийных преступников-насильников, как утверждают ученые-психологи, с детского возраста формируются и (в определенном возрасте) закрепляются некоторые черты индивидуального характера. Ими определена степень влияния различных факторов на результат моделирования предрасположенности человека к серийному насилию. Установлено, что наиболее значимыми параметрами являются психическое расстройство, алкоголизм родителей, наличие только одного из родителей, внутрисемейное насилие, семейный статус, социальный статус, насилие со стороны одноклассников или одноклассников. Особо выделено влияние некоторых параметров на предрасположенность к совершению серийных убийств и иному насилию. Так, у виновного, совершившего ту или иную серию преступлений, присутствуют некоторые психологические черты, которые характеризуют определенный *порядок действий*; у маньяков-убийц возникают жизненные *периоды активности*, которые связаны с патологическими изменениями мозга, когда они наиболее склонны к совершению преступлений.

Известный серийный насильник и убийца А. Чикатило (или М. Попков, А. Пичушкин и др.) с математической точностью в период с 1978 по 1990 г. совершил убийства 53 человек (в основном женщин и детей), т. е. ученые установили, что количество убийств росло, а конкретные промежутки между ними сокращались в соответствии с определенными принципами. Ученые-криминалисты и психологи, исследовавшие его феномен, утверждают, что в мозгу у него присутствовала особая группа нервных клеток, отвечающих за желание совершить убийство. Постепенно эти клетки наращива-

ли свою активность, и когда она достигала некоторого критического предела, маньяк отправлялся на поиски очередной жертвы. После совершения убийства активность этих нейронов на некоторое время падала, но затем вновь начинала расти.

Ученые разработали компьютерную модель, имитирующую циклы деятельности «убийственных» клеток. Построив график колебаний предполагаемой активности нейронов в течение 12 виртуальных лет, они сопоставили его с реальным временем совершения убийств. Оказалось, что математическая модель и «график» убийств у А. Чикотило практически совпали.

Серийный убийца, как правило, *совершает преступления относительно недалеко от места своего проживания*, но практически никогда в непосредственной близости от своего дома или квартиры, соблюдая так называемую буферную зону. Так, например, у ангарского маньяка М. Попкова (совершил 47 доказанных следствием убийств, а признался в более 80 случаях), жертвами становились женщины, которых он подвозил, находясь на службе (график дежурства день – через два дня) недалеко от места основного проживания; битцевский маньяк А. Пичушкин (убил 49 женщин в Битцевском парке г. Москвы, а признался в убийстве почти 60 жертв) совершал преступления недалеко от места постоянного жительства и работы.

Ученые определили, что для некоторых маньяков-убийц наличие у них детей снизило бы их предрасположенность к насилию. То же самое наблюдалось при исследовании таких параметров, как степень психического расстройства, социальный и семейный статус и др. На такой цифровой информационной базе ученые составили специализированную схему-таблицу, в которую по каждому эпизоду вошли данные с осмотра места происшествия, характеристики жертвы (пол, возраст), а также особенности совершенного преступления (орудие убийства, способ нападения и т. д.). На основе этих параметров система формирует поисковый портрет преступника, просчитывая все возможные варианты его действий, и выдает наиболее верный из них.

Более того, А.А. Бессонов поясняет, что данное приложение к программе способно определить возраст маньяка с точностью 80 %, наличие у него психических патологий, а также судимостей с достоверностью 81,5 %; а с точностью до 96 % компьютерная программа способна установить, был ли убийца знаком со своей жертвой, и описать способы передвижения виновного. В одной из своих публикаций он утверждает, что в настоящее время разрабатываются компьютерные программы с применением искусственного интел-

лекта, с помощью которых можно будет с точностью до километра вычислить как далеко проживает убийца от места очередного преступления, и т. д. [3].

Доверяясь суперкомпьютеру, следует иметь в виду, что действительно искусственный интеллект способен обрабатывать огромный объем заложенных данных, в которых человек легко может запутаться, но машина способна анализировать только те данные, которые в нее загрузили (исключая человеческую интуицию).

На практике, находясь на месте происшествия, следователь и эксперт не только изучают материальную обстановку, но и на основе собственного профессионального и житейского опыта стараются предположить, как бы они поступили на месте преступника или жертвы. Вместе с тем полагаем, что загружаемых в программу данных с места происшествия вполне достаточно, чтобы приблизиться к раскрытию преступления, но недостаточно для полноценного расследования неочевидного криминального события.

Основная проблема в раскрытии и расследовании произошедшего криминального события состоит в том, что преступников, совершивших серийное преступление, распознают не сразу, и особенно, когда они действуют на соседней территории. В такой ситуации искусственный интеллект вполне способен помочь в решении этой проблемы, сопоставив все детали криминального происшествия. Однако сложно предсказать, сопоставив разрозненные данные, в какой день, в какое время, в какое место отправится маньяк для совершения очередного преступления.

Таким образом, современные цифровые технологии, используемые следователями (дознавателями) и экспертами-криминалистами, позволяют автоматически выявлять признаки серийных, взаимосвязанных преступлений, в том числе и по полученному с мест преступлений биоматериалу, т. е. определять внешние анатомические признаки преступников (например, цвет глаз, волос, форму лица, головы и т. д.). Используя искусственный интеллект, следователи (дознаватели) при расследовании серийных преступлений осуществляют поиск особо опасных преступников – убийц, маньяков и др.

При помощи высоких цифровых технологий, криминалистических учетов и интернет-ресурсов (социальных сетей) следователи могут:

- по подробно описанному расследуемому криминальному событию определить аналогичные ранее раскрытые или нераскрытые преступления;

– по полученным с места происшествия биоматериалам (ДНК) определить с большей вероятностью внешние анатомические признаки лиц, совершивших серийные преступления, например, цвет глаз, относительную форму лица, головы и тела, цвет волос, цвет кожи;

– составить психофизический портрет разыскиваемого преступника; распознать практически всех лиц, совершивших преступление;

– установить личность неопознанных жертв;

– с учетом извлеченных данных из сотового телефона определить круг лиц, участвовавших в переговорах;

– произвести поиск людей, связанных с событием совершенного преступления;

– составить карты мест с возможной высокой преступностью в городе или районе;

– технологию искусственного интеллекта использовать для профилактики преступлений;

– усовершенствовать алгоритмы прогнозирования серийных преступлений (т. е. прогнозировать вероятность совершения очередного серийного преступления);

– осуществить оперативный поиск и идентификацию лица человека по фото – и видеоизображению;

– используя нейросети и выявляя совпадения при анализе описания места происшествия, показания свидетелей и потерпевших, составить фоторобот с внешностью преступника;

– используя созданных фотороботов, систему распознавания лиц в метро, уличных и подъездных видеокамерах, установить лиц, разыскиваемых за совершенные корыстно-насильственные преступления;

– по пыльцовым зернам и спорам растений, оставшихся на одежде преступника, вычислить убийц и место преступления (у биологов в базе данных компьютеров есть подробная карта ареала произрастания растений и времени цветения), а по пыли на теле жертвы можно установить место расправы над ним;

– по полученным показаниям и сведениям о ранее совершенных серийных преступлениях описать субъективный портрет маньяка и др.

За последние годы в системе Следственного комитета на базе высоких технологий созданы пять уникальных интерактивных баз данных. В них материалы большинства резонансных дел:

– серийные нападения с сексуальным мотивом;

– убийства, связанные с захватом жилья;

- экстремизм;
- преступления в сфере медицинских услуг;
- случаи исчезновения детей.

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что использование искусственного интеллекта в следственной, оперативно-розыскной и экспертной деятельности сегодня определяется по следующим направлениям:

- оценка и анализ первичной информации о криминальном событии и его участниках;
- моделирование механизма преступления, его последствий и следов;
- вычленение из массива расследуемых дел признаков серийности, объединение преступлений по схожим признакам;
- выявление признаков серийности в совершенных преступлениях;
- оценка достаточности доказательств в материалах уголовного дела;
- анализ материалов уголовных дел для выявления следственных ошибок процессуального и тактического характера;
- планирование дальнейших следственных действий и оперативных мероприятий, описание оперативной обстановки и т. д.

Учеными продолжают изыскания и разработки новых направлений использования цифровых информационных технологий в раскрытии и расследовании тяжких и особо тяжких преступлений. В апробации криминалистической практики находятся разнообразные компьютерные программы (их проекты), которые сформированы на богатой эмпирической базе данных о совершенных преступлениях и криминалистически значимой информации об их участниках (это информация об элементах обстановки совершения преступления; способах подготовки, непосредственного совершения и сокрытия преступления; типичных материально-фиксированных и идеальных следах; обстоятельствах, подлежащих установлению и доказыванию; признаках и свойствах личности потерпевшего и преступника).

Сегодня программирование и компьютеризация раскрытия и расследования преступлений осуществляются путем создания информационно-поисковых, справочных систем, а также баз данных и криминалистических алгоритмов (программ), оптимизирующих процесс выдвижения и проверки криминалистических версий.

Данные информационные технологии обеспечивают разрешение одной или нескольких однородных задач, возникающих в процессе расследования тяжких и особо тяжких преступле-

ний. Так, разработка К. А. Нелюбина, основанная на эмпирической базе криминалистических характеристик преступлений, позволяет формировать наиболее перспективные криминалистические версии о личности преступника; автоматизированные информационно-поисковые системы «Блок» способствуют определению соответствующего направления в расследовании экономических преступлений; автоматизированная система «Маньяк» обеспечивает получение информации о личности преступника при расследовании серийных убийств на сексуальной почве; информационная система «Спрут» осуществляет поиск и помогает определить контакты и иные связи между преступниками, а в отдельных случаях – будущими жертвами; поисковая система «Сейф» способствует определению направления поиска и расследования хищений денежных средств из специализированных хранилищ; географическая информационная система «Зеркало» оперирует пространственными (фактографическими и статистическими) данными в процессе обеспечения расследования преступлений и др.

Подобные экспертные автоматизированные информационные системы способствуют повышению эффективности поиска неизвестного и управления расследованием путем автоматизации деятельности и функционирования правоохранительных органов. Это позволяет значительно снизить временные затраты на принятие решений в рамках разрешения конкретной ситуации, связанной с правом, обеспечивает улучшение качества и проработанности принимаемого решения. Это становится возможным благодаря тому, что любая интеллектуальная система есть результат аккумуляции всех имеющихся знаний в определенной сфере. В экспертных системах человеческий интеллект используется в концентрированном виде для решения стандартных ситуаций в различных областях знаний, при этом выдаваемые машиной рекомендации носят консультативный характер, принятие решения остается за человеком, хотя эти решения представляют собой качественно новый, более высокий уровень.

В данных системах используются искусственные нейронные сети, которые способны выявлять скрытые, неочевидные связи и закономерности, подобно тому, как следователь может связать в единую модель механизма совершенного преступления разрозненные обстоятельства криминального события. Поэтому для криминалистики искусственные нейронные сети можно рассматривать как программные или аппаратные комплексы простых обработчиков данных, способных обмениваться друг с другом сигналами

и при достаточно развитой структуре и настроенной логике взаимодействия решать сложные задачи.

Специфику искусственных нейронных сетей обуславливают простота каждого их элемента (искусственного нейрона), их взаимозаменяемость и взаимосвязь. Каждый кластер информации, загружаемый в сеть, сопоставляется с другими кластерами, на основе чего генерируется решение задачи. Рабочая искусственная сеть может содержать десятки и сотни слоев (уровней оценки и проверки), обеспечивающих комплексное рассмотрение любых факторов, что позволяет решать крайне сложные задачи, в том числе по раскрытию и расследованию преступлений.

Основным качеством искусственных нейронных сетей, выгодно отличающим их от большинства более привычных программных комплексов, является их способность к адаптивному ситуационному обучению. Это выражается в том, что создатель сети задает общие правила анализа данных и предоставляет данные для обучения. Последние должны быть непротиворечивыми и предельно достоверно отображать характеристики анализируемого процесса или явления. К таким данным можно отнести сведения о раскрытых и нераскрытых преступлениях, механизме и обстановке их совершения, наличию и характеристике связей между преступником и потерпевшим и т. д.

Работа искусственной нейронной сети основана на интеллектуальном эвристическом анализе данных, который гораздо более эффективен, чем методы математической статистики, используемые в большинстве криминалистических программных комплексах. В этом отношении искусственные нейронные сети гораздо ближе к человеческому мозгу, поскольку способны выявлять скрытые, неочевидные связи и закономерности, подобно тому, как талантливый следователь может связать в единую картину разрозненные обстоятельства совершения преступления, известные следствию.

Исходя из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

- 1) искусственный интеллект не является алгоритмизированным (в силу отсутствия заданной последовательности шагов), он может выступить только важным помощником следователя (дознателя). Однако любые типы искусственного интеллекта, которые могут быть использованы при раскрытии и расследовании преступлений, должны быть апробированы, а сама возможность их применения – закреплена в уголовно-процессуальном законодательстве. Искусственные нейронные сети могут быть адаптированы для решения специфических криминалистических

задач, например, анализа материалов уголовных дел для выявления следственных ошибок процессуального и тактического характера, вычленения из массива расследуемых дел признаков серийности, объединения преступлений по схожим признакам. В ближайшем будущем вполне возможна интеграция рассмотренной технологии в криминалистическую практику, однако для этого требуется дальнейшее изучение архитектуры и возможностей искусственных нейронных сетей, в том числе учеными-криминалистами;

2) на сегодня определились возможности использования искусственного интеллекта в процессе расследования совершенных преступлений в следующих направлениях: оценка исходной информации по уголовному делу в целях формирования криминалистических версий и определения направлений их проверки; моделирование механизмов совершения преступлений по его следам-отображениям на основе неполных данных и предшествующего профессионального и житейского опыта следователя (дознавателя); выявление признаков серийности в условиях информационной недостаточности и программы действий следователя по проверке первоначальных криминалистических версий; увеличение эффективности дактилоскопических, почерковедческих, габитоскопических и иных исследований; поиск недоступной криминалистически значимой информации о совершенном преступлении и его участниках, установление первичного источника информации в сети Интернет; распознавание признаков и свойств разыскиваемых лиц через камеры наблюдения; оценка достаточности собранных доказательств для предъявления обвинения, формирования обвинительного заключения (акта) или направления уголовного дела прокурору для утверждения данного заключения и т. д.; прогнозирование совершения серийных преступлений в будущем на основе анализа признаков совершенных преступлений с точки зрения локализации преступной деятельности отдельных категорий преступников, социальных характеристик участвующих в данной деятельности лиц, информационности средств массовой информации; планирование вероятности развития оперативной обстановки в каком-либо регионе страны, прогнозирование возможности проявления активности крупных организованных криминальных структур, перспективы возникновения новых каналов активности «авторитетов» (воров в законе) преступного мира, незаконной поставки наркотиков, оружия и иных объектов, изъятых из гражданского оборота, и др.

Список литературы:

1. Криминалистика для бакалавров. Москва: Проспект, 2021.
2. Бессонов А.А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва: Академия управления МВД России, 2017.
3. Бессонов А. А. О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами. Москва: Вестник университета имени О.Е. Кутафина, 2019.
4. Веренич И. В., Кустов А. М., Прошин В.М. Криминалистическая наука и теория механизма преступления. Москва: Юрлитинформ, 2016.
5. Кустов А.М. История криминалистической практики и науки (X – середина XX вв.). Москва: Юрлитинформ, 2019.
6. Кустов А. М., Лапин В. О. Современная криминалистическая практика и наука (конец XX – начало XXI в.). Москва: Юрлитинформ, 2021. Т. 1.

Новые технологические возможности нейросетевого искусственного интеллекта при решении задач быстрого поиска по большим базам биометрических данных

А. А. ЛЕКАРЬ,

*ведущий научный сотрудник,
кандидат технических наук
ФКУ НПО «СТиС» МВД России*

А. И. ИВАНОВ,

*ведущий научный сотрудник лаборатории
биометрических и нейросетевых технологий,
доктор технических наук, доцент
АО «ПНИЭИ»*

Аннотация: в статье рассмотрены возможности использования технологий нейросетевого искусственного интеллекта для построения больших баз биометрических данных и осуществления быстрого и плавного поиска с помощью универсальной для различных видов биометрических данных поисковой машины (движок) для решения задач поиска и анализа информации в криминалистической службе.

Ключевые слова: *биометрия; папиллярные рисунки; изображения лиц; форматы нейросетевых преобразований; поисковые машины (движок); быстрый поиск; плавный поиск.*

В настоящее время сфера применения поиска и анализа биометрических данных ограничена режимом «запрос – ответ» по отдельной биометрической базе, что не отвечает современным требованиям для решения задач криминалистической практики. Например, при проведении криминалистических экспертиз актуальным является быстрый поиск и анализ информации по большим базам различных биометрических данных.

Развитие технологий искусственного интеллекта получило приоритетное развитие, применяется в различных областях деятельности и может быть основой для создания перспективной биометрической системы МВД России.

Постановка задачи должна исключать появление монополистов в этой сфере. Ускорители поиска по большим базам биометрических данных должны быть в собственности МВД России и опираться на национальные стандарты.

В настоящее время биометрические данные относятся к категории «Большие данные» и имеют тенденцию к существенному росту и накоплению, что определяет сложность условий, в которых необходимо осуществлять поиск.

В ближайшее время как побочный эффект цифровизации экономики современных государств ожидается экспоненциальный рост потока биометрических данных от камер видеонаблюдения, средств охранной сигнализации, банкоматов, банковских учреждений, торговых точек, средств автоматической биометрической идентификации (аутентификации) личности в системе Госуслуг.

В частности, переход к автоматическому нейросетевому анализу лица человека через сравнение зафиксированного видеопотока с эталонным видеопотоком увеличивает объем обрабатываемой автоматически видеoinформации в десятки и даже сотни раз. То же самое происходит и при идентификации личности человека по его произвольной речи и т. д.

Одной из самых востребованных правоохранительными органами технологий является анализ папиллярных рисунков отпечатков пальцев и ладоней преступников.

Собственная математика под эти задачи была разработана еще в СССР, отечественные сканеры папиллярных рисунков кожи с 1991 г. в России производят АО «Папилон» и ООО «Сонда технологий». Эти же фирмы производят программное обеспечение для распознавания папиллярных биометрических образов, и их программное обеспечение осуществляет быстрый поиск по большим базам данных.

Используются алгебраические методы с применением био-хэш-функции, которая из отпечатка пальца делает уникальный код пользователя. Этот уникальный код может быть где-то записан как шаблон. Для проверки человека нужно вычислить био-хэш и сравнить с эталоном.

Применение уникального кода, известного только производителю, поставило его в положение монополиста в течение многих лет.

Кроме того, в отсутствие стандартизации существует плохая практика, когда форматы фирмы «Сонда» папиллярных рисунков пальцев и форматы фирмы «Папиллон» несовместимы и не имеют конверторов преобразования друг в друга, которая должна быть изжита. В связи с этим необходимо обеспечить технологическую

совместимость различных сканеров, выполненную по нейросетевым технологиям и в перспективе обеспечивающую работу конверторов преобразования в третий более общий формат как формата данных фирмы «Сонда», так и формата данных фирмы «Папиллон».

Одним из основных параметров, решаемых при анализе биометрических данных, является размерность решаемых задач. Линейная алгебра и булева алгебра, к сожалению, не дают возможности решения задач большой размерности. На сегодняшний день рекордную размерность решаемых задач дают только искусственные нейронные сети.

При этом современными технологиями нейросетевых преобразователей биометрии папиллярного рисунка эти фирмы не владеют.

Форматы нейросетевых преобразований папиллярного рисунка должны быть общедоступны (для организации в России конкуренции среди поставщиков МВД России), для чего необходимо использовать введенные в действие национальные стандарты, приведенные на рисунке 1.

№	Предполагаемое название нового национального стандарта
1.	«Искусственный интеллект. Преобразование папиллярного рисунка в данные, ориентированные на автоматическое обучение нейросетевого преобразователя биометрического образа в стабильный код»
2.	«Искусственный интеллект. Преобразование радужной оболочки глаза в данные, ориентированные на автоматическое обучение нейросетевого преобразователя биометрического образа в стабильный код»
3.	«Искусственный интеллект. Преобразование рукописного автографа документов в данные, ориентированные на автоматическое обучение нейросетевого преобразователя биометрического образа в стабильный код»
4.	«Искусственный интеллект. Преобразование рисунков татуировок на теле человека в данные, ориентированные на автоматическое обучение нейросетевого преобразователя биометрического образа в стабильный код»
5.	«Искусственный интеллект. Оценка вероятностей ошибок первого и второго рода нейросетевого преобразователя распознаваемого образа в стабильный код на малых тестовых выборках»

Рис. 1. Перечень национальных стандартов по биометрии

Существующая практика интернет-поисковиков (Google, Яндекс и пр.), когда при недостаточном объеме информации

результат поиска «пусто», а при незначительном уточнении запроса результат поиска «очень много», является «плохой».

Поисковые машины МВД России при анализе больших биометрических данных должны обеспечивать плавную регулировку объемов информации ответа на поисковый запрос. При этом результат поиска всегда должен поддерживаться достоверными значениями вероятностей ошибок первого рода (ошибочный отказ в обнаружении заданного образа «Свой») и вероятности ошибок второго рода (ошибочное принятие образа «Чужой» за образ «Свой»). Эти оценки должны выполняться по рекомендациям нового национального стандарта (пятая строка рис. 1).

Эксперт всегда должен иметь возможность ориентироваться в настройках поисковой машины, чтобы сделать объем найденных данных доступным для личного просмотра.

Важным требованием к искусственному интеллекту является плавность регулирования выходного потока от запросов нейросетевого поиска по биометрическим большим данным.

Для систем быстрого поиска по большим базам биометрических образов необходимо, чтобы поисковик (или ускоритель поиска) обеспечивал плавность регулировки объема ответного потока. Обычные интернет-поисковики дают результат «0», если данных не хватает, и перегружают эксперта-человека огромным объемом в 999999 образов, если данные чуть-чуть расширить. Обеспечить плавность регулировки объемов результатов поиска можно, если воспользоваться рекомендациями стандарта ГОСТ Р 52633.3. По крайней мере, машина по извлечению знаний из таблиц нейронной обученной нейронной сети работает достаточно плавно. При этом плавность регулировок – это специальное свойство нового типа нейросетевых поисковиков.

В настоящее время прогнозируется значительный рост объемов биометрических данных, что и приводит к необходимости создания нейросетевых ускорителей поиска с плавной оперативной настройкой результатов поиска.

Например, в перспективе сканирование фотографий с паспортов иностранных граждан, пребывающих в Российской Федерации, будет приводить к увеличению базы фотографий примерно на 10 млн в год. В дальнейшем сканирование подписи с паспорта, запись голоса иностранца при диалоге с представителем МВД России, снятие видео лица и походки определит существенный рост объема биометрических данных. Кроме того, электронные биометрические паспорта как российских, так и иностранных граждан могут содержать данные отпечатков пальцев и фотографии

высокого разрешения, которые могут идентифицироваться с помощью нейросетевых преобразований. Все это приведет к росту объемов накопленной биометрической информации.

Рассмотрим пути создания нейросетевого ускорителя поиска по большим объемам биометрических данных.

Наиболее простым и понятным является ускорение поиска лиц за счет их предварительного взаимного упорядочивания. Сегодня примерно 300 фирм в мире (примерно 30 фирм в России, включая NtechLab) владеют технологией обучения глубоких (многослойных) нейронных сетей. Впервые такие сети были предложены в 1974 г. А. И. Галушкиным [2], однако на тот момент не было достаточных вычислительных ресурсов. В начале 2006 г. глубокие нейронные сети довел до промышленного применения Джеффри Хинтон, сегодня они являются общедоступной промышленной технологией. В России в этом же году введен в действие первый национальный стандарт по нейросетевой биометрии ГОСТ Р 52633.0, а в 2011 г. появился стандарт по быстрому автоматическому обучению ГОСТ Р 52633.5.

Регулярно проводится независимое тестирование [1] качества продуктов разных фирм. Ниже на рисунке 2 приведена вырезка с вероятностями принятия верного решения по идентификации лица, попавшего в поле зрения веб-камеры для продуктов разных фирм.

Фрагмент таблицы независимого сравнения вероятностей
верной идентификации лица продуктами 90 фирм на 2016 -2017 г.г.

	Turing ¹²³ ⁹⁴	0.9940 ± 0.0040
	Hisign ⁹⁵	0.9968 ± 0.0030
	VisionLabs V2.0 ³⁸	0.9978 ± 0.0007
61	Пенза-2016 год Deepmark ⁹⁶ 2019 год будет 0.9958 ± 0.0007	0.9923 ± 0.0016
62	Force Infosystems ⁹⁷	0.9973 ± 0.0028
63	ReadSense ⁹⁸	0.9982 ± 0.0007
64	CM-CV&AR ⁹⁹	0.9983 ± 0.0024
65	sensingtech ¹⁰⁰	0.9970 ± 0.0008
66	Glassix ¹⁰¹	0.9983 ± 0.0018
67	icarevision ¹⁰²	0.9977 ± 0.0030
	Easen Electron ⁸¹	0.9983 ± 0.0006

Рис. 2. Вероятность верной идентификации лица
продуктами различных фирм

Из рисунка 2 видно, что вероятностные характеристики практически у всех продуктов примерно одинаковые и составляют 0,999. Это эквивалентно способности раскладывать лица людей по 1 000 разных классов.

Если мы заранее осуществим разбиение лиц людей в базе биометрических образов на 1 000 классов, то тем самым получим ней-

росетевой ускоритель поиска в 1 000 раз. В каждой папке будут лежать цифровые двойники похожих лиц, которые также могут быть взаимно упорядочены нейросетевыми механизмами нечеткой взаимной адресации второго уровня по методу, описанному во второй части первой редакции ГОСТ Р 52633.3. Общий показатель ускорения двухуровневого нейросетевого ускорителя должен составить более 1 000 раз.

Одной из проблем промышленного применения искусственного интеллекта в целом и нейросетевого искусственного интеллекта в частности является неоднозначность оценок ошибок первого и второго рода у той или иной обученной нейронной сети. Осознание этой проблемы у мирового научно-технического сообщества появилось с применением в промышленности глубоких (много-слойных) сетей искусственных нейронов.

В настоящее время освоена технология обучения глубоких (от 30 до 300 слоев) сетей искусственных нейронов, анализирующих порядка 1 000 входных параметров образа.

При этом если производитель объявляет вероятности ошибок второго рода (вероятности случайного перепутывания разных образов) на уровне 0,001 (доверительная вероятность 0,999), то для достоверной оценки этой величины требуется тестовая выборка примерно в миллион тестовых образов.

В то же время, что для тестирования большой нейронной сети по ГОСТ Р 52633.3, достаточно малой выборки объемом от 21 до 64 случайно выбранных образов «Чужой». Это очень хороший результат, который сегодня распространяется только на нейросетевой искусственный интеллект биометрических приложений, выполненных по требованиям отечественных стандартов серии ГОСТ Р 52633.

Предлагается использовать нейросетевое преобразование отпечатка пальца и (или) лица человека в однозначный код, длиной 256 бит, для биометрико-криптографической аутентификации в соответствии с принятыми в Российской Федерации стандартами. При этом «движок» является собственностью МВД России и может использоваться в составе перспективной аналитической системы для анализа больших данных при проведении криминалистических экспертиз. Разработка в соответствии с национальными стандартами исключает возможность появления монополиста в области применения нейросетевых биометрических технологий.

Нейросетевой искусственный интеллект должен работать в защищенном исполнении.

Параллельно с развитием искусственного интеллекта должны развиваться механизмы защиты нейронных сетей от модификации, хищения и уничтожения информации.

В Техническом комитете 26 ФСБ России (далее – ТК 26) по стандартизации «Криптографическая защита информации» проводятся работы по обеспечению безопасности искусственного интеллекта при аутентификации личности по биометрическим данным. В этой области Российская Федерация обладает приоритетом.

На согласовании в ТК 26 ФСБ России в 2020 г. представлена техническая спецификация «Защита нейросетевых биометрических контейнеров с использованием криптографических алгоритмов», которая содержит рекомендации по криптографической защите широких нейронных сетей, обученных в соответствии с ГОСТ Р 52633.5, и будет введена в действие в 2021 г.

Таким образом, для поисковой биометрической машины в соответствии с ГОСТ Р 52633.5 обеспечивается возможность криптографической защиты в соответствии с требованиями ФСБ России и дальнейшая сертификация в установленном порядке.

Рассмотрим результаты экспериментального подтверждения возможностей нейросетевого преобразования папиллярного рисунка в стабильный код в соответствии с ГОСТ и дальнейшего нейросетевого поиска.

Экспериментальное ПО осуществляет:

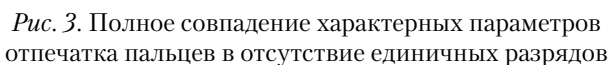
- сканирование отпечатков пальцев;
- формирование, импорт и экспорт баз изображений отпечатков пальцев в формате PNG;
- обучение искусственной нейронной сети (ИНС) на характерных параметрах, полученных из образцов изображений одного отпечатка пальца;
- преобразование изображений отпечатков пальцев в двоичный код 256 бит и их сравнение с помощью расстояния Хэмминга для поиска похожих образцов.

Для сканирования отпечатков пальцев и формирования базы из образцов изображений отпечатков пальцев необходимо следовать сообщениям, которые появляются в окне ввода программного обеспечения. В случае успешного сканирования отпечатка пальца его изображение будет добавлено в список образцов.

Для обучения искусственной нейронной сети в списке изображений должно быть не менее восьми образцов отпечатков одного пальца.

После обучения для выделенного в списке изображения будет вычисляться двоичный код и расстояние Хэмминга, по которому

На рисунке 3 показано полное совпадение характерных параметров, т. к. в двоичном коде отсутствуют единичные разряды.

На рисунке 4 показан случай, когда в двоичном коде присутствует множество единичных разрядов, которые говорят о различии характерных параметров отпечатка пальца, используемого для обучения нейросети и загруженного в список другого отпечатка пальца.

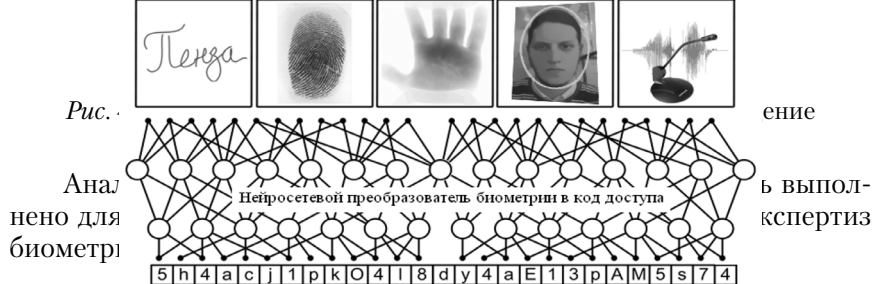

Рис. 5. Нейросетевое преобразование различных биометрических данных в стабильный код

Таким образом, универсальный двоичный код 256 бит, полученный в результате нейросетевого преобразования отпечатков пальцев, лиц, голоса, образцов почерка, может быть в дальнейшем использован для построения баз биометрических данных и для обеспечения работы универсальной поисковой машины (движка) для любого вида биометрических данных.

В настоящее время существуют предпосылки для внедрения в защищенном исполнении нейросетевых преобразований различных биометрических данных и построения на их основе баз биометрических данных в соответствии с ГОСТ, утвержденных ФСТЭК и ФСБ России. Это позволит построить универсальную поисковую машину (движок) одним кликом по лицам, по папиллярным рисункам и в дальнейшем по широкому перечню актуальных для криминалистики биометрических данных.

Список литературы:

1. Малыгин А. Ю., Волчихин В. И., Иванов А. И., Фунтиков В.А. Быстрые алгоритмы тестирования нейросетевых механизмов биометрико-криптографической защиты информации. Пенза: Издательство Пензенского государственного университета, 2006.
2. Урмаев О. В., Кузнецов В.В. Алгоритмы защищенной верификации на основе бинарного представления топологии отпечатка пальцев // Информатика и ее применения. 2012. № 6 (1).
3. Язов Ю. К. и др. Нейросетевая защита персональных биометрических данных. Москва: Вильямс, 2006.

Знания о способах противодействия расследованию и мерах по их нейтрализации – обязательный элемент частной методики расследования преступлений террористического характера

3.3. ЛОЖИС,

*соискатель кафедры управления
органами расследования преступлений
Академия управления МВД России*

Аннотация: автор ставит вопрос о необходимости актуализации частных методик расследования преступлений террористического характера с учетом передовой следственной практики и дополнения их новыми криминалистическими знаниями. Научно-методическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений террористического характера следует ориентировать на специфические остроконфликтные условия, обусловленные противодействием расследованию.

Ключевые слова: *частная методика расследования; преступления террористического характера; противодействие расследованию; меры по нейтрализации противодействия расследованию; методическое обеспечение; информационная война.*

В системе криминалистических знаний особое место занимают вопросы, связанные с разработкой криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений. Развитие криминалистической методики обусловлено в целом двумя обстоятельствами: существенными изменениями в структуре и механизме преступной деятельности, а также реформами в сфере права и, прежде всего, уголовного и уголовно-процессуального. Качественные изменения преступности, проявляющиеся во всесторонней информированности преступников об объекте посягательства, тщательной подготовке к совершению преступлений, их совершение ранее неизвестными способами, технологизации орудий и средств преступлений, целенаправленном уничтожении доказательственной информации и наличии высокого уровня противодействия расследованию, ставят перед следственными органами новые, более сложные задачи, а от юридических наук, в частности криминалистики, требуют усиленной работы по разработке и совершенствованию методик расследования отдельных видов преступлений.

В контексте указанной тенденции уместно упомянуть об опыте работы, ведущейся в Главном управлении криминалистики (Криминалистическом центре) Следственного комитета Российской Федерации. Так, по поручению Председателя Следственного комитета Российской Федерации на постоянной основе проводится актуализация существующих методик расследования преступлений, относящихся к подследственности Следственного комитета Российской Федерации, с учетом современного уровня развития криминалистических знаний и обобщения передового опыта их раскрытия и расследования. Результаты данной работы находят отражение в системе информационного обеспечения следственных органов.

В настоящее время следователи и следователи-криминалисты Следственного комитета Российской Федерации испытывают потребность в актуальных предметных научных знаниях о механизме совершаемых преступлений, новых подходах к организации их раскрытия и расследования, практических рекомендациях, которые способствовали бы их деятельности в сложных следственных ситуациях, принятию тактически верных решений, поиску дополнительных источников получения доказательств, разрешению конфликтов, возникающих со стороны защиты, неординарных способах решения тактических задач и изобличения лиц, совершивших преступления.

В этом ключе следует сказать об актуальности и необходимости совершенствования существующих методических рекомендаций по расследованию преступлений террористического характера с учетом передовой следственной практики и дополнения их новыми криминалистическими знаниями.

За последние 20 лет методике расследования преступлений террористического характера посвящено не менее 16 диссертационных исследований (Д. А. Хромых, 2002 г.; С. Г. Барышников, 2003 г.; В. Г. Гузиков, 2003 г.; Е. В. Давыдов, 2004 г.; Т. А. Гончарова, 2006 г.; А. В. Исаков, 2006 г.; Р. Р. Карданов, 2007 г.; В. А. Стекольников, 2008 г.; И. А. Воротов, 2009 г.; Ж. В. Вассалатий, 2010 г.; И. П. Кравец, 2010 г.; А. Г. Марутин, 2011 г.; И. А. Коростелев, 2013 г.; М. М. Намазбекова, 2015 г.; Р. В. Кулешов, 2017 г.; И. А. Обухов, 2019 г.), несколько пособий и монографий [1, с. 144; 2, с. 583; 7, с. 91]. Как представляется, с практической точки зрения это позитивный и оправданный процесс, но далеко еще не законченный.

Нам близка позиция Ю. В. Гаврилина, который отмечает, что такие обстоятельства совершения преступлений, как цифровизация способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений, увеличение числа преступлений, совершенных дистанционным способом,

использование криптовалют в криминальных взаиморасчетах, рост трансграничной преступности и др. придают колоссальный импульс развитию криминалистики, в том числе криминалистической методике. Развитие криминалистических знаний осуществляется в двух направлениях:

1) актуализация существующих и разработка новых криминалистических технологий выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, т. е. в направлении совершенствования криминалистической деятельности в условиях информационного общества;

2) совершенствование уголовно-процессуальной формы их применения [3, с. 65].

Изучение следственной практики показывает, что деятельность по раскрытию и расследованию преступлений может быть качественной и эффективной только тогда, когда она на должном уровне обеспечена современными криминалистическими знаниями. Как известно, каждое новое исследование повышает уровень научной разработанности проблемы, охватывает ранее неисследованные вопросы, предлагает более совершенные методы, методики и подходы к решению криминалистических задач.

В вопросах методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений террористического характера необходимо учитывать такие факторы, как современные условия следственной практики, включая изменившейся правовой режим, переориентацию нравственных ценностей, наличие в культуре населения признаков агрессии и насилия [5, с. 43], особенности национального менталитета групп населения, их приверженность к религиозно-фанатическим и радикальным взглядам, групповой и транснациональный характер преступности. Появление ранее неизвестных способов совершения и сокрытия преступлений, их постоянная модификация и совершенствование, новейшие информационные технологии, программное обеспечение, возможности средств коммуникации и компьютерной техники, применяемые в качестве орудий и средств совершения преступлений, усложняют не только их выявление, но и раскрытие и расследование. Все это приводит к возникновению иных механизмов формирования доказательств, изменению контингента вероятных преступников, круга обстоятельств, способствующих совершению преступлений, и пр. В свою очередь это влияет на эффективность существующих методик расследования преступлений террористического характера и определяет потребность в постановке и определении путей решения новых, более сложных, специфических задач [8].

Следует обратить внимание на другой, не менее важный аспект, который подлежит учету при разработке и совершенствовании частных методик расследования преступлений террористического характера. Представляется, что они должны быть ориентированы на специфические, как правило, остроконфликтные условия, в которых осуществляется расследование. Специфический характер следственной деятельности, прежде всего, обусловлен противодействием расследованию, которое прямо или опосредованно оказывают лица, причастные к совершению преступления. Противодействие расследованию преступлений является сопутствующим фактором процесса расследования, оно имеет место при расследовании преступлений любого вида. Формы и способы противодействия расследованию многообразны, включая и те, которые не связаны с нарушением закона. В частности, основу так называемого легитимного противодействия расследованию составляют использование несовершенства и пробелов в уголовном и уголовно-процессуальном законах [4, с. 62], а также злоупотребления наделенными процессуальными правами.

Одной из форм противодействия раскрытию и расследованию преступлений террористического характера является так называемая информационная война. Субъекты противодействия прибегают к таким средствам, как публикации в СМИ, дискредитирующие членов следственно-оперативной группы, размещаемые на подконтрольных ресурсах в Интернете и в Telegram-каналах. Примером подобной формы противодействия расследованию выступают действия руководителей и членов террористического сообщества по уголовному делу о террористическом акте, в ходе которого погиб начальник Центра противодействия экстремизму (ЦПЭ) МВД Республики Ингушетии И. Эльджаркиев. В многочисленных публикациях приводились фейковые сведения, не соответствующие действительности, о якобы противозаконном преследовании неких граждан, связанном с корыстной заинтересованностью следователей Следственного комитета Российской Федерации.

Кроме того, некоторых лиц, которые отказывались сотрудничать с террористическим сообществом, они нарекали «ваххабитами», направляя правоохранительные органы и население против несговорчивых, вместе с тем прикрывая таким образом свои действия якобы борьбой с терроризмом. Делается это также и в populistских целях – мотивировать своих боевиков на совершение террористических акций. В террористическом сообществе «ваххабитами» называют также членов следственно-оперативной группы.

Подобная информационная атака была развернута перед нападением на И. Эльджаркиева, который пытался разобраться с преступлениями, совершаемыми боевиками [6].

Задача ученых-криминалистов состоит в том, чтобы частные методики расследования конкретных видов преступлений на основе анализа и обобщения следственной практики содержали рекомендации по разрешению подобных конфликтных ситуаций, пресечению и нейтрализации различных способов противодействия расследованию. Более того, для следователей представляют ценность криминалистические рекомендации, которые позволяли бы им действовать не только методически правильно, но и тактически грамотно, поддерживая высокий уровень качества расследования.

В подтверждение изложенных тезисов приведем результаты изучения мнения следователей, следователей-криминалистов Следственного комитета Российской Федерации (218 сотрудников) по вопросам научно-методической обеспеченности следственной практики по расследованию преступлений террористического характера.

Так, 91 % респондентов указали на неудовлетворительный уровень обеспечения следственных органов методическими рекомендациями по расследованию преступлений террористического характера, при этом 78 % опрошенных сотрудников следующим образом охарактеризовали имеющиеся в их распоряжении методические разработки по данной тематике: «пустые и бессодержательные», «носят умозрительный характер», «содержат ненужные для расследования сведения», «чрезмерно наукообразны», «отсутствует конкретика», «не приводится алгоритма действий», «морально устарели», «не приводится передовой опыт раскрытия», «под вывеской «тактика» реально нет никакого тактического содержания и смысла», «нет конкретных рекомендаций по установлению психологического контакта с допрашиваемым», «отсутствуют тактические приемы производства обыска, выемки, предъявления для опознания», «не анализируются следственные и тактические ошибки, допускаемые следователями», «не освещаются вопросы взаимодействия служб, назначения судебных экспертиз» и т. д. И, наконец, подавляющее большинство респондентов (69 %) высказались за необходимость разработки современных научно-методических рекомендаций по расследованию преступлений террористического характера, в которых бы содержались действительно эффективные методы и приемы работы со следами преступлений, лицами, проходящими по уголовным делам.

Полагаем, что многие из приведенных замечаний, высказанных нашими респондентами, следует взять за основу при разработке методических рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений, в том числе преступлений террористического характера.

Список литературы:

1. *Артамонов И.И.* Терроризм: способы предотвращения, методика расследования: монография. Москва: Издатель И.И. Шумилова, 2002.
2. *Багмет А. М., Бычков В. В., Зеленков М.Ю.* Расследование преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью: учебник. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2019.
3. *Гаврилин Ю.В.* Основные направления развития криминалистических знаний в условиях информационного общества // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения): сборник международной научно-практической конференции (Москва, 18 мая 2018 г.). Москва: Академия управления МВД России, 2018.
4. *Гаврилов Б.Я.* Уголовно-процессуальные проблемы выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебник / под общ. ред. Б.Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. Москва: Юрайт, 2019.
5. *Гайдук В.В.* Терроризм и культура насилия в многонациональной России: «волгоградский синдром» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 4 (23).
6. Интервью старшего следователя по особо важным делам ГУРОВД СК России Алексея Северилова «Коммерсантъ» от 15 января 2021 г. // Официальный сайта Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1530159> (дата обращения: 01.02.2021).
7. Расследование терроризма: учебное пособие: В.И. Иванов, К.А. Корсаков, О.Н. Коршунова, Г.В. Овчинникова, Е.Б. Серова / под общ. ред. О. Н. Коршуновой. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2001.
8. *Сафонов И.И.* Организация раскрытия и расследования терроризма: монография / под ред. А.С. Подшибякина. Москва: Издатель И.И. Шумилова, 2004.

Экспертное обеспечение расследования преступлений, связанных с деятельностью организаций финансового рынка, имеющих признаки финансовых пирамид

Р. С. МЕЛЕШЕВ,

*заместитель начальника управления экономических
и строительно-технических экспертиз –
начальник отдела финансово-аналитических
и финансово-кредитных экспертиз
Экспертно-криминалистический центр МВД России*

В. П. РАДИОНОВ,

*начальник отдела внедрения технических средств
в экспертно-криминалистическую деятельность управления
материально-технического и финансового обеспечения
Экспертно-криминалистический центр МВД России*

Аннотация: в статье рассмотрены понятие и основные признаки финансовых пирамид, затрагиваются вопросы экспертного обеспечения расследования преступлений, связанных с их деятельностью, приведены типовые экспертные задачи, объекты и этапы экспертных исследований, проводимых при производстве экспертиз по уголовным делам рассматриваемой категории. Анализируется актуальность совершенствования методического обеспечения экспертного исследования деятельности организаций финансового рынка в целях повышения качества комплексного экспертного сопровождения посредством производства судебных финансово-аналитических и бухгалтерских экспертиз, а также уровня взаимодействия с лицами, назначающими данные экспертизы при расследовании преступлений, связанных с деятельностью финансовых пирамид.

Ключевые слова: финансовая пирамида; кредитный потребительский кооператив; участник финансового рынка; пайщик; хищение; мошенничество; расследование экономических преступлений; судебная экспертиза; экспертное обеспечение; бухгалтерская экспертиза; финансово-аналитическая экспертиза.

Специфика формирования учетной информации и контрольно-надзорной деятельности в финансово-кредитной сфере определяет

особенности методических подходов к производству экспертных исследований финансово-хозяйственной деятельности участников финансового рынка, в том числе кредитных потребительских кооперативов (далее – КПК). Повышенный общественный резонанс и значительный ущерб, причиняемый населению от преступлений, связанных с деятельностью финансовых пирамид, расследование которых сопровождается активным противодействием со стороны заинтересованных лиц, подчеркивает актуальность информационно-аналитической и методической работы в названной области.

Опасность деятельности финансовых пирамид заключается в том, что в подобные финансовые схемы вовлекаются тысячи людей, которые становятся легко уязвимыми для различного рода мошенников, обещающих легкие решения финансовых проблем.

Деятельность финансовых пирамид постоянно трансформируется, что требует от правоохранителей применения актуальных подходов и методов расследования, а также его соответствующего экспертного обеспечения.

Экономические экспертизы в отношении организаций, имеющих признаки финансовых пирамид, в основном назначаются при расследовании преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 159 УК РФ «Мошенничество» и ст. 172.2 УК РФ «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества»¹.

Характеристика финансовых пирамид и их признаков

В соответствии со сложившимися в надзорной практике Банка России подходами² под финансовой пирамидой понимается мошенничество, незаконное предпринимательство, незаконная банковская деятельность, любое другое преступление, связанное с хищением денежных средств у населения путем обещания:

- имущественной выгоды, получаемой исключительно за счет привлечения денежных средств от иных лиц;
- имущественной выгоды от инвестиций в финансовые и материальные активы, или проекты заведомо неспособные обеспечить имущественную выгоду;

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Методика работы Главного управления противодействия недобросовестным практикам поведения на открытом рынке по расследованию деятельности организаций, имеющих признаки финансовых пирамид, утвержденная распоряжением Банка России от 23 октября 2015 г. № РУ-58/56.

– имущественной выгоды от инвестиций в финансовые или материальные активы или проекты без намерения их осуществления.

В Уголовном кодексе Российской Федерации помимо статей, предусматривающих уголовную ответственность за совершение вышеуказанных преступлений, выделен специальный состав – ст. 172.2 УК РФ «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества», – устанавливающий ответственность за привлечение денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц, при которой выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных денежных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц при отсутствии инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества¹.

Экспертное обеспечение расследования именно этого уголовно наказуемого деяния вызывает особую сложность с точки зрения раскрытия всей объективной стороны состава преступления.

Характер механизма финансовой пирамиды – компенсационный, т. к. последующие вклады компенсируют получение вознаграждений по предыдущим; не имеющий внутреннего источника развития вследствие отсутствия производства добавленной стоимости; ограниченный в силу того, что неизбежно наступает момент, когда полностью прекращаются выплаты дивидендов, а сами средства присваиваются; мошеннический (отчуждающий и присваивающий), поскольку на пике работы финансовой пирамиды происходит обман вкладчиков в результате безвозмездного присвоения их средств или, иными словами, отчуждение собственности вкладчиков в виде денежных средств и их присвоение организаторами финансовой пирамиды.

Соответственно, суть пирамидальной схемы сводится к простому перемещению денежных потоков от ее основания к верхушке и обогащению небольшой части участников (организаторы, иногда самые первые вкладчики).

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При помощи рекламной кампании организаторы пирамиды привлекают к себе первых вкладчиков, обещая им практически фантастическую, гарантированную прибыль, и выполняют обязательства, выплатив деньги этим первым клиентам за счет получения взносов от новых привлеченных вкладчиков.

Получение прибыли по такой цепочке осуществляется ровно до тех пор, пока не заканчивается самый ценный ресурс – новые вклады. Когда поток из денег вкладчиков иссякает, люди перестают получать доход. При этом львиная доля полученных денег оседает в карманах организаторов, расходующих их на собственные нужды.

Внешними признаками финансовой пирамиды являются:

1. Обещание высокого процента доходности.
2. Декларирование организаторами финансовых пирамид минимальных рисков.
3. Наличие агрессивной рекламы, обещание быстрого обогащения.
4. Создание иллюзии продуманности и обоснованности деятельности.
5. Осуществление выплат за счет поступлений от новых вкладчиков, а не экономической деятельности.
6. Максимально быстрое вовлечение новых членов.
7. Высокий фактический риск вложения денежных средств.

Внутренними признаками финансовой пирамиды (характеристика пирамиды, сформированная по результатам анализа ее финансово-хозяйственной деятельности, – признаки содержания) являются:

1. Выплата дохода (вознаграждения) инвесторам (вкладчикам, участникам) за счет денежных средств вновь привлеченных инвесторов (вкладчиков). Чаще всего данный факт заключается в совпадении сумм приходных и расходных финансовых операций, совершенных в определенный период (день, неделя, месяц). Выявление данного факта возможно в результате анализа банковских выписок.
2. Снятие со счета организации или физического лица крупных сумм наличных денежных средств, ранее поступивших от инвесторов (вкладчиков). При этом основания (назначения операций) для снятия наличных денежных средств со счета чаще всего являются абсолютно законными.
3. Покупка документарных ценных бумаг на предъявителя (векселей, сертификатов и т. д.).
4. Перечисления денежных средств со счета организации или физического лица в адрес организации с признаками фиктивности / фирмы-однодневки. При этом основания для перечисления денеж-

ных средств могут не выходить за рамки официально заявленной финансово-хозяйственной деятельности организации или физического лица.

5. Перечисления денежных средств со счета организации или физического лица в адрес юридического лица, зарегистрированного в офшорной юрисдикции. Как правило, основанием для перечисления денежных средств выступает покупка иностранных ценных бумаг.

6. Перечисление крупных сумм или систематическое перечисление денежных средств со счета организации или физического лица в адрес руководителя, учредителя (акционера) или иным образом связанного с ними физического лица. Как правило, основаниями для перечисления являются договоры займа.

7. Отсутствие финансовых операций, связанных с официально заявленной инвестиционной деятельностью организации или физического лица. Например, отсутствие финансовых операций, связанных с перечислением денежных средств в адрес официально заявленных бизнес-партнеров.

8. Среди расходных финансовых операций организации или физического лица преобладают (до 90 % от общего количества операций) выплаты физическим лицам процентов (вознаграждений) по договорам займа; оплата рекламных и информационных услуг, оплата аренды помещений, как правило, нескольких офисов.

9. Среди приходных финансовых операций организации или физического лица преобладает поступление денежных средств от организаций с признаками фиктивности (фирм-однодневок).

10. У организации или физического лица отсутствуют или присутствуют в минимальном количестве и (или) на незначительные суммы финансовые операции, связанные с уплатой налогов и сборов, а также с выплатой заработной платы сотрудникам.

Экспертное обеспечение расследования преступлений, связанных с деятельностью финансовых пирамид

Выявление и доказывание большинства признаков содержания финансовых пирамид невозможно без применения специальных экономических знаний.

Участие сведущих лиц в области экономики для исследования различных обстоятельств, которые подлежат доказыванию по уголовным делам о преступлениях, связанных с деятельностью финансовых пирамид, в том числе характеризующих наличие их признаков, может осуществляться посредством назначения и производства разного рода (вида) экономических экспертиз.

Обстоятельства, в том числе объемы совершенных операций, по привлечению денежных средств от пайщиков (вкладчиков), по нецелевому распоряжению их средствами, выводу этих средств из владения КПК или иных организаций финансового рынка по сомнительным сделкам и т. д., необходимые органам предварительного следствия для определения размера причиненного ущерба, а также лиц, причастных как к организации и функционированию КПК по принципу финансовой пирамиды, так и к совершению отдельных сделок, устанавливаются в рамках производства судебных бухгалтерских экспертиз. Кроме того, посредством бухгалтерской экспертизы осуществляется исследование финансово-хозяйственной деятельности на предмет наличия таких признаков финансовой пирамиды, как, например:

- снятие с расчетного счета КПК крупных сумм наличных денежных средств, ранее поступивших от пайщиков;
- осуществление расчетов с пайщиками преимущественно в наличной денежной форме (внесение, снятие крупных сумм денежных средств на расчетный счет);
- перечисление, систематическое перечисление, выдача крупных сумм денежных средств с расчетного счета КПК руководителю или аффилированным лицам и т. д.

Анализ бухгалтерской (финансовой) отчетности и изучение первичных учетных документов и регистров учета с целью установления финансового состояния, а также последующего определения наличия основных признаков финансовой пирамиды рекомендуется осуществлять в отношении организаций в ходе производства финансово-аналитической судебной экспертизы. К таким организациям относятся в частности кредитные потребительские кооперативы и микрофинансовые организации.

Таким образом, экспертное обеспечение расследования преступлений, связанных с деятельностью финансовых пирамид, возможно посредством производства следующих родов (видов) экономических экспертиз:

1. Бухгалтерские экспертизы:

1. 1. По определению объемов поступлений КПК от пайщиков (физических и юридических лиц – членов КПК) и возвращенных им сумм денежных средств.

1. 2. По определению направлений расходования денежных средств КПК и иными организациями, вовлеченными в деятельность финансовых пирамид.

2. Финансово-аналитические экспертизы:

2. 1. По определению финансового состояния организаций, вовлеченных в деятельность финансовых пирамид, на счета которых выводятся денежные средства.

2. 2. По анализу финансово-хозяйственной деятельности КПК по основным показателям, значение которых могут свидетельствовать о наличии признаков финансовой пирамиды.

1. 1. Определение объемов поступлений в кредитный потребительский кооператив от пайщиков (физических и юридических лиц – членов КПК) и возвращенных им сумм денежных средств

Организаторы преступной схемы в составе руководителей и, возможно, работников КПК с целью систематического хищения денежных средств в особо крупном размере, принадлежащих физическим и (или) юридическим лицам – пайщикам КПК, под мнимым предлогом привлечения от них денежных средств на возмездной основе, с выплатой процентного дохода за пользование деньгами в размере, значительно превышающем рыночный доход (процент) по вкладам и ценным бумагам, изначально не имея намерений исполнять принимаемые на себя обязательства, т. е. действуя путем обмана, умышленно привлекают в кассы КПК наличные денежные средства граждан и организаций, которые в дальнейшем похищают (ст. 159 УК РФ) либо, не имея умысла именно на хищение всех средств, перестают осуществлять взятые на себя обязательства по возврату пайщикам переданных в КПК денежных средств и выплате причитающихся процентов (ст. 172.2 УК РФ)¹.

С целью содействия следствию в установлении размера причиненного данным преступлением ущерба возможно назначение бухгалтерской экспертизы, направленной на определение сумм денежных средств, поступивших в кредитный потребительский кооператив от пайщиков, а также возвращенных кооперативом в пользу его членов.

Особенностью ведения деятельности финансовых пирамид является осуществление большинства расчетов в наличной форме. Нередки случаи, когда кассовые и иные первичные учетные документы, свидетельствующие о приеме и выдаче гражданам денежных средств, намеренно уничтожаются организаторами финансовой

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

пирамиды. В таких обстоятельствах эксперт вынужден проводить исследование по документам, оставшимся у потерпевших пайщиков с учетом показаний, данных ими на допросе и представленным на экспертизу в установленном порядке.

Примеры вопросов:

1. Какова сумма наличных денежных средств, внесенных за период с... по... в кассу КПК «Пирамида» гражданами, допрошенными в качестве потерпевших по уголовному делу, и на основании каких документов?

2. Какова сумма денежных средств, внесенных безналично пайщиками КПК «Пирамида» (физическими и юридическими лицами) на расчетный счет кооператива №..., открытый в ПАО «БАНК», за период с... по ...?

3. Какова сумма денежных средств, выданных с расчетного счета КПК «Пирамида» №... в ПАО «БАНК» пайщикам/клиентам (физическим и юридическим лицам) кооператива в качестве сумм возврата основного долга по вкладам, и выплаты процентов по ним за период с... по ...?

4. Какова сумма наличных денежных средств, выданных из кассы КПК «Пирамида» пайщикам кооператива в качестве сумм возврата основного долга по вкладам и выплаты процентов по ним в период с... по...?

5. Какова разница между суммами денежных средств, внесенными в кассу и на расчетный счет КПК «Пирамида» пайщиками (согласно приложению № 1 «Список пайщиков КПК «Пирамида»), и денежных средств, выплаченных КПК «Пирамида» указанным лицам в качестве сумм возврата основного долга по вкладам, за период с... по ...?

6. Какова разница между суммами денежных средств, внесенными в кассу и на расчетный счет КПК «Пирамида» пайщиками (согласно приложению № 1 «Список пайщиков КПК «Пирамида») с учетом начисленных кооперативом процентов по вкладам, и денежных средств, выплаченных КПК «Пирамида» указанным лицам в качестве сумм возврата основного долга по вкладам и выплаты процентов по ним, за период с... по ...?

7. Какова задолженность КПК «Пирамида» перед пайщиками (физическими и юридическими лицами) по денежным средствам, внесенным ими в кассу и на расчетный счет кооператива за период с... по... с учетом начисленных и выплаченных в пользу пайщиков процентов?

Проведение исследований по поставленным вопросам осуществляется посредством извлечения и анализа информации, содержащейся в кассовых, банковских и иных бухгалтерских документах КПК и касающейся расчетов кооператива с каждым из вкладчиков (пайщиков, заимодавцев) по денежным средствам, внесенным ими в наличной и (или) безналичной форме в кассу и (или) на расчетные счета по договорам (о передаче личных сбережений, инвестиционного займа и т. д.), заключенным с кредитным потребительским кооперативом¹.

Для определения сумм денежных средств, внесенных вкладчиками (пайщиками, заимодавцами) в кассу КПК, а также выданных им из кассы кооператива в качестве возврата основного долга и выплаты начисленных процентов, необходимо проанализировать кассовые документы, подтверждающие внесение и выдачу наличных денежных средств (приходные и расходные кассовые ордера, кассовую книгу, отчеты кассира, журнал регистрации приходных и расходных кассовых документов), в сопоставлении со сведениями, содержащимися в выданных вкладчикам (пайщикам, заимодавцам) квитанциях к приходным кассовым ордерам и регистрах бухгалтерского учета кооператива по учету движения наличных денежных средств (50 «Касса») и счетам расчетов по договорам, заключенным с вкладчиками (пайщиками, заимодавцами).

Для определения сумм денежных средств, внесенных вкладчиками (пайщиками, заимодавцами) на расчетные счета КПК, а также выданных им с расчетных счетов кооператива в качестве возврата основного долга и выплаты начисленных процентов, необходимо проанализировать банковские документы, подтверждающие проведение расчетов с пайщиками в безналичной форме (выписки с расчетных счетов КПК, с лицевых счетов вкладчиков в кредитных организациях, иные банковские первичные учетные документы), в сопоставлении со сведениями, содержащимися в регистрах бухгалтерского учета кооператива по учету движения денежных средств на расчетных счетах (51 «Расчетные счета») и счетам расчетов по договорам, заключенным с вкладчиками (пайщиками, заимодавцами) [1, с. 273].

При проведении исследований следует учитывать, что начисление процентов, подлежащих выплате пайщикам в соответствии с заключенными с КПК договорами, как правило, производится

¹ О кредитной кооперации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 18 июля 2009 г. № 109-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на отдельных субсчетах счетов, предназначенных для учета расчетов с пайщиками по полученным от них денежным средствам (в частности, 66 «Расчеты по краткосрочным кредитам и займам», 67 «Расчеты по долгосрочным кредитам и займам», 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами»).

Для установления задолженности КПК перед каждым из пайщиков (вкладчиком, заимодавцем) необходимо:

- определить сумму денежных средств, внесенных пайщиком в кассу и (или) на расчетные счета КПК по договорам, заключенным с кооперативом¹;

- установить сумму денежных средств, выплаченных КПК пайщику из кассы и (или) с расчетных счетов кооператива в качестве возврата основного долга по договорам²;

- установить сумму задолженности³ КПК перед пайщиком по формуле $(3) = (1) - (2)$.

- Для установления задолженности КПК перед каждым из пайщиков (вкладчиком, заимодавцем) с учетом начисленных процентов необходимо:

- определить сумму денежных средств, внесенных пайщиком в кассу и (или) на расчетные счета КПК по договорам, заключенным с кооперативом¹;

- установить сумму денежных средств, выплаченных КПК пайщику из кассы и (или) с расчетных счетов кооператива в качестве возврата основного долга по договорам²;

- установить сумму процентов, начисленных КПК в пользу пайщика (полагающихся к выплате) по заключенным договорам³;

- определить сумму фактически выплаченных процентов пайщику в наличной и безналичной форме по заключенным договорам⁴;

- установить сумму задолженности КПК перед пайщиком по формуле $(5) = (1) + (3) - (2) - (4)$ [1, с. 273].

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О бухгалтерском учете [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О кредитной кооперации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 18 июля 2009 г. № 109-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Совершенствование экспертной практики производства финансово-аналитических экспертиз по исследованию финансового состояния хозяйствующих субъектов: информационное письмо ЭКЦ МВД России от 21 июня 2013 г. № 37/23-3836.

1. 2. Определение направлений расходования денежных средств кредитными потребительскими кооперативами и иными организациями, вовлеченными в деятельность финансовых пирамид

Денежные средства граждан, привлекаемые организаторами финансовых пирамид, как правило, зачисляются на расчетные счета кредитных потребительских кооперативов или иных организаций с признаками пирамид, а в дальнейшем на основании фиктивных гражданско-правовых отношений, в частности договоров займов, выводятся из оборота кредитного потребительского кооператива и перечисляются на расчетные счета различных компаний, в том числе подконтрольной организаторам мошеннической схемы.

В подобных или схожих обстоятельствах в рамках предварительного следствия возможно отследить направления расходования похищенных средств граждан посредством назначения и производства бухгалтерской экспертизы. При этом следует ориентировать следователя на постановку экспертных задач по установлению операций с основанием перечисления «оплата по договору займа», «рекламные услуги», «оплата за консультационные услуги» и т. д.

Примеры вопросов:

1. В какой сумме, от каких организаций и физических лиц и по каким основаниям на счет №..., открытый ООО «Пирамида-инвест» в ПАО «Банк», были зачислены денежные средства за период..., в том числе по договорам займов (процентного займа, беспроцентного займа, выплаты по договорам займа)?

2. В какой сумме, в адрес каких контрагентов и на какие цели были перечислены денежные средства со счета №..., открытого ООО «Пирамида-инвест» в ПАО «Банк», за период..., в том числе в качестве возвратов займов и выплаты процентов по ним?

3. Каково соотношение в процентном выражении между суммой денежных средств, поступивших на счет №..., открытый ООО «Пирамида-инвест» в ПАО «Банк», по договорам займов (процентного займа, беспроцентного займа, выплаты по договорам займа) за период, и общей суммой поступления на данный счет за указанный период?

4. В какие организации и в какой сумме были перечислены денежные средства с расчетных счетов КПК «Пирамида-инвест» за период ... с основанием перечисления «оплата по договору займа» («рекламные услуги», «оплата за консультационные услуги») и каково их дальнейшее движение?

Алгоритм действий эксперта при решении экспертной задачи по определению направлений расходования денежных средств подробно отражен в Рекомендациях по назначению и производству бухгалтерских экспертиз по определению источников формирования и (или) направлений использования исследуемого перечисления при анализе движения денежных средств по расчетному счету¹.

При исследовании выписки по движению денежных средств по счету исследуемого лица в кредитной организации для определения суммы денежных средств, поступивших на счет, экспертом учитываются операции, отраженные по кредиту, и кредитовый оборот. При определении суммы денежных средств, списанных со счета, экспертом учитываются операции, отраженные по дебету, и дебетовый оборот.

Результаты данной экспертизы следователь может использовать как для определения факта хищения денежных средств и конечных бенефициаров мошеннической схемы, так и для доказывания невозвратности выданных займов. Последнее обстоятельство в качестве исходных данных может закладываться в установочную часть постановления о назначении финансово-аналитической экспертизы, направленной на определение признаков финансовой пирамиды.

2. 1. Определение динамики финансового состояния организаций, вовлеченных в деятельность финансовых пирамид, на счета которых выводятся денежные средства

Как было указано выше, денежные средства, поступающие от граждан в кассы финансовых пирамид, в дальнейшем с различными фиктивными основаниями, в частности по договорам займа, перечисляются на счета аффилированных организаций. Указанное происходит как с целью вывода денежных средств из КПК, так и с целью введения потерпевших в заблуждение путем создания видимости масштабной и устойчивой финансово-хозяйственной деятельности кооперативов, для чего создаются подконтрольные мошенникам организации в различных сферах и отраслях, якобы осуществляющие прибыльную экономическую деятельность с высоким инвестиционным потенциалом.

¹ Рекомендации по назначению и производству бухгалтерских экспертиз по определению источников формирования и (или) направлений использования исследуемого перечисления при анализе движения денежных средств по расчетному счету: письмо ЭКЦ МВД России от 30 октября 2012 г. № 37/26-6610.

Для доказывания фиктивности такого рода конструкции финансово-хозяйственных взаимоотношений, установления фактического финансового состояния подконтрольных организаций, убыточности или даже технического характера их деятельности возможно назначение финансово-аналитической экспертизы в отношении аффилированных организаций по определению динамики их финансового состояния. При этом следует отметить, что пределы компетенции эксперта-экономиста ограничивают его исследование изучением лишь экономических показателей. Установление юридических признаков технических компаний и квалификация деятельности (сделок, операций) в качестве фиктивной – исключительная компетенция лица, ведущего производство по делу.

Пример вопроса:

Каково финансовое состояние (динамика финансового состояния) Общества с ограниченной ответственностью «название» (ИНН...) в (за) период?

Для определения финансового состояния общества и его динамики методом коэффициентного анализа экспертом используются такие коэффициенты (показатели), как:

- коэффициент абсолютной ликвидности К1;
- промежуточный коэффициент покрытия (быстрой ликвидности) К2;
- коэффициент текущей ликвидности К3;
- коэффициент обеспеченности собственными средствами К4;
- коэффициент обеспеченности обязательств должника всеми его активами К5;
- коэффициент обеспеченности обязательств должника его оборотными активами К6;
- величина чистых активов К7;
- коэффициент оборотных средств в расчетах К8;
- коэффициент автономии К9;
- рентабельность продаж К10.

При использовании формул расчета финансовых коэффициентов и при их расчете необходимо учитывать изменения соответствующих строк форм бухгалтерской отчетности.

Указанные показатели необходимо рассчитать на отчетные даты в исследуемом периоде. Затем рассчитанные числовые значения финансовых коэффициентов сравниваются с нормативными значениями.

Значения рассматриваемых показателей, а также отклонения полученных значений от нормативных подробно описываются

и интерпретируются с точки зрения влияния на финансовое состояние исследуемого лица.

Полученные результаты наглядно иллюстрируются на графиках по каждому финансовому коэффициенту (показателю).

В завершение исследования формулируется вывод о финансовом состоянии исследуемого лица в динамике, о степени его ухудшения (улучшения), описывается краткая характеристика.

Результаты данной экспертизы следователь может использовать не только для доказывания искусственности схемной конструкции финансово-хозяйственных взаимоотношений КПК с аффилированными организациями, их убыточности, неплатежеспособности и финансовой неустойчивости, но также и для исключения технических компаний (заемщиков), экономические признаки которых установлены в экспертизе, при последующем экспертном исследовании по оценке финансово-хозяйственной деятельности КПК.

2.2. Анализ финансово-хозяйственной деятельности КПК с целью установления негативных фактов, свидетельствующих о наличии признаков финансовой пирамиды

В рамках методики выявления признаков финансовых пирамид данная финансово-аналитическая экспертиза не может выступать в качестве первичного процессуального действия, выявляющего и документирующего признаки преступления. Финансово-аналитическая экспертиза имеет существенные методические различия от комплексных проверок и ревизий финансово-хозяйственной деятельности. В связи с этим часть необходимой информации, такой как невозвратность займов, аффилированность лиц, технический характер заемщиков, необоснованность расходов и т. д., устанавливается следователем самостоятельно в ходе проведения следственных действий (в том числе по результатам ранее проведенных бухгалтерских и финансово-аналитических экспертиз, рассмотренных выше) и вносится в установочную часть постановления в качестве исходных данных.

Задачами рассматриваемой финансово-аналитической экспертизы является установление в ходе анализа финансово-хозяйственной деятельности исследуемого лица негативных фактов, свидетельствующих о наличии в деятельности КПК или иных организаций финансового рынка следующих признаков финансовых пирамид:

– предоставление займов юридическим лицам с негативной деловой репутацией или плохим финансовым положением (реги-

страция заемщиков по адресу массовой регистрации, наличие сведений о ликвидации, убыточные компании)¹;

- диспропорции в расходных операциях по расчетному счету КПК с преобладанием операции следующего содержания: оплата рекламных и информационных услуг, оплата аренды помещений;

- значительное (более чем в 2 раза) превышение объема привлеченных средств над выданными займами, а также равно существенное (более чем в 2 раза) превышение количества договоров привлечения денежных средств над договорами их выдачи;

- диспропорции в портфеле предоставленных по договорам займа денежных средств. Проявляются в предоставлении займов узкому кругу аффилированных юридических лиц или подставных лиц, связанных с руководством КПК. В случае создания КПК смешанного типа подобные диспропорции проявляются в том, что средства, предоставленные юридическим лицам, составляют 20 % или менее от всего портфеля займов;

- диспропорции в портфеле привлеченных средств: средства, привлеченные от физических лиц, составляют 20 % или менее от портфеля привлеченных средств (для КПК смешанного типа);

- значительное (более чем в 2 раза) превышение количества договоров привлечения над договорами выдачи, включая значительное (более чем в 2 раза) превышение количества договоров привлечения денежных средств от физических лиц над договорами выдачи предоставления денежных средств физическим лицам;

- низкие объемы средств, направленных на предоставление займов, когда средства, направленные на предоставление займов, в структуре активов КПК составляют менее 50 %;

- сомнительная структура активов.

В ходе производства финансово-аналитических экспертиз выполняется исследование финансовых аспектов и финансовых результатов деятельности хозяйствующего субъекта на основании данных его бухгалтерского учета и отчетности.

Исследуемым лицом в рамках производства данной экспертизы может выступать любой КПК или же иная организация финансового рынка, например, инвестиционные фонды. Следует отметить, что в настоящей статье данный вид экспертизы рассмотрен на примере КПК, исследование других организаций возможно в соответствии

¹ При этом юридические, а также по возможности экономические признаки таких лиц устанавливаются следователем и закладываются в постановление о назначении экспертизы в качестве исходных данных.

со спецификой их деятельности, а также исходя из особенностей ведения бухгалтерского учета и составления отчетности.

Деятельность КПК оценивается путем расчета системы финансовых показателей, характеризующих соотношение собственных (инвестированных) и заемных средств, а также полученных доходов и понесенных расходов.

Примеры вопросов:

1. Каково соотношение суммы выданных КПК «название» денежных средств по договорам займа и суммы денежных средств, привлеченных по соответствующим договорам, на отчетные даты за период с... по ...?

2. Каково соотношение суммы процентов, фактически полученных КПК «название» по договорам займа, и суммы процентов, фактически выплаченных по договорам привлечения денежных средств, на отчетные даты за период с... по ...?

3. Каково соотношение сумм основного долга и процентов, полученных КПК «название» по договорам займа, и сумм основного долга и процентов, выплаченных по договорам привлечения денежных средств, на отчетные даты за период с... по ...?

4. Какова структура финансовых вложений и дебиторской задолженности КПК «название», с указанием удельного веса на отчетные даты за период с... по ...?

5. Какова структура расходов КПК «название» на отчетные даты за период с... по ...?

6. Какова рентабельность деятельности КПК «название» на отчетные даты за период с... по ...?

В соответствии с п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний. Постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деятельности КПК или иных организаций финансового рынка, имеющих признаки финансовых пирамид, разрешение которых относится к исключительной компетенции следователя, как не входящих в его компетенцию, не допускается. Так, недопустима постановка вопроса о том, что определенный КПК является финансовой пирамидой.

Последовательность действий эксперта по проведению исследования охватывается общей методикой производства экономической экспертизы:

1. Ознакомление с представленными объектами исследования.

2. Анализ достаточности объектов исследования и необходимых дополнительных сведений.

3. Анализ финансово-хозяйственной деятельности КПК и порядок расчета ее характеризующих показателей.

В рамках проведенной совместно с Академией управления МВД России научно-исследовательской работой Центром разработана Методика экспертного исследования деятельности кредитно-потребительских кооперативов и иных организаций финансового рынка, имеющих признаки финансовых пирамид, направленная в форме методических рекомендаций для практического применения в территориальные органы МВД России (исх. ЭКЦ МВД России от 16 марта 2021 г. № 37/22-4049).

Указанная методика устанавливает порядок оценки финансово-хозяйственной деятельности КПК, определяет систему финансовых показателей (коэффициентов) и их пороговых значений с целью установления негативных фактов, свидетельствующих о наличии признаков финансовой пирамиды.

4. Формулирование выводов эксперта.

По результатам финансово-аналитической экспертизы экспертом рассчитываются значения финансовых показателей, характеризующих финансово-хозяйственную деятельность КПК. Отклонения данных показателей от их пороговых значений свидетельствуют о наличии того или иного признака финансовой пирамиды [1, с. 273].

Установление признаков финансовых пирамид как квалифицирующих признаков составов преступлений, предусмотренных УК РФ, относится к исключительной компетенции лица, осуществляющего производство в рамках уголовного дела. Поэтому квалификация деятельности КПК в качестве финансовой пирамиды осуществляется следователем путем оценки рассчитанных в рамках исследования показателей (а именно их отклонений от пороговых значений) в сравнении с характерными признаками деятельности финансовых пирамид, указанными ранее.

Анализ указанных показателей позволит следователю сделать обоснованный вывод о наличии необходимых для доказывания признаков состава преступления. Установление отклонения данных хотя бы по одному из показателей от их пороговых значений уже свидетельствует о наличии соответствующего признака финансовой пирамиды.

Таким образом, комплексное экспертное сопровождение уголовных дел о преступлениях, связанных с деятельностью финансовых пирамид, посредством производства бухгалтерских и финансо-

во-аналитических экспертиз в отношении деятельности кредитных потребительских кооперативов и иных организаций финансового рынка позволит повысить эффективность и качество расследования преступлений данной категории.

Список литературы:

1. Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе: учебное пособие для вузов / С.В. Ефимов и др.; отв. ред. Э.Ф. Мусин. Москва: Юрайт, 2019.

Электронно-цифровое отображение как методическая основа цифровой криминалистики

В. А. МЕЩЕРЯКОВ,

*профессор кафедры криминалистики,
доктор юридических наук, профессор
Воронежский государственный университет*

О. Ю. ЦУРЛУЙ,

*доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
Центральный филиал Российского государственного
университета правосудия*

Аннотация: в статье рассматриваются способы обнаружения, изъятия, исследования и использования виртуальных следов в целях расследования и раскрытия преступлений в сфере высоких технологий. Авторами проанализированы основные этапы формирования доказательственной информации в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: *цифровая криминалистика; виртуальные следы; доказательства; киберпреступность.*

Жизнь современного общества сложно представить без использования компьютерной техники, смартфонов, планшетов, а также предоставляемого такими устройствами доступа к виртуальному пространству сети Интернет, социальным сетям, интернет-магазинам, услугам, предоставляемым в дистанционной форме.

Однако все преимущества и достоинства эпохи повсеместной цифровизации сопровождаются появлением криминальной деятельности в этой новой среде существования человечества. Это, в свою очередь, вызывает необходимость активного исследования ее специфики и использования получаемых результатов в правоохранительной деятельности.

В последнее время уже достаточно прочно оформилось и сложилось в качестве относительно самостоятельного, но органически тесно связанного, основанного и неотделимого от науки криминалистики направление, получившее название цифровой криминалистики.

Данное направление связано с:

– изучением специфических способов совершения преступлений в кибернетическом пространстве, обусловленных особенностями его строения и функционирования;

– изучением механизма следообразования в цифровой среде современного кибернетического пространства (информационной инфраструктуры) и особенностями формирования на его основе судебных доказательств;

– исследованием особенностей расследования преступлений, при совершении которых активно использовались современные информационно-коммуникационные технологии и средства компьютерной техники;

– формированием рекомендаций по использованию возможностей новых информационных технологий и телекоммуникационных систем в расследовании преступлений.

Предпосылками возникновения цифровой криминалистики стало:

1. Возникновение и активное развитие кибернетического пространства (информационной инфраструктуры) как новой специфической среды существования и активной деятельности современного человека с принципиально новыми системообразующими элементами. В качестве данных элементов выступают компьютеры, компьютерные сети (в первую очередь сеть Интернет), системы мобильных телекоммуникаций, глобальные навигационные системы, интернет-экономика и т. д.

2. Формирование принципиально новых видов правоотношений, складывающихся вокруг объектов и явлений в кибернетическом пространстве, не имеющих аналогов в традиционном материальном мире. В частности, речь идет об интернет-сайтах, системе доменных имен, компьютерных программах (особенно самовоспроизводящихся, получивших свою известность как компьютерные вирусы), системах распределенных реестров (Blockchain), ставших основой для построения целого спектра криптовалют, социальных сетях, беспилотных транспортных платформах и др.

3. Возникновение новых видов посягательств на складывающиеся правоотношения в кибернетическом пространстве. Например, использование вредоносных программ, зеркалирование и подмена интернет-ресурсов, перехват реальной и генерация фиктивной (намеренно искаженной) информации и т. д.

4. Расширение представления о механизме следообразования за счет дополнения его закономерностями кибернетического пространства, а именно: электронно-цифровое отображение, виртуаль-

ные следы, новые свойства возникающих следов, особенности формирования следовой картины и т. д.

Методологической основой развития цифровой криминалистики служит разработанная в отечественной криминалистике и многократно апробированная классическая триада «Информация – След – Доказательство» [2, с. 26] (рис. 1).

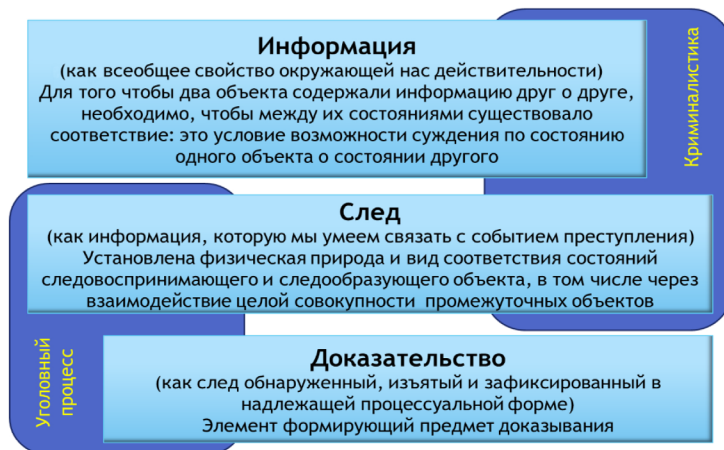

Рис. 1. Основные категории уголовно-процессуального исследования преступлений

Категория «Информация» является базовой и всеобщей, отражающей объективно существующие и не зависящие от человека (его знаний и умений) свойства окружающей нас действительности. Если между объектами существует какое-либо взаимодействие, то обязательно существует соответствие между их состояниями, что, в свою очередь, позволяет по состоянию одного объекта судить о состоянии других (взаимодействовавших с ним) объектов. При этом именно информация является результатом отражения такого взаимодействия (соответствия).

Далеко не каждую информацию, возникающую в результате взаимодействия объектов окружающей действительности, мы умеем вычленивать, зафиксировать и тем более использовать в целях уголовно-процессуального исследования преступлений. Это связано со множеством факторов (кратковременностью взаимодействия объектов, коротким сроком сохранения неизменного состояния объектов и т. д.) и, в первую очередь, с современным состоянием развития науки и технологий, умеющих связать получаемую информацию с событием преступления.

Категория «След» определяется посредством информации, которую субъекты уголовно-процессуальной деятельности умеют

связать с событием преступления. В ходе расследования устанавливается физическая природа и вид соответствия состояний следо-воспринимающего и следообразующего объекта, в том числе через взаимодействие целой совокупности промежуточных объектов.

Категория «Доказательство» рассматривается как след, обнаруженный, изъятый и зафиксированный в надлежащей процессуальной форме соответствующими субъектами доказывания.

В ходе рассмотренного трехэтапного преобразования отражений окружающей действительности в доказательство осуществляется работа со всеми видами следов, выделяемых в криминалистике в настоящее время.

Контур формирования материальных следов включает взаимное отражение взаимодействующих в ходе события преступления объектов, каждый из которых одновременно выступает следовоспринимающим и следообразующим объектом (рис. 2). Восприятие возникающей информации субъектом уголовно-процессуального исследования осуществляется непосредственно или опосредованно путем наблюдения, измерения, регистрации и иных традиционных для криминалистики способов.

Рис. 2. Контур формирования материальных следов и их восприятие субъектом познания

Контур формирования идеальных следов (рис. 3) включает отражение информации в сознании человека, выступающего в разном процессуальном статусе (свидетель, потерпевший, подозреваемый и т. д.). Восприятие возникающей в контуре идеальных

следов информации осуществляется субъектом уголовно-процессуального исследования через коммуникативные методы получения уголовно-релевантной информации.

Рис. 3. Контуры формирования материальных и идеальных следов, а также их восприятие субъектом познания

В настоящее время в связи с развитием информационно-телекоммуникационных технологий, активно внедряющихся во все сферы человеческой деятельности, все чаще стали выделять специфические следы, возникающие в искусственно созданной на основе компьютерных систем среде электронно-цифрового отображения.

Существенной особенностью такой ситуации является то, что реальный объект или процесс окружающей действительности воспринимается субъектом уголовно-процессуального исследования не напрямую, а через посредство формализованной (математической) модели, с помощью которой этот реальный объект описывается. Поскольку формализованную модель человек строит, исходя из своих целей и задач, то она закономерно охватывает далеко не все элементы, свойства и поведение реального объекта, детально отражая лишь те из них, которые отвечают потребностям создателя искусственной среды отражения.

При этом в материальном виде (в виде числового набора) фиксируются лишь параметры используемой формализованной модели.

Практически все ученые, исследующие механизм слеодообразования в виртуальном пространстве, признают его специфику

и отличие возникающих при этом следов от всех иных видов рассматривавшихся ранее криминалистикой. Вместе с тем четко сформулировать, в чем это отличие выражается и как все это кратко назвать, остается вопросом, по которому существует множество различных точек зрения.

В специальной литературе эти новые следы именуют бинарными [8, с. 13], информационными [3, с. 165], компьютерными [6, с. 22], компьютерно-техническими [5, с. 45], цифровыми [9] и электронно-цифровыми (электронными) следами [4, с. 115; 11, с. 104].

По нашему мнению, указанные следы рационально именовать виртуальными следами [1, с. 56; 7, с. 16; 10, с. 44], поскольку это понятие наиболее полно отражает факт использования формализованной модели для искусственного построения всех интересующих создателя искусственной среды отражения проявлений наблюдаемого объекта или явления.

Контур формирования виртуальных следов (рис. 4) представляется наиболее сложным среди иных перечисленных выше, поскольку задействует искусственную среду отображения реальных объектов и явлений (построенную на основе компьютерных систем), а также среду взаимодействия компьютерных систем.

Рис. 4. Механизм формирования полной следовой картины и ее восприятие субъектом познания

Восприятие возникающей в контуре виртуальных следов информации осуществляется субъектом уголовно-процессуального

исследования методами декодирования и интерпретации числовых наборов данных.

Сложная картина совместного и взаимосвязанного формирования материальных, идеальных и виртуальных следов формирует целый спектр особенностей механизма следообразования, которые создают основу предмета изучения цифровой криминалистики.

Список литературы:

1. *Агibalов В.Ю.* Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе. Москва: Юрлитинформ, 2012.
2. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: Общая теория криминалистики: в 3 т. Москва: Юристь, 1997. Т. 1.
3. *Борисов В.В.* Особенности фиксации информационных следов в практике защиты информации // Известия Южного федерального университета. Технические науки, 2009. Т. 94. № 5.
4. *Вехов В.Б.* Криминалистическое учение о компьютерной информации (и средствах ее обработки): дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2008.
5. *Гаврилин Ю.В.* Использование компьютерно-технических следов при установлении события преступления / Ю.В. Гаврилин, Н.Н. Лыткин // Известия Тульского государственного университета. Тула, 2006. Вып. 15.
6. *Касаткин А.В.* Тактика собирания и использования компьютерной информации при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1997.
7. *Мещеряков В.А.* Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001.
8. *Милашев В.А.* Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004.
9. *Россинская Е.Р.* Новый раздел криминалистики: криминалистическое исследование компьютерных средств и систем / Е.Р. Россинская, Г.П. Шамаев // Baikal Research Journal. 2015. Т. 6. № 1.
10. *Смушкин А.Б.* Виртуальные следы в криминалистике // Законность. 2012. № 8.
11. *Сукманов В.О.* Сущность, понятие и виды электронно-цифровых следов, используемых в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2010. № 4 (22).

Противодействие раскрытию и расследованию преступлений как элемент преступной деятельности

С. Ю. МИРОНЕНКО,

*заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент
Донбасская юридическая академия
E-mail: mironenko-2009@mail.ru*

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы противодействия раскрытию и расследованию преступной деятельности. Акцентируется внимание на том, что противодействие раскрытию и расследованию преступлений можно определить как своеобразный вид социальной деятельности, которая представляет собой систему умышленных, целенаправленных действий по препятствованию полному, всестороннему и объективному раскрытию и расследованию преступлений.

Ключевые слова: *преступление; раскрытие и расследование преступлений; противодействие раскрытию и расследованию преступлений.*

Расследование преступлений – один из наиболее сложных видов деятельности человека. Специфика его состоит в том, что в процесс следствия и дознания привлекаются лица с различными интересами, которые чаще всего не совпадают с интересами следователя по установлению объективной истины по расследуемому уголовному делу.

В обычном понимании слова противодействие – это «действие, препятствующее другому действию» [11, с. 644]. Преступник стремится любой ценой избежать уголовной ответственности или наказания, выполняя для этого различные действия, а его окружение, включая коррумпированные связи, всячески этому способствует. Этим и объясняется разнообразие видов, форм и субъектов противодействия. В то же время следователь стремится установить тщательно скрываемые факты и обстоятельства и преодолеть такие попытки. Наличие этих противоположностей и обуславливает конфликтную ситуацию, в которой в основном проходит расследование. «Для следственной деятельности характерно преодоление сопротивления со стороны незаинтересованных в успешном

расследовании дела лиц. Пожалуй, нет другого вида человеческой деятельности, успешному окончанию которой так активно противоборствовали бы заинтересованные люди и группы лиц», – отмечает В.Л. Васильев [5, с. 45].

Значительная часть конфликтов возникает не только между следователем и подозреваемым, обвиняемым (его защитником), но и между следователем и прокурором, начальником следственного отдела, другими следователями, потерпевшим (его представителем), понятыми, свидетелями, экспертами и специалистами, переводчиками и всеми другими лицами, которые участвуют в следственных действиях. При этом следует отметить, что перечисленные конфликты не являются личными, а именно криминалистическими, поскольку прямо связаны с деятельностью следователя по установлению истины по делу.

Одной из составляющих конфликта в психологии является конфликтное поведение, которое определяется как «действия, направленные на то, чтобы прямо или косвенно блокировать достижение противодействующей стороной ее целей, намерений и прочего». Противодействие является разновидностью конфликтного поведения, поскольку направлено не только на блокирование какого-либо действия, но и на препятствование достижению конечной цели, получению конкретного результата (установлению всех обстоятельств совершенного преступления и участия в нем обвиняемого и др.). Поэтому «наибольшую угрозу сохранению доказательств представляет не объективное течение времени, а сознательное противодействие лиц, заинтересованных в искажении результатов расследования. Этим расследование преступлений больше всего отличается от других видов познавательной деятельности» [10, с. 45].

На существование противодействия как фактора, свойственного расследованию уголовных дел, указывал Р.С. Белкин, который включил в ряд закономерностей объективной действительности, которые исследуются криминалистикой, и закономерности сокрытия преступления [4, с. 59].

В криминалистическом аспекте преступная деятельность представляет собой систему объединенных общими мотивами и целями преступных действий, операций и эпизодов, рассчитанную на относительно длительный период и подготовку, включающую в себя планирование, осуществление, маскировку и противодействие ее разоблачению. Поэтому в системе преступной деятельности преступники вынуждены заботиться о своей безопасности не только в период совершения преступных деяний, но и в процессе всей их трудовой деятельности, в целом – существовании [3, с. 18–19].

В настоящее время противодействие криминальной среды начинается на стадии приготовления и совершения преступлений, осуществляется во время расследования, судебного разбирательства и чаще всего продолжается в условиях уголовно-исполнительных учреждений.

Преступления тщательно готовятся и совершаются в течение длительного времени, а прибыли, полученные в результате преступной деятельности, направляются на ее дальнейшее развитие. Появились новые способы совершения преступлений и способы противодействия их выявлению, раскрытию и расследованию. Расширился круг субъектов противодействия. Кроме подозреваемых и обвиняемых, к нему все чаще привлекаются свидетели, потерпевшие, иные участники уголовного процесса, различные заинтересованные лица, которые порой не имеют непосредственного отношения к преступлению, преступнику (преступной группе), в том числе коррумпированные сотрудники правоохранительных органов, суда; лица, которые занимают высокие должности в государственных и общественных организациях различного уровня и предоставляют свое покровительство преступникам.

Особую актуальность проблема противодействия криминальной среде приобрела в последнее время, когда деятельность правоохранительных органов значительно осложняется тем, что ранее разрозненная и стихийная преступность сейчас окончательно оформилась как организованная. Более изощренными и жестокими стали способы и приемы противодействия. В настоящее время организованные преступные группы (далее – ОПГ), имея достаточно высокие профессиональные навыки, современные технические средства, вооружение, практически неограниченные финансовые возможности и обширные коррумпированные связи, используя поддержку многочисленных защитников, не только тщательно скрывают свои преступные деяния, но и оказывают активное противодействие своему разоблачению на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Забывая о своей безопасности, с которой прямо связано и долгосрочное осуществление преступной деятельности, и получение больших прибылей, ОПГ вынуждены выполнять целый комплекс действий. Они разрабатывают собственную стратегию и тактику, способы конспирации преступной деятельности, используют возможности собственных служб разведки и контрразведки, создают фонды для подкупа должностных лиц и помощи лицам, которые содержатся или освобождаются из мест лишения свободы, используют международные связи для совершения преступлений и укрыательства преступников.

Наибольший эффект при обеспечении собственной безопасности ОПГ достигают путем использования коррумпированных сотрудников правоохранительных органов и суда. Эти лица сотрудничают с ОПГ как на постоянной основе, обеспечивая преступников необходимой для безопасности преступной деятельности информацией, так и привлекаемых в необходимых случаях (для прекращения уголовного дела; освобождения подозреваемых, обвиняемых из ИВС, СИЗО и др.). С их помощью преступники могут быть проинформированы о результатах следствия, разоблаченных преступных группах, особенностях совершенных ими преступлений, допущенных ошибках и т. д. Впоследствии все это используется для организации и осуществления противодействия расследованию.

Существенно облегчают задачи субъектов противодействия разнообразные упущения и нарушения, которые допускаются в ходе расследования. В работе правоохранительных органов «...можно встретить все: от фальсификации протокола допроса лица, которое вообще не допрашивалось, воспроизведения обстановки и обстоятельств происшествия с незрячим подозреваемым до причинения телесных повреждений невинному гражданину»¹.

Несмотря на то что противодействие расследованию конкретного уголовного дела значительно затрудняет расследование, порой делая его невозможным, наибольшую общественную опасность представляет противодействие деятельности правоохранительных органов и правосудия в целом, что дает основание оценивать его как опасное явление. «Подобное противодействие, по сути, разлагающе влияет на всю деятельность правоохранительных органов, деморализует субъектов этой деятельности, и в целом носит более глобальный характер», – отмечают А. Ф. Волынский и А. Ю. Федоренко [6, с. 107].

Такая сущность противодействия, которая представляет собой динамическое явление, сопровождающее деятельность правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений, свойственна преступной деятельности и является важным фактором ее безопасного и длительного существования. Основные черты противодействия:

а) разновидность конфликтного поведения, направленного на препятствование достижению целей противостоящей стороны;

¹ Про стан здійснення правосуддя судами загальної юрисдикції в 2011 р. та заходи щодо його вдосконалення з метою реалізації положень Конституції України // Вісник Верховного Суду України, 2012. № 1. С. 3–8.

б) целенаправленные действия, которые представляют собой элемент преступной деятельности.

Если «борьба с преступностью требует изучения именно преступной деятельности как социального явления и фактора жизнедеятельности преступности, а не только отдельных составных ее частей – преступных актов, а противодействие выступает специфическим элементом преступной деятельности» [3, с. 21], к изучению противодействия, на наш взгляд, необходим такой же подход. В современных условиях противодействие, особенно со стороны организованных преступных групп, представляет собой систему способов, методов и приемов, поэтому для его эффективного предупреждения и пресечения недостаточно знать отдельные проявления противодействия. Противодействие следует рассматривать как обязательный элемент преступной деятельности, имеющий мотив, цель, предмет, объект, субъект, способы и средства достижения этой цели, ее результат. Лишь изучив весь механизм, структуру, все закономерности проявлений противодействия, его виды и формы, можно будет определить реальные пути и средства предупреждения и пресечения противодействия.

Несмотря на свою актуальность, до недавнего времени вопросы противодействия расследованию оставались без должного внимания ученых. В основном исследования криминалистов заключались в изучении способов укрывательства преступлений. До сегодняшнего дня отсутствует единство взглядов ученых относительно понятия и определения противодействия. Основными вопросами, по поводу которых не достигнуто единства мнений исследователей, являются объем, содержание и соотношение понятий «укрывательство преступления» и «противодействие расследованию».

Под укрывательством понимают деятельность (элемент преступной деятельности), направленную на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления, преступника и их носителей. Препятствование расследованию заключается в недопущении включения соответствующей доказательной информации в сферу уголовного судопроизводства, ее использования в процессе расследования. Нам такое понимание укрывательства преступления представляется слишком широким, выходящими за рамки собственно укрывательства. Поэтому более удачной, на наш взгляд, является точка зрения М. В. Данышина, который относит сюда лишь те действия, которые преступник совершает намеренно с целью сокрытия преступления [7, с. 6].

Противодействие расследованию является более широким по смыслу понятием, чем укрывательство преступления. Наряду со сходством, между ними существуют определенные различия. Укрывательство, как и противодействие в целом, направлено на препятствование процессу установления объективной истины по уголовному делу. Однако укрывательство преступления направлено лишь на достижение определенного результата (скрыть следы преступления, информацию о преступлении, уничтожить орудия преступления и т. д.) для того, чтобы преступление осталось не раскрытым (не выявленным), поэтому осуществляется, как правило, до возбуждения уголовного дела.

Относительно разграничения понятий «противодействие расследованию» и «укрывательство преступления» мы разделяем мнение о том, что «первым термином исследователи почти не пользуются, но это не может служить аргументом его неправомерности... Авторы имеют в виду не укрывательство преступления в целом, а сокрытие следов преступления, что сужает объем понятия... терминологические нюансы не столь невинны, если учитывать, что они препятствуют адекватному отражению в науке реалий практики» [9, с. 14–15]. Однако, в конечном итоге, С. Ю. Журавлев определяет противодействие как «систему действий (или бездействие), которая направлена на достижение цели сокрытия преступления путем недопущения включения его следов в сферу уголовного судопроизводства и их дальнейшего использования в качестве судебных доказательств» [8, с. 9–10]. Термин «противодействие» используется исследователями так же, как синоним понятия «укрывательство преступления» [2, с. 88].

Можно встретить и довольно оригинальные взгляды на определение противодействия. По мнению В. В. Трухачева, «противодействие расследованию – это как бы внешняя оболочка, форма реализации содержания сокрытия преступной деятельности. Другие формы препятствования расследованию, например, инсценировка преступной деятельности, также могут осуществляться путем противодействия установлению уголовно-значимого деяния... Противодействие расследованию является основным, но не единственным способом (формой) сокрытия преступной деятельности» [12, с. 29–30].

Таким образом, несмотря на достаточный массив работ по данному вопросу, отсутствует единое понимание целей и содержания противодействия расследованию. Многие ученые, используя широкое по смыслу понятие «противодействие», ото-

ждествляют или ограничивают его в основном деятельностью по укрывательству преступлений, тем самым существенно ограничивая возможности противодействия и границы исследования. Однако «если раньше под противодействием расследованию понимали в основном различные формы и способы укрывательства преступлений, то теперь это понятие наполнилось более широким содержанием... как умышленная деятельность с целью воспрепятствования решению задач расследования и установлению истины по уголовному делу. Сама деятельность противодействующих лиц может охватывать не только активную форму человеческого поведения – действие, но и пассивную – бездействие» [1, с. 694].

Критически проанализировав существующие взгляды на природу и сущность противодействия расследованию, считаем необходимым определить его как своеобразный вид социальной деятельности, которая представляет собой систему умышленных, целенаправленных действий по препятствованию полному, всестороннему и объективному раскрытию и расследованию преступлений.

Список литературы:

1. *Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р.* Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. Москва: НОРМА-ИНФРА-М, 1999.
2. *Александренко О. В.* Поняття та сутність протидії попередньому розслідуванню // Науковий вісник Національної академії внутрішніх справ України. Київ. 2012. № 1.
3. *Бахин В. П., Карпов Н. С., Цымбал П. В.* Преступная деятельность: понятие, характеристика, принципы, изучение: монография / под ред. П. В. Мельника. Киев, 2001.
4. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общие и частные теории. Москва: Юрид. лит., 1987.
5. *Васильев В. Л.* Юридическая психология. Ленинград: ЛГУ, 1974.
6. *Волынский А. Ф., Федоренко А. Ю.* Противодействие раскрытию и расследованию преступлений. Общественная опасность и роль криминалистических методов и средств в его преодолении // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник тезисов. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000.
7. *Даньшин М. В.* Класифікація способів приховування злочинів: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харків, 2000.

8. *Журавлев С.Ю.* Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1992.

9. *Журавлев С.Ю.* Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1992.

10. *Ларин А.М.* Работа следователя с доказательствами. Москва: Юрид. лит., 1966.

11. *Ожегов С. И., Шведова С.Ю.* Толковый словарь русского языка. Москва: Азъ, 1993.

12. *Трухачев В.В.* Криминалистический анализ сокрытия преступной деятельности. Воронеж, 2000.

Приемы преодоления противодействия расследованию в форме отказа от предоставления материалов, содержащих признаки преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних в сети Интернет

С. В. МОСИНА,

*начальник кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук
Уральский юридический институт МВД России
E-mail: Svetlana-p-v@mail.ru*

Р. А. ДЕРЮГИН,

*заместитель начальника кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук
Уральский юридический институт МВД России
E-mail: deryugin.r.a@mail.ru*

Аннотация: в статье рассматривается проблема эффективности преодоления противодействия расследованию со стороны несовершеннолетних, ставших жертвами преступлений, совершаемых в Интернете. Проанализированы причины и условия такого противодействия, предложены приемы его преодоления, основанные на психологических принципах воздействия на несовершеннолетнего.

Ключевые слова: *противодействие расследованию; тактические приемы; кибергрумминг; несовершеннолетние.*

Преступления, совершаемые в Интернете, приобретают порой жестокий характер. Особую обеспокоенность вызывает то обстоятельство, что часто жертвами выступают несовершеннолетние, которые составляют большую часть его пользователей.

Не секрет, что безграничное пространство Интернета со множеством возможностей и ресурсов является привлекательной средой для подростков, в которой они могут предстать в качестве того, кем не являются в обычной жизни.

Так, по данным проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения опроса среди 1 200 взрослых и 219 подростков в возрасте от 14 до 17 лет, установлено, что 49 % подрост-

ков испытывают потребность обращения к так называемым плохим группам в социальных сетях в связи с имеющимися у них реальными психологическими проблемами. Среди таких проблем – конфликты с родителями, учителями, одноклассниками, сверстниками, недостаток внимания и авторитета в повседневной жизни. И только лишь 11 % подростков высказали мнение о том, что интерес к такому контенту вызван его доступностью в Интернете [6].

Эти и другие причины становятся предпосылкой к тому, что Интернет стал одним из основных мест совершения преступлений в отношении несовершеннолетних. Перечень такого рода преступлений различен, начиная от распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, заканчивая доведением до самоубийства. Согласно статистическим данным за последние два года зафиксировано увеличение количества детских самоубийств, прирост составил почти 14 % [4].

Одной из важных задач, стоящих перед правоохранительными органами, является современная и эффективная реакция на вызовы современной преступности. В своем выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России Президент Российской Федерации В.В. Путин в качестве одного из приоритетных направлений определил налаживание эффективной работы по осуществлению взаимодействия с представителями других ведомств для активизации выявления тех, кто втягивает несовершеннолетних в совершение противоправных деяний [5].

Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закон дополнен ст. 10.6, устанавливающей порядок распространения информации в социальных сетях. В частности, у владельцев соцсетей появилась обязанность не допускать использование социальной сети в целях совершения преступлений¹.

Лига безопасного интернета опубликовала на своем сайте информацию о том, что за 2020 г. из различных социальных сетей было удалено 1 560 страниц с детской порнографией, 1 845 – с информацией о продаже наркотических средств. Кроме того, волонтеры обнаружили в соцсетях более 33 тыс. фейков,

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 530-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

из которых пока удалено только 11 %. По оценке специалистов Лиги, порядка 43 млн россиян состоят в деструктивных сообществах (кибербуллинг, пропаганда суицидов, продажа наркотиков, экстремистско-террористические сообщества, группы о серийных убийцах и маньяках, шок-контент, треш-стримы), из них около 8 млн – несовершеннолетние [2].

Приведенные цифры свидетельствуют о необходимости совершенствования мер по борьбе с подобного рода угрозами, в частности и практики расследования преступлений, совершаемых с использованием современных IT-технологий.

С точки зрения практики расследования таких преступлений очевидным становится тот факт, что основную криминалистически значимую информацию содержат цифровые следы, находящиеся в компьютерной технике и мобильных устройствах жертв.

Данный тезис также обусловлен тем, что преступники в подавляющем большинстве случаев не вступают в прямую коммуникацию с жертвой, а осуществляют воздействие на нее при помощи текстовых сообщений и отправки различных медиафайлов [3, с. 45].

Учитывая то, что подростки, которые становятся жертвами рассматриваемых преступлений, блокируют доступ к информации, содержащейся на личных страницах в социальных сетях, при расследовании особое внимание следует уделять налаживанию психологического контакта с несовершеннолетним потерпевшим. Важно понимать, что на протяжении длительного времени с ним работали так называемые кураторы, выстраивающие общение по определенной методике, которые успели войти в доверие к ребенку и внушить необходимость в сохранении тайны переписки. Как правило, такие дети отличаются повышенной раздражимостью, замкнутостью, наличием странностей в поведении и т. д.

В частности, на первоначальном этапе расследования необходимо получить доступ к возможной переписке и переговорам подростка с посторонними лицами, в том числе к данным, хранящимся в социальных сетях [5, с. 52]. При этом следует находить грань между способами получения криминалистически значимой информации, способствующей эффективному раскрытию и расследованию преступления, и психофизиологическими особенностями подросткового возраста, обусловленными подростковыми комплексами, связанными с повышенной чувствительностью к оценке окружающих, частой сменой настроения, отсутствием собственного устоявшегося мнения и т. д.

Исходя из указанного, следует учитывать, что в случае отказа ребенка предоставить правоохранительным органам или родителям

личную переписку с куратором, необходимо оградить его от дальнейшего пользования социальными сетями во избежание повторного контакта с участниками. Следует продолжить налаживание психологического контакта, постепенно входя в доверие к подростку. Для общения необходимо привлекать детского психолога, который сможет выстроить правильный подход к ребенку. Это позволит без принуждения получить доступ к техническому устройству, через которое происходило общение.

При работе с несовершеннолетними в случае, когда они оказывают противодействие в форме отказа от предоставления информации, работа сотрудников правоохранительных органов должна строиться на знаниях психологических закономерностей межличностного взаимодействия и умении их использовать в процессуально регламентированной юридической деятельности [1, с. 81].

Особенное значение этот принцип приобретает при работе с теми несовершеннолетними, которые пострадали в результате совершения в отношении них преступлений, связанных с посягательством на их половую неприкосновенность. Среди таких преступлений, совершаемых в Интернете, особое место занимает кибергруминг. Злоумышленники совершают действия по установлению доверительных отношений с несовершеннолетними в онлайн-пространстве путем активной переписки в различных мессенджерах на интересующие подростка темы. Установив определенный уровень доверия, они просят выслать им фотографии различного интимного содержания, после получения первого фото начинается вымогательство денег и предложения о встрече в офлайн-пространстве. Понимание того, что они стали жертвами насилия, еще в большей степени влияет на замкнутость ребенка и нежелание рассказать о случившемся.

Основная проблема, с которой сталкиваются сотрудники правоохранительных органов, расследующие факты подобного рода преступлений, заключается не в оценке полученных показаний, а в непосредственном процессе их получения.

Несмотря на то, что современные достижения в области получения информации, например аппаратно-программные комплексы «Мобильный криминалист», «UFED», «Secure View 3», «MOBILedit!», «MicroSystemation», «XRY» и другие, позволяют оперативно получить необходимую информацию, при расследовании рассматриваемых преступлений не рекомендуется производить принудительное изъятие содержимого переписок и иной информации, хранящейся в телефоне или компьютерном устройстве.

Недобровольное изъятие криминалистически значимой информации может привести к куда более нежелательным последствиям [5, с. 68]. Совершение действия по принудительному изъятию информации, находящейся в личных переписках, может непредсказуемым образом повлиять на психологическое или даже на психическое состояние ребенка и его дальнейшие действия.

При этом важно помнить, что процессуальный аспект производства следственных действий в таком случае как бы уходит на второй план, а приоритетное значение приобретает психологическое взаимодействие с допрашиваемым. Такое взаимодействие представляет собой сложный многоуровневый процесс, который строится не только на соблюдении уголовно-процессуальных норм и правил, но и на принципах мотивационной дифференциации, правомерности психологического воздействия, психотехнического познания и юридической значимости психологических явлений, обеспечивающих реализацию личностного подхода к несовершеннолетнему, основанному на оценке и учете его индивидуальности [1, с. 86].

Знание указанных принципов позволит качественно подготовиться к работе с несовершеннолетним и эффективно сработать на преодоление противодействия с его стороны.

Сочетание принципа мотивационной дифференциации с тактическими приемами проведения, например, допроса, позволяет определить те причины, по которым несовершеннолетний отказывается предоставлять в распоряжение правоохранительных органов те или иные материалы, содержащие информацию о переписке с лицом, совершившим преступление. Основная задача заключается в создании максимально комфортной для несовершеннолетнего обстановки, обусловленной местом проведения следственного действия, кругом его участников, последовательностью постановки вопросов и их содержанием.

Принцип психотехнического познания и юридической значимости психологических явлений в сочетании с тактическими приемами направлен на преодоление противодействия со стороны несовершеннолетнего, вызванного особенностями его психического поведения. Учитывая то, что сфера психического поведения лица относится к области психологии, то для подготовки и проведения допроса рекомендуется в обязательном порядке к производству следственного действия привлекать специалиста – психолога. Оказание консультативной помощи в процессе взаимодействия позволит определить верную тактику поведения с несовершеннолетним, сформулировать вопросы, подлежащие постановке, с учетом особенностей восприятия и воспроизведения несовершеннолетним

информации. Непосредственное участие психолога при проведении следственного действия позволит минимизировать возможные негативные последствия, например, отказа от дачи показаний несовершеннолетним потерпевшим в случае необходимости принятия решений в ситуации тактического риска.

Одно из центральных мест среди рассматриваемых принципов занимает принцип правомерности психологического воздействия, соблюдение которого представляет особую сложность при производстве следственных действий со стороны правоприменителя. Обусловлено это тем, что те психологические приемы, которые применяются со стороны правоохранительных органов при проведении следственных действий с несовершеннолетними потерпевшими, должны отвечать принципу правомерности психологического воздействия. Кроме этого, принцип правомерности психологического воздействия позволяет реализовывать тактические приемы следственного действия с сохранением права за несовершеннолетним на свободу выбора линии поведения и своей позиции, при этом не противоречив интересам сторон, участвующих в производстве предварительного расследования.

Таким образом, в условиях цифровой трансформации общества в целом и преступности в частности можно сделать вывод о необходимости совершенствования способов преодоления противодействия, которые приобретают все новые формы.

Говоря о преступлениях, совершаемых в отношении несовершеннолетних в сети Интернет, следует констатировать тот факт, что основным средством преодоления противодействия с их стороны в форме отказа от предоставления информации, содержащей признаки преступления, является грамотное сочетание тактических приемов проведения следственного действия с соблюдением принципов психологического воздействия на несовершеннолетнего, направленного на получение криминалистически значимой информации.

Список литературы:

1. Васькэ Е.В. Методологические основы психологии взаимодействия работников следственных органов с несовершеннолетними допрашиваемыми // Психологическая наука и образование. 2012. № 2.
2. Лига безопасного интернета. URL: <http://www.ligainternet.ru/> (дата обращения: 04.05.2021).

3. Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://kremlin.ru/events/president> (дата обращения: 04.05.2021).

4. *Файрушина Р.Д.* Особенности производства следственных действий по изъятию и осмотру компьютерной информации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 3.

5. *Хлобыстова П.Ю. Колчина И. Н.* О разработке методики расследования склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции (Пенза, 15 декабря 2017 г.). Пенза, 2017.

6. Что подростки видят в Интернете и что там находят взрослые. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/> (дата обращения: 04.05.2021).

Некоторые вопросы преодоления противодействия расследованию незаконного образования юридического лица

Н. А. НАЗЫРОВА,

*адъюнкт кафедры криминалистики
Восточно-Сибирский институт МВД России*

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы оказания противодействия расследованию организатором незаконного образования юридического лица, среди которых автором выделяется дача ложных показаний. Затрагиваются проблемы преодоления следователем указанного противодействия на примере применения приема предъявления уличающих доказательств. В качестве одного из таких доказательств названо получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, основанных на использовании достижений современных цифровых технологий.

Ключевые слова: *противодействие; ложные показания; допрос; цифровые технологии; незаконное образование юридического лица; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.*

Механизм совершения незаконного образования юридического лица предполагает выполнение различных действий по сокрытию преступления его организатором еще на стадии подготовки к преступлению и дальнейшей маскировки деятельности фиктивного юридического лица под законную предпринимательскую [5, с. 157]. Несмотря на обязательность, условия обращения с заявлением в налоговый орган и предоставления необходимого пакета документов в целях прохождения государственной регистрации юридического лица, преступник умело использует вариативные возможности, предоставленные в соответствии с действующим законодательством¹ добросовестным гражданам для облегчения им доступа к реализации своих прав (почтовым отправлением, в форме электронных документов и др.). Вне зависимости от выбранного орга-

¹ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

низатором незаконного образования юридического лица способа предоставления документов в налоговый орган сокрытие проявляется в отсутствии в них его следов. Все документы оформляются от имени подставного лица, которое самостоятельно подписывает заявление о государственной регистрации и иные предусмотренные для его рассмотрения документы либо указанные документы подписываются от имени такого лица. Следует отметить, что сами взаимоотношения подставного лица и организатора преступления также находятся в тени от наблюдения за ними кем-либо. Если и происходит личное знакомство данных участников, то контакты являются непродолжительными на этапе достижения договоренности. Как свидетельствует анализ эмпирических источников, в настоящее время общение подставного лица преимущественно происходит с соучастниками преступления. Организатор поручает им инструктаж подставного лица, его сопровождение в налоговый орган, банки, к нотариусу и другие органы, организации для решения вопросов о подаче и получении различных документов, связанных с созданием, реорганизацией юридического лица и его функционированием. В следственно-судебной практике растет число преступлений, в которых в процессе приискания подставного лица личных встреч не происходит вовсе, общение осуществляется посредством телефонных переговоров либо переписки. Приведенные примеры обеспечения организатором незаконного образования юридического лица своей конфиденциальности можно дополнить схожими проявлениями сокрытия в других его действиях в механизме рассматриваемого преступления, направленных на избежание изобличения и привлечения к уголовной ответственности. Кроме того, личность организатора незаконного образования юридического лица отличает его образованность, включая юридическую грамотность, высокую коммуникабельность, волевые качества, часто имеющийся криминальный опыт совершения экономических преступлений и осведомленность о методах работы правоохранительных органов. Изложенное позволяет организаторам активно защищаться и, оказывая противодействие расследованию, давать ложные показания с выдвиганием версий, которые сложно опровергнуть, а также воздействовать на иных участников в целях дачи ими ложных показаний.

Так, подсудимая Н. по предъявленному обвинению показала следующее: общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО) создано в 2009 г., основным видом деятельности являлись грузоперевозки по территории Российской Федерации. С момента регистрации юридического лица она являлась единственным учре-

директором, в штатном расписании значилась только должность директора, которую занимала она сама. Для осуществления деятельности арендовала помещение, работала одна на протяжении нескольких лет. Потом решила взять в помощь сотрудника с целью расширения бизнеса и облегчения своего труда. В 2015 г. стала работать с М., ввела ее в курс дела, договорившись, что все расходы по офису и прибыль они делят поровну. Сначала работали нормально, потом М. перестала вовремя приходить в офис, допускала прогулы, на звонки не отвечала, а на ее претензии пояснила, что готова работать одна и предложила забрать фирму. Н. согласилась, подготовила пакет документов для ввода М. в учредители, после чего заверила их у нотариуса. М. внесла в кассу 10 000 рублей в счет увеличения уставного капитала. Потом отношения с М. испортились, и она приняла решение выйти из состава учредителей. Единственным участником стала М., она же и была назначена на должность директора. Учредительные, бухгалтерские и все иные документы, а также ключи от офиса, печать юридического лица М. забрала себе. После этого Н. зарегистрировала другое ООО, которое занималось грузоперевозками.

Обвинение в отношении организатора незаконного образования юридического лица в указанном примере в процессе производства предварительного расследования строилось на показаниях подставного лица, круга его общения, которые указывали на факт номинального нахождения М. в должности учредителя и генерального директора, единовременного получения вознаграждения за подписание документов, необходимых для переоформления ООО, о непричастности к выполнению организационно-распорядительной и финансово-хозяйственной деятельности общества. Показания данных участников подтверждены ими при проведении очных ставок и в судебных заседаниях при рассмотрении уголовного дела по существу. После длительного судебного процесса по делу вынесен обвинительный приговор. Между тем доказательства, подтверждающие обвинение, могли быть убедительнее при использовании достижений современных цифровых технологий, лежащих в основе такого следственного действия, как получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Как известно, данное следственное действие не ограничивается рабочим этапом получения соответствующих сведений. Не менее важен второй ее рабочий этап по визуальному исследованию представленных документов и выбору в них информации, имеющей значение для уголовного дела [3, с. 24]. Детализация телефонных соединений М. и Н. при отсутствии совместной деятель-

ности в ООО указывала бы на несуществование переговоров и смс-сообщений, чем опровергала бы версию Н. в совокупности с показаниями подставного лица и иных свидетелей. Кроме того, при одновременном запросе следователем в рамках направления ходатайства о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами сведений о базовых станциях сотовой связи и последующем анализе поступивших данных можно также обосновать дачу ложных показаний Н. Установление по базовым станциям сотовой связи мест, свидетельствующих о нахождении М. вне офиса ООО в рабочее время, демонстрировало бы стороной обвинения несостоятельность позиции защиты, чем могло позволить следователю преодолеть оказываемое противодействие в случае предъявления результатов осмотра соединений и ускорить принятие судом решения по существу разбирательства.

Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами повышает эффективность деятельности следователя по преодолению противодействия расследованию и при отказе от ранее данных показаний подставным лицом, изменившим их под воздействием организатора незаконного образования юридического лица. Согласованность первоначальных показаний подставного лица с иными собранными доказательствами по уголовному делу, в том числе полученными на основе выявления причинно-следственных связей с его показаниями, мотивируют допрашиваемого к даче правдивых показаний.

Учитывая высокую прикладную значимость, проблема противодействия предварительному расследованию неоднократно являлась предметом научных исследований [2; 4; 1; 6] и нуждается в дальнейшем пристальном внимании криминалистов в целях ее своевременного преодоления и минимизации негативного влияния. Важная роль в преодолении противодействия расследованию принадлежит следственной тактике, выбору оптимальной линии поведения и наиболее эффективных методов и приемов для достижения намеченной цели, включая использование возможностей современных цифровых технологий в процессе предварительного расследования.

Список литературы:

1. Айвазова О.В. Дискредитация доказательств как элемент противодействия расследованию // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практиче-

ской конференции. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2019.

2. *Варданян А.В.* Противодействие предварительному расследованию // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (96).

3. *Варданян А. В., Цыкора А.А.* Правовая природа и тактико-криминалистические особенности производства следственных действий, связанных с получением и анализом информации о телекоммуникационных соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2.

4. *Головин А. Ю, Цурбанов С.А.* Противодействие предварительному расследованию // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № (88).

5. *Грибунов О. П., Пермяков А.Л.* Коммерческая организация как элемент механизма преступлений в сфере экономики // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4 (48).

6. *Лозовский Д.Н.* Некоторые аспекты использования криминалистических методов в процессе противодействия организованной преступной деятельности // Общество и право. Краснодар: Краснодарский университет МВД России. 2011. № 2.

Отдельные аспекты использования специальных познаний при расследовании преступлений, совершенных посредством использования компьютерных технологий

Е. П. ПОЛЯНСКАЯ,

преподаватель кафедры уголовного процесса

Московского областного филиала

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: azhara87@bk.ru

Аннотация: в статье рассматриваются значимость повышения уровня профессиональной подготовки у сотрудников правоохранительных органов, проблемы, возникающие ввиду отсутствия необходимых знаний для раскрытия и расследования преступлений, совершенных посредством использования компьютерных технологий у сотрудников следствия, дознания, уголовного розыска. Даны рекомендации, позволяющие устранить имеющиеся в знаниях проблемы и повышающие эффективность раскрытия и расследования уголовных дел.

Ключевые слова: информация; дистанционные мошенничества; дознаватели; компьютерные технологии; преступления; раскрытие; расследование; следователи; специальные познания.

Расследование преступлений в сфере компьютерных технологий, несомненно, является сложным и энергоемким процессом, который требует специфических познаний, опыта и ресурсов. К сожалению, приходится констатировать, что сотрудники правоохранительных органов, осуществляющие расследование и раскрытие, не всегда обладают должными знаниями и профессиональными навыками. Не секрет, что расследование данных преступлений, увы, не всегда результативно.

Аксиоматично, что в необходимых случаях к следственным действиям привлекаются специалисты в данной области знаний. Однако это не отменяет того факта, что следователи, дознаватели и оперуполномоченные должны быть компетентными в данной области.

На наш взгляд, очень сложно раскрывать и расследовать преступления рассматриваемой категории без соответствующей подготовки, понимания базовых основ и знания понятийного аппарата.

Серьезным образом на наличие необходимых познаний влияет отсутствие информационного взаимодействия между заинтересованными в раскрытии преступления службами. К примеру, в деятельности нередко можно увидеть запросы руководителям платежных систем, в которых просят предоставить огромный массив информации относительно банковского счета или платежной карты. Но потом сотрудники следствия, уголовного розыска сталкиваются с отрицательным результатом и направлением новых запросов, просто потому что не знали, что платежные системы не располагают запрошенной информацией, из-за чего происходит существенная потеря времени.

Информацию о получателе денежных средств можно узнать у банка-эквайера (это организация, предоставляющая клиентам возможность проводить безналичную оплату на территории их торговой точки с помощью терминалов) [1], т. е. попросту обслуживающего сервиса по переводу денежных средств. Для получения деталей об операциях по банковским картам необходимо запрашивать информацию у банков-эмитентов о банке-эквайере. Хорошо налаженное информационное взаимодействие позволяет оперативно раскрывать преступления.

Также пробелом в знаниях сотрудников является отсутствие понимания, что является языком программирования, его видов и возможностей при их освоении злоумышленниками.

Очень часто мы говорим о хищении информации, а в последующем и денежных средств с помощью стиллера, который обычно определяется как вирусное программное обеспечение, которое используется для того, чтобы украсть логины и пароли потенциальной жертвы [2]. При этом возможности его безграничны. Стиллер представляет собой скрипт, посредством которого похищаются пароли с браузеров, делается скриншот рабочего стола и таким образом он прописывается для хищения любой интересующей информации. Эти знания помогают достичь понимания механизма совершения преступления, к примеру, при допросе, составлении постановления о привлечении в качестве обвиняемого и т. д.

Если в интересах следствия по уголовному делу необходимо изъять компьютер, то следователю нужно предварительно его осмотреть. Однако практика свидетельствует, что в некоторых случаях следователь и специалист в ходе осмотра описывают лишь устройство, указав марку, серию, номер, цвет, операционную систему, браузер и наличие в нем письма, которое может быть удалено по прошествии времени самим вирусом. На наш взгляд, это является

неприемлемым. Необходимо сразу в полном объеме отражать все имеющиеся данные, иначе потом они будут утрачены.

Иногда сотрудники не делают самое, казалось бы, простое – просмотр служебного заголовка, где отражена нужная информация. Содержащуюся информацию следует скопировать, она впоследствии будет необходима для установления устройства, с которого пришло письмо.

На наш взгляд, чтобы устранить подобные проблемы, необходимо пригласить практических работников, осуществляющих раскрытие и расследование по рассматриваемому направлению из подразделений УУР, БСТМ, К, сотрудников служб безопасности финансово-кредитных учреждений, представителей от интернет-провайдеров, операторов сотовой связи. Это представляется необходимым, т. к. зачастую мы не знаем всех возможностей данных организаций, а потому и не знаем, какую информацию у них можно получить.

Не секрет, что большая часть следователей, дознавателей не знает, как расследовать дистанционные виды мошенничества, не обладает информацией, что кроме детализации абонентских соединений существует детализация IMEI-номеров, которая в разы эффективнее первой, как правильно осматривать цифровые документы и выявлять скрытые папки.

Чтобы избежать подобных ситуаций, необходима организация курсов повышения квалификации для сотрудников, осуществляющих выявление, раскрытие и расследование преступлений.

Уже сейчас мы наблюдаем, как начинают функционировать дистанционные курсы, организованные Центробанком России и ДГСК МВД России.

Это же касается и нашего самообразования. Среди имеющихся обучающих информационной безопасности программ можно отметить Codebu, на базе которой проводится дистанционное обучение.

Можно порекомендовать программы для изучения лекции и задания, которые читаются в Гарварде на курсе по программированию CS50. Лекции переведены на русский язык и представлены в максимально понятной и интересной форме.

Зачем все это нужно? Раз мы говорим о расследовании преступлений, формировании доказательственной базы, нам следует знать способы совершения преступлений и их механизмы.

Зная механизм совершения преступления, уже в ходе допроса потерпевшего при хищении денежных средств можно понять, были похищены денежные средства с банковской карты, с использованием скиммингового устройства или ливанской петли. В зависимости

от этого в ходе допроса потерпевшего будут сформированы следующие вопросы:

- использовал ли гражданин для снятия денежных средств с платежной банковской карты банкоматы, расположенные вне помещений банков;

- были ли случаи отказа банкоматов в выдаче денежных средств;

- видел ли он отслоение накладки клавиатуры и обращал ли внимание на панель, расположенную в верхней клиентской части, имелись ли там накладки, трещины;

- застревала ли карта в щели для ввода карт?

Ответы на вопросы дадут понимание дальнейшего алгоритма расследования. В этом случае с карты скорее всего был изготовлен дубликат, так называемый белый пластик. Без наличия специальных познаний у следователей, дознавателей, оперуполномоченных преступнику будет гораздо проще ввести сотрудника в заблуждение, скрыть следы и т. д.

Список литературы:

1. Эквайринг. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D0%B9%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3> (дата обращения: 17.04.2021).

2. Вирус стиллер. URL: <https://tgraph.io/Virus-Stillер-09-28> (дата обращения: 12.04.2021).

Применение трансактного анализа в целях преодоления противодействия расследованию преступлений

А. В. СИБИЛЬКОВА,

*старший преподаватель кафедры управления органами
расследования преступлений,*

кандидат юридических наук

Академия управления МВД России

E-mail: anna.sibilkova@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматриваются перспективы интеграции в криминалистическую тактику достижений трансактного анализа в целях преодоления противодействия расследованию преступлений. В настоящее время в следственных органах служит много сотрудников с небольшим стажем, знание психологических закономерностей взаимодействия между людьми позволит им компенсировать недостаток профессионального и жизненного опыта, повысит эффективность и качество предварительного расследования.

Ключевые слова: *трансактный анализ; криминалистическая тактика; тактические приемы допроса; преодоление противодействия расследованию; трансакция; треугольник Карпмана; эго-состояние.*

При расследовании преступлений следователю нередко приходится сталкиваться с противодействием расследованию. И. А. Цховребова определяет противодействие расследованию преступлений как воспрепятствование в любой форме производству всестороннего, полного и объективного расследования [5].

Несмотря на технический прогресс, информатизацию различных сфер человеческой деятельности и появление возможностей противодействия расследованию с помощью технических средств, живое общение между людьми остается определяющим фактором в работе следователя.

Согласно ст. 74 УПК РФ доказательствами являются в первую очередь показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, получаемые в ходе следственных действий, а это, прежде всего, двухсторонний процесс общения между следователем и другими участниками уголовного судопроизводства.

И. П. Можаяева отмечает, что осуществление противодействия как при подготовке, так и проведении отдельных следственных, процессуальных действий и иных мероприятий обуславливает выбор следователем соответствующих тактических приемов, исключающих противодействие со стороны заинтересованных лиц [3, с. 25].

На наш взгляд, в свете развития учения о противодействии расследованию преступлений подход к криминалистической тактике требует пересмотра и более широкой интеграции в нее достижений психологии.

При профессиональной подготовке следователей изучаются тактические приемы допроса. Следует отметить, что при формулировании этих приемов в учебной и научной литературе следователь рассматривается только как субъект воздействия, а допрашиваемый только как объект, который своим поведением не может оказать никакого воздействия на следователя, его эмоциональное состояние и действия. Однако, на наш взгляд, допрос – это двухстороннее взаимодействие с допрашиваемым, и оно происходит по всем психологическим закономерностям общения между людьми.

Тот факт, что общение является вынужденным и значимым для обеих сторон, только усугубляет напряженность и желание использовать манипуляции. Значимым, потому что от исхода уголовного дела напрямую зависит судьба и обвиняемого (получит ли он уголовное наказание либо избежит ответственности), и следователя (поскольку от этого может зависеть его карьера). Вынужденным, потому что согласно ч. 3 ст. 188 УПК РФ вызов следователя на допрос является обязательным для вызываемого лица, но и сам следователь не может отказаться от работы с тем или иным участником уголовного судопроизводства, располагающим важной информацией по уголовному делу, только потому, что он не хочет с ним взаимодействовать.

Нами проведено анкетирование сотрудников следственных органов четырех регионов Российской Федерации (Республики Башкортостан, Московской, Оренбургской и Самарской областей), в результате которого было опрошено 276 сотрудников, которое установило, что 39 % следователей имеют стаж работы по специальности менее 3 лет, 53 % – менее 5 лет, при этом 35 % следователей моложе 25 лет. Это свидетельствует о том, что жизненного и профессионального опыта большинству следователей недостаточно для того, чтобы психологически противостоять зачастую более взрослым, обладающим большим жизненным опытом и криминальным стажем участникам уголовного судопроизводства.

Поэтому вполне очевидным представляется умозаключение о более широком интегрировании достижений психологии в сферу уголовного судопроизводства, пересмотре подхода к тактическим приемам допроса в криминалистике. Это позволит молодым следователям лучше осознавать происходящее во время следственного действия, своевременно пресекать манипуляции, регулировать свое психологическое состояние, чтобы действовать более эффективно.

Такое направление, как транзактный анализ, в настоящее время успешно применяется в психологическом консультировании, педагогике и, на наш взгляд, имеет хороший потенциал применения в раскрытии и расследовании преступлений при интеграции его в криминалистическую тактику.

Транзактный анализ представляет собой психологическую модель, служащую для описания и анализа поведения человека как индивидуально, так и в составе групп.

Автором данной теории является американский психолог Эрик Берн, изложивший ее в книгах «Игры, в которые играют люди» и «Люди, которые играют в игры», вышедших в 60-х годах прошлого века. Игрой он называл практически любое взаимодействие между людьми, а транзакцией – единицу общения, т. е. обмен стимулом и ответом на него. Согласно транзактному анализу личность каждого человека представлена тремя частями или эго-состояниями: Ребенком, Взрослым и Родителем [1].

Эго-состояние Ребенок. Каждый человек был когда-то ребенком и иногда, в более старшем возрасте, чувствует, думает и проявляет себя так, как делал это в прошлом. Например, взрослый человек покупает ребенку игрушку, и ему самому интересно поиграть с ней. Или человек раздражается от того, что начальник дает ему какие-то задания, указывает, что нужно сделать – он чувствует себя как подросток, бунтующий против норм и правил.

В обоих примерах человек как будто попадает в свое прошлое и целостно воспроизводит те реакции, мысли, чувства, которые когда-то были для него привычны. Это и называется проявлять эго-состояние Ребенка.

По функциям различают Ребенка Свободного, проявляющего творчество, веселый характер, интерес к познанию, и Ребенка Адаптивного, который выступает в двух амплуа: Послушный Адаптивный Ребенок (например, его обучили, что других людей нужно слушаться, нельзя громко выражать свои чувства, мнение) или Бунтующий Ребенок, который, наоборот, активно выражая свое несогласие, делает все наперекор. В любом случае, когда речь идет об Адаптивном Ребенке, смысловым содержанием действия становится

ся послушное выполнение указаний или противодействие чьим-то чужим желаниям. Мотивация, не являясь внутренней, ориентирована на желание ребенка откликнуться на призыв извне, на родительское воздействие – реальное или субъективно услышанное [4].

Эго-состояние Родитель – это скопированная форма поведения. Например, человек отчитывает окружающих так, как это делала его учительница в младших классах, в этом случае проявляя Контролирующего Родителя – скопированное поведение, направленное на установление правил и влияние на окружающих. Может проявляться вторая ипостась Родителя – забота, при которой копируются те формы поддержки, защиты и потакания, которые он наблюдал в своем прошлом со стороны воспитывавших его людей.

Эго-состояние Взрослый – наиболее позднее формирование личности в процессе взросления и обучения, когда человек поступает, исходя из логики, мыслит объективно и реалистично, эмоционально стабилен, принимает на себя ответственность за свои действия. Из этого состояния может строиться деловое общение и конструктивный диалог.

В норме 75 % времени зрелый человек должен находиться в состоянии Взрослого, однако часто у лиц, совершающих преступления, в силу неблагоприятных условий Взрослый формируется недостаточно, и такой человек может большую часть времени пребывать в состоянии Бунтующего Ребенка или Контролирующего Родителя. Зачастую лицо может сознательно прибегать к манипуляциям, общаясь из состояния Родителя, критикуя и давя на собеседника, или из состояния Ребенка, выставляя себя жертвой обстоятельств, капризничая, и т. д. В этом случае следователю следует знать о таких манипуляциях и уметь им противостоять.

Разумеется, наиболее благоприятной при допросе является ситуация, когда и следователь, и допрашиваемое лицо находятся в состоянии Взрослого. В связи с этим одна из задач работника правоохранительного органа – постоянно оставаться на позиции Взрослого и поддерживать это же состояние у лица, с которым он работает.

Однако опытные преступники или манипуляторы могут стремиться вывести следователя из состояния Взрослого, добиваясь тем самым доминирующего положения при взаимодействии с ним.

Например, обвиняемый может занять позицию Контролирующего Родителя во взаимодействии с молодым и неопытным следователем, обращаясь к его эго-состоянию Ребенка, критикуя его действия, провоцируя на ошибки. Это может привести к активизации у следователя состояния Адаптивного ребенка – Послушного либо Бунту-

ющего, из-за чего он может потерять контроль и инициативу в следственном действии и в конечном итоге в расследовании в целом.

Специалист какой-либо сферы, например компьютерных технологий, может занять позицию Родителя, исходя из того, что знает в этой области больше следователя, умышленно используя профессиональные термины, тем самым вводя следователя в замешательство.

Возможен и другой вариант, когда подозреваемый (обвиняемый) жалуется на свою тяжелую жизнь, якобы вынудившую его пойти на преступление, просит о поправках, старается выглядеть так, как будто чего-то не понимает, не владеет информацией. В этом случае допрашиваемое лицо занимает позицию Ребенка, а следователь может автоматически занять позицию Заботливого Родителя.

Например, в следственной практике произошел случай, когда подозреваемый жаловался на то, что в следственном изоляторе у него мерзнут ноги, а единственные его зимние ботинки приобщены к уголовному делу в качестве вещественного доказательства (поскольку именно в них он совершил преступление и оставил следы). Он попросил следователя отдать ему на ответственное хранение эти ботинки, что следователь и сделал, пожалев подозреваемого. Однако в дальнейшем оказалось, что подозреваемый передал ботинки своему брату с целью сокрытия вещественного доказательства. Следователь понял, что жалобы на холод со стороны подозреваемого были лишь манипуляцией, которая привела к утрате вещественного доказательства.

Если бы следователь знал основы транзактного анализа, он понял бы, что подозреваемый манипулирует им, пытаясь вызвать состояние Заботливого Родителя. Действия следователя были бы другими, диалог мог бы строиться следующим образом:

Подозреваемый: «В изоляторе очень холодно, я боюсь заболеть воспалением легких. Прошу, отдайте мои теплые ботинки, у меня нет других».

Следователь: «Я постараюсь принять меры для улучшения условий вашего содержания. Ваши ботинки являются вещественным доказательством по уголовному делу и будут храниться при нем».

Из ответа работника правоохранительного органа видно, что он посочувствовал подозреваемому (как Родитель), обещая исправить ситуацию. Однако скрытый стимул (от Взрослого к Взрослому) дал понять подозреваемому, что следователь не пойдет у него на поводу.

Следует отметить, что занятие следователем позиции Родителя в случае занятия позиции Родителя допрашиваемым лицом,

согласно законам транзактного анализа, может привести к открытой конфликтной ситуации, поскольку является пересекающейся транзакцией.

Занятие следователем позиции Ребенка в то время, когда аналогичную позицию занимает и допрашиваемое лицо, также не будет эффективным, поскольку превалирование в поведении эмоций может привести к конфликту.

Следователю для установления контакта с участником уголовного судопроизводства необходимо понять, какой позиции придерживается партнер, какое его эго-состояние сейчас доминирует, при этом вызывая соответствующую ответную реакцию, выводя его на позицию Взрослого, гася свои автоматические реакции на попытки манипулятивного воздействия и сохраняя свою позицию Взрослого.

Также, на наш взгляд, очень полезным для правоприменителей будет знание такой психологической модели взаимодействия между людьми, применяемой в транзактном анализе, как треугольник Карпмана, согласно которой в созависимых отношениях люди поочередно находятся в одной из ролей – Жертвы, Преследователя и Спасателя [2]. Сотрудникам полиции довольно часто приходится сталкиваться с ситуацией, когда жена вызывает полицию либо обращается с заявлением с жалобами на действия своего мужа, а когда к нему применяются меры воздействия, начинает его защищать и жаловаться уже на сотрудников полиции.

Необъяснимая с точки зрения обычной логики ситуация объяснима для человека, знающего транзактный анализ и концепцию треугольника Карпмана. Жена обращается в полицию, находясь в состоянии Жертвы; когда к ней применил насилие муж, находящийся в состоянии Преследователя, она ищет Спасателей. Когда же к мужу начинают применять меры воздействия, то в ее глазах он уже становится Жертвой, сотрудники полиции – Преследователями, а она принимает на себя роль Спасателя.

Знание таких закономерностей, на наш взгляд, помогает быть готовым к различным вариантам развития событий при контактах с людьми, делает работу правоохранителя более эффективной. Следователь может предугадать, каким образом в конкретной ситуации следует оказать противодействие расследованию, исходя из позиции в треугольнике Карпмана потерпевшего и подозреваемого, если они находятся в каких-то взаимоотношениях между собой. А при проведении следственных действий следователь сможет оценивать эго-состояние лица, с которым работает, и свое собственное, правильно выстраивая транзакции.

Таким образом, интеграция в криминалистическую тактику трансактного анализа будет способствовать эффективному преодолению противодействия расследованию преступлений и в конечном итоге повысит эффективность и качество предварительного расследования.

Список литературы:

1. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы / пер. с англ. М. Будыниной и др. Москва: Апрель Пресс, 2002.
2. *Карпман С.* Жизнь, свободная от игр / пер. с англ. Д. Касьянова. Санкт-Петербург: Метанойя, 2016.
3. *Можаяева И.П.* Учение о противодействии расследованию преступлений и его соотношение с криминалистическим учением об организации расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки, 2018. № 4–2.
4. *Станковская Е.Б.* Трансактный анализ: 7 лекций для проекта «Магистерия». Москва: Rosebud Publishing, 2020.
5. *Цховребова И.А.* Допустимо ли относить адвоката-защитника к субъектам противодействия расследованию? // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: сборник научных трудов. Москва, 2007.

О некоторых тактических особенностях проведения следственного осмотра на первоначальном этапе расследования мошенничества в сфере компьютерной информации

Е. А. СТАРЦЕВА,

*доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук*

Нижегородская академия МВД России

E-mail: Starceva-EA@yandex.ru

Аннотация: ежегодно во всем мире увеличивается объем информационных данных, обрабатываемых посредством возможностей компьютерных и информационно-телекоммуникационных систем. Бесспорно, максимальное использование сложных технических устройств, предназначенных для передачи, обработки различных данных, является положительным моментом. Вместе с тем участвовавшие случаи преступных действий посредством вмешательства в нормальную работу компьютерных сетей и модифицирования компьютерной информации послужили поводом для законодателя России ввести в уголовный кодекс Российской Федерации ст. 159.6 – мошенничество в сфере компьютерной информации. Противодействие мошенничеству в сфере компьютерной информации будет эффективным тогда, когда правоохранители в полной мере будут вооружены научно-практическими знаниями и апробированными на практике методиками борьбы с данными преступными посягательствами. Кроме того, детально должны быть проработаны не только стратегические, но и тактические особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании уголовных дел о мошенничестве в сфере компьютерной информации.

В статье анализируются тактические особенности производства следственного осмотра по мошенничеству в сфере компьютерной информации; рассматриваются особенности тактики проведения следственных действий при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации; даются рекомендации по тактике проведения осмотра места происшествия, компьютерной техники, электронного документа.

Ключевые слова: *криминалистическая тактика; мошенничество в сфере компьютерной информации; следственный осмотр;*

осмотр места происшествия; осмотр компьютерной техники; осмотр электронного документа.

В настоящее время значимость информационной сферы настолько велика, что от нее зависит состояние всех компонентов безопасности России: экономической, оборонной и политической. Потому закономерно, что одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере информационной безопасности является выявление и расследование преступлений в сфере компьютерной информации. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹ отмечается: «Появляются новые формы противоправной деятельности, в частности с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий»¹. Рассматриваемые преступления переросли национальные границы и стали международными, транснациональными, что в свою очередь затрудняет борьбу с ними, а безнаказанность провоцирует совершение иных преступлений и повышение криминального опыта в этой области.

Известно, что первым налоговым преступником в США, применившим в 1969 г. ЭВМ для присвоения 620 тыс. долларов, стал Альфонсе Конфессоре. А далее: «компьютерное» ограбление американского «Сеkjюрити пасифик бэнк» (похищено 10,2 млн долларов); компьютерное хищение в литовском банке (78 584 руб.); в 1991 г. – хищение во Внешэкономбанке на сумму 125,5 тыс. долларов; годом позднее – умышленное нарушение работы АСУ реакторов Игналинской АЭС; в 1993 г. – неоконченное электронное мошенничество в Центробанке России (68 млрд руб.). Ежедневно только американские «крекеры» (специалисты по взлому программного обеспечения ЭВМ) крадут около 4 млн долларов (в 2 раза больше, чем во всех остальных кражах). Каждые двадцать секунд в Соединенных Штатах происходит преступление, связанное с неправомерным доступом к информации с использованием программных средств. В более 80 % компьютерных преступлений, расследуемых ФБР, взломщики проникают в атакуемую систему через глобальную сеть Интернет. Последние оценки потерь от хищения или повреждения компьютерных данных в США исчисляются в 100 млн долларов за год. Годовой мировой ущерб от компьютерных преступлений составляет более 5 млрд долларов [3, с.123].

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Российские правоведы уже давно ставили вопрос о необходимости законодательного закрепления правоотношений, вытекающих из различных сфер применения средств автоматической обработки информации. Определенным этапом на пути реализации этих пожеланий стало принятие в 1992 г. Закона РФ «О правовой охране программ для электронно-вычислительных машин и баз данных». Закон содержал положение о том, что выпуск под своим именем чужой программы для ЭВМ или базы данных либо незаконное воспроизведение или распространение таких произведений влечет уголовную ответственность. Однако соответствующих изменений в УК РСФСР так и не было внесено. Законодательные изменения в главе 28 УК РФ стали появляться, начиная с 2003 г. (федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 182-ФЗ). Затем эта глава была дополнена в части назначения наказания в виде обязательных работ (федеральный закон от 6 мая 2010 г. № 81-ФЗ). Потом были приняты федеральные законы от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ. Наконец, в 2014 г. был принят еще один федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 195-ФЗ. Можно заметить, что глава 28 УК РФ (ст. 272–274) формировалась без особых требований системности. Однако нужно было соответствовать требованиям времени. Тем более появилась особая статья 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации».

Можно не сомневаться, что на возникновение и на рост преступлений в сфере компьютерной информации существенное влияние оказывают экономические факторы. Проще говоря, в свыше 90 % случаев преобладают корыстные мотивы. Лишь в 7–8 % случаев в роли мотивов выступают политические факторы. Остальные преступления в сфере компьютерной информации, как говорят в таких случаях, совершаются по хулиганским мотивам или имеет место вандализм, а, возможно, шпионаж.

Эффективное противостояние компьютерной преступности, защита прав и законных интересов граждан, а также обеспечение информационной безопасности государства и юридических лиц возможны только на базе постоянно изменяемого комплекса всех мер защиты, включая разработку новых криминалистических средств. В связи с этим на первый план выходит криминалистическая методика расследования преступной деятельности в сфере компьютерной информации, в частности тактические особенности проведения следственных действий по анализируемым преступлениям. Но железная закономерность гласит: чтобы лечить болезнь, нужно знать ее признаки. Методика лечения основывается на характеристике болезни.

Факт совершения мошеннических действий посредством преступного вмешательства в процесс обработки компьютерной информации и нормальной работы компьютерных сетей определяет проведение необходимых следственных действий на первоначальном этапе расследования. В первую очередь к ним относим: осмотр места происшествия, осмотр компьютерного оборудования и персональных компьютеров, осмотр сервера компьютерной сети и компьютерного хранилища информационных данных, осмотр документарных источников криминалистически значимой информации, хранимых в персональных компьютерах, и пр. [1, с. 50].

Каждый из видов следственного осмотра имеет свои особенности, с учетом которых определяется тактика их проведения. И здесь перед учеными теоретиками и практиками при проведении следственных осмотров в процессе раскрытия и расследования мошенничества в сфере компьютерной информации возникает проблема: что искать и как искать.

С точки зрения криминалистической тактики проведения следственных осмотров при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации следователь должен тщательно подходить к вопросу выявления на осматриваемых компьютерных устройствах криминалистически значимой информации. Тактически верно следователю учитывать особенности проведения следственных осмотров и меры компьютерной безопасности, т. к. это минимизирует риск полной или частичной утраты информационных данных, хранимых на электронном носителе, имеющих доказательственное значение и подлежащих дальнейшему процессуальному изъятию.

Итак, начнем рассмотрение тактических особенностей проведения осмотра места происшествия при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации.

Успех следственного действия, безусловно, зависит от тщательной подготовки к нему. В связи с чем на подготовительном этапе осмотра места происшествия криминалистическая тактика предписывает следователю решить вопрос об использовании специальной криминалистической и компьютерной техники, наборе компьютерных программ специального назначения, которые могут быть необходимыми при проведении рассматриваемого следственного действия.

Посредством использования криминалистической техники, специальной компьютерной техники и программного обеспечения осуществляется быстрое (оперативное) выявление, восстановление удаленных электронных информационных ресурсов, обязательная фиксация выявленных следов вмешательства в компьютерные

информационные ресурсы, а также последующее их восприятие, изъятие и хранение.

При проведении осмотра места происшествия по преступлениям в сфере компьютерной информации в распоряжении следователя должна быть следующая специальная техника:

- переносной персональный компьютер – ноутбук с набором специальных компьютерных программ, с помощью которых можно обнаружить следы преступного вмешательства в компьютерное оборудование, несанкционированного вмешательства в информационные данные, а также восстановить как удаленные, так и поврежденные электронные ресурсы. Важным условием, предъявляемым к специальной компьютерной технике, является быстрое копирование информационных данных и их экспресс-анализ на месте проведения осмотра [2, с. 127];

- обязательный набор специального компьютерного оборудования и комплектующих (различные компьютерные шины, шнуры, выносные жесткие диски, флэш-накопители информационных данных и т. д.).

Необходимо отметить, что следователь, сотрудники органа дознания могут не обладать специальными познаниями и навыками в компьютерной сфере. В связи с этим при расследовании такой сложной категории преступлений – мошенничество в сфере компьютерной информации, субъектам деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений с точки зрения криминалистической тактики крайне необходимо работать в тандеме со специалистами в компьютерной сфере.

В ходе проведения осмотра места происшествия следователю необходимо зафиксировать обстановку, сложившуюся на момент прибытия следственно-оперативной группы. В этом случае помощь специалиста заключается в определении видов и методов фотосъемки места происшествия, получения комментариев при проведении обзорной и ориентирующей видеозаписи.

Проанализировав уголовные дела, возбужденные по фактам мошенничества в сфере компьютерной информации, приходим к выводу, что местом совершения преступления являются те или иные помещения. Вид помещения обуславливается тем, как совершается преступление: самостоятельно субъектом преступления или в составе группы лиц; сотрудником организации, имеющим доступ к компьютерным сетям, программам и технологиям, или нет и т. д. В связи с этим при проведении фотосъемки места происшествия возникают определенные трудности, связанные с небольшими размерами помещения, занимаемого, в частности, системным адми-

нистратором компании. При проведении панорамной фотосъемки единым кадром не удастся запечатлеть всю обстановку места происшествия по причине его загромождения компьютерной и иной производственной техникой и пр. Использование при проведении осмотра места происшествия при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации видеофиксации дает следователю возможность более подробно и детально зафиксировать как общую картину места, так и его отдельные, содержащие следовую информацию детали места происшествия. Отдельной фиксации заслуживает информация, отображаемая на мониторе компьютера. Одновременно на видео фиксируется весь процесс проведения следственного действия, а также его результаты, выявленные, зафиксированные и подлежащие изъятию материальные следы мошенничества в сфере компьютерной информации.

Перейдем к анализу тактических особенностей проведения такого следственного действия как осмотр компьютерной техники. Тактика первоначального осмотра персонального компьютера, иной компьютерной техники в качестве вспомогательного метода, используемого следователем, фиксирования выявленных в ходе осмотра источников следовой информации, документарных источников информационных данных, а также предметов, представляющих криминалистическую значимость, указывает на необходимость проведения детальной видеосъемки с использованием цифровой видеокамеры с высоким разрешением и цифрового фотоаппарата.

Тактические приемы, используемые следователями для проведения того или иного следственного действия, при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации коррелируются с тактико-техническими характеристиками задействованной ими специальной криминалистической и специальной компьютерной техники. Учитывая достаточно легкую возможность электронным или механическим способом повредить или уничтожить компьютерную информацию, средства ее хранения и обработки, осуществив тем самым сокрытие следов компьютерного преступления, специалисту-криминалисту необходимо знать и неукоснительно соблюдать ряд ограничений при проведении осмотра компьютерной техники и элементов компьютерных сетей, а именно: запрещается использование источников сильного электромагнитного излучения, излучателей ультрафиолетового и инфракрасного спектров, специальных материалов, имеющих кислотную или активную щелочную среду.

К сожалению, приходится признавать, что уровень компьютерной грамотности и профессионализма сотрудников следственных

подразделений, специалистов-криминалистов территориальных ОВД далек от того, чтобы необходимые следственные действия успешно проводились силами самих правоохранителей, без участия привлекаемых специалистов. Данная проблема характерна для мошенничеств в сфере компьютерной информации небольшой и средней тяжести. При раскрытии и последующем расследовании тяжких преступлений, связанных с мошенничествами в сфере компьютерной информации, оперативное сопровождение которых могут оказать сотрудники подразделений «К» территориальных ОВД по субъектам РФ, присутствие при проведении следственных действий специалиста в компьютерной сфере менее значимо или факультативно.

К числу сложностей тактического характера, касающихся участия специалиста в компьютерной сфере в проведении следственных действий при расследовании мошенничеств в сфере компьютерной информации, мы полагаем необходимым отнести угрозу потери криминалистически и доказательственно значимой информации с осматриваемого компьютерного устройства при подключении к нему персонального компьютера специалиста.

Отдельное внимание мы намерены уделить такому специфическому следственному действию, проводимому в ходе расследования мошенничества в сфере компьютерной информации, как осмотр электронного документа на персональном компьютере. К особенностям данного документа можно отнести то, что он имеет электронную природу – создан и хранится на персональном компьютере в формате того текстового редактора, который установлен на конкретном компьютерном устройстве. Стоя на криминалистических позициях, мы вправе выделить две разновидности такого рода электронного документарного источника криминалистически значимой информации:

а) простой документ, содержащийся в электронной форме. Фактически он представляет собой не электронное отображение на экране персонального компьютера текстового документа, фальсифицированной страницы интернет-ресурса, подвергшееся взлому и модификации его содержания письмо, отправленное электронной почтой, и пр. Это определенный объем компьютерной информации, хранимой на жестком (выносном диске, флэш-носителе и пр.) компьютерном диске, зашифрованной специальным программным обеспечением определенным образом. Для человека, его органов чувств данный документ никак не воспринимаем. Для того чтобы следователь смог увидеть на мониторе компьютерную расшифровку такой информации, помимо компьютерного устройства у него должно быть

соответствующее программное обеспечение, позволяющее открыть соответствующий электронный документ. Соответственно, видимое глазами на мониторе компьютера изображение документа и его фактическая электронная природа абсолютно различны. Для фиксации и возможного использования в ходе расследования криминалистически значимого и доказательственного значения данного электронного документа следователю необходимо осуществить скриншот монитора компьютера и последующую его распечатку на принтере, при возможности копирование электронной составляющей документа на съемный носитель информации и ординарную распечатку электронного документа на принтере. Результаты листинга приобщаются к соответствующему протоколу осмотра [4, с. 17].

б) электронная (пластиковая) карта с магнитной полосой (устаревающий и постепенно выходящий из обращения вид) или электронным чипом.

В рамках данного материала мы не ставили цель рассмотреть все имеющиеся тактические особенности в ходе проведения следственных осмотров, но попытались указать наиболее важные из них. И полагаем, что с тактической точки зрения при раскрытии и расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации важным моментом является взаимодействие следователя со специалистами в ходе комплексного исследования объектов.

Список литературы:

1. *Вехов В. Б., Попова В. В., Илюшин Д. А.* Тактические особенности расследования преступлений в сфере компьютерной информации: научно-практическое пособие; изд. 2-е, доп. и испр. Москва: ЛексЭст, 2004.
2. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие в 2 ч. / А. В. Аносов и др. Москва: Академия управления МВД России, 2019. Ч. 1.
3. *Кеннет Р.* Некоторые следы несанкционированного доступа в компьютерные сети // Анализ и оценка информации при выявлении и расследовании экономических и иных преступлений: материалы международной научно-практической интернет-конференции (Н. Новгород, 27 мая 2014 г.) / под ред. А. Ф. Лубина. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015.
4. *Федотов Н. Н.* Форензика – компьютерная криминалистика. Москва: Юридический мир, 2007.

К вопросу об использовании искусственного интеллекта при производстве некоторых видов криминалистических экспертиз

И. В. СТУКАЛИН,

*эксперт отдела баллистических экспертиз и учетов
ЭКЦ ГУ МВД России по Новосибирской области*

Аннотация: в данной статье рассматриваются некоторые правовые и организационные аспекты использования искусственного интеллекта при производстве криминалистических экспертиз, анализируются возможности нейросетевых технологий, которые могут использоваться в судебной экспертизе.

Ключевые слова: *судебная экспертиза; искусственный интеллект; нейросетевые технологии; криминалистика; эксперт; правоохранительные органы; баллистика; габитоскопия; почерковедение; дактилоскопия.*

На сегодняшний день развитие различных информационных технологий движется вперед семимильными шагами. Еще 10 лет назад человечество не могло представить себе, что в 2021 г. будут пользоваться жесткими дисками объемом в несколько терабайт, умещающимися на ладони. Прогресс не обошел ни одну сторону человеческой жизни. В том числе свое развитие получили способы и методы совершения преступлений, что закономерно повлекло за собой прогресс и в способах и методах их раскрытия и расследования. Особо стоит отметить такой аспект борьбы с преступностью, как судебная экспертиза, который является одним из важнейших в деле установления обстоятельств совершения преступления. В данной статье речь пойдет об использовании систем искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности, а именно в рамках производства некоторых криминалистических экспертиз.

Для начала необходимо разобраться с вопросом: что же такое искусственный интеллект в целом.

В основе создания искусственного интеллекта лежат работы ученых-биологов по изучению деятельности мозга отдельных животных. Данное направление в биологии получило название нейробиология, а ученые, работающие в этой сфере, стали, соответственно, нейробиологами. В середине XX в. они установили, что

активность мозга представляет собой взаимодействие огромного количества нейронов на промежутке времени от 2 до 5 миллисекунд. Это открытие легло в основу создания первых искусственных нейронов и объединения их в нейронную сеть. Первая нейросеть была создана в США в 1957 г. ученым Ф. Розенблаттом. Однако очень многие предположения было просто невозможно проверить на практике в силу слабого развития технологий того времени. В 1980-х гг. в США и СССР начались первые серьезные работы по созданию искусственного интеллекта на основе имеющихся нейронных сетей. Стоит отметить, что в те годы электронно-вычислительная техника была более громоздкой, нередко занимая несколько этажей одного здания, а производительность ее была крайне низкой. Ввиду этого говорить в те времена о каких-либо выдающихся прорывах в данной сфере не приходилось. Также не стоит забывать и о том, что данные научные изыскания в большинстве своем проводились в военных целях и, соответственно, были недоступны для большинства людей.

Позже, с созданием более производительных вычислительных систем, ученые снова обратились к решению задач, с которыми человеческий мозг справиться либо не в состоянии, либо требует большого количества ресурсов и времени.

Первые результаты появились через небольшой промежуток времени – первые нейросистемы стали внедряться в различные сферы человеческой жизни: банковскую сферу – системы прогнозирования развития экономической ситуации; сферу обслуживания – система считывания штрих-, QR-кодов и различных документов; медицину – обнаружение и распознавание различных отклонений в работе жизненно важных органов пациента и т. д. Передовые разработки в сфере нейросистем и искусственного интеллекта нашли свое применение и в системе обеспечения безопасности государства.

Не остались вне круга внимания нейросетей и задачи, связанные с производством судебных экспертиз. В настоящее время системы искусственного интеллекта широко используются в рамках системы «Безопасный город», а именно системы идентификации человека по признакам внешности (черты лица, особенности походки, мимики, жестов и т. д.), по сетчатке глаза, по папиллярным узлам, голосу и т. д.

В связи с этим возникает логичный вопрос: а целесообразно ли в XXI в. использовать методы и средства габитоскопии, которые были разработаны еще в прошлом веке? Данные методы требуют несоизмеримо больших трудовых и временных затрат, к тому же выводы, получаемые в результате применения данных методов,

в определенной мере субъективны. Тот же вопрос возникает и применительно к производству фоноскопической экспертизы. Сегодня крупные компании повсю используют системы идентификации человека по его голосу, работающие на основе искусственного интеллекта. Данные системы справляются со своей задачей несоизмеримо быстрее эксперта-фоноскописта.

Внедрение систем искусственного интеллекта в производство баллистических экспертиз на данный момент не нашло своего применения в большей степени по причине нерентабельности: разработка, апробация и непосредственно внедрение довольно дорого обошлись бы государству. Еще одной причиной нерентабельности внедрения систем искусственного интеллекта в производство баллистических экспертиз является то, что сфера его применения в судебной баллистике ограничивается идентификацией оружия по стреляным гильзам и выстреленным пулям (с чем на сегодняшний день довольно успешно справляется автоматизированная баллистическая информационная система «Арсенал»). Остальные же задачи решить без помощи человека считается невозможным. Данное утверждение верно лишь отчасти.

Действительно, АБИС «Арсенал» весьма успешно с точки зрения времени и сточки зрения трудовых затрат справляется с задачами, возложенными на нее. Однако утверждение о том, что для решения других задач судебной баллистики необходимо участие человека, по нашему мнению, является не совсем верным.

К примеру, на исследование поступает гладкоствольное охотничье ружье неустановленной модели. Исследованием требуется ответить на следующие вопросы: каковы марка и модель представленного ружья, является ли оно огнестрельным и пригодно ли данное ружье для стрельбы. Эксперт-баллист должен внимательно его осмотреть, соблюдая требования безопасности, отыскать на нем маркировочные обозначения, которые бы указывали на его марку и модель, проверить его работоспособность и исправность. Затем эксперт приступает к самой опасной части исследования – экспертному эксперименту. В ходе эксперимента из данного ружья производится не менее 3-х выстрелов в специальном помещении, оборудованном приборами дистанционного производства выстрела, пулеулавливателями и стенами, исключающими рикошет. На основании результатов эксперимента эксперт делает вывод о том, пригодно ли данное ружье для стрельбы или же нет. По нашему мнению, с задачами установления марки и модели ружья, отнесения его к категории огнестрельного оружия и с производством стрельбы вполне могут справиться роботизированные установки с система-

ми искусственного интеллекта. Для этого необходимо поместить данные установки в специальное помещение, исключающее ricochet и оборудованное пулеулавливателем и регистратором скорости полета снаряда, обучить искусственный интеллект алгоритмам работы с оружием и технике безопасности. На основе этих исходных данных искусственный интеллект выработает свой алгоритм исследования оружия и будет в состоянии решить описанный выше круг вопросов. Эксперту будет необходимо только поместить оружие в рабочую камеру данной системы и контролировать процесс исследования.

По нашему мнению, это существенно ускорит, обезопасит и упростит работу эксперта-баллиста, что в свою очередь положительно скажется на динамике производства судебно-баллистических экспертиз.

В заключение хотелось бы отметить, что если в нашей стране в ближайшее время не начнутся активные работы по изучению возможностей использования искусственного интеллекта в рамках экспертной деятельности, то в последующем будет достаточно сложно выйти на уровень развития тех стран, в которых уже ведутся работы по данному направлению.

Список литературы:

1. *Ренато М.Е.* Саббатини «Neurons and Synapses The History of Its Discovery». URL: https://cerebromente.org.br/n17/history/neurons5_i.htm (дата обращения: 08.09.2021).
2. *Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М.* Теория судебной экспертизы: учебник. Москва: Норма, 2013.

Преодоление противодействия расследованию преступлений дознавателем в условиях цифровизации общества

В. Н. ТАНГРИЕВА,

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Нижегородская академия МВД России*

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы применения дознавателями современных технических устройств при производстве следственных действий в целях преодоления противодействия при расследовании преступлений. Затрагиваются проблемы возникающие при преодолении противодействия при расследовании уголовных дел в форме дознания.

Ключевые слова: дознание; противодействие; следственные действия; цифровизация; технические устройства.

Одной из важнейших и актуальных проблем отечественного уголовного судопроизводства является противодействие расследованию преступлений. Обладание коррупционными связями и достаточно большой материально-технической базой делает преступность особенно опасной, имеющей возможность оказывать активное противодействие сотрудникам правоохранительных органов при расследовании уголовных дел. К огромному сожалению, этому также способствует ряд таких факторов, как недостаточный уровень профессионализма среди сотрудников правоохранительных органов, кадровый голод в органах внутренних дел, огромный уровень нагрузки и недостаточность материально-технического обеспечения. Указанные причины являются своеобразным порочным кругом, поскольку каждая из них является следствием другой.

Среди ученых-процессуалистов нет единого мнения к определению понятия противодействия преступлению. До настоящего времени не выработано унифицированного подхода к эффективному преодолению этой проблемы. В связи с этим мы предлагаем следующее определение этому явлению. Противодействие предварительному расследованию – это комплекс согласованных между собой мероприятий либо умышленное действие (бездействие) лица или лиц, заинтересованного (заинтересованных) в прекращении

производства расследования в силу своей вовлеченности в это расследование.

Исторически развитие уголовного судопроизводства неразрывно связано с внедрением в борьбу с преступностью новейших достижений науки и техники.

Современная следственная практика показывает, что органам предварительного расследования практически невозможно расследовать преступления без применения рецентных технико-криминалистических средств.

Изучение опыта расследования преступлений следователями органов внутренних дел свидетельствует, что использование технических средств для обнаружения, фиксации, изъятия, сохранения и исследования доказательств по уголовному делу позволяет обеспечить их объективность, наглядность, информационную полноту, защищенность от искажения, фальсификации, уничтожения и подмены.

Регулярное обновление и широкое применение технических средств в расследовании – один из путей качественного и эффективного осуществления данной деятельности и одно из неотъемлемых условий успеха в деле уголовного преследования. Для удостоверительного факта следственных действий необходимо использование аудиовидеозаписи, для сокращения времени поиска объектов, представляющих интерес для уголовного дела, необходимо применять поисковую технику при производстве осмотров места происшествия, обысков. Между тем на практике нередко случается, что при явной необходимости указанные средства не применяются. Недостаточность их использования часто связана не с тем, что подразделения слабо оснащены техническими средствами, а с тем, что уровень знаний, умений и навыков по их применению сотрудников подразделений дознания достаточно низкий. Положительный опыт, который накапливается по вопросам использования современных технических средств, зачастую не доводится до сотрудников подразделений дознания, т. к. ошибочно считается, что категория уголовных дел, расследуемых дознавателями, не требует особой квалификации. Анализ сложившейся практики показывает, что зачастую дознаватели не обладают достаточными знаниями о тактических особенностях производства следственных действий, а также о правильном выборе специалистов, технических средств для целей данного следственного действия, что, конечно же, является недопустимым в современной практической деятельности подразделений дознания. Для решения такого рода задач законодательно предусмотрено участие специалистов. Такими специалистами

могут выступать медицинские работники, строители, технологи, научные сотрудники, эксперты различных учреждений и организаций и др. [1].

Проблема усложняется тем, что в УПК РФ отсутствуют четкие положения, регламентирующие порядок и правила применения технических способов и средств. Они требуют дополнительного толкования и разъяснения.

Соблюдение законности при использовании технических средств – это обязательное принятие мер, предусмотренных нормами законов, регулирующих сферу деятельности правоохранительных органов, а также исполнение этих мер в четком соответствии с положениями законов и подзаконных нормативных актов.

Несмотря на то, что преступления, расследуемые дознавателями, относятся к категории преступлений небольшой и средней тяжести, тем не менее случаи противодействия в практической деятельности дознавателей, как показал проведенный анализ уголовных дел, находившихся в производстве дознавателей Республики Чувашия, Нижегородской области в период с 2015 по 2020 г., встречаются достаточно часто.

Каким же образом можно эффективно провести следственные мероприятия и тем самым противостоять противодействию со стороны защиты?

Хотелось бы обратить внимание на то, что законодатель закрепил в ст. 144 УПК РФ положение о том, что проведение ряда следственных действий возможно до возбуждения уголовного дела. Поэтому целесообразно было бы незамедлительное проведение следственных действий в рамках доследственной проверки с участием лиц, не получивших процессуального статуса. Своевременное проведение следственных действий и получение необходимых объектов для исследования и анализа минимизирует случаи противодействия со стороны лиц, участвующих в следственных действиях.

При доставлении в ОВД в рамках административного задержания граждане проходят криминалистическую регистрацию, которая включает в себя дактилоскопирование при помощи автоматизированной дактилоскопической информационной системы (АДИС).

Одним из видов автоматизированных дактилоскопических информационных систем в Российской Федерации является АДИС «Папилон». АДИС «Папилон» – модульная, масштабируемая система для автоматизации процессов регистрации, обработки, сравнения и отождествления дактилоскопической информации и создания дактилоскопических/мультибиометрических банков данных любого объема и различной целевой направленности. Архи-

текстура АДИС «Папилон» масштабируема от небольшой локальной базы данных дактилокарт и следов на типовом ПК или ноутбуке до гигантских комплексов национального уровня.

Данная система эффективно управляет массивами электронных дактилокарт различных категорий граждан, прошедших обязательную или добровольную дактилоскопическую регистрацию, а также массивами следов пальцев рук и ладоней с мест нераскрытых преступлений (криминалистические АДИС), а также решает ряд задач:

- установления личности граждан по отпечаткам и следам пальцев рук и ладоней, в том числе путем проведения оперативных проверок личности по отisku пальца в режиме реального времени;
- идентификации неопознанных трупов;
- установления причастности лиц к ранее совершенным преступлениям;
- объединения преступлений, совершенных одним и тем же лицом.

АДИС «Папилон» обеспечивает максимальную автоматизацию регистрации дактилоскопической информации в базе данных. Дактилокарты базы данных АДИС «Папилон» хранят изображения прокатанных отпечатков 10 пальцев и оттисков ладоней зарегистрированных лиц, фотоизображения внешности и особых примет, демографическую и иную сопроводительную информацию. Кодирование всех отпечатков дактилокарт выполняется в автоматическом режиме.

АДИС «Папилон» широко применяется в России для автоматизации дактилоскопических учетов, формируемых в рамках выполнения закона «О государственной дактилоскопической регистрации в РФ», в том числе криминалистических учетов. Все крупнейшие российские автоматизированные банки данных дактилоскопической информации федерального, межрегионального и регионального уровня построены на базе АДИС «Папилон». В электронный формат «Папилон» переведены практически все бумажные дактилоскопические учеты страны.

Пользователями АДИС «Папилон» являются МВД России, ФСБ и Пограничная служба ФСБ России, Следственный комитет России, ФСИН России, ФТС России, Министерство обороны России¹.

Указанное дактилоскопирование не является процессуальным и не относится к такому следственному действию, как полу-

¹ Системы Папилон. URL: <https://www.papillon.ru/rus/16/> (дата обращения: 19.05.2021).

чение образцов для сравнительного исследования. Сторона защиты, зная об этом, может заявить ходатайство о признании недопустимым доказательством заключения экспертизы, проведенной с использованием дактокарты, полученной не в результате следственного действия.

Одним из способов преодоления противодействия при получении сравнительных образцов подозреваемым (обвиняемым) в рамках расследования может быть получение условно свободных образцов, например, таких как аудиовидеозапись при проведении различных следственных действий. В этом случае дознаватель обязан перед началом проведения следственного действия предупредить участвующих лиц о фиксации результатов следственного действия при помощи аудиовидеозаписи.

Кроме того, при возникновении противодействия в ходе изъятия образцов для сравнительного исследования необходимые объекты могут быть получены в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий при соблюдении определенных условий:

- направление отдельного поручения органу дознания о проведении следственного действия «Получение образцов для сравнительного исследования» в ходе оперативно-розыскных мероприятий;

- соблюдение правил, касающихся оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, установленных ст. 6, 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹;

- оперативно-розыскные мероприятия должны производиться надлежащим субъектом;

- при проведении оперативно-розыскных мероприятий, связанных с изъятием предметов (документов), необходимо присутствие понятых, поскольку результаты оперативно-розыскных мероприятий должны соответствовать требованиям уголовно-процессуального закона. Поскольку сбор образцов для сравнительного исследования в чистом виде производится достаточно редко и, как правило, свободные образцы изымаются с помощью других оперативных мероприятий, участие понятых только повысит гарантии достоверности полученной информации, в том числе и образцов для сравнительного исследования;

¹ Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– при получении образцов для сравнительного исследования оперативно-розыскным путем должен составляться протокол, который соответствует требованиям, изложенным в ст. 166 УПК РФ;

– результаты оперативно-розыскного мероприятия (образцы для сравнительного исследования и условия их получения: где, когда, у кого, при каких обстоятельствах) должны быть надлежащим образом представлены следователю и в суд;

– в случае получения свободных образцов для сравнительного исследования при производстве обследования жилого помещения должны быть представлены:

1) постановление о передаче этих материалов дознавателю и в суд;

2) постановление оперативного сотрудника, утвержденное начальником органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, о возбуждении перед судом ходатайства о проведении обследования жилого помещения;

3) постановление суда о разрешении проведения обследования жилого помещения;

4) акт обследования (протокол), составленный в соответствии с требованиями ст. 166 УПК РФ;

5) сами предметы, вещества, выступающие в качестве образцов для сравнительного исследования;

6) результаты оперативно-розыскных мероприятий должны быть приобщены к делу на основании постановления. Если с материалами представляются еще и образцы для сравнительного исследования, то они должны пройти режим приобщения к делу вещественных доказательств. Образцы должны быть осмотрены с участием понятых (либо зафиксированы при помощи фотовидео съемки) и в отношении них должно быть вынесено постановление о признании вещественными доказательствами и приобщении их в качестве таковых к уголовному делу. Иными словами, при проведении оперативных мероприятий должны соблюдаться те же требования закона, что и при производстве сходных следственных действий [1].

Одним из примеров судебной практики является апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 июня 2013 г. № 12-АПУ13-2, в котором подтверждается факт обоснованного проведения оперативно-розыскного мероприятия «Сбор образцов для сравнительного исследования», предусмотренного ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», по получению образцов голосов подозреваемых лиц с использованием современных цифро-

вых устройств аудиозаписи. Приведенные выше выводы суда согласуются с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной им в частности в определениях от 16 декабря 2004 г. № 448-О и от 18 апреля 2006 г. № 123-О, в которых указано, что право не свидетельствовать против себя самого не исключает возможности проведения в отношении этих лиц действий, направленных на получение у них и использование в уголовном процессе помимо их воли других объективно существующих материалов, например, образцов голоса, которые могут иметь доказательственное значение. Подобные действия при условии соблюдения уголовно-процессуальным законом процедуры и обеспечения последующих судебной проверки и оценки доказательств не могут быть расценены как недопустимое ограничение гарантированного ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации права, поскольку их совершение предполагает достижение конституционно значимых целей.

Дознавателям при расследовании уголовных дел необходимо учитывать, что техническая оснащенность преступников всегда на порядок выше, чем в органах правопорядка. Поэтому при производстве следственных действий целесообразно применять дополнительные способы фиксации их хода и результатов, используя передовые научные технологии. Важную роль здесь играют современные цифровые аудиозаписывающие устройства. К числу наиболее современных устройств можно отнести цифровые диктофоны серии «Гном», в частности «Гном-Р» Профессионал 8 Гб (STC-H368), который имеет заключение Экспертно-криминалистического центра МВД России о пригодности фонограмм для идентификации лица по его голосу.

Данное устройство ведет запись даже в тех условиях, когда это не под силу обычному диктофону (в условиях удаления записываемого источника, при наличии посторонних шумов). Использование данного технического устройства не позволит стороне защиты оспорить качество записи следственного действия и таким образом ослабит противодействие в указанной ситуации.

Необходимо учитывать тот факт, что противодействие расследованию может также заключаться в отказе потерпевшего или свидетеля сотрудничать с дознавателем. Факт отказа лица выдать образцы для исследования отражается в протоколе следственного действия. Дознаватель должен принять исчерпывающие меры к отысканию свободных образцов этого лица. Кроме того, потерпевшему (свидетелю) необходимо разъяснить положения ст. 117 УПК РФ, согласно которой указанные лица могут быть подвергну-

ты денежному взысканию. В случае отказа потерпевшего (свидетеля) от выдачи образцов для сравнительного исследования дознаватель составляет протокол о нарушении, который направляется в районный суд и подлежит рассмотрению судьей в течение 5 суток с момента его поступления согласно требованиям ст. 118 УПК РФ¹. Изучение практики показало, что данная мера процессуального принуждения дознавателями используется крайне редко. Однако от применения денежного взыскания не следует отказываться, поскольку в некоторых случаях именно эта мера процессуального принуждения с учетом материального положения потерпевшего (свидетеля) была бы более эффективна для предупреждения неисполнения своих обязанностей участниками процесса. Кроме того, за некоторые нарушения (отказ от освидетельствования, получения образцов для исследования и т. п.) не может быть применена никакая другая мера принуждения, кроме денежного взыскания.

Подводя итоги вышесказанному, хочется сказать о том, что противодействие оказывается при расследовании большинства уголовных дел. Дознаватель должен быть готов к тому, что противодействие может быть оказано на любой стадии расследования преступления. В связи с этим важное значение приобретает способность дознавателя знать и эффективно использовать различные методы и приемы противостояния противодействию в различных его формах. Современный дознаватель при борьбе с противодействием расследованию не должен пренебрегать использованием современных цифровых технологий, делая свою работу более качественной и результативной.

Список литературы:

1. *Тангрияева В. Н.* К вопросу о преодолении противодействия при получении образцов для сравнительного исследования // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16-1.

¹ Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Осмотр места происшествия как способ преодоления противодействия расследованию экологических преступлений в современных условиях цифровизации общества

Д. О. ТАРАБРИН,

адъюнкт

*Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя*

В. П. ЛАВРОВ,

главный научный сотрудник,

заслуженный деятель науки Российской Федерации,

доктор юридических наук, профессор

Академия управления МВД России

Аннотация: в статье рассматриваются роль криминалистики в обеспечении раскрытия и расследования экологических преступлений, особенности осмотра места происшествия как способа выявления и преодоления противодействия расследованию указанной категории преступлений в условиях начавшейся цифровизации общества, применение новейших технических и технологических разработок, направленных на фиксацию результатов следственного осмотра и их использование в расследовании указанных преступлений.

Ключевые слова: *осмотр места происшествия; экологические преступления; негативные обстоятельства по делам об экологических преступлениях; цифровизация как фактор в использовании результатов осмотра.*

Президент Российской Федерации (далее – РФ) В.В. Путин 29 марта 2021 г. обсудил с членами Совета безопасности меры борьбы с экологическими преступлениями, отметив этот вопрос исключительно важным. Также были рассмотрены меры по совершенствованию деятельности контрольно-надзорных и правоохранительных органов по пресечению правонарушений в сфере природопользования. Президент подчеркнул, что экологическая ситуация на территории РФ представляет большое националь-

ное значение¹. При этом необходимо указать, что согласно Указу Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» экология живых систем и рациональное природопользование определены в качестве одного из стратегических рациональных приоритетов.

Статистические данные ГИАЦ МВД России показывают, что за 2020 г. зарегистрировано 22,7 тыс. экологических преступлений, что на 2 % больше, чем за аналогичный период 2019 г.²

В настоящее время охрана окружающей среды составляет одну из главных сфер в деятельности государства. На это указывает ст. 42, закрепленная в Конституции РФ: «каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическими преступлениями».

Также нельзя оставить без внимания само понятие «экологические преступления». Хотелось бы отметить, что на сегодняшний день, несмотря на многочисленные, в том числе криминалистические, исследования в сфере экологии, законодательной регламентации определение «экологические преступления» так и не получило и не имеет разъяснения в Уголовном кодексе РФ, в отличие от других преступлений. Однако в научной юридической литературе выдвигаются различные определения, соответствующие понятию «экологические преступления», такими исследователями, как Б. В. Яцененко, А. И. Чучаев, Э. Н. Жевлаков, Е. В. Фролова [7].

М. А. Васильева в своей монографии, посвященной методике расследования преступлений в сфере экологии, отмечает, что ученые криминалисты единодушно согласны со значимой ролью такого следственного действия, как осмотр места происшествия при расследовании преступлений указанной категории. Между тем 38,8 % опрошенных следователей, в производстве которых находились уголовные дела, связанные с преступлениями в сфере экологии, пояснили, что из самых сложных следственных действий был осмотр места происшествия [5, с. 88].

При совершении любого преступления происходит изменение окружающей обстановки, что выражается в следовой информации.

¹ Обсуждение Президента РФ с членами Совета безопасности борьбы с экологическими преступлениями от 29 марта 2021 г. URL: https://yandex.ru/news/story/Vladimir_Putin_obsudil_schlenami_Sovbeza_RF_pravonarusheniya_vsfer_e_prirodopolzovaniya (дата обращения: 10.08.2021).

² Состояние преступности за январь – декабрь 2020 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184> (дата обращения: 25.08.2021).

Осмотр места происшествия по экологическим преступлениям, в том числе и по другим видам преступлений, относится к числу первоначальных неотложных следственных действий, направленных на обнаружение, изучение, фиксацию, изъятию объектов и материальных следов, которые в дальнейшем могут иметь отношение к происшедшему событию. Из этого можно сделать справедливый вывод, что осмотр является сложным и трудоемким следственным действием, имеющим огромное значение для расследования преступлений, в том числе в вышеуказанной категории.

А. Ф. Волынский справедливо заметил, что осмотр места происшествия, по единодушной оценке ученых-криминалистов и практиков, дает наибольший объем исходной информации, способствующей как розыскной, так и поисковой деятельности следователя [3].

Следует отметить, что работа следователя (дознателя) и иных участников на месте осмотра происшествия достаточно полно освещена такими учеными-криминалистами, как И. А. Фомина, В. В. Егошин, Ю. Д. Тебиев, А. А. Бессонов, М. А. Васильева, В. П. Лавров, О. А. Петрухина, А. В. Одерий, Р. С. Белкин, В. А. Попов, В. А. Косых, Е. А. Щуров, С. В. Унжакова и др.

Отметим важное обстоятельство: кроме общеизвестных экологических преступлений, например, таких как разлив топлива в Норильске, разлив нефтепродуктов на месте схода грузового поезда во Владимирской области, имеют место менее значительные преступления по своему ущербу. Они не находят своего отражения в средствах массовой информации, однако при этом составляют большую часть от всех совершенных преступлений данной категории.

Так, Г., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ст. 262 УК РФ, совершил нарушение режима особо охраняемой государством природной территории при следующих обстоятельствах: 27 сентября 2019 г. в первой половине дня, находясь вблизи улицы Ватутина поселка Загорянский Щелковского района Московской области, вошел в лесной массив выдела № 26 квартала № 5 Щелковского Национального парка «Лосиный остров», являющегося в соответствии с ч. 5 ст. 2 Федерального закона от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»¹. Г. из корыстных побуждений, осознавая противоправный характер своих преступных действий, при помощи принесенных с собой штыковой лопаты, топора, ручной пилы и садовых ножниц выко-

¹ Об особо охраняемых природных территориях [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

пал траншею с целью извлечения из грунта медного кабеля для его дальнейшей реализации в пункте приема цветных материалов. Вследствие этого Г. своими действиями намеренно повредил древесно-кустарниковую растительность с диаметром стволов до 6 см. Также, повредив при этом структуру почвенного покрова площадью 13, 6 кв. м., совершил нарушение режима особо охраняемой государством природной территории федерального значения – Национального парка «Лосиный остров». Ущерб составил 67 543 рубля, который в соответствии с примечанием к ст. 262 УК РФ является значительным для ФГБУ Национальный парк «Лосиный остров». Прибывшим сотрудникам полиции удалось своевременно задержать Г. на месте вырытой траншеи. В дальнейшем была вызвана следственная оперативная группа, которая произвела осмотр места происшествия при взаимодействии с государственными лесными инспекторами ФГБУ Щелковского Национального парка «Лосиный остров», которые оказали содействие в установлении границ осмотра экологического происшествия. При осмотре места происшествия сотрудниками полиции были изъяты орудия совершения преступления: штыковая лопата, топор, ручная пила, садовые ножницы. Также сотрудниками правоохранительных органов была составлена схема самого места происшествия, произведена фотосъемка обстановки места экологического происшествия¹.

Данный пример наглядно иллюстрирует, как произведенный своевременно и компетентно осмотр места происшествия позволил избежать сотрудникам правоохранительных органов таких приемов противодействия со стороны обвиняемого Г., как дача ложных показаний, отказ от дачи показаний, уничтожение следов преступления.

Правоохранительные органы в процессе раскрытия и расследования преступлений встречаются с противодействием, которое направлено на воспрепятствование установлению истины по уголовному делу. Сфера окружающей среды не стала исключением. Так, проблемы выявления и преодоления изучались многими учеными криминалистами, такими как Р.С. Белкин, В.П. Лавров, А.Ф. Волынский, В.Н. Карагодин, И.М. Лузгин, Л.В. Брусницын, Л.А. Зашляпин и др.

В.Л. Лавров и Б.Я. Гаврилов дают понятие противодействию расследованию преступлений как совокупности умышленных противоправных и иных действий со стороны преступников (а также связанных с ними лиц), направленных на воспрепятствование дея-

¹ Приговор Щелковского городского суда Московской области № 1-67/2020 (1-712/2019).

тельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний и установлению истины по делу [6, с. 9].

Нужно отметить, что специфичными отличиями преступлений вышеуказанной категории от других преступлений общеуголовной направленности являются:

1. Наличие труднопреодолимых препятствий (болот, горных цепей, водных преград), что может в ряде случаев стать опасным для участников следственно-оперативной группы.

2. Множественность объектов, подлежащих осмотру, при этом их удаленность друг от друга, что требует определения границ осмотра.

3. Большая информативность осмотра в том случае, если преступление было совершено группой лиц.

4. Быстрое изменение следственной обстановки, возможность утраты следов, которые под воздействием сил природы могут быть безвозвратно утрачены.

5. Недостаточное освещение при производстве осмотра места происшествия в вечернее и ночное время.

Все это ставит перед криминалистикой XXI в. новые задачи.

Ю. В. Гаврилин, И. И. Колесников, А. А. Бульбачева отмечают необходимость на сегодняшний день использования новых способов проведения следственных действий с применением современной техники и информационно-коммуникационных технологий, что будет способствовать преодолению противодействий при раскрытии и расследовании преступлений данной категории. Например, в настоящее время одним из перспективных способов получения изображения с места происшествия является применение беспилотных летательных аппаратов. Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастыркин указывает на значимость применения подобных устройств. В его подразделениях они уже используются для обеспечения производства осмотров мест происшествия, в том числе по вышеуказанным категориям преступлений. Преимуществом аппаратов является возможность получения цифровых изображений мест, куда нередко прохождение затруднено или напрямую опасно для участников следственно-оперативной группы. Также следует заметить, что для проведения качественного осмотра места происшествия необходимо точно определить границу самого осмотра места происшествия, соответственно, это может сделать специалист дистанционно, управляя посредством специализированной компьютерной программы самим летательным аппаратом. Есть еще ряд достоинств таких летательных аппаратов: их универсальность, надежность

и оснащенность цифровыми камерами высокого разрешения, что позволяет получить визуальную информацию об обстановке места экологического происшествия [1, с. 85–87].

Еще пример из следственной практики. 4 февраля 2019 г. около 16 часов 45 минут П. совместно с Н. прибыли на участок леса охотничьего угодья Ибресинского района и совершили незаконный отстрел самца лося. При помощи ножей они произвели разделку туши лося (сняли шкуру, удалили внутренности, отделили голову от туловища, тем самым вдвоем произвели свеживание убитого лося), после чего для последующего беспрепятственного вывоза с места совершения преступления спрятали разделанные части туши лося в указанном месте, прикрыв их снегом. Однако прибывшие сотрудники полиции по факту стрельбы в лесном массиве перекрыли единственный выезд легковым автомобилям из лесхоза (лесную дорогу). При этом трактор под управлением Н. не остановился на требования сотрудников полиции, объехав при этом служебные автомобили сотрудников, и попытался скрыться, однако увяз в снегу. В результате П. и Н. были задержаны сотрудниками полиции. Задержанные оказались жителями Алатырского района города Чебоксары, которые являлись зарегистрированными охотниками и при себе имели оружие – охотничьи карабины «Сайга» и «СКС». П. и Н. пояснили сотрудникам полиции, что решили проверить в лесу свои ружья и пострелять. Факт незаконной охоты отрицали. На одежде П. и Н., а также на охотничьих ножах, в кабине трактора были обнаружены следы крови, шерсти, волокна мяса. П. и Н. пояснили, что кололи домашних животных. По следам лыж сотрудники полиции обнаружили тушу лося, разделенную на несколько частей, голову и внутренние органы, которые находились под снегом. Начальником отдела полиции было принято решение произвести второй осмотр места происшествия с привлечением специалистов Минприроды с металлоискателем, чтобы изъять все возможные материальные следы незаконной охоты при свете дня. При производстве осмотра места происшествия под покровом снега были обнаружены три гильзы и один фрагмент пули. Экспертиза подтвердила, что животное было убито из оружия, изъятого в ходе осмотра. Для определения границ осмотра места происшествия в лесном массиве, а также обнаружения следов протектора шин от трактора применялся квадрокоптер. Своими действиями в результате незаконной охоты на лося П. и Н. нанесли особо крупный ущерб на сумму 240 000 рублей. Необходимо отметить, что по указанию главы МВД по Чувашской Республике в целях профилактики незаконной охоты или

вырубки лесных насаждений стал применяться комплекс беспилотных летательных аппаратов¹.

Помимо точного определения границ осмотра места происшествия возникает необходимость определить места и объекты, на которые необходимо обратить особое внимание со стороны участвующих лиц. Для этого требуются специальные знания, т. к. не всегда профессиональный опыт следователя, а также эксперта делает это возможным. Присутствие соответствующего специалиста не всегда представляется возможным ввиду ряда сложившихся обстоятельств. Например, возникает альтернатива традиционному осмотру места происшествия – интерактивный осмотр места происшествия, общение-онлайн (например, через скайп либо приложение WhatsApp). Суть осмотра места происшествия, задачами которого является фиксация обстановки и выявления следов преступлений, по данной категории дел остается без изменений. Применим интерактивный осмотр места происшествия в случаях, когда нет возможности прибыть специалисту на осмотр в короткие сроки для оказания консультативной помощи молодым специалистам, следователю, эксперту, оперуполномоченному, а также когда выезд специалиста невозможен ввиду плохих погодных условий, когда его жизни может угрожать опасность. Проблемами в использовании такого способа осмотра места происшествия являются недостаточная теоретическая разработанность единой тактики проведения интерактивного осмотра, недостаточная техническая оснащенность правоохранительных органов техникой и технологиями, которые могли позволить осуществлять в формате онлайн, отсутствие процессуальной регламентации и законодательной нормы, регламентирующей этот процесс [2, с. 51–55].

В. П. Лавров в учебном пособии по расследованию нераскрытых преступлений прошлых лет справедливо замечает, что следователю (дознавателю) в сложных случаях при расследовании преступлений, в том числе применимо в сфере экологии, решать вопрос об использовании специальных знаний помогает консультация с высококвалифицированным специалистом в соответствующей области знания. Также особое внимание следователям (дознавателям), следует обращать на то, соблюдены ли все требования по постановке на криминалистический учет изъятых значимых объектов. Следует помнить о современных возможностях использования системы уголовной регистрации, связанной с появлением новых, весьма пер-

¹ Официальный сайт МВД России URL: <https://мвд.пф/news/item/15850348> (дата обращения: 29.08.2021).

спективных учетов. Речь идет о необходимости государственной геномной регистрации, учете преступников по их западовым следам [4, с. 22].

Таким образом, осмотр места происшествия как неотложное следственное действие является одним из действенных способов преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений в сфере экологии. В то же время для следователя (дознателя) необходимо разработать обобщенное практическое пособие по осмотру места происшествия по двум группам экологических преступлений: экологические преступления, связанные с незаконным изъятием природных ресурсов и не связанные с таким изъятием. По нашему мнению, практическое значение имеет руководство для следователя и дознателя под редакцией О.И. Цоколовой. В каждой главе этого руководства есть ряд необходимых рекомендаций для следователя (дознателя) по тактике осмотра места происшествия, но они при этом не обобщены в отдельное практическое пособие по смотру места происшествия указанной выше категории. Следует принять во внимание, что в настоящем руководстве отсутствует глава о методике расследования незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), тем не менее данное преступление является самым часто встречающимся среди экологических правонарушений. На наш взгляд, следует внедрять в учебный процесс информационные компьютерные технологии в целях его обеспечения, например, при изучении криминалистической тактики по осмотру места происшествия указанной категории преступлений; использовать компьютерные тренажеры для отработки навыков и умений производства такого типа следственного действия. Применение таких средств позволит работать с каждым обучающимся индивидуально, что даст возможность закрепить знания и применять их уже в своей практической деятельности при производстве осмотра мест происшествия. Так, например, применять их в случае производства со стороны следователя (дознателя) иных следственных действий, указанных в уголовно-процессуальном законе. Это позволит получить допустимые доказательства по уголовному делу.

Подводя итог, следует отметить, что в программе курсов, направленных на подготовку следователей (дознателей), особенностям тактики осмотра мест экологических происшествий явно уделяется недостаточно теоретических и практических часов.

Список литературы:

1. *И.И. Колесников, А.А. Бульбачева.* Инновационный подход к проведению осмотра места происшествия с использованием передовых технологий // Организация деятельности органов предварительного расследования преступлений. 2018. № 4 (5).
2. *Королева Д.В.* Осмотр места происшествия с аутсенсуальными участниками следственного действия как новейшая криминалистическая технология современного периода // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 21.
3. Криминалистика: учебник для вузов / под. ред. А. Ф. Волынского. Москва: ЮНИТИ–ДАНА, 2020.
4. *Лавров В.П.* Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет: учебное пособие. Москва: Академия управления МВД России, 2013.
5. Методика расследования преступлений в сфере экологии: монография / под. ред. заслуженного деятеля науки РФ, д-ра юрид. наук., проф. В. П. Лаврова. Москва: Юрлитинформ, 2021.
6. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебник для вузов / под общ. ред. Б.Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. Москва: Юрайт, 2018.
7. *Фролова Е. В.* К вопросу об определении понятия «экологического преступления» // Вестник Югорского Государственного Университета. 2016. № 1 (40).

Преодоление противодействия расследованию жестокого обращения с животными в условиях цифровой трансформации

Р.Р. ТЕБИЕВ,

*адъюнкт 3-го факультета
Академия управления МВД России*

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы противодействия расследованию применительно к делам о жестоком обращении с животными. Проводится анализ влияния цифровой трансформации преступности на способы противодействия по делам данной категории и предлагаются некоторые приемы преодоления противодействия расследованию.

Ключевые слова: *жестокое обращение с животными; противодействие расследованию; цифровая трансформация; преодоление противодействия.*

Проблемам противодействия расследованию преступлений большинством ученых криминалистов уделяется значительное внимание. Обусловлено это целым рядом факторов, среди которых является то, что практически ни одно преступление не обходится без каких-либо действий подозреваемого и иных лиц, направленных на воспрепятствование деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Не стало исключением и такое преступление, как жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ). Приведем данные официальной статистики ГИАЦ МВД России. Так, с 2016 по 2021 г. неизменно количество уголовных дел, приостановленных по п. 1 и п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого и в связи с тем, что подозреваемый и обвиняемый скрылся) в два раза превышает количество успешно расследованных и направленных в суд уголовных дел¹. В связи с этим с большой долей вероятности можно утверждать, что указанная статистика является следствием в том числе противодействия расследованию.

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 г. URL: mvd.rf/reports/item/19412450 (дата обращения: 02.05.2021).

В науке криминалистике имеется немало работ, посвященных определению понятия противодействия, его содержанию, структуре, кругу субъектов, типичных приемов и т. д. Не вдаваясь в дискуссию и не ставя цели развернутого анализа понятия и исторической ретроспективы проблем противодействия расследованию, отметим наиболее важные аспекты становления учения о противодействии расследованию. Общепринято считать, что становление и развитие рассматриваемого учения происходило в 3 этапа. На первом этапе (1930–1970 гг.) рассмотрением отдельных вопросов противодействия занимались такие ученые, как И. Е. Быховский, А. В. Дулов, А. Р. Ратинов и др. [3, с. 13]. Следующий этап (1970–1992 гг.) ознаменован появлением работ Р. С. Белкина, В. Н. Карагодина, И. М. Лузгина, В. П. Лаврова. Позже уже появились работы А. Ф. Волынского, Э. У. Бабаевой, И. А. Николайчука, Б. Я. Гаврилова, И. В. Тишутин и др. [3, с. 15].

В ходе научной проработки учения о противодействии расследованию, раскрытия его сущности и содержания, а также других аспектов, учеными неоднократно давались различные определения противодействия расследованию. Автор данной статьи придерживается определения, предложенного Б. Я. Гавриловым и В. П. Лавровым, в соответствии с которым под противодействием расследованию преступлений понимается совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников (а также связанных с ними лиц), направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний [3, с. 18].

Отдельные аспекты учения о противодействии расследованию, а также меры по его преодолению в последнее время неразрывно рассматриваются и при разработке частных криминалистических методик расследования преступлений отдельных видов. В частности, с учетом особенностей конкретного преступления рассматриваются типичные субъекты противодействия, приемы, меры по его выявлению и преодолению, криминалистическая характеристика и т. д.

Говоря о цифровой трансформации преступности и ее влиянии на противодействие расследованию жестокого обращения с животными, считаем целесообразным сначала разобраться в том, что такое цифровая трансформация преступности и какое влияние она оказывает на развитие методических рекомендаций по расследованию преступлений и на криминалистику в целом.

Цифровая трансформация преступности, по мнению Ю. В. Гаврилина, проявляется в продолжающемся на протяжении ряда лет

росте числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [1, с. 123]. Связанные с ней цифровизация способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений, увеличение преступлений, совершенных дистанционным способом, а также совершенных в сети Интернет, является тому доказательством. В качестве яркого примера цифровой трансформации преступности можно привести преступления в сфере незаконного оборота наркотиков: сбыт наркотиков стал происходить бесконтактным способом на интернет-площадках, на которых также можно приобрести фальшивые купюры денежных средств, поддельные документы и т. д. Оплата за незаконные товары также происходит бесконтактным способом с применением технологий, не позволяющих идентифицировать лица. После того, как пользователь оплатил наркотическое средство, он получает сведения о месте нахождения закладки – тайника, где находятся запрещенные вещества.

Кроме того, следствием цифровой трансформации является совершенствование способов сокрытия преступлений, в частности использование средств анонимизации личности в сети Интернет, использование криптовалют для оплаты различного рода преступных действий, формирование рынка противоправных услуг в сети Интернет и т. д.

Таким образом, цифровизация преступности оказывает серьезное влияние на механизм совершения многих преступлений, возникших как до развития цифровых технологий, так и непосредственно связанных с развитием информационно-телекоммуникационных технологий. В связи с этим требуется и развитие существующих криминалистических знаний с учетом особенностей цифровой трансформации преступности, в том числе и развитие учения о противодействии расследованию преступлений.

Говоря о противодействии расследованию жестокого обращения с животными и влиянии цифровой трансформации, необходимо отметить, в каком именно аспекте оно проявляется применительно к данному виду преступлений.

По результатам изучения материалов уголовных дел о жестоком обращении с животными нами выявлены некоторые приемы противодействия, характерные для данного вида преступления и явившиеся прямым следствием влияния цифровой трансформации преступности. Прежде всего такие приемы противодействия заключаются в сокрытии данных о личности, опубликовавшей в сети Интернет фото – и видеоматериалы жестокого обращения с животными, а именно: сокрытие лица преступника с использова-

нием компьютерных технологий, указание недостоверных анкетных данных при регистрации в социальных сетях, использование сервисов, не позволяющих идентифицировать личность (использование специальных браузеров, подмена IP-номеров), использование закрытых площадок для опубликования преступных действий, вход на которые ограничен и возможен с одобрения администратора. Таким образом, справедливым видится вывод о том, что цифровизация расширяет возможности для противодействия расследованию.

Тем не менее любое противоправное действие, совершенное в сети Интернет, в том числе и противодействие расследованию в форме сокрытия преступлений на примере жестокого обращения с животными, влечет возникновение криминалистически значимой информации в электронной форме. Основной задачей в данном случае является разработка технологий и внедрение практических рекомендаций по их применению, направленных на поиск и изъятие таких электронных следов.

Преодоление противодействия расследованию является важным аспектом деятельности следователя, позволяющим в конечном итоге достичь цели уголовного судопроизводства и привлечь виновное лицо к уголовной ответственности. Сегодня активно разрабатываются и совершенствуются приемы преодоления противодействия расследованию, когда оно осуществляется с использованием цифровых технологий, в том числе в сети Интернет. Данные приемы преодоления противодействия можно использовать и при расследовании жестокого обращения с животными, и связаны они в большинстве своем с обнаружением и изъятием цифровых следов преступления в сети Интернет. Так, например, из социальной сети были изъяты переписки и иные данные живодеров, совершивших более 15 расправ над животными, публиковавших фото – и видеоматериалы своих преступных действий под вымышленными именами, обсуждавших между собой в личных переписках результаты своих преступлений и строивших планы на дальнейшее совершение преступлений [2]. Кроме того, анализ публикуемого на личной странице в сети Интернет материала позволяет выявить характеризующие личность сведения, круг его общения, интересы и т. д. Также, используя личную страницу в социальной сети, можно получить номер мобильного телефона лица, как правило, указываемого им при регистрации. Кроме того, имеются также и иные случаи, когда личности преступников, публиковавших свои преступные действия в сети Интернет, были установлены.

Одним из следственных действий, проводимых в обозначенных ситуациях, наряду с выемкой, является следственный осмотр. Осмо-

тру подлежат такие электронные носители информации, как смартфоны, ноутбуки, персональные компьютеры, флеш-накопители и т. д. По делам о жестоком обращении с животными, как правило, фиксация преступных действий происходит на видеокамеру смартфона с последующим опубликованием в сети Интернет. Более подробно организационные, тактические и процессуальные аспекты осмотра электронных носителей информации изложены в монографии под редакцией А. М. Багмета «Цифровые следы преступлений» [4, с. 23]. В частности, процесс фиксации информации, размещенной в сети Интернет, должен соответствовать следующим требованиям: привлечение к участию в следственном действии понятых, обязательное описание в протоколе осмотра (обыска, выемки) содержимого и реквизитов цифровой информации, точное описание проведенных операций по обнаружению информации и использованной техники и др.

Значительную помощь в борьбе с цифровой трансформацией преступности оказывает государство. Были приняты изменения в законодательстве Российской Федерации, в частности в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» введены нормы о том, что владельцы сайтов должны осуществлять мониторинг публикуемой информации, содержащей сведения о преступлении, и предоставлять эту информации по запросу правоохранительным органам. Схожие нормы имеются и в Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Целесообразно было бы также и введение в действие нормы, согласно которой регистрация в социальной сети станет возможной только после подтверждения лицом подлинности указанных им данных. Кроме того, значительный шаг в борьбе с цифровой трансформацией преступности был сделан со вступлением в силу Указа Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹.

В заключение необходимо отметить, что цифровая трансформация преступности в последнее время оказывает значительное негативное влияние на состояние преступности в Российской Федерации. Это проявляется в появлении новых и совершенствовании старых способов совершения и сокрытия преступлений, сокрытии

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. Доступ из спав.-правовой системы «КонсультантПлюс».

данных о личности преступника, легализации и отмывании денежных средств и т. д. Разработка же криминалистических приемов борьбы с данным явлением, в том числе и приемов преодоления противодействия расследованию, должна стать одним из приоритетных направлений развития науки криминалистики.

Список литературы:

1. *Гаврилин Ю.В.* Противодействие цифровой трансформации наркопреступности (по итогам Всероссийского онлайн-семинара) // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56).
2. Интернет-проект «Спасите животных». URL: <https://save-animals.info/archives/4094> (дата обращения: 20.04.2021 г.).
3. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению / под общ. ред. Б.Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. Москва: Юрайт, 2017.
4. Цифровые следы преступлений: монография / Б.А. Багмет, В.В. Бычков, С. Ю. Скобелин, Н.Н. Ильин. Москва: Проспект, 2021.

Применение информационных технологий при решении задач судебной ботанической экспертизы

А. Н. ХОХ,
*заведующий лабораторией исследования
материалов, веществ и изделий
научного отдела технических, криминалистических
и специальных исследований
Научно-практического центра
Государственный комитет судебных экспертиз
Республики Беларусь*

Аннотация: в статье проанализированы современное состояние и перспективы автоматизации судебной ботанической экспертизы, приведено описание двух разработанных специализированных средств, рассмотрены их назначение, состав, структура и функции. В результате сделан вывод о том, что внедрение в экспертную практику современных информационных технологий и оптимизация их применения позволит вывести на качественно новый уровень возможности дендрохронологических и палинологических экспертных исследований.

Ключевые слова: *автоматизация; судебная ботаническая экспертиза; дендрохронологический анализ; палинологический анализ; автоматизированное рабочее место; справочная информационно-поисковая система.*

Одной из главных задач в выявлении, расследовании и предупреждении преступлений является широкое внедрение специально разработанных научных методов и технических средств в практику борьбы с преступностью. Отношения, которые складываются в рамках осуществления судебно-экспертной деятельности, не являются исключением.

В настоящее время в области судебной экспертизы осуществляются широкие исследования по автоматизации анализа информации о вещественных доказательствах, благодаря чему достигаются важные результаты: повышается точность результатов исследования, снижается время проведения экспертизы [1–3].

Следует отметить, что отдельные виды экспертных исследований находятся на разных стадиях разработки программирован-

ного решения экспертных задач. Эффективность этого процесса во многом зависит от наличия заранее разработанного перечня производимых экспертом операций и последовательности их выполнения, по сути представляющих программу проведения экспертизы.

В судебной ботанической экспертизе (далее – СБЭ) в связи с широтой информационного поля ее объектов внедрение информационных технологий особенно актуально. Автоматизация данного вида экспертиз, по нашему мнению, должна базироваться на основе использования как готовых устройств и программ по сбору и обработке экспериментальных ботанических данных, так и на разработке собственных специализированных продуктов, ориентированных на решение специфических задач СБЭ.

При этом следует учитывать, что объекты СБЭ отличаются структурной сложностью, и их анализ требует экспертной интерпретации выявленных свойств, как изначально присущих, так и приобретенных в связи с расследуемым преступлением. Рассматривая основные направления автоматизации отдельных этапов исследования в экспертной и научной деятельности, необходимо отметить, что их роль во многом зависит от особенностей исследуемых объектов, специфики решаемых экспертных задач, комплекса применяемых методов исследования. Так, при решении задач судебной ботанической экспертизы (независимо от объектов исследования) требуются в той или иной мере сбор и обработка экспериментальных данных и последующий их анализ.

В Республике Беларусь в большинстве случаев объектами судебно-ботанического экспертного анализа становятся древесина, в т. ч. лесоматериалы, а также пыльца растений и споры грибов. Потребность в проведении таких экспертиз с каждым годом возрастает. Вследствие этого внедрение информационных технологий в СБЭ идет по двум основным направлениям:

- дендрохронологическому;
- палинологическому.

Дендрохронологический анализ применяется при проведении СБЭ с целью установления возраста дерева, сроков его гибели или рубки, определения жизненного состояния и экологических условий произрастания, отождествления участка местности, на котором выросло исследуемое дерево. Решение вышеуказанных задач представляет собой длительный и трудоемкий процесс и в подавляющем большинстве случаев базируется на предварительной переработке большого объема информации и проведении сложных расчетов,

выполнение которых обычными средствами требует длительного времени. В связи с этим в ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» (далее – Центр) для сокращения временных затрат на проведение экспертиз, требующих осуществления дендрохронологического анализа, было разработано автоматизированное рабочее место (далее – АРМ) «DendroExp».

АРМ «DendroExp» состоит из двух частей:

а) серверная часть, обеспечивающая хранение информации по умолчанию в базе Sybase Adaptive Server Anywhere 9.0, которая представляет собой специализированную СУБД для DSS. Она обеспечивает повышение производительности при обработке запросов в 10 – 100 раз по сравнению с традиционными реляционными СУБД, сжимает базы данных, а также позволяет существенно сократить расходы на внедрение и эксплуатацию;

б) клиентская часть, предназначенная для ведения всей необходимой информации пользователя на его компьютере. В ней реализован ряд основных функций:

- ввод сопроводительной информации, предоставленной инициатором, о направленных на исследования объектах;
- ввод цифровых изображений образцов древесины и улучшение их характеристик;
- выполнение автоматизированного ввода и обработки первичных дендрохронологических данных (рис. 1);

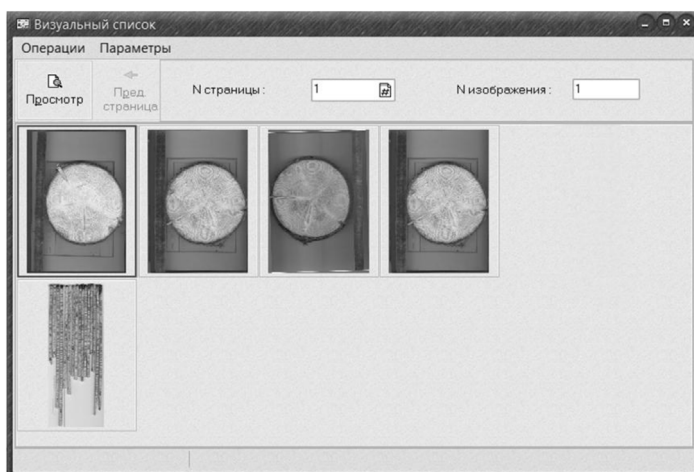

Рис. 1. Визуальный список изображений образцов древесины, внесенных в АРМ «DendroExp»

– автоматизация методов статистической и математической обработки дендрохронологической информации в зависимости от решаемых экспертных задач;

– проведение сравнительных исследований по установлению принадлежности двух фрагментов древесины к одному целому при наличии или отсутствии общей линии разделения путем функции наложения с указанием коэффициента корреляции;

– визуализация полученных результатов в тексте заключения или фототаблице;

– создание специализированных банков данных, необходимых для работы информационно-поисковых систем различного профиля [4].

Эксплуатация АРМ «DendroExp» началась в 2017 г. и показала, что его использование обладает большим преимуществом, поскольку:

– сокращаются затраты рабочего времени на проведение одной экспертизы. Так, если раньше эксперт тратил на исследование одного образца в среднем 10–15 минут, то теперь 1–2 минуты.

– эксперты освобождаются от нетворческих элементов работы;

– обеспечивается методическое единообразие в решении экспертных задач.

Наконец, применение АРМ существенно повышает объективность выводов экспертов, нивелируя так называемый субъективный момент.

Спорово-пыльцевой анализ используется в решении диагностических задач, связанных с установлением территории по характеру растительности, при определении времени совершения преступления. С 2017 г. впервые в экспертной практике Беларуси проводятся по разработанной в Центре методике исследования пыльцы и спор растений с целью отнесения к одной или к разным партиям наркотических средств, изготовленных из растительного сырья, а также курительных смесей, содержащих в своем составе синтетические каннабиноиды («дизайнерские» наркотики, спайсы).

Эффективность метода спорово-пыльцевого анализа в огромной степени зависит от точности определения таксономической принадлежности пыльцевых и споровых зерен. Необходимо отметить тот факт, что экспертам приходится исследовать разнообразные объекты, содержащие пыльцу и споры различных таксонов. Сведения, необходимые для их определения, рассредоточены в большом количестве источников, причем некоторые работы к сегодняшнему дню уже стали библиографической редкостью [5–7], а новые данные по изучению морфологии пыльцы и спор опубликованы в раз-

личных периодических изданиях и источниках, доступ к которым зачастую является закрытым. В связи с этим эксперты, не имея возможности постоянно пользоваться всеми источниками, содержащими сведения по морфологии пыльцы и спор, при проведении аналитической работы в ходе выполнения спорово-пыльцевого анализа испытывают известные затруднения в определении таксономической принадлежности пыльцевых и споровых зерен.

На основании вышеизложенного становится понятно, что на сегодняшний день автоматизация палинологических экспертных исследований представляет собой объективно обусловленный процесс. Наиболее актуальным ее направлением является создание электронных справочных информационно-поисковых систем (далее – СИПС).

В 2018–2019 гг. для оптимизации проведения палинологических экспертиз в Центре на основе технологии Windows Presentation Foundation была разработана СИПС «PalExp» [8]. Ее основу составляют категории учета «Определитель», «Ключ», «Экспертиза», «Справочная информация», оптимизированные в соответствии с требованиями и задачами палинологических экспертных исследований (рис. 2).

Рис. 2. Окно категории учета «Определитель»
(выбрана вкладка травянистые)

В СИПС поиск осуществляется не только по таксономическим, но и по морфологическим критериям. Составив краткое описание пыльцевого зерна и основных выявленных морфологических кри-

териев в поля поиска, получаем относительно ограниченный набор таксонов, среди которого уже значительно легче ориентироваться.

Следует отметить, что использование АРМ «DendroExp» и СИПС «PalExp» не ограничивается только лишь экспертной работой. Широкие возможности открываются и для научных исследований, например, связанных с многолетними систематическими исследованиями пыльцы и спор в составе атмосферы города или с оценкой воздействия на свойства древесины локальных флуктуаций климата, почвенно-грунтовых условий, особенностей рельефа, уровня грунтовых вод, лесохозяйственной деятельности, вредителей и болезней, а также многих других экологических факторов. Последнее позволяет поднять уровень научных работ, самостоятельно решать научные проблемы, сократить сроки исследований и повысить качество и надежность получаемых результатов.

В целом решение задач судебной ботанической экспертизы базируется на специальных знаниях эксперта, а потому процесс экспертного производства не может быть полностью формализован. Применительно к СБЭ особенно справедливо утверждение о том, что специализированные средства должны обеспечивать автоматизацию наиболее трудоемких операций (типа поиска палинологической информации, вычислений параметров радиального прироста) и сохранить за экспертом функции управления процессом обработки данных и право принятия решений на всех этапах исследования. Полная автоматизация оформления результатов в заключении СБЭ в настоящее время затруднена, поскольку в тексте заключения всегда имеются большие неформализованные фрагменты, такие как, например, описания образцов древесины и т. д.

Успешное внедрение информационных технологий в экспертную практику требует соответствующей подготовки кадров. Наиболее приемлемыми формами представляются краткосрочные стажировки экспертов, а также организация семинаров по освоению алгоритмов работы специализированных средств, используемых при поведении СБЭ.

Также представляется важным и полезным изучение и обобщение судебно-следственной практики для выяснения, как работают в доказывании экспертизы, выполненные с помощью АРМ «DendroExp» и СИПС «PalExp», и на этой основе подготовка соответствующих рекомендаций.

Необходимо отметить, что автоматизация СБЭ не вносит ничего процессуально нового в ее проведение, т. к. процессуальная и научная компетенция эксперта остается без изменений. Экспертизу проводит эксперт, и, выполненная с помощью автоматизированных средств, она не приобретает никакой дополнительной

доказательной силы. За заключение эксперт несет персональную ответственность, поскольку автоматизированные средства являются лишь техническим средством в его руках. Нельзя забывать, что только безошибочная работа эксперта при ознакомлении с материалами дела, передаче исходных данных, проверке текста заключения и т. д. обеспечивает точные результаты экспертизы.

Таким образом, развивающийся процесс автоматизации экспертных исследований оказывает позитивное воздействие на решение проблем судебно-экспертной практики в направлении обеспечения научной обоснованности и оперативности проводимых исследований, устранение рутинных, нетворческих элементов в работе экспертов, значительного расширения круга решаемых задач.

Список литературы:

1. Байрикова А.В. Информационные технологии в судебной экспертизе // Инновационная наука. 2021. №. 1.
2. Дзюба О.Ф. Атлас пыльцевых зерен (неацетолизированных и ацетолизированных), наиболее часто встречающихся в воздушном бассейне Восточной Европы. Москва, 2005.
3. Куприянова Л.А. Пыльца двудольных растений флоры европейской части СССР. Ленинград: Наука, 1978.
4. Накохов М.А. Информационные технологии в судебной экспертизе // Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития. 2021.
5. Oldfield F. The pollen morphology of some of the West European Ericales-Preliminary descriptions and a tentative key to their identification / F. Oldfield // Pollen Spores, 1959. V. 1.
6. Хох А.Н. Автоматизированное рабочее место «DendroExp» как инструмент для рационализации проведения дендрохронологических экспертных исследований / А.Н. Хох, Д.Е. Кузменков // Криміналістичний вісник: наук.-практ. зб. / [голов. ред. В.В. Черней] / ДНДЕКЦ МВС України; НАВС. К.: ПК «Типографія від «А» до «Я», 2017. № 1 (27).
7. Хох А.Н. Разработка справочной информационно-поисковой системы «PALEXP» в целях идентификации объектов растительного происхождения для криминалистических исследований / А.Н. Хох, Н. Л. Боброва // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев. 2019. № 64. URL: <https://doi.org/10.33994/kndise> 2019.64.44 (дата обращения: 12.09.2021).
8. Шарытова Т.Н. Информационные технологии в судебной экспертизе / Т.Н. Шарыпова, Д.Д. Колесник // Аллея науки. 2019. Т. 2. №. 1.

О некоторых направлениях развития учения о преодолении противодействия расследованию преступлений в условиях цифровой трансформации

А. В. ШМОНИН,

*профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики,*

*доктор юридических наук, профессор
Северо-Западный институт (филиал)*

*Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

Аннотация: в статье дана краткая характеристика цифровой трансформации, ее влияния на развитие криминалистики в целом и учения о преодолении противодействия расследованию преступлений, в частности рассмотрены отдельные научные положения этого учения, поставлен вопрос о его состоятельности, определены некоторые направления его развития с учетом технологий, составляющих основу киберфизических систем.

Ключевые слова: *расследование; досудебное производство; противодействие; преодоление; цифровая трансформация; цифровые следы; киберфизические системы; технологии.*

Современный этап научно-технической революции характеризуется проникновением информационных технологий в различные области человеческой деятельности, в том числе в научную деятельность и деятельность органов расследования преступлений. Нередко данное состояние называют цифровой трансформацией. По сути, такая трансформация должна стимулировать появление новых видов инновационных решений в этих областях человеческой деятельности.

Цифровая трансформация является главной проблемой и возможностью науки криминалистики. В качестве первого примера может служить разработка научным коллективом под руководством профессора Е. Р. Россинской в течение последних лет новой частной криминалистической теории – теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности (исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16003).

Следует согласиться с тем, что современная криминалистика в настоящее время оказалась не вполне готова к отражению глобальных вызовов цифровизации. Данное обстоятельство предполагает не только обращение внимания криминалистов на цифровую трансформацию в сфере расследования преступной деятельности, но и принятие настойчивых и адекватных современным реалиям усилий для всестороннего и обстоятельного исследования объекта криминалистики, качественных и количественных изменений, которые происходят в условиях цифровой трансформации.

По мнению Е. Р. Россинской, основой инновационного развития криминалистической науки в условиях цифровизации является теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности [7]. Между тем проблемы цифровизации (цифровой трансформации), накладываясь на традиционно существующие в отечественной криминалистике проблемы, могут поставить под сомнение научную обоснованность результата предпринятого исследования – формирование новой частной криминалистической теории.

С учетом предмета и объема настоящей статьи позволю себе только обозначить некоторые проблемы формирующейся теории. Во-первых, не была предпринята попытка разрешить вопрос о соотношении таких категорий, как «теория» и «учение». Во-вторых, название предлагаемой частной криминалистической теории порождает неясности, которые авторы не пытаются разрешить, о чем свидетельствует вводимый ими понятийный аппарат теории, не содержащий такие фундаментальные для нее категории, как информационно-компьютерное обеспечение и криминалистическая деятельность. Очевидно, от взглядов авторов теории на определения данных понятий зависит содержание научных положений, ее составляющих. В то же время нет понимания в необходимости формирования криминалистических дефиниций «компьютерные системы», «вредоносные программы» и т. д.

В-третьих, триединый объект и система предлагаемой теории может свидетельствовать только об одном – попытке разрешить противоречие между позицией о криминалистике как единой науке, имеющей свой предмет, систему, задачу, объекты и изучаемые закономерности, и позицией о возможности создания самостоятельной отрасли научного знания – цифровой криминалистике (компьютерной криминалистике и т. д.). В частности, предлагается в качестве объекта данной частной криминалистической теории рассматривать:

1) компьютерные средства и системы как носители розыскной и доказательственной криминалистически значимой информации;

2) систему действий и отношений в механизмах преступлений с использованием компьютерных средств и систем;

3) криминалистические компьютерные технологии выявления, фиксации, изъятия, сохранения, исследования и использования криминалистически значимой доказательственной и ориентирующей информации [6].

Ответов на вопросы о соотношении первого и третьего объекта теории, как и о соотношении второго объекта с существующим криминалистическим учением о следообразовании, в котором система действий и отношений в механизмах преступлений с использованием компьютерных средств и систем является частью его объекта, разрабатываемая теория пока не содержит.

То же самое следует сказать и о системе рассматриваемой теории, включающей девять криминалистических учений. Например, рассмотрение в качестве второго элемента теории – учения о способах компьютерных преступлений – не может не ставить для разрешения вопрос о соотношении данного учения с существующим криминалистическим учением о способе преступления, а включение в теорию учения о цифровых следах как источниках криминалистически значимой компьютерной информации – с криминалистическим учением о следах и т. д.

Также невозможно не обратить внимание на предложение о создании во втором разделе науки криминалистики еще одного раздела – учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем. В данном случае вопрос даже не в том, что предлагаемый раздел размещается в другом разделе (соотношения традиционного раздела науки и вновь предлагаемого раздела), а об единстве объекта, предмета и системы теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности.

Кроме того, выделения в качестве самостоятельных структурных элементов теории, помимо последнего учения, таких, как учение об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении тактики и технологии следственных и судебных действий, учение об информационно-компьютерных криминалистических моделях видов компьютерных преступлений и учение об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении методик расследования компьютерных преступлений, порождает вопросы не только о месте их в системе криминалистики, но и о степени обобщенности их предметов и соподчиненности.

Традиционным является представление о структуре общей теории криминалистики, включающей содержание системы частных криминалистических теорий, отражающих отдельные элементы (или группы элементов) предмета криминалистики и неразрывно связанных между собой [1]. В то же время предлагаемая частная криминалистическая теория не содержит указания на связи и отношения с другими частными теориями (криминалистическими учениями), в том числе с учением о преодолении противодействия расследованию преступлений.

Таким образом, «молча» изменяя систему криминалистики, возможно, даже не осознавая данного обстоятельства, авторы новой частной криминалистической теории, не разрешив традиционных проблем криминалистики, породили новые проблемы, обусловленные цифровой трансформацией науки и практики, которые наслаиваются на первые. В то же время высказанные суждения не являются окончательными, т. к. с целостной концепцией теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности ознакомиться в силу объективных причин не представляется возможным. При этом разрешение поставленных и связанных с ними других вопросов позволит более обстоятельно разработать методологические и методические основы данной частной криминалистической теории.

Как уже отмечено, цифровая трансформация, являясь на сегодняшний день главной проблемой науки криминалистики, в том числе учения о преодолении противодействия расследованию преступлений, в то же время представляет многочисленные возможности для ее развития.

Определяющим фактором цифровой трансформации является ее темп. Соотнесение скорости развития информационных и иных технологий и, как следствие, социально-экономических и инфраструктурных трансформаций с человеческой жизнью позволяет констатировать качественный скачок скорости развития науки и техники. Такое состояние в литературе определяется как темпоральная эпоха [8]. Основными движущими силами темпоральной эпохи или цифровой цивилизации являются, как известно, широкое распространение вычислительной техники (прежде всего персональных компьютеров), всеобъемлющее проникновение Интернета, массовое применение персональных портативных коммуникационных устройств.

В свою очередь движущие силы цифровой цивилизации определяют научно-техническую революцию, характеризующуюся массовым внедрением киберфизических систем (информацион-

но-технологической концепции, интегрирующей вычислительные ресурсы в физические сущности любого вида, включая биологические и рукотворные объекты). Ключевыми технологиями, составляющими основу киберфизических систем, в настоящее время являются:

- большие данные и аналитика;
- автономные роботы;
- моделирование и симуляторы;
- облачные вычисления;
- интернет-вещи;
- 3D-печать;
- виртуальная и дополнительная реальность;
- печатная электроника;
- квантовые вычисления;
- блокчейн и т. д.

Следовательно, цифровая трансформация влечет за собой не только технологические новации, но и смену социальной парадигмы, культурного кода, которые предопределяют правовые преобразования, реформы внешней и внутренней политики, в том числе в сфере правоохранительной деятельности. Синтез и взаимодействие перечисленных выше технологий являются характерной чертой цифровой трансформации всех сфер жизни человека (областей человеческой деятельности) как общественно полезной (промышленное производство, судебная деятельность, расследование преступлений и т. д.), так и негативной (административный проступок, преступная деятельность и т. д.).

В связи с этим цифровая трансформация криминалистической теории в целом и криминалистических учений в частности – это не просто эволюция информационных технологий, а целостное изменение науки криминалистики, затрагивающее ее объект, предмет, систему, понятийно-категориальный аппарат и т. д. Одним из таких криминалистических учений, которое подвержено цифровой трансформации, является учение о преодолении противодействия расследованию преступлений.

Для того чтобы определить и дать характеристику направлениям развития учения о преодолении противодействия расследованию преступлений в условиях цифровой трансформации, следует определить следующие исходные положения.

Во-первых, из всей палитры существующих мнений относительно определения понятия «противодействие расследованию преступлений» наиболее приемлемой является позиция В. П. Лаврова и А. Ф. Волынского, выраженная в следующем определении: «Про-

тивоедействие расследованию преступлений в криминалистическом аспекте есть совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников, а также связанных с ним лиц, направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний» [3, 4]. При этом отмечу, что выявление и раскрытие преступлений в рамках определения рассматриваемой категории выступают как функции расследования преступлений или досудебного производства, что должно учитываться в ходе исследования направлений развития учения о преодолении противодействия расследованию преступлений в условиях цифровой трансформации.

Во-вторых, умышленное воспрепятствование досудебному производству является целью противодействия расследованию преступлений. В то же время данная цель конкретизируется связанными с ней задачами по воспрепятствованию установления органами предварительного расследования: события преступления или отдельных его следов либо иных объектов, имеющих потенциальное доказательственное значение; виновности конкретных лиц в подготовке, совершении и (или) сокрытии преступления; имущества и иных ценностей, в том числе добытых преступным путем и т. д.

В-третьих, моментом (временем) начала противоправных и иных действий преступников, а также связанных с ним лиц по воспрепятствованию расследованию преступных деяний является время поступления в правоохранительные органы информации о возможном совершении преступления, ее регистрации и (или) начале ее проверки. В связи с этим согласиться с позицией, согласно которой сокрытие преступления во всех случаях является способом противодействия расследованию преступлений, не представляется возможным.

В-четвертых, преодоление противодействия расследованию преступлений всегда связано с выявлением (обнаружением фактов) умышленных противоправных и иных действий преступников, а также связанных с ним лиц, направленных на воспрепятствование досудебному производству. Только после того как властный субъект уголовного судопроизводства (следователь и т. д.) выявит факт воспрепятствования расследованию, он имеет возможность реализовать меры по его преодолению. При этом если властный субъект провел упреждающие мероприятия, направленные на недопущение проявления противодействия расследованию преступлений, то преодолевать его необходимости нет. В связи с этим невозможно согласиться с исследователями, полагающими, что система преодоления

противодействия расследованию преступлений включает функции выявления и упреждения [2].

Очевидно, что в перечень функций или направлений преодоления противодействия расследованию преступлений должны быть включены, по меньшей мере, предотвращение и пресечение. Предотвратить противодействие – значит принять меры, направленные на отказ лица в воспрепятствовании расследованию преступления, а пресечь – нейтрализовать вредные последствия умышленных противоправных и иных действий преступников, а также иных лиц, направленных на воспрепятствование досудебному производству.

Таким образом, криминалистическое учение о преодолении противодействия расследованию преступлений можно определить как систему научных положений и разрабатываемых на их основе технологий предотвращения и пресечения умышленных противоправных и иных действий преступников, а также иных лиц, направленных на воспрепятствование решения задач досудебного производства и, в конечном итоге, реализацию предназначения уголовного судопроизводства.

С учетом данных исходных положений представляется возможным рассмотреть некоторые направления развития учения о преодолении противодействия расследованию преступлений в условиях цифровой трансформации.

Цифровая трансформация данного учения на современном этапе происходит (должна происходить) в двух взаимосвязанных направлениях:

- 1) уточнение содержания системы научных положений;
- 2) модернизация соответствующих криминалистических технологий.

Между тем не исключается, что цифровая трансформация повлияет более глубинно на учение о преодолении противодействия расследованию преступлений, как, впрочем, и в целом на науку криминалистику.

Так, развитие отдельных технологий, составляющих основу киберфизических систем (их прообразов), приводит к появлению, изменению и (или) модернизации способов противодействия расследованию. При этом следует иметь в виду, что традиционные способы воспрепятствования досудебному производству не теряют своей актуальности.

Под воздействием техносферы, в которой производится расследование преступления (отношения между обвиняемым и следователем, в которых технология выступает посредником), активно меняются давно известные способы воспрепятствования решению задач

досудебного производства (например, выдвижение и обоснование ложного алиби, фальсификация документов, подтверждающих ложное алиби, склонение путем подкупа или принуждения свидетелей подтвердить ложное алиби; неявка по вызову следователя; выезд из района места происшествия в другую местность; уничтожение следов преступления или участия в нем; похищение и уничтожение уголовных дел или отдельных вещественных доказательств; симуляция психического расстройства и т. д.). Одновременно появляются новые способы противодействия расследованию, основанные на виртуальной реальности, технологиях блокчейна, и т. д.

Развитие отдельных технологий, составляющих основу киберфизических систем (их прообразов), также изменяет содержательную сторону преодоления противодействия расследованию преступлений. С одной стороны, существующие методы и средства предотвращения и пресечения умышленных противоправных и иных действий преступников, а также иных лиц, направленных на воспрепятствование решений задач досудебного производства, возможно алгоритмизировать (вид противодействия и его механизм – следы (признаки) – приемы выявления конкретного признака (следа) – система установленных признаков противодействия – тактический прием (тактический комплекс) предотвращения или пресечения применительно к признаку или системе признаков данного вида противодействия) на основе искусственного интеллекта и иных технологий киберфизических систем; с другой – разработка технологий преодоления противодействия расследованию преступлений на основе больших данных, аналитики, автономной роботизации, моделирования, облачных вычислений, виртуальной и дополнительной реальности, блокчейна и т. д.

В завершение хотелось бы обратить внимание на следующие обстоятельства. В последнее время у автора настоящей статьи появились сомнения в состоятельности учения о преодолении противодействия расследованию преступлений, которые связаны не только с неразрешенными и увеличивающимися в условиях цифровой трансформации проблемами, но и с его содержанием. Противодействие расследованию преступлений, как массовое социальное явление [5], явилось основной причиной появления науки криминалистики. Отсутствие умышленных противоправных и иных деяний преступников и третьих лиц, направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний, фактически создало бы ситуацию ненужности науки криминалистики. Преступники, совершив преступления, сами бы представля-

ли доказательства своей виновности и безоговорочно несли бы уголовную ответственность, возмещая причиненный потерпевшему ущерб (вред). Но такая ситуация является иллюзией. Следовательно, теория криминалистики имеет своим предназначением борьбу с преступностью, которая осуществляется путем выявления и преодоления противодействия расследованию преступных деяний. В связи с этим вся теория криминалистики направлена на преодоление противодействия расследованию преступных деяний. Между тем появление в отечественной науке соответствующего учения является не случайным. Оно способствует концентрации и систематизации знаний о способах противодействия расследованию преступлений, а также попыткам разработки рекомендаций по выявлению признаков каждого такого способа и технологий преодоления противодействия расследованию, определяемых этим способом (их комплексом). В связи с этим автор настоящей статьи, оставаясь сторонником рассматриваемого криминалистического учения, выделяя в нем позитивную составляющую, обращает внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, следует помнить, что как преступление, так и противодействие расследованию преступления порождают следовую картину. В условиях цифровой трансформации преодоление противодействия расследованию преступлений все больше связано с так называемыми цифровыми следами. Между тем в изученных автором статьи работах, посвященных рассматриваемому криминалистическому учению или его элементам, не обнаружено исследований следов противодействия. В связи с этим актуальным является исследование механизма следообразования при противодействии расследованию преступлений, имея в виду, что не все способы противодействия носят преступный характер. Во-вторых, цифровая трансформация (технологии, составляющие основу киберфизических систем) порождает не только научные и практические проблемы, но и формирует перспективную базу (возможности) развития учения о преодолении противодействия расследованию преступлений путем создания предпосылок совершенствования производства по уголовным делам. Задача криминалистов – правильно определить эту базу и воспользоваться ею с целью оптимизации борьбы с преступностью. В-третьих, планируя проведение цифровых преобразований в области преодоления противодействия расследованию преступлений, криминалисты должны учитывать культурные, морально-нравственные и иные изменения, определяющие уровень мышления сотрудников правоохранительных органов и субъектов преступлений.

Список литературы:

1. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. 3-е изд., доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
2. *Бурганова Г. В., Рахматуллин Р.Р.* Преодоление противодействия раскрытию и расследованию преступлений: некоторые концептуальные аспекты // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки, 2019. Т. 161. Кн. 1.
3. *Волынский А. Ф., Лавров В.П.* Организованное противодействие раскрытия и расследования преступлений и меры по его нейтрализации. Москва, 1997.
4. *Лавров В.П.* Понятие, сущность и значение противодействия расследованию // Противодействие расследованию преступлений и меры его преодоления: учебник для вузов / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. Москва: Юрайт, 2017.
5. *Можаяева И.П.* Учение о противодействии расследованию преступлений и его соотношение с криминалистическим учением об организации расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 4–2.
6. *Россинская Е.Р.* Информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности как частная криминалистическая теория // Воронежские криминалистические чтения. 2017. № 2 (19).
7. *Россинская Е.Р.* Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности как основа инновационного развития криминалистической науки в условиях цифровизации // Юридическая наука в Китае и России. 2020. № 3.
8. *Шестакова И.Г.* Новая темпоральная цифровая цивилизация: будущее уже наступило // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СЕКЦИЯ

Типичные нарушения, допущенные следователями по направленным в суд уголовным делам, возбужденным по заявлениям Банка России и Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов»

О. В. АНУЧИНА,

*старший научный сотрудник отдела
по изучению социальных процессов
и разработке комплексных проблем
обеспечения правопорядка
научно-исследовательского центра,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России*

Аннотация: в статье рассматривается практика расследования уголовных дел, возбужденных по заявлениям Банка России и Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» (далее – ГК «АСВ»). С учетом особенностей данной категории уголовных дел проанализированы отдельные недостатки предварительного расследования, которые были выявлены в ходе судебного производства.

Ключевые слова: следственно-судебная практика; кредитно-финансовая сфера; Банк России; ГК «АСВ».

Одной из угроз экономической безопасности нашей страны согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. (далее – Стратегия) является высокий уровень криминализации экономической сферы¹. Отмеченная угроза сохраняет свою актуальность, поскольку показатель преступлений экономической направленности стабильно высокий. Для нейтрализации этой угрозы в число основных задач Стратегии по реализации направления, касающегося обеспечения безопасно-

¹ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // СЗ РФ. 2017. № 20.

сти экономической деятельности, входит предотвращение преднамеренного банкротства и иных противоправных действий в отношении субъектов экономической деятельности.

За 2020 г. правоохранительными органами выявлено 31 309 преступлений, связанных с кредитно-финансовой системой. Рост составил 5,1 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Вместе с тем вырос и показатель эффективности работы органов предварительного следствия по числу направленных в суд уголовных дел о преступлениях, связанных с кредитно-финансовой системой, он составил 7 916 преступлений (+17,1 %)¹.

Среди преступлений в кредитно-финансовой сфере особого внимания требуют преступления, уголовные дела о которых возбуждаются по заявлениям Банка России и Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» (далее – ГК «АСВ»). То есть это случаи, когда Банк России и ГК «АСВ», осуществляя проверку субъектов экономической деятельности, обнаруживают недостаточность между имеющимися активами банка и его обязательствами, которая препятствует осуществлению финансово-хозяйственной деятельности кредитно-финансовой организации.

Повышенное внимание к такой категории уголовных дел обусловлено тем, что преступления характеризуются причинением крупного и особо крупного материального ущерба, исчисляемого миллионами и миллиардами рублей, а также последующей легализацией похищенного, в том числе за рубежом. Кроме того, реализация преступных схем в подавляющем большинстве возможна только с участием специального субъекта – руководителя (собственника) кредитно-финансовой организации, которому подконтрольны все имущество организации и операции с ним. И такие преступления обычно имеют большой резонанс.

За 2020 г. количество заявлений о совершении противоправных действий в кредитных организациях, у которых Банком России отозвана лицензия, поступивших в Следственный департамент МВД России из ГК «АСВ», Банка России и временных администраций по управлению кредитными организациями, снизилось на 60 % и составило 52, по которым возбуждено 9 уголовных дел.

Причиной снижения показателей за 2020 г. является сложившаяся эпидемиологическая ситуация в стране и мире и введенные ограничительные меры, не позволившие правоохрани-

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 г. Москва: ФКУ «ГИАЦ МВД России, 2021.

тельным органам, Банку России и ГК «АСВ» взаимодействовать на прежнем уровне.

Вместе с тем результативность следственных подразделений МВД России по направленным в суд делам снизилась не столь значительно – до 31 (-8,5 %; в 2019 г. – 35)¹. Данный показатель в три раза больше, чем в 2015 г., тогда в суд направлено было 11 уголовных дел. В целом же за последние три года (2018–2020 гг.) в суд направлено 90 уголовных дел. Это свидетельствует о положительной динамике результативности расследования уголовных дел рассматриваемой категории.

Важно отметить, что, по словам заместителя генерального директора ГК «АСВ» Андрея Мельникова, в среднем стоимость реальных активов банков, с которыми сейчас работает АСВ, составляет примерно 13 % от того, что числится на их балансе. И в 85 % случаев природа несоответствия имеет криминальный характер. Общая сумма, заявленная ГК «АСВ» в исках о привлечении к субсидиарной ответственности в результате криминальных банкротств, составила 2,4 трлн рублей [4].

Несомненно, указанные обстоятельства подрывают экономическую стабильность в стране и обуславливают необходимость анализа следственной и судебной практики по уголовным делам обозначенной категории с целью повышения качества расследования.

В научных публикациях чаще всего уголовные дела, возбужденные по заявлениям Банка России и ГК «АСВ», рассматривают в массиве банковских преступлений без анализа соответствующей правоприменительной практики, хотя они имеют определенную специфику. Следует выделить публикацию В. О. Лапина, в которой обозначен ряд проблем, возникающих в ходе расследования уголовных дел, возбужденных по заявлениям Банка России и ГК «АСВ», и даны рекомендации по совершенствованию процессуальной деятельности следователя [5, с. 132–141].

В целом к факторам, негативным образом влияющим на выявление и раскрытие таких преступлений, следует отнести отсутствие механизма упреждающего информирования со стороны Банка России и ГК «АСВ», а также результатов оперативно-розыскной деятельности [5, с. 136]. Законодательная регламентация порядка предоставления информации кредитными организациями право-

¹ По материалам Следственного департамента МВД России, предоставленным в рамках подготовки аналитического обзора «Анализ практики расследования преступлений в кредитно-финансовой сфере по итогам 2020 г.», предусмотренного п. 37 плана научной деятельности Академии управления МВД России на 2021 г. (заявка Следственного департамента МВД России от 2 сентября 2021 г. № 17/3-№ 17/3-29776).

охранительным органам, также не способствуют противодействию организованной преступности [6, с. 85]. Подтверждением этому являются факты преступных деяний, которые выявляются чаще при проведении ликвидационных процедур, в частности в ходе процедуры банкротства.

В результате с момента совершения преступления до возбуждения уголовного дела проходит достаточно длительный период, по прошествии которого становится крайне сложно вернуть похищенные деньги и другое имущество, собрать доказательственную базу и установить виновных лиц, их местонахождение.

Наряду с указанными проблемами в процессе расследования следует уделять особое внимание доказательствам, которые будут свидетельствовать о наличии преступного умысла у субъектов преступления, причинно-следственной связи между их действиями и наступившими последствиями. Сложность в том, что лишь при определенных условиях сделка гражданско-правового характера в кредитно-финансовой сфере может иметь криминальную природу и выступать способом совершения преступления.

В качестве положительного примера расследования можно привести уголовное дело в отношении Ч., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, который, являясь председателем правления банка, под видом выдачи кредитов определенным лицам получил в кассе денежные средства в размере 363,4 млн рублей, после чего, не имея намерений и возможности возратить полученный кредит, похитил вышеуказанные денежные средства. Как следует из апелляционного определения судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда, о преступном умысле свидетельствует то, что председатель банка Ч. подготовил необходимые для получения кредитов документы с внесением в них ложных сведений и подделкой подписей, принял меры для одобрения кредитным комитетом данных сделок и их согласования¹.

Также о наличии у руководителей кредитно-финансовых организаций преступного умысла, направленного на хищение денежных средств, могут свидетельствовать продуманные и спланированные действия, например, такие, как заключение накануне отзыва лицензии договора цессии с юридическим лицом, возглавляемым номи-

¹ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 10 июня 2020 г. по уголовному делу № 10-6305/2020 // Суды общей юрисдикции г. Москвы. URL: <http://www.mos-gorsud.ru> (дата обращения: 27.04.2021).

нальным директором и не ведущим хозяйственной деятельности, т. е. отсутствии намерений по взысканию кредиторской задолженности с заемщиков и получение по договору цессии неликвидных ценных бумаг.

С правовой точки зрения трудности по такой категории уголовных дел возникают в процессе юридической оценки действий фигурантов с учетом положений уголовного, гражданского, корпоративного, банковского, страхового законодательства, при оценке доказательств вины, способа совершения преступления, преступного деяния, последствий и причинно-следственной связи между ними.

В ходе анализа решений судов по данной категории уголовных дел выявлены недостатки, допущенные на предварительном следствии.

Особое внимание суды обращают на формулировку предъявленного обвинения и правильность составленного обвинительного заключения. Нередко описание преступления является поверхностным, действия обвиняемого не конкретизированы, и роли соучастников не описаны надлежащим образом. Это может служить причиной для возвращения судом уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Например, такое решение принято судом по результатам рассмотрения уголовного дела по обвинению четверых фигурантов по ч. 4 ст. 159 УК РФ, совершивших хищение денежных средств банка на сумму 1,1 млрд рублей путем кредитования различных фирм. Симоновским районным судом г. Москвы и Московским городским судом в апелляционной инстанции установлен ряд существенных нарушений, допущенных органом предварительного следствия¹:

- не приведены конкретные преступные действия соучастника, свидетельствующие о том, что он преднамеренно не организовал получение банком всех необходимых документов в целях оценки платежеспособности заемщика банка и не обеспечил проверку сведений о нем, осознавая, что проверка выявила бы фиктивность заемщика; обеспечил формирование кредитного досье заемщика, содержащее ложные (недостоверные) сведения о нем;

- не указан конкретный способ мошенничества, совершенный путем обмана;

- не обозначены сведения, которые в кредитном досье заемщика являются ложными;

¹ Постановление Симоновского районного суда г. Москвы от 19 июня 2020 г.; Апелляционное постановление Московского городского суда от 11 сентября 2020 г. по уголовному делу № 01-0290/2020 (№ 10-16175/2020) // Суды общей юрисдикции г. Москвы. URL: <http://www.mos-gorsud.ru> (дата обращения: 27.04.2021).

– отсутствует описание противоправных действий соучастников преступления в конкретной противоправной деятельности.

Схожими оказались нарушения по уголовному делу, возбужденному в отношении С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Пресненским районным судом г. Москвы уголовное дело возвращено прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, поскольку обвинительное заключение составлено с нарушением требований УПК РФ¹, а именно: в обвинительном заключении не конкретизирована роль С. при совершении мошенничества, указана его роль и как пособника преступления в составе организованной группы, и как соучастника организованной группы; не установлены время, место, способ и другие обстоятельства создания организованной группы; не установлено кем, когда и при каких обстоятельствах в конечном итоге приобретено право на имущество, т. е. право требования по кредитным обязательствам юридических лиц, являющихся заемщиками, в чью пользу обращено похищенное имущество; кто и когда вступил во владение чужим имуществом, являющимся предметом хищения; что входит в предмет доказывания по уголовному делу и подлежит установлению в ходе предварительного расследования.

К числу подобных нарушений можно отнести указание конкретных фамилий соучастников, в отношении которых уголовное дело выделено в отдельное производство. В этом случае, как требует закон, в приговоре указывается, что преступление совершено подсудимым совместно с другими лицами, без упоминания их фамилий, но с указанием соответствующего процессуального решения.

Кроме того, в ходе изучения судебных решений исследуемой категории уголовных дел выявлены факты допущения ошибок следователями при квалификации групповых преступлений.

Достаточно часто суды вынуждены принимать решение об исключении квалифицирующего признака «группой лиц по предварительному сговору», поскольку квалификация не отвечает требованию п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»². Согласно

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 10 марта 2021 г. по уголовному делу № 10-4456/2021; постановление Пресненского районного суда г. Москвы от 23 декабря 2020 г. по уголовному делу № 01-0484/20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

указанному пункту растрата может считаться совершенной группой лиц по предварительному сговору, когда доказано участие в преступлении двух или более лиц, имеющих признаки специального субъекта и договорившихся заранее о совместном совершении преступления.

Например, к такому решению пришел Московский городской суд при рассмотрении уголовного дела по обвинению заместителя председателя правления банка К. в совершении растраты вверенного ему имущества – ценных бумаг общей стоимостью 299,7 млн рублей, т. е. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ. На предварительном следствии преступление квалифицировано как совершенное группой лиц по предварительному сговору, однако суд исключил квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору», поскольку не установлены сообщники К., а следовательно, не доказано участие в преступлении другого специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ¹.

При этом надо помнить, что несколько иным образом органам предварительного следствия следует подходить к доказыванию преступления, совершенного организованной группой, поскольку в организованную группу по смыслу ч. 3 ст. 35 УК РФ могут входить также лица, не обладающие признаками специального субъекта, но которые заранее объединились для осуществления преступной деятельности.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда при рассмотрении уголовного дела по обвинению первого заместителя председателя правления банка Г. в мошенничестве с денежными средствами в сумме 159 млн рублей путем заключения договоров купли-продажи векселей сторонней организации, т. е. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, пришла к выводу, что преступление не может быть признано совершенным организованной группой, поскольку не доказано, что преступление совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений².

¹ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 20 февраля 2020 г. по уголовному делу № 10-872/2020 // Суды общей юрисдикции г. Москвы. URL: <http://www.mos-gorsud.ru> (дата обращения: 13.05.2021).

² Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 22 июля 2020 г. по уголовному делу № 10-10338/2020 // Суды общей юрисдикции г. Москвы. URL: <http://www.mos-gorsud.ru> (дата обращения: 13.05.2021).

Выводы суда основывались на таких обстоятельствах, как:

- совершение обвиняемыми преступления в непродолжительный период;
- иные участники организованной группы, в отношении которых уголовное дело выделено в отдельное производство, кроме обвиняемого и установленного лица, следствием не установлены;
- отсутствие в материалах дела объективных доказательств, свидетельствующих об устойчивости, длительности существования, стабильности состава ее участников, заранее разработанного плана действий всех участников преступной группы, осведомленности и согласованности действий каждого из участников преступной группы, с ведома других участников, четкого распределения функций между участниками при подготовке к совершению преступления и осуществлению преступного плана.

Проведенный анализ судебных решений по уголовным делам, возбужденным по заявлениям Банка России и ГК «АСВ», свидетельствует о несовершенстве следственной практики. В связи с этим предлагаем обратить особое внимание следователей на полноту доказывания преступного умысла руководителей кредитно-финансовых организаций, в частности устанавливать конкретные сделки, операции и действия, совершенные для хищения активов банка и его сокрытия. Рекомендуем при составлении постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительного заключения указывать в обвинении конкретные преступные действия (бездействие) соучастников, повлекшие причинение ущерба, а также не допускать двусмысленного описания их преступных ролей.

По вопросам квалификации групповых преступлений предлагается:

- по уголовным делам, по которым признаки специального субъекта установлены только у одного фигуранта, исключить квалификацию преступления как совершенного «группой лиц по предварительному сговору»;
- по уголовным делам о преступлениях, совершенных организованной группой, наиболее полно собирать доказательственную базу, свидетельствующую об ее устойчивости, преступной цели создания, продолжительном существовании одним составом, распределении ролей между участниками группы в соответствии с заранее разработанным планом и т. д.

Кроме того, следователям предлагается практиковать на постоянной основе самостоятельное изучение судебной практики для исключения подобных нарушений по аналогичным уголовным делам.

Таким образом, в настоящей статье рассмотрена следственно-судебная практика по уголовным делам, возбужденным по заявлениям Банка России и ГК «АСВ», которая демонстрирует некоторые особенности данной категории дел, а вместе с тем и типичные недостатки, касающиеся предъявления обвинения, доказывания преступного умысла, способа преступления, причинно-следственной связи между преступным деянием и последствиями, а также квалификации групповых преступлений. Полагаем, что реализация предложенных рекомендаций позволит исключить подобные нарушения и повысить качество расследования уголовных дел рассматриваемой категории.

Список литературы:

1. *Латин В. О.* Практика расследования уголовных дел, возбужденных по заявлениям Банка России и государственной корпорации «Агентство страхования вкладов» // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57).
2. «Охота на банкиров». Кто и как ищет за рубежом деньги лопнувших банков? // Аргументы и Факты. URL: <https://www.asv.org.ru/news/404857> (дата обращения: 27.04.2021).
3. *Савенков А. Н.* Уголовная политика и устойчивость кредитно-финансовой системы // Журнал российского права. 2016. № 9.

Методология уголовно-процессуальной деятельности

А. Ю. АФАНАСЬЕВ,

*старший преподаватель кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н.И. Лобачевского;
доцент кафедры судебной экспертизы
Нижегородская академия МВД России*

Аннотация: в статье представлено краткое объяснение концептуального авторского подхода к методологии практической деятельности. Предлагается и обосновывается позиция, в соответствии с которой методология уголовно-процессуальной деятельности понимается через рефлексию организации самой деятельности.

Ключевые слова: *методология; уголовно-процессуальная деятельность; рефлексия; организация деятельности.*

Название статьи предполагает, как минимум, два момента, требующих разрешения:

1) насколько обоснованным выступает использование понятия «методология» применительно к уголовно-процессуальной деятельности;

2) если допустима такая формулировка, то как следует понимать методологию в целом. Предпримем попытку прояснения создавшейся неопределенности.

Методология науки уголовного процесса, методологическая основа уголовно-процессуального исследования – это лишь часть случаев, когда применение понятия «методология» не вызывает каких-либо вопросов. Это и понятно. Научные традиции сложились таким образом, что если говорим наука – предполагаем методологию, говорим методология – предполагаем науку. В действительности здесь присутствуют две существенные погрешности:

- первая – методология и наука – не одно и то же;
- вторая – методология может быть не только относительно науки, но и касательно практической деятельности.

Положение о нетождественности науки и методологии не должно вызывать особых вопросов: несмотря на то, что «сегодня мы, по сути дела, всякую мыслительную работу «красим» в цвета науки» [1, с. 17], методология не является наукой [1, с. 17]. Пожалуй,

это утверждение требует больше аргументов, но на данном этапе мы посчитаем, что это так и есть без дополнительной проверки. Вторая погрешность представляется нами как гипотеза, которая и будет проверена в рамках статьи.

Разумеется, использование понятия «методология» в контексте практической деятельности не является каким-либо новаторством. Наука уголовного процесса и криминалистическая наука содержат работы, в которых, как минимум в названии, говорится о некоей методологии: методологических проблемах расследования [2], методологии криминалистической методики [3], криминалистической методологии [4; 5], методологии защиты в уголовном процессе России [6] и т. д.

Однако это вовсе не означает, что указанные авторы говорили о методологии как о чем-то большем, чем просто о совокупности методов. В действительности все они в унисон твердят о методологии деятельности именно в таком узком смысле. На это есть соответствующие основания: подобный подход стал общепринятым. Достаточно обратиться к философским и толковым словарям, а также к доктрине. Например, в философском словаре М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина методология трактуется как совокупность приемов исследования, применяемых в какой-либо науке, а также как учение о методах научного познания и преобразования мира [7, с. 268]. На такое же значение ссылаются в философском словаре И. Т. Фролова [8, с. 239]. В толковом словаре С. И. Ожегова под методологией понимается учение о научном методе вообще или о методах отдельных наук [9, с. 292]. Но есть и другие значения, с нашей точки зрения, наиболее полно раскрывающие сущность методологии. В этой группе можно обозначить подход, представляющий методологию несколько иначе – как учение об организации деятельности [10, с. 20]. А. М. Новиков и Д. А. Новиков пришли к такому разъяснению не на пустом месте. Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин и их предшественники заложили устойчивое основание для этого. Нами ранее были проанализированы понятие и сущность методологии уголовно-процессуальной науки, где мы пришли к выводу: методология уголовно-процессуальной науки есть результат внутринаучной рефлексии, обращенной к организации самой науки уголовного процесса [11]. Тем самым нами было установлено, что методологию следует понимать через рефлекссию организации деятельности. Если существование внутринаучной рефлексии не вызывает особых сомнений, то что же насчет рефлексии в практической уголовно-процессуальной деятельности?

При первом приближении субъекты уголовно-процессуальной деятельности могут рефлексировать собственную деятельность.

Г. А. Зорин писал, что «...рефлексия стартует в ситуациях, где типовое, традиционное решение не срабатывает, где рефлексивногенная ситуация возмущает субъективную среду – мышление следователя», что «...следователь как бы встает на позицию участника следственного действия и с этих позиций рассматривает самого себя, весь процесс общения, анализирует прошлое и прогнозирует перспективу развития следственного действия» [4]. Несмотря на то, что указанный автор исходил из разработанных Г. П. Щедровицким положений о методологии, интерпретация у него получилась иная, чем мы предполагаем.

На наш взгляд, следователь, дознаватель и другие субъекты уголовно-процессуальной деятельности при ее осуществлении могут выполнить рефлексивный выход, т. е. выход из своей прежней позиции деятеля и перейти в новую позицию – внешнюю, как по отношению к прежним, уже выполненным деятельности, так и по отношению к будущей, проектируемой деятельности [1, с. 222]. В такой рефлексивной позиции индивид обращается к собственной деятельности, осмысливает и понимает ее. Полагаем, что это вполне допустимая для уголовно-процессуальной деятельности ситуация, когда требуется организовать уголовное судопроизводство с учетом рефлексивного анализа. Однако можно ли всегда говорить при этом о методологии уголовно-процессуальной деятельности? Вероятно, что нет. Хотя рефлексия свойственна всем субъектам уголовного процесса, но не всякий результат рефлексии данных субъектов есть методология. Рефлексивная развитость сознания и «...проявляется в отражении рефлексивного выхода (или перехода) в рефлексивной организации сознания» [1, с. 330–331], но «...отнюдь не всегда и не всякий рефлексивный выход будет отражаться в рефлексивной организации сознания; для этого необходима специальная работа по формированию и развитию сознания» [1, с. 330–331].

Например, относительно производства отдельных следственных действий, составления процессуальных документов в рамках уголовно-процессуальной деятельности по расследованию преступлений явно нельзя говорить о методологии, в лучшем случае – о методике, тактике, технике и т. д. Методология уголовно-процессуальной деятельности только там, где речь идет о рефлексии относительно организации этой деятельности, т. е. когда производится рефлексивный анализ уголовно-процессуальной деятельности с точки зрения организационного аспекта. Это не противоречит тому, что любая человеческая деятельность организована [12, с. 71], но не любая деятельность может быть рассмотрена со сто-

роны методологии, поскольку организованный характер деятельности не предполагает по умолчанию рефлексивный выход.

Таким образом, о методологии уголовно-процессуальной деятельности допустимо говорить лишь тогда, когда речь идет о рефлексии относительно организации этой деятельности, т. е. когда производится рефлексивный анализ уголовно-процессуальной деятельности с точки зрения организационного аспекта.

Список литературы:

1. *Афанасьев А.Ю.* Введение в методологию уголовно-процессуальной науки // Научный вестник Омской академии МВД России. Омск, 2021.
2. *Богданов А.А.* Тектология // Всеобщая организационная наука: в 2 кн. Кн. 1 / редкол. Л.И. Абалкин (отв. ред.) и др. // Отделение экономики АН СССР. Институт экономики АН СССР. Москва: Экономика, 1989.
3. *Бородин С.В.* Методология защиты в уголовном процессе России. Москва: Юрлитинформ, 2013.
4. *Зорин Г.А.* Криминалистическая методология. Минск: Амалфея, 2000. URL: http://ebooks.grsu.by/krim_metod/2-4-4-metodika-ispolzovaniya-sledovatelem-refleksii.htm (дата обращения: 15.05.2021).
5. *Лаврухин С.В., Комягина Ю.С.* Основы криминалистической методологии. Москва: Юрлитинформ, 2018.
6. *Лузгин И.М.* Методологические проблемы расследования. Москва: Юридическая литература, 1973.
7. *Новиков А.М., Новиков Д.А.* Методология. Москва: СИНТЕГ, 2007.
8. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов / под ред. проф. Л.И. Скворцова: 26-е изд., испр. и доп. Москва: ООО «Издательство Оникс», ООО «Издательство Мир и Образование», 2010.
9. *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова: 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Республика, 2001.
10. *Философский словарь* / под ред. М.М. Розенталя, П.Ф. Юдина. Москва: Издательство политической литературы, 1963.
11. *Шмонин А.В.* Методология криминалистической методики: монография. Москва: Юрлитинформ, 2010.
12. *Щедровицкий Г.П.* Мышление – Понимание – Рефлексия. Москва: Наследие ММК, 2005.

Отказ от стадии возбуждения уголовного дела как уголовно-процессуальная гарантия преодоления противодействия

Б. Я. ГАВРИЛОВ,

*профессор кафедры управления
органами расследования преступлений,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации
Академия управления МВД России*

Аннотация: одной из наиболее обсуждаемых в российском уголовном процессе проблем является теоретико-прикладное значение стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации сегодня определяет, во-первых, низкую эффективность уголовного судопроизводства (в суд направляется менее 30 % уголовных дел); во-вторых, влечет за собой нарушение права порядка 5 млн пострадавших на их доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации).

Ключевые слова: *уголовный процесс; предварительное расследование; следователь; дознаватель; уголовно-процессуальный кодекс; возбуждение уголовного дела.*

Одна из причин сохранения на протяжении многих десятилетий данного института – устоявшееся мнение как ученых, так и практикующих юристов о его существенной роли в предупреждении фактов незаконного возбуждения уголовного дела и необоснованного (без достаточных к тому оснований) уголовного преследования [2; 11].

При исследовании сущности и правового содержания стадии возбуждения уголовного дела автор обращается как к ранее проведенным исследованиям в этой области, так и к складывающейся за последние десятилетия следственной и судебной практике, статистическим данным о результатах рассмотрения сообщений о преступлениях и непосредственно к содержанию уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего данную стадию уголовного процесса.

С точки зрения ее становления обращает на себя внимание то обстоятельство, что в уголовном процессе досоветского периода стадия уголовного процесса отсутствовала. По этому поводу И. Я. Фойницкий писал: «В последовательном развитии производства по делам уголовным мы можем различать следующие стадии:

- 1) предварительное исследование;
- 2) предание суду;
- 3) приготовительные к суду распоряжения;
- 4) окончательное производство;
- 5) особые порядки его;
- 6) пересмотр приговоров;
- 7) исполнение приговоров» [10, с. 352].

К сказанному следует дополнить, что хотя в УПК РСФСР 1922 г. и содержалось понятие «возбуждение уголовного дела», однако норма об этом в Кодексе отсутствовала. Органы дознания, следователь и прокурор обязаны были в соответствии со ст. 94–96 принимать все заявления по поводу совершенных кем-либо или готовящихся к совершению преступлений и без проведения каких бы то ни было проверочных действий принять решение о производстве дознания или предварительного следствия или об отказе в этом.

Появление в уголовном судопроизводстве и, соответственно, в уголовно-процессуальной науке самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела было обусловлено фактами незаконного уголовного преследования в 1934–1937 гг. граждан (репрессиями), с целью противодействия которым Генеральным прокурором СССР был издан ряд директивных указаний, в том числе Циркуляр от 5 июня 1937 г. № 41/26, пункт второй которого устанавливал, что возбуждение уголовного дела и начало расследования может иметь место по мотивированному постановлению следственного органа, утвержденному прокурором [7]. Однако в течение двух последующих десятилетий процессуальная норма о возбуждении уголовного дела в Уголовно-процессуальный кодекс так и не была введена.

Отсутствие необходимости в введении в УПК процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела отражено и в Настольной книге следователя, где отмечалось: «Основным и необходимым условием возбуждения уголовного дела является непосредственная близость этого процессуального действия к моменту совершения преступления. Закон обязывает следственные власти приступить к производству следствия немед-

ленно после того, как они получают сведения или материалы о совершившемся преступлении» [1, с. 102]. По этому поводу М. С. Строгович отмечал: «Возбуждение уголовного дела составляет начальный момент уголовного процесса. Существо этого процессуального момента заключается в решении... органа расследования о необходимости реагировать на тот или иной факт как на преступление» [8, с. 150].

В связи с появлением в принятом в 1960 г. УПК РСФСР самостоятельных процессуальных норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела учение о стадиях уголовного процесса пошло по пути общепризнанности возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии в уголовном судопроизводстве, сыгравшей на протяжении первых 30 лет своего действия определенную положительную роль в части предупреждения фактов необоснованного уголовного преследования.

Сегодня не только среди практикующих юристов, но и в научной среде свое влияние усиливает позиция ученых-процессуалистов о необходимости исключения из российской системы уголовно-процессуального законодательства процессуальных норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в этом, составляющих сущность стадии возбуждения уголовного дела.

При этом следует учитывать положения Концепции судебной реформы РСФСР в той части, что «будет обоснованным рассматривать всякое сообщение о преступлении, если на момент рассмотрения неочевидна его ложность, как бесспорный повод к возбуждению уголовного дела».

В настоящее время, наряду с устоявшейся точкой зрения о необходимости сохранения в российском уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела (А. Г. Волеводз, В. С. Шадрин и др.), в научной среде все большее внимание занимает позиция ученых-процессуалистов (С. Е. Вицин, Л. М. Володина, Б. Я. Гаврилов, С. И. Гирько, И. С. Дикарев, А. П. Кругликов и др.), а также практикующих юристов (В. В. Гордиенко, В. В. Кожокарь и др.) о необходимости исключения из российской системы уголовно-процессуального законодательства процессуальных норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в этом. Одновременно ряд ученых (А. В. Федоров [9, с. 3–17], Н. А. Колоколов [5, с. 84], Е. В. Марковичева и В. Ф. Васюков [6, с. 19] и др.) предлагают продолжить научную дискуссию о совершенствовании данной стадии уголовного процесса.

В связи с этим автор, с одной стороны, представляющий научное сообщество, а с другой, будучи в течение 34 лет практикующим

юристом (от следователя до заместителя начальника Следственного комитета при МВД России), считает возможным, во-первых, стадию возбуждения уголовного дела, чтобы не «пугать» многих представителей научной общественности ее исключением из уголовного процесса, обозначить как реформирование начала производства по уголовному делу, а во-вторых, ее исследование разграничить минимум на семь самостоятельных проблем:

- первая, исследовать зависимость обеспечения прав потерпевших на их доступ к правосудию от процессуального решения о возбуждении уголовного дела или отказе в этом;

- вторая, отразить реагирование законодателя на возникающие перед правоприменителем проблемы, обусловленные необходимостью расширения перечня следственных и иных процессуальных действий, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела;

- третья, через складывающуюся в последние годы следственную и судебную практику возбуждения уголовного дела показать ее негативное влияние на существующую формализацию в последнее десятилетие процессуальных правил начала расследования;

- четвертая, одновременно, наряду с изложенными ранее, привести ряд дополнительных контраргументов к позиции ученых, настаивающих на сохранении стадии возбуждения уголовного дела;

- пятая, проанализировать влияние стадии возбуждения уголовного дела на показатели регистрируемой преступности в Российской Федерации и их соотношение с ее уровнем в других государствах;

- шестая, показать в динамике в течение двух последних десятилетий принимаемые со стороны государственных органов меры по совершенствованию учетно-регистрационной дисциплины и объективизации данных уголовно-правовой статистики;

- седьмая, заключается в предложении конкретных нормативных правовых аргументов за реорганизацию данной стадии уголовного процесса.

На протяжении первых почти 20-ти лет стадия возбуждения уголовного дела действительно играла роль фильтра в предупреждении фактов уголовного преследования. Однако с начала 90-х гг. XX в. институт возбуждения уголовного дела стал серьезным правовым препятствием для реализации гражданами, пострадавшими от противоправных деяний, их права на доступ к правосудию и породил многочисленные нарушения законности в практике деятельности правоохранительных органов и, в первую очередь, органов внутренних дел.

Сегодня принятие следователем, дознавателем, органом дознания процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела:

- во-первых, влечет за собой ограничение права ежегодно порядка 4 млн реально пострадавших от преступлений граждан на их доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, поскольку в 2013–2020 гг. ежегодно 1,1–1,5 млн (без повторных) процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела признавались незаконными или необоснованными и отменялись. Еще по 2,5 млн заявлений, сообщений о преступлениях, включая около 1,2 млн заявлений о кражах и еще порядка 1,3 млн фактов причинения гражданам телесных повреждений при криминальных обстоятельствах, в возбуждении уголовного дела было отказано, однако лица, их совершившие, не были установлены;

- во-вторых, обусловили непроизводительные затраты труда порядка 20 тыс. сотрудников полиции, выразившиеся в вынесении ими ежегодно порядка 9 млн (с повторными) постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, и труда тысяч прокуроров по их отмене и ряд других негативных последствий;

- в-третьих, способствовали за последнее десятилетие значительному сокращению (на 677 тыс.) количества раскрытых и расследованных преступлений (с 1,794 млн в 2006 г. до 1,032 млн преступлений в 2020 г.) и тем самым значительному (на 42,7 %) снижению эффективности деятельности, в первую очередь, органов внутренних дел и других правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений;

- в-четвертых, повлекли за собой в указанный период ежегодно от 500 до 650 тыс. (по данным Генпрокуратуры России – 1,5 млн) нарушений учетно-регистрационной дисциплины и, соответственно, привлечение ежегодно более 50 тыс. должностных лиц органов внутренних дел к дисциплинарной ответственности, а до 2007 г. еще порядка 3–3,5 тыс. сотрудников – к уголовной ответственности.

Достаточно наглядно изложенное выше негативное влияние отказных материалов находит свое подтверждение и в снижении уровня уголовно-процессуального реагирования на сообщения о преступлениях. Так, несмотря на сохранение практически неизменным уровня таких обращений, количество возбужденных уголовных дел за указанный период значительно (в 1,9 раза) уменьшилось, а их удельный вес от зарегистрированных сообщений о преступлениях сократился почти в 2 раза (см. таблицу).

*Статистические данные о количестве
возбужденных уголовных дел и отказных материалов*

Складывающаяся негативная практика снижения уровня уголовно-процессуального реагирования на сообщения о преступлениях, во-первых, обусловлена значительным ежегодным увеличением количества принимаемых следователем, дознавателем, органом дознания процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела (с 4,5 млн в 2006 г. до 6,8 млн в 2016 г. и 5,54 в 2020 г.). И особенно наглядно это видно из соотношения отказных материалов к возбужденным уголовным делам, показатель которых за последние почти 30 лет возрос почти в 8 раз, а именно с 47,7 % до 354 % (см. таблицу).

*Статистические данные о принятых решениях (без повторных)
по сообщениям о преступлениях за 1992–2020 гг.*

Период	Возбуждено уголовных дел	Количество отказных материалов	Удельный вес к возбужденным делам (в %)
1992	2,8 млн	1,3 млн	47,7 %
2002	2,5 млн	3,8 млн	148,4 %
2012	1,9 млн	6,4 млн	336,8 %
2016	1,85 млн	6,8 млн	367 %

Период	Возбуждено уголовных дел	Количество отказных материалов	Удельный вес к возбужденным делам (в %)
2017	1,78 млн	6,3 млн	354 %
2020	1,71 млн	5,54 млн	324 %

Во-вторых, заключается в том, что, по данным ВЦИОМ, озвученным 28 марта 2017 г. на заседании круглого стола в Общественной палате Российской Федерации, 49 % жертв преступлений не заявляют в правоохранительные органы о фактах, совершенных в отношении них противоправных деяний.

В-третьих, нашла отражение в так называемом тренде преступности, значение которого к 2010 г. должно было достигнуть уровня 4,4 млн преступлений в год. Однако к 2020 г. по отношению к 2006 г. он сократился на 1,8 млн преступлений или на 47 %.

Сведения о состоянии преступности в 1980–2020 гг.

Временной период	1980	1991	1999	2006	2010	2014	2015	2016	2020
Количество зарегистрированных преступлений (млн)	1,028	2,168	3,002	3,853	4,4 прогноз	2,166	2,388 (без КФО)	2,160	2,044

Принимаемые органами государственной власти меры по решению проблемы отказных материалов:

– во исполнение Указа Президента РФ от 30 марта 1998 г. № 328 «О разработке единой государственной системы регистрации и учета преступлений» в Генпрокуратуре РФ была создана рабочая группа, которой разработаны предложения о введении понятия преступления в уголовно-правовой статистике, под которым предлагалось понимать «происшествие с признаками преступления». Под него подпадало основное количество отказных материалов. Однако они не были реализованы по основаниям отсутствия разграничения понятия преступления в уголовно-правовом и статистическом значении;

– в целях апробации данных предложений в соответствии с приказом МВД России от 18 июня 2002 г. № 585 «О проведении эксперимента по совершенствованию учета преступлений» во вто-

ром полугодии 2002 г. на базе ГУВД Нижегородской, УВД Орловской и Смоленской областей проведен эксперимент. Его результаты свидетельствовали об увеличении в среднем в два раза темпов прироста числа зарегистрированных заявлений о преступлениях при одновременном снижении количества и удельного веса (на величину от 18 до 53 %) отмененных прокурорами отказных материалов.

Предпринимались попытки разрешить проблему отказных материалов на уровне МВД и Генеральной прокуратуры Российской Федерации:

- принятие при заступлении в марте 1983 г. в должность Министра внутренних дел СССР В.В. Федорчука исключительно жестких административных мер в части учетно-регистрационной дисциплины дало прирост количества зарегистрированных преступлений на 23,9 %. В 1984–1985 гг. рост преступности составлял всего 0,3 % и 0,1 %;

- реализуя совместный приказ Генпрокуратуры и МВД России от 16 мая 2005 г. № 19/150 «О мерах по укреплению законности при вынесении постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела», правоохранительные органы увеличили уровень регистрируемой преступности за 2005 г. на 22,8 % и в 2006 г. – еще на 8,5 %, по истечении которых показатель преступности начал сокращаться;

- проведенный в соответствии с приказом МВД и Госкомстата России от 7 октября 2003 г. № 774/435 по согласованию с Генпрокуратурой РФ эксперимент в 8-ми МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации о передаче регистрации преступлений в органы Росстата свидетельствовал, что это предложение не решает рассматриваемой проблемы, но требует значительных финансовых затрат.

Это потребовало выработки соответствующих предложений, сформулированных в п. 4.5 Дорожной карты дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации. В целях его реализации рабочей группой МВД России разработан проект соответствующего федерального закона, который 3 ноября 2016 г. рассмотрен на заседании Экспертного совета при МВД России с участием представителей всех правоохранительных органов, общественных организаций, научных структур, где большинством специалистов был одобрен. На необходимость принципиального изменения процессуальных правил начала производства по уголовному делу в своих ежегодных докладах (2016–2020 гг.) Президенту Российской Федерации отмечает и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации профессор Т.Н. Москалькова.

Не менее актуальным аргументом за исключение из УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела является и складывающаяся

в последние годы следственная и судебная практика возбуждения уголовного дела при выявлении в ходе расследования новых эпизодов преступной деятельности лица, привлеченного к уголовной ответственности, или установлении новых лиц, совершивших преступления совместно с лицом, в отношении которого ранее было возбуждено уголовное дело, существенно изменившаяся под непосредственным воздействием позиции Верховного Суда РФ и еще в большей степени Конституционного Суда РФ [4, с. 20–22].

В силу позиции высших судебных инстанций в следственной и судебной практике в числе основополагающих сегодня стоит вопрос о том, надо ли возбуждать новое уголовное дело в случае, когда в ходе расследования уголовного дела, возбужденного в отношении лица, которому предъявлено обвинение, установлены соучастники преступления или если в ходе расследования уголовного дела по факту совершения конкретным лицом преступления выявлены новые эпизоды его преступной деятельности. Этот вопрос сегодня разрешается неоднозначно, о чем свидетельствует весьма дискуссионная публикация советника Управления конституционных основ уголовной юстиции Конституционного Суда РФ К. Б. Калиновского [3, с. 5–8], и отсутствие единой точки зрения по данному вопросу представителей непосредственно судей.

О необходимости вынесения нового постановления о возбуждении уголовного дела Конституционный Суд РФ высказался и в определении от 21 декабря 2006 г. № 533-О¹. В этом определении речь идет о дополнении предъявленного органом предварительного расследования обвинения при наличии достаточных данных, указывающих на признаки нового (дополнительно выявленного в ходе расследования) преступления. Вновь возбужденное уголовное дело при наличии других уголовных дел о совершенных тем же лицом преступлениях может быть соединено с ними в одном производстве. Одновременно Конституционный Суд РФ указал, что определение того, являются ли инкриминируемые лицу действия составной частью преступления, по поводу которого возбуждено уголовное дело, или они образуют самостоятельное преступление, относительно которого должно быть возбуждено новое уголовное дело, относится к ведению уполномоченных на это органов.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Руслана Тиграновича на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 175 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2006 г. № 533-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Соответственно, принципиально изменилась и складывающаяся судебная практика, наглядным примером чего является ряд решений судебных инстанций. Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 60-Д-13-3 по обвинению Г. уголовное дело было возбуждено по п. «б» (как минимум, совершение преступления группой лиц) ч. 4 ст. 132 УК РФ только в отношении гражданина З. По мнению Верховного Суда РФ, в отношении Г. в силу положений ст. 140 и 146 УПК РФ также необходимо было вынести постановление о возбуждении уголовного дела, что, исходя из позиции автора, противоречит изложенной выше многолетней практике самого Верховного Суда РФ по этому вопросу.

Аналогичную позицию занимают и нижестоящие судебные инстанции. Например, согласно апелляционному определению Московского областного суда от 26 июня 2014 г. по делу № 22-3724/2014¹ гражданин Д. привлечен к уголовной ответственности за совершение 5 краж чужого имущества, в том числе за два преступления, уголовные дела о которых были возбуждены в отношении других лиц. Судебная коллегия пришла к выводу о незаконности осуждения Д. по этим двум эпизодам, поскольку уголовные дела в отношении Д. по ним не возбуждались.

Изложенное свидетельствует о заформализованности ряда положений УПК РФ и анахронизме мышления в части необходимости сохранения процессуального института возбуждения уголовного дела и одновременно позволяет сформулировать вывод, что началом производства по уголовному делу должна служить не процессуальная норма о возбуждении уголовного дела, а заявление, сообщение о преступлении и, соответственно, уголовно-процессуальные нормы о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела из УПК РФ должны быть исключены.

Список литературы:

1. *Арсеньев Б.Я.* Возбуждение уголовного дела // Настольная книга следователя / под общ. ред. Генерального прокурора Союза ССР Г.Н. Сафонова. Москва, 1949.
2. *Волеводз А. Г.* Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1.

¹ Апелляционное определение Московского областного суда по уголовному делу от 26 июня 2014 г. № 22-3724/2014 // Архив Московского областного суда за 2014 г.

3. *Калиновский К.Б.* Всегда ли следует возбуждать уголовное дело при обнаружении нового преступления или нового лица? // Российский следователь. 2009. № 6.
4. *Кожокаръ В.В.* Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1.
5. *Колоколов Н.А.* Уголовное судопроизводство: стратегия и тактика // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4.
6. *Марковичева Е. В., Васюков В. Ф.* Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе: монография / Е. В. Марковичева, В. Ф. Васюков. Москва: Проспект, 2016.
7. Социалистическая законность. 1937. № 7.
8. *Строгович М.С.* Уголовный процесс: учебник для юридических высших учебных заведений. Москва, 1940.
9. *Федоров А.В.* Нужна ли по делам о наркопреступлениях стадия возбуждения уголовного дела? // Наркоконтроль. 2017. № 1.
10. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства (перездан). Санкт-Петербург, 1996. Т. 2.
11. *Шадрин В.С.* Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1.

Судебный контроль за ограничением права на тайну связи: верно ли истолковано решение Конституционного Суда Российской Федерации?

М. Р. ГЛУШКОВ,

*заведующий лабораторией по исследованию проблем процессуальной деятельности следственных органов научно-исследовательского отдела
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации»*

Аннотация: материал посвящен определению Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 189-О по жалобе Д.А. Прозоровского, которое многие юристы восприняли как правовую позицию, позволяющую получать доступ к переписке граждан без судебного решения, если такой доступ осуществляется в ходе осмотра мобильного устройства. Показано, что такой логики в решении Конституционного Суда Российской Федерации не заложено. Все, о чем оно говорит – заявитель необоснованно посчитал, что его конституционные права нарушены положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, не требующими судебного решения на осмотр предметов. По этой причине в приеме жалобы к рассмотрению было отказано.

Ключевые слова: тайна связи; судебное решение; Конституционный Суд Российской Федерации; определение по жалобе Д.А. Прозоровского; сведения о сообщениях.

Значительная часть преступлений в сфере цифровых технологий совершается с использованием средств мобильной связи. Поэтому особый интерес для следствия представляют хранящиеся в них сведения и порядок их извлечения.

Одним из дискуссионных вопросов, связанных с этими сведениями, является такой: требуется ли решение суда на их извлечение (или ознакомление с ними) в ходе осмотра мобильных устройств, которые были изъяты в законном порядке, но не на основании судебного решения?

На первый взгляд, никакой проблемы нет: указанные сведения составляют охраняемую законом тайну связи и ее ограничение, т. е. правомерный доступ к сведениям, возможен только на основании судебного решения.

Об этом говорит ч. 3 ст. 63 (Тайна связи) Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» – «...ознакомление с информацией и документальной корреспонденцией, передаваемыми по сетям электросвязи и сетям почтовой связи, осуществляются только на основании решения суда».

Это же записано в Конституции Российской Федерации (далее – РФ) в явном виде: «Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения» (ч. 2 ст. 23).

Наконец, УПК РФ в ч. 1 ст. 13 предусматривает, что ограничение права гражданина на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается только на основании судебного решения.

Вместе с тем в январе 2018 г. Конституционный Суд РФ принимает по жалобе Д. А. Прозоровского определение¹, которое многими воспринято как правовая позиция, позволяющая осмотр мобильных устройств и сопутствующее ознакомление с хранящимися в них сообщениями без санкции суда.

Названия публикаций говорят сами за себя:

– «КС разрешил следователям читать переписки с телефонов в ходе осмотра»²;

– «Конституционный суд разрешил следователям читать переписку с гаджетов без решения суда»³;

– «Изучение следователем содержимого телефона возможно без получения судебного решения»⁴;

– «КС назвал законным право следователей читать электронную переписку без решения суда»⁵;

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Д. А. Прозоровского на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г. № 189-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² КС разрешил следователям читать переписки с телефонов в ходе осмотра. URL: <https://pravo.ru/news/200500/> (дата обращения: 04.12.2020).

³ Конституционный суд разрешил следователям читать переписку с гаджетов без решения суда // Роскомсвобода. URL: <https://roskomsvoboda.org/36348/> (дата обращения: 04.12.2020).

⁴ Изучение следователем содержимого телефона возможно без получения судебного решения // Коллегия адвокатов города Москвы «Отчерцова и партнеры» URL: <https://advokat.msk.ru/izuchenie-sledstviem-soderzhimogo-telefona-vozmozhno-bez-polucheniya-sudebnogo-resheniya/> (дата обращения: 04.12.2020).

⁵ КС назвал законным право следователей читать электронную переписку без решения суда // Медиазона. URL: <https://zona.media/news/2018/02/14/taina->

– «Следователи могут читать переписку с телефонов и планшетов без разрешения суда – КС»¹;

– «КС: Для изучения содержимого телефона при его изъятии судебное решение не требуется»²;

– «Конституционный суд разрешил следователям читать переписки с телефонов, планшетов и компьютеров без разрешения суда»³.

Перечисление можно было бы продолжать, но и эта выборка, в которую вошли известные правовые порталы, официальный источник адвокатского сообщества и один из ведущих уголовно-процессуальных журналов страны, видится вполне представительной.

Однако насколько обоснованна такая точка зрения и вытекают ли из самого определения те лозунги, которые тиражируют СМИ? Для этого обратимся напрямую к тексту судебного решения.

Оно принято по жалобе Д. А.Прозоровского, который в свое время просил суд признать недопустимыми доказательствами протоколы осмотров электронных носителей информации, изъятых без судебного решения.

Суд в удовлетворении требований отказал, мотивируя отказ тем, что на такие осмотры и не требовалось судебных решений.

Тогда заявитель обратился в Конституционный Суд, посчитав, что раз действующее законодательство⁴ позволяет вскрыть переписку без судебного решения, то оно не соответствует Конституции РФ, в первую очередь – упомянутой ч. 2 ст. 23 о тайне связи⁵.

perepeski (дата обращения: 04.12.2020).

¹ Следователи могут читать переписку с телефонов и планшетов без разрешения суда – КС // Российское агентство правовой и судебной информации. URL: http://gapsinews.ru/judicial_analyst/20180214/281936101.html (дата обращения: 04.12.2020).

² КС: Для изучения содержимого телефона при его изъятии судебное решение не требуется // Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-dlya-izucheniya-soderzhimogo-telefona-pri-ego-izyati-sudebnoe-reshenie-ne-trebuetsya/> (дата обращения: 04.12.2020).

³ Конституционный суд разрешил следователям читать переписки с телефонов, планшетов и компьютеров без разрешения суда // Уголовный процесс. URL: <https://www.ugpr.ru/news/2035-sledovateli-mogut-chitat-perepisku-s-telefonov> (дата обращения: 04.12.2020).

⁴ В жалобе указано на ст. 176 УПК РФ «Основания производства осмотра», ст. 177 «Порядок осмотра» и ст. 195 «Порядок назначения судебной экспертизы» (сведения из его мобильных устройств извлекались также экспертом).

⁵ Имелись также ссылки на ч. 1 ст. 15 о прямом действии Основного закона, ч. 1 ст. 17, ст. 18 о том, что права и свободы человека и гражданина в РФ признаются, гарантируются и действуют непосредственно. Также были приведены процедурные нормы

Решение по жалобе, не считая установочной и резолютивной частей, изложено в двух абзацах. В первом КС сжато довел до правоприменителей положения ст. 176 и 177 УПК РФ об осмотре предметов. Вся логика определения, таким образом, сконцентрировалась во втором абзаце, который по этой причине можно (и нужно) процитировать.

«Проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения. Лица же, полагающие, что проведение соответствующих следственных действий и принимаемые при этом процессуальные решения способны причинить ущерб их конституционным правам, в том числе праву на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, могут оспорить данные процессуальные решения и следственные действия в суде в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК Российской Федерации».

Немного сокращая, но сохраняя при этом смысл написанного, можно сказать, что Конституционный Суд имел в виду следующее:

- 1) извлечение информации из абонентского устройства (посредством осмотра или экспертизы) не требует судебного решения;
- 2) тот, кто посчитает эти действия нарушением тайны связи, может обжаловать их в суд;
- 3) больше ничего.

Как представляется, в данном случае нет оснований полагать, что орган конституционного контроля хотел сказать больше, чем сказал. Увидеть в определении разрешение на доступ к переписке граждан без судебной санкции можно лишь, сильно упрощая ситуацию – по логике «если а) Прозоровский жаловался на то, что в отношении него действовали незаконно, и б) суд ему отказал, то в) с Прозоровским поступили законно».

Решение, однако, построено на другой логике. Никаких правовых позиций (которые Конституционный Суд иногда приводит в своих решениях, подробно при этом мотивируя) здесь нет. Есть только отказ в принятии жалобы к рассмотрению. На том основании, что оспариваемые нормы, вопреки мнению заявителя, не нарушают его конституционных прав.

ч. 1 ст. 45 о государственной защите прав и свобод и ч. 2 ст. 50 о недопустимости доказательств, полученных с нарушением закона.

Нормы УПК РФ об осмотре предмета действительно не предусматривают санкции суда. Но осмотр сам по себе и не ограничивает тайну связи. Ходатайствовать перед судом о разрешении на это следственное действие лишь потому, что его объектом становится телефон, не нужно.

В телефоне может быть какая угодно информация, не составляющая тайну связи: фото-, видеофайлы, заметки, данные мобильных приложений¹.

Но как только заходит речь об охраняемой законом тайне, необходимо учитывать положения упомянутых уже закона «О связи» и ч. 2 ст. 23 Конституции РФ.

Это следует, во-первых, из того, что Конституция РФ имеет прямое действие. Утверждать о возможности доступа к указанным выше сведениям в общем порядке (предусмотренном ст. 176, 177 УПК РФ) значило бы игнорировать ее положения.

Во-вторых, нормы, устанавливающие общий порядок осмотра (УПК РФ), и те, что требуют судебного решения для доступа к информации (закон «О связи»), соотносятся как общие и частные. Соответственно, в случае их конкуренции применяются вторые. Установленный в ч. 2 ст. 7 УПК РФ приоритет этого нормативного акта над остальными не является безусловным.

На это Конституционный Суд указывал неоднократно, например, в определении от 8 ноября 2005 г. № 439-О «По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

В данной ситуации адвокаты обжаловали обыски, проведенные в их кабинетах без судебного решения, ссылаясь при этом на ст. 8 закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в РФ» (она предписывала проводить следственные действия в отношении адвоката, в т. ч. в его служебном помещении, только на основании судебного решения). Следствие и суды, отказавшие в удовлетворении жалоб, исходили из того, что уголовно-процессуальный закон требует обращаться в суд за разрешением лишь на обыск в жилище (ч. 3 ст. 182 УПК РФ).

Возникшую конкуренцию между этими нормами Конституционный Суд разрешил в пользу закона об адвокатуре, указав, во-первых, что «...приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед другими федеральными законами

¹ Вопрос о доступе к сведениям о частной жизни гражданина выходит за рамки данной статьи.

не является безусловным: он может быть ограничен правилами о том, что в случае коллизии между различными законами равной юридической силы приоритетными признаются последующий закон и закон, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений», и, во-вторых, что «разрешение в процессе правоприменения коллизий между различными правовыми актами должно осуществляться исходя из того, какой из этих актов предусматривает больший объем прав и свобод граждан и устанавливает более широкие их гарантии».

Эти недвусмысленные, казалось бы, положения были, однако, восприняты не везде.

Например, Фрунзенским районным судом г. Владивостока оставлено без удовлетворения ходатайство следователя о разрешении осмотра мобильного телефона обвиняемого В.

В апелляционном представлении прокурор Приморского края, цитируя положения ст. 13, 29 и 165 УПК РФ, а также ст. 23 Конституции Российской Федерации, сослался на то, что ограничение права гражданина на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (к которым можно отнести и СМС-сообщения) допускается только на основании судебного решения.

Приморский краевой суд оставил решение суда первой инстанции в силе, указав, что осмотр сведений, находящихся на электронных носителях информации, изъятых у обвиняемого, производится следователем в соответствии со ст. 176 УПК РФ, и для этого не требуется судебного решения¹.

Проблемы с реализацией конституционных положений о тайне связи связаны, вероятно, со сложностями процедурного характера.

Тайне связи в УПК РФ так или иначе посвящены лишь ст. 185 УПК РФ (арест, осмотр и выемка почтово-телеграфных отправлений), 186 (контроль и запись переговоров), 186.1 (получение информации о соединениях абонентов). Под эти три следственных действия был предусмотрен порядок обращения в суд (ст. 165 УПК РФ), который, в свою очередь, реализовывал соответствующие полномочия, предусмотренные в ч. 2 ст. 29 УПК РФ – п. 8 (для ст. 185), 11 (для ст. 186) и 12 (для ст. 186.1 УПК РФ).

¹ Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 31 мая 2016 г. по делу № 22-3453/2016 – приводится по: Васюков В. Ф. Особенности изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий: новеллы законодательства и проблемы правоприменения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (10) [1, с. 10].

Других полномочий ни для следователя, ни для суда напрямую не предусмотрено. А в имеющийся правовой механизм просмотр содержимого мобильных устройств не укладывается.

В то же время с июля 2016 г. отечественное уголовно-процессуальное законодательство в дополнение к упомянутым ст. 185–186.1 УПК РФ содержит норму, действие которой, очевидно, распространяется на ознакомление с сообщениями, хранящимися в памяти мобильных устройств. Речь идет о ч. 7 ст. 185 УПК РФ, внесенной законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ (одним из небезызвестного «пакета Яровой»).

Там сказано, что если «сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка» (вероятно, все-таки не сведений, а носителей информации).

Однако и для этих действий была предусмотрена лишь возможность, но не порядок – ст. 29 УПК РФ (о полномочиях суда) и 165 (о получении его разрешения на некоторые следственные действия) остались без изменений. Фактически «пакет Яровой» в этой своей части лишь продублировал уже имевшуюся и упомянутую ч. 1 ст. 13 УПК РФ о необходимости судебного решения на ограничение тайны связи.

Тем не менее конституционные права граждан должны реализовываться вне зависимости от того, создан для этого механизм или нет. Показательно в этом смысле решение Омского областного суда от 24 мая 2012 г./ № 22-2225/12 (кассационное определение). Им было отменено решение нижестоящего суда, отказавшего в удовлетворении жалобы защитника на действия следователя, который в ходе осмотра мобильного телефона ознакомился с перепиской фигуранта, не получив на это разрешения суда. В обоснование своей позиции кассационная инстанция помимо прочего указала: «Несмотря на то, что глава 25 УПК РФ прямо не закрепляет обязанность следователя получать судебное разрешение на осмотр СМС-переписки, эта обязанность вытекает из других норм как уголовно-процессуального закона и положений Конституции РФ, так и из международных норм, закрепленных в вышепоименованной Конвенции, подлежащих безусловно-му применению в РФ.

Очевидно, что приведенные выше положения предполагают защиту тайны личной жизни, требуя судебного разрешения на любые оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, которые могут ее нарушить».

Подводя итог, отметим:

- 1) ограничение тайны связи возможно лишь на основании судебного решения вне зависимости от способа такого ограничения;
- 2) Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г. № 189-О по жалобе Д.А. Прозоровского не отменяет этого правила уже потому, что не было ему посвящено.

Список литературы:

1. *Васюков В.Ф.* Особенности изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий: новеллы законодательства и проблемы правоприменения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (10).

Разные основания для решения вопроса о судьбе стадии возбуждения уголовного дела

В. Н. ГРИГОРЬЕВ,

профессор кафедры уголовного процесса,

доктор юридических наук, профессор,

почетный сотрудник МВД России

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

Аннотация: чтобы решить вопрос о судьбе стадии возбуждения уголовного дела, необходимо определить адекватную основу. Наиболее востребованными для этого являются ведомственно-прагматическая и общественно-гражданская основы. По мнению автора, конструкция начала уголовного судопроизводства (со стадией возбуждения уголовного дела в виде предварительной проверки или без такой стадии, лишь в виде регистрации поступившего сообщения) с точки зрения потребностей гражданского общества предполагает дифференцированный, подвижный подход. Приводятся некоторые признаки такого подхода, сформулированные в результате проведенных исследований, в виде системы сдержек и противовесов, определяющие допустимый барьер для начала уголовного преследования, факторы подвижности системы и организационно-правовой механизм реализации этой подвижности.

Ключевые слова: *стадии (этапы) уголовного процесса; возбуждение уголовного дела; уголовное преследование; потребности гражданского общества; доступ к правосудию.*

Сама по себе постановка вопроса о необходимости решить судьбу стадии возбуждения уголовного дела (ликвидировать ее либо сохранить в качестве самостоятельной стадии в системе уголовного судопроизводства) далеко не нова. Мы помним споры по этому вопросу более 45 лет назад. С тех пор с завидной регулярностью дискуссии по вопросу о судьбе стадии возбуждения уголовного дела возобновляются вновь и вновь. Причем, несмотря на смену эпох и включающихся в эту дискуссию новых исследователей, арсенал аргументов мало изменился. Сторонники сохранения стадии возбуждения уголовного дела (в виде предварительной проверки наличия либо отсутствия признаков преступления в исследуемом

событии) исходят из необходимости ограждения граждан от огультных уголовных преследований. Сторонники ликвидации стадии возбуждения уголовного дела обращают внимание на дублирование действий в ходе предварительной проверки и последующего расследования и видят в упразднении данного этапа уголовного судопроизводства значительный ресурс для интенсификации уголовного преследования.

Споры в этой плоскости могут продолжаться до бесконечности. Для того чтобы выйти из замкнутого круга, необходимо определить адекватную основу для решения проблемы. Среди множества возможных оснований наиболее востребованными являются ведомственно-прагматическая и общественно-гражданская платформы решения вопроса о судьбе стадии возбуждения уголовного дела.

С ведомственно-прагматической точки зрения решение проблемы становится очевидным и прозрачным – чем меньше барьеров на пути расследователя, тем быстрее он справится с определенной ему законом функцией уголовного преследования. И здесь упразднение стадии возбуждения уголовного дела в классической постановке этой проблемы будет еще одной составляющей в общем современном тренде уголовного судопроизводства, предполагающем быстрое выполнение в форме всевозможных упрощенных производств функции уголовного преследования без затрат времени на выяснение действительных обстоятельств произошедшего.

Нельзя сказать, что решение судьбы стадии возбуждения уголовного дела с общественно-гражданских позиций будет представлять нечто диаметрально противоположное. Гражданское общество в равной мере заинтересовано, чтобы уголовное судопроизводство предусматривало уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания. Однако оно в той же мере заинтересовано в отказе от уголовного преследования невиновных, что не вполне вписывается в современную уголовно-процессуальную форму и тем более практику ее применения. Поэтому вторая платформа не связана с однозначным вариантом решения судьбы стадии возбуждения уголовного дела – ликвидировать ее либо оставить в традиционном варианте.

Проведенные исследования привели к выводу, что конструкция начала уголовного судопроизводства (со стадией возбуждения уголовного дела в виде предварительной проверки или без такой стадии, лишь в виде регистрации поступившего сообщения) с точки зрения потребностей гражданского общества предполагает дифференцированный, подвижный подход.

Ситуация может сложиться так, что общество захлестнет волна вздорных жалоб, клеветнических анонимок, наветов на недругов или неугодных, а возбуждение уголовного производства станет прибыльным бизнесом для оборотистых сотрудников правоохранительных органов и удобным рычагом воздействия на оппонентов со стороны власти предрежащих. В этом случае на первый план выдвигается потребность в том, чтобы оградить граждан от огульных уголовных преследований, для чего более приемлема классическая модель возбуждения уголовного дела в виде предварительной проверки. В иной ситуации, когда правоохранительные органы бездействуют и доступ к правосудию становится реальной потребностью как альтернатива косной, заангажированной правоохранительной системе, на первый план выдвигается потребность гражданского общества в раскрепощении. Тогда выбор – в пользу модели возбуждения уголовного дела в виде регистрации поступившего сообщения, т. е. по сути в пользу упразднения стадии возбуждения уголовного дела в существующем виде.

Однако было бы преждевременным пытаться угадать, в какой ситуации мы сейчас находимся и, соответственно, каков должен быть ответ про судьбу стадии возбуждения уголовного дела. Дело в том, что реальная ситуация усложняется нелинейностью, неоднозначностью действующих факторов. И в одном и в другом состоянии общества можно обнаружить различные элементы, на которых основываются приведенные модели возбуждения уголовного дела. Поэтому задача заключается не в том, какую модель выбрать, а в оптимальном сочетании различных элементов и одной, и другой с преобладанием тех или иных из них в зависимости от конкретной ситуации и гибким, подвижным механизмом изменения их соотношения в зависимости от изменения этой ситуации.

Следовательно, гражданскому обществу, законодателю должен быть предложен не плоский вариант решения (сохранить стадию возбуждения уголовного дела или ликвидировать ее), а продвинутый, основанный на системе сдержек и противовесов на начальном этапе уголовного производства, когда еще отсутствуют достаточные данные, указывающие на признаки преступления в расследуемом событии. В эту систему должны войти, в частности, факторы свободы начала уголовного производства и факторы сдержек начала уголовного производства. К числу факторов свободы можно отнести отформатированность отношений, свободу обращения для гражданина и обязанности реагировать на такие обращения для сотрудников правоохранительных органов. Факторы сдержек начала уголовного производства включают сдержки для гражданина

в виде ответственности за заведомо ложное сообщение и сдержки для сотрудников, составляющие запрет для них какого-либо посягательства на права и свободы граждан при отсутствии достаточных, документально подтвержденных оснований [1, с. 81–82].

Судя по всему, в вопросе о судьбе стадии возбуждения уголовного дела пора продвинуться дальше от его плоской постановки и сменить научную задачу: вместо исследования вопроса о необходимости дальнейшего существования стадии возбуждения уголовного дела либо ее ликвидации, допустимости проверочных действий, следственных действий и мер процессуального принуждения до возбуждения уголовного дела следует разрабатывать систему сдержек и противовесов, определяющую допустимый барьер для начала уголовного производства, и факторы подвижности этой системы. Такой подход гарантирует приращение научного знания, а для практики – более тонкий учет потребностей гражданского общества в сфере деятельности органов уголовного преследования.

Список литературы:

1. *Григорьев В.Н.* Начало уголовного производства: система сдержек и противовесов // Современные проблемы уголовной политики: материалы IV Международной научно-практической конференции (Краснодар, 27 сентября 2013 г.). Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2013. Т. 1.

Злоупотребление субъективным правом стороной обвинения в уголовном судопроизводстве

Д. А. ДОНИКА,

*адъюнкт 3-го факультета
Академия управления МВД России*

Аннотация: в статье на современном этапе развития науки уголовного процесса рассматривается положение проблемы злоупотребления субъективными правами участниками уголовного процесса. На основе анализа научных трудов по исследуемой проблеме и полученных в результате опроса респондентов-правоприменителей в области уголовно-процессуального права данных определяется возможность злоупотребления субъективным правом стороной обвинения в уголовном судопроизводстве, кроме устоявшейся в науке позиции, рассматривающей злоупотребление субъективным правом исключительно стороной защиты. Автор рассматривает допустимость применения категории злоупотребления субъективным правом относительно властных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений. На основании приведенных аргументов делается вывод о возможности злоупотребления субъективным правом должностными лицами в ходе уголовного судопроизводства, а также о важности данных выводов для дальнейшего развития понимания категории злоупотребления субъективным правом в науке уголовного процесса.

Ключевые слова: *уголовный процесс; предварительное расследование; злоупотребление субъективным правом; должностное лицо; права и интересы участников уголовного процесса; уголовно-процессуальные правоотношения; властный субъект.*

Вопросы понимания, описания характеристик и последующего преодоления в правоприменительной практике посредством научных достижений проблемы злоупотребления субъективным правом в уголовном судопроизводстве в настоящее время с учетом гуманизации законодательства в виде расширения полномочий участников правоотношений становятся как никогда актуальными [3, с. 16–22; 4, с. 12–16; 12, с. 192].

Анализ исследовательских и научных работ в области уголовного процесса относительно проблемы злоупотребления субъек-

тивным правом показал, что присутствует некоторая однобокость в рассмотрении, а именно рассматриваются и изучаются в большей степени исключительно злоупотребления субъективным правом обвиняемым и защитником. В данных же работах ставится вопрос о злоупотреблении субъективными правами должностными лицами в уголовном процессе, при этом существуют два мнения: допускающее подобное злоупотребление субъективным правом и более многочисленное – не допускающее, ввиду образования, в случае злоупотребления, состава уголовного преступления. Последняя позиция также складывается ввиду отсутствия в подобных исследованиях разделения категорий «злоупотребление правом» и «злоупотребление субъективным правом», что, на наш взгляд, является существенным недостатком и ошибкой, т. к. злоупотребление именно субъективным правом по своей сути возможно исключительно в рамках уголовно-процессуальных правоотношений конкретным, предоставленным законодателем вовлеченному в уголовное судопроизводство субъекту правом, и в конкретно сложившихся уголовно-процессуальных правоотношениях обозначенный субъект правомочен использовать конкретное право, но делает это с искажением смысла и цели, заложенной законодателем в данное право, что приводит или может привести к нарушению прав и интересов иных участников уголовно-процессуальных правоотношений, достижению назначения уголовного судопроизводства [1, с. 9–13; 8, с. 116–121; 10, с. 144; 11, с. 65–78]. Обозначенная позиция находит свое подтверждение в ряде трудов ученых-процессуалистов, а также исследователей общей теории права, затрагивающих проблему злоупотребления правом и злоупотребления субъективным правом [2, с. 336–349; 6, с. 312–315; 9, с. 28; 10, с. 144].

Обозначенное выше разделение мнений в большей степени и определило ограниченность исследований исключительно злоупотребления субъективным правом стороной защиты. Но злоупотребление субъективным правом стороной обвинения либо иными участниками также необходимо рассматривать в целях комплексного подхода и определения реализуемых способов решения обозначенной проблемы и возможного преодоления злоупотребления субъективным правом в уголовном процессе.

Следует отметить, что стороной обвинения помимо должностных лиц – властных субъектов уголовного процесса, также могут быть и невластные, т. е. потерпевший, гражданский истец и производные от них. Но ввиду обозначенной выше позиции указанные участники уголовного судопроизводства также практически не рассматривались, хотя при дифференциации всех участников уголов-

но-процессуальных правоотношений на властных и невластных, определение и характеристику злоупотребления субъективным правом потерпевшим, гражданским истцом на теоритическом уровне возможно по аналогии со злоупотреблением субъективным правом обвиняемым и защитником, т. к. все обозначенные участники являются невластными субъектами. Вопросы злоупотребления субъективным правом стороной защиты, т. е. невластными субъектами, автором рассматривались в предыдущих статьях [6, с. 312–315].

Говоря же о властных субъектах уголовно-процессуальных правоотношений, следует отметить, что законодателем изначально при разработке и последующем совершенствовании текста уголовно-процессуального закона тщательно определены пределы и формы дозволенного поведения должностных лиц уголовного судопроизводства (следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, прокурора, суда (судьи)), что возможно рассмотреть как стремление пресечения и преодоления возможных противоправных явлений со стороны последних, в том числе меры ответственности за нарушение обозначенных форм.

Как уже сказано, сторонники первой позиции, заключающейся в невозможном проявлении злоупотребления субъективным правом в области уголовного судопроизводства со стороны должностных лиц, такие как О. И. Андреева, О. В. Желева, считают, ввиду надления последних совокупностью прав и обязанностей, образующих неразделимую связь – полномочия, злоупотребление правом специальным субъектом исключительно уголовным законом наказуемым деянием [1, с. 9–13; 8, с. 116–121; 11, с. 65– 78].

Представители научного сообщества из второго лагеря допускают возможное проявление злоупотребления субъективным правом со стороны властного субъекта уголовного процесса, рассматривая указанный правовой феномен именно через призму уголовно-процессуальных отношений, т. е. реализацию именно субъективных прав, а не полномочий в целом [10, с. 144]. На примере применения законов формальной логики, следуя от противного, при отсутствии нарушений прав и интересов в уголовно-процессуальных правоотношениях возможно говорить об отсутствии в данном случае проявления злоупотребления субъективным правом. То есть в каждом конкретном случае при отсутствии нарушений прав невластных участников уголовного процесса возможно говорить об отсутствии злоупотребления [5, с. 132–143; 7, с. 3–8].

Таким образом, отсутствие выявления и «квалификации» действий должностных лиц в уголовном судопроизводстве в правопри-

менительной практике как злоупотребление субъективным правом не препятствует отнесению данной правовой категории к властному субъекту. Аргументация данного положения отражена далее.

Автору настоящей статьи импонирует позиция второго лагеря, согласно которой рассматривается возможность и допустимость отнесения злоупотребления субъективным правом к действиям в рамках уголовно-процессуальных отношений должностных лиц. В целях подтверждения обозначенной позиции возможно привести следующие аргументы.

Во-первых, бесспорно утверждение, что уголовно-процессуальным законом предусмотрено усмотрение при принятии процессуальных решений властными субъектами уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, допускает проявление воли, собственного мнения и субъективной позиции указанной категории участников предварительного расследования при реализации полномочий в рамках уголовно-процессуальных правоотношений. В данном случае о злоупотреблении возможно говорить, на наш взгляд, в случае принятия в рамках норм уголовно-процессуального закона решения, нарушающего требования нормы уголовного права и, соответственно, нарушающего права и интересы вовлеченных в уголовный процесс лиц, и тем самым ставится под сомнение необходимость и обоснованность принятия решения в конкретно определенной форме. В качестве примера возможно привести ситуацию возбуждения уголовного дела следователем без наличия достаточных оснований. Следователь наделен правом при рассмотрении материалов доследственной проверки субъективно оценить наличие оснований для возбуждения уголовного дела и принять решение на свое усмотрение. Подобное решение повлечет или может повлечь нарушение прав и интересов иных участников или идти в противоречии с назначением уголовного судопроизводства, однако при этом важно учитывать отсутствие признаков уголовного преступления «злоупотребление должностными полномочиями» в части умысла и наступающих от подобного решения последствий.

Во-вторых, как нами было обозначено, законодатель, стремясь защитить права и интересы граждан, предусмотрел в уголовно-процессуальном законе такие меры, как возможность принесения жалобы на действия и бездействия властных субъектов (ст. 124–125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Данные нормы непосредственно являются процессуальными средствами преодоления злоупотребления субъективным правом, что также подтверждает наше мнение о возможности злоупотребления субъективными правами властными субъектами в рамках уголов-

но-процессуальных правоотношений. Обозначенный в первом аргументе пример также иллюстрирует и данный аргумент, т. к. лица, вовлеченные в уголовное судопроизводство, вправе обжаловать решение о возбуждении уголовного дела, и при прохождении процессуального или судебного контроля, при наличии признаков необоснованности принятия решения должностным лицом предварительного расследования, указанное решение будет отменено [7, с. 3–8].

Однако, регламентировав в нормах УПК РФ возможность преодоления злоупотребления правом со стороны должностных лиц, законодатель не определил гарантии защиты от данного преодоления – воздействия на должностных лиц в случае его необоснованности, что породило возможность для злоупотребления этим правом иными субъектами уголовного процесса. Данный вопрос автором рассматривался в предыдущих статьях [5, с. 132–143; 6, с. 312–315; 7, с. 3–8].

В частности, основным признаком злоупотребления субъективным правом властным субъектом выступает отсутствие нарушения конкретной уголовно-правовой нормы права, хотя и совершение действия в противоречии с заложенным в специальной норме уголовно-процессуального закона смыслом, что влечет наступление негативных последствий для интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

В свою очередь отсутствие единого мнения относительно возможности рассмотрения злоупотребления правом властными субъектами существенно ограничивает развитие теории в данном научном направлении и ее реализации в правоприменительной практике на современном этапе развития общества.

Понимание и отнесение злоупотребления правом ко всем участникам процесса позволит комплексно и в то же время точно и конкретно решать проблемы правоприменительной практики в области уголовного процесса, имея в виду недопущение нарушения существующих принципов, прав, свобод и интересов субъектов уголовного процесса. Отрицание признания злоупотребления субъективным правом со стороны властных субъектов ввиду действующей системы его преодоления, хоть и несовершенной, не позволяет в должной мере определить границы возможного ограничения прав лиц, допустивших злоупотребление правом в целях эффективного его преодоления, равнозначного последствиям злоупотребления и недопущения существенных ограничений прав субъектов уголовного процесса.

Список литературы:

1. *Андреева О.И.* Злоупотребление субъективным правом в уголовном процессе: проблемы правового регулирования // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 2 (16).
2. *Баев О. Я.* «Злоупотребление правом» как уголовно-процессуальная категория // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2013. № 2.
3. *Божьев В. П., Гаврилов Б.Я.* Критика современного УПК РФ: обоснованность, научность, прикладной характер // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1.
4. *Гаврилов Б.Я.* Современное уголовное судопроизводство России // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Симферополь – Алушта, 23–24 апреля 2020 г.). Симферополь, 2020.
5. *Доника Д. А.* К вопросу злоупотребления правом как проблеме в уголовно-процессуальной науке // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93).
6. *Доника Д.А.* Вариации злоупотребления субъективным правом стороной защиты на этапе предварительного расследования: первоначальные итоги исследования // Евразийский юридический журнал. 2020. № 11 (150).
7. *Доника Д.А.* Мировой суд как регулятор уголовно-процессуальных отношений, содержащих признаки злоупотребления правом // Мировой судья. 2021. № 2.
8. *Желева О.В.* Понятие и признаки злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396.
9. *Малиновский А.А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). Москва, 2007.
10. *Рябцева Е.В.* Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве: монография. Москва: Юрлитинформ, 2014.
11. *Трубникова Т.В.* Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17).
12. *Шейфер С.А.* Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. Москва: Инфра-М, 2013.

Влияние информационных технологий на обеспечение прав участников современного уголовного процесса

И. А. КАЗНИНА,
преподаватель кафедры
уголовного процесса,
кандидат юридических наук
Нижегородская академия МВД России
E-mail: tutikovai@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые достижения информационных технологий в современном мире, которые активно используются в деятельности правоохранительных органов с целью выявления и раскрытия преступлений. Анализируются положительные и отрицательные стороны влияния информационных технологий на обеспечение прав человека и участников уголовного процесса. Предлагаются меры по совершенствованию механизма подачи электронных жалоб, возникающих в ходе предварительного расследования, с учетом имеющихся положений относительно законодательства об обращениях граждан.

Ключевые слова: *информационные технологии; обращение; электронная жалоба; участники уголовного процесса.*

Современный мир невозможно представить без достижений современных технологий, в том числе информационных. Не осталась в стороне и правоохранительная деятельность, в которую они активно внедряются. Так, понятие «информационные технологии» содержится в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Под «информационными технологиями» понимаются процессы метода поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов»¹. Снижение трудоемкости процессов обработки большого массива информации становится целью крупных предприятий, организаций. Информационные технологии расширяют

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

возможности и способности человека хранить, обрабатывать, передавать и производить другие операции с информационными ресурсами. Глобализация информационных процессов выводит общество на новый уровень, вследствие чего мы можем наблюдать процессы становления и развития информационных обществ по всему миру.

Следует отметить, что в процессе изучения вопроса о влиянии информационных технологий на обеспечение прав человека мы столкнулись с тем, что основной массив научных исследований посвящен непосредственно тем технологиям, которые направлены на пресечение, выявление, раскрытие и расследование преступлений. Например, система под названием «Паутина», которая позволяет разыскивать угнанные и покинувшие место ДТП автомобили с использованием дорожных камер [2]. Или информационно-поисковая система «Спрут», предназначенная для выявления и моделирования связи в организованных преступных группировках. Она позволяет зафиксировать данные о родственных связях, друзьях, коррупционных отношениях. Также МВД России планирует провести в 2021–2022 гг. научно-исследовательские работы по внедрению искусственного интеллекта для определения внешности преступника, разработать систему для поиска серийных преступников и определения внешности нарушителей закона. Предполагается, что данные технологии позволят автоматически проанализировать особенности нескольких преступлений и выявлять в них совпадения. Подобных информационных технологий достаточно много на вооружении у правоохранителей, и они продолжают разрабатываться, совершенствоваться и внедряться на всей территории Российской Федерации.

Указом Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 был учрежден Департамент информационных технологий, связи и защиты информации МВД России в структуре Министерства внутренних дел Российской Федерации. Одним из направлений деятельности учрежденного департамента является активное участие в процессе перехода к предоставлению услуг в электронном виде. Также одной из его функций является совершенствование информационных и телекоммуникационных технологий, разработка и развитие автоматизированных информационных систем и средств связи. При этом в Положении об организации деятельности указанного департамента отсутствует информация о расширении возможностей информационных технологий в сфере обеспечения прав человека и граждан.

Достижения информационных технологий практически не рассматриваются как важный инструмент для сбора, обобщения

и передачи информации относительно количества, содержания и оперативности разрешения обращений граждан, поступающих в правоохранительные органы, а также органы предварительного расследования. Фактически только в 2019 г. было уделено внимание необходимости создания и использования информационных технологий для аккумуляирования жалоб и заявлений граждан. С этой целью по поручению Президента Российской Федерации В.В. Путина в рамках национальной программы «Цифровая экономика» создана единая платформа обратной связи (далее – ПОС). В пилотном режим она была запущена в 2019 г. В ее тестировании приняли участие Минцифры и 9 субъектов Российской Федерации. В ПОС создано 16,5 тыс. личных кабинетов органов власти, получено более 340 тыс. сообщений, проведено 400 голосований и 1,5 тыс. опросов граждан, обсуждено 470 проектов нормативных актов [1]. Благодаря данной системе граждане могут оставить обращение, проследить статус его рассмотрения и оставить отзыв на качество ответа органа власти. Планируется, что до конца 2021 г. ПОС начнет действовать на всей территории России.

Более подробно мы бы хотели остановиться на таких обращениях, как жалобы. Следует отметить, что в настоящее время у граждан есть возможность реализовать свое право на обжалование путем подачи жалобы в электронной форме: на официальных сайтах органа внутренних дел или органа предварительного расследования есть раздел, где можно, заполнив специальную форму, направить обращение. Несомненно, такой подход в значительной степени облегчает реализацию права на обжалование, а само по себе обжалование, несмотря на его негативное восприятие, позволяет выявить недостатки в работе того или иного органа. Также возможность подачи электронного обращения способствует тому, что лицо это все-таки сделает. Тем более, что форма обращения содержит обязательные для заполнения поля, и процедура не вызовет сложностей. Гражданину не надо тратить время и деньги, чтобы реализовать свое право. Так, Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области в последние годы отмечает увеличение числа обращений, поступивших с использованием информационных технологий или через интернет-приемную¹. Снижение материальных и физических затрат на подачу обращения стимулирует граждан осуществлять данное право.

¹ Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета РФ по Нижегородской области. Обзоры обращений граждан. URL: <https://nnovgorod.sledcom.ru/about/divisions> (дата обращения: 10.05.2021).

Анализ открытых источников позволяет сделать вывод, что информационные технологии в данной сфере столь же популярны и развиваются, однако процедура подачи жалобы в рамках уголовного судопроизводства более сложная, нежели просто подача жалобы на действия (бездействие) сотрудников правоохранительных органов. Прежде всего, это связано со спецификой уголовно-процессуальной деятельности, а также субъектами, имеющими право принимать решение по такой жалобе. Несомненно, если лицо подает жалобу через сайт органа предварительного расследования, то существует два варианта развития события: жалобу в дальнейшем передадут лицу, уполномоченному ее разрешать, или лицу будет разъяснено, в какое конкретно подразделение и какому должностному лицу следует направлять данную жалобу. В обоих случаях наблюдается более усложненный и длительный по времени процесс подачи и рассмотрения жалобы. В связи с этим предлагается предусмотреть специальный раздел для подачи именно жалоб, возникающих в порядке досудебного производства по уголовному делу.

Учитывая особую значимость и специфику уголовного процесса, считаем возможным использовать для входа в такой раздел логин и пароль. Ими могут быть: номер уголовного дела, дата возбуждения уголовного дела, указание на процессуальный статус заявителя жалобы и др. Также до начала заполнения жалобы считаем важным и необходимым разъяснение лицу ответственности (уголовной или административной) за дачу заведомо ложных сведений относительно действий (бездействия) следователя/дознателя. В настоящее время законодателем такая ответственность не предусмотрена, но, с нашей точки зрения, необходима.

С положительной стороны в данном направлении следует отметить положение, размещенное на официальном сайте Главного управления МВД России по Нижегородской области, о том, что если в обращении указаны заведомо ложные сведения, то с автора могут быть взысканы расходы, связанные с проведением проверки по данному обращению¹. Представляется, что такая мера может быть включена и в уголовно-процессуальное законодательство. Возможность подачи обращения дистанционно, с одной стороны, играет положительную роль, но с другой – отсутствие личного контакта с должностным лицом может привести к злоупотреблению правом на обжалование. Проблема или вопрос, которые могли быть решены непосредственно на месте, в ходе разговора со следователем/

¹ Официальный сайт Главного Управления МВД России по Нижегородской области. URL: <https://52.mvd.rf/> (дата обращения: 10.05.2021).

дознавателем их руководством преобразуются в жалобу, по которой необходимо проводить работу. Несмотря на это, считаем, что информационные технологии положительным образом влияют на обеспечение прав человека; учитывая уже существующие возможности, полагаем, что и реализация прав граждан в рамках уголовного судопроизводства постепенно достигнет высокого уровня. В данном направлении еще предстоит длительная работа по совершенствованию механизма приема, разрешения именно жалоб в рамках уголовного процесса.

Список литературы:

1. *Алпатова И.* Подайте жалобную книгу // Рос. газ. 2021. № 53 (8404). URL: <https://rg.ru/2021/03/14/vse-zhaloby-i-obra-shcheniia-grazhdan-soberut-na-odnoj-platforme.html> (дата обращения: 10.05.2021).
2. *Баршев В.* Камеры сплели паутиной // Рос. газ. 2021. № 87 (8438). URL: <https://rg.ru/2021/04/21/sistema-otslezhivaniia-avtomobilej-zarabotala-v-centralnom-federalnom-okruge.html> (дата обращения: 10.05.2021).

Производство дознания в сокращенной форме: современное состояние, перспективы развития

А. Г. КИРСАНОВА,

*адъюнкт 3-го факультета
Академия управления МВД России*

Аннотация: осуществление уголовно-процессуальной деятельности регламентируется Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Нормы уголовно-процессуального законодательства призваны реагировать на потребности современного общества, правоприменительной практики. Среди ученых и практических работников не прекращаются дискуссии о возможности, необходимости и эффективности существования форм предварительного расследования уголовных дел.

Ключевые слова: *уголовный процесс; право; предварительное расследование; дознаватель; дознание; дознание в сокращенной форме.*

В современном уголовном процессе существуют различные уголовно-процессуальные формы расследования уголовных дел, основной задачей которых является соблюдение гарантий личности, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность. Одной из форм предварительного расследования в упрощенной форме является производство дознания в сокращенной форме, являющейся относительно новой упрощенной формой, регламентируемой главой 32.1 УПК РФ, введенной Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ¹.

Введение упрощенной процессуальной формы в виде производства дознания в сокращенной форме обусловлено рядом экономических и процессуальных предпосылок. Рассматривая экономическую составляющую, необходимо исходить из того, что формы уголовного судопроизводства содержат материальную основу и должны соответствовать финансовым возможностям государства [3]. Так, расходы на процессуальные издержки (оплата труда адвоката, про-

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 марта 2013 № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

изводство судебных экспертиз) по уголовным делам, расследованным в сокращенной форме дознания, значительно сокращаются. С процессуальной стороны введение сокращенной формы дознания направлено на оптимизацию и повышение эффективности уголовного судопроизводства. В этой части стоит согласиться с мнением ученых, которые отмечали, что данный порядок позволит преодолеть излишнюю забюрократизованность уголовного процесса [2, с. 74–82].

Дознание в сокращенной форме проводится при наличии основания в виде ходатайства подозреваемого о производстве расследования по уголовному делу именно в данной форме при соблюдении ряда условий: расследуемое преступление должно быть небольшой или средней тяжести; уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица; подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, не оспаривает правовую оценку деяния и при этом отсутствуют предусмотренные ст. 226.2 УПК РФ обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме.

Анализ норм, содержащихся в главе 32.1 УПК РФ, позволяет сделать вывод об отсутствии процессуальных препятствий для формирования обвинения при производстве дознания в сокращенной форме. При этом закон исходит из того, что лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, при производстве дознания не имеет статуса обвиняемого вплоть до вынесения обвинительного постановления, которое является итоговым процессуальным актом, свидетельствующим об окончании производства расследования по уголовному делу. Данное обстоятельство обуславливает иную, в отличие от предварительного следствия, правовую ситуацию, позволяющую реализовывать обвиняемому его права.

В связи с этим, следует указать на то, что:

- во-первых, положения ч. 4 ст. 226.7 УПК РФ возлагают на орган предварительного расследования обязанность ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела и обвинительным постановлением не позднее 3 суток со дня его составления. При этом дознаватель представляет для ознакомления обвиняемому и его защитнику материалы уголовного дела и обвинительное постановление, не утвержденное прокурором;

- во-вторых, в соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 47 УПК РФ обвиняемый имеет право на получение копии обвинительного постановления. Однако согласно ч. 3 ст. 226, ч.3 ст. 226.8 УПК РФ копия обвинительного акта ему вручается после его утверждения прокурором. Таким образом, остается неясным, в какой момент, до либо после

утверждения прокурором обвинительного постановления, оно под-
лежит предъявлению лицу, привлекаемому к уголовной ответствен-
ности. Учитывая двойственную природу обвинительного постанов-
ления, однозначного ответа не возникает, поскольку, расценивая
обвинительное постановление как процессуальный документ, сви-
детельствующий о приобретении подозреваемым статуса обвиняе-
мого, логично вручение обвинительного постановления до утверж-
дения его прокурором. Но поскольку обвинительное постановление
является итоговым документом расследования уголовного дела, то
законным полагаем вручение его копии после утверждения проку-
ром.

Значимым обстоятельством в обеспечении прав обвиняемого
и иных участников уголовного судопроизводства при производ-
стве дознания в сокращенной форме является срок расследования.
Согласно ч. 1 ст. 226.6 УПК РФ дознание в сокращенной форме
должно быть окончено в срок, не превышающий 15 суток со дня
вынесения постановления о производстве расследования в данной
форме. Кроме того, указанный срок расследования увеличивается
за счет двух суток, предоставляемых подозреваемому для заявления
ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме.

Более того, в указанный период времени не включен срок про-
цессуальной проверки по сообщению о преступлении, который
сегодня составляет до 30 суток в связи с предоставлением возмож-
ности дознавателю производства до возбуждения уголовного дела
исследования с привлечением специалиста или судебной экспер-
тизы, а также период от вынесения постановления о возбуждении
уголовного дела до момента допроса подозреваемого. Кроме того,
в случаях, предусмотренных ч. 9 ст. 226.7 УПК РФ, срок дозна-
ния может быть продлен прокурором до 20 суток, о чем прокурору
дознавателем, не позднее чем за 24 часа до истечения срока дозна-
ния, должно быть представлено соответствующее постановление.
Анализируя вышеуказанные временные периоды, не включенные
в пятнадцатидневный срок производства дознания в сокращенной
форме, полагаем необоснованной возможность столь длительных
сроков (реально от одного до нескольких месяцев) расследования.

Следует также учитывать и то обстоятельство, что производ-
ство дознания в сокращенной форме является более тактически
удобной процессуальной формой для стороны защиты, поскольку
на любом этапе расследования подозреваемый вправе отказаться
от его производства и ходатайствовать о расследовании в форме
обычного дознания. Так, имеют место случаи, когда обвиняемый
и его защитник, ознакомившись с материалами уголовного дела

и соответственно, собранными по делу доказательствами, отказываются от признательных показаний и ходатайствуют о производстве дознания в общем порядке. В связи с этим, полагаем, что решение о производстве дознания в сокращенной форме должно приниматься лицом, производящим расследование по уголовному делу, и не зависеть от желания подозреваемого. Также будет справедливым ограничить право потерпевшего возражать против производства дознания в сокращенной форме за исключением дел частного-публичного обвинения.

При расследовании уголовного дела в сокращенной форме дознаватель проводит следственные и процессуальные действия, производство которых может повлечь утрату следов преступления или иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Не подвергаются проверке те факты и обстоятельства, которые не оспариваются подозреваемым, а в некоторых случаях не проводятся и судебные экспертизы. Современная форма производства дознания в сокращенной форме схожа с протокольной формой досудебной подготовки материалов, имевшей место быть в УПК РСФСР. Основной идеей такой протокольной формы являлось скорейшее осуществление наказания виновного лица и максимально приближенное по времени к моменту совершения преступления право потерпевшего на правосудие и возмещение причиненного ущерба.

Обращаясь к статистическим данным ГИАЦ МВД России, возможно наблюдать незначительное снижение уголовных дел, расследованных в сокращенной форме дознания. Так, удельный вес уголовных дел, направленных в суд в сокращенной форме, от общего числа уголовных дел, направленных в суд в 2018 г. составил 25,8 %, в 2019 – 24,8 %, в 2020 – 21,3 %. Полагаем, что подобная ситуация связана с несовершенством отдельных положений данной процессуальной формы расследования. Сопоставив современную форму производства дознания в сокращенной форме с ранее существовавшей протокольной формой досудебной подготовки материалов, возможно заключить, что у последней имелось значительное количественное преимущество по направлению дел в суд. В 1995–1996 гг. в суд направлялось до 250–300 тыс. уголовно-наказуемых деяний, расследованных в указанной протокольной форме [1, с. 14]. Однако в современный УПК РФ протокольная форма досудебной подготовки материалов не была включена по причине того, что она не предусматривала признание процессуального статуса для участников уголовного процесса и, соответственно, наделением их процессуальными правами и обязанностями, без наличия которых нор-

мы уголовно-процессуального закона в этой части не соответствовали бы положениям Конвенции и защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней».

Рассматривая предлагаемую сегодня профессором Б.Я. Гавриловым модифицированную протокольную форму досудебного производства, следует согласиться с его точкой зрения о применении упрощенной формы расследования, исходя, в первую очередь, из обстоятельств совершенного преступления, что позволит применить ее в будущем вне зависимости от подследственности, исходя из обстоятельств, свидетельствующих об очевидности совершенного преступления, например, при совершении квалифицированных видов имущественных преступлений лицами, задержанными с поличным.

В заключение следует отметить, что законодатель ориентирован на создание благоприятных условий для расследования уголовного дела на всех его стадиях, а также на реализацию защиты прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства. Решение вопроса повышения эффективности уголовно-процессуальной формы расследования видится в ее реформировании.

Список литературы:

1. *Гаврилов Б.Я.* Протокольная форма досудебного производства – генезис, современное состояние, перспективы развития // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5.
2. *Гаврилов Б. Я., Божьев В.П.* Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2.
3. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург, 1996. Т. 1.

К вопросу о целесообразности стадии возбуждения уголовного дела

Е. Н. КЛЕЩИНА,

*профессор кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права,
доктор юридических наук, доцент
Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина
E-mail: elena-kleshchina@mail.ru*

Д. С. КРЫЛОВА,

*преподаватель-методист учебного
отдела Тверского филиала,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров
Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя
E-mail: trynko87@mail.ru*

Аннотация: стадия возбуждения уголовного дела в системе российского уголовного судопроизводства является начальным этапом. Период действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации показал неоднозначное отношение законодателя к данному этапу уголовного судопроизводства, поскольку были внесены многочисленные изменения и дополнения в раздел VII «Возбуждение уголовного дела». Вносимые поправки послужили основой острой дискуссии в теории уголовного процесса о том, какой же должна быть система уголовного судопроизводства и необходима ли вообще стадия возбуждения уголовного дела, какой должна быть оптимальная процедура на рассматриваемой стадии. В статье рассматриваются проблемы, возникающие на стадии возбуждения уголовного дела при проверке сообщений о преступлениях в современный период, и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство; стадии уголовного процесса; стадия возбуждения уголовного дела; проверка сообщения о преступлении.*

В теории уголовного процесса многие годы ведется острая полемика о целесообразности стадии возбуждения уголовного дела.

Одни ученые обосновывают необходимость отмены стадии возбуждения уголовного дела, другие, напротив, указывают на ее целесообразность. В большей степени эти дискуссии связаны с тем, что законодателем за период действия уголовно-процессуального закона многократно вносились изменения и дополнения в раздел VII УПК РФ «Возбуждение уголовного дела». Многие авторитетные ученые обозначают свои позиции относительно порядка досудебного производства по уголовным делам.

Так, Б.Я. Гаврилов полагает необходимым ст. 148 УПК РФ исключить, а статья 146 УПК РФ, по его мнению, должна регламентировать возбуждение уголовного дела с момента регистрации сообщения о преступлении [1]. Аналогичную позицию высказывает С.И. Гирько, считая, что «УПК должен быть освобожден от процессуальных решений о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела» [2]. По мнению Ю. В. Деришева, «стадия возбуждения уголовного дела есть реликт социалистической законности, рассмотрение сообщений о преступлениях не более, чем начальный этап предварительного расследования» [4].

Другие ученые, напротив, выступают за сохранение и целесообразность рассматриваемой стадии. Так, О.В. Химичева, Д.В. Шаров подчеркивают, что «уголовное судопроизводство объективно нуждается в первоначальном этапе процессуальной деятельности, на котором осуществляется первичная проверка сообщений о преступлениях. Поэтому упразднение стадии возбуждения уголовного дела не решит проблему производства проверочных действий по поступившему сообщению, а лишь приведет к тому, что они окажутся за рамками уголовно-процессуального регулирования, вне уголовно-процессуальных гарантий» [8].

По мнению Н.В. Жогина и Ф.Н. Фаткуллина, нормативные положения, регулирующие стадию возбуждения уголовного дела, обеспечивают соблюдение прав и законных интересов граждан, а также придают лаконичность и правовое равновесие возникшим правоотношениям [5].

В.Н. Яшин и А.В. Победкин подчеркивают, что «стадия возбуждения уголовного дела призвана, с одной стороны, обеспечить решительное оперативное реагирование на каждое сообщение о преступлении, что является гарантией быстрого и полного его раскрытия, с другой, исключить незаконное и необоснованное вовлечение граждан в орбиту уголовного судопроизводства, а также напрасную трату сил и средств правоохранительных органов» [9].

Конституционный Суд РФ в своем постановлении обозначил правовую позицию, касающуюся сущности рассматриваемой как

«начальной, самостоятельной стадии уголовного процесса, в ходе которой устанавливаются поводы и основания к возбуждению уголовного дела, в том числе достаточность данных, указывающих на признаки преступления, их юридическая квалификация, обстоятельства, исключающие возбуждение уголовного дела»¹.

Представляется, что значение стадии возбуждения уголовного дела в том, что является своего рода фильтром, не позволяющим «проведению в дальнейшем предварительного расследования в отсутствие неподтвержденных данных о наличии признаков преступления» [6].

Задачами рассматриваемой стадии являются «прием, регистрация и разрешение сообщений о преступлениях с одновременным закреплением следов преступления и принятием мер, направленных на предотвращение и пресечение преступления» [7].

Следует отметить, что ст. 144 УПК РФ, регламентирующая процедуру рассмотрения сообщения о преступлении, не в полной мере отвечает перечисленным задачам, что создает проблемы в правоприменительной практике, нередко приводит к несвоевременному принятию решения о возбуждении уголовного дела.

В действующей редакции рассматриваемой статьи значительно расширен перечень следственных действий, которые возможно производить на данном этапе судопроизводства.

Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ возможно назначение судебной экспертизы, участие в ее производстве, получение заключения эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование и ряд других процессуальных действий. Соответственно, для выполнения указанных следственных и процессуальных действий обозначены сроки. Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. Далее в соответствии с ч. 3 рассматриваемой статьи руководитель следственного органа, начальник органа дознания вправе по мотивированному ходатайству следователя, дознавателя продлить до 10 суток указанный выше срок. При необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экс-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 2 и 4 ст. 20, ч. 6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, ч. 1 и 2 ст. 319 УПК РФ в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

пертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий этот срок может быть продлен до 30 суток.

В связи с изменением порядка проверки сообщения о преступлении законодатель дополнил ст. 144 ч. 11, в соответствии с которой лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Кроме того, в данной части предусмотрено положение о том, что участники сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ. Очевидно, что законодателем создан дисбаланс между нормами уголовно-процессуального закона, предусматривающими процессуальное положение участников уголовного процесса, и нормой уголовного закона, предусматривающей ответственность за неразглашение данных предварительного расследования.

Представляется, что предусмотренный в уголовно-процессуальном законе достаточно широкий перечень следственных и процессуальных действий, которые возможно проводить на данном этапе, служит барьером к своевременному принятию решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела. Кроме того, встречаются случаи ненадлежащей проверки сообщения о преступлении.

Так, в связи с проводимой Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москальковой проверкой по жалобе Ч. и Н. на бездействие сотрудников ОМВД России по Рузскому г.о. Московской области изучены запрошенные материалы проверок об отказе в возбуждении уголовных дел по признакам преступлений, предусмотренных ст. 330 и 166 УК РФ. Из жалобы следовало, что установленные лица, находясь на территории телятника, принадлежащего заявителям, незаконно завладели принадлежащими Н. автомобилями, кроме того, применяли физическую силу к Ч. Изучение материалов доследственной проверки показало, что в ходе проверки дознавателем не проведено ни одного проверочного мероприятия, направленного на сбор сведений, достаточных для принятия законного и обоснованного процессуального решения в рамках ст. ст. 144–145 УПК РФ. Уполномоченным направлено соответствующее заключение прокурору Московской области, по результатам которого постановление об отказе в возбуждении

уголовного дела отменено, назначена дополнительная проверка, начальнику ОМВД России по Рузскому г.о. внесено представление, которое рассмотрено и удовлетворено. Впоследствии возбуждено уголовное дело по указанным событиям¹.

Указанное свидетельствует о недостатках порядка производства на стадии возбуждения уголовного дела. Очевидно, что даже такой достаточно сложный порядок проверки сообщения о преступлении не гарантирует принятия законных и обоснованных решений на данном этапе уголовного процесса. Именно поэтому ведется полемика относительно порядка производства на данной стадии и вообще целесообразности данного этапа уголовного судопроизводства.

Важно отметить, что такие споры возникают и между правоприменителями, среди которых также не имеется единого мнения на ряд назревших вопросов: какова эффективность действующего порядка сообщения о преступлении; обеспечивает ли такой порядок права участников данной стадии; целесообразно ли наличие такой стадии, как возбуждение уголовного дела в системе уголовного процесса, или ее необходимо упразднить; каков приемлемый порядок проверки сообщения о преступлении.

Авторами статьи в 2021 г. было проведено интервьюирование 140 дознавателей и следователей органов внутренних дел в г. Москве, Московской, Ивановской, Костромской, Новгородской, Тверской и Ярославской областях.

В большинстве своем (108 чел.) опрошенные сотрудники убеждены, что срок проведения проверки сообщения о преступлении увеличивать нецелесообразно, потому что, во-первых, это создаст большую волокиту, а во-вторых, увеличит сроки доступа потерпевшего к правосудию.

При этом некоторые из них (32 чел.) считают эти сроки (3, 10 и даже 30 суток) недостаточными, поскольку зачастую, по их мнению, невозможно провести все мероприятия, необходимые для принятия законного решения, в результате чего большое количество материалов, по которым принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела, отменяется прокурором. К примеру, как отмечают они, по заявлениям о краже с банковских карт в рамках проверки сообщения о преступлении следователь направляет запросы в банк (о предоставлении выписки по счету), на исполнение которых нередко тратится больше 10 суток, в результате чего

¹ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/content/doclad2020>.

по данной причине ему приходится продлевать срок проверки сообщения о преступлении до 30 суток, хотя в перечне оснований для продления срока такого довода не указано.

Достаточно большое количество следователей (дознавателей) (117 чел.) уделили внимание недостаточной правовой регламентации в УПК РФ прав заявителя. Несмотря на то что в ст. 141, 144, 145 УПК РФ довольно часто упоминается данный участник, в остальных разделах УПК, куда законодатель отсылает нас в случае заявления им ходатайств (раздел V «Ходатайства и жалобы») или же предупреждения его о неразглашении данных предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования»), понятие «заявитель» вообще отсутствует, более того, в УПК не закреплено такого участника. Аналогичная ситуация возникает при праве заявителя быть защищенным в порядке ч. 9 ст. 166 УПК, в которой о заявителе также не упоминается.

У некоторых следователей и дознавателей возник вопрос о порядке назначения и производства судебных экспертиз в рамках проверки сообщения о преступлении. Отдельные экспертизы проводятся исключительно в бюро платных экспертиз, а МВД оплачивает экспертизы только в рамках возбужденных уголовных дел, в результате чего такой вид исследования в ходе проверки становится попросту недоступен, хотя в его проведении часто возникает необходимость именно на данной стадии уголовного судопроизводства.

Самой напряженной темой в ходе опроса практикующих работников стал вопрос о целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела или ее упразднении. Некоторые сотрудники полагают, что такой порядок необходимо упразднить, т. к. в этом случае после поступившего сообщения о преступлении сразу начнется производство по делу, и в последующем им не придется дублировать следственные действия, проведенные в рамках проверки сообщения о преступлении.

Однако большинство опрошенных (135 чел.) высказали мнение о необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела, т. к. именно в ходе проверки сообщения о преступлении выясняются факты наличия или отсутствия события преступления. Мы поддерживаем данную точку зрения и считаем, что такую стадию уголовного процесса, как возбуждение уголовного дела, необходимо не только сохранить, но и совершенствовать. Как отмечает В.Н. Григорьев, «возбуждение уголовного дела является наиважнейшим этапом уголовного преследования, являясь по своей сути

гарантией от необоснованного применения мер государственного принуждения» [3].

Отдельные практические работники отметили, что они вообще не задаются обозначенными выше вопросами, а работают по аналогии, исходя из практики, сложившейся в конкретном подразделении.

В ходе опроса также выявлено, что в некоторых регионах следователи и дознаватели проверку сообщения о преступлении самостоятельно не проводят (только в рамках выезда на место происшествия), тем более не принимают по ним решений. Такой порядок они объяснили высокой загруженностью по уголовным делам, пояснив, что, по их мнению, эту работу должны проводить исключительно сотрудники уголовного розыска и участковые уполномоченные полиции. Очевидно, законодатель убежден, что проведенная проверка сообщения о преступлении следователем или дознавателем будет полнее и качественнее, однако их деятельность и без того перегружена, поэтому вопрос качества проверки отходит на второй план, о чем также высказались опрошенные сотрудники. Таким образом, вопрос о лице, уполномоченном проводить проверку сообщения о преступлении, среди действующих работников стоит остро.

Полагаем, что назрела необходимость изменения порядка производства на стадии возбуждения уголовного дела, но совершенствовать этот порядок следует не только с учетом положительного зарубежного опыта, но и собственного исторического опыта, поскольку его положения апробировались практикой их применения многими годами.

По нашему мнению, можно было бы учесть при дальнейшем развитии уголовного судопроизводства и порядка производства на стадии возбуждения уголовного дела прошлый опыт, т. е. порядок, который предусматривался УПК РСФСР, когда проверка сообщения о преступлении была возможна только в срок не более трех суток, а в исключительных случаях – в срок не более 10 суток. До 30 суток такое продление возможно в случае проведения ревизий и документальных проверок. Представляется, что в ходе проверки сообщения о преступлении возможно производство необходимых процессуальных действий, а в качестве следственных действий – осмотр места происшествия и освидетельствование. В случаях, когда требуются специальные познания, – получение заключения специалиста. Полагаем, что этих средств будет достаточно, чтобы определиться с тем, имеется ли основание, т. е. наличие признаков преступления, для возбуждения уголовного дела при проверке сообщения о преступлении. Кроме того, определилась необходимость закрепления в уголовно-процессуальном законе процессуального

положения заявителя, поскольку он является одним из центральных участников на стадии возбуждения уголовного дела.

Важным моментом, на наш взгляд, является результат опроса практикующих работников, который совпал с нашей точкой зрения о недостаточной эффективности стадии возбуждения уголовного дела в действующей редакции, которая не отвечает потребностям современной правоохранительной деятельности. Вместе с тем имеет принципиальное значение их подавляющее мнение о целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела, которая, однако, является далеко не идеальной и требует ряда адекватных мер по ее совершенствованию.

Список литературы:

1. *Гаврилов Б.Я.* Современное досудебное производство: эпоха становления // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 19–20 мая 2016). Москва: МГИМО МИД России; МАЭП, 2016.
2. *Гирько С.И.* Оптимизация дознания органов внутренних дел // Проблемы предварительного следствия и дознания: сборник научных трудов № 22. Москва: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2013.
3. *Григорьев В.Н.* О концепции возбуждения уголовного дела // Проблемы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Москва, 1994.
4. *Деришев Ю.В.* Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск, 2004.
5. *Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н.* Возбуждение уголовного дела. Москва: Госюриздат, 1961.
6. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук., проф. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. Москва, 2017.
7. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2011.
8. *Химичева О.В., Шаров Д.В.* Начало уголовного судопроизводства: продолжение дискуссии // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования: сборник материалов международной научно-практической конференции (Москва, 19–20 мая 2016). Москва: МГИМО МИД России; МАЭП, 2016.
9. *Яшин В.Н., Победкин А.В.* Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы: учебное пособие для вузов. Москва, 2002.

К вопросу о процессуальных полномочиях начальников территориальных органов МВД России

А. В. КРАСИЛЬНИКОВ,
*профессор кафедры управления
органами расследования преступлений,
кандидат юридических наук, доцент
Академия управления МВД России*

Аннотация: в статье рассматривается вопрос, связанный с осуществлением процессуальных полномочий начальниками территориальных органов МВД России. Обращается внимание на необходимость дифференцирования правового положения органа внутренних дел как административного органа (организации) и его уголовно-процессуального положения органа дознания как самостоятельного субъекта уголовно-процессуальных отношений.

Ключевые слова: *процессуальные полномочия; начальник органа дознания; начальник подразделения дознания; дознаватель; территориальный орган.*

Одними из наиболее сложных для теоретического осмысления и практического разрешения проблем в сфере уголовного судопроизводства до настоящего времени остаются проблемы, связанные с производством предварительного расследования в форме дознания. Круг этих проблем достаточно широк и, несмотря на внимание к ним видных ученых-процессуалистов и практикующих юристов, ощутимых позитивных тенденций в развитии рассматриваемой формы процессуальной деятельности и соответствующего правового института пока не усматривается. Причины сложившейся ситуации кроются как в особенностях исторического развития дознания в России, так и в игнорировании разработчиками одноименного уголовно-процессуального института опыта предшествующих реформаций. Как следствие, правовое регулирование современного дознания в российском уголовном судопроизводстве характеризуется пробелами, противоречивостью предписаний, неточностью и неоднозначностью законодательных формулировок. Несовершенство уголовно-процессуального законодательства вполне закономерно порождает проблемы правоприменительной деятельности органов дознания, в первую очередь органов внутренних дел.

Достижение назначения уголовного судопроизводства, правильное применение правовых предписаний и решение проблем правоприменительной практики в современных условиях требуют научно обоснованных подходов, базирующихся на системном толковании уголовно-процессуального законодательства.

В 2020 г. в Академию управления МВД России поступило обращение ГУ МВД России по Самарской области с просьбой дать разъяснения относительно неоднозначного толкования положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), регламентирующих процессуальные полномочия начальника органа (подразделения) дознания. В частности, высказать позицию по вопросу правомочности изъятия и передачи начальниками органов (подразделений) дознания управлений МВД России по городам уголовных дел у дознавателей отделов полиции в составе одного территориального органа МВД России на районном уровне.

Надо сказать, что указанное обращение вызвало достаточно острую и вместе с тем содержательную дискуссию, результатом которой явились несколько близких, но тем не менее оригинальных позиций таких видных ученых, как профессор А. В. Победкин, профессор Б. Я. Гаврилов, и некоторых других сотрудников кафедры управления органами расследования преступлений Академии.

В своих рассуждениях А. В. Победкин исходил из того, что, во-первых, уголовно-процессуальный закон не устанавливает иерархию процессуального правового положения начальника вышестоящего и нижестоящего органа и подразделения дознания, как это регламентировано в отношении руководителей следственных органов. Во-вторых, единство системы органов внутренних дел Российской Федерации как органов дознания означает, что начальник вышестоящего органа внутренних дел (вплоть до Министра внутренних дел Российской Федерации, возглавляющего систему органов внутренних дел Российской Федерации) обладает всей полнотой полномочий, в том числе процессуальных, по отношению к должностным лицам нижестоящих подчиненных органов и подразделений, в том числе территориальных и линейных подразделений полиции. В-третьих, реализация начальником органа дознания полномочия изымать уголовное дело у дознавателя и передавать его другому дознавателю с обязательным указанием оснований такой передачи возможна исключительно в системном толковании положений ч. 2 ст. 40.2 и п. 2 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ только по отношению к дознавателям, уполномоченным им самим осуществлять предварительное расследование в форме дознания. И, наконец,

в-четвертых, полномочия прокурора на передачу уголовных дел (материалов проверки сообщения о преступлении) от одного органа предварительного расследования другому должны осуществляться с соблюдением требований подследственности, в частности положений ст. 152 УПК РФ, устанавливающих правила территориальной подследственности. Изменение территориальной подследственности органов дознания, в том числе и передача уголовного дела для производства дознания в другой отдел (отделение, пункт) полиции, возможны только в случаях, предусмотренных ст. 152 УПК РФ, и на основании решения прокурора.

Соглашаясь в целом с обозначенной позицией по вопросу изменения территориальной подследственности, Б.Я. Гаврилов высказал ряд собственных соображений и аргументов. По его мнению, полномочия начальника органа дознания, предусмотренные ч. 2 ст. 40.2, в части права изымать уголовное дело у дознавателя и передавать его другому дознавателю в практической деятельности реализуются достаточно редко и исключительно на уровне отдела полиции и, следовательно, на вышестоящего руководителя органа дознания и тем более на вышестоящего руководителя подразделения дознания в структуре управлений МВД России по городам Самара и Тольятти не распространяются.

В связи с этим следует обратить внимание на ряд законодательных установлений, буквальное толкование которых дает основание высказать некоторые соображения относительно изложенных позиций уважаемых ученых.

Во-первых, соглашаясь, в принципе, с вполне очевидным тезисом о необходимости обеспечения эффективного управления начальниками вышестоящих органов внутренних дел, входящих в их состав подразделений, следует дифференцировать правовое положение органа внутренних дел как административного органа (организации) и его уголовно-процессуальное положение органа дознания как самостоятельного субъекта уголовно-процессуальных отношений. С точки зрения правового положения, занимаемого органом дознания в сфере уголовно-процессуальных отношений, их система не имеет иерархического построения подчиненности. Говорить о вышестоящих и нижестоящих органах дознания, в отличие от следственных органов (см., например, ч. 3 ст. 39, ч. 4 ст. 124, ч. 6 ст. 152 УПК РФ) с позиций уголовно-процессуального закона некорректно. Данное обстоятельство относится и к процессуальному правовому положению должностных лиц, возглавляющих соответствующие органы внутренних дел. В организационных административных отношениях они, безусловно, обладают властными

полномочиями по отношению к подчиненным должностным лицам, в том числе нижестоящих органов и подразделений. Но, в отличие от руководителей следственных органов (см., например, ч. 3 ст. 152 УПК РФ), не образуют систему выше – и нижестоящих начальников органов дознания в уголовно-процессуальных отношениях. Процессуальные полномочия начальника вышестоящего органа внутренних дел как начальника органа дознания, в частности, предусмотренные п. 1 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ, распространяются на всех сотрудников возглавляемого территориального органа с входящими в его состав нижестоящими территориальными органами и подразделениями, включая отделы (отделения, пункты) полиции. Таким образом, начальник вышестоящего по отношению к отделу полиции территориального органа внутренних дел обладает процессуальными полномочиями, предусмотренными ст. 40.2 УПК РФ, по отношению к соответствующим должностным лицам отдела полиции, в том числе штатным дознавателям. Такое положение формирует ряд негативных моментов, связанных с дублированием и конкуренцией процессуальных полномочий начальника органа дознания – органа внутренних дел и начальника органа дознания – подразделения полиции. Особое значение указанные проблемы приобретают при разграничении компетенции того или иного начальника органа дознания, связанной с территориальной подследственностью. На мой взгляд, отсутствие процессуальной иерархии органов дознания позволяет говорить о специфичной, можно сказать альтернативной, территориальной подследственности уголовных дел, подследственных органам дознания. Другими словами, уголовное дело подследственно как, например, подразделению полиции, на территории которого совершено преступление, так и территориальному органу внутренних дел, в состав которого данное подразделение полиции входит.

Таким образом, можно сделать вывод, что начальник вышестоящего территориального органа внутренних дел обладает полномочиями изымать уголовное дело у дознавателя отдела полиции органа дознания, которого непосредственно он уполномочил осуществлять предварительное расследование данного уголовного дела и передавать его другому дознавателю с обязательным указанием оснований такой передачи.

Влияние процесса цифровизации на уголовное судопроизводство России

Э. Ф. ЛУГИНЕЦ,

*доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел,
кандидат юридических наук
Волгоградская академия МВД России
E-mail: elfik3000nn@yandex.ru*

Аннотация: статья посвящена цифровизации уголовного процесса. В ней рассматривается влияние повсеместной цифровизации на сферу уголовного судопроизводства. Приводятся конкретные примеры этого процесса, анализируются его положительные и отрицательные моменты. Автором предлагается отнестись к данному процессу как неизбежному и, используя исторический контекст, а также опыт зарубежных стран, постепенно внедрять его в жизнь.

Ключевые слова: *цифровизация уголовного судопроизводства; цифровые технологии; искусственный интеллект.*

Современный мир невозможно представить без цифровизации. Цифровые технологии проникли во все сферы человеческой жизни, не являются исключением правовое регулирование и правоприменительная практика. Несмотря на то что особое влияние технического прогресса испытывают сферы информационного и гражданского права, в научной литературе все больше внимания уделяется влиянию процесса цифровизации именно на уголовное судопроизводство [2; 3]. Можно даже сказать, что это сегодня очень модно, актуально, является своеобразным трендом. Конечно, и ученые, и практики озадачены множеством вопросов: цифровизация – это зло или благо для российской системы правосудия; не случится ли со временем подмены следователей, судей искусственным интеллектом; не произойдет ли шаблонизации мышления правоприменителей; смогут ли цифровые технологии полностью заменить усмотрение, совесть, справедливость, отличить добро от зла... [1; 7; 8; 10].

Сразу следует отметить, что новое – это хорошо забытое старое, и что все и в природе, и в истории циклично. Поэтому нет смысла испытывать страх перед новым, нужно просто вспомнить «старое» и понять, что нечто подобное уже было. Кроме того, необходимо вос-

пользоваться предыдущим опытом и не повторять прежних ошибок. Цифровизация мира, научные и технические революции мы уже проходили когда-то по истории. Поэтому нынешняя цифровизация уголовного судопроизводства, можно сказать, неизбежна и является естественным историческим процессом, не зависящим от нашего желания (или нежелания). Это все равно произойдет, поэтому мы должны подготовиться и попытаться сделать этот процесс более плавным, предсказуемым и управляемым.

Уже несколько десятилетий мы наблюдаем, как цифровые и компьютерные технологии все активнее входят в сферу уголовного судопроизводства:

- более 20 лет дознаватели, следователи, прокуроры и судьи процессуальные документы изготавливают при помощи технических средств, хотя еще в девяностые годы это вызывало у правоприменителей определенные трудности и опасения. Сегодня же трудно представить их за печатной машинкой или с шариковой ручкой в руке (ч. 2 ст. 166 УПК РФ¹);

- прогресс пошел еще дальше, и в 2016 г. УПК РФ ввел возможность электронного документооборота. В кодексе появилась ст. 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве», позволяющая подавать ходатайства, заявления, жалобы, представления в суд в форме электронного документа, подписанного электронной подписью². Дальнейшего своего законодательного разрешения требует проработка подобных действий в досудебном производстве применительно к органу, осуществляющему предварительное расследование по уголовному делу;

- повсеместное применение видеонаблюдения позволяет выявлять, раскрывать, а в дальнейшем расследовать преступления, в том числе и те, которые ранее оставались латентными. Также это способствует профилактике преступлений и правонарушений. Зная, что противоправные действия не останутся тайными, многие правонарушители совершенно логично отказываются от их совершения;

- использование цифровых технологий фото, – видео, – аудиозаписи для фиксации проводимых процессуальных, в том числе следственных, действий позволяет проводить их без обязательного

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Там же.

участия понятых (ч. 2 ст. 166, ч. 1.1 и 3 ст. 170 УПК РФ)¹. Практики знают, что поиск и привлечение понятых порой вызывают серьезные затруднения;

- значительно расширяются возможности осуществления взаимодействия между различными службами и органами, управленческой деятельности не только на близлежащей территории, но и далеко за ее пределами, а также незамедлительно передать любой объем информации любому количеству людей;

- возможность создавать электронные базы позволяет внести в них информацию о преступлениях, а затем ее систематизировать, классифицировать, анализировать по определенным заданным параметрам. Это оказывает неоценимую помощь в раскрытии и расследовании преступлений;

- возможность использовать справочно-правовые системы (например, СПС «КонсультантПлюс», «Гарант», «Право.ру» и др.), обращаться к судебной практике (ГАС «Правосудие») значительно облегчает правоприменителю поиск необходимых и актуальных нормативных правовых актов и решений, делает судебную практику более единообразной и предсказуемой. Вряд ли есть необходимость сегодня идти для этого в библиотеку или за консультацией к специалисту, что позволяет сэкономить время и быть более юридически грамотным;

- видеоконференцсвязь, повсеместно используемая в судебных инстанциях, позволяет обеспечивать права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, предоставляет им возможность лично участвовать в судебных заседаниях, даже если приехать в конкретный суд затруднительно по каким-либо причинам (ст. 240, 399 УПК РФ). Условия пандемии наглядно продемонстрировали, насколько данная цифровая технология актуальна и перспективна, порой незаменима в определенных ситуациях. Следует отметить, что возможность проводить следственные действия в случае необходимости посредством применения видеоконференцсвязи в ходе предварительного расследования является насущной проблемой, требующей скорейшего законодательного разрешения. Некоторые следователи пытаются применять подобные технологии в своей практической деятельности, но, можно сказать, делают это на свой страх и риск.

Следует прислушаться к профессору В.И. Пржленскому, обратившемуся к проблеме трансформации теоретического знания, осуществление которой обусловлено процессом цифровизации

¹ Там же.

судопроизводства, и отмечающему: «Очевидной является истина, согласно которой судопроизводство должно быть и эффективным, и справедливым одновременно. Уголовное судопроизводство эффективно тогда, когда оно может установить личность преступника, его мотивы и обстоятельства. Может ли помочь правосудию помещение виртуального преступника (цифрового двойника подозреваемого) в виртуальную трехмерную реальность, содержащую физическое, психическое и интеллектуальное измерения? ... Хорошо известно, что устное или письменное описание, сколь подробным и детальным бы оно не представлялось, было и остается лишь одним из возможных описаний действительности. А компьютерная модель сближается по своей точности и достоверности с видеозаписью реального события, а может, в отдельных случаях и превосходит ее». Также профессор В.И. Пржленский предлагает использовать компьютерные технологии и при допросе участников уголовного судопроизводства: «Трехмерная модель может лежать в основе составления перечня исходных вопросов, на ее основе компьютер может быть «участником» беседы, помогать следователю в управлении разговором. Компьютер может осуществлять оперативный анализ ответов и корректировать мысль следователя» [9]. Необходимо отметить, что компьютерное моделирование достаточно успешно применяется в странах общего права уже более тридцати лет, и данные технологии являются неотъемлемыми помощниками правоприменителей.

Резонный вопрос, который при этом возникает: смогут ли результаты подобной деятельности в итоге стать законными и полноценными доказательствами по уголовному делу либо будут лишь своеобразными «ориентирами» для правоприменителей? Например, как результаты применения детектора лжи (полиграфа) в нашей стране. Несмотря на многочисленные дискуссии и исследования по данной теме, сведения, полученные с помощью полиграфа, до сих пор не являются доказательством по уголовному делу (ст. 74 УПК РФ). Верховный Суд РФ также неоднократно пояснял, что результаты исследований, полученные с использованием полиграфа, не отвечают требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законодательством к доказательствам, в том числе требованию достоверности, в связи с чем его использование в ходе расследования может осуществляться для выработки следственных версий, их проверки и носит ориентирующий характер¹. То же самое касается

¹ Апелляционные определения Верховного Суда РФ от 29 марта 2017 г. № 59-АПУ 17-3, от 10 января 2017 г. № 9-АПУ 16-16, от 26 июля 2016 г. № 73-АПУ 16-10, от 16 ноября 2016 г. № 84-АПУ 16-11.

и компьютерных программ. Риск заключается в том, что их разрабатывают люди (в данном случае еще и не юристы), и насколько верным будет алгоритм и исходный набор первичных данных, которые они введут в компьютер, остается только гадать или надеяться (что в уголовном процессе недопустимо). И речь здесь не только об опасности человеческой ошибки, но и возможности умышленно вводить определенный набор данных или использовать некорректный алгоритм, например, из коррупционной или иной заинтересованности. В качестве негативного примера уместно будет привести заключение неправительственной организации ProPublica, которая обнаружила дискриминационное значение алгоритма, используемого американскими судьями при вынесении приговора при оценке возможного риска рецидива. Выяснилось, что разработанный алгоритм, включающий 137 вопросов, на которые отвечает сам обвиняемый или ответы вводятся из материалов конкретного уголовного дела, присваивает в два раза более высокий риск рецидива именно афроамериканцам, хотя они не отличаются криминогенными наклонностями. В связи с этим полученные данные используются судьями при принятии своих решений только в качестве вспомогательных [10]. Хотя сама конструкция ч. 2 ст. 74 УПК РФ и не содержит исчерпывающий перечень видов доказательств, и такое доказательство, как «иные документы», дает широкие перспективы для правоприменителей, не зря его именуют «свободным» доказательством [4; 6]. Будет ли им являться когда-либо результат вышеуказанной деятельности?

На некоторый субъективизм при внедрении компьютерного моделирования обращают внимание и наши авторы. Так, Р.А. Коньгин и Л.А. Шестакова, изучив ряд компьютерных программ, обнаружили проявление проблемы субъективизма на уровне сбора данных: «Дело в том, что не существует выработанных критериев достаточности сбора данных для различных криминальных ситуаций. В итоге по одному и тому же событию могут быть составлены разные анимационные модели, что связано с исходным набором первичных данных. Такое построение анимационных моделей также не исключает возможность фальсификации доказательств стороной обвинения и защиты» [5].

Подводя итог вышесказанному, отметим: цифровизация уголовного судопроизводства России является неизбежным процессом вне зависимости от отношения к ней теоретиков уголовного процесса и правоприменителей. В связи с чем необходимо приложить максимум усилий, чтобы этот процесс прошел в нашей стране постепенно, взвешенно и не стал очередным ударом для правоприменительной практики. При этом не нужно впадать в крайности и повсеместно вводить цифровые технологии либо, наоборот, полностью от них

отказываться. Будет полезно обратиться и к зарубежному опыту использования искусственного интеллекта, поскольку десятилетиями наработанная практика уже наглядно продемонстрировала свои положительные и отрицательные стороны. Однако всегда нужно помнить, что ни один, даже самый совершенный и умный робот никогда не сможет заменить грамотного, вдумчивого, принципиального следователя или судью с его возможностями формировать внутреннее убеждение, непосредственно исследовав все материалы уголовного дела, применяя не только закон, но и совесть, справедливость и милосердие. Только такое судопроизводство будет и эффективным, и справедливым.

Список литературы:

1. *Воскобитова Л.А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // *Lex russica*. 2019. № 5.
2. *Голованова Н. А., Гравина А. А., Зайцева О. А. и др.* Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография. Москва: Контракт, 2019.
3. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран: монография / под ред. С.В. Зуева. Москва: Юрлитинформ, 2020.
4. *Камышин В.А.* Иные документы как «свободное» доказательство в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1998.
5. *Коньгин Р. А., Шестакова Л.А.* Использование компьютерного трехмерного моделирования в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // *Юридический вестник Самарского университета*. 2017. Т. 3. № 3.
6. *Лугинец Э.Ф.* Идея «процессуальной свободы» в современном уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016.
7. *Масленникова Л. Н., Сушина Т.Е.* Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. № 6.
8. *Попова И.П.* Автоматизация уголовного процесса: зло или благо для общества? // *Мировой судья*. 2019. № 11.
9. *Пржиленский В.И.* Опыт математизации природы в цифровизации уголовного судопроизводства // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. № 6.
10. *Сушина Т. Е., Собенин А.А.* Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // *Российский следователь*, 2020. № 6.

Совершенствование начального этапа досудебного производства в условиях цифровой трансформации

О. А. МАЛЫШЕВА,

*профессор кафедры уголовно-процессуального права,
доктор юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина*

Аннотация: в статье оценивается оптимальность правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела, раскрываются правоприменительные проблемы начального этапа досудебного производства. Анализируется потенциал цифровизации общественных отношений в обеспечении доступа лица к правосудию.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; следователь; цифровые технологии; доступ к правосудию; электронная подача заявления о преступлении.

Назначение начального этапа досудебного производства заключается в определении перспективы разрешения уголовно-правового конфликта между государством и лицом, которому вменяется совершение преступления, чему способствует оперативное и качественное собирание сведений, характеризующих фактические обстоятельства совершенного деяния, лицо, его совершившее.

Статья 144 УПК РФ закрепляет перечень процессуальных действий, посредством которых допускается собирание указанных сведений. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», а также ведомственные нормативные правовые акты уточняют процессуальный порядок их производства. Однако такое правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела обуславливает формирование разнородной доследственной проверки [6], что недопустимо в силу ч. 1 ст. 2 УПК РФ.

Необходимость совершенствования начального этапа досудебного производства обуславливается потребностью исключения дублирования следователем, дознавателем, органом дознания отдельных процессуальных действий, осуществляемых первоначально в ходе доследственной проверки, затем – при расследовании

преступлений. Например, дача показаний очевидцем (пострадавшим), позже – дача показаний по тому же предмету исследования этим же лицом, но уже в статусе свидетеля (потерпевшего). Такая организация досудебного производства по уголовным делам влечет за собой увеличение времени реагирования органа предварительного расследования на заявление, сообщение о преступлении, необоснованные временные и материальные затраты сил не только должностных лиц указанных органов, но и невластных участников уголовного судопроизводства.

Препятствует принятию в разумный срок процессуального решения по поступившему заявлению, сообщению о преступлении правовая позиция Верховного Суда РФ, выраженная им в Постановлении Пленума от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» и нацеливающая на обязательное проведение судебной экспертизы о виде и количественной характеристике наркотического вещества, нивелируя тем самым доказательственное значение справки об исследовании, проводимом в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Кроме указанного, принятие процессуального решения о возбуждении уголовного дела по факту причинения вреда здоровью лицу возможно при наличии акта судебно-медицинского освидетельствования о характере и степени причиненного вреда. Положения ст. 196 УПК РФ возлагают на следователя процессуальную обязанность назначать проведение судебно-медицинской экспертизы для установления степени вреда, причиненного здоровью. Отсутствие процессуальной возможности обеспечить все, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, процессуальные права подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя на этапе доследственной проверки по причине отсутствия у них формально определенного статуса исключает производство данного действия следователем, дознавателем.

Несмотря на законодательно закрепленную процессуальную самостоятельность следователя (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), согласование им с надзирающим прокурором принятие решения о возбуждении уголовного дела фактически осуществляется и в настоящее время. Формы такого согласования различны, что обусловливается спецификой осуществления прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов предварительного расследования в конкретном регионе Российской Федерации. Вместе с тем по-прежнему отмечается негативная тенденция роста количества процессуальных решений об отказе в воз-

буждении уголовного дела и фактов возбуждения уголовных дел из отказных материалов¹.

Современная структура досудебного производства обуславливает необходимость квалифицировать следователем, дознавателем минимум дважды уголовно наказуемое деяние: при вынесении решения о возбуждении уголовного дела и в ходе предварительного расследования. При этом первоначально деяние квалифицируется как более мягкое (например, по материалам доследственной проверки по факту совершения мошенничества не всегда удастся собрать достаточно доказательств, подтверждающих размер причиненного ущерба: значительный или крупный, хотя следователь обладает сведениями о последнем (ч. 3 ст. 159 УК РФ). Рассматриваемая процессуальная ситуация свидетельствует о необходимости производства следователем действий, результаты которых имеют недостаточное доказательственное значение, и одновременно заблаговременно исключать основания для заявления ему регрессного иска ввиду необоснованного обвинения лица. Следователю проще перепредъявить обвинение, указывая более отягчающий квалифицирующий признак, чем готовить «отсекающие» материалы по этому недоказанному признаку состава преступления.

Наряду с проблемой – отсутствие оптимального нормативного правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела – на начальном этапе досудебного производства существует и другая, не менее значимая проблема организационно-правового характера. В целях проверки сообщения о совершенном преступлении, как правило, на место происшествия выезжает следственно-оперативная группа, в состав которой нередко входит иное должностное лицо органа дознания. Осуществление данного полномочия иным должностным лицом в лице участкового уполномоченного осложняется ввиду необходимости совмещения им двух функций – уголовно-процессуальной и непосредственно служебной (разрешение бытовых скандалов, предотвращение совершения преступлений лицами на почве опьянения на территории обслуживания и др.). Последнее негативно сказывается на качестве собранных материалов в ходе доследственной проверки. Между тем Концепция судебной реформы в РСФСР 1991 г. исключает осуществление субъектом уголовного процесса несколько функций.

¹ Об утверждении формы статистической отчетности «4-Е» [Электронный ресурс]: статистические данные за 2013–2014 гг., 2018–2019 гг. по форме «4-Е», утвержденной приказом МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1163. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Москва: Следственный департамент МВД России, 2020.

Дополнительная сложность в проведении указанной проверки обусловлена все еще недостаточной материально-технической, транспортной оснащенностью следственно-оперативной группы, вследствие чего на место происшествия члены указанной группы нередко вынуждены добираться не служебным транспортом, особенно в отдаленных от центра территориях; по окончании производства процессуального действия длительное время ожидать служебную машину либо возвращаться попутным транспортом. И, несмотря на законодательное установление запрета при исчислении разумного срока учитывать сложности организационного характера (ч. 4 ст. 6.1 УПК РФ), представляется, что недопустимо игнорировать приведенные обстоятельства, препятствующие соблюдению сроков, предусмотренных ч. 1, 3 ст. 144 УПК РФ.

В данной связи возрастает актуальность мнения президента Российской Федерации В.В. Путина о том, что в эпоху активного освоения цифрового пространства не только бизнесом, гражданами, но и криминальными элементами необходимо повышать не только профессиональную подготовку сотрудников органов внутренних дел, но и техническую оснащенность указанных органов, а также проработать вопрос о возможности более широкого применения цифровых технологий в уголовном процессе [4].

Последнее полностью корреспондирует все более распространяющейся в европейских странах практики применения в судопроизводстве электронных доказательств¹, а также нацеливает на необходимость формирования соответствующей отраслевой правовой базы, основывающейся на нормативных документах руководства страны². О.И. Андреева и О.А. Зайцев справедливо делают акцент на обусловленность изменения российского уголовно-процессуального законодательства внедрением в жизнедеятельность государства информационно-цифровых технологий. Такие изменения предоставляют возможности применения рассматриваемых технологий не только должностным лицам органов, осуществляющих

¹ Руководящие принципы Комитета министров Совета Европы в отношении электронных доказательств в гражданском и административном производстве: приняты Комитетом министров 30 января 2019 г. на 1335-м заседании заместителей министров.

² Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации за 2017–2030 годы» [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

производство по уголовному делу, но и невластным участникам такого производства [1].

Одним из подтверждений указанного выступает предусмотренная приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736¹ возможность подачи заявления о совершенном преступлении в электронном виде (п. 10). Такая форма обращения в орган предварительного расследования, как полагают отдельные исследователи, могла бы решить принципиальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела – несвоевременную регистрацию заявлений и, как следствие, повышение гарантии потерпевшего на доступ к правосудию [5]. Возможность использования электронной формы документа в уголовном судопроизводстве, в том числе на начальном этапе и невластными участниками уголовного процесса, подтвердил Верховный Суд РФ, указав это в постановлении Пленума².

Следует уточнить, что многие страны достаточно широко применяют электронные документы в уголовном судопроизводстве: Республика Казахстан, Грузия – при регистрации обращений и сообщений о совершенных преступлениях; Турция, ОАЭ – при производстве предварительного расследования, используя электронную форму уголовного дела.

Но вместе с тем абсолютно права Л. А. Воскобитова в том, что «нельзя недооценивать весьма великий риск... следственных ошибок... нарушения прав человека, если принятие решений и (или) совершение процессуальных действий будет осуществлять машина, запрограммированная и действующая на принципах предельного упрощения и формализации информации и однозначности вариантов решений» [2]. Значимым средством снижения указанного риска, по мнению Л. А. Воскобитовой, является обеспечение разграничения искусственным интеллектом подачи сообщения о преступлении от подачи любых иных обращений посредством разработки специальной формы документа, содержащей вопросы для заполнения. «Из ответов заявителя на правильно поставленные вопросы машина способна быстро и полно выделить признаки составов пре-

¹ Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ступления. Это позволяло бы объективно и непредвзято выявить в любом обращении наличие или отсутствие признаков преступности описываемого деяния и одновременно признаки конкретного состава преступления (ст. 8 УК РФ)» [2].

Данная позиция представляется дискуссионной. Бесспорно, отсутствие в рассматриваемом случае участия властных субъектов в принятии решения (без учета ими судебной перспективы поступившего заявления о преступлении) повысит гарантии потерпевшего на доступ к правосудию. Но вместе с тем требуют дополнительного обдумывания последствия неучета психологических, эмоциональных, интеллектуальных качеств лица, заполняющего такую форму при описании фактических обстоятельств совершенного преступления, которые не способен оценить искусственный интеллект. В связи с этим нельзя не учитывать утверждение П. М. Морхата о том, что сочетание когнитивной и эмоциональной компетенции у человека-судьи, в нашем случае – следователя, дознавателя, позволяет ему учитывать и использовать такие категории анализа обстоятельств дела и доказательств, как добросовестность и честность, возможность отличать использование права от злоупотребления правом [7]. Следует принять во внимание позицию Л. А. Воскобитовой, которая констатирует более сложное положение следователя, дознавателя при расследовании им уголовного дела, находящегося еще в большей мере, чем судья, в условиях неопределенности, принципиальных противоречий или критической недостаточности информации для выбора верного направления деятельности или принятия решения [2]. Указанное полностью распространяется на процессуальную деятельность следователя, дознавателя, осуществляемую на стадии возбуждения уголовного дела. Согласны с Л. А. Воскобитовой в том, что деятельность следователя по расследованию уголовного дела трудно поддается формализации и даже при развитии цифровых технологий в обозримое время вряд ли будет поддаваться цифровизации [2]. Полагаем, что формализовать (автоматизировать) деятельность следователя, дознавателя по принятию процессуального решения, предусмотренного ст. 145 УПК РФ, с учетом указанных выше факторов представляется невозможным. Справедливость указанного подтверждается тем, что поданное в электронном виде заявление о совершенном преступлении подлежит распечатыванию на бумажном носителе для последующей с ним работы в целях установления наличия (отсутствия) основания для возбуждения уголовного дела (п. 11 приказа МВД России от 29 августа 2014 г. № 736).

Ретроспективный анализ российского уголовного судопроизводства (в дореволюционной России) свидетельствует о том, что начальный этап уголовного процесса отождествлялся с возбуждением уголовного преследования. Такой порядок начала уголовного судопроизводства характерен для стран англосаксонской, большинства стран континентальной систем права, ряда стран постсоветского пространства. Так, в Латвии досудебное производство по уголовным делам представляет собой предварительное расследование. Стадия возбуждения уголовного дела отсутствует [8]. Аналогичный досудебный порядок действует с 2012 г. в Украине.

В Республике Казахстан началом досудебного производства является регистрация заявления в Едином реестре досудебных расследований (ЕРДР) либо производство первого неотложного следственного действия (ст. 179 УПК РК). Если из заявления не усматриваются признаки уголовного правонарушения, в частности необходимо производство ревизии, то такое заявление, сообщение без регистрации в Едином реестре досудебных расследований в течение трех суток направляются для рассмотрения уполномоченным государственным органам (ч. 5 ст. 181 УПК РК). Последнее расценивается казахскими специалистами как барьер, который при злоупотреблении своими полномочиями сотрудниками полиции может привести к нарушению прав потерпевших, и указывает на несоответствие ч. 5 ст. 181 УПК РК требованиям ст. 185 УПК РК о необходимости приема и регистрации всех заявлений, сообщений об уголовных правонарушениях¹.

Практический интерес представляет законодательное установление о том, что при наличии в поступившем заявлении, сообщении сведений о признаках административного правонарушения либо дисциплинарного проступка обращение в течение трех суток передается сопроводительным письмом в соответствующий уполномоченный государственный орган или должностному лицу (ч. 4 ст. 179 УПК РК), что позволяет освободить органы расследования от осуществления процессуальной деятельности по заявлению, сообщению о сведениях, не носящих криминальный характер. Но при этом и такое заявление, сообщение не может быть скрыто от регистрации в ЕРДР².

¹ Новый УПК РФ. Новеллы. Ч. I Досудебное производство (Адвокатская контора «АТКАЛИЙЕВА&PARTNERS LAWYERS»). Астана, 2014. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31648958#pos=121;-29 (дата обращения: 12.05.2021).

² Там же.

Приведенный порядок начального этапа досудебного производства схож с классической континентальной системой. В контексте указанного научный интерес представляет уточнение Л. В. Головки относительно начального этапа такой системы: после регистрации сообщения о преступлении открывается «полицейское дознание», проводимое под непосредственным контролем (надзором) прокурора. По его окончании материалы дела – собранные «полицейские доказательства» – передаются прокурору, который дает им юридическую оценку, определяющую выбор решения:

- 1) о возбуждении публичного обвинения перед судебной властью;
- 2) об отказе в возбуждении публичного обвинения;
- 3) о применении альтернативных мер реакции [3].

Результат проведенного исследования начального этапа российского досудебного производства через призму ретроспективного и компаративного анализа данного этапа позволяет констатировать, что существующая структура досудебного производства не отвечает насущным потребностям личности, общества, государства. Внедрение цифровых технологий на стадии возбуждения уголовного дела не может выступать в качестве эффективного средства обеспечения потерпевшему доступа к правосудию, ограждения лица от необоснованного уголовного преследования. Поэтому актуальным является трансформация процессуального института возбуждения уголовного дела в институт начала уголовного судопроизводства. Реализация указанного позволит расширить процессуальные гарантии прав участников уголовного процесса, а также обеспечить соблюдение законности правоохранительными органами при осуществлении ими уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве.

Список литературы:

1. Андреева О. И., Зайцев О. А. Правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений в цифровую эпоху // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455.
2. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // LEX RUSSICA. 2019. № 5.
3. Головка Л. В. десоветизация уголовного процесса. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. Казахстан, 2011. Ст 1. № 4.
4. Действовать решительно и наступательно: из выступления Президента РФ В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России // Профессионал. 2021. № 2 (160).

5. *Зайцев О. А., Голованова Н. А., Гравина А. А. и др.* Совершенствование уголовно-процессуального законодательства при использовании электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации. Москва: ИЗиСП; КОНТРАКТ, 2019.

6. *Мальшева О.А.* Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы / под науч. ред. Б.Я. Гаврилова. Москва: Юрайт, 2016.

7. *Морхат П.М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва: Российская государственная академия интеллектуальной собственности, 2018.

8. *Сумбарова М.В.* Правовое положение лица, против которого начат уголовный процесс, по уголовно-процессуальному закону Латвийской Республики: дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Академия управления МВД России, 2009.

Процессуальный порядок прекращения уголовного дела: проблемы законодательной регламентации и правоприменения

Н. С. МАНОВА,

*заведующий кафедрой уголовного процесса,
доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: n.manova@mail.ru*

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы, связанные с законодательной регламентацией оснований и порядка прекращения уголовного дела (уголовного преследования). Автор анализирует нормы, регламентирующие полномочия властных участников досудебного производства и основания прекращения уголовного дела, и указывает на коллизии действующего уголовно-процессуального закона, которые негативно сказываются на правоприменительной практике.

Ключевые слова: *регламентация порядка прекращения уголовного дела (уголовного преследования); основания прекращения уголовного дела; процессуальный порядок прекращения уголовного дела; согласие руководителя следственного органа на прекращение уголовного дела.*

Порядок прекращения уголовного дела установлен ст. 213 УПК РФ, согласно которой дело прекращается по постановлению следователя (дознателя), копия которого направляется прокурору, имеющему право отменить данное решение, признав его незаконным или необоснованным. Кроме того, данный порядок в той или иной мере регламентируется рядом других статей уголовно-процессуального закона, при сопоставлении положений которых обнаруживаются некоторые законодательные коллизии.

Так, согласно положениям п. 13 ч. 2 ст. 37 и п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, вынесенное следователем или дознавателем, подлежит утверждению руководителем следственного органа или прокурором. Указанная норма сформулирована таким образом, что данное полномочие руководителя следственного органа и прокурора распространяется на любое решение следователя и дознава-

теля о прекращении уголовного дела (преследования), независимо от оснований его принятия. Данной норме корреспондируют положения ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ, в соответствии с которыми решение следователя и дознавателя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон, с деятельным раскаянием по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности может быть принято только с согласия руководителя следственного органа или прокурора.

Данные основания для прекращения уголовного дела (уголовного преследования) принято характеризовать как диспозитивные, и «указание законодателя на необходимость получения согласия руководителя следственного органа и прокурора на принятие таких решений традиционно рассматривается как дополнительная гарантия их законности и обоснованности, как антикоррупционная составляющая в процессуальном порядке принятия данных решений» [3, с. 104].

Иные основания прекращения уголовного дела предусмотрены ст. 24 и 27 УПК РФ: при их установлении дальнейшее производство по делу становится невозможным, и уголовное дело (уголовное преследование) подлежит прекращению. Но в данных статьях УПК РФ не упоминается о необходимости получения следователем и дознавателем согласия руководителя следственного органа или прокурора на прекращение уголовного дела ввиду смерти обвиняемого или подозреваемого, истечения срока давности уголовного преследования, наличия акта амнистии или других оснований, предусмотренных в этих статьях кодекса.

В связи с этим возникают вопросы о том, какие из этих норм (ст. 24, 27 или ст. 37 и 39 УПК РФ) являются более общими и должны ли следователь и дознаватель получать согласие руководителя следственного органа или прокурора на прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 24 и 27 уголовно-процессуального закона.

В доктрине уголовного процесса основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования), предусмотренные ст.ст. 24, 27 УПК РФ, принято называть императивными в силу того, что они исключают возможность продолжения уголовного преследования [2, с. 97]. И такой законодательный запрет продолжать при их установлении уголовно-процессуальную деятельность позволяет предположить, что следователь и дознаватель самостоятельны при принятии соответствующего решения, которое по смыслу закона не нуждается в одобрении руководителя следственного органа или прокурора.

В соответствии с ведомственными приказами Председателя Следственного комитета РФ руководители следственных органов при даче согласия на прекращение уголовного дела должны анализировать все выявленные обстоятельства уголовно наказуемого деяния, проверять наличие условий и оснований, предусмотренных УПК РФ¹. Но при этом не уточняется, по каким основаниям при прекращении дела руководитель следственного органа должен утверждать такое решение следователя. Генеральный прокурор РФ в п. 28 приказа «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» указывает, что прокурор дает согласие на прекращение уголовного дела только по основаниям, предусмотренным ст. 25, 28 и 28.1 УПК РФ, а в остальных случаях согласия либо утверждения прокурором постановления дознавателя о прекращении уголовного дела, по мнению Генерального прокурора РФ, не требуется².

В учебной литературе мнения на этот счет также разделились. Если одни авторы, говоря о структуре действий органа расследования при прекращении уголовного дела, различают такие ситуации, как самостоятельное принятие следователем и дознавателем решения о прекращении уголовного дела и принятие решения с согласия руководителя следственного органа или прокурора [1, с. 192], то другие пишут о том, что только после утверждения руководителем следственного органа или прокурором постановление следователя и дознавателя о прекращении уголовного дела обретает юридическую силу и подлежит исполнению [4, с. 330].

В таком же ключе складывается и правоприменительная практика: почти повсеместно следователи и руководители следственных органов склонны считать, что положения п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ о необходимости утверждения руководителем следственного органа постановлений следователя о прекращении производства по уголовному делу носят более общий (по сравнению с положениями ст. 24 и 27 УПК РФ) характер и что любое решение следователя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) подлежит утверждению руководителем следственного органа.

Таким образом, положения ст. 24, 27 и ст. 37 и 39 УПК РФ содержат очевидную коллизию, и, чтобы ее устранить, законодателю было

¹ Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Следственного комитета России от 9 января 2017 г. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания [Электронный ресурс]: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26 января 2017 г. № 33. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

достаточно оговорить в п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ положение о том, что полномочие прокурора и руководителя следственного органа утверждать постановление дознавателя и следователя о прекращении производства по уголовному делу распространяется на все либо только на диспозитивные основания принятия такого решения.

Данной проблемой дефекты юридической техники действующего УПК РФ, связанные с процессуальным порядком прекращения уголовного дела, не исчерпываются. Законодатель весьма небрежен и в иных правовых предписаниях относительно оснований и порядка прекращения уголовно-процессуальной деятельности. Так, согласно положениям ч. 3 ст. 20 УПК РФ уголовные дела частного-публичного обвинения «возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, но прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат». «Буквальное толкование данной нормы означает, что в случае примирения сторон по делам частного-публичного обвинения прекращение уголовного дела, в том числе в порядке ст. 25 УПК РФ, не допускается, что, безусловно, является неверным и даже абсурдным» [3, с. 106].

Статья 25 УПК РФ является общей статьей, применение которой ограничено лишь условиями, заложенными в ней самой и в ст. 76 УК РФ (совершение преступления небольшой или средней тяжести лицом, ранее не судимым, на основании заявления потерпевшего о заглаживании причиненного ему вреда). Совершенно очевидно, что такое основание прекращения уголовного дела, как примирение сторон, не может не распространяться на дела частного-публичного обвинения, точно также как и их прекращение по данному основанию не может ставиться в зависимость от вида осуществления уголовного преследования.

Можно лишь догадываться, что, говоря о том, что дела частного-публичного обвинения не подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым, законодатель подразумевал обязательность, безусловность прекращения таких дел в связи с примирением обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего (как это имеет место по делам частного обвинения). Однако подобная законодательная неточность привела к формированию достаточно противоречивой правоприменительной практики. Если в одних регионах страны органы предварительного расследования и суды отказывают сторонам в удовлетворении ходатайств о прекращении дел частного-публичного обвинения в связи с их примирением, ссылаясь на запрет, содержащийся в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, то в других регионах Российской Федерации практика прекращения таких дел в порядке ст. 25 УПК РФ считается допустимой и законной.

Еще один пример низкой законодательной техники действующего уголовно-процессуального закона, пример крайне неудачного структурирования отдельных его норм – это ч. 6 ст. 148 УПК РФ, которая регламентирует не прекращение уголовного дела, а отказ в его возбуждении.

В ч. 6 ст. 148 УПК РФ законодатель регламентирует полномочия прокурора и руководителя следственного органа по отмене незаконного и необоснованного постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом полномочия указанных должностных лиц изложены в одном абзаце, без выделения полномочий руководителя следственного органа как должностного лица, имеющего самостоятельное право на отмену указанного решения следователя.

Это дало основания не только практикам, но и отдельным ученым для утверждений о том, что для утраты юридического значения постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, кроме постановления прокурора о его отмене, необходимо еще и постановление руководителя следственного органа об этом же. То есть дало основания считать, что постановление прокурора об отмене решения следователя об отказе в возбуждении уголовного дела должно быть подтверждено еще и постановлением руководителя следственного органа.

Безусловно, что это не так. Постановление прокурора об отмене указанного постановления следователя является окончательным. Оно не требует своего подтверждения решением руководителя следственного органа. Но так как законодатель не выделил полномочия руководителя следственного органа не только отдельной частью в данной статье, но хотя бы абзацем, то действительно может создаться впечатление, что постановление прокурора должно быть подтверждено постановлением руководителя следственного органа.

Существенным недостатком установленного УПК РФ порядка прекращения уголовного дела является также то, что он не предусматривает уведомления заинтересованных участников предварительного расследования о прекращении уголовного дела до принятия соответствующего решения. Очевидно, что подобное уведомление необходимо, поскольку оно является гарантией выражения заинтересованными лицами своего мнения по поводу принимаемого решения [5, с. 280]. Это особенно важно при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, когда только при согласии подозреваемого и обвиняемого допускается прекращение уголовного дела.

Мы полностью разделяем точку зрения о том, что необходимо законодательно закрепить обязанность уведомления заинтересо-

ванных лиц до вынесения постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), а также обязанность следователя и дознавателя знакомить их с материалами прекращаемого уголовного дела. Первое позволяет участникам процесса выразить свое мнение относительно возможности прекращения уголовного дела, а следователю (дознавателю) дает возможность дополнительно убедиться в том, что потерпевший, подозреваемый или обвиняемый не возражают против принимаемого решения, а, с другой стороны, все уведомляемые лица получают возможность заявить ходатайство и повлиять на принимаемое решение.

Необходимость же ознакомления заинтересованных лиц с материалами прекращаемого уголовного дела выступает гарантией права участников уголовного процесса обжаловать действия (бездействия) и решения органов, осуществляющих предварительное расследование. Мотивированное обжалование вряд ли возможно только на основании копии постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Для этого необходимо ознакомиться со всеми материалами дела.

Приведенные примеры далеко не исчерпывают все просчеты и неудачи законодателя при изложении нормативных предписаний УПК РФ, касающихся прекращения уголовного дела (уголовного преследования). С учетом же того, что практические работники нередко стремятся соблюсти именно букву, а не дух закона, не понимая, что за частными случаями стоят определенные фундаментальные положения, процесс правоприменения уголовно-процессуального закона не всегда носит конструктивный характер.

Список литературы:

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. Москва: Статус, 2017.
2. *Лавнов М. А.* Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике. Москва, 2017.
3. *Манова Н. С.* О некоторых дефектах юридической техники Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 1.
4. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): учебник для вузов / под ред. К. Э. Кяримовича. Санкт-Петербург, 2019.
5. *Химичева Г. П.* Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. Москва, 2003.

Запрет определенных действий: история новой меры пресечения

С. В. МУХИН,

*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
Академия ФСИН России
E-mail: mckwtrio@gmail.com*

Аннотация: в статье приводится анализ истории возникновения меры пресечения в виде запрета определенных действий. На основе изучения истории становления института мер пресечения автор формирует предпосылки возникновения запрета определенных действий.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство; меры пресечения; запрет определенных действий; подозреваемый; обвиняемый; запреты; процессуальное принуждение; уголовно-процессуальные отношения.*

Запрет определенных действий в системе мер пресечения уголовного судопроизводства России появился совсем недавно. Сами же меры пресечения прошли достаточно долгий путь, подвергаясь реформам и преобразованиям. Но присутствовал ли в истории нашего государства опыт применения запрета определенных действий, и из чего исходил законодатель, вводя данную меру? На эти вопросы мы попытаемся ответить в приведенном ниже анализе.

Прообраз мер пресечения в истории нашего государства появляется с изданием Судебников 1497 и 1550 г. В целом же большинство ученых говорит о появлении уголовного судопроизводства вместе с принятием Русской Правды в XI в. [1, с. 100–101]. Таким образом, можно сделать вывод, что первые упоминания о прообразах мер пресечения имели место спустя 400 лет после зарождения уголовного судопроизводства. В указанных судебниках вводится понятие недельщика (пристава) – человека, который отвечал за привод на суд, арест и пытку людей, обвиняемых в преступлениях. Можно сделать вывод, что одними из первых мер пресечения в России стали заключение под стражу и личное поручительство. Соборное уложение 1649 г. в основном говорит о содержании в тюрьме и в меньшей степени о поручительстве.

Следующий этап развития мер пресечений связан с XVIII–XIX вв. Несмотря на то что предпочтение отдавалось заключению под стражу, переполнение тюрем, ненадлежащие условия содержания фактически привели к созданию в 1775 г. Совестного суда. Суть его состояла в том, что заключенному под стражу были обязаны предъявить обвинение в течение трех дней с момента лишения свободы, в противном случае его отпускали под поруки до явки в суд с наложением определенных ограничений. Здесь мы можем говорить о зарождении как домашнего ареста, так и запрета определенных действий.

Официально меры пресечения, как институт в законодательстве, появились в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и состояли из следующих шести мер:

- 1) отобрание вида на жительство или обязательство подпиской о явке к следствию и неотлучке с места жительства;
- 2) отдача под особый надзор полиции;
- 3) отдача на поруки;
- 4) залог;
- 5) домашний арест;
- 6) взятие под стражу.

Стоит отметить, что хотя как таковой меры в виде запрета определенных действий вышеупомянутый перечень не приводит, для обвиняемых, в отношении которых избирали меры пресечения, не связанные с лишением свободы, налагались различные запреты и ограничения (выезд за пределы города, губернии, невозможность покинуть место жительства, отстранение от работы).

Реформирование института мер пресечения продолжилось и в советскую эпоху. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 мая 1922 г.¹ внес преобразования в систему мер пресечения. Кодекс содержал пять мер (подписка о невыезде; поручительство личное и имущественное; залог; домашний арест; заключение под стражу). Примечательно, что в данном нормативно-правовом акте расшифровывалось назначение каждой меры и условия замены одной на другую. УПК РСФСР от 27 октября 1960 г.² исключил домашний арест из перечня мер пресечения, завершив на этом советскую эпоху реформирования института мер пресечения.

¹ Об Уголовно-процессуальном кодексе: постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

² Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: закон РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

Следующую эпоху открывает и ведет Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г.¹ Помимо детальной проработки каждой из мер пресечения в УПК РФ вновь ввели домашний арест. Именно из начальной и последующих редакций прослеживаются реальные предпосылки введения новой меры пресечения – запрета определенных действий. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»² включил в домашний арест часть запретов и ограничений, которые позже найдут свое отражение в новой мере пресечения. К первопричинам появления в отечественном законодательстве меры пресечения в виде запрета определенных действий мы можем отнести попытку законодателя создать еще одну альтернативу содержанию под стражей³. Стоит отметить, что законодатель связывал введение новой меры с «недостаточной эффективностью залога и домашнего ареста». Как следствие, Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста»⁴ дополняет существовавший перечень мер пресечения запретом определенных действий. Существовавшие запреты и ограничения в такой мере пресечения, как домашний арест, были вычленены и дополнены рядом новых в запрете определенных действий. Сам же домашний арест отныне предусматривает полную изоляцию подозреваемого, обвиняемого по месту жительства.

Подводя итог проведенного анализа, необходимо отметить, что законодатель на всех этапах существования российского государства принимал попытки создания альтернативы содержанию под

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации Федеральный [Электронный ресурс]: закон Российской Федерации от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стражей – наиболее жесткой мере пресечения в уголовном судопроизводстве. В истории мер принуждения в России как такового запрета определенных действий не встречалось, можно было лишь проследить некоторые сходства с другими мерами пресечения. Сам же запрет определенных действий по своей структуре был извлечен из предыдущей редакции домашнего ареста, преобразованный и дополненный в отдельную меру. На наш взгляд, подобная практика должна положительно сказываться на функционировании института мер уголовно-процессуального принуждения, т. к. толкает законодателя на реформирование системы мер и создание различных альтернатив, которой является запрет определенных действий.

Список литературы:

1. *Яковлева Л.В.* История становления уголовно-процессуального законодательства в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. № 6.

Начало уголовного преследования и его соответствие потребностям правоприменительной практики

Н.В. ОСМАНОВА,

доцент кафедры уголовного процесса,

кандидат юридических наук

Московская академия Следственного комитета

Российской Федерации

E-mail: osmanovanadegda@gmail.com

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с определением начала уголовного преследования, возможностью изменения порядка уголовного преследования. Анализируется содержание деятельности по изобличению лица, совершившего преступление, а также законодательство Республики Беларусь и Республики Таджикистан.

Ключевые слова: *начало уголовного преследования; стадия возбуждения уголовного дела; изобличение; порядок уголовного судопроизводства; срок уголовного преследования.*

Уголовное преследование является центральным элементом уголовного судопроизводства, определяет функции властных субъектов, осуществляющих предварительное расследование, затрагивает интересы граждан, вовлеченных в уголовно-процессуальные правоотношения, отражает основные направления уголовной политики [4].

Указание в п. 55 ст. 5 УПК РФ на изобличение *подозреваемого, обвиняемого*, а также положения ч. 1 ст. 21 УПК РФ ориентируют нас на то, что уголовное преследование осуществляется *только по уголовным делам*. Дословное толкование указанной нормы не позволяет отнести к уголовному преследованию деятельность на этапе проверки сообщения о преступлении, осуществляемую прокурором, следователем, дознавателем, органом дознания.

При определении начала уголовного преследования следует отталкиваться от правовой природы категории «изобличение» и его содержания. К какой деятельности, если не к уголовному преследованию, следует отнести проверку сообщения о преступлении, равно как и само предварительное расследование, если данные о заподозренном неизвестны?

По нашему мнению, уже в момент регистрации сообщения о преступлении сотрудником, принимающим заявление от пострадавшего, делается предварительный вывод о факте совершения преступления, поскольку иная информация, не указывающая на преступное уголовно наказуемое деяние, не будет вноситься в книгу регистрации сообщений о преступлении.

Согласно п 20. Инструкции об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации, утвержденной приказом Следственного комитета России от 11 октября 2012 г. № 72 «Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации», заявления и обращения, которые не содержат сведений об обстоятельствах, указывающих на признаки преступления, не подлежат регистрации в книге и не требуют процессуальной проверки в порядке, предусмотренном статьями 144, 145 УПК РФ.

Принятие сообщения о преступлении позволяет приступить не просто к его проверке, а к собиранию доказательств посредством производства следственных и процессуальных действий, указанных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, т. е. приступить к доказыванию. Так, протокол осмотра места происшествия (первоначальное следственное действие, осуществляемое, как правило, на стадии возбуждения уголовного дела) и полученные в его ходе доказательства по абсолютному большинству уголовных дел указываются в обвинительном заключении как доказательства, подтверждающие обвинение.

С внесением изменений Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в ст. 144 УПК РФ и расширением на этапе проверки сообщения о преступлении средств установления данных, указывающих на признаки преступления, собирания доказательств, деятельность следователя, дознавателя, органа дознания по изобличению лица в совершении противоправного деяния стала еще более очевидной, а границы стадий досудебного производства – размытыми, что в очередной раз позволяет усомниться в целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела [2; 3].

Таким образом, вполне очевидно, что доказывание обстоятельств совершенного преступления осуществляется на протяжении всего досудебного производства и входит в деятельность по изобличению лица в совершении преступления.

Исследуя вопросы, связанные с возможным началом уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела, следует отметить, что аналогичные вопросы возникают и на этапе предварительного расследования. Так, например, допрос свидетеля (в последующем подозреваемого, обвиняемого) осуществляется в целях установления обстоятельств преступного уголовно-наказуемого деяния, в том числе причастности лица к его совершению, т. е. изобличения в совершении преступления.

Не противоречит представленной позиции указание в п. 55 ст. 5 УПК РФ на процессуальную деятельность, осуществляемую в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, поскольку с момента принятия сообщения о преступлении начинается установление события преступления, совершение которого впоследствии вменяется в вину обвиняемому, а значит, происходит изобличение лица. На стадии возбуждения уголовного дела не только устанавливаются признаки состава преступления, но и собираются доказательства, дающие основания для предъявления обвинения в совершении преступления, исследуемые в последующем в суде. Важно отметить: при проверке сообщения о преступлении процессуальные статусы подозреваемого, обвиняемого отсутствуют. Вместе с тем, как до придания лицу статуса подозреваемого, обвиняемого, так и после, продолжается деятельность по изобличению лица в совершении преступления. При этом в момент вынесения органом предварительного расследования постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица либо принятия решения, предусмотренного п. 2–4 ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 47 УПК РФ, делается предварительный вывод о причастности лица к совершению преступления посредством подозрения либо обвинения: при наличии достаточных данных лицо подозревается в совершении преступления (ч. 1 ст. 223.1 УПК), а в случае получения достаточных доказательств – обвиняется (ч. 1 ст. 171 УПК).

Исследование правовой природы и сущности уголовного преследования, а также правоприменительной практики реализации норм, образующих институт подозрения и обвинения, позволяет утверждать, что уголовное преследование не ограничивается только принятием процессуального решения, поскольку имеет длящийся процесс.

Таким образом, уголовное преследование осуществляется независимо от наличия у лица статуса подозреваемого или обвиняемого, в том числе на этапе проверки сообщения о преступлении.

Подобного мнения в одном из последних исследований, посвященных уголовному преследованию, придерживается и К. С. Ага-

беков, определяя возможность начала уголовного преследования независимо от наличия у лица статуса подозреваемого или обвиняемого, в том числе на этапе проверки сообщения о преступлении, при этом содержание процессуальной деятельности стороны обвинения должно давать «лицу основание полагать, что в отношении него осуществляется проверка на его причастность к совершению преступления» [1].

Анализ уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь и Республики Таджикистан подтверждает логичность сделанного авторского утверждения и целесообразность расширения деятельности по осуществлению уголовного преследования на стадию возбуждения уголовного дела, а также на производство по уголовному делу, возбужденному в отношении неустановленного лица. Так, согласно п. 48 ст. 6 УПК Республики Беларусь к уголовному преследованию относится «процессуальная деятельность, осуществляемая в целях установления факта и обстоятельств совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом». В соответствии со ст. 6 УПК Республики Таджикистан уголовное преследование осуществляется в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, привлечения последнего в качестве обвиняемого, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или других принудительных мер.

Обратим внимание на субъекты, уполномоченные осуществлять уголовное преследование. В соответствии с п. 55 ст. 5 УПК РФ уголовное преследование осуществляется стороной обвинения. Такое указание является не совсем корректным.

При определении субъекта уголовного преследования необходимо учитывать:

- во-первых, положения ч. 1 ст. 21 УПК РФ, согласно которым обязанность уголовного преследования возложена на прокурора, следователя и дознавателя;
- во-вторых, согласно ст. 22 УПК РФ и прямому ее толкованию потерпевший не осуществляет уголовного преследования, а принимает в нем участие;
- в-третьих, гражданский истец, несмотря на то что относится к стороне обвинения, уголовное преследование не осуществляет, поскольку его появление в деле изначально обусловлено гражданско-правовыми отношениями;
- в-четвертых, потерпевший, гражданский истец и их представители появляются на ранней стадии предварительного расследования.

Налицо противоречие норм, выражающееся в отсутствии четкого установления субъекта уголовного преследования. Полагаем, что к таким субъектам могут быть отнесены: орган дознания, лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, частный обвинитель.

Кроме того, подлежит уточнению указание того, кто изобличается в совершении преступления. Статус подозреваемого, обвиняемого формируется только на этапе предварительного расследования, вместе с тем уголовное преследование, как было установлено выше, начинается с момента регистрации сообщения о преступлении. Употребление в п. 55 ст. 5 УПК РФ слов «подозреваемый», «обвиняемый» дезориентирует как ученых-процессуалистов, так и правоприменителей. В указанной норме целесообразно было бы указать на «процессуальную деятельность, осуществляемую в целях изобличения и установления лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом», т. е. аналогично тому, как это сделал белорусский законодатель в п. 48 ст. 6 УПК.

Исходя из изложенного, представляется целесообразным внести соответствующие коррективы в российское уголовно-процессуальное законодательство, а именно в п. 55 ст. 5 УПК РФ.

Распространяя на стадию возбуждения уголовного дела изобличение лица, причастного к совершению преступления, следует отличать уголовное преследование от обвинения, начало которого связано с необходимостью обеспечения права на защиту. Согласно ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник может участвовать в уголовном деле не только при появлении процессуальной фигуры подозреваемого или обвиняемого, но и с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. При этом законодатель, по сути, не закрепляет статус такого лица на стадии возбуждения уголовного дела и не раскрывает, какие именно действия следует считать затрагивающими права и свободы.

Разделение уголовного преследования на виды (частное, частно-публичное, публичное) обусловило выделение еще одной проблемы, касающейся различного порядка начала производства по уголовному делу. Так, согласно ч. 1 ст. 318 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, относящихся к делам частного обвинения, «возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд».

В соответствии с ч. 1 ст. 426 УПК Республики Беларусь уголовное дело частного обвинения возбуждается лицом, пострадавшим от преступления, путем подачи в суд заявления о совершении

в отношении него преступления, указанного в ч. 2 и ч. 3 ст. 26 УПК РБ. Аналогичное положение о порядке возбуждения уголовного дела содержится и в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан (ст. 354).

Такое начало уголовного судопроизводства в полной мере соответствует международным стандартам и является наиболее распространенным в мире и может быть распространено не только на дела частного обвинения, но и на частно-публичные и публичные – уголовное дело в таком случае считается возбужденным с момента подачи заявления о совершенном преступлении в орган, уполномоченный осуществлять уголовное преследование.

Аргументация предлагаемого законодательного изменения обусловлена необходимостью соблюдения принципа разумного срока, одной из причин нарушения которого является затягивание сроков проверки сообщения о преступлении, возможность неоднократного вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела с последующей отменой принятого решения.

Рассмотренные проблемы законодательного регламентирования обусловили возникновение вопросов исчисления срока уголовного преследования. Так, при определении разумности срока уголовного судопроизводства необходимо учитывать временной период с момента подачи заявления о преступлении, на что обратил внимание и Конституционный Суд РФ¹.

Стадия возбуждения уголовного дела в том виде, в котором она существует на сегодняшний день, идет вразрез с Рекомендациями № 6 R (87) 18 Комитета министров Совета Европы «Относительно упрощения уголовного правосудия»², принятыми 17 сентября 1987 г. Полагаем возможным в целях оптимизации уголовно-процессуальной деятельности российскому законодателю пересмотреть сложившийся подход к стадии возбуждения уголовного дела, предусмотрев в законодательстве упрощенный порядок начала возбуждения уголовного преследования по делам публичного и частно-публичного обвинения, который может быть озаглавлен принятием органом расследования сообщения о преступлении без вынесения отдельного постановления по аналогии с частным порядком.

¹ По делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 января 2020 г. № 6-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Рекомендации № 6 R (87) 18 Комитета министров Совета Европы «Относительно упрощения уголовного правосудия», принятые 17 сентября 1987 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следует признать, что в настоящее время в российском уголовно-процессуальном законе отсутствует единая концепция осуществления уголовного преследования: не определены момент начала уголовного преследования, содержание деятельности, направленной на изобличение лица, совершившего преступление, подлежат конкретизации субъекты уголовного преследования, а также сроки его осуществления. Вместе с тем, по нашему мнению, в целях оптимизации уголовно-процессуальной деятельности российскому законодателю необходимо рассмотреть вопрос о возможном отказе от стадии возбуждения уголовного дела по делам публичного и частно-публичного обвинения, который может быть озаглавлен регистрацией сообщения о преступлении без вынесения отдельного постановления.

Список литературы:

1. *Агабеков К. С.* Уголовное преследование органами дознания: теория и практика. Москва, 2020.
2. *Гаврилов Б. Я.* Концепция начала производства по уголовному делу: законодательные мифы и реалии правоприменения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81).
3. *Гаврилов Б. Я.* Производство следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела: проблемы законодательной регламентации // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. № 1 (2).
4. *Маслов В. И.* О понятии уголовно процессуальной функции // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 2 (16).

Симуляция психического расстройства как способ противодействия расследованию преступлений

А. А. РУЧИНА,

*преподаватель кафедры криминалистики
Сибирский юридический институт МВД России*

Аннотация: в статье рассматриваются особенности противодействия расследованию уголовного дела путем симуляции подозреваемым, обвиняемым психического расстройства. Затрагиваются вопросы, связанные с процессуальными действиями следователя в случае симуляции подозреваемым, обвиняемым психического расстройства в целях противодействия расследованию.

Ключевые слова: *симуляция психического расстройства; противодействие расследованию уголовного дела; меры процессуального принуждения; денежное взыскание.*

Вопросы эффективности расследования преступлений, своевременного решения задач, направленных на скорейшее принятие законного и обоснованного решения по расследуемому уголовному делу, являются одними из наиболее часто обсуждаемых в теории и практике уголовного процесса. В связи с этим нельзя не коснуться проблем противодействия расследованию участниками уголовно-процессуальных правоотношений со стороны защиты, а именно подозреваемым, обвиняемым.

Традиционно под противодействием расследованию понимают умышленную деятельность, заключающуюся в воспрепятствовании решению задач расследования и в конечном счете установлению истины по делу [4, с. 129]. В теории уголовного процесса и криминалистики способы противодействия расследованию классифицируют по различным основаниям. Например, В. И. Ищенко в основу своей классификации положил особенности информации, выделяя способы воздействия на материальные носители (фальсификация документов, уничтожение доказательств) и способы воздействия на вербальные носители (подкуп, шантаж свидетелей, угрозы потерпевшему) [3, с. 50]. Профессор Р. С. Белкин считает, что по отношению к расследованию преступления следует различать внешнее и внутреннее противодействие. Под внешним воздействием он понимает противодействующую деятельность лиц,

не связанных с расследуемым событием и лицом, осуществляющим расследование. В свою очередь, внутреннее противодействие – это противодействие, оказываемое участниками уголовного судопроизводства (подозреваемым, потерпевшим, защитником и другими) [4, с. 130–143]. В зависимости от уголовно-процессуального положения участника правоотношений можно также выделить формы противодействия со стороны подозреваемого, обвиняемого, со стороны защитника, со стороны потерпевшего и свидетеля, эксперта и иных участников уголовного судопроизводства. В связи с высокой заинтересованностью в исходе расследования наиболее многочисленны и разнообразны именно способы противодействия со стороны подозреваемого, обвиняемого. В. С. Абраменкова среди таких способов называет выдвижение и обоснование ложного алиби, неявку по вызову следователя, фальсификацию документов, уничтожение следов преступления, оказание физического и психического воздействия. В перечень форм воздействия на результаты расследования уголовного дела она также совершенно обоснованно включает симуляцию психического расстройства подозреваемым, обвиняемым [1, с. 62], т. к. данное действие, заключающееся в демонстрации несуществующих признаков психического заболевания, преследует цель противодействовать достижению истины по уголовному делу. Полагаем, что в связи с увеличением случаев симуляции подозреваемыми, обвиняемыми психического расстройства в целях противодействия расследованию уголовного дела [5, с. 53], будет небезынтересным рассмотреть данный способ воздействия на ход расследования уголовного дела.

Под симуляцией психического расстройства понимают сознательное притворное поведение, выраженное в изображении признаков несуществующего психического нарушения. Рассматривая симуляцию психического расстройства как вид деятельности, ее условно можно разделить на несколько этапов:

- этап постановки цели и подготовки;
- этап реализации умысла;
- этап оценки результата своих действий.

На первом этапе симуляции психического расстройства подозреваемый, обвиняемый формулирует цель своей противоправной деятельности. Полагаем, что симулируя психическое расстройство, подозреваемый, обвиняемый надеется на сглаживание негативных последствий своего деяния, например, смягчение уголовной ответственности, уклонение от наказания или просто получение ряда преимуществ, положенных только лицам, страдающим психическим расстройством. Указанной цели можно добиться несколькими

способами. В судебной психиатрии выделяются следующие средства симуляции психического расстройства:

- с помощью речи и поведения;
- посредством приема лекарственных препаратов;
- с использованием симуляции анамнестических данных, посредством соответствующей подготовки родственников и знакомых, чтобы те сообщали сведения, подтверждающие версию психической болезни у подэкспертного [5, с. 54].

Думаем, что к способам симуляции психического расстройства подозреваемым, обвиняемым можно также отнести фальсификацию медицинских документов, в которых содержится информация о перенесенных ранее психических заболеваниях или признаках психических расстройств и которые в последующем будут представлены для изучения при производстве судебно-психиатрической экспертизы. В качестве вербального способа симуляции психического расстройства можно рассмотреть влияние подозреваемого, обвиняемого путем угроз, шантажа или подкупа на персонал медицинского учреждения, в котором проводится судебно-психиатрическая экспертиза. При этом указанные способы могут применяться участником уголовно-процессуальных правоотношений унитарно или в сочетании. Следует отметить, что данный перечень нельзя назвать исчерпывающим, т. к. способ симуляции психического расстройства зависит от знаний и опыта подозреваемого, обвиняемого, его личных качеств, а также осведомленности в теории и практике психиатрии. Именно в зависимости от физических и интеллектуальных способностей подозреваемого, обвиняемого осуществляется выбор способа симуляции психического расстройства. Кроме того, выбранное средство обуславливает содержание комплекса подготовительных действий участника уголовно-процессуальных правоотношений: подбор и изучение необходимой литературы, просмотр научных видеофильмов, наблюдение за лицами, страдающими психическим расстройством, приобретение специальных медицинских препаратов, изготовление поддельных медицинских документов и другие.

Характеризуя второй этап рассматриваемого вида деятельности, можно отметить, что симуляция обычно осуществляется в форме изображения отдельных болезненных симптомов, например, галлюцинаций, бреда, расстройства памяти. Значительно реже участник правоотношений демонстрирует отдельные формы психического заболевания [5, с. 54].

В зависимости от целей симуляции подозреваемый, обвиняемый может имитировать наступление психического расстройства

до совершения преступления, в момент совершения преступления или после совершения преступления. Наиболее сложным нам видится демонстрация психического расстройства после совершения преступления, т. к. она сопряжена с активным использованием речевого и поведенческого аппарата и требует от данного лица проявления актерского мастерства. Продолжительность симуляции подозреваемым, обвиняемым психического расстройства различна и при успешности может продолжаться достаточно долго, вплоть до достижения цели симуляции или изобличения лица.

Именно результат противоправной деятельности определяет содержание заключительного этапа симуляции психического расстройства подозреваемым, обвиняемым. На данном этапе участник уголовно-процессуальных правоотношений проверяет результаты своей деятельности, проводит их оценку и исправляет ошибки. Думаем, что в процессе демонстрации признаков психического заболевания подозреваемый, обвиняемый может подводить промежуточные итоги своих действий в зависимости от поставленных задач. Например, навязать следствию свою версию события преступления, добиться направления на судебно-психиатрическую экспертизу, затянуть сроки предварительного расследования. И в зависимости от выполнения поставленных задач корректировать свою линию поведения.

Симуляция психического расстройства подозреваемым, обвиняемым, являясь способом противодействия расследованию преступления, существенно влияет на содержание уголовно-процессуальной деятельности следователя, дознавателя, что в свою очередь приводит к затягиванию сроков предварительного расследования и в целом не позволяет достичь назначения уголовного судопроизводства. Поэтому сотрудникам органов предварительного следствия и дознания необходимо уметь преодолевать противоправное влияние указанных участников уголовно-процессуальных правоотношений на ход расследования.

Важным составляющим комплекса мер, направленных на преодоление противодействия со стороны подозреваемого, обвиняемого является планирование расследования. Д. М. Берова и М. М. Хамгоков обращают внимание на то, что знание вариантов возможного негативного влияния на процесс расследования уголовного дела позволяет следователю должным образом наметить ход действий и стратегию расследования, предусмотреть способы нейтрализации попыток повлиять на справедливое разбирательство [2, с. 169]. Успех использования данной меры борьбы с противодействием расследованию преступления зависит от опыта

должностного лица, его наблюдательности и знаний в области психологии и психиатрии.

Производство следственных действий является наиболее эффективным способом изобличения подозреваемого, обвиняемого в симуляции психического расстройства. Так, в ходе производства допроса симулянта следует обращать внимание на изложение им хода преступного события, поведение данного участника уголовно-процессуальных правоотношений и его речь, а также на его личностные характеристики, род занятий, увлечения. При допросе потерпевшего и свидетелей по факту проверки наличия признаков психического расстройства у подозреваемого, обвиняемого следует делать акцент на поведение подозреваемого, обвиняемого до совершения преступления, в момент его совершения, а также после совершения деяния. Высоким уровнем результативности выявления симуляции психического расстройства характеризуется комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. Ее проведение позволяет получить оформленные в письменном виде содержание исследования и выводы экспертов по вопросам патопсихологического характера, являющиеся доказательством по уголовному делу.

Немаловажным средством борьбы с влиянием подозреваемого, обвиняемого на ход расследования путем симуляции им психического расстройства является привлечение специалиста к участию в производстве следственных и иных процессуальных действий. Данный участник уголовно-процессуальных правоотношений может восполнить пробел в знаниях следователя, дознавателя в области психиатрии, а также оказать практическую помощь при производстве следственных действий, например, путем наблюдения за поведением подозреваемого, обвиняемого в ходе допроса.

Осуществление иных процессуальных действий, направленных на сбор характеризующего материала в отношении симулянта, также является средством преодоления противодействия расследованию уголовного дела. К таким мерам можно отнести получение медицинских документов о состоянии лица на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере, прохождении лечения у врача-психиатра, справок-характеристик от участкового уполномоченного полиции и др.

Думаем, что к средствам борьбы с противоправным поведением подозреваемого, обвиняемого, симулирующего психическое расстройство, обоснованно можно отнести применение процессуальных мер воздействия.

В соответствии с ч. 1 ст. 111 УПК РФ к подозреваемому, обвиняемому в качестве мер процессуального воздействия могут быть

применены обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество. Данный перечень мер является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит¹. Так, наложение ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого и отстранение его от должности может предупредить уничтожение или сокрытие им следов преступления, обязательство о явке и привод обеспечивают явку подозреваемого, обвиняемого к следователю или в суд. Вместе с тем полагаем, что ни одна из указанных мер воздействия не будет эффективной в случае противодействия расследованию уголовного дела путем симуляции психического расстройства. Выход из данной ситуации можно найти в применении в отношении рассматриваемого участника уголовно-процессуальных правоотношений меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. Именно в содержании данной меры пресечения имеется требование о запрете препятствования деятельности должностного лица по установлению истины по уголовному делу. В соответствии с положениями уголовно-процессуального закона в случае нарушения требований данной меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого может быть избрана более строгая мера процессуального принуждения, например, домашний арест или заключение под стражу. При этом указанные процессуальные меры преследуют цель исключения воздействия подозреваемого, обвиняемого на потерпевшего или свидетеля, возможности уничтожения доказательств, попытки скрыться от следствия или суда, однако они не являются результативными в случае противодействия расследованию путем симуляции подозреваемым, обвиняемым психического расстройства, т. к. и в случае содержания в СИЗО подозреваемый, обвиняемый имеет возможность создать ложное впечатление о наличии у него психического заболевания.

Думаем, что в случае доказанности факта симуляции психического расстройства к подозреваемому, обвиняемому следует применить иную меру процессуального принуждения в виде денежного взыскания. Данная процессуальная мера позволит, избегая ограничения конституционных прав и свобод рассматриваемого участника правоотношений, пресечь и предупредить в дальнейшем совершение им уголовно-процессуальных правонарушений, в частности

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2008 г. № 308П08, а также п. 1.3.2 Обзора кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2010 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

симуляции психического расстройства в целях затягивания сроков предварительного расследования, противодействия достижению истины по уголовному делу, а также уклонения от наказания.

Исходя из вышеизложенного, можно говорить о том, что симуляция психического расстройства подозреваемого, обвиняемого представляет собой один из способов противодействия данного участника расследованию уголовного дела, заключающийся в демонстрации им несуществующих признаков психического расстройства в целях смягчения негативных последствий своего деяния. Поэтому сотрудникам органов предварительного следствия и дознания важно знать и уметь распознавать признаки симуляции психического расстройства участниками уголовного процесса, а также быть способными вести расследование уголовного дела в условиях противодействия со стороны подозреваемого, обвиняемого.

Список литературы:

1. *Абраменкова В.С.* Противодействие при расследовании: понятие, формы и способы // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3.

2. *Берова Д. М., Хамгоков М. М.* О способах противодействия расследованию преступлений и совершенствовании мер по их преодолению // Государственная служба и кадры. 2019. № 4.

3. *Ищенко В.А.* Противодействие предварительному расследованию в местах лишения свободы и направления его нейтрализации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007.

Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т. В. Аверьяновой и Р. С. Белкина. Москва, 1977.

4. *Петров В.И.* Симуляция психических расстройств в судебно-психиатрической практике / В. И. Петров, В. И. Мурзич // Борьба с преступностью: теория и практика: материалы II Международной научно-психиатрической конференции (Могилев, 27 февраля 2014 г.). Могилев: Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь, 2014.

Об обжаловании следователем указаний, действий (бездействия) и решений руководителя следственного органа

У. В. САДИОКОВА,

*старший преподаватель кафедры управления
органами расследования преступлений
Академия управления МВД России
E-mail: ulyana578@list.ru*

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы правовой регламентации обжалования следователем указаний, действий (бездействия) и решений руководителя следственного органа.

Ключевые слова: *следователь; руководитель следственного органа; руководитель вышестоящего следственного органа; указания; процессуальные решения.*

Ч. 3 ст. 39 УПК РФ предусматривает право следователя при его несогласии с указаниями руководителя следственного органа обжаловать их руководителю вышестоящего следственного органа с предоставлением обосновывающих возражения материалов. Указанное положение позволяет следователю отстаивать основанную на его внутреннем убеждении точку зрения относительно вопросов расследования по находящемуся в производстве уголовному делу и выступает тем самым гарантией обеспечения его процессуальной самостоятельности.

Обжалование указаний, согласно приведенной норме, не приостанавливает их исполнения за исключением случаев, когда они касаются принятия решений, имеющих принципиальное значение для расследования. Между тем в научной литературе высказываются суждения о необходимости регламентации в законе приостановления исполнения любых указаний руководителя следственного органа в случае их обжалования следователем руководителю вышестоящего следственного органа [4, с. 91]. Невозможность такого положения оппонирующая сторона, в свою очередь, обосновывает тем, что оно парализует уголовно-процессуальную деятельность по конкретным уголовным делам и нивелирует организующую роль руководителя следственного органа [6, с. 118].

С учетом приведенных мнений следует отметить, что положение о приостановлении исполнения любых указаний руководителем следственного органа в случае их обжалования следователем руководителю вышестоящего следственного органа выступает дополнительной гарантией его самостоятельности и соблюдения внутреннего убеждения следователя. При этом не в полной мере состоятельными представляются прогнозные суждения И. В. Чечулина с учетом единичных случаев обжалования следователем указаний руководителя следственного органа, а также характера обжалуемых указаний (свидетельствующие этому данные приведены далее в статье).

Одновременно в научной литературе укрепились позиция, что серьезную гарантию для обеспечения процессуальной самостоятельности следователя призван создавать механизм обжалования указаний руководителя следственного органа прокурору, поскольку при согласии прокурора с указаниями руководителя следственного органа уголовное дело должно быть передано для расследования другому следователю [5, с. 128]. Отдельными авторами в этой ситуации в качестве разрешающей инстанции предлагается определить суд [1, с. 10], в том числе наряду с прокурором [3, с. 7]. Также высказывается суждение, что обжалование указаний руководителю вышестоящего следственного органа вызывает сомнения в объективности их оценки и возражений следователя на них и созданию тем самым предпосылок для проникновения в расследование субъективизма, корпоративности и ведомственной заинтересованности [2, с. 202].

В связи с этим следует отметить два момента. Во-первых, руководитель следственного органа также правомочен передать уголовное дело другому следователю при расхождении в позициях (п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Во-вторых, современное правовое регулирование отношений руководителя следственного органа и следователя основано на процессуальной автономии (самостоятельности) следственного органа в оценке позиции и целесообразности действий внутри органа, не охватываемой тем самым воздействием прокурора или суда. Кроме того, целесообразность проведения тех или иных следственных и иных процессуальных действий, направлений расследования или принятия процессуальных решений не охватывается ограниченной исключительно надзором деятельностью прокурора в досудебном производстве, не имеющего в связи с этим правомочий прямой отмены решений руководителя следственного органа. В свою очередь, суд не может предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства

по существу уголовного дела¹, а содержание обжалуемых указаний, как правило, даются по вопросам квалификации, объема обвинения, необходимости проведения следственных и иных процессуальных действий и т. д. Тем самым суд, по сути, правомочен рассмотреть лишь вопрос о соблюдении порядка вынесения указания, не являющегося предметом обжалования следователем.

Не соглашаясь с доводами авторов ведомственной заинтересованности и, как следствие, необъективности руководителя вышестоящего следственного органа, также отмечаем, что последний является субъектом контроля процессуальной деятельности нижестоящего руководителя следственного органа, предметом которого является законность и обоснованность этой деятельности. Тем самым контрольные полномочия руководителя вышестоящего следственного органа как публичного субъекта уголовного судопроизводства являются не только его правовыми возможностями поведения, но и обязанностями, предписывающими необходимость реагирования на незаконные и необоснованные действия и принимаемые решения нижестоящим следственным органом, невыполнение которых влечет наступление ответственности, что позволяет нивелировать высказанные выше опасения.

Результаты проведенного нами анкетирования следователей свидетельствуют, что они крайне редко обжалуют указания руководителей следственных органов – 58,6 %. Вместе с тем важным является то, что согласно исследованиям, проводимым до изменений, внесенных в УПК РФ в 2007 г., следователи не обжаловали указания и прокурору. 91,5 % опрошенных ранее респондентов не знали ни одного случая обжалования указаний начальника следственного отдела прокурору [7].

Изложенное свидетельствует, что обжалование указаний руководителя следственного органа напрямую не связано с субъектом их рассмотрения. При этом важным в исследовании является не столько процент обжалуемых решений, сколько причины, по которым следователи не обжалуют указания. Так, 78 % опрошенных нами респондентов пояснили, что крайне редко имеют случаи расхождения по вопросам расследования с мнением руководителя следственного органа. При этом 62,1 % указали, что никогда не принимали процессуальные решения по указанию руководителя следственного органа, в правильности которых они не были убеждены. Ответив-

¹ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

шие об имевших случаях принятия решения по указаниям, вопреки их мнению, на вопрос о причинах, по которым они не обжалуют указания (33,7 %), пояснили: вопрос расхождения в позициях с руководителем следственного органа решается ими «в рабочем порядке», без обращения к руководителю вышестоящего следственного органа и оформления соответствующих процессуальных документов; 33 % – соглашались с позициями руководителей следственных органов в связи с их компетентностью и профессионализмом; 18,8 % – не обжалуют указания в связи с административным фактором (стремлением избежать конфликтов) и 15 % пояснили, что руководитель вышестоящего следственного органа, как правило, соглашается с указаниями, данными руководителем нижестоящего следственного органа.

Тем самым следует констатировать, что с подавляющим большинством даваемых руководителем следственного органа указаний следователи согласны. Немаловажную роль в согласии с позицией руководителя следственного органа играет его авторитет и профессионализм. Вместе с тем при возникновении разногласий в позициях с руководителем следственного органа следует говорить не об отсутствии в правовой регламентации реальной возможности отстаивать внутреннее убеждение следователя, а о неготовности следователей сделать это в силу не только недостаточной убежденности в своей позиции, но и отсутствием внутренней психологической готовности или желания вступать в спор с руководителем следственного органа и отстаивать свое мнение.

Рассматривая механизм обжалования следователем указаний руководителя следственного органа, следует констатировать, что уголовно-процессуальный закон не определяет полномочия руководителя вышестоящего следственного органа по поступившей жалобе и срокам ее рассмотрения, о чем уже неоднократно отмечалось в научной литературе. Очевидно, что варианты принимаемых решений зависят от согласия руководителя вышестоящего следственного органа с доводами следователя или руководителя следственного органа.

В случае признания указаний руководителя следственного органа обоснованными, представляется необходимым в целях обеспечения процессуальной самостоятельности следователя и исключения противоречия в расследовании его внутреннему убеждению уголовное дело передать для дальнейшего производства другому следователю. Тем самым уголовное дело находится в производстве другого следователя этого же следственного подразделения, указания по которому даны его руководителем, обоснованность которых

подтверждена в порядке процессуального контроля руководителем вышестоящего следственного органа, процессуальная самостоятельность следователя не нарушена.

Альтернативой передачи уголовного дела другому следователю возможно поручение руководителем вышестоящего следственного органа производства расследования по уголовному делу непосредственно руководителю следственного подразделения, указания которого следователем были обжалованы.

При согласии же руководителя вышестоящего следственного органа с позицией следователя представляется логичным предложение И. В. Чечулина принять решение об изъятии уголовного дела и передаче его для дальнейшего расследования в вышестоящий следственный орган. Такое решение является наиболее оптимальным, а в случае, если обжалуемые указания даны относительно направления расследования или принятия ключевых решений по уголовному делу, – единственно верным. Такая мера обусловлена, прежде всего, противоречием позиции руководителя вышестоящего следственного органа внутреннему убеждению руководителя следственного органа относительно расследуемого в подчиненном ему следственном органе уголовного дела. Передача уголовного дела в рассматриваемой ситуации другому следователю этого же подразделения позволит устранить возможно возникший психологический барьер между следователем и руководителем следственного органа, но не противоречие его внутреннего убеждения в позиции по осуществляемому им руководству по этому уголовному делу.

Следует напомнить, что УПК РФ предусматривает и возможность обжалования следователем руководителю вышестоящего следственного органа не только указаний, но и действий (бездействия) и решений руководителя следственного органа в предусмотренных кодексом случаях (ч. 4 ст. 124). Между тем анализ норм уголовно-процессуального закона позволяет установить, что перечень действий и решений, на которые следователь может принести свои возражения, ограничен законом только указаниями руководителя следственного органа, что, на наш взгляд, не в полной мере соответствует общей идее законодателя при установлении нормы ч. 4 ст. 124 УПК РФ.

Сегодня с учетом реализации руководителем следственного органа достаточно широкого объема полномочий по руководству предварительным следствием, способной затрагивать внутреннее убеждение следователя, полагаем необходимым в качестве дополнительной процессуальной гарантии обеспечения его процессуальной самостоятельности предусмотреть возможность обжалования

следователем всех действий (бездействия) и решений руководителя следственного органа. Аналогично условиям обжалования указаний, приведенных выше, следует предусмотреть и приостановление исполнения обжалуемых решений руководителя следственного органа, внося соответствующие изменения в уголовно-процессуальный закон.

Список литературы:

1. *Бабич А.В.* Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.
2. *Новиков Е.А.* Руководитель следственного органа в российском уголовном судопроизводстве: процессуальные и организационные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009.
3. *Попова Т.Ю.* Уголовно-процессуальный статус руководителя следственного органа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.
4. *Победкин А. В., Новиков Е.А.* Руководитель следственного органа (процессуальные и организационные аспекты). Москва: Юрлитинформ, 2010.
5. *Табаков С.А.* Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009.
6. *Чечулин И.В.* Полномочия руководителя следственного органа и их реализация в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013.
7. *Шейфер С. А., Бобров А.В.* Процессуальная самостоятельность следователя: мнения практиков // Законность. 2006. № 5.

Компьютерная метафора: несколько слов о проблемах законодательства, регулирующего уголовно-процессуальную деятельность, и перспективах его совершенствования

П. А. САМОЙЛОВ,

*заместитель начальника ОП № 21
УМВД России по г. Тольятти*

Аннотация: в статье с использованием оригинального подхода, основанного на компьютерной метафоре, рассматриваются актуальные проблемы эффективности уголовно-процессуальной деятельности во взаимосвязи с уголовно-процессуальным законодательством. Автором рассматривается проблема непонимания норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации практически всеми работниками и предлагаются общие наброски подхода, который позволит уголовно-процессуальному закону предлагать верную последовательность действий и решений в типичных ситуациях, но при этом не превращаться в сборник алгоритмов.

Ключевые слова: *компьютерная метафора; уголовно-процессуальное законодательство; правовые основания; принципы уголовного процесса.*

Уголовно-процессуальная деятельность в настоящий момент вызывает довольно много нареканий как с точки зрения ее эффективности, так и с позиции этики [2]. Негативными оценками методов и результативности работы органов предварительного расследования, судей и прокуроров пестрят страницы научных и публицистических изданий, где учеными, юристами-практиками и журналистами местами вполне справедливо критикуются уголовно-процессуальное законодательство с его путаностью и пробелами, чрезмерная свобода усмотрения должностных лиц, их личные мотивации и банальная некомпетентность и т. д. [2, с. 23]. Вполне логично, что аналогичные мнения проникают и в массовое общественное сознание, а такая ситуация приводит к тому, что между населением и правоохранительной системой возникает пропасть из предвзятости, недоверия, настороженности, а иногда и открытой враждебности.

Очевидно, что такое положение дел требует внимания и принятия мер, направленных на исправление ситуации. Одним из перспек-

тивных и наиболее активно обсуждаемых направлений в указанном ключе является разработка и внедрение в уголовно-процессуальную деятельность технологий искусственного интеллекта. В литературе рассматривается множество идей от банального оснащения правоохранительных органов полезными гаджетами до таких глобальных инноваций, как полная замена судей и полицейских роботами – своего рода «правоохранительными машинами» [2, с. 25].

Стоит отметить, что в рамках таких радикальных предложений активно используется компьютерная метафора, представляющая собой мысленную аналогию и сравнение человека и искусственного интеллекта. К слову сказать, идея о замене людей роботами не спонтанна, а имеет под собой вполне логичные предпосылки и весомые основания, которые можно обобщить в три группы. Первая группа – это технические проблемы современной правоохранительной системы. В общем виде их суть состоит в том, что техническая оснащенность органов правопорядка современными средствами вычислительной техники и программным обеспечением, а также техническая грамотность сотрудников находятся существенно ниже необходимого уровня, обусловленного современным состоянием преступности. Вторая – этические вопросы. И здесь оцениваются такие преимущества искусственного интеллекта, как беспристрастность, справедливость, отсутствие зависимостей, заинтересованности, коррупционных мотиваций и т. п. И третья группа – собственно юридические проблемы, к числу которых относится качество уголовно-процессуального закона, незнание и непонимание его норм уполномоченными должностными лицами, а следовательно, и неумение их применять.

Чаще всего сравнение естественного и искусственного интеллекта проводится в срезе этических проблем уголовно-процессуальной деятельности, поэтому выводы сторонников роботизации не лишены очевидной эмоциональной окраски и предвзятости. Однако незаслуженно игнорируется направление, где компьютерная метафора, на наш взгляд, может быть не только поводом для футуристических обсуждений вариантов развития правоохранительной системы, но принести реальную пользу уже сейчас. Речь идет об исследовании качества уголовно-процессуального закона. Иными словами, если представить УПК РФ в виде компьютерной программы, можно будет проанализировать, какие его положения окажутся непонятными для искусственного интеллекта. Аналогично и в обратном порядке: отталкиваясь от логики и правил построения машинного алгоритма, можно будет предложить варианты изменения уголовно-процессуального закона. Ожидается, что такой

подход позволит выявить некоторые положительные и отрицательные аспекты современного состояния правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности и разработать рекомендации по совершенствованию юридической техники в рассматриваемой отрасли права.

Итак, рассматривая вопрос качества уголовно-процессуального закона, многими исследователями отмечаются такие негативные факторы, как чрезмерный объем, витиеватость и неопределенность понятий, пробелы и коллизии, нарушение логики изложения, отсутствие необходимой адресности норм [4] и т. д. В совокупности указанные проблемы, с одной стороны, создают благодатную почву для неконтролируемой свободы усмотрения, халатности, ошибок и умышленных нарушений со стороны должностных лиц, а с другой – способствуют формированию у правоприменителей психологического состояния неуверенности в правомерности своих действий, что нередко становится причиной пассивности и формального отношения к исполнению своих должностных обязанностей. Известный итальянский гуманист Ч. Беккариа очень удачно и собирательно назвал подобный эффект «темнотой законов», а она, по его мнению, порождает еще большее зло – «ненужное толкование законов» [1]. Очевидно, что при таком положении вещей сформированная на базе норм УПК РФ компьютерная программа просто не сможет работать. Одним из направлений, которое, как нам кажется, могло бы помочь эту «темноту» развеять, связано с совершенствованием юридической техники. Проще говоря, крайне важно разработать руководство по написанию хороших и понятных законов. И как раз здесь могут помочь достижения науки в области искусственного интеллекта. Необходимо последовательно развивать алгоритмический подход. Безусловно, он уже давно и активно применяется в законотворческой и правоприменительной сферах [7], но при этом важно делать это вдумчиво и не превращать УПК РФ в сборник типовых задач с ответами и решениями. Не стоит забывать о человеческой моральной интуиции, совести и «духе закона», без которых эффективность уголовно-процессуальной деятельности представляется сомнительной [5; 6]. Как совместить это в нормах – вопрос сложный, и ответов может быть несколько. Ниже будет приведен авторский вариант как один из многих возможных.

Рассуждая в рамках условий задачи, предлагается опираться на следующий ряд последовательных аксиоматических тезисов.

Первый тезис – это принципиальная невозможность детального описания нормами всех жизненных ситуаций.

Второй тезис – это парадокс по отношению к первому. Мы знаем, что нельзя все регламентировать правилами, но стремление к этому и потребность для этого есть [7]. Всем вовлеченным в уголовные судопроизводства комфортно существовать в условиях правоотношений, характеризуемых полным охватом нормами. Это значит, что все возможные ситуации должны быть хотя бы в общем виде урегулированы законом, а наиболее важные и значимые – прописаны более детально. Так, у действующего лица появляется возможность ориентироваться в правовом поле и при принятии решений не выходить за его пределы.

Третий тезис – развитие норм. В попытке преодолеть ограничения первого тезиса и достичь искомого состояния, обозначенного вторым, нормы права постоянно дополняются, меняются и эволюционируют. Первые уголовные и уголовно-процессуальные нормы, сконструированные по схеме «если – то», были просты и понятны, но невозможность их повсеместного использования стала очевидна еще в период действия Русской Правды. Помимо логичного ограничения области регулирования при их применении неизбежно возникало сомнение, а является ли рассматриваемая ситуация искомым «если»? Соответственно, возникла необходимость в выработке правил определения этого самого «если», а в дальнейшем также устанавливались и последовательность осуществления «то», и особенности исполнения «иначе», и т. д. Далее появляются нормы дефиниции, нормы-принципы, бланкетные нормы, нормы дополняются методом правового регулирования и получают такую характеристику, как характер и т. д. В итоге на современном этапе нам приходится иметь дело с колоссальным количеством различных правил.

Отсюда четвертый тезис – системность. Его суть состоит в том, что огромный массив разнородных правовых конструкций и предписаний будет эффективно действовать только тогда, когда нормы будут структурированы и взаимосвязаны между собой определенным образом.

Как это реализовать? Способов и предложений имеется множество, в том числе в рамках разработок науки теории государства и права [3]. В контексте данной работы, как уже отмечалось, хотелось бы предложить вариант, который напрашивается, исходя из логики и последовательности работы компьютерной программы.

Наша задача звучит так: как путем составления алгоритма (программы, закона) систематизировать огромное количество данных и правил так, чтобы его исполнитель всегда и во всех ситуациях знал, что и как делать, и мог принять правильное и обоснованное решение. Кто бы ни предполагался в роли исполнителя такого

алгоритма, человек или машина, поставленная задача чрезвычайно сложна. Однако будем отталкиваться от того, что программа создается для компьютера, и вернемся к уже упомянутой самой простой конструкции – связке «если – то».

Итак, по условию задачи решение (действие) должностного лица ориентировано на ситуации, значит, на первом этапе необходимо установить (задать) их перечень, т. е. определить так называемое «если». Любую, даже самую нестандартную ситуацию, можно представить как совокупность ответов в форме «да» или «нет» на ряд вопросов о наличии или отсутствии фактических обстоятельств или же, на машинном языке, как совокупность нулей и единиц. Добавим к этому реальную возможность машинного обучения определять и другие значимые признаки. В итоге мы получаем описание фактических обстоятельств, с помощью которых задаются исходные типовые ситуации. В юридической науке их принято называть основаниями и условиями, а в программировании – аргументами функций и значениями переменных, но сути это не меняет, именно они определяют результат и в этом смысле являются причинами.

Говоря об установлении «если», т. е. гипотезы нормы, следует обратить внимание на последовательную детализацию фактических обстоятельств исходя из стоящих задач. То есть любая ситуация в форме совокупности фактических обстоятельств должна хотя бы в общем виде находиться в рамках правового поля и тем самым определять возможность (необходимость) совершения определенных уголовно-процессуальных действий. Вместе с тем дабы не нагружать программный код (нормы права) следует предупредить от подробной детализации фактических обстоятельств там, где в этом нет смысла.

Приведем простой пример. Дана серия вопросов:

- а) начато ли уголовное судопроизводство?
- б) возбуждено ли уголовное дело?
- в) имеется ли по делу подозреваемый?
- г) установлено ли местонахождение подозреваемого?

Ответ «да» соответствует единице, ответ «нет» соответствует нулю. С учетом заданных условий допрос подозреваемого возможен только тогда, когда, исходя из фактических обстоятельств, можно ответить «да» на все четыре вопроса. То же самое можно представить в виде уравнения, $a) * б) * в) * г) = 1$. Ответ «нет» на любой из указанных вопросов приведет к тому, что произведение будет равно нулю, а значит, допрос произвести нельзя. При этом с позиции экономии времени целесообразно отвечать на вопросы последовательно, до последнего или до первого «нет». То есть если не нача-

то уголовное судопроизводство, нет оснований совершать вообще никаких процессуальных действий; такое состояние вне уголовно-процессуальной деятельности: если не возбуждено уголовное дело, то не может быть ни подозреваемого, ни допроса и т. д.

Второй этап решения задачи по формированию алгоритма состоит в установлении правил принятия решений при заданных обстоятельствах. По сути, все сводится к установлению весовых значений для фактических обстоятельств «если» и установления характера их связей с последствиями «то». Наиболее простые и понятные – это предписания императивного характера, когда нет проблемы выбора решения – при указанных обстоятельствах (причинах) должны наступать строго определенные следствия (регулятивные нормы) или же, наоборот, категорически невозможны те или иные решения (запрещающие, охранительные нормы). Диспозитивные предписания предусматривают необходимость оценки обстоятельств и принятия решения с ориентиром на целеполагание и машинное обучение (для человека это будет накопленный опыт работы).

Третий этап включает установление правил реализации принятых уголовно-процессуальных решений и совершения действий, с ними связанных (например, порядок возбуждения уголовного дела, производства обыска, допроса свидетеля и т. д.). Они также могут быть императивными, диспозитивными, регулятивными и охранительными.

Правила, устанавливаемые на всех трех этапах, охватывают правоотношения различного уровня и детализации (например, уголовного процесса в целом, стадии предварительного расследования, производства обыска, составления протокола и т. д.), при необходимости они уточняются с помощью норм-определений (дефиниций).

И вот задача почти решена, алгоритм задан. Теперь уместно сказать несколько слов и о его реализации. Этот последующий этап очень важен. Исполнение алгоритма начинается с определения и последующего соотнесения реальной ситуации с заданными установками. Это самый уязвимый процесс с позиции вероятности ошибки, что бы мы ни задействовали: когнитивные функции человека или имитирующие их устройства и вычислительные процедуры искусственного интеллекта. Достоверность, точность восприятия и преобразования информации существенно зависят от качества самой информации, возможностей органов чувств или сенсоров, накопленного опыта и навыков этой работы (для искусственного интеллекта это машинное обучение), свойств памяти и т. д. Человек в этой ситуации выступает в менее выгодном свете, нежели искус-

ственный интеллект. Ему, прежде чем анализировать конкретную фактическую ситуацию, необходимо научиться понимать закон, иначе он будет постоянно ошибаться, машина же следует написанному коду и вполне имеет право не осознавать, что делает, а если она встретится с проблемой (пробелом), то непременно «скажет» об этом; человек, к сожалению, может промолчать. Исходя из сказанного, вполне вероятно, что для естественного интеллекта корень проблемы эффективности уголовно-процессуальной деятельности не в качестве закона, а в банальном незнании и непонимании его норм, а для машины наибольшую сложность представляют пробелы и коллизии.

На наш взгляд, в арсенале законодателя есть метод, который способен помочь в решении проблем понимания и пробелов. Речь идет об установлении системы уголовно-процессуальных принципов – норм, обладающих наибольшей степенью общности. Принципы могут регулировать все этапы как создания алгоритма, так и процедуру его исполнения. Они могут действовать напрямую и тем самым способны устранять пробелы и коллизии в праве, а их совокупность во многом определяет «дух закона» [6]. Научить машину принципам кажется невыполнимой задачей. Для искусственного интеллекта принцип – это всего лишь еще один код; человек же благодаря своей природе, особенностям сознания и воспитания способен прочувствовать принципы и поступать сообразно им. То есть там, где робот зайдет в тупик (как бы хорошо ни была проработана его программа), человек, руководствуясь принципами, способен на уровне моральной интуиции принять правильное решение [2]. К сожалению, юридическая практика свидетельствует о том, что реализация основных начал в уголовном процессе осуществляется не всегда, как это задумано. Отвечая на вопрос, почему так происходит, мы неизбежно придем к юридической технике, для которой существенную сложность представляет установление норм-принципов, т. е. описание их текстом. И здесь уместно обратить внимание на два важных момента, соблюдение которых с позиции компьютерной метафоры позволяет принципу реализовывать свою регулятивную функцию.

Первый из них состоит в том, что принцип должен быть не только поименован, но и расшифрован. Например, в ст. 15 УПК РФ указано, что «уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон». Звучит красиво, но как это задать в форме алгоритма и что это значит для практики, понять сложно.

Второй момент касается правил раскрытия в норме содержания принципов. Очевидно, что текст закона должен быть понятным. Так,

например, бессмысленно определять принцип законности через указание на то, что все решения должностных лиц должны быть законными, обоснованными и мотивированными (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Это не делает принцип понятным и по факту далеко не каждый юрист сможет четко разграничить между собой три вышеуказанных требования. Другой пример – ст. 6.1 УПК РФ, устанавливающая принцип разумного срока уголовного судопроизводства. Законодатель вносил в нее изменения 5 раз, для раскрытия содержания принципа в актуальной версии используется 551 слово, но для того чтобы эта норма стала понятна и применялась, понадобилось 3 разъяснения Конституционного Суда РФ и одно – Верховного Суда РФ. Немногим лучше и принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ), согласно которому судьи, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Комментируя этот принцип, хочется усомниться, что такая этическая категория, как совесть, имеет точное определение и абсолютно невозможно представить, как совесть можно выразить программным кодом или алгоритмом мыслей человека. При этом не могу не согласиться с учеными процессуалистами, которые последовательно и убедительно доказывают, что уголовному процессу нужна совесть [6]. Однако далеко не все формулировки принципов, существующие в УПК РФ, заслуживают критики, большая часть норм работает достаточно эффективно, например, принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), неприкосновенности жилища (ст. 12 УПК РФ) и т. д. Таким образом, анализируя нормы-принципы УПК РФ с позиции алгоритмизации и юридической техники, можно обозначить следующие рекомендации:

1) желательно, чтобы главный смысл принципа разъяснялся в той же статье, где он и провозглашается, хотя полностью раскрываться принцип может и должен во всех других статьях закона;

2) принцип должен быть определен с помощью максимально простых и непротиворечивых понятий;

3) наибольшую ясность вносят принципы, содержащие императивные предписания или запреты, они же наиболее полезны в практической плоскости.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что закон и программный алгоритм во многом схожи, а поэтому метод компьютерной метафоры полезен для разработки и совершенствования юридической техники уголовно-процессуального закона. Также наиболее важным элементом уголовно-процессуального алгоритма

и отправной точной уголовно-процессуальной деятельности является этап, на котором с помощью правовых оснований и условий задаются макеты ситуаций, имеющих юридическое значение. При этом наиболее реальной причиной как низкой, так и высокой эффективности уголовно-процессуальной деятельности являются знания, умения и навыки должностных лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. И действительно, наличие человеческого фактора позволяет допустить, что надлежащим образом не будет работать даже очень хороший закон. Поэтому наряду с правотворческими инициативами совершенно необходимо уделять внимание педагогическим аспектам, направленным на обучение, совершенствование знаний и навыков, обогащение сотрудников правоохранительных органов опытом действий в различных ситуациях. Каждый сотрудник правоохранительного органа, вовлеченный в сферу уголовного судопроизводства, должен научиться понимать и чувствовать уголовно-процессуальный закон, выстроить его алгоритм у себя в сознании. Вот тогда и только тогда будет ясно, когда применять УПК РФ и что в нем действительно необходимо изменить.

Список литературы:

1. *Беккариа Ч.* О преступлении и наказании: сборник научных трудов. Москва: Директ-Медиа. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=60920> (дата обращения: 23.03.2021).
2. *Гаспарян Д. Э., Стырин Е. М.* Прикладные проблемы внедрения этики искусственного интеллекта в России: отраслевой анализ и судебная система. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.
3. *Пешков А. Б.* О методе правового регулирования // Правоведение. 1971. № 2.
4. *Победкин А. В.* Качество уголовно-процессуального закона и компетентность законодателя // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 1.
5. *Победкин А. В.* Как одухотворить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации? // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5.
6. *Победкин А. В.* Совесть в уголовно-процессуальной форме // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 4 (77).
7. *Шаталов А. С.* Алгоритмизация и программирование расследования преступлений в системе криминалистической методики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2.

Новое следственное действие с использованием программного обеспечения

Р. В. СКАЧЕК,

*начальник следственно-экспертного факультета
учреждения образования,
кандидат юридических наук, доцент
Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь
E-mail: ska4ek@bk.ru*

Аннотация: в статье по результатам изучения практики производства по материалам и уголовным делам, проведенных исследований предлагается внедрение нового следственного действия, связанного с применением программного обеспечения. Предложена разработанная компьютерная программа по расчету возможности предотвращения дорожно-транспортного происшествия.

Ключевые слова: *следственное действие; программное обеспечение; расследование преступлений; производство по материалам и уголовным делам; дорожно-транспортное происшествие.*

Исходя из содержания ч. 1 ст. 88 УПК Республики Беларусь, можно констатировать, что доказательствами являются любые фактические данные (информация, сведения), на основании которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие (отсутствие) обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Источники же доказательств, т. е. носители информации (сведений), закреплены в ч. 2 ст. 88 УПК Республики Беларусь. К ним законодатель относит показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля; заключения эксперта; вещественные доказательства; протоколы следственных действий, судебного заседания и оперативно-розыскных мероприятий, иные документы и другие носители информации. Указанный перечень весьма противоречив, подлежит разноплановому толкованию и несколько не соответствует реалиям действительности. Так, не понятно, почему к источникам отнесены показания, а не протокол, в котором они отражаются, и др.

Самым распространенным источником доказательств в практике производства по материалам и уголовным делам является про-

токол как форма закрепления хода и результатов проведения процессуального действия.

Уголовно-процессуальный закон бессистемно определяет перечень следственных действий, в результате проведения которых могут быть получены доказательства. При этом в соответствующих статьях закона определены основания и процессуальный порядок проведения каждого следственного действия.

В условиях научно-технического прогресса, постоянной виртуализации, цифровизации белорусского общества особую актуальность для органов, ведущих уголовный процесс, приобретает использование в процессе доказывания электронных источников информации, которые, согласно содержанию ч. 2 ст. 88 УПК Республики Беларусь, следует отнести к «другим носителям информации».

Электронные доказательства в настоящее время являются одним из самых популярных предметов научной криминалистической дискуссии. Так, детально и комплексно исследованы возможные направления использования электронной информации в уголовном процессе; вопросы, связанные со статусом электронных доказательств, допустимостью их использования; зарубежный опыт применения электронных доказательств в досудебном производстве и др. [1; 2; 3; 4].

Уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь, в отличие от УПК Российской Федерации (ст. 164.1), не регламентирует порядок работы с электронными носителями информации. Вместе с тем в повседневной деятельности органы, ведущие уголовный процесс, все чаще имеют дело с электронными источниками информации как носителями доказательств.

В большинстве случаев в качестве источника доказательств по материалам и уголовным делам о преступлениях различного вида выступает протокол осмотра (электронного носителя, ресурса удаленного доступа и т. п.), в котором отражаются ход и результаты обнаружения информации, представляющей значение для установления всех обстоятельств совершенного общественно опасного деяния. Подобная устоявшаяся практика фиксации электронной информации оправдана, не вызывает нареканий, базируется на нормах действующего УПК. Необходимо лишь осуществить квалифицированную подготовку лиц, способных эффективно осуществлять поиск, фиксацию и изъятие информации, имеющей доказательственное значение.

Несколько иначе обстоит вопрос, связанный с использованием в качестве доказательств информации, явившейся результатом

функционирования программного обеспечения. В настоящее время в практике производства по материалам и уголовным делам все чаще возникает необходимость в использовании компьютерных программ различного вида (вычислительных, аналитических и др.).

Не вызывает сомнений процессуальная состоятельность применения программного обеспечения при проведении экспертных исследований, процедура использования которого отражается в исследовательской части заключения эксперта, выступающего в качестве источника доказательств (ч. 2 ст. 88 УПК Республики Беларусь). Но правовая действительность развивается таким образом, что с каждым днем появляется все больше программных продуктов, решающих задачи уголовного процесса и используемых следователем, лицом, производящим дознание («Recuva», «i2», «Maltego» и др.).

Содержание деятельности по применению программного обеспечения не соответствует порядку проведения ни одного следственного или иного процессуального действия, предусмотренного уголовно-процессуальным законом. В связи с изложенным считаем целесообразным предложить новое следственное действие – применение программного обеспечения, протокол которого будет являться самостоятельным источником доказательств.

Следует остановиться на употреблении в названии предложенного следственного действия терминов «использование» или «применение». В научной литературе большинство авторов употребляют эти два термина в качестве синонимов, не указывая при этом на смысловое различие их употребления. Для того чтобы разобраться, действительно ли слова «использовать» и «применять» являются синонимами, необходимо обратить внимание, прежде всего, на толкование их смыслового значения. В частности, Д. Н. Ушаков дает следующее определение слову «применить» – дать употребление чему-нибудь, осуществить на деле каким-нибудь образом, приложить [5]. В свою очередь «использовать» – употребить в какое-нибудь дело, найти применение кому (чему)-нибудь с целью извлечения пользы, воспользоваться кем (чем)-нибудь для чего-нибудь [6]. Из этого толкования следует, что автор не соотносит понятия «применить» и «использовать» в качестве синонимов. Другой точки зрения придерживается Н. И. Ожегов. По его мнению, слова «применить» и «использовать» являются синонимами.

Если попытаться логически разделить слово «применить» на составляющие части, то получится, что слово состоит из двух основ: приставки «при» и слова «мне». Иными словами, «применить» означает употребить то, что находится при мне. Слово

«использовать» состоит из приставки «из» и слова «польза», т. е. употребить что-либо «из пользы».

Следует отличать вспомогательное программное обеспечение, используемое для повышения эффективности проведения следственных действий, в основном осмотров («ENCASE», «BelkasoftEvidenceCenter» и др.), от «софта», выполняющего самостоятельную функцию, направленную на получение новых доказательств.

Предлагаемое следственное действие рекомендуем закрепить в самостоятельной статье УПК Республики Беларусь и изложить ее следующим образом:

«Ст. 207.1 Применение программного обеспечения.

1. С целью установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, следователь, лицо производящее дознание, вправе применить необходимое программное обеспечение. При этом его цели, ход и результаты отражаются в протоколе проведения следственного действия.

2. В случае необходимости к участию в применении программного обеспечения могут привлекаться подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, специалист, эксперт с их согласия. Участникам применения программного обеспечения разъясняются его цели и порядок проведения.

3. При применении программного обеспечения осуществляется копирование полученных результатов на электронный носитель, в необходимых случаях – фотовидеофиксация.

4. О применении программного обеспечения составляется протокол с соблюдением требований ст. 193 и 194 настоящего Кодекса.

Закрепление в законе и внедрение в практику производства по материалам и уголовным делам предлагаемого следственного действия позволит:

- расширить диапазон следственных действий, в результате проведения которых могут быть получены доказательства;

- исключить в отдельных случаях необходимость подготовки и назначения некоторых видов экспертиз;

- сэкономить человеческие и материальные ресурсы, необходимые для установления всех обстоятельств совершенного преступления;

- привести в соответствие с правовой действительностью уголовно-процессуальные средства доказывания и др.

С целью изучения актуальности внедрения в правоприменительную практику указанного, нового следственного действия нами была изучена практика производства по материалам и уголовным

делам о нарушениях правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, которая показала, что ежегодно на протяжении последних 50-ти лет более половины учетных дорожно-транспортных происшествий связаны с травмированием либо причинением смерти пешеходам.

В правоприменительной практике производства по материалам и уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, связанных с наездами на пешеходов, исторически устоялся подход, представляющий собой следующий алгоритм следственных действий: осмотр места происшествия – следственный эксперимент – назначение расчетной автотехнической экспертизы. При этом все следственные действия, включая и вышеуказанные, направлены на получение исходных данных, необходимых для подготовки, назначения и производства автотехнической экспертизы.

Производство расчетной автотехнической экспертизы заключается в использовании экспертом-автотехником табличных исходных данных, а также полученных следственным путем в арифметической формуле, расчет при помощи которой позволяет ответить на вопрос о том, имел либо не имел водитель техническую возможность предотвратить наезд на пешехода, соблюдая правила дорожного движения.

Изучение практики назначения и производства указанной экспертизы позволило выявить следующие недостатки и противоречия:

- затягивание сроков производства экспертизы, что в целом негативно влияет на сроки следствия, принятие необходимых процессуальных решений;
- назначать и производить экспертизу, в основу которой положены исходные данные, полученные следственным путем, а итоговый, оценочный, расчет может осуществить сам следователь;
- существует ли в будущем целесообразность в расчетной автотехнической экспертизе или ее надо заменить альтернативным следственным действием.

Проводимые на протяжении длительного времени исследования обозначенных выше проблем позволили составить техническое задание, на основании которого была написана компьютерная программа по расчету технической возможности предотвращения дорожно-транспортного происшествия, связанного с наездом на пешехода.

Интерфейс программы прост в использовании и выглядит следующим образом (см. рисунок).

ствия. Для производства расчета в заполняемые поля необходимо ввести данные о: установившемся замедлении транспортного средства (табличные); времени реакции водителя (табличные); времени запаздывания срабатывания рабочей тормозной системы (табличные); времени нарастания замедления транспортного средства (табличные); скорости движения транспортного средства (устанавливаемые); расстоянии, которое преодолел пешеход в зоне опасности (устанавливаемые); скорости движения пешехода в данной дорожно-транспортной ситуации (устанавливаемые).

После заполнения указанных полей и нажатия кнопки «рассчитать» в правой части блока интерфейса отображается сам арифметический расчет и его результаты.

Третий блок интерфейса разработанной компьютерной программы позволяет произвести расчет наличия технической возможности у водителя транспортного средства избежать наезда на пешехода при наличии следов торможения (юза) на месте происшествия. В заполняемые поля третьего блока следует ввести данные о:

- установившемся замедлении транспортного средства (табличные);
- времени реакции водителя (табличные);
- времени запаздывания срабатывания рабочей тормозной системы (табличные);
- времени нарастания замедления транспортного средства (табличные);
- базе транспортного средства (табличные);
- длине следов тормозного юза (устанавливаемые);
- расстоянии, преодоленном транспортным средством с момента образования следов торможения до места наезда на пешехода (устанавливаемые);
- длине переднего свеса транспортного средства (табличные).

После заполнения необходимых полей и нажатия кнопки «рассчитать» в правой части третьего блока отображается сам арифметический расчет и его результаты.

С целью тестирования разработанного программного продукта в Управлении следственного комитета по г. Минску были запрошены 20 заключений расчетных автотехнических экспертиз, отобранных методом сплошной случайной выборки. Проведенное тестирование компьютерной программы путем использования в ней исходных данных из заключений экспертов и сопоставления полученных результатов показало работоспособность созданного продукта.

В ходе тестирования были выявлены незначительные замечания, связанные с неудобством заполнения полей с табличны-

ми исходными данными. С этой целью программа дорабатывается в части совершенствования интерфейса.

В настоящее время остается не закрытым вопрос о легитимном внедрении указанной компьютерной программы в правоприменительную практику. Автор видит два варианта:

1) включение в содержание действующего уголовно-процессуального законодательства нового следственного действия «Применение программного обеспечения»;

2) фиксация результатов использования программы путем проведения осмотра ее носителя.

Список литературы:

1. Зазулин А. И. О доказательственном значении цифровой информации в уголовном процессе // Мир юридической науки. 2016. № 11.

2. Калиновский К.Б. Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе / К.Б. Калиновский, Т. Ю. Маркелова // Российский следователь. 2014. № 6.

3. Кукарникова Т.Э. Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-process/jelektronnyj-dokument-kakvewestvennoe-dokazatelstvo-po-delam-oprestuplenijah-v.html> (дата обращения: 28.01.2020).

4. Овсянников Д.В. Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015.

5. Толковый словарь Д.Н. Ушакова URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=21841> (дата обращения: 28.01.2020).

6. Толковый словарь Д.Н. Ушакова. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=57536> (дата обращения: 28.01.2020).

Об отдельных направлениях внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство

Т. С. СПЕШИЛОВА,

*старший преподаватель кафедры
уголовного процесса*

Восточно-Сибирский институт МВД России

E-mail: sp_tatiana@mail.ru

Аннотация: в статье рассмотрены отдельные перспективные направления внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство: электронный документооборот на всех стадиях уголовного процесса, рассмотрение уголовного дела дистанционно, замена традиционной почтовой связи при направлении повесток и извещений, применение электронных средств фиксации при производстве процессуальных действий, возможность производства дистанционных следственных действий. Указаны преимущества такого внедрения и возможные трудности, с которыми может столкнуться законодатель и правоприменитель при реализации предложенных идей.

Ключевые слова: *уголовный процесс; цифровизация; цифровые технологии; видеоконференцсвязь; дистанционное рассмотрение уголовного дела; электронный документооборот; дистанционные следственные действия.*

2020 и 2021 г. напомнили об актуальности темы внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство. В условиях сложной санитарно-эпидемиологической обстановки, вызванной новой коронавирусной инфекцией, обнаружились проблемы и недостатки уголовно-процессуального законодательства в области применения цифровых технологий. Положительным является тот факт, что на данную проблему уже обратили внимание, и предлагаются пути ее решения. Так, на пленарном заседании Совета судей РФ летом 2020 г., которое было впервые проведено в формате видеоконференции, при обсуждении постоянно увеличивающейся нагрузки на судей было отмечено, что помочь судьям и работникам аппаратов судов смогут только цифровые технологии, с чем нельзя не согласиться. Председатель Совета судей РФ В. В. Момотов анонсировал разработку суперсервиса «Правосудие онлайн», который позволит

внедрить автоматизированное составление проектов документов, перейти на электронный документооборот, распространить дистанционный формат подачи и получения судебных документов, а также дистанционное участие в судебном процессе. Эти планы представляются довольно интересными.

Также за последние годы накопилось множество положительных примеров внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство за рубежом: в Казахстане ведется электронный реестр уголовных дел и производится оцифровка этих материалов; в Германии создается электронное досье с оцифрованными материалами уголовного дела, защитнику предоставляются эти материалы через специальный электронный ящик для сокращения сроков ознакомления с уголовным делом; электронный документооборот есть в уголовном судопроизводстве Соединенных Штатов Америки и некоторых других государств [1, с. 4–5].

Конечно, современные цифровые технологии не чужды уголовному судопроизводству. На данный момент применяются система видеоконференцсвязи, использование автоматизированной информационной системы при формировании состава суда для рассмотрения каждого уголовного дела (ст. 30 УПК РФ), подача ходатайств, заявлений, жалоб, представлений в форме электронного документа, создаваемого посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда, и подписанного электронной подписью (ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ), оповещение участников процесса посредством СМС-извещения или через электронную почту (ч. 5.1 ст. 42, ч. 5 ст. 313 УПК РФ) и др. Однако даже со всеми этими введениями уголовный процесс не соответствует современным реалиям [5, с. 193–200].

В связи с этим хочется выделить отдельные перспективные, на наш взгляд, направления внедрения цифровых технологий в уголовный процесс: электронный документооборот на всех стадиях уголовного судопроизводства, рассмотрение уголовного дела дистанционно, замена традиционной почтовой связи при направлении повесток и извещений, применение электронных средств фиксации при производстве процессуальных действий, возможность производства дистанционных следственных действий. Рассмотрим каждое из предложенных направлений подробнее.

Как отмечает Председатель ВС РФ Вячеслав Лебедев, цифровые технологии помогли судам продолжить работу в условиях пандемии. Суды постепенно адаптировались к сложившимся обстоятельствам и стали рассматривать дела с применением системы веб-конференции. Граждане участвовали в рассмотрении уголовных

дел дистанционно, с помощью технических средств. Таким образом, пандемия, вызванная COVID-19, способствовала появлению дистанционного рассмотрения дел, в том числе и уголовных.

Реакцией судебной системы на сложную санитарно-эпидемиологическую обстановку в стране стало постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г., которое было направлено на ограничение личных контактов в процессе работы судов. Постановление обязало суды приостановить личный прием граждан, а также рассматривать только дела безотлагательного характера. На уголовное судопроизводство распространились рекомендации использования систем видеоконференцсвязи и уточнение о том, какие дела следует считать безотлагательными (об избрании меры пресечения, ее продлении, отмене, изменении и др.). При этом перечень безотлагательных дел остался открытым, и вопрос отнесения дел к данной категории отдан на усмотрение конкретного суда или судьи, что, конечно же, не способствует формированию единообразной судебной практики в России.

Н. В. Спесивов и А. А. Титов отмечают, что отдельные суды в марте 2020 г. рассматривали дела с помощью видеозвонков в мессенджере «WhatsApp», а также с помощью программного обеспечения «Skype». Безусловно, полностью перейти на дистанционное рассмотрение уголовных дел подобным образом не представляется возможным в силу незащищенности сети, по которой передается информация, отсутствия законодательной регламентации проведения судебного заседания в таком формате, снижения «эффекта присутствия», если, например, из-за технических возможностей устройств или плохого интернет-соединения происходит некачественная передача изображения, звука и ряда других проблем. Однако все они относятся к числу решаемых. Сейчас, как никогда, назрела необходимость законодательного закрепления процедуры проведения судебного заседания в формате видеоконференцсвязи с разработкой для этого современной цифровой платформы с повышенным уровнем защиты каналов передаваемой информации и серверов для хранения информации. Это, безусловно, потребует серьезных финансовых вложений, однако, нет сомнений, что это перспективное инвестирование.

Дистанционное рассмотрение уголовного дела имеет свои преимущества и недостатки. С одной стороны, оно способствует обеспечению безопасности здоровья участников уголовного процесса, с другой стороны, оно не должно нарушать принципов уголовного судопроизводства и прав участников уголовного процесса. 30 апре-

ля 2020 г. Президиумом Верховного Суда РФ утвержден Обзор № 2 по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), раздел IV которого посвящен вопросам применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Было разъяснено, что использование в ходе судебного разбирательства системы видеоконференцсвязи не противоречит понятию справедливого и публичного слушания при условии, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, находящийся под стражей и участвующий в судебном заседании, имеет возможность следить за ходом судебного процесса, видеть и слышать участников процесса, а также быть заслушанным сторонами и судьей беспрепятственно. Таким образом, Верховным судом РФ подтверждено, что дистанционное рассмотрение уголовного дела не нарушает принципов уголовного процесса и прав граждан. Однако повторимся, что оно требует более детальной правовой регламентации и разработки современной цифровой платформы с повышенным уровнем защиты [5, с. 193–200].

Переходя к вопросу о внедрении полноценного электронного документооборота на всех стадиях уголовного судопроизводства, нельзя не отметить, что Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» в УПК РФ введена норма, регламентирующая порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве, в частности, подачу ходатайств, заявлений, жалоб, представлений в электронном виде. Однако этой нормы явно недостаточно для того, чтобы говорить о полноценном электронном документообороте. Это лишь задатки, первые шаги. Тем более ст. 474.1 УПК РФ не охватываются все стадии уголовного процесса, регулируются только судебные стадии. Проблему необходимости внедрения электронного документооборота на стадии возбуждения уголовного дела и на стадии предварительного расследования подробно рассмотрел А. М. Долгов, который отмечает исключительную важность правовой регламентации электронного документооборота [2, с. 32–35].

Говоря об электронном документообороте, мы подразумеваем хранение уголовного дела в виде электронных документов (электронное уголовное дело) на цифровом носителе либо в облачном хранилище, отходя от бумажных уголовных дел, количество томов которых по многоэпизодным преступлениям может достигать ста

и более, что, в свою очередь, приносит существенные неудобства участникам уголовного процесса. В понятие электронного документооборота мы также включаем подачу ходатайств, заявлений, жалоб, представлений и получение ответа на них в электронном виде, а также закрепление электронной формы судебного постановления и других процессуальных документов как единственно возможной без дублирования на бумажном носителе [7, с. 97–107].

Электронное уголовное дело имеет массу преимуществ. Первое преимущество заключается в том, что при составлении электронных документов и хранении их на цифровом носителе отпадают всякие сомнения о дате и времени составления документов, т. к. благодаря специальной технической возможности можно достоверно определить дату, время составления и автора файла. Следующее преимущество связано с сохранностью материалов дела. Традиционные бумажные дела теряются, приходят в негодность и даже уничтожаются по разным причинам, в том числе и в результате действий лиц, противодействующих расследованию преступлений. Поэтому переход к электронным уголовным делам создает возможность для их вечного хранения и полного или частичного воссоздания в случае утраты. Еще одно преимущество – упрощение судебного разбирательства. Ввиду компактности электронного уголовного дела его копии могли бы направляться всем участникам процесса. Следовательно, суд был бы освобожден от необходимости дополнительного ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами дела. Также упрощается процедура оглашения в суде протоколов следственных действий, документов, заключений экспертов, т. к. вся эта информация будет у участников уголовного процесса перед глазами. Стоит обратить внимание на тот факт, что для лиц, содержащихся под стражей или уже отбывающих наказание в виде лишения свободы, процедура ознакомления с материалами дела становится особенно затруднительной. Поэтому электронная копия с материалами уголовного дела может облегчить эту процедуру. Такую копию можно направить в место содержания под стражей с помощью технических средств.

Так как переход к полноценному электронному документообороту не может быть произведен одновременно и в ближайшее время, в качестве промежуточной меры учеными, исследующими данный вопрос, предлагается чаще прибегать к созданию электронных образов документов, имеющих важное доказательственное значение для дела. Под электронным образом документа следует понимать заверенную электронной подписью электронную копию документа, изготовленного на бумажном носителе. Предлагается придавать

таким электронным образам значение полноценных доказательств и хранить их на специальных серверах. Они могут пригодиться, например, в том случае, если подлинный документ утерян или испорчен [6, с. 61].

Еще одним направлением, которое требует обновления, является использование традиционной почтовой связи для направления повесток, извещений, запросов, поручений. Представляется, что пора направить внимание на использование возможностей электронной почты и мессенджеров для этих целей, поскольку место пребывания участников уголовного процесса с учетом особенностей работы и образа жизни может не совпадать ни с фактическим, ни с юридическим местом постоянного жительства. Тем временем электронные средства коммуникации, как правило, находятся при гражданах всегда. Поэтому представляется целесообразным разработка и закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве механизма движения указанных процессуальных документов посредством электронной почты, мессенджеров и иных информационных технологий. При этом должны обеспечиваться четкая фиксация фактов отправки и получения этих документов, а также возможность их восстановления в случае утраты.

Первые шаги в данном направлении уже предпринимаются. Так, когда был введен институт информирования потерпевшего об условиях отбывания наказания осужденным по его уголовному делу, в уголовно-процессуальное законодательство были внесены изменения, которые предусматривали сообщение такой информации потерпевшему по телефону, а также по электронной почте (ч. 5.1 ст. 42, ч. 5 ст. 313 УПК РФ). Однако в данном направлении требуются куда более крупные изменения.

Отдельной сферой внедрения цифровых технологий также следует выделить применение электронных средств фиксации при производстве процессуальных действий, которое упростит их проведение, обеспечит полноту и убедительность доказательств [3, с. 118–123]. Предлагается более активно использовать фотосъемку, аудио- и видеозапись при производстве следственных действий. Следует отметить, что количество следственных действий, требующих обязательного применения технических средств, стремительно увеличивается, что не может не радовать. Так, например, они применяются, если при осмотре места происшествия и ряде других следственных действий не участвовали понятые (ч. 1.1 и 3 ст. 170 УПК РФ), если проводится допрос и следственные действия вербального характера, в которых участвуют несовершеннолетние потерпевшие и свидетели (ч. 5 ст. 191 УПК РФ).

К материалам уголовного дела приобщаются изымаемые электронные носители информации (ч. 1 и 3 ст. 164.1 УПК РФ). Преимуществом аудио- и видеозаписи является то, что они максимально наглядно и убедительно могут показать ход, содержание и результаты проведенных следственных действий.

С 1 сентября 2019 г. является обязательным аудиопотоколирование судебных заседаний при рассмотрении всех уголовных дел, кроме тех, которые рассматриваются в закрытых судебных заседаниях. Думается, что законодателю следовало пойти чуть дальше и признать обязательным и видеопотоколирование судебного разбирательства, т. к. оно обеспечивает более наглядную и достоверную фиксацию хода рассмотрения уголовного дела. Применение соответствующей аппаратуры, которой оснащены многие залы судебных заседаний, дисциплинирует судей и других участников уголовного судопроизводства, сводит к минимуму количество жалоб на действия суда, замечаний на протокол судебного заседания. Поэтому представляется целесообразным произвести оснащение соответствующей аппаратурой всех без исключения залов судебных заседаний.

Также в последнее время исследуется вопрос о возможности осуществления некоторых следственных действий дистанционно за счет применения систем видеоконференцсвязи. Особенно остро появляется необходимость в проведении следственных действий в дистанционном режиме, когда свидетели, обладающие важной информацией, находятся за границей и прибыть в РФ для участия в следственном действии, например, для производства очной ставки, для них затруднительно. Не обойтись и без препятствий к введению данных новшеств. Дело в том, что из-за фактического отсутствия в месте производства следственного действия одного из участников, который участвует в данном процессуальном действии дистанционно, следователь не может оформить протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, т. к. лицо, дистанционно участвующее в следственном действии, не сможет данный протокол подписать. Разумно предположить, что поскольку проведение дистанционных следственных действий происходит в электронной среде, то и при процессуальном оформлении их результатов следует применять электронные методы фиксации. Поэтому решение данной проблемы видится в использовании электронной подписи [4, с. 108–116].

Таким образом, современные цифровые технологии все же проникают в довольно консервативное уголовное судопроизводство, консервативность которого связана с его публичным характером.

Однако, на наш взгляд, данный процесс можно и нужно ускорить, предпринять более решительные действия с целью сделать уголовное судопроизводство более удобным и прозрачным для граждан и органов государственной власти, а также с целью повышения готовности уголовного процесса к любым непредвиденным обстоятельствам и изменениям. В связи с этим первостепенная задача всей системы судопроизводства – это подстроиться под изменяющиеся реалии, разработать нормативные и правоприменительные механизмы перехода в электронную среду, что обезопасит такую важнейшую сферу, как расследование уголовных дел и принятие судом законного, обоснованного и мотивированного решения.

Список литературы:

1. *Ануфриева Е.А.* Основные направления цифровизации уголовного процесса в России / Е.А. Ануфриева, Т.В. Омельченко // Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации: материалы Международной научно-практической конференции (Мисхор (Большая Ялта), 26–27 сентября 2019). Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2019.
2. *Долгов А. М.* О необходимости правовой регламентации электронного документооборота при расследовании уголовного дела // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 3.
3. *Зуев С.В.* Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4.
4. *Овчинникова О.В.* Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47).
5. *Спесивов Н. В., Титов А.А.* Пандемия COVID-19 как фактор «вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства // Вестник СГЮА. 2020. № 3 (134).
6. *Цоколова О. И., Безруков С. С., Курпьянов Е.И.* Актуальные проблемы восстановления утраченных уголовных дел // Российская юстиция. 2018. № 5.
7. *Шереметьев И.И.* Использование современных цифровых технологий при судебном разбирательстве уголовных дел в дистанционном режиме // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 10 (74).

К вопросу об уголовном преследовании как многоаспектном компоненте уголовного судопроизводства

О. Н. ТРУБИЦЫНА,

старший инспектор УУМР

Академия управления МВД России

E-mail: trubicyna12@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматриваются понятие и содержание уголовного преследования.

Ключевые слова: *уголовный процесс; уголовное дело; уголовное преследование; уголовное судопроизводство.*

Современное общество характеризуется наличием широкого спектра социальных отношений, возникающих как между отдельными личностями, так и между их группами. Наиболее важные, фундаментальные общественные отношения охраняются государством путем установления специальных правил поведения, закрепленных правовыми нормами. В системе правовых норм особое место занимают уголовно-правовые запреты, обеспечивающие незыблемость наиболее важных общественных отношений.

Комплекс запретов, содержащихся в уголовном законодательстве, обеспечивает охрану личности, режим общественной безопасности и общественного порядка, надлежащее функционирование экономики и т. д. Однако нормы, закрепленные в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ), содержат лишь указание на то, какое именно деяние представляет опасность для общества и в силу этого является уголовно наказуемым. Для того чтобы признать лицо виновным в совершении преступления и подвергнуть его справедливому наказанию, а равно избежать привлечения к уголовной ответственности невиновного, создана специальная процедура, которая закреплена в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ). Деятельность уполномоченных государственных органов и должностных лиц по обнаружению признаков преступления, возбуждению, предварительному расследованию, судебному рассмотрению и разрешению уголовных дел представляет собой уголовное судопроизводство.

Российское уголовное судопроизводство – модель гармоничного сочетания элементов следственности с ярко выраженными признаками состязательности, нацелено, прежде всего, на защиту прав и законных интересов личности, функционирование всех институтов судопроизводства. Более того, уголовное судопроизводство строится исходя из потребностей общества, государства в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ч. 3 ст.123)¹, национальным законодательством и, прежде всего, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации². Уголовное судопроизводство является и средством защиты граждан от любых форм произвола, в том числе неправомерных действий и решений органов государственной власти.

В научной литературе уголовное судопроизводство также называют уголовным процессом. Словосочетание «уголовный процесс» происходит от старинного русского слова «уголовье», т. е. преступление, «за что лишают головы», и латинского глагола «procedure» – «продвигаться, двигаться вперед». Таким образом, уголовный процесс – это движение, деятельность, связанная с уголовным преступлением, судебным разбирательством.

Одним из средств по достижению целей уголовного судопроизводства выступает уголовное преследование. В отечественной уголовно-процессуальной доктрине вопросы понятия и содержания уголовного преследования занимают одно из центральных мест.

Юридическое значение слова «преследование» определено в словаре русского языка Академии наук СССР, согласно которому «преследовать» означает «привлекать к суду, предавать суду, преследовать судебным порядком» [7, с. 384]. Судебный порядок входит в круг задач обеспечения правопорядка, борьбы с преступностью, возложенных на государство, а их реализация обеспечивается компетентными органами, которые осуществляют уголовное преследование в отношении подозреваемых и обвиняемых. Значение уголовного преследования заключается в том, что оно выступает основным средством защиты публичного интереса. Каждое совершенное преступление должно повлечь за собой уголовную ответственность.

Легальное определение уголовного преследования закреплено в п. 55 ст. 5 УПК РФ как процессуальная деятельность, осуществ-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Рос. газ. 2001. 22 дек.

вляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления¹. Уголовное преследование продолжается на протяжении всего досудебного производства и судебного процесса, становясь организующим направлением всей деятельности участников со стороны обвинения. Однако пределы и направленность уголовного преследования могут меняться и корректироваться стороной обвинения.

Системное толкование норм УПК РФ дает основание выделить несколько значений понятия «уголовное преследование»:

- как процессуальная деятельность в отношении конкретного лица, состоящая из следственных и иных процессуальных действий, направленных на собирание доказательств причастности лица к совершению преступления и его виновности в совершении данного преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ);

- как функция уголовного судопроизводства, о чем свидетельствует лингвистическое толкование п. 45 ст. 5 УПК РФ, согласно которому «стороны – участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения в уголовном преследовании или защиты от обвинения»;

- как синоним понятия «производство по уголовному делу».

В этом значении понятие «уголовное преследование» используется в ст. гл. 3 УПК РФ. Включив данную категорию в текст УПК РФ, законодатель наделил ее огромным потенциалом в правовом регулировании отдельных аспектов процессуальной деятельности стороны обвинения.

Многоаспектность понятия «уголовное преследование» в УПК РФ не позволяет однозначно судить о природе уголовного преследования. В связи с этим уяснение правовой природы уголовного преследования, как нам представляется, необходимо осуществлять в двух направлениях. Во-первых, рассматривать уголовное преследование как функцию уголовного судопроизводства и его соотношение с понятием «обвинение». Во-вторых, рассмотрение пределов процессуальной деятельности стороны обвинения, обозначенной законодателем как «уголовное преследование».

Оставаясь предметом научных дискуссий, несмотря на наличие нормативного определения, дефиниция «уголовное преследование» в научной литературе наполняется различным содержанием, различным пониманием его сущности. В научной литературе по этому вопросу имеют место заслуживающие внимания точки зрения ряда ученых.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Рос. газ. 2001. 22 дек.

Общепризнанным пониманием уголовного преследования в теории уголовно-процессуального права в научной среде принимается позиция М.С. Строговича. Им отмечается, что уголовное преследование – это совокупность процессуальных действий, направленных на изобличение лица, совершившего преступление [8, с. 86].

Ю.Г. Хорищенко предлагает разграничивать понятия «уголовное преследование» и «уголовно-процессуальное преследование». Под уголовным преследованием он понимает комплекс мер, принимаемых государством для обеспечения защиты прав и законных интересов граждан и организаций от преступного посягательства. А уголовно-процессуальное преследование Ю.Г. Хорищенко рассматривает как процессуальную деятельность по изобличению лица в совершении преступления [9, с. 365–366]. Нам представляется, что в таком разграничении проявляется дополнительное значение категории «уголовное преследование», поскольку в данное понятие вкладывается процессуальная деятельность.

По мнению З.Д. Еникеева, уголовное преследование – многофакторное, многостадийное понятие, которое не сводится только к изобличению лица в совершении преступления. Преследуется также цель обеспечения надлежащей ответственности виновного за содеянное [2].

Уголовное преследование как уголовно-процессуальная деятельность, состоящее в формулировании и обосновании вывода о совершении определенным лицом конкретного общественно опасного уголовно-наказуемого деяния, рассматривают А.М. Ларин, Э.Б. Мельникова, В.М. Савицкий [5, с.25; 6, с. 156].

По нашему мнению, уголовное преследование характеризует динамику процессуальной деятельности стороны обвинения: от наличия минимальных данных о причастности подозреваемого к совершению преступления до полноценной доказательственной базы, подтверждающей виновность лица в совершении преступления. Кроме того, уголовное преследование – это и правовой институт, выполняющий процессуальную деятельность, осуществляемую органами уголовного преследования по установлению события преступления, лица, его совершившего, посредством которого реализуется функция обвинения.

Мы считаем, что законодательное определение института уголовного преследования, данное п.55 ст.5 УПК РФ, лаконично обоснованно и логически корректно. Исходя из данного определения, мы выделяем ряд существенных признаков уголовного преследования:

- это процессуальная деятельность;

- цель процессуальной деятельности – изобличение в совершении преступления;
- объект процессуальной деятельности – лицо, обладающее процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого;
- субъект процессуальной деятельности – сторона обвинения.

Правовые институты, входящие в структуру общего института уголовного преследования, составляют его содержание. К ним относятся институты возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, следственных действий, подозрения, обвинения, обжалования судебных решений и др. Факультативным элементом уголовного преследования выступает институт мер процессуального принуждения, зависящий от оказания противодействия органам уголовного преследования со стороны подозреваемого, обвиняемого. Применение мер процессуального принуждения само по себе не способствует установлению виновности лица, однако обеспечивает процессуальную деятельность стороны обвинения, направленную на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Исследование трактовок содержания уголовного преследования А. М. Васильева, З. З. Зинатуллина, Т. З. Зинатуллина, В. М. Корнукова [1, с. 18–19; 3, с. 7–8; 4, с. 8–9] позволяет отметить, что уголовным преследованием охватывается весь возможный комплекс действий и отношений, связанных с задержанием лица по подозрению в совершении преступления, применением мер уголовно-процессуального пресечения, производством комплекса действий, связанных со сбором, исследованием и оценкой средств доказывания, направленных на его изобличение, обоснование уголовной ответственности и осуждения.

Сложившаяся практика уголовного судопроизводства требует и включения в перечень процессуальных действий гарантий конституционных положений о ценности человеческой личности, неотъемлемости ее прав и свобод.

Список литературы:

1. *Васильев А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. Москва, 1976.
2. *Еникеев З.Д.* Уголовное преследование. Уфа, 2000.
3. *Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т.З.* Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Ижевск, 1997.
4. *Корнуков В.М.* Уголовное преследование и реабилитация в российском уголовном процессе: учебное пособие. Саратов, 2005.

4. *Ларин А.М.* Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. Москва, 1986.
5. *Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М.* Уголовный процесс России: лекции-очерки. Москва, 1997.
6. Словарь русского языка: в 4 т. АН СССР, Институт русского языка. Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп.-Москва: Русский язык, 1983. Т.3.
7. *Строгович М.С.* Уголовный процесс. Москва, 1940.
8. *Хорищенко Ю.Г.* Уголовное преследование как многоаспектное понятие: сущность и пределы // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 27–28 января 2005 г.). Екатеринбург: Урал. Гос. ун-та, 2005. Ч. 1.

О соответствии дистанционного порядка производства по уголовному делу потребностям современной правоприменительной практики в условиях цифровой трансформации

Ю. С. ТЮТЕРЕВА,

*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя*

Аннотация: в рамках настоящей статьи автором анализируется действующее уголовно-процессуальное законодательство на предмет наличия в нем дистанционных процедур, удовлетворяющих потребности современного информационного общества. Автор приходит к выводу о необходимости законодательного закрепления основ дистанционного порядка производства по уголовному делу.

Ключевые слова: *информационные технологии; досудебное производство; производство по уголовному делу; цифровизация; уголовно-процессуальная форма; дистанционный порядок; видеоконференцсвязь; дистанционный допрос; электронное уголовное дело.*

В последние годы все больше сфер жизни общества и государства вовлечены в процесс цифровой трансформации. Данный вектор обусловлен активным использованием достижений информационных технологий, в связи с чем перед государством все чаще ставится вопрос их ускоренного внедрения. Следует отметить, что согласно Указу Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹, цифровая трансформация включена в список национальных целей, посредством которой государство должно повысить уровень жизни граждан, обеспечить наиболее комфортные условия их проживания, предопределить качественное взаимодействие россиян со всеми сферами государственной деятельности (здравоохранение, образование, строительство, сельское хозяйство,

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

госуправление, правовая сфера и др.). Особого внимания заслуживают целевые показатели, которые выступают критериями достижений национальных целей. Цифровую трансформацию определяет «цифровая зрелость» различных отраслей государственного управления, а также увеличение количества услуг, доступных в электронном формате (область покрытия до 95 %). В целях реализации указанного направления, разработана национальная программа «Цифровая экономика», в рамках которой действуют национальные проекты. Выделим федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды», который закрепляет поэтапную разработку и реализацию законодательных инициатив, направленных на создание благоприятного правового поля для воплощения в российской юрисдикции проектов цифровизации. В Послании Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 г. Президент страны В. В. Путин отметил, что «через три года большинство услуг должно предоставляться дистанционно». В ближайшие годы россияне должны быть обеспечены возможностью использовать абсолютное большинство государственных и муниципальных услуг дистанционно. «Они должны предоставляться онлайн круглосуточно, семь дней в неделю», – отметил Президент.

Уголовно-процессуальное право, включенное в правовую систему государства, безусловно, должно отвечать потребностям современного информационного общества. Однако в силу консервативности уголовного процесса он менее расположен к цифровой трансформации в сравнении с иными видами судопроизводства. Рассуждая о «цифровой зрелости» уголовно-процессуального права, можно смело утверждать, что в отечественный уголовный процесс еще предстоит внести качественные изменения в этом направлении. В последние годы в научных кругах все чаще ведутся дискуссии относительно цифровой трансформации уголовного процесса. По нашему мнению, интенсивность развития информационных технологий предопределяет расширение объема процедур, осуществляемых в дистанционном формате, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. Так, В. С. Латыпов видит потенциальную необходимость в введении дистанционного (цифрового) расследования по уголовным делам [3, с. 78]. О. В. Мичурина рассуждает о возможностях дистанционного допроса участников уголовного судопроизводства с использованием систем видеоконференцсвязи на стадии досудебного производства [5, с. 158–161]. С. Г. Матинов, Е. В. Решетов, З. Г. Матинова предлагают разрешить проведение следственных действий на электронной платформе в удаленном режиме [4, с. 107]. Хотелось бы назвать

и противников применения дистанционных процедур. Так, по мнению Е. Желтухина, использование видеоконференцсвязи в ходе допроса может позволить следователю (дознавателю) воспользоваться своим положением и приведет к манипуляциям с его стороны [2]. Последнее нам видится достаточно спорным в силу необоснованности подобных опасений. Мы не видим никакой связи между дистанционным порядком допроса и возможными манипуляциями со стороны следователя (дознавателя).

Ярким примером необходимости внедрения дистанционных процедур в различные виды судопроизводств выступает проект федерального закона, внесенный в Государственную Думу 6 апреля 2021 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе»¹. Проект федерального закона был разработан во исполнение пункта 1.6 паспорта федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды»² программы «Цифровая экономика Российской Федерации», о которой упоминалось ранее. В соответствии с пояснительной запиской к законопроекту, предлагается внести изменения в Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ, Кодекс административного судопроизводства РФ и другие законодательные акты, направленные на совершенствование порядка применения электронных документов в судопроизводстве, а также закрепление возможности удаленного участия в судебных заседаниях с использованием личных средств коммуникации пользователей. При этом об аналогичных процедурах для уголовного судопроизводства в этом законопроекте речи не ведется.

Обращаясь к Уголовно-процессуальному кодексу РФ отметим, что законодатель предусматривает возможность использования лишь отдельных дистанционных процедур в судебном производстве. Приведем некоторые примеры таких процедур: ч. 6 ст. 35 УПК РФ определяет, что по решению суда обвиняемый участвует в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи; согласно общим условиям судебного разбирательства

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе: проект федерального закона от 6 апреля 2021 г. № 1144921-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1144921-7> (дата обращения: 04.05.2021 г.)

² О новой редакции паспорта федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: письмо Минэкономразвития России от 14 августа 2020 г. № 26355-ВФ/Д31. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом путем использования систем видеоконференцсвязи, что закреплено в ч. 4 ст. 240 УПК РФ; согласно ст. 278.1 УПК РФ на этапе судебного следствия допускается возможность проведения допроса следователя с использованием системы видеоконференцсвязи; в соответствии с ч. 2 ст. 389.12 осужденному, содержащемуся под стражей и заявившему о своем желании присутствовать при рассмотрении апелляционных жалобы, представления, по решению суда обеспечивается право участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видеоконференцсвязи.

В свою очередь, отсутствие законодательного закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе РФ процедуры дистанционного порядка в ходе производства по уголовному делу на досудебном этапе обуславливает актуальность заявленной тематики. Анализируя публикации отечественных процессуалистов, а также обращаясь к актуальным вопросам правоприменительной практики, можно прийти к выводу, что отечественный уголовный процесс нуждается в целостном механизме дистанционного порядка всего производства по уголовному делу, нормативные основы которого должны быть предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством. Данное положение находит свое отражение в необходимости соответствия принципу законности. Как отмечают А. В. Агутин, Т. К. Зарубицкая, С. С. Ерашов, «принцип законности являет собой в статике требование о неукоснительном соблюдении и исполнении всеми субъектами уголовного процесса требований уголовно-процессуального закона» [1, с. 59]. Формула принципа законности, по мнению В. Т. Томина, состоит в том, что «действующие уголовно-процессуальные нормы, необходимые для производства процессуальных действий и принятия решений по уголовному делу, должны scrupulously исполняться и соблюдаться» [6, с. 151–153]. Необходимо учитывать, что уголовно-процессуальная деятельность допускает возможность существенного ограничения конституционных прав и свобод граждан, что требует со стороны законодателя четкого закрепления допустимых границ такого ограничения.

Таким образом, мы видим назревшую необходимость в расширении процедур дистанционного порядка производства по уголовному делу, что обусловлено не только потребностями правоприменения, но также надлежащим обеспечением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Так, на базе дистанционного производства необходимо внедрение электронных уголовных дел; применение дистанционных форм проведения следственных действий; использование электронного документооборота

между государственными органами и должностными лицами в рамках производства по уголовному делу; создание единой информационной платформы уголовного судопроизводства. Конечно, сам процесс интеграции таких процедур нельзя рассматривать фрагментарно и несистемно, лишь с точки зрения введения в уголовно-процессуальную деятельность отдельных информационных технологий. Более уместен дистанционный порядок производства был бы в рамках создания единого электронного уголовного судопроизводства. Без такого комплексного подхода невозможно эффективное развитие современной правоприменительной практики в условиях цифровой трансформации.

Список литературы:

1. *Агутин А. В., Зарубицкая Т. К., Ерашов С. С.* Принцип законности в сфере уголовного судопроизводства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. 2001.
2. *Желтухин Е.* Видеоконференцсвязь: требование времени или повод для злоупотреблений? // Судебно-юридическая газета. 2012. № 32 (150). URL: <https://sud.ua/ru/issue/145> (дата обращения: 03.05.2021).
3. *Латытов В. С.* Применим ли УПК РФ России в условиях пандемии? (В контексте вовлечения и участия лиц, оказывающих содействие) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 2 (88).
4. *Матинов С. Г., Решетов Е. В., Матинова З. Г.* Расследование и рассмотрение уголовных дел в условиях пандемии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № (122).
5. *Мичурина О. В.* Дистанционный допрос с использованием систем видеоконференцсвязи в процедуре досудебного производства по уголовным делам: реальность и перспективы // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 20 марта 2020 г.). Москва, 2020.
6. *Томин В. Т.* Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. Москва, 2009.

Некоторые проблемы реализации мер государственной защиты участников уголовного судопроизводства

Н. В. УГОЛЬНИКОВА,

*доцент кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя*

Н. В. ГРИГОРЬЕВА,

*доцент кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя*

В. А. САМОРОКА,

*доцент кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя*

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы деятельности следователя органа внутренних дел при решении вопроса о применении или отмене мер безопасности. Затрагиваются проблемы необходимости доказанности решения об отмене мер безопасности, четкой регламентации вопросов заключения договора с защищаемым лицом, вопросов оценки степени угрозы защищаемому лицу и обоснованности прекращения мер безопасности.

Ключевые слова: государственная защита как гарантия преодоления противодействия расследованию; договор о государственной защите с защищаемым лицом; постановление о применении мер безопасности; органы, принимающие решения об осуществлении государственной защиты; органы, осуществляющие меры безопасности; нарушения защищаемым лицом условий применения мер безопасности.

Предварительное расследование зачастую осуществляется в условиях противодействия, направленного на сокрытие следов

преступления и уклонение виновных от ответственности. Актуальность этих явлений в настоящее время вышла на новый уровень и включает широкое содержание. Особое место в противодействии расследованию занимает воздействие на значимых участников уголовного процесса – свидетелей, потерпевших, следователя и других участников (потенциальных участников) уголовного судопроизводства. Указанное воздействие может сопровождаться различными угрозами, физическим насилием, посягательствами на жизнь и здоровье участников расследования и близких им лиц. Действующее законодательство предусматривает комплекс различных процессуальных и материально-правовых мер, направленных на обеспечение безопасности и государственную защиту участников расследования. Государственная защита участников процесса выступает важным условием предупреждения и преодоления противодействия расследованию [3, с. 118]. Применение мер безопасности на практике сопряжено с некоторыми проблемами. Одна из таких проблем связана, в частности, с обеспечением должного поведения защищаемых лиц в связи с выполнением договора о применении мер по обеспечению безопасности [1, с. 152]. Пробелы в правовом регулировании договорных отношений между органами, осуществляющими меры безопасности, и подзащитным лицом снижают эффективность применения мер безопасности и, как следствие, создают условия для противодействия расследованию. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость специального изучения практики реализации договорных отношений участников предварительного расследования и органов, осуществляющих меры безопасности, определение путей совершенствования правового регулирования указанной проблемы.

Законом¹ предусмотрены следующие основания для отмены мер безопасности, которые одновременно являются основаниями прекращения договора:

- 1) устранение оснований применения мер безопасности;
- 2) в случае, если защищаемое лицо отказывается от заключения договора;
- 3) если дальнейшее применение мер безопасности невозможно вследствие нарушения защищаемым лицом условий данного договора.

¹ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Следует сразу отметить, что прекращение (расторжение) договора возможно только при принятии решения об отмене мер безопасности. Процедура включает в себя ходатайство органа, осуществляющего меры безопасности, об отмене мер безопасности, адресованное органу, принимающему решение об осуществлении государственной защиты. Орган, принимающий решение об осуществлении государственной защиты, уполномочен отменить меры безопасности, что и будет юридическим фактом прекращения договора с защищаемым лицом.

Первое основание связано с устранением угрозы безопасности защищаемого лица, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве. Безусловно, установление отсутствия угрозы органом, принимающим решение об осуществлении государственной защиты, должно быть осуществлено на основе проверки органа, осуществляющего меры безопасности.

Второе основание непосредственно связано с правовой природой правоотношений, складывающихся с защищаемым лицом. Договорные отношения являются добровольными, соответственно, согласие защищаемого лица является обязательным условием заключения договора. Отказ от подписания договора, как и невыполнение предписаний, условий применения мер безопасности, означает отказ от договора и его прекращение (расторжение).

Третье обозначенное основание вызывает наибольшие трудности в практической оперативно-служебной деятельности органов, осуществляющих меры безопасности. Органы, осуществляющие меры безопасности, права отмены мер безопасности не имеют, в том числе в случае нарушения защищаемым лицом условий договора.

Устанавливая в качестве основания отмены мер безопасности невозможность их применения вследствие нарушения защищаемым лицом договора о государственной защите, законодатель в ст. 20 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» не определяет виды и признаки соответствующих нарушений.

Основная проблема заключается в том, что органы, принимающие решения об осуществлении государственной защиты, не всегда признают нарушения защищаемым лицом условий договора о государственной защите достаточными для отмены мер безопасности. На сегодняшний день законодательство о государственной защите не содержит исчерпывающего перечня обязательств, возлагаемых на защищаемое лицо. Однако федеральным законом № 119-ФЗ

закреплено, что для избрания мер безопасности заключается договор о государственной защите [2, с. 72].

При этом проблема, в случае если дальнейшее применение мер безопасности невозможно вследствие нарушения защищаемым лицом условий договора, заключается в доказанности и мотивированности основания для отмены мер безопасности.

В связи с этим показателен пример, имевший место в 2016 г., рассмотрения Железнодорожным районным судом г. Пензы ходатайства врио начальника УМВД по Пензенской области об отмене применения мер безопасности в отношении гражданина К. и его семьи. Как следует из представленных материалов, гражданин К. неоднократно нарушал условия заключенного с ним договора об условиях применения мер безопасности, взаимных обязательствах, взаимной ответственности сторон. Кроме того, в представленных материалах имелась информация об отсутствии угроз защищаемому лицу и членам его семьи. При этом все факты нарушения защищаемым лицом условий договора были надлежащим образом зафиксированы и представлены в суд в виде справки. Присутствовавший в судебном заседании прокурор заявленное ходатайство поддержал. Суд удовлетворил данное ходатайство, отметив, что невыполнение условий договора, хотя и не является основополагающим при решении вопроса об отмене применения мер безопасности, должно учитываться наряду с таким фактором, как отсутствие угрозы лицу. Апелляционная судебная инстанция подтвердила правильность принятого решения. Приведенный пример не единичный и наглядно иллюстрирует подход суда в решении таких вопросов.

При обращении с ходатайством к следователю или судье для принятия решения об отмене мер безопасности (при систематическом ее нарушении) материалы, подтверждающие (обосновывающие) ходатайство, полученные в ходе реализации функции государственной защиты, должны быть оформлены надлежащим образом.

Учитывая, что согласно п. 4 ч. 2 ст. 24 федерального закона № 119-ФЗ органы, на которые возложена обязанность осуществления мер безопасности, наделяются правом проводить оперативно-розыскные мероприятия в порядке, установленном Федеральным законом от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – Закон об ОРД); получение информации о систематическом нарушении защищаемым лицом условий

¹ Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 12 августа 1995 № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

договора может быть получено оперативным путем, но только в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении угрозоносителя с целью обеспечения мер безопасности. Несмотря на то, что Закон об ОРД в качестве оснований проведения ОРМ определяет постановление о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц (ч. 5 ст. 7), необходимо дифференцировать проведение мероприятий в отношении преступников и в отношении лица, находящегося под государственной защитой. Во втором случае это недопустимо и будет являться нарушением конституционных прав гражданина.

Соответственно, при обращении с ходатайством к следователю или судье для принятия решения об отмене примененной меры безопасности (при систематическом нарушении условий договора) материалы, полученные в результате проведения ОРМ, безусловно, должны передаваться с соблюдением требований, установленных Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд¹.

Однако не все материалы являются таковыми. В настоящее время имеется практика «активирования» нарушений условий договора о государственной защите, или получения пояснений, которая достаточно распространена и имеет право на существование. Однако из неопределенности «процессуального вида» этих материалов нередко возникают замечания с обеих сторон взаимодействия – как следователя, так и сотрудника органов, осуществляющий меры безопасности. И результатом этой неопределенности является принятие ожидаемого решения об отмене мер безопасности, необходимость обжалования бездействия следователя.

При этом, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении, разрешение данного вопроса судьей районного или военного суда соответствующего уровня по месту нахождения органа, осуществляющего меры безопасности, в случае, если применение мер безопасности осуществлялось после постановления приговора по уголовному делу, принятия решения о применении принудительных мер воспитательного воздействия или принудительных мер медицинского характера (ч. 8 ст. 20 федерального закона № 119-ФЗ), предполагает обязанность судьи принять

¹ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [Электронный ресурс]: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в установленной процедуре правосудное решение и не лишает лицо, в отношении которого меры безопасности отменены, возможности обжаловать это решение в суды вышестоящих инстанций¹.

Полагаем, что отчасти решение проблемы находится в плоскости уголовного судопроизводства. УПК РФ определяет требования, предъявляемые к доказательствам. Соответственно, и следователь, и дознаватель, и судья оценивают все поступившие к ним материалы с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности, в том числе рапорты, акты и иные документы. Поэтому для исключения случаев отказа в удовлетворении ходатайства сотрудника органа, осуществляющего меры безопасности, об отмене мер безопасности, он предварительно самостоятельно должен оценить собранные данные о нарушениях на предмет их соответствия доказательствам, устранить возможные противоречия и неточности, возможность неоднозначного толкования.

Так, например, оперативно-розыскной частью по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД России по Республике Башкортостан в связи с нарушениями защищаемыми лицами условий договора в органы следствия и суды направлено 19 ходатайств. В 2017 г. направлено 5 ходатайств, в том числе одно повторное, в 2018 г. – 6 ходатайств, в том числе 4 повторных, в 2019 г. – 6 ходатайств, в том числе 5 повторных, в 2020 г. – 2 ходатайства, в том числе 2 повторных. По результатам рассмотренных ходатайств за весь период вынесено только 4 постановления об отмене мер безопасности в связи с нарушениями защищаемыми лицами условий договора о государственной защите.

Органы, принимающие решения об осуществлении государственной защиты, не всегда признают нарушения защищаемым лицом условий договора достаточными для отмены мер безопасности. Эту проблему отмечает большинство исследователей.

Виды нарушений защищаемым лицом условий договора о государственной защите законом не регламентированы. Однако нарушения обусловлены невыполнением защищаемым лицом обязанностей, предусмотренных ст. 23 федерального закона № 119-ФЗ. Анализ обязанностей защищаемого лица позволяет сформулировать следующие виды нарушений:

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алексева Владимира Викторовича на нарушение его конституционных прав ч. 1 и 8 ст. 20 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2019 г. № 1184-О // Рос. газ. 2009. 1 июля.

1) нарушение условий применения в отношении их мер безопасности и невыполнение законных требований органов, осуществляющих меры безопасности;

2) сокрытие информации от органов, осуществляющих меры безопасности, об угрозах или противоправных действиях в отношении их;

3) нарушение целостности, утрата или повреждение имущества, выданного ему органом, осуществляющим меры безопасности, в личное пользование для обеспечения безопасности;

4) разглашение сведений о применяемых мерах безопасности.

Интервьюирование практических работников¹, а также анализ ответов на запросы из территориальных органов МВД России позволяет выделить следующие группы обстоятельств, которые устанавливают нарушение условий договора о государственной защите:

- разглашение сведений о применяемых мерах безопасности: разглашение измененного временного места жительства (родственникам, друзьям, знакомым и иным лицам); разглашение измененных данных о личности и месте работы; умышленное разглашение факта применения мер безопасности, раскрывающее способ их реализации;

- неоднократное привлечение к административной ответственности;

- совершение уголовно наказуемых деяний;

- систематическое нарушение установленных договором о государственной защите условий применения мер безопасности: длительное оставление постоянного или измененного места проживания без уведомления сотрудников подразделения государственной защиты, систематическое нарушение правил посещения общественных мест, сокрытие информации о месте нахождения и маршруте передвижения от сотрудников подразделений государственной защиты, посещение развлекательных мероприятий и общественных мест (в случае наличия рекомендации о запрете их посещения в договоре о государственной защите);

- утрата или повреждение имущества, выданного ему подразделениями государственной защиты в личное пользование для обеспечения безопасности (в основном речь идет о средствах связи);

¹ В ходе занятий на факультете переподготовки и повышения квалификации, проведенных в МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя в 2019–2020 учебном г., авторами было проинтервьюировано 30 сотрудников госзащиты, прибывших из различных регионов, по предмету исследования.

- установление контакта с обвиняемыми (подозреваемыми) и сокрытие данного факта от сотрудников государственной защиты;
- систематическое употребление (злоупотребление) наркотиков и спиртного, совершение правонарушения в состоянии опьянения;
- сокрытие информации от сотрудников подразделений государственной защиты о случаях оказания давления или угроз со стороны угрозоносителей.

Разглашение защищаемым лицом сведений о применяемых в отношении него мерах безопасности (например, сообщает их третьим лицам) – самое распространенное нарушение условий договора о государственной защите. В связи с этим нам представляется целесообразным в качестве одного из отдельных условий договора включить запрет на разглашение сведений о применяемых в отношении защищаемого лица мерах государственной защиты.

Несмотря на то что ч. 1 ст. 20 Федерального закона № 119-ФЗ не требует неоднократности или системности нарушений для отмены мер безопасности, признак системности¹ целесообразно рассматривать как обязательное условие отмены мер безопасности, за исключением случаев возникновения ситуации, создающей прямую угрозу жизни и здоровью защищаемого лица. Анализ практики отмены мер безопасности по основанию нарушений условий договора о государственной защите защищаемым лицом² позволяет утверждать, что речь идет в большинстве случаев о фиксации нарушений, которые повторяются два и более раз и на протяжении периода более 30 дней (длительное оставление измененного места проживания без уведомления сотрудников подразделения государственной защиты) и включают несколько видов нарушений одновременно, а в некоторых случаях – и совершение преступлений.

¹ Системность мы рассматриваем в свете устоявшегося в законодательной и юридической практике судебного толкования как нарушение правил два и более раз или продолжительно в течении 30 дней (п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ; п. 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О Практике назначения судами РФ уголовного наказания», п. 32 Постановления Пленума Верховного РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике Применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»).

² Все рассмотренные ходатайства подразделений УОГЗ об отмене мер безопасности по основанию нарушений условий договора содержали сведения о нескольких нарушениях. Также изучение практики (в том числе ответы территориальных органов на запрос авторского коллектива с исх. № 43/4-7377 по исх. № 43/4-7389) показало неоднократность обращений подразделений с ходатайствами об отмене мер безопасности в отношении одного и того же защищаемого лица.

Предлагаем считать систематическим нарушением договора о государственной защите допущенные защищаемым лицом неоднократные (два и более раз или длительно в течение 30 дней) нарушения, ставящие под сомнение (или угрозу) дальнейшую целесообразность и эффективность применяемых мер безопасности.

Данное определение, на наш взгляд, необходимо включать в договор о государственной защите как ответственность защищаемого лица в раздел «Основания отмены мер безопасности».

Исполнение договора о государственной защите возлагается на органы, осуществляющие меры безопасности. В ходе исполнения избранных мер безопасности особое значение в свете рассматриваемой проблематики¹ приобретает функция контроля защищаемого лица. Наличие права органов, осуществляющих меры безопасности, указанного в п. 2 ч. 2 ст. 24 федерального закона № 119-ФЗ, «требовать от защищаемых лиц соблюдения условий применения в отношении их мер безопасности, выполнения законных распоряжений, связанных с применением указанных мер» формирует правомочность функции контроля.

Соблюдение условий договора о государственной защите является залогом безопасности защищаемого лица. В связи с этим особое значение приобретает осуществление контроля за соблюдением защищаемым лицом условий применения мер безопасности. Контроль за соблюдением защищаемым лицом условий применения мер безопасности реализуют органы, осуществляющие меры безопасности.

Особое внимание следует обратить на своевременность и системность осуществления контроля, что будет выступать гарантией соблюдения условий применения мер безопасности, а также недопущения причинения вреда подзащитному лицу.

Установление фактов нарушения условий договора о государственной защите защищаемым лицом в рамках осуществления контрольной функции следует оценивать в контексте следственной ситуации и реальности угрозы безопасности. Особое внимание следует обращать на должное документирование сотрудниками подразделения государственной защиты фактов нарушения условий договора о государственной защите.

Как мы уже отмечали выше, процедура отмены мер безопасности и прекращения действия договора с защищаемым лицом, как

¹ Речь идет о проблематике в рамках темы исследования «Практика принятия решения об отмене мер государственной защиты в случае систематического нарушения защищаемым лицом условий договора»

и его заключения, неразрывно связана с решением следствия, дознания, суда о применении мер безопасности или их отмены.

Ходатайство направляется в соответствующий орган, вынесший постановление о применении мер безопасности, либо в производстве которого в данный момент находится уголовное дело.

В качестве факультативного составляющего алгоритма действий необходимо выделить обжалование органом, осуществляющим меры безопасности, решения по ходатайству в случае несогласия с ним.

При получении ходатайства об отмене мер безопасности орган, принявший решение об осуществлении государственной защиты, либо по постановлению (определению) органа, в производстве которого находится уголовное дело с неотменным постановлением (определением) об осуществлении государственной защиты, в течение трех суток рассматривает его и выносит решение. Срок рассмотрения определен ч. 2.1 ст. 20 федерального закона № 119-ФЗ.

При решении вопроса об отмене мер безопасности ключевую роль играет оценка информации о нарушениях условий договора о государственной защите, допущенных защищаемым лицом, которая должна носить полный, объективный характер, быть своевременной, актуальной. Во всех случаях при решении вопроса об отмене мер безопасности будет учитываться, насколько полно и процессуально грамотно оформлены ходатайство и материалы, подтверждающие соответствующие нарушения условий договора с защищаемым лицом.

Список литературы:

1. Головина Е. В. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса в системе мер преодоления противодействия расследованию должностных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88).

2. Краснова К. А., Ивлиева Н. В. Отмена мер безопасности: проблемы теории и практики // Полицейская и следственная деятельность. 2015. № 2.

3. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебник для вузов / Б. Я. Гаврилов и др. / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. Москва: ЮРАЙТ, 2020.

Процессуальные полномочия руководителя следственного органа при организации совместной следственно-оперативной служебной деятельности при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел

И. Г. ХАЯЛИЕВ,

*начальник следственного отдела
ОМВД России по Зеленодольскому району
Республики Татарстан*

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы деятельности руководителя органа внутренних дел в процессе организации совместной следственно-оперативной служебной деятельности. Затрагиваются проблемы организации следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел, четкой регламентации форм взаимодействия, создания типовых программ и методик.

Ключевые слова: *деятельность руководителя; органы внутренних дел; оперативная деятельность; следователь; полномочия; формы взаимодействия.*

Появление руководителя следственного органа на поле российской уголовной юрисдикции было обусловлено проведенной в 2007 г. реформой органов прокуратуры и предварительного следствия. Основные положения данной реформы заключались в разделении полномочий прокурора и органов предварительного следствия. При этом руководитель следственного органа получил в свое ведение практически все контрольные полномочия за подчиненными следователями, которые ранее находились в компетенции прокурора, но вместе с тем он сохранил за собой и полномочия существовавшего ранее начальника следственного отдела. Последние изменения уголовно-процессуального законодательства свидетельствуют о формировании новой следственной власти, которая имеет функцию производства объективного, полного и всестороннего предварительного расследования. В полномочиях руководителя следственного органа воплощается самостоятельность и независимость следственной власти, вертикаль которой подчинена непосредственно Президенту РФ.

Основные полномочия руководителя следственного органа закреплены в п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ. Руководитель следственного органа уполномочен: «поручать производство предварительного следствия следователю либо нескольким следователям, а также изымать уголовное дело у следователя и передавать его другому следователю с обязательным указанием оснований такой передачи, создавать следственную группу, изменять ее состав либо принимать уголовное дело к своему производству, давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий»¹.

Руководитель следственного органа, помимо полномочий, предусмотренных УПК РФ, выполняет организационные полномочия по осуществлению деятельности следственного отдела:

«1) осуществляет планирование работы и контроль за выполнением намеченных мероприятий, несет персональную ответственность за организацию и результаты работы органа предварительного следствия;

2) определяет функциональные обязанности своих заместителей, осуществляет распределение служебных обязанностей следователей посредством установления специализации по расследованию отдельных категорий преступлений и (или) закрепления за ними определенных территориальных зон (участков);

3) обеспечивает своевременный выезд следователей на места происшествий по сообщениям о совершении преступлений, отнесенных законом к их подследственности;

4) заслушивает следователей по вопросам взаимодействия с работниками других служб при расследовании преступлений, выполнения планов работы, повышения профессионального мастерства;

5) пресекает факты вмешательства в процессуальную деятельность следователей не уполномоченных на то законом лиц;

6) анализирует оперативную обстановку, состояние работы по расследованию преступлений, результаты деятельности следственного органа и каждого следователя;

7) разрабатывает и осуществляет меры по совершенствованию предварительного следствия, вносит соответствующие предложения начальнику вышестоящего следственного органа;

8) осуществляет иные организационные полномочия» [2, с. 45–49].

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 74-ФЗ (в ред. от 13.05.2021) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 4921.

Особенность статуса руководителя следственного органа состоит в том, что он одновременно наделен двумя группами полномочий: по осуществлению процессуального руководства деятельностью следователя при производстве по конкретному уголовному делу и по организации работы соответствующего следственного подразделения. На стадии предварительного следствия возникает необходимость взаимодействия следственных органов и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, по мнению А. С. Александрова, в следующих случаях: «после проведения необходимых следственных действий преступление остается нераскрытым или раскрыто не полностью, когда не выявлены или не разысканы все участники преступления, не установлены существенные обстоятельства дела, не проверены важные версии, имеются трудности в отыскании доказательств и проведении отдельных следственных действий. В этом случае деятельность следственных органов и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, должна быть организована таким образом, чтобы она приводила к эффективному раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений» [1, с. 28]. Одна из актуальных проблем, на которую хочется обратить внимание, – это организация взаимодействия следственно-оперативной деятельности. В юридической литературе нет единой базы научно обоснованных рекомендаций, посвященных порядку создания, организации управления, планирования и оценки результатов следственно-оперативной деятельности. По результатам анализа деятельности органов предварительного следствия сотрудники органов внутренних дел неоднозначно подходят к вопросу применения в своей работе различных форм взаимодействия между органами расследования преступлений. Это происходит на фоне значительного оттока кадров из органов внутренних дел и, следовательно, увеличения нагрузки на сотрудников. Данный факт объясняется отсутствием у многих сотрудников достаточных знаний о формах взаимодействия, в частности по вопросу о том, что представляет собой следственно-оперативная группа как организационное формирование и какими возможностями она обладает. В данном случае связующим звеном между сотрудниками следственных и оперативных подразделений является руководитель следственного органа, который, в свою очередь, проводит анализ оперативной обстановки, дает указания о направлении расследования.

По мнению Н. С. Мановой, «...при расследовании уголовных дел ведется активная неотложная следственная и оперативно-розыскная деятельность и создается информационный фундамент даль-

нейшего расследования. И от того, насколько плодотворно налажено взаимодействие на этом этапе, во многом зависит успех расследования уголовного дела в целом. Именно в этот период реализуются все основные формы взаимодействия (совместное и самостоятельное проведение следственных действий, выполнение по заданию следователя оперативно-розыскных мероприятий по горячим следам преступления, совместная разработка и плановая проверка следственных версий, совместное обсуждение полученных результатов и т. д.) Именно теоретическое обоснование и практическая реализация необходимости сближения по времени момента совершения преступления и принятия организационных и процессуальных мер повышают раскрываемость уголовных дел, эффективность их расследования и рассмотрения в судах. Как известно, обстановка, сложившаяся после совершения преступления, в силу различных причин имеет тенденцию к изменению, в силу чего исчезают различные следы преступления, изменяется их характер, разрушается возможность познания отдельных обстоятельств совершенного преступления, лица, причастные к преступлению, скрываются и др., что ведет к «торможению» процесса изучения и расследования уголовных дел» [4].

Основные задачи взаимодействия на современном этапе должны быть направлены на обеспечение неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий при совершении преступлений; всестороннее и объективное расследование преступлений, своевременное изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших, а также розыск скрывшихся преступников; осуществление мероприятий, направленных на возмещение материального ущерба, причиненного гражданам, предприятиям, учреждениям и организациям независимо от форм собственности, а также общественным объединениям вне зависимости от форм собственности преступными действиями виновных лиц. В правоохранительных органах фактически отсутствуют серьезные разработки практической направленности, содержащие типовые программы, алгоритмы или программы расследования. Анализируя возможности использования программ расследования, Е. П. Ищенко отмечал, что «программа не может предусмотреть решение проблемных ситуаций, так как базируется на типичном, а конкретное преступление и лицо, его совершившее, – индивидуальны, и следователь в зависимости от ситуации вносит в нее свой опыт» [3, с. 6–11]. С данным мнением Е. П. Ищенко мы согласны, поскольку каждое преступление носит индивидуальный характер. Предлагаем разработать типовые программы или методики, в которых

будут описаны основные формы взаимодействия следственно-оперативной служебной деятельности, варианты всевозможных тактик и схемы расследования уголовных дел. Данная методика позволит сократить промежуточный интервал времени между изучением и дачей письменных или устных указаний руководителем следственного органа и расследованием уголовного дела по существу.

Список литературы:

1. *Александров А. С.* К вопросу о некоторых полномочиях руководителя следственного органа // Российский следователь. 2007. № 19.
2. *Гриненко А. В.* О полномочиях руководителя следственного органа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». Москва, 2008. № 1.
3. *Ищенко Е. П.* О состоянии следственного корпуса России // Вестник криминалистики. 2008. № 3 (27).
4. *Манова Н. С.* Предварительное следствие: идеи и новые законодательные реалии // Государство и право. 2003. № 2.

Способы реализации полномочий защитника в процессе доказывания по уголовным делам

Ю. В. ЦАРЕВА,

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук
Нижегородская академия МВД России*

Аннотация: в настоящей статье автор исследует проблему, носящую теоретико-прикладной характер, связанную с отсутствием в законе конкретных способов реализации защитником своих полномочий в процессе доказывания по уголовным делам. Под критическим углом зрения автор рассматривает и предусмотренные УПК РФ моменты появления защитника в уголовном судопроизводстве, отмечая трудности реализации норм, регламентирующих его полноценное участие на начальных этапах уголовно-процессуальной деятельности, а именно в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: *участник уголовного процесса; защитник; полномочие; способ реализации; процесс доказывания; правовое регулирование; пробел.*

Роль защитника как участника уголовного судопроизводства определяется Конституцией РФ, которая закрепляет право каждого человека на получение квалифицированной юридической помощи и определяет момент времени, с которого подозреваемый (обвиняемый), в том числе в отношении которого применена мера уголовно-процессуального принуждения – задержание – или избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, имеет возможность воспользоваться помощью адвоката (защитника)¹; а также общепризнанными принципами и нормами международного права (ч. 3 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод)²

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 4 ноября 1950 г.) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и иными нормами¹, которые гласят, что Российская Федерация признает и берет на себя обязанность гарантировать каждому лицу, которое подвергается уголовному преследованию, возможность пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно. Участие защитника в уголовном процессе является одним из важнейших условий обеспечения прав человека [5, с. 129]. Защитник необходим в качестве гарантии от судебных ошибок [6, с. 87].

Понятие защитника в уголовно-процессуальном законодательстве закрепляется официально. В соответствии с УПК РФ защитником является лицо, которое осуществляет в установленном законом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывает им юридическую помощь и защиту по уголовным делам (ч. 1 ст. 49)².

В качестве защитников в большинстве уголовных дел принимают участие адвокаты. При этом одновременно с адвокатами, оказывающими квалифицированную юридическую помощь и защиту на профессиональной основе, закон допускает участие и иных лиц в качестве защитников. Решение об этом путем вынесения постановления или определения принимает суд³. Это могут быть родственники или любые иные третьи лица, о допуске и участии которых ходатайствует подозреваемый (обвиняемый), полагающий, что их участие обеспечит ему более полную, качественную и всестороннюю защиту ввиду важности и значимости для уголовного дела информации, которой указанные лица владеют. Вместе с тем, как показывает практика, участие последних при производстве по уголовным делам практически не наблюдается⁴.

Но вернемся к профессиональному защитнику – адвокату. В соответствии с законом адвокат признается лицо, которое получило в установленном федеральным законодательством порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность (квалифицированную юридическую помощь на профессиональной основе). Адвокат выступает в качестве независимого профессио-

¹ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 // Рос. газ. 2015. 7 июля.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30 апреля 2021 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

³ При производстве по уголовным делам, относящимся к подсудности мирового судьи, такое лицо может быть допущено и вместо адвоката.

⁴ Вывод сделан с учетом собственной следственной практики автора с 2005 по 2014 гг.

нального советника по правовым вопросам. Он может быть допущен к участию в уголовном деле в качестве защитника после предъявления удостоверения адвоката, установленного образца, и ордера.

Здесь оговоримся, что тематика нашей статьи не охватывает случаи участия в уголовном деле адвокатов с целью оказания юридической помощи иным участникам процесса (потерпевшему, свидетелю и др.).

Можно выделить несколько способов появления защитника в уголовном деле. Первый, когда подозреваемый (обвиняемый) лично приглашает защитника для осуществления собственной защиты, заключая с ним соглашение на возмездной основе; второй, когда по поручению лица, в отношении которого ведется уголовное преследование или с его согласия, участие защитника обеспечивают его родственники, представители, законные представители либо иные заинтересованные в исходе дела лица. И третий вариант имеет место в случае, когда по просьбе подозреваемого (обвиняемого) обеспечение участия защитника ложится на плечи следователя, дознавателя либо суда, в производстве которых находится уголовное дело. Это происходит в случаях, когда у подозреваемого (обвиняемого) отсутствует финансовая возможность пригласить защитника на платной основе. При этом не следует забывать, что наличие защитника является правом подозреваемого (обвиняемого), а не обязанностью. Поэтому указанные участники процесса имеют возможность осуществлять свою защиту самостоятельно, отказавшись от услуг защитника. Но подробнее об этом чуть позже.

Теперь коснемся моментов появления защитника в уголовном деле. Они предусмотрены ч. 3 ст. 49 УПК РФ.

Наибольший интерес и в то же время противоречивость и проблемность с точки зрения реализации вызывают положения п. 3 и 6 названной выше нормы. И это объяснимо, ведь во всех остальных положениях этой части говорится об участии защитника у лица, уже имеющего или приобретающего в данный момент статус подозреваемого в совершении преступления. А требования п. 3 устанавливают возможность появления защитника с момента фактического задержания лица. В связи с этим всем ясно, что реализация указанной нормы сильно затруднена, поскольку фактическое задержание лица по подозрению в совершении преступления по основаниям, предусмотренным УПК РФ, носит случайный и непредсказуемый характер. Кроме того, в большинстве случаев оно осуществляется до начала уголовно-процессуальной деятельности (т. е. даже не в первой стадии процесса, а незадолго до нее). То же самое можно отметить и про участие защитника в стадии возбуждения уголовно-

го дела, когда в отношении лица, не обладающего статусом подозреваемого, проводится проверка в порядке ст. 144–145 УПК РФ (п. 6).

Даже Конституция РФ, определяя рассматриваемый нами момент, гласит: «Каждый задержанный... имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания...» (ч. 2 ст. 48)¹, не уточняя при этом, о каком именно задержании идет речь, фактическом или юридическом. Полагаем, ответ лежит на поверхности. Участие защитника с момента юридического задержания более разумно и целесообразно, ведь о нем мы говорим, когда уже всеми силами ведется производство по делу, осуществляется уголовный процесс (сначала лицо доставляют к следователю (дознавателю) либо в отдел полиции, затем принимают решение о возбуждении уголовного дела и только после этого составляют протокол задержания, признаваемый моментом юридического задержания лица).

Продолжим разговор о правовом регулировании деятельности защитника. Положения, которыми регламентируется деятельность адвокатов, установлены не только УПК РФ, но и другими законами, в частности мы говорим о Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»².

Ниже мы приведем краткий анализ их положений применительно к вопросу о комплексе полномочий, предоставленных адвокату-защитнику, участвующему в уголовном деле.

Деятельность защитника должна способствовать достижению важнейшей цели уголовного процесса – доказанности виновности, но весьма своеобразными методами. Цель деятельности защитника заключается в выявлении обстоятельств, которые смягчают ответственность его подзащитного или даже оправдывают его [2].

Так, защитник самостоятельно вправе осуществлять выбор средств, методики и тактики защиты. В то же время он реализует полномочия представителя обвиняемого, мнение которого учитывается при совершении наиболее важных процессуальных действий и определении позиции по делу, которая исключает возможность коллизии по основному вопросу уголовного дела.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Приближаясь к запланированному нами анализу полномочий защитника, предусмотренных как УПК РФ, так и иным федеральным законодательством¹, мы предлагаем условно разделить их на три группы. В первую войдут правомочия, связанные с возможностью собирания доказательств по уголовному делу стороной защиты; содержание второй будет обусловлено правами адвоката на участие в следственных и иных процессуальных действиях, получение копий материалов дела, осуществление конфиденциальных встреч с подзащитным, обжалование действий (бездействий) и решений должностных лиц, реализацию функций защиты при рассмотрении дела в судах всех четырех инстанций и т. д. Третья группа включит полномочия, занимающие некую промежуточную позицию между первыми двумя. Это полномочия, которые напрямую не связаны с участием адвоката в процессе доказывания, но их реализация в отдельных случаях может быть направлена на собирание доказательств, к примеру, стороной обвинения. К последней группе отнесем право защитника заявлять ходатайства и отводы. Ведь благодаря его реализации адвокат часто ходатайствует о производстве должностным лицом, ведущим процесс, следственных и иных процессуальных действий, способствующих получению новых доказательств либо проверке уже имеющихся.

В контексте рассматриваемой нами тематики большее внимание уделим первой группе правомочий и их более детальной характеристике.

Итак, среди них следующие права адвоката:

- собирать сведения, требующиеся для оказания юридической помощи, посредством направления запросов о предоставлении справок, характеристик и иных документов, как во властные структуры, так и иные организации независимо от формы собственности и организационно-правовой формы (при наличии обязанности последних выдать адвокату запрошенные им документы или их копии);

- опрашивать лиц с их согласия в целях получения сведений, имеющих значение для уголовного дела. Здесь следует отметить позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в постановлении от 7 июля 2020 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Р. А. Алиева»², из которой следует, что суд апелляционной инстан-

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Р. А. Алиева [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2020 г. № 33 П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ции вправе опросить присяжного заседателя об известных ему обстоятельствах нарушения тайны совещания присяжных, без придания ему статуса свидетеля по уголовному делу. Кроме того, предпосылкой для подобного процессуального действия может стать опрос данного лица адвокатом, участвовавшим в качестве защитника по уголовному делу;

- собирать и представлять предметы и документы – потенциальные вещественные и иные доказательства по делу. Здесь остро стоит неисследованный наукой вопрос, вызывающий затруднения у практиков, относительно имеющихся средств и методов для подобного изъятия объектов материального мира у неопределенного законом круга лиц. По запросу указанные предметы и документы представлены быть не могут. Такой вывод мы делаем, исходя из того, что даже запрос должностного лица, направленный в ходе производства по уголовному делу в порядке ч. 4 ст. 21 УПК РФ, не предполагает возможность получения оригиналов документов, тем более предоставления предметов. В качестве приложения к акту опроса лица с его согласия, о котором мы говорили выше, – тоже весьма сомнительно. Думается, этот аспект законодательного регулирования характеризует требующая скорейшего устранения проблемность. Иначе получается, что арсенал средств, используемых следователем, понятен и регламентирован, а механизм и алгоритм деятельности адвоката в данном направлении не конкретен, а значит, не реализуем и не применим в практической деятельности;

- привлекать специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи. Здесь стоит отметить, что данное взаимодействие осуществляется на платной договорной основе.

Подводя некий промежуточный итог, отметим, что, во-первых, ввиду своей немногочисленности указанные полномочия защитника приобретают еще большую значимость, во-вторых, на наш взгляд, они являются действенным средством реализации защитником важнейших функций на предварительном следствии [1, с. 221–222].

Некоторые особенности основной деятельности адвоката (защитника) в судебном производстве, нацеленной на собирание доказательств, смягчающих вину подсудимого либо оправдывающих его, рассмотрим отдельно.

В первую очередь, они связаны с правом защитника заявить при ознакомлении с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ или в течение трех суток со дня вручения обвиняемому копии итогового документа стадии предварительного расследования ходатайство о проведении предварительного слушания, в ходе

которого судом по ходатайству защитника может быть рассмотрен вопрос о допустимости либо недопустимости тех или иных доказательств, имеющихся в деле. Помимо этого защитник может просить о вызове и допросе новых свидетелей, в том числе с целью установления алиби обвиняемого, об истребовании дополнительных доказательств и предметов, имеющих значение для уголовного дела.

В ходе судебного разбирательства, а конкретнее – судебного следствия, как одного из этапов четвертой стадии уголовного процесса, адвокат участвует в изучении и исследовании судом доказательств, представленных обеими сторонами. Он имеет возможность задать вопросы потерпевшему, свидетелям, экспертам, специалистам и иным лицам, приглашенным стороной обвинения, а при неявке кого-либо из участников отказаться от оглашения его показаний и настоять на допросе указанного лица в суде. Эти обстоятельства способны повлиять на всестороннее установление судом обстоятельств, имевших место в действительности и имеющих значение при вынесении судом итогового решения по делу.

Судебные решения, которые не вступили в законную силу, защитник имеет право обжаловать в апелляционном, а после вступления в силу – в кассационном порядке. Для реализации права на обжалование приговора защитнику не требуется специального разрешения, т. к. это право предоставляется ему законом как самостоятельному субъекту стороны защиты [3, с. 220–223].

Не лишним будет обратить внимание и на ограничения, которые присущи деятельности защитника в уголовном процессе. Итак, он не вправе:

- занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, кроме случаев, когда защитник убежден в самооговоре последнего;
- выявлять обстоятельства, которые изобличают его доверителя, поддерживать обвинение или соглашаться с ним, если его доверителем вина не признана;
- делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если тот ее отрицает;
- разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием юридической помощи и защиты, без согласия доверителя;
- являться защитником одновременно двух лиц, если их интересы противоречат друг другу;
- отказаться от принятой на себя защиты.

Подробно рассмотрев полномочия защитника и сделав акцент на тех, что призваны обеспечить функцию собирания доказательств, нам стоит перейти к вопросу обязательности его участия при производстве по уголовному делу.

Наличие защитника является правом обвиняемого и подозреваемого, а не обязанностью. Смысл ст. 51 УПК РФ, содержащей исчерпывающий перечень случаев обязательного участия защитника, предполагает, что подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) вправе отказаться от услуг защитника в случаях, когда у него есть возможность осуществлять свою защиту самостоятельно. Отказ от защитника должен быть добровольным, он не может быть вызван трудностями организационного либо материального характера [4, с. 63].

Отказ от защитника может быть заявлен только в письменной форме. И он не является обязательным для дознавателя, следователя, прокурора и суда. Также отказ от защитника не лишает подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) права в дальнейшем ходатайствовать о допуске защитника к участию в производстве по этому уголовному делу. А повторный допуск защитника не влечет за собой необходимости повторения процессуальных действий, произведенных к тому моменту.

В качестве иллюстрации к вышесказанному приведем негативный пример из практики адвокатского сообщества. Он касается вопроса о признании недопустимыми доказательствами показаний подозреваемого (обвиняемого), полученных в отсутствие защитника, от которых он отказался, и впоследствии неподтвержденных в суде.

Мы имеем в виду случаи, когда защитники-адвокаты, опираясь на знание данной нормы закона, в качестве определенного тактического хода намеренно рекомендовали своим подзащитным, заключившим с ними соглашения на первоначальном этапе расследования, написать официальный отказ от адвоката, а когда следователь подобные ходатайства удовлетворял (естественно, за исключением случаев, предусмотренных ст. 51 УПК РФ), настаивали на том, чтобы подсудимые от ранее данных ими показаний отказывались, таким образом умышленно добиваясь исключения этих доказательств из числа допустимых. Вы зададите разумный вопрос: какой смысл подозреваемому (обвиняемому) отказываться от защитника, в котором так нуждаются лица, в отношении которых осуществляется уголовное преследование? Но ответ лежит на поверхности. В случаях, подобных этому, подозреваемым (обвиняемым) юридическая помощь и защита адвокатами оказывалась, но это не афишировалось для органов обвинения. Адвокаты действовали неофициально и в материалах уголовного дела не фигурировали. А к подобным методам прибегали в качестве тактики противодействия органам предварительного расследования.

Завершая настоящую статью, следует сказать, что рамки самостоятельности защитников, не являющихся адвокатами, сильно ограничены, ведь принятие судом отказа подсудимого от защитника (адвоката) влечет за собой также и прекращение участия в деле другого лица, признанного защитником, кроме производства у мирового судьи, когда такое лицо допускается вместо адвоката.

Рассмотренные нами обстоятельства свидетельствуют о насущной потребности в комплексном исследовании уголовно-процессуального института защиты, в разработке теории защиты, тактики, методов и средств защиты, изучении основных положений этого института, касающихся содержания защиты, ее основных этапов, общих условий, предмета, субъектов, а также нравственных начал.

Список литературы:

1. *Громов Н.А.* Уголовный процесс России: учебное пособие. Москва, 2007.
2. *Мельников В.Ю.* Участие защитника в ходе досудебного производства // Евразийская адвокатура. 2013. № 2 (3).
3. *Оловянников Д. Ю., Горенко В. А.* К вопросу о роли защитника при проведении судебного следствия // Проблемы и перспективы развития науки в России и мире: сборник статей по итогам международной научно-практической конференции (Таганрог, 15 апреля 2019 г.). Уфа, 2019.
4. *Смирнов А.В.* Уголовный процесс: учебник для вузов. Санкт-Петербург, 2005.
5. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. Москва, 2007.
6. Уголовный процесс России: учебное пособие / под ред. З. Ф. Ковриги, Н. П. Кузнецова. Москва, 2004.

Возможно ли оптимизировать уголовно- процессуальную форму, используя информационно-цифровые технологии?

Ю. В. ШПАГИНА,

*старший преподаватель кафедры управления
органами расследования преступлений,
кандидат юридических наук*

Академия управления МВД России

E-mail: iushpagina@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы оптимизации уголовно-процессуальной формы с использованием информационно-цифровых технологий. Автором приводятся доводы о возможном введении в уголовно-процессуальное законодательство протокольной формы расследования уголовных дел по преступлениям небольшой и средней тяжести, совершенным в условиях очевидности и не представляющим большой общественной опасности и сложности в доказывании, используя возможности указанных технологий. В результате автор приходит к выводу о том, что внедрение информационно-цифровых технологий в уголовно-процессуальную сферу деятельности позволит оптимизировать не саму уголовно-процессуальную форму как таковую, а в целом уголовно-процессуальную деятельность властных субъектов, осуществляющих производство по уголовному делу, а для граждан, являющихся участниками данных отношений, – реализовать свои права и исполнять обязанности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальная форма; гарантии прав личности; цифровизация; протокольная форма расследования.

В современном мире вполне закономерным представляется влияние научно-технических достижений на различные сферы человеческой деятельности, в том числе и на уголовно-процессуальную.

Вопросы оптимизации уголовного судопроизводства с применением информационно-цифровых технологий по сей день остаются неразрешенными, вызывают научную дискуссию у представителей научного сообщества и нуждаются в своем разрешении, что обуславливает актуальность и значимость избранной проблемы, изложен-

ной в настоящем исследовании [1; 2; 3; 4; 5; 6 и др.]. В научной статье хотелось бы привести рассуждения относительно возможного внедрения в уголовно-процессуальное законодательство оптимальной формы расследования уголовных дел по преступлениям небольшой и средней тяжести, совершенным в условиях очевидности и не представляющим большой общественной опасности и сложности в доказывании с использованием возможности указанных технологий.

Для этого представляется целесообразным указать на ряд обстоятельств, которые обусловили необходимость пересмотра унифицированного подхода к форме расследования в отношении обозначенной категории уголовных дел, а затем предложить для них более упрощенную процессуальную форму расследования.

Во-первых, необходимость дифференциации форм расследования в российском уголовно-процессуальном законодательстве обусловлена рядом предпосылок экономического, материально-правового и уголовно-процессуального характера.

Во-вторых, несмотря на то что законодателем уже предпринята попытка введения в УПК РФ Федеральным законом № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. дознания сокращенной формы¹, тем не менее, как показывает правоприменение, в действительности все только усложнено и имеет негативный окрас в части обеспечения доступа потерпевших к правосудию [8]. Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что с момента регистрации заявления (сообщения) об очевидном преступлении и до момента вынесения судебного решения в среднем проходит 3–4 месяца, а в ряде случаев и больше. Приведем один из таких примеров. Так, в одном из территориальных отделов г. Пензы 12 апреля 2019 г. дознавателем было возбуждено уголовное дело по п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ в отношении гр. М. по факту причинения легкого вреда здоровью гр. Н. С момента регистрации сообщения о преступлении и до принятия дознавателем решения о возбуждении уголовного дела прошло 38 суток, поскольку по данному факту неоднократно принималось процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Почти через месяц после начала расследования, 9 мая 2019 г., должностным лицом, его осуществляющим, в связи с заявлением подозреваемым М. ходатайства вынесено решение о его удовлетворении и производстве дознания в сокращенной форме. 12 мая 2019 г. указанное уголовное дело по обвинению М. в совершении преступле-

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

ния, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, вместе с обвинительным постановлением было направлено прокурору. Судебное разбирательство по данному уголовному делу завершилось 11 июня 2019 г. примирением сторон¹. Таким образом, с момента регистрации заявления о преступлении и до момента вынесения судебного решения прошло более 3 месяцев, а фактически по уголовному делу был произведен стандартный набор следственных действий – допросы потерпевшего, подозреваемого, нескольких свидетелей, а также производство судебной экспертизы еще на этапе проверки сообщения о преступлении и сбор характеризующего материала.

Кроме того, из анализа статистических данных прослеживается тенденция роста количества возвращенных судом прокурору уголовных дел для передачи по подследственности и производства дознания в общем порядке, из которых 70 % уголовных дел от общего количества возвращенных уголовных дел только по причине заявления подсудимым, потерпевшим или их представителем ходатайства о производстве дознания в общем порядке².

В-третьих, в настоящее время Верховный Суд Российской Федерации активно поддерживает идею по реформированию уголовного закона в части введения категории «уголовный проступок», в связи с чем соответствующий проект федерального закона³ Постановлением Пленума Верховного Суда от 13 октября 2020 г. № 24 внесен для рассмотрения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации.

В пользу возвращения в российское законодательство уголовного проступка свидетельствует и судебная статистика, что наглядно отражено на гистограмме⁴.

¹ Уголовное дело № 119*** // Архив мирового судебного участка № 1 Первомайского района г. Пензы за 2019 г.

² Отчет по форме № 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания» (книга № 25), установленный приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 22 декабря 2017 г. № 858 «Об утверждении и о введении в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании» и 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания», а также Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ» // ГИАЦ МВД России. 2021.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка: законопроект № 612292-7 от 2017 г. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7#bh_histras (дата обращения: 08.05.2021).

⁴ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016, 2017, 2018, 2019, 2020 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 08.05.2021).

Количество преступлений по степени общественной опасности, рассмотренных судами за период 2016–2020 гг.

Для указанной категории деяний потребуются иная форма расследования, отличающаяся от сегодня существующих.

В-четвертых, представляется, что ситуация познания, обеспеченная, в свою очередь, с технической стороны, т. е. совершенное преступное деяние «под камеру», создает предпосылки для дифференциации и упрощения процессуальной формы расследования.

Именно по такой категории уголовных дел возможна реализация ускоренно-упрощенного порядка расследования, которым, по мнению автора, является протокольная форма расследования, не требующая совершения в настоящее время всех формально обязательных следственных и процессуальных действий. Фиксация на видеоканеру времени, места, виновности лица, совершившего преступное деяние, и формы его вины, а также иных значимых обстоятельств, если видеозапись и событие не оспариваются указанным лицом, вполне может позволять свести к минимуму сбор других доказательств для установления иных обстоятельств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. При иной трактовке подозреваемым события преступления, зафиксированного на видеоканеру, возможно потребуются полное расследование с целью проверки его версии, опровержения доводов, приводимых в его защи-

ту. В подобных ситуациях применение цифровых технологий и их возможности не создадут препятствий к соблюдению гарантий прав личности, вовлеченной в сферу действия уголовно-процессуальных отношений, а напротив, возможно создание условий для упрощения уголовного процесса, позволяющих надежно установить событие преступления и одновременно дать более надежные гарантии прав участников производства, чем существующее в настоящее время дознание в сокращенной форме [2, с. 102].

Схема

Элементы протокольной формы расследования

С учетом аргументов, приведенных выше, представляется целесообразным представить элементы предлагаемой протокольной формы расследования по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, совершенных в условиях очевидности и не

представляющих большой общественной опасности и сложности в доказывании и в этой связи не требующих проведения всего комплекса следственных и иных процессуальных действий [7, с. 15–16].

Однако стоит оговориться, что вплетение информационно-цифровых технологий в «ткань» уголовного судопроизводства потребует и тщательной проработки возможных рисков. Цифровые технологии могут иметь широкие перспективы в указанной сфере, если их задачей будет являться не замена процессуальной формы, а оптимизация порядка производства, облегчение работы должностных лиц, осуществляющих расследование по уголовному делу, а для граждан, являющихся участниками данных отношений, – реализация своих прав и исполнение обязанностей [3, с. 31].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что внедрение информационно-цифровых технологий в уголовно-процессуальную сферу деятельности позволит в целом оптимизировать уголовно-процессуальную деятельность и более полно обеспечить необходимые гарантии прав личности.

Список литературы:

1. *Андреева О. И., Зайцев О. А.* Правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений в цифровую эпоху // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455.
2. *Воскобитова Л. А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. № 5 (150).
3. *Гаврилин Ю. В., Победкин А. В.* Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3.
4. *Гаврилов Б. Я.* Уголовно-процессуальное законодательство: современное состояние и меры по совершенствованию // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 1 (55).
5. *Гирько С. И.* О «международных стандартах» унифицированного дознания // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1.
6. *Головкин Л. В.* Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1.
7. *Шпагина Ю. В.* Уголовно-процессуальная деятельность полиции как органа дознания: теоретико-правовые основы и правоприменительная практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020.
8. *Шпагина Ю. В.* О современном состоянии сокращенной формы дознания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (96).

Феномен электронного документа в уголовно-процессуальном законодательстве России в условиях цифровой трансформации

И. И. ЯЩЕНКО,

адъюнкт

Волгоградская академия МВД России

E-mail: yas4enkoinna@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы использования электронных документов в отечественной уголовно-процессуальной деятельности, а также особенности их применения в условиях цифровизации современной России. Автор указал на две основные функции электронных документов, используемых в рамках уголовного судопроизводства: в качестве процессуального документа и в качестве доказательств по уголовному делу. Проведенное исследование позволило сделать выводы о консерватизме уголовно-процессуальной политики по нормативному закреплению использования электронных документов в уголовном судопроизводстве и вместе с тем о дефектах уголовно-процессуального закона, обуславливающих необходимость совершенствования соответствующих положений.

Ключевые слова: *цифровизация; электронный документ; уголовное судопроизводство; бланк процессуального документа; доказательство; уголовное дело.*

Цифровизация представляет собой современный глобальный процесс, трансформирующий общество, поскольку в настоящее время он реализуется по всему миру в различных сферах деятельности (экономической, частно-бытовой, трудовой, производственной, государственной и т. д.). Амбассадором цифровизации выступало и продолжает выступать бизнес-сообщество. Именно в предпринимательской деятельности наиболее успешно воплощаются возможности современных цифровых технологий, которые в дальнейшем распространяются и на другие сферы жизни общества.

В последнее время государство стало уделять значительное внимание вопросам цифровизации всех сфер общественной жизни. Например, с 2019 г. в стране проводится Всероссийский конкурс «Цифровой прорыв», являющийся одним из главных проектов автономной некоммерческой организации «Россия – страна воз-

возможностей», инициатором создания которой выступил Президент Российской Федерации В. В. Путин¹.

Стремительное распространение цифровых продуктов в обществе закономерно затронуло и правовой сегмент, поскольку именно нормативная регламентация должна обеспечить эффективное и, что не менее важно, их безопасное применение, отвечающее законным интересам и актуальным потребностям граждан.

В данном контексте наука уголовного процесса не является исключением. Внедрение и надлежащее процессуальное регулирование использования в уголовно-процессуальной деятельности современных технологий способны оказать положительное воздействие на ее качество. Мы полагаем, что такой цифровой инструмент как электронный документ (далее – ЭД) способен проявить свою эффективность в условиях его активного применения в уголовном судопроизводстве. Отметим, что большинство отраслей российского права уже нашли место в своей системе электронному документообороту в большей или меньшей степени.

Многие ученые-процессуалисты изучают вопросы цифровизации современных общественных отношений и высказывают мнение о необходимости модернизации уголовно-процессуального законодательства в этом направлении, включая использование ЭД в рамках создания единой системы электронного уголовного дела и электронного правосудия, перехода на электронный документооборот между правоохранительными органами России и иностранных государств, а также развития концепции об электронных доказательствах. Кроме того, отмечается отсутствие системного подхода в решаемой задаче, его фрагментарность и неполнота.

О. А. Зайцев утверждает, что трансформация в сфере информатизации диктует необходимость в отказе от устаревающих рабочих механизмов, в том числе и в уголовно-процессуальной деятельности, т. к. применение средств, признанных эффективными в прошлом, «нередко затрудняет уголовный процесс, не отвечает ожиданиям современного общества». Кроме того, им отмечается неизбежность перехода на электронный формат уголовного судопроизводства [3, с.18–19].

А. С. Александров придерживается мнения о том, что «для уголовно-процессуальной доктрины критически важным является выработка подхода к формулированию новых правил игры, систе-

¹ Россия страна возможностей / Конкурс «Цифровой прорыв». URL: <https://rsv.ru> (дата обращения: 11.05.2021).

мы формальных-искусственных ограничений для применения технических средств и цифровых технологий» [1, с. 32].

В. Н. Григорьев отмечает, что имеет место «своеобразная «кривизна» стратегической линии в развитии цифрового законодательства в сфере уголовного судопроизводства, отсутствие ее внятной концепции; отсутствие системности и полноты в регулировании цифровых элементов уголовного судопроизводства», что является следствием в том числе преобладания корпоративных интересов над общегосударственными [2, с. 87, 90].

«Практика обращения с электронными доказательствами (в содержание которых входят и ЭД), – пишет С. В. Зуев, показывает их востребованность и необходимость дальнейшего законодательного регулирования правил их использования в уголовном судопроизводстве» [4, с. 49].

Представляется, что разрешение обозначенных проблем невозможно без обращения к истокам появления и развития анализируемых положений в уголовно-процессуальном законодательстве. Раскрывая тему истории правового регулирования ЭД в уголовно-процессуальной деятельности, считаем целесообразным обратиться к его законодательным дефинициям.

В соответствии с ГОСТ Р 7.0.8-2013 ЭД является «документом, информация которого представлена в электронной форме»¹.

В ГОСТ Р 52292-2004 по информационным технологиям и электронному обмену информацией сказано, что ЭД – это «форма представления документа в виде множества взаимосвязанных реализаций в электронной среде и соответствующих им взаимосвязанных реализаций в цифровой среде»².

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в п. 11 ст. 2 под ЭД подразумевает «документированную информацию, представленную в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-

¹ ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения [Электронный ресурс]: приказ Росстандарта от 17 октября 2013 г. № 1185-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² ГОСТ Р 52292-2004. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения [Электронный ресурс]: приказ Ростехрегулирования от 29 декабря 2004 г. № 135-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах»¹.

Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» не содержит дефиниции ЭД, однако в ст. 6 сказано, что «информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом...»².

Таким образом, общими признаками ЭД в приведенных дефинициях являются его электронная форма и электронно-цифровая среда существования, а также то, что он создается, обрабатывается, передается и хранится посредством техники. Наличие цифровой подписи является обязательным только для юридически значимых документов в случае указания на это обстоятельство в тексте соответствующего нормативного акта.

Анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет нам утверждать, что в настоящее время ЭД в уголовном судопроизводстве выполняет две функции:

- доказательства по уголовному делу;
- процессуального документа, фиксирующего ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности.

Проанализируем появление и развитие уголовно-процессуальных норм, регламентирующих порядок использования ЭД. В соответствии с их функциональным назначением разделим их на две группы.

Первая группа. Фактически первое упоминание ЭД в уголовном судопроизводстве встречается в Обзоре судебной практики «Об использовании в качестве доказательств документов и заключений экспертов, подготавливаемых средствами электронно-вычислительной техники», опубликованном в 1982 г. в Бюллетене Верховного Суда СССР № 6, где были освещены некоторые проблемные аспекты, касающиеся ЭД-доказательств, и даны рекомендации нижестоящим судам по дальнейшему изучению и обобщению подобной практики, а также выявлению возникших в связи с этим затруднений и их решение³.

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 3 апреля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об электронной подписи [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (ред. от 24 февраля 2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1982. № 6. С. 26. URL: <https://naukaprava.ru> (дата обращения: 14.05.2021).

Необходимо отметить, что в УПК РСФСР 1960 г. упоминаний об ЭД не содержится. Только в сменившем его УПК РФ 2001 г. законодатель в ч. 2 ст. 474 закрепил возможность создания процессуальных документов в электронной форме и указал в п. 6 ч. 2 ст. 74 в качестве доказательств «иные документы», к которым можно отнести и ЭД.

Следующее упоминание законодателем ЭД (весьма опосредованное) встречается в федеральных законах от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ¹ и от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ². В УПК РФ были введены положения, закрепившие порядок работы с электронными носителями информации (далее – ЭНИ). В последующем процедура процессуального обращения с ЭНИ была дополнена еще двумя нормативными актами: федеральными законами от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ³ и от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ⁴.

Появление указанных правовых норм в отечественном уголовном процессе представляет собой закономерную реакцию государства на их востребованность у предпринимательского сообщества, заинтересованного в успешном развитии бизнеса и экономическом благосостоянии населения страны.

Следует отметить, ЭНИ не интересуют нас как предметы материального мира, с помощью которых было совершено преступление либо на которых размещена информация о совершенном преступлении. Ценность представляют только объекты, хранящиеся на них, которые, в свою очередь, могут использоваться в качестве доказательств по уголовному делу. Современная цифровая информация имеет весьма условную привязку к материальному носителю. ЭНИ могут быть любыми, значимыми являются только сведения, представленные в электронном форме, разновидностью которых, несо-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

менно, выступают ЭД. Следовательно, введенные процессуальные положения, касающиеся ЭНИ, в том числе закрепляют ЭД как доказательства по уголовным делам.

Закрывающим первую группу нормативных актов, закрепивших ЭД в уголовном судопроизводстве, является Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ (один из двух законов так называемого пакета Яровой). Введенная им в УПК РФ ч. 7 ст. 185 при наличии судебного решения дает право на осмотр и выемку электронных и других сообщений, пересылаемых по электросетям, если сведения, в них содержащиеся, могут стать доказательствами по уголовному делу¹. Таким образом, ЭД выступают элементом электронной коммуникации, а содержащаяся в них информация может стать основой доказательственной базы по уголовному делу.

В качестве подтверждения актуальности и важности данной новеллы приведем результаты опубликованных в партнерстве между We Are Social и Hootsuite отчетов, из которых следует, что, по данным ООН, из всего населения земли, т. е. из 7,83 млрд человек, 5,22 млрд (66,6 %) используют мобильный телефон, 4,66 млрд (59,5 %) – Интернет, а 4,2 млрд (53,6 %) – социальные сети². Приведенные данные являются свидетельством того, что большинство людей, живущих в цивилизации технических устройств, ведут ежедневную цифровую переписку как личного, так и трудового (служебного) и иного характера.

Вторая группа. В качестве процессуального документа ЭД впервые стал использоваться в уголовно-процессуальной деятельности в 2015 г. после принятия Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 41-ФЗ³, положения которого в 2016 г. были дополнены уже ранее упомянутым Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ.

Теперь ч. 2 ст. 393 УПК РФ предусматривает возможность для суда направлять в органы принудительного исполнения Российской Федерации исполнительный лист вместе с копиями приговора, определения, постановления суда в форме ЭД.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Global Socially-Led Creative Agency We Are Social / Digital 2021. URL: <https://wearesocial.com> (дата обращения: 11.05.2021).

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 41-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Кроме того, в 2015 г. был принят Федеральный закон от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ¹, исходя из положений которого потерпевший по уголовному делу имеет возможность получать предусмотренную п. 21.1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ информацию об осужденном (сведения, касающиеся исполнения наказания, отсрочки исполнения приговора, условно-досрочного освобождения, перемещения из одного исправительного учреждения в другое и т. д.) с помощью сервиса электронной почты. Данная правовая норма опосредованно закрепила процессуальное использование ЭД, поскольку коммуникация посредством электронной почты осуществляется путем электронного документооборота.

Между тем основные положения, регламентирующие использование ЭД в качестве процессуальных документов, были введены Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ². Теперь УПК РФ предусматривает, что по желанию участников уголовного процесса такие документы, как ходатайство, заявление, жалоба и представление, подаются в суд в форме ЭД, а также в форме ЭД могут быть изготовлены некоторые судебные решения.

Последним во второй группе нормативных актов нами будет рассмотрен Федеральный закон от 5 декабря 2017 г. № 387-ФЗ³. Можно заключить, что введенная в УПК РФ ст. 473.2 в ч. 2 предусматривает межгосударственный электронный документооборот, поскольку компетентному органу иностранного государства предоставляется возможность указать в запросе к Российской Федерации адрес электронной почты, если это «необходимо для правильного и своевременного рассмотрения дела». Вместе с тем в указанной статье не уточняется какая именно информация может быть передана посредством электронной почты.

Таким образом, завершив изучение законодательной базы, определившей положение ЭД в уголовном судопроизводстве, мы

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти [Электронный документ]: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 5 декабря 2017 г. № 387-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

приходим к выводу о том, что их место и роль в настоящее время не соответствуют их потенциалу, носят фрагментарный характер и не отвечают потребностям, сформированным в современных общественных отношениях, а уголовно-процессуальная политика в этом контексте остается чрезмерно консервативной.

Следует сказать, что многие государства как ближнего, так и дальнего зарубежья успешно применяют в своей уголовно-процессуальной действительности системы электронного уголовного дела и электронного правосудия¹, что в результате позволяет добиваться сокращения сроков уголовного судопроизводства на всех его стадиях, оптимизации затрачиваемых на расследование преступления человеческих ресурсов, минимизации фальсификации материалов уголовного дела, его сохранности и доступности.

Основываясь на сказанном, мы приходим к выводу о продолжении роста значимости использования технических устройств и информационно-коммуникационных технологий, а соответственно, невозможности игнорирования законодателем указанной тенденции, обуславливающей необходимость разработки отвечающих современной действительности процессуальных механизмов использования ЭД в качестве процессуальных документов, фиксирующих ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности (как точно, так и в рамках единой системы электронного уголовного дела и электронного правосудия), а также доказательств по уголовным делам в контексте уже разрабатываемой учеными концепции «электронных доказательств»².

Список литературы:

1. *Александров А. С.* Русский уголовно-процессуальный догматизм или цифровой мир: что победит? // Юридическая истина в уголовном праве и процессе: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 16–17 марта 2018 г.). Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2018.

2. *Григорьев В. Н.* О регулировании цифровых отношений в сфере уголовно-процессуальной деятельности органов судебной

¹ См. уголовно-процессуальное законодательство Республик Казахстан, Киргизия, Украины, Грузии, Саудовской Аравии, США и др.

² См. работы В.Б. Вехова, В.Н. Григорьева, О. А. Зайцева, С. В. Зуева, П. С. Пастухова и др.

и исполнительной власти // Вестник Уфимского юридического института МВД России. № 3 (85). 2019.

3. *Зайцев О.А.* Основные направления развития уголовно-процессуального законодательства в условиях цифровизации // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3.

4. *Зуев С.В.* Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение. Правопорядок: история, теория, практика. №3 (26). 2020.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

Криминальная среда и современные технологии анонимизации в сети Интернет

Д. П. АЛЕЙНИКОВ,

*доцент кафедры информационных технологий,
кандидат технических наук
Восточно-Сибирский институт МВД России
E-mail: dmitriy-aleinikov@mail.ru*

М. Б. РУДЕНКО,

*профессор кафедры информационных технологий,
кандидат технических наук, доцент
Восточно-Сибирский институт МВД России
E-mail: rudenko@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются технологии анонимизации в сети Интернет и их влияние на развитие криминальной среды. Затрагиваются проблемы обнаружения и раскрытия киберпреступлений с учетом особенностей среды теневого Интернета (дарквеб). На основе выполненного анализа цифрового контента сетей дарквеб и научных публикаций по данной тематике выделены основные направления преступной деятельности в теновом Интернете.

Ключевые слова: даркнет; дарквеб; теневой Интернет; компьютерное мошенничество; компьютерные преступления; анонимность в сети Интернет.

На современном этапе развития информационных технологий сложно представить организацию эффективной деятельности человека без использования информационных-телекоммуникационных сетей Интернет. Интернет служит средством общения для многих людей, позволяет оперативно получать необходимую информацию, обмениваться электронными документами и пользоваться различными услугами дистанционно, – как, например, электронный сервис «Госуслуги», который помогает гражданам получать ряд муниципальных и государственных услуг. Одна-

ко наряду с положительными моментами использования сетей Интернет развиваются и негативные явления, которые в основном связаны с совершением посредством информационных-телекоммуникационных сетей киберпреступлений. В этом смысле огромное влияние на киберпреступность оказывает развитие технологий анонимизации в сети Интернет, которые позволяют пользователям оставаться анонимными. Под анонимностью в сети Интернет понимаются различные способы минимизации формирования «цифровых следов» деятельности пользователей в глобальной сети Интернет. Причины для того, чтобы скрывать свои действия в глобальной сети Интернет, разнообразны. Они могут быть связаны как со стремлением защититься от возможных противоправных действий третьих лиц, так и с совершением противоправных действий самим лицом, стремящимся к анонимности [1 с. 125–129; 2 с. 52–60; 3, с. 649–655].

К основным способам обеспечения анонимности в сети Интернет можно отнести следующие:

- прокси-серверы – это серверное оборудование с комплексом программ, которое выполняет роль посредника между пользователем и целевым сервером. При использовании прокси-сервера трафик от пользователя перенаправляется через сервер-посредник к целевому ресурсу, тем самым подменяя для целевого ресурса источник, от которого исходят запросы;

- VPN-сервисы – аббревиатура VPN расшифровывается как Virtual Private Network (виртуальная частная сеть). Данная технология позволяет организовать зашифрованный канал связи, по которому происходит обмен информацией;

- SSH-туннели – аббревиатура SSH расшифровывается как Secure Shell (безопасная оболочка); является сетевым протоколом прикладного уровня;

- Dedicated-серверы – расшифровывается как выделенный сервер; данный способ основывается на предоставлении хостинга, при котором клиенту (пользователю) предоставляется отдельное физическое сетевое оборудование (сервер);

- сеть Tor – расшифровывается как The Onion Router, основана на использовании так называемой «луковой» маршрутизации. Чаще всего используется для доступа к теневому Интернету дарквеб;

- I2P – расшифровывается как invisible internet project («Невидимый Интернет»); данная технология представляет собой защищенный протокол обмена данными, работающий поверх привычного протокола TCP/IP;

– иные средства – направление анонимизации сетей стремительно развивается, и появляются все более новые и малоизученные технологии, такие как анонимайзеры, анонимные сети и др.

Необходимо отметить, что данные методы обеспечения анонимности в сети Интернет могут использоваться как по отдельности, так и в виде их различных комбинаций, что обеспечивает более высокую степень анонимности.

Наибольшую угрозу совершения противоправных действий представляет теневой Интернет дарквеб. Доступ к сети дарквеб осуществляется при помощи браузера Tor, обеспечивающего анонимный обмен информацией [4, с. 213–215].

К основным сегментам преступлений, совершаемых при помощи сетей дарквеб, относится оборот оружия, боеприпасов, наркотических веществ, продажа и реализация персональных данных физических и юридических лиц, продажа фальшивых денежных купюр, распространение и пропаганда террористической и экстремистской направленности и др. По данным службы TOR Metrics, с 2018 г. доля российских пользователей сетей дарквеб составляет 10 % от общемирового числа пользователей теневого Интернета [5].

Таким образом, общественная опасность технологий анонимизации в сети Интернет способствует значительному росту количества киберпреступлений, что, в свою очередь, требует от правоохранительных органов своевременного реагирования, а также наличия соответствующей квалификации. С целью повышения раскрываемости киберпреступлений важную роль играет проведение мероприятий по повышению уровня информационной культуры сотрудников органов внутренних дел.

Список литературы:

1. *Мазур А.А.* Актуальные проблемы предупреждения преступности в социальной сети даркнет // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 3 (33).
2. *Романова Л. И., Дремлюга Р.И.* Преступный мир DARKNET // Юридическая наука и практика. 2018. Т. 14. № 1.
3. *Узденов Р.М.* Новые границы киберпреступности // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4.
4. *Яковлев Н.А.* DARKNET-скрытая угроза // Моя профессиональная карьера. 2020. Т. 3. № 8.
5. Tor Metrics. URL: <https://metrics.torproject.org> (дата обращения: 13.05.2021).

Использование цифровых технологий в противодействии коррупции

Н. В. БУГАЕВСКАЯ,

*доцент кафедры уголовного права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент
Тульский государственный университет*

Аннотация: в статье рассматриваются меры предупреждения коррупционной преступности и пресечения коррупционных преступлений, применяемые на основе цифровых технологий. Анализируются новые способы повышения эффективности противодействия коррупции с использованием возможностей электронного правительства, краудсорсинговых платформ, блокчейн-технологий, искусственного интеллекта. Делаются выводы о положительных и отрицательных сторонах использования цифровых технологий в данной сфере деятельности.

Ключевые слова: коррупция; меры предупреждения; цифровые технологии; электронное правительство; краудсорсинг; блокчейн; искусственный интеллект; криминологическое прогнозирование.

Формирование новых рычагов государственного управления на основе внедрения информационно-коммуникационных технологий позволяет развивать новые средства противодействия негативным явлениям общественной жизни. В рамках противодействия коррупции необходимо отметить трансформацию привычных средств предупреждения и пресечения коррупционных преступлений в новые неожиданные модели и механизмы их сдерживания. В этом смысле требуется не только научный анализ, формулирование принципов использования процессов цифровизации в антикоррупционной политике, но и совершенствование отдельных направлений и мер противодействия коррупции, осуществляемых с использованием цифровых технологий.

Основными принципами общесоциального предупреждения коррупции с применением цифровых технологий являются автоматизация (передача отдельных функций служащего автоматизированным системам); прозрачность (фиксация производимых операций посредством электронных протоколов); отчетность (оповещение граждан о деятельности служащих и возможность обратной

связи в виде подачи петиций); доступность сообщения информации о фактах коррупции (создание специальных платформ для сбора данных о коррупции).

Нельзя быть уверенным в том, что сама по себе цифровизация не несет за собой определенных рисков для государственного управления, так как происходит не просто замена техническими средствами человека и его способностей. Цифровизация с технической точки зрения представляет собой новый этап в виде перевода аналоговой информации в цифровую, возможности решения сверхсложных задач на основе увеличения объема обработки, скорости передачи информации [3]. Новая роботизация отдельных направлений и профессий не должна негативно сказаться на деятельности госструктур, не должна поглотить человека как звено управления и сделать его «человеческим фактором», функцией. Ввиду этого еще одним принципом противодействия коррупции в эпоху цифровизации должен являться принцип приоритета человека (служащего, принимающего управленческие решения) в процессах государственного управления.

Напротив, цифровизация должна повысить качество управления, предоставления государственных услуг. Опыт зарубежных государств демонстрирует нам, что успех в вопросах противодействия коррупции посредством использования цифровых технологий зависит от уровня цифровой грамотности населения, вовлеченности граждан в процесс противодействия коррупции и активности в использовании новых технологий. Ввиду этого имущественная обеспеченность, позволяющая иметь современные гаджеты, является залогом эффективности претворения в жизнь данного направления государственного управления. С другой стороны, подготовленность служащих государственных и муниципальных органов и учреждений к применению и использованию цифровых технологий также является условием получения социально значимых результатов в данной области.

Рассмотрим отдельные меры противодействия коррупции, применяемые на основе цифровых технологий (электронное правительство, краудсорсинг, блокчейн-технологии, искусственный интеллект).

Одной из новых мер общесоциального предупреждения коррупции является внедрение электронного правительства, под которым понимается не аналог существующего, а пакет технологий, которые позволяют обеспечивать взаимодействие органов власти между собой, с другими общественными институтами, гражданами [1, с. 45–60]. Особое внимание при налаживании обратной связи

с гражданским обществом так называемое электронное правительство должно уделять вопросам доверия органам власти, что должно обеспечиваться открытостью, демократичностью взаимодействия. Электронное правительство – это не просто переход от бумажной формы управления на цифровую, но и возможность уйти от бюрократизма, некомпетентности в принятии решений посредством программных алгоритмов действий, ускоряющих и упорядочивающих работу.

Использование цифровых технологий для предоставления государственных услуг гражданам – действительно удобный способ избавиться от низовой коррупции. Его достоинством является возможность подачи документов в электронной форме, в связи с чем можно отметить работу multifunctional центров, цифровых порталов Федеральной налоговой службы РФ, которые одними из первых в России стали внедрять новые технологии. Активно создаются и другие электронные сервисы.

Несмотря на то что, по данным Минцифры РФ, в 2020 г. увеличилось число пользователей различных порталов (например, количество пользователей сервисов «Госуслуги» достигло 56 млн чел.), многие граждане, будучи на них зарегистрированными, не прибегают к помощи новых цифровых технологий. Причины кроются в цифровой неграмотности, некачественности самих сервисов, необходимости личного присутствия лица, подающего заявление, иные документы при некоторых видах операций [7].

Между тем возможности электронного правительства необходимо расширять. Так, например, можно использовать институт антикоррупционного омбудсмена в составе фактического правительства, электронный портал которого мог бы заниматься сбором информации о фактах взяточничества, злоупотребления должностными полномочиями, других коррупционных преступлений. Также можно использовать и другие краудсорсинговые платформы.

Антикоррупционный краудсорсинг в условиях информационного общества – это новое направление, которое представляет собой привлечение множества людей на добровольной основе для решения задачи борьбы с коррупцией, включая сбор и обработку информации, поступающей от широкого круга людей с использованием возможностей Интернета, а также обратную связь, т. е. информирование гражданского общества об антикоррупционной деятельности, проведение различных антикоррупционных мероприятий. Этимология термина, обозначающего технологию борьбы с коррупцией, восходит к англ. *crowd* – «толпа» и *sourcing* – «использование ресурсов», что означает поступление от незаинтересованных лиц

информации, помогающей получить новые представления и взгляды на решение назревших проблем. Таким образом, мудрость общественного мнения позволяет найти нестандартный выход экспертам, анализирующим проблемы действенной борьбы с коррупцией [6, с. 10–15].

Вместе с тем краудсорсинг не должен ограничиваться сбором фактов о коррупции чиновников, что фактически уже активно используется в настоящее время отдельными общественными структурами (например, Общероссийский народный фронт создал портал «За честные закупки»), а развивать данное направление в свете общественного контроля за деятельностью органов власти, расходованием бюджетных средств, осуществления мониторинга законодательства на предмет коррупционных рисков, разработки отдельных предложений или проектов нормативных актов в сфере борьбы с коррупцией.

Говоря о формах контроля за расходованием бюджетных средств, нельзя не упомянуть о переводе системы закупок для государственных и муниципальных нужд в электронную форму, что должно было явиться воплощением принципа прозрачности. Однако отмечается, что данная мера противодействия коррупционным злоупотреблениям является половинчатой, и ее следует дополнить новым типом цифровых технологий – блокчейн. Ее особенностью является то, что в системе нет единого сервера и вся цепочка информации распределена между пользователями. Если пользователь совершает транзакцию, то она шифруется в виде уникальной символической строки. Каждая новая транзакция содержит ссылку на предыдущую, т. е. все они связаны между собой – таким образом, децентрализованное хранение информации обеспечивает прозрачность с одной стороны и безопасность – с другой, так как любая попытка изменить данные будет обнаружена участниками сети. Вместе с тем запуск блокчейн-технологий является очень затратным в силу высокой стоимости разработки и внедрения. Кроме того, минусом является подверженность кибератакам, в результате которых может произойти замена подлинной информации на ложную [2, с. 143–155].

Между тем в будущем, при наличии соответствующего финансирования на разработку данных технологий, кроме системы госзакупок блокчейн может быть использован при совершении рабочих записей государственными служащими, которые будут фиксировать принятые решения, что позволит осуществлять внутренний контроль за правомерностью и компетентностью управленческих действий; в деятельности органов исполнительной власти для публичных транзакций, для сохранения сведений о землеустрой-

стве, госимуществе, бюджетных средствах и др., что предотвратит мошеннические действия и усилит подотчетность.

Искусственный интеллект также может служить средством предупреждения коррупции. Не касаясь в настоящей статье вопросов выявления и расследования коррупционных преступлений с его помощью, а также вопросов использования искусственного интеллекта в уголовном процессе, по которым есть серьезный успешный опыт зарубежных стран и отечественные наработки [4, с. 241–255], остановимся лишь на вопросах криминологического прогнозирования. Механизмы коррупционного мониторинга могут быть применимы с использованием специально созданного программного обеспечения, способного обучаться и принимать решения на основе анализа своей среды при заданных параметрах определенных правил и алгоритмов. Нейронные сети искусственного интеллекта, имитирующие структуру мозга человека, способны анализировать большие объемы информации с высокой скоростью, что означает возможность прогнозирования коррупции на основе анализа политических, экономических факторов, рассмотрения и выявления их скрытых взаимосвязей (вычисление наличия сговора при осуществлении госзакупок, анализ перспектив использования электронно-цифровых услуг). Положительный опыт в данном вопросе есть у представителей отечественной Высшей школы экономики и испанских ученых Университета Вальядолида. Они построили математическую модель на основе анализа причин и условий коррупции, обучили машину простым примерам, а затем протестировали на более сложных данных. При этом такой инновационный подход гарантирует 80-процентную вероятность точности анализа данных на краткосрочный период [5].

Таким образом, использование машинного интеллекта при создании будущих моделей и показателей преступности, в данном случае коррупционной, может повлиять на качество и точность прогнозов, что позволит скорректировать меры предупреждения. Поскольку средства на борьбу с коррупцией ограничены, внедрение новых методов прогнозирования может помочь скорректировать антикоррупционную политику путем выделения отдельных регионов по коррупционному профилю и создания моделей раннего предупреждения в зависимости от каждого из них.

В заключение отметим, что цифровая трансформация современного общества, использование новейших технологий могут привести к существенному росту открытости, прозрачности государственного управления, служебной деятельности, помочь в предупреждении коррупционной преступности, в ее прогнозировании

и пресечении, повысить эффективность работы правоохранительных органов. Но нельзя не осознавать, что есть и обратная сторона медали, и у новых технологий могут быть отрицательные варианты воздействия на уровень преступности. Информационно-коммуникационные технологии могут повлечь за собой появление новых латентных видов коррупции, привести к новым коррупционным схемам. Следует учитывать, что программные технологии создаются человеком, т. е. лицом, обладающим уникальными знаниями, которое может также предусмотреть вариант обхода программных кодов и продать информацию об этом лицам, которые хотят избежать ответственности, что также требует особого надзора и контроля со стороны государства.

Список литературы:

1. *Батракова Л.Г.* Развитие цифрового управления в регионах // Социально-политические исследования. 2019. № 2 (3).
2. *Былинкина Е.В.* Блокчейн: правовое регулирование и стандартизация // Право и политика. 2020. № 9.
3. *Козырев А.Н.* Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе // Цифровая экономика. 2018. № 1. URL: <http://digital-economy.ru/arkhiv-zhurnala/pervyj-nomer-zhurnala-tsifrovaya-ekonomika> (дата обращения: 10.05.2021).
4. *Крылова Д. В., Максименко А.А.* Использование искусственного интеллекта в вопросах выявления и противодействия коррупции: обзор международного опыта // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84.
5. *Медведев Ю.* Искусственный интеллект научился предсказывать коррупцию // Рос. газ. 2018. № 82 (7545). URL: <https://rg.ru/2018/04/17/iskusstvennyj-intellekt-nauchilsia-predskazyvat-korruptsiu.html> (дата обращения: 10.05.2021).
6. *Хау Дж.* Краудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса. Москва, 2012.
7. Число пользователей портала Госуслуг выросло до 56 миллионов человек. URL: <https://ria.ru/20210512/gosuslugi-1732000791.html> (дата обращения: 13.05.2021).

Цифровая валюта как предмет легализации (отмывания) преступных доходов

К. К. ГРОШИКОВ,

*заместитель начальника отдела,
кандидат юридических наук
Юридическое управление
Росфинмониторинга*

А. А. ШУВАЛОВА,

*советник отдела,
кандидат юридических наук
Юридическое управление
Росфинмониторинга*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой природы криптовалюты, предлагаются пути совершенствования законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: *криптовалюта; предмет преступления; ФАТФ; уголовная ответственность.*

В силу развития финансовых технологий в мире в основном со стороны частных лиц вводятся новые практики расчетов по обязательствам. В качестве условных единиц выступают цифровые сущности, вошедшие в оборот как криптовалюта.

В разных странах криптовалюта имеет различную правовую природу, в связи с которой обладатели пользуются определенным объемом прав и свобод.

Фокус нашего исследования сосредоточен, прежде всего, на таком побочном эффекте криптовалют, как их привлекательность для представителей преступного мира. Злоумышленников прежде всего привлекают такие свойства криптовалюты, как анонимность транзакций, быстрота расчетов и отсутствие барьеров при трансграничном перемещении.

В связи с этим криптовалюта популярна в среде коррупционной преступности (взяточничество с использованием криптовалют создает дополнительные препятствия для расследования преступлений не только с точки зрения сбора фактов, но и в части квалификации деяния); наркопреступности (криптовалюта в силу ее свойств вос-

требуется на всех этапах реализации наркотиков и выплаты вознаграждения соучастникам).

Безусловно, совершение любого преступления, приносящего доход, сопряжено с необходимостью его легализации. Криптовалюта является наиболее удобным финансовым инструментом из всех существующих для отмывания преступных доходов.

Как отмечает М. М. Долгиева [1, с. 50–54], в странах Европейского союза наиболее распространены следующие способы легализации криптовалюты:

- управление бизнесом по обмену криптовалют, включая криптобанкоматы для депонирования преступных денежных средств и преобразования их в криптовалюту;

- прием наличных денег с последующим использованием методов смурфинга для внесения преступных денежных средств на несколько банковских счетов в процессе наслоения с последующим обменом на криптовалюту;

- крупные переводы с банковских счетов на криптобиржевые платформы.

Ситуация усугубляется разработкой специального программного обеспечения, предназначенного для сокрытия источника происхождения активов – анонимайзеров. Отдельные виды виртуальных активов в своем программном коде имеют встроенные анонимайзеры, чем представляют большую опасность для финансовой системы.

В частности, для анонимизации используется технология кольцевой подписи, которая подразумевает подписание всех транзакций в пределах одного блока кольцом участников, что затрудняет отслеживание конкретной транзакции – устанавливается только общее количество отправленных и полученных монет в рамках блока, но сколько получил конкретный участник установить невозможно.

Также может использоваться «принцип миксера», когда в блокчейн не попадают записи о конкретном количестве монет, отправляемых участниками транзакции, так как для их сокрытия используются пулы монет сторонних пользователей, предоставляемые ими за вознаграждение. Отправитель формирует определенное количество монет для передачи получателю и смешивает их с общим пулом монет других пользователей. Получатель, в свою очередь, забирает условленное количество монет из этого общего пула. Таким образом, передача между отправителем и получателем становится не прямой, обезличивается.

Особый интерес представляет технология Zero-Proff Knowledge – доказательство с нулевым разглашением. В отличие

от традиционного блокчейна, содержащего элементы приватного ключа участника транзакции, позволяющие подтвердить его наличие и идентифицировать отправителя/получателя, доказательство с нулевым разглашением позволяет подтвердить наличие приватного ключа у участника без раскрытия элементов его приватного ключа, обезличивая, таким образом, такого отправителя/получателя.

В целях противодействия этим практикам в отдельных странах применяются специальные программные инструменты, позволяющие связать открытые ключи шифрования с определенными идентифицированными в сети лицами, а также расшифровать запутанные с помощью анонимайзеров потоки транзакций.

Упомянутые вызовы не остались без внимания международно-го сообщества.

Наиболее системный подход продемонстрирован со стороны Группы разработки финансовых мер борьбы (ФАТФ).

Первым документом ФАТФ, целиком посвященным рассматриваемой проблематике, стал отчет «Виртуальные валюты», выпущенный в июне 2014 г. В нем содержались ключевые определения, связанные с функционированием виртуальных активов, и установленные на тот момент производные риски. Здесь же был зафиксирован впоследствии многократно подтвердившийся тезис о том, что виртуальные валюты в руках преступников, лиц, занимающихся финансированием терроризма и других преступных элементов, пытающихся обойти санкции, становятся новым мощным инструментом для перемещения и хранения денежных средств таким образом, что они оказываются вне досягаемости правоохранительных и иных компетентных органов.

За прошедшие годы была сформирована международно-правовая основа для установления в государствах регуляторных режимов в отношении оборота криптовалюты. Она выражена в Рекомендации 15 ФАТФ, включая пояснительную записку к ней.

Обновленные стандарты ФАТФ в отношении оборота криптовалюты заключаются в следующем.

Государства должны выявлять, оценивать и снижать риски отмыwania доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, возникающие из операций с виртуальными активами, в объем которых входит в том числе криптовалюта.

Криптовалюта должна быть отнесена к имуществу, что должно влечь за собой признание ее в качестве предмета преступлений. Она должна подлежать блокированию (замораживанию), аресту и конфискации.

Деятельность организаций, которые будут осуществлять обменные операции с виртуальными активами, перевод виртуальных активов, их хранение должны подлежать регулированию, включая регистрацию или лицензирование таких лиц и надзор за ними.

На вышеуказанные организации должны быть возложены обязанности по идентификации клиентов, их бенефициарных владельцев, направлению в подразделение финансовой разведки сообщений о подозрительных операциях, хранению данных.

Основная проблема уголовного права, связанная с привлечением к ответственности за деяния с криптовалютой, – это признание таковой как предметом общеуголовных преступлений, так и легализации (отмывания) имущества, полученного преступным путем.

Верховный Суд Российской Федерации 26 февраля 2019 г. внес изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», дополнив его указанием на то, что предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления.

В то же время многие суды исходят из того, что конвертация криптовалюты в рубли и последующее распоряжение такими средствами не может быть отнесено к легализации преступного дохода. Так, Седьмой кассационный суд общей юрисдикции в кассационном определении от 24 апреля 2020 г. № 77-445/2020 указывает, что полученные в результате совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, биткойны осужденный конвертировал через специальные сайты в эквивалентные суммы в рублях и переводил полученные таким образом фиатные деньги на признаваемые в Российской Федерации средства платежа – банковскую карту, оформленную на третье лицо, и киви-кошелек на собственное имя. Несмотря на обладание осужденным достаточной информацией о таких свойствах биткойна, как обезличенность и невозможность определения источника поступления денежных средств, и последующим распоряжением указанными суммами в рублях, кассационная инстанция пришла к выводу, что осужденный полученные от незаконного сбыта наркотических средств денежные средства с виртуальных счетов лишь перечислял на банковские карты, что не относится к финансовым операциям и сделкам с денеж-

ными средствами или иным имуществом, приобретенным лицом в результате совершения им преступления, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом, за которые наступает уголовная ответственность по ст. 174.1 УК РФ.

Схожей позиции придерживаются и Шестой кассационный суд общей юрисдикции в определении от 14 мая 2020 г. № 77-668/2020, Президиум Верховного Суда Республики Крым в постановлении от 7 ноября 2018 г. № 44У-207/2018.

К диаметрально противоположным выводам пришел Верховный Суд Республики Коми в Апелляционном определении от 8 августа 2019 г. по делу № 22-1749/2019, квалифицировав финансовые операции осужденного, а именно обмен денежных средств в рублях, полученных от приобретателей наркотических средств на киви-кошельки, на криптовалюту биткоин посредством «обменников» в сети Интернет и последующий обмен данной криптовалюты биткоин на рубли в сети Интернет также посредством «обменников», перевод полученных денежных средств на счет банковской карты Райффайзенбанка, снятие наличными денежными средствами с вышеуказанного расчетного счета в различных банкоматах, – как легализацию (отмывание) преступных доходов.

Проблема безусловного признания криптовалюты в качестве предмета легализации (отмывания) преступных доходов, а также иных преступлений, на наш взгляд, может быть решена на законодательном уровне.

Федеральным законом Российской Федерации от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в качестве нового вида имущества были включены цифровые права.

Согласно ст. 141.1 ГК РФ, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права. Криптовалюта к цифровым правам не относится.

Криптовалюта введена в правовое поле Российской Федерации посредством понятия «цифровая валюта» (ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Цифровая валюта, согласно изменениям, внесенным вышеуказанным Федеральным законом в законодательство Российской Федерации, может быть предметом финансового мониторинга,

а также относится к имуществу в целях применения антикоррупционного законодательства.

Для урегулирования общественных отношений, связанных с оборотом криптовалюты, законодатель избрал путь ее легитимации (определения в непосредственно федеральном законе допустимых границ использования цифровой валюты).

Согласно ч. 5 ст. 14 Федерального закона Российской Федерации № 259-ФЗ, российские юридические лица, созданные на территории Российской Федерации филиалы, представительства и иные обособленные подразделения международных организаций и иностранных юридических лиц, компаний и других корпоративных образований, физические лица, являющиеся налоговыми резидентами России, не вправе принимать цифровую валюту в качестве средства платежа за передаваемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги.

При этом, согласно ч. 4 ст. 14 Федерального закона № 259-ФЗ, незапрещенные вышеуказанной нормой операции с цифровой валютой должны быть урегулированы другими федеральными законами.

В этой связи выявленный правовой пробел целесообразно восполнить изменениями в УК РФ и п. 13.1 ст. 5 УПК РФ, отнеся криптовалюту к имуществу в целях уголовного и уголовно-процессуального права.

Список литературы:

1. *Долгиева М.М.* Легализация криптовалюты: судебная практика // Законность. 2021. № 3.

Сеть Интернет как способ совершения развратных действий

А. Б. КАЛИНКИНА,

*старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Санкт-Петербургская
академия Следственного комитета
Российской Федерации*

Э. А. МЕГРАБЯН,

*студент 4-го курса
Санкт-Петербургская
академия Следственного комитета
Российской Федерации*

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы предупреждения киберпреступности в отношении несовершеннолетних, квалификации развратных действий, совершенных посредством сети Интернет, механизм совершения таких преступлений, а также особенности виктимного поведения потерпевшего лица

Ключевые слова: киберпреступление; секстинг; несовершеннолетнее лицо; информационные и коммуникационные технологии; половые преступления; Интернет.

Современный мир нельзя представить без информационных и коммуникационных технологий. За последние десятилетия такие явления очень сильно распространились по всему миру. К сожалению, с развитием данных технологий возрастает количество совершаемых преступлений в интернет-пространстве, таких как незаконное приобретение и сбыт наркотических средств, распространение вредоносных вирусов, взлом паролей, кража номеров кредитных карт и т. д.

Согласно официальной статистике МВД России, в первом квартале 2021 г. совершено преступлений с использованием сети Интернет на 51,6 % больше, чем в прошлом году¹. Особенно возрос-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – март 2021 г. // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/23816756/> (дата обращения: 13.04.2021).

ло количество преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

На сегодняшний день замечена тенденция к снижению возраста пользователей сети Интернет. Особую опасность в сети Интернет представляют преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. В социальных сетях легче поддерживать анонимность пользователя и подбирать целевую аудиторию, поэтому лица с нарушением сексуального предпочтения в форме педофилии легко находят себе жертв. Данная категория лиц, помимо поиска своих будущих жертв, создает сообщества, где общается между собой и поддерживает друг друга, отправляет друг другу фотографии и видео с детьми порнографического характера.

Актуальность данного вопроса подтверждается тем, что:

- во-первых, данные преступления отличаются высокой латентностью. Это обусловлено тем, что противоправные деяния против половой неприкосновенности направлены на интересы ребенка и его семьи, поэтому из-за боязни того, что данное явление придется огласке, потерпевший и его семья боятся обращаться в правоохранительные органы. Также известны случаи, когда несовершеннолетние находятся в зависимом положении от виновных лиц;

- во-вторых, сложность вызывает установление IP-адреса разыскиваемого лица в социальных сетях Интернет. У каждого сетевого оборудования имеется свой IP-адрес, который фиксируется сетевым оборудованием сервера. Для установления IP-адреса необходимо направить запрос в адрес исполнительного органа коммерческой организации, которая владеет данным сетевым оборудованием сервера. Но следует отметить, что не все IP-адреса уникальны и однозначно определяют оборудование виновного лица. Только с помощью IP-адреса, который относится к категории публичных адресов, возможно определить конкретное устройство, с которого было совершено преступление;

- в-третьих, зачастую данный круг преступников имеет довольно высокий уровень интеллектуальной подготовки и конспирации. Например, они пользуются социальной сетью, которая привязана к сим-карте, зарегистрированной на других лиц.

В последнее время особого распространения достиг секстинг. Под секстингом понимается интимная переписка с отправлением фотографий и видео сексуального характера. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) подобные действия квалифицируются по признакам преступлений, предусмотренных ст. 135 УК РФ (развратные действия без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении

лица, не достигшего шестнадцатилетнего (ч. 1) либо четырнадцатилетнего возраста (ч. 2)). Если на момент совершения преступления лицо, являющееся потерпевшим, не достигло возраста двенадцати лет, то данные действия следует квалифицировать по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. По мнению законодателя, потерпевший в силу своего возраста находится в беспомощном состоянии, т. к. не может осознавать полностью характер и значение совершаемых с ним действий. Данное положение закреплено в примечании к ст. 131 УК РФ¹.

Субъект деяния, предусмотренного ст. 135 УК РФ, наряду с общими признаками, указанными в ст. 19 и 20 УК РФ, обладает специальными, прямо указанными в ч. 1 ст. 135 УК РФ признаками, а именно является лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона данного преступления предусматривает умышленную форму вины, которая выражается в виде прямого умысла. Мотивом и целью данного преступления является желание удовлетворить половую потребность.

Согласно официальной статистике Следственного комитета Российской Федерации, количество преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, в том числе развратных действий, постоянно растет. Так, за 2015 г. выявлено 4 900 преступлений, за 2016 г. – 5 332, за 2017 г. – 2 988, за 2018 – 4 549².

Согласно судебной статистике, в 2018 г. было осуждено за преступление, предусмотренное ст. 135 УК РФ, 466 лиц, в 2019 г. – 530, за 2020 г. – 478³.

Такие преступные посягательства обычно осуществляются опосредовано, т. е. без физического контакта с потерпевшим. Преступники ведут интимную переписку с лицом, просят отправить фотографию или видео сексуального характера путем уговоров или убеждений.

Так, гр. И. в период с 28 февраля по 29 марта 2013 г. вел интимную переписку посредством глобальной сети Интернет с потерпевшей Н., достигшей двенадцатилетнего возраста, но не достигшей четырнадцатилетнего возраста. Гр. И. отправлял Н. фотографии

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28 апреля 2015 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Статистическая информация // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://sledcom.ru/activities/statistic> (дата-обращения: 13.04.2021).

³ Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика Российской Федерации. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 13.05.2021).

и видео порнографического характера с целью побуждения у нее полового влечения. В указанный период гр. И. посредством убеждений и уговоров склонил несовершеннолетнюю Н. к созданию интимных фото собственного тела и последующей отправки виновному. Действия гр. И. были квалифицированы по ч. 2 ст. 135 УК РФ.¹

Следует отметить, что зачастую субъекты данного преступления получают от несовершеннолетнего лица нужную ему фотографию или видео путем угроз. Преступник убеждает потерпевшее лицо в том, что если несовершеннолетний не отправит ему фотографии или видео интимного характера, то он распространит уже имеющиеся у него переписки и файлы вместе с потерпевшим в сеть Интернет.

Данный вид преступления не предусматривает под собой насильственные действия. Так, согласно п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» развратными могут признаваться действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет². Но в некоторых случаях насильственные действия все же имеются. Это возможно только в том случае, если секстинг переходит в груминг. Под грумингом мы понимаем формирование с ребенком доверительных отношений для того, чтобы в дальнейшем найти и склонить его к половому акту.

Сегодня дети, пользуясь социальными сетями, оставляют много информации о себе на своей интернет-страничке. В таких условиях преступнику легче искать свою будущую жертву. Субъект преступления, просмотрев страницу несовершеннолетнего лица, составляет алгоритм, который способен привести к встрече с несовершеннолетним лицом.

Педофилы проверяют несовершеннолетних на склонность к интимным перепискам посредством отправления файлов с предложениями и фотографии интимного характера. Зачастую они заходят на специальные интернет-сообщества эротического характера, на которые подписано несовершеннолетнее лицо, и ищут там свою

¹ Дело № 10-8373 // Архив Московского городского суда. URL: <https://mosgorsud.ru/mgs> (дата обращения: 13.05.2021).

² О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 13.05.2021).

жертву. Если у ребенка имеется склонность к девиантному поведению, то преступнику может быть легче совершить в отношении него развратные действия.

В сообщениях между несовершеннолетним и педофилом присутствуют высказывания, относящиеся к сексуальной сфере. Злоумышленник использует лексикон, непосредственно связанный с половой жизнью, с проявлением и удовлетворением полового влечения. Бывают случаи, когда преступник представляется врачом и просит несовершеннолетнее лицо отправить ему обнаженные фотографии.

Так, в Оренбурге мужчина в социальных сетях писал несовершеннолетним девочкам, представляясь врачом-гинекологом и маммологом. Своими действиями он склонял их отправить ему фотографии половых органов и груди¹.

Как уже отмечалось ранее, переписка в социальных сетях может сопровождаться отправлением контента сексуального характера. В силу этого следует определить, необходима ли в данных случаях квалификация подобных действий по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 135 УК РФ, а также п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ.

Большинство авторов, таких как М. М. Заирная, А. В. Бриллиантов, убеждены, что вышеперечисленные действия не стоит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 135 УК РФ и ст. 242 УК РФ, т. к. посягают на разные охраняемые уголовным законом объекты (половую неприкосновенность и общественную нравственность, соответственно).

А. В. Бриллиантов указывает, что «развратные действия, предусмотренные ст. 135 УК РФ, могут выражаться с помощью демонстрации порнографической продукции. В то же время непубличный показ порнографических материалов с целью пробуждения полового влечения у потерпевшего не квалифицируется по ст. 242 УК РФ, а образует состав преступления, предусмотренный ст. 135 УК РФ» [3, с. 396].

Также следует заметить, что, согласно ст. 73 УК РФ, деяние, предусмотренное ст. 135 УК РФ, может быть совершено только в отношении лиц, не достигших возраста шестнадцати лет, когда в ст. 242 УК РФ учитывается общее недостижение потерпевшим лицом совершеннолетия.

¹ Мужчина, представлявший собой врача в соцсети, заподозрен в педофилии // Вести Рама.ру. URL: <https://vestirama.ru/novosti/lzhe-vrach-socset-191017.html> (дата обращения: 13.05.2021).

Так, приговором Свердловского областного суда гр. З. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 135 и п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ. В материалах дела было доказано, что в период с 7 по 9 августа 2014 г. совершеннолетний З. отправлял несовершеннолетнему К., родившемуся 11 октября 1999 г., порнографические материалы с помощью использования средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) для совершения развратных действий без применения насилия. Судебная коллегия исключила из приговора квалификацию действий З. по п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ и указание на назначение наказания по совокупности преступлений, т. к. в таких обстоятельствах отправка фотографий порнографического характера охватывается умыслом на совершение развратных действий против несовершеннолетнего. Данные фотографии были отправлены в целях побуждения у К. полового влечения¹.

Но стоит отметить, что в переписке могут иметься фотографии и видео сексуального характера самого несовершеннолетнего потерпевшего лица. Если у преступного лица был умысел на приобретения данных файлов для дальнейшего распространения, то его действия следует дополнительно квалифицировать по п. «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ или п. «г» ч. 2 ст. 242.2 УК РФ соответственно.

Некоторые категории несовершеннолетних наиболее склонны к данным видам преступлений. Выделяют следующие особенности несовершеннолетних, склонных к виктимному поведению в сети Интернет:

- модель агрессивного типа. Несовершеннолетнее лицо характеризуется склонностью попадать в опасные ситуации в результате проявленной им агрессии. Для данных лиц интернет-пространство является местом самореализации. Они могут с учетом мотивационной направленности создавать порнографические фотографии и видео;

- модель активного типа. Данная категория несовершеннолетних склонна к самоповреждению и саморазрушению. Они могут или провоцировать своими действиями причинение вреда или могут самопричинять вред (необдуманные поступки, склонность к риску и т. д.). Несовершеннолетние, относящиеся данной модели, часто заводят новые знакомства и зачастую идут на встречу с незнакомыми людьми;

¹ Бюллетень Свердловского областного суда за IV квартал 2016 г. URL: <http://www.suprcourt.ru>.

- модель инициативного типа. Несовершеннолетние лица активно проявляют свою позицию в сети Интернет. Они общаются на форумах, проявляют отзывчивость, отвечают на сообщения и предложения многим пользователям, в том числе и преступникам;
- модель пассивного типа. Данная категория несовершеннолетних характеризуется зависимым поведением. Они несамостоятельны, ищут поддержку от пользователей сети Интернет, у них может иметься интернет-зависимость;
- модель некритического типа. Данные несовершеннолетние лица проявляют неосторожность в сети Интернет. Они плохо оценивают жизненные ситуации в реальном и виртуальном воздействии, плохо разбираются в знакомствах. Для них характерны легкомысленность и доверчивость.

В настоящий момент существует необходимость защиты несовершеннолетних от посягательств на их половую неприкосновенность. В первую очередь для защиты необходимо получать значительный объем информации. На сегодняшний день криминологи выработали ряд методов, применяя которые возможно получить сведения о посягательстве на несовершеннолетних. Один из оптимальных методов – это контент-анализ материалов Мониторингового центра по выявлению запрещенного контента redofiov.net. Данный центр был создан в рамках проекта «Безопасное детство». На данном сайте в разделе «Новости» выкладывается актуальная информация о расследованных преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних. В данном центре существует «горячая линия», куда население может обратиться при подозрении на совершение указанных преступлений. Также происходит контент-анализ материалов, которые были опубликованы на официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации.

Для обеспечения безопасности несовершеннолетних от посягательств на половую неприкосновенность, помимо своевременного обнаружения признаков преступления, необходимо принять меры по предупреждению данного вида преступления, а именно проводить с детьми воспитательные беседы, в ходе которых объяснять особенности взросления, развития половых отношений и их сексуальной идентификации, а также правила поведения в виртуальном пространстве.

Список литературы:

1. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / А. В. Бриллиантов и др.; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2018.

Влияние COVID-19 на изменение уголовного закона

Н. Э. МАРТЫНЕНКО,

профессор кафедры уголовной политики,

доктор юридических наук, профессор

Академия управления МВД России

E-mail: kafedra_up_au@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются изменения и дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации, произошедшие во время объявления в Российской Федерации режима пандемии, вызванного COVID-19, и делается вывод о том, что COVID-19 изменил не только экономическую, политическую, социальную ситуацию в стране, но и преступность и, как следствие, уголовное законодательство. В этот период времени наиболее быстрыми темпами росло количество преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, что потребовало незамедлительного реагирования государства на произошедшие изменения и принятия целого ряда уголовно-правовых норм в целях охраны интересов личности, общества и государства от данных преступных посягательств и снятия социальной напряженности в обществе. Однако дополнение лишь нескольких статей Уголовного кодекса Российской Федерации такимотягчающим обстоятельством, как «совершение преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий», нарушило принцип справедливости и потребовало изменения сложившейся ситуации.

Ключевые слова: *пандемия; COVID-19; Уголовный кодекс Российской Федерации; преступления офлайн и онлайн; состояние преступности; принцип справедливости; преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.*

Коронавирусная инфекция COVID-19 модифицировала мир. Изменилась экономика, политика, социальная сфера жизни. Мы узнали о ранее редких или вообще неупотребляемых словах – пандемия, дистанционная работа и обучение, самоизоляция и т. д. В русском лексиконе, по утверждению лингвистов, появились такие слова, как коронавирье, карантец, ковидло, макаронвирус и гречкохайп (нездоровый ажиотаж, связанный с массовой закупкой макарон и гречки), маскобесье, вируспруденция, карантэ (умение владеть собой в самоизоляции), расхламинго (популярное домаш-

нее занятие, связанное с уборкой в доме во время вынужденного карантинного безделья) [2].

Мы привыкли к ежедневным сводкам (как с фронта) о количестве заразившихся граждан, переболевших, умерших, а теперь и сделавших прививки от этой страшной инфекции. В таких условиях большинство стран мира ввели у себя на территории локдаун (от англ. *lockdown* – блокировка, строгая изоляция) – запрещение передвижения людей на определенных территориях, вынужденное нахождение на текущем месте пребывания.

В условиях, когда меняется мир, не могла не измениться и преступность, поскольку она является социальным явлением. Совершение некоторых преступлений стало невозможно из-за того, что люди перестали выходить из дома. Совершение других, наоборот, имеет тенденции к росту. По данным МВД России, наиболее часто стали совершаться преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Так, в январе – декабре 2019 г. было зарегистрировано 294,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, – или на 68,5 % больше, чем за аналогичный период 2018 г. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 8,8 % в январе – декабре 2018 г. до 14,5 %.

Почти половина таких преступлений (48,5 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких: 142,7 тыс. (+149,0 %); половина (53,3 %) совершается с использованием сети Интернет: 157,0 тыс. (+45,4 %), более трети (39,5 %) – средств мобильной связи: 116,2 тыс. (+89,5 %). Четыре таких преступления (80,0 %) из пяти совершаются путем кражи или мошенничества: 235,5 тыс. (+83,2 %), каждое двенадцатое (8,4 %) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 24,7 тыс. (+31,2 %) [5].

В 2020 г. количество зарегистрированных преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий продолжало расти. В январе – декабре 2020 г. зарегистрировано 510,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, – или на 73,4 % больше, чем за аналогичный период 2019 г. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 14,5 % в январе – декабре 2019 г. до 25,0 %. Больше половины таких преступлений (52,4 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких: 267,6 тыс. (+87,5 %); больше половины (58,8 %) совершается с использованием сети Интернет: 300,3 тыс. (+91,3 %); почти половина (42,9 %) – с использованием средств мобильной связи: 218,7 тыс. (+88,3 %). Четыре таких преступления (80,4 %) из пяти совершаются путем

кражи или мошенничества: 410,5 тыс. (+74,3 %); почти каждое одиннадцатое (9,2 %) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 47,1 тыс. (+90,7 %) [6].

Изменение преступности, уход ее из офлайн в онлайн-сферу потребовал немедленной адекватной реакции государства на сложившуюся ситуацию для того, чтобы, прежде всего, снять социальную напряженность в обществе.

Первые изменения Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в условиях пандемии COVID-19 произошли в апреле 2020 г. Эти изменения коснулись редакции ст. 236 УК РФ и дополнения уголовного закона новыми статьями – 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и 207.2 «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия»¹, а также редакции ст. 238.1 УК РФ². Изменения, как следует из пояснительных записок к проектам федеральных законов, направлены на совершенствование механизмов защиты граждан Российской Федерации от угрозы распространения инфекционных заболеваний, а также повышение гражданской ответственности, связанной с режимом самоизоляции в стране, вызванной COVID-19.

Изменения ст. 236 УК РФ коснулись диспозиции части первой. Теперь уголовная ответственность наступает не только за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности массовое заболевание или отравление людей (что было предусмотрено в предыдущей редакции), но и за создание угрозы наступления таких последствий. Ужесточена санкция ч. 1 (в санкцию включено лишение свободы), хотя преступление по-прежнему относится к категории небольшой тяжести; изменена санкция ч. 2 ст. 236 (вместо обязательных и исправительных работ включены такие наказания, как штраф и ограничение свободы). До трех лет увеличен нижний предел лишения свободы. Статья дополнена новым квалифицирующим признаком – нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 2030.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 2003.

Следующее изменение коснулось ст. 238.1 УК РФ, в которую внесена ч. 1.1, установившая уголовную ответственность за совершение преступления с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Статья также дополнена примечанием 3, согласно которому действие ст. 238.1 УК РФ не распространяется на целый ряд случаев, специально перечисленных в примечании.

Кроме изменений, внесенных в уже действующие статьи, введена уголовная ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств (ст. 207.1 УК РФ) и за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека (ст. 207.2 УК РФ).

Поскольку объективная сторона новых составов преступлений по большей части носит оценочный характер, потребовалось разъяснение Верховного Суда Российской Федерации, в котором сказано, что под заведомо ложной информацией, в том числе об обстоятельствах распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и (или) о принимаемых в связи с этим мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, следует понимать такую информацию (сведения, сообщения, данные и т. п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему¹.

Изменения и дополнения УК РФ продолжались и в 2021 г. Так, Федеральным законом от 5 апреля 2021 г. № 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» в ст. 354.1 «Реабилитация нацизма» было введено новоеотягающее обстоятельство – деяние, совершенное с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г. // Официальные документы. № 18–19, 19–25.05.2020 (еженедельное приложение к газете «Учет, налоги, право»).

сетей (включая сеть Интернет) включено в качествеотягчающего обстоятельства в ст. 230 УК РФ (п. «д» ч. 2)¹.

Изучение внесенных изменений и дополнений в УК РФ позволяет сделать вывод о том, что законодатель пошел по пути включения в статьи Особенной части нового отягчающего обстоятельства – совершение преступления с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Представляется, что это не совсем верно, т. к. достаточно большое количество преступлений, даже убийство, может быть совершено с использованием сети Интернет, но в этих преступлениях отсутствует такое отягчающее обстоятельство, что нарушает принцип справедливости, закрепленный в ст. 6 УК РФ. Чтобы восстановить принцип справедливости предлагаются следующие дополнения в уголовное законодательство:

1. Включить в п. «л» ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» новое отягчающее обстоятельство – совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (включая сеть Интернет). Имеющиеся в данном пункте отягчающие обстоятельства не отражают в должной мере общественную опасность совершения преступления в условиях пандемии. Находясь вне рамок основного состава преступления, данное отягчающее обстоятельство будет находиться в тесной связи с совершенным преступлением и с личностью виновного и оказывать влияние на объем уголовной ответственности.

Введение данного отягчающего обстоятельства также не даст возможности судам изменить категорию совершенного преступления на менее тяжкую, что в настоящий момент позволяет сделать ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Анализ произошедших в УК РФ изменений позволяет говорить, прежде всего, о том, что коронавирусная инфекция COVID-19 послужила причиной ужесточения уголовной ответственности и наказания за преступления, совершаемые в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Не осталась в стороне от пандемии и наука. За последний год в разных областях знаний появились работы, в которых авторы рассматривают влияние пандемии на различные стороны государственной или общественной жизни [1, с. 84–107; 3, с. 37–41; 4, с. 10–33; 7, с. 281–284]. И хотя в работах изучались отдельные аспекты какой-

¹ О внесении изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24 февраля 2021 г. №25-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 9. Ст. 1472.

либо проблемы, выводы у исследователей очень похожи – пандемия изменила мир, значит, надо, чтобы изменилось и законодательство, регулирующее те или иные стороны государственной или общественной жизни.

Список литературы:

1. *Денисенко М. Б., Мукомель В. И.* Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 3.
2. Лингвисты сообщили о появлении из-за пандемии COVID новых слов. URL: <https://www.interfax.ru/russia/737488> (дата обращения: 20.01.2021).
3. *Мартыненко Н. Э.* Влияние COVID-19 на изменение уголовного закона и состояния преступности // Российский следователь. 2020. № 9.
4. *Рязанцев С. В., Молодикова И. Н., Брагин А. Д.* Влияние пандемии Covid-19 на положение мигрантов на рынках труда стран СНГ // Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 4.
5. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения: 15.03.2021).
6. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения: 27.03.2021).
7. *Филатова И. В., Осипова А. Н.* Влияние пандемии коронавируса на экономическую безопасность страны // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1.

Некоторые аспекты правового регулирования и квалификации киберпреступности

А. МАХМУДОВ,

начальник кафедры «Криминалистика»,

доктор философии по праву, доцент

Академия Полиции МВД Азербайджанской Республики

Аннотация. Растущая зависимость общества от использования информационных и коммуникационных технологий и неограниченный и свободный поток информации в цифровом мире создали беспрецедентные возможности для злоупотребления преимуществами этого пространства и осуществления социально опасных действий. В статье подчеркивается необходимость учета современных подходов к реализации правового регулирования в киберпространстве в шагах, предпринимаемых в сфере уголовного права в борьбе с киберпреступностью, а также трудностей, возникающих на национальном уровне при выполнении требований Конвенции о киберпреступности, и тот факт, что эта Конвенция обещает ряд возможностей в борьбе с киберпреступностью. Также отмечается, что, несмотря на ряд ограничений, правовые механизмы и инструменты играют особую роль и имеют значение в управлении и регулировании в целом, а также в предотвращении угроз в киберпространстве и формировании адекватных мер реагирования на киберпреступность. Подчеркивается важность принятия многоплановых и комплексных мер в правовой сфере, наряду с организационной и технической сферами, для организации эффективной и действенной борьбы с киберпреступностью. Кроме того, оценивается адекватность мер, принимаемых в сфере уголовного права в Азербайджанской Республике для борьбы с киберпреступностью, и даются рекомендации по улучшению соответствующих положений Уголовного кодекса Азербайджанской Республики.

Ключевые слова: *киберпреступления; киберпространство; борьба с киберпреступностью; компьютер; уголовное право; правовое регулирование; Конвенция о киберпреступности; информационная безопасность.*

В настоящее время одним из приоритетных направлений технологической деятельности, связанной с развитием глобальной сети

и информационных коммуникаций, является защита прав и свобод человека, свободы слова и выражения мнений, частной жизни, информации о пользователях сети, а также их прав на интеллектуальную собственность, в частности борьба с киберпреступностью, которая считается более актуальной для современного информационного общества¹. Проведенный анализ показывает, что широкое распространение компьютерных систем, их координация посредством коммуникационных систем повышает возможность электронного вмешательства в эти системы. Поэтому угроза киберпреступности является актуальной для Азербайджана, как и для всех стран мира, и с целью предотвращения этой угрозы соответствующими структурами в нашей стране регулярно осуществляются эффективные меры.

Под киберпреступностью понимаются действия, совершаемые в рамках компьютерных систем и сетей, в том числе в киберпространстве, а также других средств, угрожающих уголовному законодательству. По мнению экспертов ООН, под термином «киберпреступность» понимается любое преступление, совершенное через компьютерные системы и сети или в рамках компьютерных систем и сетей, а также против них. Таким образом, к киберпреступлениям можно отнести любое преступление, совершенное в электронной среде. Крайне необходима профилактика данного вида преступности не только на национальном уровне, но и на глобальном, и разработка действенного правового механизма борьбы с ней. Тем не менее Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с нарушителями закона рассмотрел проблему киберпреступности и дал рекомендации по определению понятия киберпреступности.

На симпозиуме по проблеме преступности, связанной с компьютерами, а также компьютерными сетями, экспертами ООН была дана интерпретация киберпреступности в узком и широком смыслах².

Киберпреступления в узком смысле (компьютерные преступления) – любые противоправные действия, совершаемые посредством

¹ Конституция Азербайджанской Республики (ст. 32, 46, 47). URL: <https://mincom.gov.az/ru/view/pages/13/> (дата обращения: 24.04.2021); Десятый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Вена, 10–17 апреля 2000 г.). URL: https://www.unodc.org/documents/congress/Previous_Congresses/10th_Congress_2000/017_ACONF.187.10_Crimes_Related_to_Computer_Networks_R.pdf (дата обращения: 24.04.2021).

² Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

электронных операций, основной целью которых выступает опасность компьютерных систем, а также обрабатываемой через них информации. Киберпреступления в широком смысле – это любые противоправные действия, связанные с компьютерами, компьютерными системами и сетями, а также связанные с незаконным доступом, предложением или распространением информации через компьютерные системы и сети.

Подводя итог сказанному, киберпреступность можно интерпретировать так: киберпреступления – противоправные общественно опасные и наказуемые по закону действия, совершаемые путем вмешательства в работу компьютеров, компьютерных программ, компьютерной сети, несанкционированного изменения компьютерной информации, а также прямым или косвенным использованием компьютеров, компьютерных сетей и систем. В то же время Азербайджанская Республика осуществляет следующие целенаправленные меры по обеспечению национальной безопасности в информационной сфере:

- 1) создание и укрепление национальной системы в области защиты информации, а также государственных информационных ресурсов в Азербайджанской Республике;
- 2) сбор информации объективного и превентивного характера с целью осуществления информационного обеспечения принятия решений государственными органами и должностными лицами;
- 3) развитие информационной инфраструктуры;
- 4) совершенствование правовых механизмов защиты государственных секторов;
- 5) организация и осуществление борьбы с киберпреступностью;
- 6) обеспечение информационной безопасности и свободы.

В законодательстве Азербайджанской республики уделяется внимание вопросам борьбы с киберпреступностью и ответственности за эти противоправные действия, в национальное законодательство вносятся дополнения и изменения, вытекающие из требований международных конвенций. Подписание 23 ноября 2001 г. в г. Будапешт «Конвенции о киберпреступности» с соответствующими заявлениями и оговорками законом Азербайджанской Республики № 874-III «Об утверждении Конвенции о киберпреступности» от 30 сентября 2009 г. является одним из важнейших шагов, предпринимаемых в сфере борьбы с киберпреступностью¹. В связи с мероприятиями, осуществляемыми в уголовно-правовой сфере

¹ Об утверждении Конвенции «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных: закон Азербайджанской Республики от 30 сентя-

с целью борьбы с киберпреступностью в Азербайджанской Республике, следует отметить, что законом Азербайджанской Республики от 29 июня 2012 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Азербайджанской Республики» была приведена в соответствие с Конвенцией гл. 30 Уголовного кодекса в новой редакции¹. В то же время в статьи, устанавливающие уголовную ответственность за ряд деяний, были внесены соответствующие изменения и дополнения, чтобы отдельно предусмотреть содержание кибер элементов с объективной стороны преступления. Например, законом Азербайджанской Республики «О внесении изменений в Уголовный кодекс Азербайджанской Республики» от 30 апреля 2013 г. в связи с тем, что совершение кражи с использованием «электронных носителей информации или информационных технологий» предусмотрено как признакотячающего состава, в Уголовный кодекс была добавлена ст. 177.2.3–1². А также о том, что «в случае публичного показа на информационном ресурсе Интернета» оскорбительных и клеветнических действий законом Азербайджанской Республики «О внесении изменений в Уголовный кодекс Азербайджанской Республики» от 14 мая 2013 г. были внесены соответствующие дополнения в ст. 147 и 148 Кодекса³. Кроме того, законом Азербайджанской Республики «О внесении изменений в Уголовный кодекс Азербайджанской Республики» от 29 ноября 2016 г. была добавлена ст. 148–1 нового содержания, предусматривающая уголовную ответственность за такие действия, как клевета или оскорбление с использованием поддельных имен пользователей, профилей или учетных записей в интернет-информационном ресурсе⁴. В целом в результате анализа уголовно-правовых норм, определенных в главе, приведенной в новой редакции в особом разделе Уголовного кодекса, можно более глубоко проследить основы и недостатки национально-право-

бря 2009 г. № 879-IIIQ. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=35293438 (дата обращения: 25.04.2021).

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Азербайджанской Республики: закон Азербайджанской Республики от 29 июня 2012 г. № 408-IVQD. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31248272 (дата обращения: 25.04.2021).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Азербайджанской Республики: закон Азербайджанской Республики от 30 апреля 2013 г. № 633-IVQD. URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31398484 (дата обращения: 25.04.2021).

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Азербайджанской Республики: закон Азербайджанской Республики от 14 мая 2013 г. № 650-IVQD. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31413171 (дата обращения: 25.04.2021).

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 29 ноября 2016 г. № 444-VQD: закон Азербайджанской Республики. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33353977 (дата обращения: 25.04.2021).

вого подхода к криминализации киберпреступлений. Как отмечалось, после присоединения к Конвенции в 2012 г. гл. 30 Уголовного кодекса была приведена в соответствие с Конвенцией в новой редакции. В отличие от главы «Преступления в области компьютерной информации», представленной в старой редакции, глава «Киберпреступления», представленная в новой редакции, содержит более прогрессивные и конкретные положения. Так, в гл. 30 под названием «Киберпреступления» речь идет о незаконном проникновении в компьютерную систему; незаконном захвате компьютерной информации; незаконное вмешательство в компьютерную систему или компьютерные данные, оборот средств, предназначенных для совершения киберпреступлений, и фальсификацию компьютерных данных установлена уголовная ответственность (ст. 271–273–2)¹. Хотя эти положения в значительной степени идентичны соответствующим положениям Конвенции, в них существуют некоторые недостатки – в юридической литературе пока не дано прямого понимания киберпреступлений. В результате возникают разногласия как по поводу ресурсов, необходимых для криминализации и борьбы, так и в области международного сотрудничества. Кроме того, хотя некоторые понятия, используемые в гл. 30 Уголовного кодекса, были уточнены, значения, выраженные рядом понятий, характерных для киберпреступлений, не были объяснены. Таким образом, при даче юридической оценки этим действиям могут возникнуть дополнительные трудности.

В соответствии со ст. 271 Уголовного кодекса (далее – УК) («Незаконный доступ к компьютерной системе») криминализована деятельность по проникновению в компьютерную систему или любую ее часть без права доступа только с нарушением мер защиты, либо по захвату хранящихся в ней компьютерных данных или умышленному проникновению с иным личным умыслом. Рассматривая диспозицию ст. 272 УК («Незаконный захват компьютерной информации»), можно сделать вывод о том, что посредством криминализации данного деяния защищается «электромагнитное излучение компьютерных данных или компьютерных систем, являющихся носителями такой компьютерной информации», не предназначенное для общего пользования, передаваемое в компьютерную систему или в пределах этой системы.

¹ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (с изм. и доп. по сост. на 23 апреля 2021 г.): утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 26.04.2021).

В то же время в аналогичной ст. 3 Конвенции внимание в качестве объекта защиты уделяется конфиденциальности обмена, независимо от того, предназначена ли передаваемая информация для общего пользования или нет. Наличие расхождений в отношении санкций также может быть отмечено в отношении этой статьи. Возникает необходимость уточнения ряда понятий, связанных с объективным аспектом, изложенным в диспозиции ст. 273 УК («Незаконное вмешательство в компьютерную систему или компьютерные данные»). Одновременно, как уже отмечалось выше, можно утверждать, что применяемые наказания пропорциональны деянию, которое считается преступлением. Также не может считаться целесообразным, чтобы наказания, назначаемые за «незаконное проникновение в компьютерную систему» формального содержания, были практически идентичны наказаниям за «незаконное вмешательство в компьютерную систему или компьютерные данные», которые могут причинить больший материальный ущерб.

Материальное содержание «оборота средств, предназначенных для совершения киберпреступлений» (ст. 273–1), создающее основания для совершения других киберпреступлений, иными словами, влекущее уголовную ответственность только в том случае, если оно «причинило значительный ущерб», в форме такого подхода не может быть оспорено.

Было бы целесообразно усовершенствовать гл. 30 УК под названием «киберпреступления» с учетом вышеизложенных недостатков, пересмотреть санкции, установленные в этой главе, а также поместить киберпреступления в перечень преступлений, предусмотренных статьей 20.2 Уголовного кодекса. В заключение следует отметить, что для того, чтобы эффективная и действенная борьба с киберпреступностью могла быть осуществлена, для обеспечения адекватного и гибкого сотрудничества, наряду с нормами материального уголовного права, должны быть усовершенствованы и приведены в соответствие с требованиями Конвенции нормы процессуального права.

Таким образом, поскольку киберпреступность в Интернете считается одной из наиболее распространенных правонарушений международного характера, характер и диапазон этих преступлений изменяются и расширяются в зависимости от социально-экономического развития и инноваций в области информационно-коммуникационных технологий. В то же время борьба с этими преступлениями приобретает все более актуальное значение в современном международном праве.

В нынешний период с учетом развития стратегий «электронное правительство», «электронная подпись», «электронная коммерция», развитие телекоммуникаций, цифровых технологий, компьютерных и интернет-сетей, банкоматов, платежных карт и другого, с точки зрения возможности их использования в преступных целях, эти преступления составляют предмет как национально-правового, так и международно-правового регулирования.

Вопрос классификации киберпреступлений также является одной из широко обсуждаемых проблем в современном международном праве и национальном законодательстве зарубежных стран. В «Конвенции Совета Европы о киберпреступности» определены четыре вида компьютерных преступлений: незаконный доступ (ст. 2); незаконный захват (ст. 3); вмешательство в данные (ст. 4); вмешательство в систему (ст. 5).

Именно эти четыре вида киберпреступлений считаются «компьютерными преступлениями». Другие – это преступления, которые либо связаны с компьютером, либо совершаются через компьютер. Эти преступления включают в себя: преступления, в которых компьютеры выступают в качестве метода (электронные кражи, мошенничество и т. д.); действия, в совершении которых компьютер играет роль посредника (размещение на сайтах информации, разжигающей национальные, религиозные, расовые конфликты и т. д.). Эти два типа киберпреступности выступают в качестве объекта обсуждения.

Некоторые зарубежные исследователи считают, что эти преступления являются не чем иным, как противоправными деяниями, совершаемыми с помощью современных методик, что нашло свое отражение в уже существующем национальном уголовном законодательстве, а вовсе не являются преступлениями нового вида. Другие же считают, что киберпреступность, являясь качественно новой категорией преступлений, требует разработки новых норм, методов исследования с целью ее предотвращения на международном уровне. Действительно, многие преступления, совершенные через Интернет, не считаются новыми видами противоправных действий. Например, мошенничество считается преступлением против собственности, и его совершение через Интернет не создает нового контента. Но способ совершения этого преступления требует разработки новых законодательных норм и методов исследования. Это обусловлено и тем, что киберпреступления в большинстве случаев выходят за рамки государственного законодательства и приобретают транснациональный характер.

Вместе с тем виртуальный характер преступлений дает возможность быстрого уничтожения доказательств, что еще больше затрудняет поиск преступника и сбор соответствующих доказательств. Ущерб, причиненный компьютерными преступлениями, можно дифференцировать следующим образом [2, с. 253]:

1. Нарушение функций. Существует также четыре типа нарушения функций, которые могут возникнуть по следующим причинам: временные нарушения, приводящие к путанице в графиках работы, графиках той или иной деятельности; недоступность системы для пользователей, повреждение устройств, сбой программного обеспечения.

2. Потеря значительных ресурсов, предметом преступлений в основном являются деньги, вещи, услуги, информация и т. д. Наряду с этим широко распространена кража информации – программного обеспечения и информации, содержащейся в памяти компьютеров.

3. Нарушение прав. Методы совершения киберпреступлений являются многогранными и включают в себя:

1) уничтожение компьютерной техники: уничтожение оборудования; уничтожение носителей информации; уничтожение (удаление) файлов; удаление средств защиты от несанкционированного доступа к информации, хранящейся на компьютере;

2) замена объектов вычислительной техники: повреждение оборудования; несанкционированное изменение (модификация) файлов; несанкционированная замена средств защиты информации в компьютерной системе от несанкционированного вмешательства; блокирование работы компьютерных систем; несанкционированная установка посторонних, чужих программных средств вне компьютерной системы;

3) Кража объектов компьютерной техники: кража оборудования; кража информации с любых носителей информации; скорость извлечения файлов;

4) несанкционированный доступ: несанкционированный запуск программы, в которой находится информация, хранящаяся на компьютере.

Таким образом, объекты атак, отнесенных к киберпреступлениям, можно разделить на три группы: непосредственно компьютеры; объекты, на которые компьютер может быть атакован только с помощью метода; объекты атак, в которых компьютер выступает в качестве средства. Лиц, совершающих киберпреступления, можно разделить на три большие группы, к которым относятся: лица, имеющие определенные связи с организациями, которым причинен

ущерб, несмотря на то, что они не состоят в трудовых отношениях; работники, выполняющие ответственные обязанности в организации; работники организации, работающие с компьютерами, злоупотребляющие своими должностными полномочиями.

Специалисты условно делят лиц и организации, совершающие кибератаки, на несколько категорий:

1. Хакеры. К этой категории относятся лица, обладающие высокими знаниями в области компьютерных технологий и часами занимающиеся компьютером с целью выявления слабых мест компьютерных систем.

2. Хактивисты. Термин «хактивизм» впервые ввел в научную литературу специалист по компьютерной преступности Д. Деннинг, утверждающий, что этот термин, представляющий собой комбинацию слов «взлом» и «активизм», используется для обозначения социальных протестов, которые рассматриваются как новые случаи. Под хактивизмом понимается синтез хакерства с социальной активностью, целью которой является протест против чего-либо. Западные аналитики отмечают, что в связи с политизацией хакеров, а также с тем, что в последнее время все больше и больше активистов социальных протестов выходят в интернет, компьютеризация этой деятельности привела к росту числа «киберактивистов». Они пытаются перенести это действие в киберсреду, используя новые методы, такие как «электронный протест», вместо традиционных методов гражданского неповиновения.

3. Киберпреступники. С широким распространением Интернета кибермошенничество стало одним из основных видов получения незаконного дохода. Схема их действия очень проста. В первую очередь они должны получить доступ к личной информации, атакуя компьютерные системы, а затем угрожая разглашением этой личной информации, требуют деньги. Наряду с персональными компьютерными системами, компьютерные сети также могут быть подвержены атакам киберпреступников [4, с. 832].

4. Лица, занимающиеся промышленным шпионажем. Промышленный шпионаж в развитых индустриальных государствах имеет давнюю историю, и с развитием новых технологий перед шпионами открываются новые возможности. Шпионаж может осуществляться в пользу государства, организации, а также частных «заказчиков».

5. Инсайдеры. «Инсайдер» – в дословном переводе с английского означает «хорошо информированный человек изнутри». Несмотря на большие усилия сотрудников службы компьютерной безопасности по защите системы от внешних атак, в организациях всегда присутствует угроза нападения со стороны компетентных

сотрудников. Мотивы инсайдеров могут быть самыми разными – от мести работодателю до помощи террористической организации.

6. Консультанты (лица, работающие по контракту): многие организации заключают аутсорсинговые соглашения со сторонними организациями с целью разработки программного обеспечения организации. Таким образом, лица, вовлеченные в террористические операции, получают доступ к необходимым информационным и техническим средствам.

7. Террористы. Хотя крупномасштабных кибератак, организованных террористическими группировками, пока не произошло, по мнению многих экспертов, террористы могут представлять серьезную угрозу при использовании Интернета. Специалисты отдела компьютерных технологий ФБР утверждают, что кибертерроризм в будущем может выступать в качестве альтернативы традиционным террористическим актам. Этому способствуют следующие особенности киберпреступности: анонимность; возможность деятельности с любой территории; малое количество ресурсов. С целью защиты от киберпреступлений, необходимо провести работы по трем направлениям: 1) задержание преступников – с этой целью, в первую очередь, необходимо дальнейшее совершенствование законодательных норм о киберпреступлениях; 2) совершенствование мер наказания за совершение киберпреступлений; 3) осуществление комплекса мер по защите информации.

Перечисленные направления устремлены на предотвращение киберпреступлений, которые считаются общественно опасными. Одним из вопросов, представляющих интерес, является разделение киберпреступлений на «компьютерные преступления» и «преступления, совершенные с помощью компьютера». Данная классификация, отраженная в Конвенции, не может считаться полной. Так, развитие научно-технического прогресса и расширение связей с общественностью в киберпространстве не исключает, что этот список будет расширяться. Наряду с этой классификацией, представленной в Конвенции Совета Европы, существуют и другие, как официальные, так и неофициальные классификации. Одна из классификаций была разработана рабочей группой Интерпола в 1991 г. [3]. В том же году эта кодировка была включена в автоматизированную поисковую информационную систему. Преимущество данной классификации заключается в наличии возможности получить систематическое представление о многих видах киберпреступлений и способах их совершения через нее. Но, тем не менее, есть и недостатки этой классификации: она включает в себя кибертерроризм, киберзапугивание и др. Практически эту кодификацию можно охарактере-

ризовать как классификацию преступлений, которые не считаются непосредственной угрозой жизни и здоровью человека. В целом, действия, связанные с этими киберпреступлениями, можно классифицировать следующим образом: 1) незаконный доступ к компьютеру; 2) повреждение компьютерных данных или программ; 3) компьютерный саботаж; 4) незаконное отключение или отключение коммуникаций; 5) компьютерный шпионаж.

Указанные вопросы не могут не отражать разногласий по поводу понятия, видов и состава преступления киберпреступности. Во-первых, характер этих преступлений таков, что они постоянно развиваются и всегда должны соответствовать технологическим инновациям. Во-вторых, с этой целью было бы более целесообразным определить отдельное определение киберпреступлений на универсальной основе. Киберпреступность является быстро развивающейся областью международных преступлений. Большинство преступников ищут скорость, гибкость и анонимность Интернета, чтобы расширить разнообразный спектр своей преступной деятельности, не признавая физических или виртуальных границ. Исследователи Интерпола классифицируют киберпреступления следующим образом: атаки на компьютерное оборудование и программное обеспечение; финансовые преступления, мошенничество в Интернете, проникновение в финансовые услуги онлайн и т. д.; «сексплоитация» и злоупотребление другими формами этого направления.

Различают киберпреступления также по объекту, предмету посяательства и особенностям совершения. Для придания зрелого научного понимания киберпреступности важное теоретическое и экспериментальное значение имеет вопрос о ее видах и группировка составных элементов этих деяний. С учетом того, что в различной литературе, нормах международного и национального права в связи с этим существуют разные деления.

Анализ показывает, что по юридической силе разделение киберпреступлений, осуществляемое в соответствии с «Будапештской конвенцией о киберпреступности 2001 года», является более совершенным и целесообразным. Классификация, упомянутая в Конвенции, принята большинством специалистов и ученых в области международного права и продолжает оставаться эталонной в современном международном праве и даже в национальных правовых системах зарубежных стран, которые не ратифицировали этот документ. Согласно Конвенции о киберпреступности и дополнительному протоколу к ней, киберпреступность можно разделить на пять основных групп:

1) конфиденциальность, целостность компьютерных данных и системы, включая незаконный доступ, незаконный захват, вмешательство в данные, в систему и т. д.;

2) совершение преступлений с использованием компьютера как средства киберпреступлений, манипулирования информацией (к этой группе относится в основном компьютерное мошенничество);

3) киберпреступность, связанная с содержанием данных, размещенных в компьютерной сети. Следует отметить, что эта группа преступлений привлекает внимание своим более серьезным характером по степени общественной опасности. Так, к этой группе относятся преступления, связанные с детской порнографией и вообще с распространением в интернете порнографических материалов, которым придается особое значение со стороны всех государств. В настоящее время существуют серьезные проблемы с контентом в компьютерных и других социальных сетях. В этом смысле необходимо более точное и сбалансированное в соответствии с современным международным правом теоретическое исследование контент-преступлений. Потому что в вопросе борьбы с киберпреступностью особенно актуальными будут вопросы прав человека, в том числе вмешательства в личную жизнь, свободу выражения мнений;

4) преступления, связанные с нарушением авторских и смежных прав в Сети. То есть «преступления кражи интеллекта» актуальны в последнее время, потому что в современном международном праве, а также в национальных законодательных системах, особенно в Интернете, имеет место плагиат, переводы, CD, DVD и т. д., наблюдаются факты грубых и массовых нарушений авторских и смежных прав с незаконным скачиванием музыки, других файлов и данных. По этой причине государства, объединив усилия в указанном направлении, начали думать о новых формах борьбы с этим видом киберпреступности;

5) к киберпреступлениям этой группы можно отнести акты расизма и ксенофобии, распространяемые и совершаемые через компьютерные сети. Их также называют преступлениями нового поколения, и эти виды преступлений отражены в дополнительном протоколе к Европейской конвенции «о киберпреступности».

Профессор Р.А. Алигулиев делит киберпреступления на две группы: присущие только киберпространству – традиционные преступления, совершаемые через компьютеры и Интернет; к преступным деяниям, присущим им, относятся интернет-шпионаж, киберпреступность, незаконный доступ к компьютерной информации, незаконный оборот радиоэлектронных систем специального назначения, финансовое мошенничество в интернете и другое; традици-

онные преступления, совершаемые через Интернет, угрожающие жизни и здоровью, чести и достоинству человека, преступления в экономической сфере, общественной безопасности, преступления против собственности; это также включает в себя распространение порнографии, наркобизнес, преступления против конституционного строя и государства [1, с. 68].

Не отрицая полезности указанного деления с точки зрения современного международного права, следует особо подчеркнуть, что, относясь к категории преступлений международного характера, киберпреступления, по сути, следует классифицировать в большей степени с точки зрения объектов. По этой причине, на наш взгляд, было бы более целесообразно сгруппировать преступления, совершенные в киберпространстве, по объекту посягательства следующим образом: киберпреступления против основных прав и свобод человека – киберпреступления против права на частную жизнь, свободу слова и выражение мнений, киберпреступность и т. д.; компьютерные преступления в экономической сфере – компьютерное мошенничество, кибервмешательство в банковские счета и пост-терминалы и т. д.; киберпреступления, направленные против общественных и государственных интересов – подверженность сайтов государственных органов и государственных учреждений хакерским атакам, незаконные информационные атаки и т. д.; киберпреступления против безопасности компьютерных данных и сетей – к ним относятся нарушения конфиденциальности информации, вмешательство в них и т. п. – на любом персональном или другом компьютере, техническом носителе информации, подключенном или неподключенном к сети.

Такая группировка киберпреступлений выделяется и своим экспериментальным значением. Потому что по каждому из указанных здесь видов киберпреступлений в настоящее время в рамках ряда структур в международном праве проводится конкретное исследование и эффективная борьба с ними.

Следует отметить, что в последнее время особую роль в борьбе с отдельными видами киберпреступлений играет и Европейский Союз. Так, впервые в мире в рамках этой структуры в 2013 г. был создан отдельный специализированный орган по киберпреступлениям – Европейский центр киберпреступности, который в период своей деятельности эффективно работал по оказанию помощи государствам в расследовании различных видов киберпреступлений. По всей видимости, термин киберпреступность является настолько всеобъемлющим понятием, что велика вероятность расширения его положений относительно состава преступления с учетом

развития современных информационных технологий и стремительного технического прогресса. В целом, согласно «Конвенции о киберпреступности», деление киберпреступлений на пять групп можно рассматривать как оптимальную, но в то же время экспериментально значимую классификацию с точки зрения современных международно-правовых норм и национальных правовых систем зарубежных стран. Если любая преступная деятельность направлена именно на уничтожение компьютерных систем и сетей, а также информации, содержащейся в них, то она относится к категории киберпреступлений. Если, используя компьютерные системы или сеть, в том числе Интернет, в качестве средства, организованные преступные группы и отдельные лица предпринимали попытки реализации конкретных преступных целей, то указанные средства будут выступать лишь в качестве вспомогательных для совершения этих преступных действий. Здесь можно говорить не о каком-то киберпреступлении, которое будет классифицироваться как отдельный вид, а о самостоятельном преступном деянии, имеющем конкретный состав.

Из вышеизложенной классификации становится ясно, что в настоящее время диапазон киберпреступлений по-прежнему привлекает своей широтой, и борьба с этими противоправными действиями может оказать положительное влияние на предотвращение и профилактику всех других преступлений.

Список литературы:

1. *Алгулиев Р. М., Имамвердиев Й. Н., Абдуллева Ф. С.* Социальные сети. Баку: Информационные технологии, 2010.
2. *Ромашев Ю. С.* Международное правоохранительное право. Москва: ИНФРА-М, 2010.
3. *Международное право: учебник / отв. ред. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова.* Москва: Международные отношения, 2005.
4. *Международное право: учебник / под ред. А. А. Ковалёва, С. В. Черниченко.* Москва: Омега-Л, 2006.

Информационно-техническое обеспечение предупреждения пенитенциарных преступлений, совершаемых с помощью средств мобильной связи

А. А. НУЖДИН,

*докторант факультета
подготовки научно-педагогических кадров,
кандидат юридических наук, доцент
Академия ФСИН России*

Аннотация. В статье идет речь о значении информации в процессе предупреждения преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы, с использованием дистанционных технологий. Делается акцент на развитии правовой базы и информационно-техническом обеспечении работы с информацией для успешной предупредительной деятельности. В статье приведены различные статистические данные, указывающие на актуальность процесса выявления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система; преступление; средства мобильной связи; предупреждение; информация; информационно-техническое обеспечение.*

Совершенствование информационного обеспечения предупреждения пенитенциарных преступлений является необходимостью, которая диктуется требованиями времени. Низкий уровень информационного обеспечения с большой долей вероятности приводит к снижению предупредительного воздействия на пенитенциарную преступность. Данный фактор может привести к росту показателей преступности, что в последние годы и происходит в уголовно-исполнительной системе. Так, в 2015 г. было зарегистрировано 940 пенитенциарных преступлений, а в 2020 г. – уже 1 181, коэффициент преступности при расчете на 1 тыс. осужденных и лиц, заключенных под стражу, увеличился с 1,45 до 2,38 [2]. В открытых статистических источниках отсутствует информация о состоянии и структуре пенитенциарных преступлений, совершаемых с помощью средств мобильной связи. Уровень латентности данной категории преступлений (и без того очень высокий) от этого только растет. Статистическая отчетность МВД России показывает, что в 2020 г.

зарегистрировано чуть менее 220 тыс. преступлений, совершенных с помощью средств мобильной связи, что на 88,3 % больше, чем в 2019 г. [3]. Если в 2018 г. удельный вес «цифровой» преступности находился на уровне 9 % в общем объеме выявленных преступлений, то по итогам 2020 г. он составил уже четверть. При этом около половины таких преступлений (43 %) совершаются с помощью мобильных телефонов [1]. Какое реальное количество в этой статистике занимает число пенитенциарных преступлений, в открытых источниках не указывается. В 2020 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы изъято около 60 тыс. средств мобильной связи, что на 27,7 % больше, чем в 2019 г., причем 36,7 тыс. изъято непосредственно у осужденных и лиц, заключенных под стражу [1]. Основную массу, пенитенциарных преступлений, совершаемых с помощью средств связи, занимают мошенничества. Вызывает тревогу тот факт, что выявляются случаи преступного сговора между сотрудниками уголовно-исполнительной системы и заключенными с целью совершения мошенничеств. Так, установлена причастность к преступной деятельности двух сотрудников ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по г. Москве, вступивших в преступную связь с содержащимися под стражей лицами. В результате проведенных обысков в рабочих кабинетах этих сотрудников и камерах следственного изолятора было изъято большое количество мобильных телефонов и комплектующих к ним предметов. Заключенные с использованием незаконно переданных им телефонов сотовой связи совершали мошеннические действия в отношении граждан, находящихся вне пределов следственного изолятора, вымогали у них денежные средства [1]. С помощью мобильных телефонов совершаются и иные виды преступлений: координируется незаконный оборот наркотиков как внутри учреждений уголовно-исполнительной системы, так и вне их пределов; организуется доставка запрещенных предметов; ведется работа по склонению осужденных и лиц, заключенных под стражу, к массовым беспорядкам и различным видам дезорганизаций и т. д.

Определенную роль в увеличении числа регистрируемых преступлений играет такой стратегический фактор, как отсутствие прямого законодательного закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве требования предупреждения преступлений. Зачастую деятельность по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, не ведется. Практические работники органов предварительного расследования иногда высказывают мнение о неэффективности предупредительной деятельности, так как она отнимает время от процесса доказывания.

Эффективное функционирование системы предупреждения пенитенциарных преступлений определяется ее высокой информационной обеспеченностью. Данный фактор связан с тем, что информация является важнейшим элементом, используемым в предупредительной деятельности. Насколько качественно и оперативно организована работа с информацией, зависит успех организации предупреждения пенитенциарных преступлений как со стороны органов предварительного расследования, так и со стороны органов, исполняющих уголовные наказания.

Уголовно-исполнительная система находится в постоянном информационно-техническом развитии и цифровой трансформации. Так, в Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г. в подразделе 3 «Повышение эффективности управления уголовно-исполнительной системой, использование инновационных разработок и научного потенциала» раздела III «Основные направления развития уголовно-исполнительной системы» указывалось на интеграцию автоматизированных систем уголовно-исполнительной системы с автоматизированными системами судебных и правоохранительных органов; совершенствование инфраструктуры информационно-телекоммуникационного обеспечения; повышение надежности работы информационно-телекоммуникационной сети, хранения и защиты информации¹. Полная реализация указанных выше положений имела бы очень важное значение, так как оперативное и слаженное взаимодействие с правоохранительными органами является важным обстоятельством в выявлении и предупреждении пенитенциарных преступлений, совершаемых с помощью средств связи.

Утверждение Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года² положило начало еще более глобальной работе в сфере информационно-технической трансформации³. Так, одним из основных направлений совершенствования и развития уголовно-исполнительной системы является

¹ Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 № 1772-р // СЗ РФ. № 43. 2010. Ст. 5544.

² Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

³ К сожалению, в разделе 1 Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года «итоги и достижения деятельности уголовно-исполнительной системы в период с 2010 по 2020 год» не указано, что сделано и чего удалось достичь в сфере информационно-технического обеспечения деятельности.

«проведение цифровой трансформации и научно-техническое развитие». Планируется создание единой информационной системы; система сбора и обработки данных будет осуществляться на основе результатов применения искусственного интеллекта; будет создано единое информационное пространство Федеральной службы исполнения наказаний и т. д. Естественно, подобное развитие организационных основ работы с информацией предполагает специальное обучение и подготовку сотрудников отдельных правоохранительных органов. Полная, достоверная и своевременная информация теряет всякую актуальность и смысл, если сотрудники правоохранительных органов не умеют правильно с ней работать.

Эффективность предупреждения пенитенциарных преступлений с использованием средств мобильной связи напрямую зависит от полноты и качества информации. Данные о количестве средств связи (и их комплектующих) в учреждениях уголовно-исполнительной системы, каналах их поступления, «сотовая» активность отдельных осужденных (лиц, заключенных под стражу) или отдельных учреждений; совершение «дистанционных» преступлений в том или ином территориальном органе и т. д. должны аккумулироваться и обрабатываться практически в режиме реального времени. К счастью, в современном мире такая возможность существует.

Дальнейшее развитие нормативно-правовой базы, совершенствование технических средств информационного обеспечения, внедрение в деятельность уголовно-исполнительной системы современных достижений науки и техники является важнейшим направлением деятельности по предупреждению пенитенциарных преступлений, совершаемых с помощью средств мобильной связи.

Список литературы:

1. Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=61267146> (дата обращения: 12.05.2021).
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения: 12.05.2021).
3. Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы за 2015–2020 годы // Форма статистической отчетности ФСИН-1. Доступ из АИС «Статистика УИС».

Уголовно-правовая охрана оборота криптовалюты как осознанная необходимость в условиях цифровизации экономических отношений

П. О. ПАНФИЛОВ,

*преподаватель кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук*

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя;
старший преподаватель кафедры «Правоведение»*

*Московский государственный технический университет имени
Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)*

E-mail: pasha_panfilov@mail.ru

Аннотация: в работе исследуется место цифровой валюты в системе действующего правового регулирования. Автор приходит к выводу, что в современных условиях цифровизации экономических отношений создание гарантий уголовно-правовой охраны оборота криптовалюты необходимо как для финансовой безопасности государства, так и для защиты фундаментальных ценностей общества. Автором обоснован подход к пониманию криптовалюты в качестве предмета преступления, а также предложены способы доказывания стоимости криптовалюты при производстве по уголовному делу.

Ключевые слова: *криптовалюта; цифровая валюта; цифровизация; экономические отношения; безопасность; преступление; уголовно-правовая охрана.*

Причиной масштабных дискуссий о выборе наиболее оптимальных правовых механизмов, которые позволили бы урегулировать новые взаимосвязи между субъектами отношений, защитить новые формы существования прав и имущества граждан от противоправных посягательств, не разрушив те правовые концепции и модели, которые веками складывались как в отечественной, так и зарубежной системе права, являются качественные изменения структуры экономических отношений, вызванные цифровизацией производственных процессов, рынка товаров и услуг, системы взаиморасчетов, а также созданием цифровых платформ и собственности, существующих вне юрисдикции как национальных правовых систем, так и международного права.

Задача государства – реагировать на изменения в жизни общества, создавая правовую базу для развития новых средств ведения бизнеса, новых способов взаимодействия субъектов хозяйственной деятельности, тем самым защищая права, свободы и интересы граждан, обеспечивая экономическую и финансовую стабильность и безопасность.

Ключевыми технологиями, которые дали импульс масштабным изменениям экономических отношений, являются «Интернет вещей», технологии «Big Data», цифровые платформы, блокчейн, смарт-контракты, токены, криптовалюта и др. Возникновение и развитие обозначенных технологий вызывает необходимость определения их правовой природы, вовлечения в существующие правовые концепции и модели.

Первые шаги, направленные на урегулирование проблем, связанных с цифровизацией экономических отношений, были приняты Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ¹, который закрепил понятие цифровых прав (ст. 141.1 ГК), а также расширил трактовку объектов гражданских прав цифровыми правами (ст. 128 ГК), предусмотрел возможность совершения и исполнения сделок в цифровой среде (смарт-контракты) [9]. С 1 января 2020 г. вступил в силу Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ², который урегулировал отношения, возникающие в связи с функционированием инвестиционных платформ (являющихся по своей сути информационной системой), обращением утилитарных цифровых прав. Для урегулирования оборота цифровой валюты был принят Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ³ (далее – ФЗ «О ЦФА»), в котором законодателем впервые был определен правовой режим цифровых активов (цифровой валюты). Однако, несмотря на попытки урегулировать оборот криптовалюты⁴, вопрос о ее уголовно-правовой защите остается неопределенным.

Наиболее явно полярность подходов к вопросу об уголовно-правовой защите криптовалюты еще до вступления в силу ФЗ «О ЦФА» демонстрируют следующие судебные решения.

¹ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Рос. газ. 2019. № 60.

² О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ // Рос. газ. 2019. № 172.

³ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Рос. газ. 2020. № 173.

⁴ Здесь и далее понятия «цифровая валюта» и «криптовалюта» используются как равнозначные.

Так, в апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 23 ноября 2020 г. по уголовному делу о преступлениях, предусмотренных ст. 163, 325 УК, была сформулирована правовая позиция о том, что криптовалюта не может являться предметом хищения, поскольку не является объектом гражданских прав (не может быть отнесена к вещам и иному имуществу); не может быть отнесена к цифровой валюте, поскольку не соответствует признакам такой валюты, предусмотренным Федеральным законом от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ¹; не может быть признана иностранной валютой, ввиду того что не является денежной единицей иностранных государств².

Прямо противоположный подход был продемонстрирован в апелляционном определении Ленинградского областного суда от 4 марта 2020 г. по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ст. 162 УК. Суд отметил, что диспозитивность норм гражданского права и открытый перечень объектов гражданских прав в ст. 128 ГК допускает максимально широкое толкование с учетом современных экономических реалий, уровня развития информационных технологий, а также перспектив изменения действующего законодательства (законы о смарт-контрактах, цифровых платформах и активах только готовились к принятию). Суд указал, что действующее законодательство не запрещает операции с использованием криптовалюты, кроме того, из материалов дела следует, что участники разбойного нападения сразу же потребовали у потерпевшего перевода биткоинов на указанные ими счета³. Таким образом, суд признал возможность охраны правоотношений, связанных с оборотом криптовалюты.

Представители научного сообщества [7, с. 146] и правоприменители [2] всерьез рассчитывали на то, что точка в споре двух обозначенных выше подходов будет поставлена ФЗ «О ЦФА», однако, как представляется, принятие и вступление в силу указанного правового акта все только усложнило.

Так, цифровая валюта была признана имуществом только для целей «антиотмывочного» и «антикоррупционного» законодательства, исполнительного производства, для банкротства при

¹ О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 22 декабря 2020 г.) // Рос. газ. 2011. № 139.

² Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23 сентября 2020 г. № 22-5295/2020, 1-95/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 4 марта 2020 г. по делу № 22-106/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

формировании конкурсной массы [13], а также для целей налогообложения. При этом использование криптовалюты как средства платежа строго запрещено. Определенная двойственность подхода законодателя налицо. По сути, закреплён уже устоявшийся до принятия закона принцип: когда речь идет о свободном распоряжении и сделках с цифровыми активами, их статус определяется как «вне закона» [2]; в случае если цифровая валюта может пополнить государственный бюджет, а ее реализация способствует решению государственно значимых задач (например, безопасности), то криптовалюта получает необходимое законодательное регулирование. В этом принципе проявляется конкуренция публичного интереса (связанного с охраной финансовой системы страны) с частным (связанным с охраной благосостояния конкретного гражданина). Публичный интерес определяется тем, что главным эмитентом платежного средства (рубля) в России является Центральный Банк, а значит, криптовалюта, эмиссию которой Банк России не контролирует, не может быть средством платежа. Кроме того, криптовалюта не имеет обязанного лица, за ней не стоит никакое обеспечение в виде государства, его золотовалютных резервов, что несет риски для правообладателей потерять все вложенные денежные средства [12]. Запрещая использование криптовалюты как средства платежа, государство старается обезопасить имущество граждан (схожесть некоторых криптовалют с «финансовыми пирамидами» подтверждают специалисты [5]). В этой части публичный интерес совпадает с частным, который состоит в желании граждан извлечь прибыль, сохранить сбережения, повысить свой уровень благосостояния и экономической стабильности. Признаем, что ФЗ «О ЦФА» была предпринята попытка примирить частный интерес с публичным указанием на то, что обладание криптовалютой подлежит судебной защите, но если она задекларирована в порядке, предусмотренном налоговым законодательством. Однако возникает вопрос: подлежат ли уголовно-правовой охране общественные отношения, связанные с оборотом цифровой валюты, в случае нарушения правил, предусмотренных налоговым законодательством или ФЗ «О ЦФА»?

Если буквально толковать закон, то ответ на этот вопрос – нет, не подлежат. Установление режима уголовно-правовой охраны только для той цифровой валюты, которая соответствующим образом задекларирована, является важной составляющей обеспечения финансовой безопасности страны и стимулирования граждан к соблюдению требований закона. Кроме того, криптовалюта, согласно данным ФСБ России, активно используется «для отмывания капитала, полученного преступным путем» [11], а также, как

показывает анализ правоприменительной практики¹, в расчетах за объекты, ограниченные либо запрещенные в гражданском обороте на территории России. В связи с этим поощрять бесконтрольный оборот криптовалюты значит снижать уровень государственной безопасности, а также безопасности общества и конкретной личности.

С другой стороны, нельзя не согласиться с М.И. Немовой в том, что непредоставление уголовно-правовой охраны общественным отношениям по обороту цифровой валюты создает широкие возможности противоправного завладения ею, а посягательство на криптовалюту нарушает публичный правопорядок и причиняет вред общественным отношениям по обороту имущества [7, с. 146]. Здесь допустима аналогия с транспортным средством. Так, если лицо приобрело автомобиль и не поставило его на регистрационный учет в отведенный законом срок, по истечении которого автомобиль был похищен (или угнан), то факт хищения (угона) автомобиля образует состав преступления, а факт нарушения срока постановки на регистрационный учет образует состав административного правонарушения. Транспортное средство как предмет преступления рассматривается вне зависимости от постановки его на регистрационный учет [4, с. 435]. Аналогично должен решаться вопрос и относительно криптовалюты. Так, если на гражданина совершено разбойное нападение с целью завладения криптовалютой, которая не была должным образом задекларирована, то факт нападения должен быть квалифицирован по ст. 162 УК, а факт нарушения налогового законодательства должен повлечь ответственность для потерпевшего (вопросы нарушения налогового законодательства в обозначенной сфере в настоящее время не урегулированы, а сами правила декларирования криптовалюты находятся в стадии обсуждения²). Иной подход будет лишь стимулировать преступность в указанной сфере, наносить вред общественным отношениям, необходимость защиты которых под сомнение никогда и никем не ставилась (жизнь и здоровье человека, например).

Согласно данным, отраженным в результатах опроса, проведенного компанией «Лаборатория Касперского», ВЦИОМ и компаний «Statista» в 2019 г., от 2 до 9 % населения России (в зависимости от субъекта, проводившего опрос) являются держателями крипто-

¹ Приговор Железнодорожного районного суда города Пензы от 15 июля 2019 г. по делу № 1-170/2019; приговор Чкаловского районного суда города Екатеринбурга от 19 сентября 2019 г. № 1-362/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Паспорт законопроекта № 1065710-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7> (дата обращения: 12.05.2021).

валюты, а еще около 15 % россиян рассматривают криптовалюту для инвестирования, т. е. как средство для сбережения и умножения своего благосостояния, имущества и финансов [3]. В современных экономических и цифровых реалиях эксперты сходятся во мнении, что этот объем будет только расти. В связи с этим отсутствие средств правовой защиты (в том числе уголовно-правовой) криптовалюты означает, что имущество определенной части населения страны остается без должной правовой, в частности судебной, защиты, а это прямо противоречит гарантии, предусмотренной ч. 1 ст. 46 Конституции.

Однако признать необходимость защиты общественных отношений, связанных с оборотом криптовалюты, недостаточно. Для того чтобы вовлечь криптовалюту в сферу уголовно-правового регулирования, необходимо определить правовую природу цифровой валюты в целом, а также решить вопросы о ее стоимости.

Так, вопрос о правовой природе цифровой валюты до сих пор остается дискуссионным. ФЗ «О ЦФА», определивший цифровую валюту как совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, по справедливому замечанию Р. М. Янковского, правовую природу цифровой валюты не раскрывает [13], а признание цифровой валюты в качестве имущества для нужд отдельных отраслей законодательства выглядит как срочная и временная мера. Б. М. Гонгало, Л. А. Новоселовой было обращено внимание на сходство токенов с ценными бумагами (и те, и другие фиксируют наличие и содержание права и обеспечивают его передачу в привязке к носителю, на котором оно закреплено), а также с безналичными денежными средствами (обязательство не привязано к материальному носителю и передается путем внесения записей о передаче в специальную систему). Исследователи верно отмечают, что создание цифрового образа привычного объекта гражданского оборота не меняет его природы, в связи с чем отсутствует необходимость в конструировании особого правового режима для таких объектов [1, с. 188–191]. Однако принципиальная разница цифровой валюты и безналичных денежных средств (ценных бумаг) состоит в том, что последние построены на децентрализованных и централизованных сетях (где есть один либо несколько центров, которые ведут учет и отвечают за верность расчетов), а цифровая валюта основана на распределенной сети (нет единого центра, все субъекты равны). Существуют и другие принципиальные отличия: в отношении некоторых видов криптовалют распоряжение происходит анонимно, к ним не привязана информация об имущественных правах владельца; функциональная характери-

ка цифровой валюты разнообразна, она может использоваться как средство платежа, фиксировать определенные имущественные права и т. д. Все это принципиально важно для разграничения видов объектов гражданских прав, однако важно ли это для обеспечения уголовно-правовой охраны?

Представляется, что нет. В качестве предмета хищения выступает имущество; для определения того, что является имуществом, правоприменители ориентируются на положения ст. 128 ГК, где к имуществу относят вещи, иное имущество, в том числе имущественные права. Так, в гражданском праве безналичные денежные средства большинством специалистов признаются имущественными правами. Однако, как отмечает П. С. Яни, само словосочетание «хищение прав» не имеет никакого уголовно-правового содержания, поскольку, согласно уголовно-правовой доктрине, похитить права нельзя [10, с. 12]. Традиционно под предметом преступления понимали вещь, посредством воздействия на которую причиняется вред объекту преступления [7, с. 149]. Для прав была придумана другая формулировка: приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием [10, с. 12]. Однако постановлением Пленума Верховного Суда от 30 ноября 2017 г. № 48¹ данный вопрос был разрешен: если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества. Аналогичное решение в целях обеспечения защиты имущественных прав граждан допустимо принять и в отношении цифровой валюты. Однако здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой, обозначенной П. С. Яни: отсутствие нормативного закрепления правил определения стоимости цифровой валюты [10, с. 12].

В настоящее время суды (те из них, которыми была признана возможность уголовно-правовой защиты криптовалюты) используют различные способы определения ее стоимости. Так, в обозначенном в работе судебном решении Ленинградского областного суда для доказывания стоимости было достаточно графика курса биткоина к доллару, опубликованного на справочном портале «Калькулятор» в информационно-телекоммуникационной сети Интернет². В другом судебном решении стоимость цифровой валюты была определена исходя из графика курса биткоина, полученного с сайта биржи крип-

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Рос. газ. 2017. № 280.

² Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 4 марта 2020 г. по делу № 22-106/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

товалюты «Ехто»¹. Данный график был включен в перечень доказательств стороны обвинения. Имеются решения, где стоимость и вовсе никак не доказывается: так, Октябрьским районным судом г. Тамбова стоимость криптовалюты была оценена исходя из договоренности о сделке по ее продаже между преступником и потерпевшим².

Однако здесь обоснованно встают вопросы: насколько эти графики и договоренности отвечают таким требованиям, предъявляемым к доказательствам, как достоверность и допустимость; определяют ли они реальную стоимость валюты; почему судом в конкретном деле были выбраны указанные графики, а также является ли достаточной для доказывания ссылка только на один из множества имеющихся в сети Интернет графиков стоимости криптовалюты.

Для обеспечения соответствия доказательств, подтверждающих стоимость цифровой валюты, требованиям ст. 88 УПК, представляется возможной некоторая формализация доказывания. Российская теория доказывания представляет собой конструкцию, согласно которой «собираение доказательств остается максимально формализованным, т. е. подчиненным теории формальных доказательств; оценка доказательств – максимально свободной, т. е. подчиненной теории свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению» [6]. А. В. Победкин по этому поводу отмечает, что «удел законодателя – определить лишь правила формирования совокупности доказательств», при этом «наличие таких правил не означает, что оценка доказательств перестала быть свободной» [8, с. 176]. Таким образом, введение отдельных стандартов доказывания, связанных с собиранием доказательств, подтверждающих стоимость криптовалюты, допустимо и не приведет к нарушению принципа свободной оценки доказательств (ст. 17 УПК).

Способ определения стоимости уже предложен в проекте федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации»:³ исходя из рыночной цены на цифровую валюту на дату совершения каждой операции, в порядке, определенном органом исполнительной власти, уполномоченным по контролю и надзору в области налогов и сборов. После

¹ Приговор Кировского районного суда г. Казани от 25 апреля 2019 г. по делу № 1-37/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова от 15 февраля 2019 г. № 1-134/2019. URL: https://sud23--tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=18607158&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 12.05.2021).

³ Паспорт законопроекта № 1065710-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7> (дата обращения: 12.05.2021).

окончательной разработки данного порядка его действие можно распространить и на определение стоимости цифровой валюты по уголовным делам по аналогии с тем, как сейчас по делам о налоговых преступлениях на основании информации из налогового органа устанавливаются суммы предполагаемой недоимки по налогам и сборам (ч. 7–9 ст. 144 УПК) и размер ущерба бюджетной системе (п. 14 постановления Пленума № 48 от 26 ноября 2019 г.).

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Качественные изменения в экономической сфере, происходящие под воздействием цифровизации, создают новые финансово-экономические конструкции (инструменты) и общественные отношения, требующие уголовно-правовой охраны. Игнорирование этих изменений, отказ от правового регулирования и создания правовых гарантий по их защите (в том числе уголовно-правовых) создает угрозу финансово-экономической безопасности государства, причинения вреда общественным отношениям (связанным с жизнью, здоровьем, собственностью), необходимость защиты которых очевидна и является базовой для любого общества.

2. Существующие попытки урегулировать общественные отношения, связанные с оборотом цифровой валюты, создают конкуренцию публичного интереса, направленного на обеспечение финансовой стабильности государства, с частным интересом, направленным на извлечение прибыли. Эта конкуренция заложена в самой сути криптовалюты, которая создавалась как акт противодействия устройству современной финансовой системы. При этом обозначенные интересы не взаимоисключают друг друга, однако в праве пока отсутствует модель по их солидаризации и взаимообеспечению.

3. Несмотря на то что правовая природа цифровой валюты в действующем законодательстве в полной мере не определена, уголовно-правовая защита общественных отношений, складывающихся в связи с ее оборотом, может быть обеспечена по аналогии с безналичными денежными средствами. Если предметом хищения выступает криптовалюта, то содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества.

4. Используемые в судебной практике доказательства, устанавливающие стоимость криптовалюты, лишь условно можно признать соответствующими требованиям достоверности, допустимости и достаточности. Способ установления реальной стоимости криптовалюты должен быть нормативно закреплен по аналогии с тем, который существует в настоящее время для определения размера ущерба бюджетной системе, причиненного налоговым преступлением. Такая

формализация собирания доказательств вполне допустима и не будет противоречить принципу свободной оценки доказательств.

Список литературы:

1. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданских прав // Пермский юридический альманах. 2019. № 2.
2. Гришин А. Криптовалюта как предмет преступления: проблемы квалификации и защиты. URL: <https://pravo.ru/opinion/215852/> (дата обращения: 11.06.2021).
3. Инвестиции в криптовалюту: о чем говорят социологические данные. URL: <https://cryptocurrency.tech/investitsii-v-kriptovalyutu-o-chem-govoryat-sotsiologicheskie-dannye/> (дата обращения: 10.05.2021).
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н. Г. Кадникова. Москва, 2019.
5. Криптовалюта: новая экономика или новая пирамида? URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3474129> (дата обращения: 12.05.2021).
6. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. Москва, 2016.
7. Немова М. И. Криптовалюта как предмет имущественных преступлений // Закон. 2020. № 8.
8. Победкин А. В. Формальная оценка доказательств в современном уголовном процессе России: «капкан захлопнулся?» (размышления над книгой академика А. Я. Вышинского) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 2 (19).
9. Поправки в ГК с 1 октября: цифровые права, электронная форма сделок, смарт-контракты и другие изменения. URL: <http://www.consultant.ru/news/2/> (дата обращения: 03.11.2019).
10. Румак В. В отличие от мошенничества состав злоупотребления полномочиями можно назвать «резиновым» [интервью с П. С. Яни] // Закон. 2018. № 10.
11. ФСБ представила Госдуме замечания к проекту о цифровых финансовых активах. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6229429> (дата обращения: 11.05.2021).
12. Шувалова М. Криптовалюта в России: законодательное регулирование. URL: <https://www.garant.ru/news/1448450/> (дата обращения: 12.05.2021).
13. Янковский Р. М. Оборот цифровых активов в России: комментарий для журнала «Закон». URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/23/oborot_cifrovyyh_aktivov_v_rossii_kommentarij_dlya_zhurnala_zakon (дата обращения: 11.05.2021).

Влияние развития информационно-коммуникационных технологий на изменение структуры криминальных угроз

А. П. ФИЛЬЧЕНКО,

*профессор кафедры уголовной политики,
доктор юридических наук, профессор
Академия управления МВД России
E-mail: apfilchenko@yandex.ru*

В. Ю. ЖАНДРОВ,

*доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники,
кандидат юридических наук
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя,
E-mail: vaisvladimir74@gmail.com*

Аннотация. Авторы статьи предлагают оценку изменения структуры криминальных угроз в будущем на основе складывающихся трендов развития современных информационных и коммуникационных технологий. По степени опасности предлагается ожидать возникновение: 1) угрозы виктимизации от корыстных преступлений граждан, испытывающих трудности адаптации к новым условиям цифровой трансформации; 2) неправомерный доступ и последующее использование средств электронной аутентификации пользователей; 3) вторжение в охраняемую законом частную жизнь пользователей путем отслеживания и обработки цифровых следов в открытых интернет-источниках.

Ключевые слова: *киберпреступность; информационно-телекоммуникационные технологии; криминальные угрозы; цифровая трансформация; виктимизация.*

Масштабные внедрения в производственный процесс и обычную жизнь прогрессивных средств коммуникации привели к развитию глобального информационного пространства и предоставили возможность человеку кардинально изменить свое общение с внешним миром. Развитие инструментов получения и обработки инфор-

мации привели к формированию специфической системы территориально распределенных вычислительных средств, обеспеченных совокупностью правил и процедур обмена сообщениями между пользователями, предназначенных для передачи и получения сведений, обработанных коммутационным оборудованием и программным обеспечением. Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий повлекло за собой возникновение новых криминальных угроз, которые должны получить сегодня адекватную прогностическую оценку. Наблюдение за изменением криминальной ситуации в связи с цифровой трансформацией общества позволило определить структуру новых криминальных угроз, в которой наибольшее внимание исследователей должны привлечь три из них.

1. Угроза виктимизации от корыстных преступлений граждан, испытывающих трудности адаптации к новым условиям цифровой трансформации. Сегодня со всей очевидностью показала себя проблема своего рода «социального неравенства», разделившего население на тех, кто смог приспособиться к современным условиям информационной и коммуникационной реальности, и тех, кто категорически не приемлет их, оставаясь, по сути, дела аутсайдерами, лишенными технологических преимуществ, и потому уязвимым от корыстных преступных посягательств.

Такого рода разделение уже сейчас порождает конфликт поколений, в котором границу очерчивает линия, пролегающая между людьми, родившимися в эпоху, когда цифровые технологии воспринимались как само собой разумеющееся, и людьми, которые родились раньше и потому вынужденными перестраивать свой привычный жизненный уклад с учетом ускоряющегося обновления получаемых знаний. В подтверждение этому следует указать, что именно люди старшего поколения преимущественно становятся жертвами кибермошенничества, поскольку зачастую не готовые принять состоявшуюся интеграцию высоких технологий в повседневную жизнь. Как отмечают специалисты по борьбе с киберпреступностью Управления ООН по наркотикам и преступности, пожилые граждане чаще менее осведомлены об онлайн-рисках и потому становятся мишенью киберпреступников для загрузки и пересылки ссылок, зараженных вирусами, через спам-сообщения о COVID-19 и распространение дезинформации среди друзей и семьи [1, с. 32]. На наш взгляд, заложенный здесь социальный конфликт еще предстоит осознать с этической и правовой позиции.

2. Неправомерный доступ и последующее использование средств электронной аутентификации пользователей. Нейросетевая обработка биометрических данных с последующей видеоаналити-

кой и аутентификацией пользователей успешно зарекомендовала себя. Многие ее элементы вошли в нашу обычную жизнь и давно не вызывают ни у кого удивления. Среди них следует назвать электронную цифровую подпись, использование которой упростило документооборот государственных структур и коммерческих предприятий, сделав возможным ее применение обычными людьми, а также биометрические идентификаторы в системе банковских расчетов (на территории Российской Федерации функционирует Единая биометрическая система, разработчиком и оператором которой является ПАО «Ростелеком»).

Следует учитывать, что благодаря научно-техническому прогрессу набор уникальных параметров, по которым можно идентифицировать личность в глобальной сети, постоянно растет. При этом аутентификация пользователя в информационно-телекоммуникационной системе основана на том, что каждый из субъектов обладает уникальными параметрами, которые можно использовать для идентификации.

3. Вторжение в охраняемую законом частную жизнь пользователей путем отслеживания и обработки цифровых следов в открытых интернет-источниках. Формируемый на основании имеющейся в информационно-телекоммуникационных сетях информации так называемый цифровой профиль индивида отражает следы его поведения, индивидуальные особенности и иные социальные показатели. Источником получения такого рода информации служат социальные сети, форумы, блоги и т. п., зачастую прямо не связанные с анализируемыми событиями. Совокупность всех получаемых сведений позволяет киберспециалистам путем логических выводов построить цифровой профиль пользователя, используя в том числе информацию, получаемую в опосредованных формах.

Анализ так называемых «больших данных» и составление цифрового профиля пользователя позволяет получить о лице сведения гораздо более персонифицированного характера, соответствующие конкретным запросам, а также имеющие исключительное значение для заинтересованных субъектов, к которым можно отнести как государственные органы, так и коммерческие структуры.

В настоящее время на рассмотрении Государственной Думы Российской Федерации находится проект федерального закона, направленный на регулирование вопросов, связанных с дистанционной идентификацией и аутентификацией лиц¹. Предполагаемые измене-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации): законопроект № 747513-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513-7> (дата обращения: 07.06.2021).

ния в ряде законов Российской Федерации направлены на определение и законодательное закрепление таких категорий, как «идентификация», «аутентификация» и цифровой профиль, с детальным его регулированием. Одновременно с этим Правительству Российской Федерации предлагается предоставить полномочия по определению порядка получения и предоставления сведений с использованием цифрового профиля. Кроме этого, в законодательство вводится правовой институт электронного удостоверения личности гражданина и устанавливается возможность применения в гражданских отношениях заранее неограниченного количества идентификаторов, а также способов идентификации и аутентификации.

Что касается международного нормативного регулирования порядка получения, обработки и использования такого рода данных, в первую очередь содержащих персональные сведения, то они во многом носят противоречивый неунифицированный характер. В то же время Интернет транснационален, а возрастающая глобализация экономики диктует необходимость преодоления правовой разобщенности в области безопасности и неприкосновенности частной жизни. Приходится констатировать тот факт, что баланс между контролем со стороны государства и свободой личности неуклонно смещается в сторону первого. Этому способствуют факторы постоянных киберугроз и все возрастающие кражи персональных данных пользователей сети с последующим незаконным их использованием. Следует принять во внимание возможные злоупотребления в этой сфере. Кроме того, использование тех же самых методов злоумышленниками повышает риски вторжения в охраняемую законом частную жизнь пользователей путем отслеживания и обработки цифровых следов в открытых Интернет-источниках.

В завершение описания основных направлений использования информационно-телекоммуникационных технологий, которые эффективно используются в современном мире, а следовательно, наиболее уязвимы с позиции криминальных угроз, следует указать на еще несколько мегатрендов, которые в ближайшем будущем, благодаря своим физическим проявлениям, также могут стать объектами преступных посягательств.

Известный немецкий экономист, основатель и президент Всемирного экономического форума в Давосе К.М. Шваб выделил четыре прогрессивных направления подобного рода: беспилотные транспортные средства, 3D-печать, передовая робототехника и новые материалы [2, с. 32].

Следует отметить, что некоторые из перечисленных мегатрендов уже находят свое отражение в российском нормотворчестве,

регулирующем ряд экспериментальных проектов. Так, распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 724-р утверждена Концепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования. Наблюдаемый технологический прорыв в использовании нейронных сетей для автономного транспорта, воздушных и подводных дронов повлечет их самое широкое использование в коммерческих целях в ближайшее время. Криминологическая же задача заключается в предупреждении использования данной технологии в преступных целях.

Аддитивное производство или, иными словами, 3D-печать, пока еще стеснена рамками по размеру, скорости и стоимости изготавливаемого продукта. Тем не менее данная технология имеет самые большие перспективы, поскольку заложенные технологические преимущества позволяют легко адаптировать трехмерное производство к пожеланиям заказчика, минуя сложную цепочку инженерных согласований, присущих товарам широкого производства. Возможности этой технологии могут быть использованы и для производства предметов и веществ, выведенных из гражданского оборота.

Прогрессивная робототехника в настоящее время активным образом влияет на все отрасли промышленности и хозяйства. Современные роботы получают необходимую информацию в удаленном режиме, используют возможности крупных дата-центров, соединенных с другими роботами. Данные возможности позволяют адаптировать робототехнику к окружающей среде и улучшить реагирование на ее изменения, тем самым ориентируя на выполнение более широкого круга задач, в том числе связанных с личной средой человека. При этом возрастающие риски применения роботов отражаются на появлении неподконтрольных индивиду «больших данных», подверженных взломам и кибератакам.

Таким образом, построение системы предупреждения преступности должно учитывать прогноз изменения структуры криминальных угроз в будущем на основе оценки современных трендов развития информационных и коммуникационных технологий.

Список литературы:

1. Киберпреступность и COVID-19: риски и ответные меры. URL: https://мвд.рф/upload/site151/doc/UPN_OON._Doklad_Prestupnost_i_Covid.pdf (дата обращения: 07.06.2021).
2. *Швабс К.* Четвертая промышленная революция. Москва: Эксмо, 2020.